ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

Е. Д. Налоева

КАБАРДА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА:
генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории

Нальчик
ООО «Печатный двор»
2015

УДК – 94(470.64)05
ББК – 63.3(2Р.К–Б)51
Н 23

Печатается по решению Ученого совета
Кабардино-Балкарского института гуманитарных
исследований

Выявление, археография, составление, автор вступительной статьи
и комментариев ***А. С. Мирзоев,*** кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник группы по изучению проблем генеалогии
и охране культурного наследия народов КБР КБИГИ

Налоева Е. Д.
Н 23 Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории / Сост. к. и. н. А. С. Мирзоев. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. – 368 с.

Издание приурочено к 95-летию со дня рождения талантливого историка-исследователя, выдающегося педагога Е. Д. Налоевой (1920–2007). В него вошли опубликованные в разное время статьи, неопубликованные статьи и монография, посвященные актуальным вопросам адыговедения в области этногенеза и политической истории.

Книга адресована научным работникам, преподавателям, студентам, а также всем, кто интересуется историей и этнографией народов Кавказа.

*Издание осуществлено при финансовой поддержке члена
Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации,
заместителя председателя Комитета Совета Федерации
по международным делам*
Арсена Башировича Канокова
и генерального директора ООО «Агрохимия» гор. Нарткала
Хазрита Камбулатовича Тлехугова

ISBN 978-5-905770-52-4

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ БИОГРАФИИ

Евгения Джамурзовна Налоева, согласно официальным документам, родилась 24 декабря 1920 г. в селении Старый Урух Урванского района КБАССР в семье Налоева Джамурзы Кубатиевича и Налоевой (урожденной Мирзоевой) Хажгуаши Хатокшоковны. В те времена дата рождения при регистрации в документы вносилась неточно, а со слов матери Евгении Джамурзовны известно, что день ее рождения совпал с днем православной Пасхи [1]. Православная Пасха в 1920 г. пришлась на 11 апреля – видимо, этот день и является точной датой ее рождения.

Семья Налоевых была большая и зажиточная – отец Джамурза (1875 г. р.), мать Хажгуаша (1883 г. р.), дочери Лейла (1909 г. р.), Нафо (1911 г. р.), Фардоус (1918 г. р.), Евгения (1920 г. р.), сыновья Аслангери (1907 г. р.) и Адальгири (1922 г. р.). В семье Налоевых были еще дети, но они умерли в младенческом возрасте.

Помимо имени, которым нарекали при рождении, у черкесов было принято давать еще дополнительные имена, так называемые «цIэ лей». Обычно ими называли человека в кругу близких родственников, семьи, односельчан. Бывало, что у человека могло быть не одно, а два-три имени. Так было и в семье Налоевых: Джамурза был для домашних и родственников – Бузэ, Хажгуаша – Зизэ, Аслангери – Тита, Адальгири – Пыта, он же Адэ, Фардоус – Тина. Евгения при рождении получила имя Жанкудас, по документам Евгения, а в семье ее звали Блау.

Евгения была у родителей поздним ребенком и, может быть, поэтому пользовалась особой любовью отца. Когда она родилась, ее отец Джамурза занимал пост председателя ревкома и председателя Хату-Анзоровского [2] сельского Совета.

Евгения училась в начальной школе селения Старый Урух до 1929 г., до первого ареста своего отца. 30 ноября 1929 г. Налоев Джамурза Кубатиевич был арестован по статье 58-10 УК РСФСР, а уже 29 января 1930 г. Краевая тройка Северо-Кавказского края постановила: Налоева Джамурзу Кубатиевича осудить в «концлагерь на восемь лет. Семью выслать в Севкрай. Имущество конфисковать» [3].

Семью Налоевых подвергли т. н. раскулачиванию и в марте месяце выселили из дома буквально на снег. Некоторое время они (мать Хажгуаша, дочери Евгения, Нафо, Фардоус и сын Адальгири) находят приют у старшего брата Джамурзы – Налоева Магомета Кубатиевича [4]. Когда семье становится известно постановление властей о депортации их на Север, они принимают решение бежать в Таджикистан, где уже скрывался от репрессий старший сын Жамурзы [5] – Аслангери. Старшая дочь Джамурзы Лейла была в это время замужем за Мисостом Абазовым – членом ВКП(б) и крупным партийным работником. После ареста отца в возрасте 21 года она скоропостижно умирает, и за Мисоста выдают замуж ее сестру Нафо. Налоев Магомет и зять Мисост помогают семье уехать в Таджикистан. Позднее они тоже попадут под репрессии: в 1937 г. Мисост Абазов будет расстрелян, а Магомет Налоев сослан в лагерь на 10 лет, откуда он уже не вернется.

В Сталинабаде (Душанбе) им было нелегко, но это было лучше, чем отправка на Север. Ко всему еще вся семья заболела тифом. К болезни прибавился голод. Здесь умер от болезни и голода младший брат Евгении Адальгири.

Сразу же после ареста в защиту Джамурзы Налоева выступили старые большевики, его товарищи по революционной борьбе и гражданской войне. Жители 12 сел Терского и Урванского районов, помнившие его благородный поступок (в неурожайном 1921 г. он за счет личных средств спас их от голода), обратились в Президиум ЦИК СССР с просьбой пересмотреть его дело [6]. После освобождения, в результате этих ходатайств, в 1933 г. Джамурза возвращает семью на Кавказ, дочерей (Евгению и Фардоус) устраивает в гор. Орджоникидзе СОАССР, а сам с супругой возвращается в родное село.

В это время Е. Д. Налоева учится в Чечено-Ингушском педагогическом техникуме, а по окончании двух курсов переводится в педрабфак. В 1937 г. отца Евгении снова арестовывают и по приговору печально известной тройки [7] расстреливают. Дамоклов меч репрессий вновь нависает над семьей Налоевых. В 1937 г., не закончив педрабфак, Е. Д. Налоева уезжает в город Сталинабад и поступает в располагавшийся там пединститут имени Тараса Шевченко на исторический факультет. Отучившись здесь три года, она снова попадает в поле зрения карательных органов – в институте из-за доносов начинается ее травля. Пытаясь избежать репрессий, Евгения возвращается в гор. Орджоникидзе в 1940 г., сдает документы в Северо-Осетинский пединститут. После окончания института работает преподавателем истории в средней школе селения Црау Алагирского района СОАССР.

3 октября 1942 г. она подвергается аресту по доносу недоброжелателя, объявившего ее «немецкой шпионкой». Обвинение было абсурдным. Официально это была 58 статья (шпионаж в пользу другого государства). Германские войска подступали к гор. Орджоникидзе и органы НКВД арестовывали всех по малейшему подозрению. 27 февраля 1943 г., ввиду отсутствия каких-либо доказательств по предъявленному обвинению, ее освобождают из-под стражи с полной реабилитацией. После освобождения, с целью получения второго (юридического) образования, Евгения поступает в располагавшийся в то время в гор. Орджоникидзе Всесоюзный заочный юридический институт, в котором учится до 1947 г. С апреля 1945-го по март 1948 г. работает методистом культурно-просветительской работы при Совете Министров СОАССР в гор. Орджоникидзе. В 1948 г. по приглашению Кабардинского пединститута Е. Д. Налоева возвращается в КАССР в гор. Нальчик, где ее берут на должность ассистента кафедры истории.

9 мая 1950 г., не проработав и двух лет, она была оболгана приставленными к ней доносчиками и арестована органами Министерства госбезопасности (МГБ). Против нее снова возбуждается уголовное дело по политической статье (58-10, ч. I УК РФССР – антисоветская агитация). Особым совещанием (внесудебная ответственность) она была приговорена к 8 годам ИТЛ (исправительно-трудовой лагерь) [9].

29 августа 1958 г. после 8 лет заключения Е. Д. Налоева выходит на свободу. Для того чтобы поправить подорванное в лагере здоровье (у Евгении Джамурзовны был туберкулез), она выбирает местом жительства Абхазию, гор. Сухум, где снимает квартиру и устраивается на работу швеей-мотористкой. Сразу после освобождения Налоева, считая себя несправедливо осужденной, добивается своей реабилитации.

Многочисленные обращения в Москву, поездки в столицу и даже встреча с К. Е. Ворошиловым и вот в 1963 г. ее полностью реабилитируют по той статье, по которой она была незаконно осуждена. Все эти годы, несмотря на потерянное время, проведенное в тюрьме, лагере и скитаниях, Евгения Джамурзовна не оставляла надежды вернуться к своей профессии и устроиться на работу по специальности.

Вначале это ее стремление не находит понимания со стороны местных партийных чиновников и ей приходится снова, собрав свои небольшие сбережения, ехать в Москву, обращаться в ЦК КПСС, Министерство высшего и среднего специального образования. Это было время хрущевской оттепели, осуждения культа личности и сталинских репрессий и, наконец, ее требования были услышаны.

Е. Д. Налоевой предлагают на выбор: восстановление на работе в пединституте (тогда уже КБГУ) на кафедре истории СССР или же учеба в аспирантуре при университете. Е. Д. Налоева предпочитает продолжить получение высшего образования, несмотря на возраст (45 лет), и выбирает аспирантуру, которую ей дают возможность закончить с освобождением от работы.

Плодом нескольких лет исследовательской работы с изучением материалов архивных фондов двух крупнейших архивохранилищ гор. Москвы АВПР и ЦГВИА [10] становится диссертация «Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII века», после защиты которой, 26 июня 1973 г. ей присваивается ученая степень кандидата исторических наук.

В 1969 г. Е. Д. Налоеву восстанавливают на прежней должности ассистента кафедры истории СССР. В 1970 г. переводят на должность старшего преподавателя кафедры истории СССР дореволюционного периода, где она читает студентам лекции по истории России, преподает вспомогательные исторические дисциплины (палеография, нумизматика, генеалогия и др.), ведет практические занятия и семинары.

20 марта 1990 г. она проходит по конкурсу на должность доцента кафедры истории СССР дореволюционного периода, а 17 декабря 1992 г. ей присваивается ученое звание доцента.

С 1 февраля 1995 г. Е. Д. Налоева по приглашению только что созданного юридического факультета КБГУ переходит на кафедру теории и истории государства и права.

В 2000 г. 1 декабря Е. Д. Налоева в связи с состоянием здоровья по собственной просьбе увольняется с должности доцента кафедры теории и права с общим трудовым стажем 63 года [11].

2 марта 2007 г. в возрасте 87 лет Евгения Джамурзовна Налоева ушла из жизни.

НАУЧНАЯ, ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ РАБОТА И ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Е. Д. НАЛОЕВОЙ

Педагогическая деятельность

За долгие годы работы в Кабардино-Балкарском государственном университете на историческом факультете Евгения Джамурзовна Налоева обучила многие поколения студентов, из числа которых впоследствии вышли доктора и кандидаты наук, преподаватели КБГУ и научные сотрудники Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований.

Работая в университете, как отмечают ее коллеги по педагогической и научной деятельности, Евгения Джамурзовна «оказывала благотворное влияние и на своих коллег. Благодаря широкой эрудиции и опыту, она советами и консультациями оказывала помощь молодым коллегам в творческом становлении. Она охотно читала рукописные труды своих коллег на стадии их подготовки к печати, готовила отзывы на предмет допуска к защите и оппонированию и оппонировала диссертационные работы.

Но все это она делала избирательно. Помогала тем, кто самостоятельно и творчески работает. Такую помощь и влияние ощутили на себе ныне известные ученые и педагоги» [12, 56], в их числе и корифей черкесской исторической мысли – Валерий Кажаров.

В годы работы Е. Д. Налоевой в университете (60–90-е гг. XX в.) коллектив преподавателей исторического факультета отличал высокий уровень профессионализма и давал студентам солидный уровень подготовки. Среди множества талантливых преподавателей исторического факультета лекции Евгении Джамурзовны пользовались особой популярностью, вызывая повышенный интерес у студентов.

История России феодального периода была специализацией Е. Д. Налоевой и, надо отметить, она в совершенстве владела этим материалом. Евгения Джамурзовна была лично знакома и вела переписку с такими выдающимися деятелями отечественной исторической науки как супруги Дружинины: академик, доктор исторических наук Николай Михайлович и член-корреспондент РАН, доктор исторических наук Елена Иоасафовна, доктор исторических наук Кушева Елена Николаевна. Последняя, кстати, была рецензентом кандидатской диссертации Е. Д. Налоевой.

Хорошо известно, что не всегда талантливые ученые могут быть хорошими педагогами и преподавателями. Доходчиво преподнести студентам знания, заинтересовать их материалом, пробудить в них любовь к науке, научить их основам исследовательской работы – для этого необходим особый педагогический талант. Несомненно, что таким даром обладала Е. Д. Налоева и благодаря этому многие впоследствии профессиональные историки, в том числе и автор этих строк, считали и считают себя ее учениками.

Лекции Налоевой, помимо своей содержательности, отличались особой эмоциональностью, что было одной из причин хорошего усвоения учебного материала студентами. Когда Евгения Джамурзовна освещала различные периоды истории, то она не просто повествовала об этом, а создавала живые картины тех событий, которые, можно сказать, вставали перед глазами слушателей. Исторические персоналии в ее изложении приобретали реальные очертания. Драматизм, сложность и неоднозначность истории страны находили отражение в лекциях Е. Д. Налоевой благодаря присущей ей своеобразной форме изложения материала.

В последние годы в исторической науке получили распространение различные способы исследования материала, в том числе и метод исторической эмпатии, т. е. вживания, окунания, насколько это возможно для исследователя, в ту историческую эпоху, которую ученый хочет изучить и отразить в своем исследовании. Так вот, Евгения Джамурзовна Налоева в совершенстве владела этим методом и умела воссоздать, что называется «дух эпохи».

Долгое время в советской исторической науке господствовала теория о решающей роли в историческом процессе народных масс, а роль личности несколько нивелировалась, что приводило к некой обезличенной истории. В этом отношении подход Е. Д. Налоевой к изучению тех или иных аспектов исторического процесса и способ его интерпретации и преподнесения в педагогической работе также имели свои особенности.

Прежде всего, для нее история народа – это история конкретных личностей, через судьбы которых, порой трагические, прослеживается история страны. Еще один аспект, важный для нее, это вопрос нравственного выбора человека в той или иной исторической ситуации.

Преподавая историю, сама она не давала от себя каких-либо оценок моральной составляющей поступков тех или иных личностей, но нравственный вопрос подспудно всегда присутствовал в ее интерпретации исторического процесса. Лекции строились таким образом, чтобы слушатели могли сами задуматься и поставить перед собой вопросы, почему, например, наша история пошла таким путем, какие уроки следует извлечь из истории и т. д.

Другая сторона педагогической деятельности Е. Д. Налоевой – это обучение студентов навыкам практической исследовательской работы, умению анализировать, делать выводы, работать с первоисточниками и литературой.

И здесь, при обучении будущих историков, она старалась привить не только исследовательские навыки, но и профессиональную этику. Как вспоминает ее коллега по педагогической деятельности Ж. А. Калмыков, «она больше всего не могла терпеть недобросовестных в науке людей, особенно, плагиаторов, компиляторов и пустых интерпретаторов, которых так много стало в 90-х гг. прошлого и начале нынешнего столетий. Она всегда была бескомпромиссна, когда в угоду идеологии и по конъюнктурным соображениям нарушались основные принципы историзма, искажались факты и события. Е. Д. Налоева была педагогом с большой буквы. На лекциях она восхищала слушателей своей эрудицией и мастерством слова, последовательностью и четкостью изложения материала, глубокой аргументацией своих мыслей и несколько эмоциональным характером изложения конкретных фактов и событий. Именно поэтому ее очень уважали и любили студенты» [12, 56, 57].

Один из учеников Е. Д. Налоевой – доктор исторических наук, доцент КБГУ П. А. Кузьминов в воспоминаниях, посвященных ей, пишет: «Поступая в университет, я считал, что преподавателями должны быть мужчины, так как мягкий женский ум более склонен, скорее к творчеству, нежели к железной логике. Но лекции и семинары Евгении Джамурзовны постоянно доказывали обратное – ее ум, глубокий, вдумчивый, ищущий, стремящийся найти истину в исторических событиях, поражал.

Она удивительно воодушевляла студентов, подчеркивала достоинства, деликатно указывая на недостатки. У этого замечательного человека была истинно искренняя, сочувствующая и добрая душа» [13].

Научная деятельность Е. Д. Налоевой и ее работы

Трагически сложившиеся обстоятельства жизни Е. Д. Налоевой, когда она вынуждена была провести лучшие молодые годы в сталинских тюрьмах и лагерях или скрываться от репрессий, скитаясь по стране, не позволили в полной мере раскрыться ее таланту исследователя-историка. Мы уже отмечали, что только в 45 лет Е. Д. Налоева получила возможность поступить в аспирантуру и заняться научно-исследовательской работой. Университет и преподавательская деятельность занимали значительную часть ее времени. Тем не менее работы, которые она успела завершить и опубликовать в виде научных статей, являются высокопрофессиональными исследованиями, сохраняющими свою актуальность и интерес для современных историков и читателей.

За годы научной работы Е. Д. Налоевой было опубликовано девять статей, исключая газетные публикации. Все они помещены в первый раздел предлагаемой вашему вниманию книги, которая состоит из трех разделов.

В этих работах нашли отражение такие важные аспекты истории феодальной Кабарды XVIII как социальные отношения [14], особенности феодализма и феодального землевладения [15], государственно-политическое устройство Кабарды [16] и ее международное положение [17], участие кабардинцев в русско-турецких войнах [18, 19] и некоторые другие.

Как выяснила в ходе своих исследований Е. Д. Налоева, в первой половине XVIII века в феодальной Кабарде существовала иерархическая форма землевладения, следствием которой была многоступенчатая социальная структура кабардинского общества. Закрепощению крестьян предшествовал процесс феодализации земли, без чего невозможна была эксплуатация крестьян.

Вся земля в Кабарде была разделена между пятью княжескими фамилиями, владельцами соответствующих уделов, а княжеские фамилии считались верховными собственниками земли. Об этом свидетельствует то, что все без исключения сословия обязаны были платить ежегодный налог в пользу старшего князя каждого удела.

Иерархический характер феодального землевладения создавал иерархическую структуру господствующего класса. Во главе феодальной иерархии стояли князья, верховные собственники земли, за ними следовали первостепенные дворяне (тлекотлеши и дыженуго), владевшие землей на вотчинном праве, затем, княжеские дворяне (беслен-уорки) и, наконец, дворяне тлекотлешей и дыженуго – уорки-шаотлегуса.

Последние два сословия (беслен-уорки и уорки-шаотлегусы) владели землей на праве условного держания.

Отношения между привилегированными сословиями регулировало обычное право (уорк-хабзэ), а взаимоотношения князя с дворянами – институт уорк-тын, нормы которого определяли права и обязанности сторон [15, 21].

Изучение значительного пласта архивных источников позволили Е. Д. Налоевой заключить, что в Кабарде, в рамках фамильного владения землей, существовала частная семейная собственность на землю и крестьян. Об этом свидетельствуют многочисленные факты наследования земли по прямой линии от отца к детям, нашедшие отражение в источниках.

Исследуя сословную структуру зависимого крестьянства, Е. Д. Налоева скрупулезно осветила вопросы феодальной ренты, методы, формы и объем феодальной эксплуатации. Она сделала правильный вывод, что не владея землей, невозможно было осуществлять столь масштабную эксплуатацию [15, 23].

Отсутствие письменных актов о владении землей и других юридических документов, как справедливо отмечала Е. Д. Налоева, не может свидетельствовать об отсутствии права владения землей как такового. Скорее всего, это следствие отсутствия собственной письменной традиции в адыгском обществе в тот период. Ее отсутствие компенсировалось устным обычным правом и развитой практической генеалогией господствующих классов. Глубокий анализ архивных источников, сделанный Е. Д. Налоевой, свидетельствовал о том, что в Кабарде не было «земли без хозяина» и вся она имела своих владельцев, прекрасно знавших границы своих владений. Правда размеры и границы их, в виду отсутствия математических единиц измерения и письменной традиции их фиксации, определялись по географическим границам (горам, рекам, ущельям) и другим ориентирам.

При рассмотрении классового деления кабардинского феодального общества, помимо основной массы эксплуатируемого населения в лице различных сословий крестьянства, Е. Д. Налоевой была подробно исследована такая совершенно бесправная категория как домашние рабы – унауты. Евгения Джамурзовна выяснила, что и в этой среде существовала своеобразная градация в зависимости от выполняемых при дворе феодалов различных функциональных обязанностей, тесно связанных со сложным кабардинским аристократическим этикетом: личный повар князя, заведущий псарней, дворецкий и т. д.

Как отмечает Е. Д. Налоева, перечисленные унаутские обязанности не были сопряжены с тяжелым физическим трудом, но они носили ярко выраженный уничижительный характер, и ни один человек, кроме унаута, не соглашался их исполнять [14, 69, 70].

Крестьянство в Кабарде, как установила Е. Д. Налоева, полностью находилось в той или иной степени зависимости от феодальных владельцев. Особенности социального и материального положения каждого из сословий зависимого крестьянства подробно исследованы Е. Д. Налоевой.

По ее расчетам в исследуемый период – в первой половине XVIII в. – адыгское население Кабарды, без учета находившихся в зависимости от кабардинских князей представителей других народов, достигало 200 тысяч. Из зависимых сословий самым многочисленным в этот период было сословие чагаров или огов – 65–87 тысяч чело-

век. Значительную часть эксплуатируемого класса составляли лагунапыты, которых в русских источниках называют «природными холопами». В отличие от чагаров (огов), живших отдельно от феодалов и несших только оброчные повинности, лагунапыты были обязаны жить в пределах усадьбы владельцев, неся наряду с оброчными (натуральная рента) и барщинные (отработочная рента) повинности.

Особенностью феодального устройства Кабарды было то, что из среды зависимого крестьянства, а именно чагаров (огов) выделилась зажиточная верхушка, которая сама эксплуатировала холопов и имела возможность, согласно нормам обычного права, приобретать их.

Другая особенность, отмеченная Е. Д. Налоевой, и отличавшая кабардинцев от всех остальных феодальных социумов Северного Кавказа – это большой удельный вес дворянства – уорков – не менее 20 % от общего количества населения.

Между крестьянским и дворянским сословиями существовала промежуточная прослойка, выполнявшая административно-полицейские функции и подчинявшаяся непосредственно князьям – владельцам уделов. Это так называемые бейголи, бейголышхо, пшикеу. Как правило, они были выходцами из зажиточной верхушки чагаров, которые посредством существовавших в Кабарде патриархальных институтов искусственного родства стали сближаться со знатью. Другая часть, откупаясь на волю, поступала в группу крестьян-азатов (вольноотпущенников). В этот период (первая половина XVIII в.), как полагает Е. Д. Налоева, это явление носило единичный характер, и сословие азатов в Кабарде было немногочисленным. Но уже в это время наметилась тенденция к увеличению численности этого сословия. К моменту отмены крепостного права в Кабарде в 1867 г. сословие азатов было уже многочисленным. Е. Д. Налоева определила причины этого явления. Со второй половины XVIII в., особенно со времени построения на территории Кабарды крепости Моздок и закладки кордонной линии, процесс перехода крестьян из крепостного состояния в полукрепостное путем выкупа заметно увеличился. Одна из причин этого – боязнь владельцев совсем потерять своих крестьян в виду притягательной силы Кавказской линии, где им пограничное русское начальство сулило льготные условия. А вторая причина – возросшая потребность феодалов в деньгах в результате роста товарно-денежных отношений под влиянием России.

Е. Д. Налоева вносит ясность и в вопрос о «тльхокотлях». Некоторые исследователи, в частности Н. Х. Тхамоков [20, 125–135], Т. Боцвадзе [21, 90–97], считали, что так называлась группа якобы юридически свободных крестьян-общинников. Опираясь на архивные источники, Е. Д. Налоева доказала, что в указанный период юридически свободного, независимого от феодалов сословия крестьян в Кабарде не было.

«Тльхокотли» или «фокотли» действительно представляли собой юридически свободную по статусу и значительную по удельному весу группу населения в среде так называемых «демократических» субэтносов (шапсугов, абадзехов, натухайцев) Западной Черкесии. В Кабарде же название «тльхокотль», как и «уорк» использовалось как собирательное: тльхокотли это все категории населения, занятые физическим «неблагородным» трудом в отличие от уорков, пренебрегавших им [14, 75].

Ряд ранее опубликованных статей Е. Д. Налоевой, помещенных в первом разделе книги, посвящен вопросам внешнеполитического положения Кабарды и ее участия в русско-турецких войнах [17–19]. Считаем необходимым отметить новаторское

содержание этих работ по сравнению с предшествующими исследованиями. Так, например, Е. Д. Налоева максимально приблизилась к установлению точной даты раскола Большой Кабарды на две враждебные княжеские группировки, получившие по русской терминологии названия Баксанской и Кашкатауской партий. Это произошло в 1720 г. перед вторжением крымского хана Саадат-Гирея в Кабарду. Тогда князья Мисостовы и Атажукины во главе со старшим князем Большой Кабарды Исламбеком Мисостовым капитулировали и признали над собой протекторат Крыма. Князья же Жамболатовы во главе с Асланбеком Кайтукиным не подчинились и укрылись в урочище Кашкатау, отчего эта партия и получила название Кашкатауской.

Раскрывая сложные перипетии внутриполитической борьбы княжеских группировок и вопросы внешней политики Кабарды, Е. Д. Налоева показала их взаимную связь и условность внешнеполитических ориентаций. Внешнеполитические приоритеты кабардинских князей только условно можно было определять как сугубо пророссийские, протурецкие или прокрымские. Так, например, в учебнике для вузов «История КБАССР с древнейших времен до наших дней», изданном в Москве в 1967 г., Баксанская партия представлена как пророссийская, а Кашкатауская как прокрымская, хотя лидеры этих группировок исходя из своих интересов и политических позиций внутри Кабарды, не раз меняли свои внешнеполитические ориентиры.

Е. Д. Налоевой было впервые подробно проанализировано содержание грамоты Петра I кабардинскому народу от 4 марта 1711 г., излагавшей договорные начала кабардино-русского союза. Основной смысл этого документа – это военно-политический союз и протекторат России над Кабардой. Россия обязывалась в случае необходимости оборонять Кабарду, а Кабарда – принимать участие в военных действиях против недругов России на Кавказе. При этом кабардинцы не платили никаких податей, сохраняли внутреннее самоуправление, а князья получали от России ежегодное денежное жалование. Согласно этому договору кабардинцы приняли участие в Кубанском походе 1711 г. совместно с русскими войсками.

Рассматривая участие кабардинцев в Каспийском походе Петра I в 1722 г. и условия подписанного во время этой экспедиции кабардино-русского, так называемого Сулакского соглашения, Е. Д. Налоева уточнила ранее неизвестные факты. Так, она доказала, что кабардинцев в этом походе возглавлял не Эльмурза Черкасский с Асланбеком Келеметовым, как многие считали, опираясь на данные П. Г. Буткова [22, 21], а Асланбек Кайтукин, лидер тогда еще пророссийской Кашкатауской партии. Эльмурза Черкасский не мог быть представителем Кабарды в этом походе потому, что он еще в 1719 г., сопровождаемый собственными уорками, навсегда покинул Кабарду, принял подданство России и поступил на службу в русскую армию. В Каспийском походе он участвовал как командир одного из подразделений российских иррегулярных войск в чине майора [17, 29, 30].

Переговоры с Петром I проходили не в Астрахани, как считалось ранее [22, 11], а в Дагестане, и в них принимал участие советник Асланбека Кайтукина Жабаги Казаноко. Благодаря находкам, сделанным в АВПР и введенным в научный оборот Е. Д. Налоевой, Джабаги Казаноко, долгое время бывший сугубо фольклорным персонажем, чью национальную принадлежность оспаривали народы Северного Кавказа [23], превратился в реального исторического деятеля Кабарды XVIII в. (КБП. 22.07. 1971 г. № 151).

«Ближний уздень» верховного князя Кабарды Асланбека Кайтукина, его советник, дипломат, возглавлявший кабардинские посольства в Россию, Крым, Дагестан, – таким предстал народный мудрец Жабаги Казаноко в архивных документах [24, 93, 94]. Из документальных источников стало также известно, что у Жабаги был сын по имени Шаабан и родной брат Ахмедхан [24, 95].

В 1988 г. в г. Москве вышло двухтомное академическое издание «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века». Е. Д. Налоевой была доверена подготовка раздела, посвященного положению Северного Кавказа в международных отношениях России, Турции и Ирана в XVIII в. В частности, ею были подробно рассмотрены причины, ход и последствия Русско-турецкой войны 1736–1739 гг., а также участие в ней Кабарды. Одной из причин этой войны, считала Е. Д. Налоева, была борьба двух держав за геополитическое влияние на Кабарду, результатом же войны и последовавших дипломатических переговоров стала так называемая «нейтрализация» Кабарды.

В результате заключенного в 1739 г. Белградского мирного трактата, согласно 6 артикулу, международное положение Кабарды было закреплено в признании ее в виде барьерной (нейтральной) страны между Турцией и Россией. Согласно выводам, к которым пришла Е. Д. Налоева, фактическую независимость Кабарде удавалось сохранять путем лавирования между странами-соперницами – Россией и Турцией, на равновесии сил которых, собственно, и держалась ее независимость.

За вклад в написание и подготовку к изданию «Истории народов Северного Кавказа» Е. Д. Налоевой как одному из авторов от лица Председателя Совета Северо-Кавказского научного центра Высшей школы, член-корр. АН СССР Ю. А. Жданова была объявлена благодарность [25]. Это еще одно свидетельство высокого научного уровня публикаций Е. Д. Налоевой.

Среди других научных статей Е. Д. Налоевой, в свое время высоко оцененных историками, хотелось бы упомянуть работу «К вопросу о термине «кунак» [26].

Хорошо известный и вошедший в научный оборот кавказоведения термин «кунак» долгое время считался обозначением отношений гостеприимства, а также побратимства и дружбы. Термин «кунак» тюркского происхождения, обозначающий как гостя, так и друга.

В процессе работы над архивными источниками Е. Д. Налоева обратила внимание на разницу в написании этого термина в научной кавказоведческой литературе и архивных источниках, начиная с XVI по XVIII в. включительно. Если в литературе употреблялся термин «кунак», то в архивных источниках всегда «канак», «конак», а еще чаще в виде «отдаться в конаки», «уйти в канаки». В результате Е. Д. Налоева пришла к выводу, что термин «канак» адыгского происхождения и отражает проявление не столько гостеприимства, сколько одну из форм обычая покровительства. Согласно этому обычаю, когда человек отдавался под покровительство и защиту более высокого по статусу и влиянию человека, рода, фамилии, про него говорили «отдался в конаки», «ушел в конаки» («къанакIуэ»). Институт покровительства в первой половине XVIII в. был одним из распространенных и действенных обычаев, которым пользовались все слои общества [26, 150, 151].

Под защиту покровителей могли уходить как в одиночку, так и целыми семьями

и обществом, а в некоторых случаях этим термином могли обозначаться межгосударственные отношения в виде протектората – покровительства.

Именно в таком понимании этот термин употребляет кабардинский князь Эльбоздуко Канаматов, когда в 1763 г. на ультимативное письмо кизлярского коменданта отвечает: «…мы не холопи ваши, а канаки е.и.в. всероссийской государыни» [27].

По мнению Е. Д. Налоевой, в документах XVI–XVIII вв. использовался именно адыгский термин «къанакIуэ», подразумевающий институт покровительства, а позднее в кавказоведческой литературе он стал неправомерно отождествляться с тюркским термином «кунак», отражавшим отношения дружбы и гостеприимства.

К 60-м гг. XX в., благодаря трудам Г. К. Гарданова, Т. Х. Кумыкова, Н. Х. Тхамокова, Г. А. Кокиева, Е. Н. Кушевой, З. В. Анчабадзе, Л. И. Лаврова, Г. Х. Мамбетова, социально-экономический строй Кабарды был уже достаточно изученной темой, а феодальный характер общественно-политического устройства не подвергался сомнению. Тем не менее периодически поднимались дискуссии по отдельным аспектам этой проблемы [12, 45].

В предыдущий период ряд историков (В. П. Пожидаев, С. М. Месяц, И. Ф. Мужев, С. К. Бушуев), отрицая земельную собственность у кабардинских князей, в тоже время признавали наличие в Кабарде феодализма и феодальной раздробленности.

Несостоятельность данной теории была опровергнута исследованиями большой группы кавказоведов, в числе которых был и известный этнограф Л. И. Лавров. Дискуссия по данному вопросу считалась исчерпанной, не было только достигнуто единого мнения об уровне развития феодальных отношений.

Однако, в вышедшей в 1978 г. книге [28] Л. И. Лавров вновь поставил под сомнение итоги дискуссии, возвращаясь к теории «безземельного» феодализма.

Е. Д. Налоева подвергла аргументированной критике теорию Л. И. Лаврова и убедительно доказала наличие феодального землевладения в Кабарде уже в XV–XVI вв. [15, 31].

Несмотря на все своеобразие кабардинского феодализма, он содержит в себе все формационные признаки данного общественно-политического строя. Всестороннее исследование разных аспектов этой проблемы позволило Е. Д. Налоевой сделать вывод, что в Кабарде феодализм типологически был близок к европейскому типу, несмотря на его выраженный местный колорит [15, 27].

В последующем проблеме кризиса адыгского феодализма и попытке его преодоления, предпринятой феодальной элитой Кабарды в первой четверти XIX в., посвятил свою монографию В. Х. Кажаров [29]. При разработке этой темы во многом он опирался на результаты научных исследований, нашедшие отражение в трудах Е. Д. Налоевой.

Таков вкратце обзор изданных при жизни научных работ Е. Д. Налоевой.

В 2013 г. племянник Евгении Джамурзовны (сын ее старшего брата Аслангери) Аскер (Георгий) Налоев безвозмездно передал в Научный архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований хранившиеся у него личные бумаги Е. Д. Налоевой. В них среди прочего были ранее неопубликованные научные статьи (многие в виде незавершенных черновых набросков) и одна монография. По поручению руководства института 4 февраля 2013 г. в целях сохранения научного

наследия Е. Д. Налоевой и создания в Научном архиве КБИГИ фонда Е. Д. Налоевой была создана комиссия.

Изучение и подготовка к публикации научного наследия Е. Д. Налоевой по желанию Налоева Георгия (Аскера) Аслангериевича было поручено автору этих строк.

В ходе предварительного изучения и систематизации переданного институту в дар материалов, заведующей Научным архивом КБИГИ Шапаровой А. К. было сформировано 72 единицы хранения, объединенные в личный фонд Е. Д. Налоевой.

По согласованию с руководством института Ученым советом было принято решение издать научное наследие Е. Д. Налоевой в виде книги и одного приложения к ней сборника генеалогических карт.

В раздел I книги вошли опубликованные статьи Е. Д. Налоевой, обзор которых был представлен выше. Следующие два раздела содержат неизданные работы.

В раздел II вошли тринадцать неопубликованных статей, различающихся как по объему, так и по степени завершенности. Здесь надо отметить, что содержание и стилистика авторского текста были нами в основном сохранены и лишь в необходимых случаях внесены небольшие поправки. Некоторые из них носят незаконченный характер, представляя собой черновые наброски. Тем не менее они вызывают интерес и являются значимыми для нас в силу высказанных в них мыслей и догадок автора по различным аспектам истории черкесов в целом и истории Кабарды, в частности.

Так, например, в статье «Размышления о проблемах нашей истории» Е. Д. Налоева затрагивает такие еще недостаточно изученные и разработанные вопросы как образование кабардинского феодального государства, этногенез балкарского и карачаевского народов, природа раннефеодального аланского царства, заселение территории Центрального Кавказа предками адыгов. Е. Д. Налоева подвергает сомнению теорию, господствовавшую в советском кавказоведении, что предки кабардинцев переселились из Северо-Западного Кавказа на опустевшие после нашествия монголов земли аланов и половцев в течение XIII–XIV вв. Концепция Е. Д. Налоевой сводится к нескольким положениям. Прежде всего, критике подвергнута гипертрофированная оценка этнической основы Алании IX – начала XIII в., представляемой как раннефеодальное государство ираноязычной народности аланов. Е. Д. Налоева считала неправомерным отождествлять ираноязычных кочевников аланов, жестоко разгромленных гуннами в IV в. и в основной своей массе увлеченных с собой в их поход на Запад, и Аланию IX в. – раннефеодальное государство на территории современных республик Северного Кавказа, кроме Дагестана. По ее мнению, «Алания» – это не этноним и не национальное государство аланов, а протогосударственного типа политическое объединение аборигенных (адыгоязычных и вайнахоязычных) и пришлых (ираноязычных и тюркоязычных) общностей под названием «Алания», созданное с целью защиты общих интересов от внешних врагов. Если относиться к Алании как к такому политическому объединению, то становится понятным, почему после первого удара монголов в 1227 г. силами разведывательного корпуса в составе двух туменов [30] Алания исчезла с политической карты Северного Кавказа. Видимо, считает Е. Д. Налоева, монголы уничтожили не аланов, а Аланию, и все этносы, входившие в это политическое объединение, никуда не делись и не были истреблены монголами. Ни один из этносов Кавказа, в том числе осетины, которых

считают прямыми потомками аланов, почему-то не унаследовал в качестве этнонима термин «алан».

Теория переселения предков кабардинцев на Центральный Кавказ также подвергнута автором критике. Прежде всего, по ее мнению, не следует отождествлять заселение Центрального Кавказа предками кабардинцев с именем харизматичного лидера общечеркесского масштаба князя Инала. То, что Инал – не легендарная, а историческая личность не вызывает у автора никаких сомнений. С помощью методов научной генеалогии [31] Е. Д. Налоева определяет время жизни и деятельности Инала первой четвертью XIV в. Обособление же кабардинцев от общеадыгского массива произошло ранее, в XI–XII вв., и нет оснований связывать колонизацию кабардинцами Центрально-Кавказской равнины с приходом Инала. Последний не мог привести кабардинцев на Центрально-Кавказскую равнину, так как к моменту его появления они уже жили здесь и были аборигенами, а эта территория называлась Кабардой. В противном случае, согласно существовавшей у адыгов традиции, эта территория именовалась бы «Иналей», что, однако, не произошло, несмотря на огромный авторитет этого князя. То есть отделение от общего адыгского массива и формирование кабардинского субэтноса совершилось задолго до Инала, хотя из-за отсутствия прямых данных трудно указать, когда именно оно произошло.

Кабардинцы как локально-этнографическая группа, по мнению Е. Д. Налоевой, являются потомками Касожского племенного союза, который существовал, согласно письменным источникам, с VII в. в центре Северного Кавказа. Они жили на Центральном Кавказе задолго до монгольского нашествия и после монгольского вторжения оставались на своей территории, находясь в политической орбите Улуса Джучи (Золотой Орды). Кабарда как военно-политическое и этническое образование восточных черкесов – преемница Касожского союза. В отличие от Зихского племенного союза на Северо-Западном Кавказе, отстоявшего независимость и находившегося во враждебных отношениях с монголами, восточные черкесы, входили в состав Золотой Орды.

Другая важная проблема, затронутая Е. Д. Налоевой, – вопросы этногенеза черкесов. Ее статья из цикла неопубликованных работ, так и называется «К вопросу об этногенезе адыгских народностей».

Усилиями кавказоведов разных специальностей, занимавшихся проблемами этногенеза адыгов, была выработана общепринятая концепция, нашедшая отражение в обобщающем труде по истории Кабардино-Балкарии [32]. Согласно этой концепции: «Племена, населявшие районы Центрального и Северо-Западного Кавказа, представляли некогда единую часть общекавказской языковой семьи или кавказского субстрата. Только последующие исторические события – включение в некогда единую кавказскую этническую среду инородных для Кавказа иранских (скифских, а позднее сарматских и аланских), а еще позднее – тюркоязычных – нарушили это единство и способствовали образованию в центральной части Кавказа осетинского (ираноязычного) и балкаро-карачаевского (тюркоязычного) массивов.

Население же Северо-Западного Кавказа в своей основе осталось прежним, сугубо кавказским по языку. Здесь исторический процесс завершился сложением другого мощного этнического массива Северного Кавказа – адыго-черкесо-кабардинского, древние предшественники которого – меоты, синды, керкеты, псессы, зихи и другие

хорошо известны по свидетельствам античных авторов. Эти племена и народности явились далекими предками нынешних адыгейцев, черкесов и кабардинцев» [32, 45].

Л. И. Лавров, бывший одним из авторов этой концепции, пересмотрел свои взгляды и в своей вышедшей в 1978 г. в Ленинграде книге выдвинул совершенно новую концепцию по данному вопросу [28].

В статье Е. Д. Налоева затрагивает лишь три аспекта данной концепции Л. И. Лаврова – это ираноязычность, по его мнению, племен Юго-Западного Кавказа, вопрос об абазинах и происхождении кабардинских князей.

По мнению Л. И. Лаврова, из всех известных в истории племен Юго-Западного Кавказа бесспорными предками адыгов можно считать только зихов и маленькое племя ахейцев, а все остальные племена – ираноязычные [28, 38–41].

Уязвимость выдвинутой Л. И. Лавровым гипотезы об ираноязычности большей части меотских племен, по мнению Е. Д. Налоевой, заключается в его стремлении путем сугубо лингвистического анализа названий меотских племен, доказать достоверность своей концепции. Но сам лингвистический анализ Л. И. Лаврова – сомнительный и весьма условный аргумент, так как неизвестно все эти названия – самоназвания племен или же этнонимы, кроме того, нет никакой уверенности, что эти названия точно транскрибированы. Обычно из-за фонетической сложности адыгские термины не передаются ни на одном языке и чаще всего искажаются до неузнаваемости. Названия племен, не учитывая всех этих моментов, не могут считаться надежным источником для определения их этнической принадлежности.

«Иранизация» Л. И. Лавровым абсолютного большинства этнических групп Северо-Западного Кавказа античной эпохи, считает Е. Д. Налоева, неоправданно сужает круг возможных предков самого мощного этнического массива региона – адыгов. Как известно, к XIV в. адыгами были заселены не только Северо-Западный Кавказ, но и центральная часть Северного Кавказа. Такой демографический взрыв и территориальное расширение нереальны, отмечает она, за счет естественного прироста двух племен. Ведь Л. И. Лавров отрицает участие в этногенезе адыгов синдо-меотов как ираноязычных народов, за исключением зихов и ахеев, которых он считает бесспорными протоадыгами [28, 38, 39].

Видимо, осознавая уязвимость данной позиции, Л. И. Лавров выдвигает в дополнение к ней новую версию об якобы абазинском происхождении шапсугов, абадзехов и бжедугов, составлявших в XIX в. три четверти всех адыгов. Сущность этой теории сводится к следующему: прежде всего Л. И. Лавров отождествляет древних абазгов и современных абазин, считая, что они до VIII в. говорили на убыхском языке [28, 44]. Абазги-абазины, по его мнению, были многочисленным племенем и владели обширной территорией от р. Бзыбь до р. Кубань на Северном Кавказе. Со временем они покорили соседние племена апсилов (предки современных абхазов) и в VIII в. создали Абхазское царство с абазинской династией во главе [28, 44]. Но так как покоренные апсилы (предки абхазцев) имели более развитую культуру, чем их соседи горцы-абазги, говорившие на древнем протокубанском (убыхском) языке, то среди последних распространились абхазские диалекты. Затем, южная ориентация политики Леона II (абхазский царь конца VIII – начала IX в.) и его преемников привела к превращению абхазского царства в Грузинское, а абазги (предки абазин) стали политически независимы от абхазских царей и попали под возросшее влияние

адыгов, что со временем привело к их переходу на различные диалекты адыгского языка [28, 45]. Так, «шапсуги, абадзехи, бжедуги были прежде абазинами и говорили на абазинском языке» [28, 41].

Е. Д. Налоева совершенно обоснованно ставит под сомнение данную концепцию по нескольким причинам.

Во-первых, Л. И. Лавров не дает объяснения тому, как малый народ поглотил и ассимилировал более многочисленный.

Во-вторых, Л. И. Лавров в своем очерке не дает прямых указаний о времени перехода абазгов-абазин под адыгское влияние, но если данные процессы начались при упоминаемом Л. И. Лавровым абхазском царе Леоне II и его преемниках, то это X–XI вв.

В таком случае вызывает сомнение, могли ли абазины за такой короткий срок (с VIII по IX в.), сменить два языка (убыхский на абазинский), а затем, с X в., перейти на третий – адыгский.

История северокавказских абазин показательна и еще более подтверждает уязвимость данной теории. «Почему, – задается вопросом Е. Д. Налоева, – они, будучи достаточно немногочисленными, живя, по крайней мере, с XIV века среди адыгов, находясь в теснейших экономических, политических, территориальных и брачных связях с кабардинцами, сохранили, тем не менее до наших дней свои этнические особенности, в том числе родной язык». «В то же время, – продолжает Е. Д. Налоева, – если шапсуги, абадзехи, бжедуги и абазины Северо-Западного Кавказа – потомки бывшей великой Абазгии то, как объяснить, что они с такой легкостью ассимилировались, положив начало трем самым многочисленным адыгским субэтносам, а маленькая «алтыкесек абаза»[33] за сотни лет проживания в адыгской среде на Северном Кавказе обнаружила несказанный иммунитет?».

В вопросе о происхождении северокавказских абазин Е. Д. Налоева солидарна с исследованиями З. В. Анчабадзе, который считал их абхазами, переселившимися на северную часть Кавказа в XIV–XVI вв. [34]. Опираясь на генеалогические предания кабардинских князей и исторические источники, Е. Д. Налоева также приходит к аналогичному выводу о том, что переселение из Абхазии предков северокавказских абазин можно отнести к XIV в.

И, наконец, теория Л. И. Лаврова об якобы «абазинском» происхождении кабардинских князей и их предка Инала также скептически воспринята Е. Д. Налоевой. Для обоснования данной концепции Л. И. Лавров берет за основу фольклорный материал, но при этом некритически его использует, а зачастую и явно искажает ясный смысл приводимых в качестве обоснования кабардинских преданий. Все эти натяжки Л. И. Лавров вынужден был использовать в целях обоснования своей гипотезы об абазинах, которые совершенно не согласуются с источниками. Данные фольклора Л. И. Лавров использует выборочно, придавая им нужную интерпретацию, а все, что не вписывается в его гипотезу, им опускается.

Среди ранее неопубликованных работ Е. Д. Налоевой хотелось бы обратить особое внимание на статью под названием «Загадочный обычай барамта». Можно сказать, что это первое научное исследование малоизученного адыгского общественного института, произведенное Е. Д. Налоевой. Барамта – это особая система распутывания крупных уголовных дел, связанных с убийствами, похищениями и грабежами,

2 Заказ № 815

и получения истцом материальной компенсации при отсутствии ответчика или невозможности установить его личность. Е. Д. Налоева подошла к изучению этого общественного института с научных позиций, проследила его генезис и трансформацию в разные исторические эпохи.

При написании целого ряда работ, вошедших во второй раздел книги, таких как «Айдемиркан», «Идаров род», «Генеалогия кабардинских князей как исторический источник», «Легендарная или историческая личность Инал?», «О генерале Эльмурзе Черкасском», – Е. Д. Налоевой широко используются данные, собранные ею по генеалогии кабардинских княжеских фамилий, составленные в генеалогические карты. Они, как мы уже отмечали, прилагаются к книге в виде отдельного альбома генеалогических карт под названием «Генеалогия кабардинских князей как исторический источник». В него входит 14 генеалогических карт:

1. РД (родословное древо) № I – «Иналов род»
2. РД № II – «Идаров род»
3. РД № III – «Битуев род»
4. РД № IV – «Род Беслана 1»
5. РД № IV – «Род Беслана 2»
6. РД № IV «А» – «Князья Шогенуковы»
7. РД № IV «Б» – «Князья Атажукины»
8. РД № IV «В» – «Князья Джембулатовы»
9. РД № IV «Г» – «Князья Мисостовы»
10. РД № V – «Талостанов род»
11. РД № VI – «Келахстанов род»
12. РД № VII – «Род Тохтамыша»
13. РД № VIII – Большая общая схема генеалогии кабардинских князей от Инала (все ветви) до XVIII в. включительно.
14. Родословная карта кабардинских князей, 1744 г., составленная Г. А. Кокиевым по данным документа, обнаруженного в АВПР.

Данный сборник генеалогических карт кабардинских княжеских фамилий является плодом многолетней работы Е. Д. Налоевой с архивными документами.

При жизни автора они не были опубликованы, хотя, судя по титульному листу статьи, публикуемой в разделе II данной книги «Генеалогия кабардинских княжеских фамилий как исторический источник», планировалось их издание еще в 1978 г. Сама статья, видимо, была подготовлена как комментарий к сборнику генеалогических карт.

Сама идея создания этих генеалогий возникла у автора в процессе сбора материала для написания кандидатской диссертационной работы, и они используются ею как вспомогательный исторический источник при освещении политической истории Кабарды XVIII в. В своих статьях и в монографии «Кабарда в XVIII веке» Е. Д. Налоева постоянно ссылается на данные этих генеалогий.

Работая в центральных архивах гор. Москвы, Е. Д. Налоева непрерывно дополняла и дорабатывала генеалогию, доведя ее до XVIII в. При этом она считала, что генеалогия еще требует дальнейших уточнений и доведения хронологических рамок до XIX в., но в силу разных обстоятельств ей не удалось это сделать.

Тем не менее руководство Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований посчитало необходимым опубликовать этот важный труд вместе

с другими неизданными работами, имея в виду, что исследователи, занимающиеся проблемами генеалогии, могут и дальше дополнять и уточнять собранный Е. Д. Налоевой материал.

Генеалогические карты как вспомогательный исторический источник используются в исследованиях Е. Д. Налоевой для прояснения и понимания многих проблем политической истории Кабарды: система передачи власти верховного князя (пшышхо) Кабарды по старшинству лет и по боковой линии, право наследования семейной собственности, семейно-брачные отношения в среде социальных элит, особенности внутриполитической борьбы княжеских фамилий, сюзеренно-вассальные и союзнические отношения кабардинских князей с соседними народами и государствами. Кроме того, генеалогические карты могут быть использованы в качестве наглядного исторического пособия преподавателями истории КБР высших учебных заведений и средних общеобразовательных школ.

Применение методов научной генеалогии в сочетании с использованием широкого круга архивных источников, литературных и фольклорных материалов позволили Е. Д. Налоевой осветить страницы истории феодальной Кабарды в новом ракурсе и это – новаторский подход, можно сказать, впервые использованный в адыговедении.

В раздел III вошла монография «Кабарда в XVIII веке». Сравнительный анализ текстов автореферата, неполного чернового варианта кандидатской диссертации и текста монографии «Кабарда в XVIII веке» позволяют сделать вывод, что последняя включает в себя содержание первых и является дальнейшей доработкой темы кандидатской диссертации.

Судя по содержанию титульного листа, автор предполагал издать монографию в 1974 г. – среди бумаг Е. Д. Налоевой находится один машинописный экземпляр планировавшейся к публикации в издательстве «Эльбрус» книги [35], а также рецензия на нее доктора исторических наук Е. Н. Кушевой (Москва), датируемая 8 сентября 1974 г. [36]. Но по неизвестным нам причинам монография так и не была издана.

Структурно она состоит из введения, трех глав и заключения. Библиографические сноски в оригинале была расположены постранично, мы же поместили их в конце книги в алфавитном порядке согласно современным правилам оформления научного аппарата.

Примечания, как и библиография, помещены в конце монографии. Здесь находятся примечания автора Е. Д. Налоевой, но они встречаются и в самом тексте монографии, заключенные в круглые скобки, с указанием инициалов ее имени и фамилии – Е. Н. В процессе подготовки монографии к публикации автору этих строк приходилось делать собственные комментарии к тексту и в отдельных случаях вносить небольшие редакторские правки. Наши комментарии помещены в общий список примечаний в конце книги под инициалами А. М.

В монографии Е. Д. Налоевой определены три основных направления для исследования:

1) социально-экономические отношения в первой половине XVIII в.;

2) государственно-политический строй;

3) внутреннее и внешнее положение страны с начала XVIII в. по 1739 г., т. е. до объявления Кабарды независимой.

В процессе исследовательской работы Е. Д. Налоевой использовался большой

объем материалов архивных источников, многие из которых впервые были пущены в научный оборот.

Глава I «Социально-экономические отношения у кабардинцев в первой половине XVIII века» состоит из двух разделов. В первом, озаглавленном «Экономический строй», рассматриваются в отдельных параграфах такие вопросы, как территория и население Кабарды, состояние земледелия и скотоводства и их удельный вес в хозяйстве кабардинцев, развитие домашней промышленности, ремесел, торговли, вопросы феодальной ренты.

Говоря о содержании второго раздела «Социальные отношения» следует обратить внимание на несколько моментов, впервые выявленных Е. Д. Налоевой. Так, например, Е. Д. Налоева указывает точную дату разделения Джемболатовой фамилии, когда в 1762 г. из нее вышли потомки Бекмурзы, присоединившись к Баксанской партии. В Кашкатауской партии остались только потомки Кайтуки. С этого времени можно уже говорить о существовании в Кабарде не пяти, а семи самостоятельных княжеских фамилий. В Большой Кабарде четыре (Атажукины, Мисостовы, Бекмурзины, Кайтукины) и в Малой Кабарде три (Талостановы, Ахловы и Мударовы). Последние две фамилии вышли из Геляхстановой фамилии.

Вторая глава монографии «Государственно-политический строй Кабарды в первой половине XVIII века» состоит из двух разделов. В первом изучается структура удельных княжеств и их взаимоотношения с соседними народами. Во втором – рассматриваются такие органы публичной власти кабардинского феодального государства, как хасэ, олиипш, суд и судопроизводство, вооруженные силы.

Пять княжеских уделов, принадлежащих пяти княжеским фамилиям, по существу являлись типичными феодальными государствами с присущими им особенностями. В отличие от своих предшественников, Е. Д. Налоева сумела раскрыть механизм функционирования в удельных княжествах исполнительной власти, показать систему политического устройства, что позволило определить эти княжества как самостоятельные феодальные государства. Об этом свидетельствовало наличие ряда характерных признаков: удельные князья были полновластными владельцами в своих уделах, каждый из них располагал своей территорией, подвластным населением, с которого взыскивал определенные повинности, своими вассалами, управленческим аппаратом, судом, войском, собственной резиденцией и т. д.

Удельные князья распространили свою власть на соседние народы, разделили их на сферы влияния, содержали там своих представителей, не только собиравших с них дань, но и охранявших их в случае опасности. Взаимоотношениям кабардинских удельных княжеств с соседними народами посвящен в монографии отдельный параграф. Здесь Е. Д. Налоева рассматривает, какие народы находились в сфере влияния определенных удельных княжеств и в какой форме и размерах выражалась эта зависимость.

Характерная особенность взаимоотношений удельных князей с подвластными народами и обществами – это установление связей искусственного родства. Как правило, кабардинские князья отдавали своих детей на воспитание именно в подвластные им общества (абазин, осетин, балкарцев, карачаевцев), что прослеживается по сведениям архивных источников, используемых Е. Д. Налоевой. Здесь наблюдается взаимная заинтересованность сторон в установлении таких отношений. Кабардин-

ские князья через аталычество стремились укрепить свое влияние на представителей социальной элиты соседних народов, а последние получали могущественных покровителей в их лице. В обмен на выплату податей со стороны подвластных обществ, кабардинские князья были обязаны защищать эти народы от насилия со стороны. Социальные верхи этих народов находились в сюзеренно-вассальных отношениях с кабардинскими князьями.

Крымские ханы, отмечает Е. Д. Налоева, также стремились использовать обычай аталычества в своих политических интересах. Отдавая своих сыновей на воспитание в кабардинские княжеские семьи, они использовали этот обычай как особый канал установления тесных политических связей с Кабардой, а самих канов – крымских солтанов как агентов влияния на внутриполитическую ситуацию в Кабарде. Именно поэтому, как отмечает Е. Д. Налоева, в рассматриваемый период русская дипломатия, усматривая в аталычестве предлог для вмешательства ханов в дела Кабарды, а также возможность расширения здесь турецко-крымского влияния, протестовала против содержания крымских принцев в ней, а если могла – добивалась их высылки.

Надо заметить, что нередко удельные кабардинские князья использовали свои родственные связи с крымскими ханами для реализации своих узких корпоративных интересов, втягивая последних в свою междоусобную борьбу. История многочисленных вторжений крымцев в Кабарду, помимо заинтересованности крымских ханов в установлении здесь своего влияния, зачастую были инициированы самими кабардинскими князьями.

Период феодальных междоусобий в Кабарде занял почти трехсотлетний отрезок времени (с середины XVI по середину XVIII в.). Описывая острую внутриполитическую борьбу в Кабарде, Е. Д. Налоева отмечает характерную для нее в последующий период (после 1735 года) особенность – это консолидация сил всех княжеских уделов, накануне враждовавших, перед лицом действительной внешней опасности, грозившей потерей фактической независимости и политической самобытности. По этому поводу кабардинские князья писали еще Петру I: «Недругов у нас много, а вы на их слова не глядите и в верности нашей не сумлевайтесь. А между собой днем контримся друг друга для юртов наших, а на другой день паки миримся, и на то не извольте смотреть; как бы ни есть, юрты наши содержать могли» [37, 16].

Постоянную борьбу за гегемонию в стране между удельными князьями Е. Д. Налоева рассматривает как закономерный этап в политической истории Кабарды, предшествующий объединению всех уделов в одно централизованное государство. О наличии таких тенденций свидетельствовало существование в Кабарде органов власти общенационального масштаба.

Анализу их содержания и механизмам их функционирования посвящен второй раздел второй главы монографии – «Общекабардинская публичная власть». Одним из таких органов общекабардинского масштаба, впервые подвергнутый Е. Д. Налоевой научному описанию и изучению, была Хасэ – Совет всех удельных князей и их вассалов. Действовавшая на протяжении всего периода независимого существования Кабарды Хасэ была не только высшим законодательным органом страны, но решала и другие важные вопросы внутренней и внешней политики. Среди них, например, такие, как переселение деревень, выборы старшего князя, лишение княжеского

достоинства или же возведение в дворянское звание, объявление войны и мира, организация дипломатических миссий и т. д.

Корни этого института уходят в доклассовую эпоху, когда он выполнял функции народного собрания. Но в исследуемую эпоху, в феодальный период, как установила Е. Д. Налоева, он трансформировался и носил сословно-аристократический характер. Несмотря на демократическую оболочку и элементы парламентаризма, Хасэ была сугубо классово-сословным органом, а не народно-демократическим. В XVIII в., как отмечает Е. Д. Налоева вслед за Е. Н. Кушевой, духовенство на этих собраниях еще не играло особой роли [38, 115].

Особенность общекабардинской Хасы, прослеживаемая по данным источников, – это своеобразное право вето, действовавшее на ней. Хасэ не была правомочно принимать решения без полного сбора и единогласия всех князей. Если же консенсус достигался, то он скреплялся присягой всех взрослых князей и дворян, и с этого момента решения Хасы становились обязательными для всех к исполнению. Невыполнение решений Хасы давало право верховному князю (пшиуали) взыскивать с помощью бейголей штрафы с нарушителей в собственную пользу.

Функции верховного князя «олиипш» рассматриваются в отдельном параграфе монографии. Как отмечает Е. Д. Налоева, термин «олиипш» более поздний и иностранного происхождения от слова «вали», означающий правителя. Ему предшествовал чисто адыгский термин «пшышхо» соответствующий в русской терминологии понятиям верховный или великий князь. Последний, кстати, носили все Московские государи вплоть до Ивана IV, который первый принял титул царя. Олиипш или пшышхо мог быть избран только на общей кабардинской Хасе с участием всех удельных князей. Он избирался из числа последних по старшинству лет пожизненно. Если по его смерти в его фамилии не было старшего по возрасту всех остальных князей, то следующим верховным князем избирался старший летами князь из другой фамилии. Княжеские фамилии следили и за тем, чтобы помимо возраста учитывалась и очередность выдвижения претендентов из их среды, так называемый «ряд». Так как в Большой Кабарде было три фамилии – Атажукины, Мисостовы и Джембулатовы – то «ряд» состоял в поочередном выдвижении с учетом возраста претендентов из этих фамилий из числа владельцев соответствующих уделов. Так как в Кабарде не было как таковой общегосударственной столицы, то на время своего избрания и исполнения функций верховного князя одним из удельных владельцев его замок «двор внутри каменной ограды» становился политическим центром всей Кабарды. Оли обладал сравнительно большими полномочиями. Важнейшей статьей доходов казны верховного князя были подати с населения всей Кабарды и всевозможные штрафы. Причем эти штрафы по своим размерам гораздо больше, чем обычный сбор податей с княжеского домена. В военное время пшиуали становился автоматически верховным главнокомандующим страны.

Избрание старшего князя было, как отмечает Е. Д. Налоева, большим политическим событием в стране, вокруг которого разгоралась острая борьба, часто переходившая в открытые столкновения и за которой зорко следили соседние державы, заинтересованные иметь во главе Кабарды своего ставленника.

Традиционный порядок наследования титула верховного князя часто нарушался, когда своекорыстные князья, прибегая к помощи извне, старались устранить закон-

ного претендента на княжение. В своей борьбе за власть кабардинские князья не придерживались твердо какой-либо определенной внешнеполитической ориентации и часто ее меняли в зависимости от политической конъюнктуры.

В монографии освещаются история избрания верховных князей Кабарды в период с 1709-го по 1753 год и связанные с этим перипетии внутриполитической борьбы, осложненной воздействием внешних факторов. Состояние источниковой базы не позволило Е. Д. Налоевой достоверно выяснить несколько вопросов, а именно: принимали ли участие князья Малой Кабарды в работе Хасы и выборах старшего князя Большой Кабарды, были ли компетенция Хасы и старшего князя распространены на Малую Кабарду или же она была полностью автономна от Большой Кабарды? Эти вопросы требуют дальнейшего исследования и прояснения.

Отдельный параграф второго раздела второй главы монографии посвящен системе судопроизводства и институту «хей» (суд). Последний был важным органом при верховном князе, куда в качестве судей избирались представители господствующего класса. Суд был гласным и открытым и рассматривал все уголовные и более спорные гражданские дела. Суд возглавлял сам уали. Состав членов суда выбирался на Хасэ и через определенный промежуток времени обновлялся. После официального раздела Большой Кабарды в 1753 г. хей был преобразован в махкеме. Причем было учреждено два махкеме: в Кашкатау и в Баксане. Во главе махкеме стоял удельный князь. Кроме него выбирали девять членов суда, которые через три месяца переизбирались. Функцию секретаря выполнял эфенди. Юридической основой судопроизводства служило обычное право (адат). Самая распространенная мера наказания – штрафование.

Наряду с государственным судебным органом «хей» в Кабарде, как установила Е. Д. Налоева, действовали и обычаи (барамта и кровная месть), которые дублировали функции суда и свидетельствовали о слабости публичной власти. Обычай барамта подробно был исследован Е. Д. Налоевой в отдельной работе (см. раздел II настоящей книги).

Вопросы количественной и качественной характеристики вооруженных сил кабардинского княжества, способы их мобилизации и социальный состав исследуются в последнем параграфе второго раздела второй главы монографии.

Основу вооруженных сил Кабарды, отмечает Е. Д. Налоева, составляло дворянское ополчение всех уделов. Каждый удельный князь проводил мобилизацию в своем уделе и во главе этого войска являлся по требованию старшего князя на место сбора. В военное время старший князь Кабарды автоматически становился главнокомандующим вооруженными силами страны. В тех случаях, когда он не мог лично командовать (чаще всего из-за преклонного возраста) полководец (дзэпщ) выбирался из князей с учетом личных качеств. Его полномочия действовали только на время военной кампании. Уорки, освобожденные от физического труда и все свое время посвящавшие военному делу, образовывали высокопрофессиональную военную касту. Как свидетельствуют источники, князья крайне редко и только в особых случаях привлекали представителей крестьянства к военным действиям. В особо опасных случаях использовались военные подразделения из числа народов, вассально зависимых от кабардинских князей. Помимо профессионализма, дворянское ополчение отличала высокая мобильность. По свидетельству самих кабардинских князей, на которые ссылается Е. Д. Налоева, полная мобилизация дворянского ополчения в

Кабарде проходила в сжатые сроки – в течение одних суток. За неявку или опоздание в назначенное время на сборный пункт верховный князь Кабарды мог налагать штраф «с каждого узденя по ясырю».

Наличие у господствующего класса такого орудия как вооруженные силы также являлось свидетельством наличия государственности феодального типа в Кабарде.

В заключении Е. Д. Налоева делает вывод, что образовавшееся в Кабарде феодальное государство было по форме правления княжеством, по политическому режиму – представительной организацией сословий господствующего класса (аристократическая республика), а по форме государственного устройства – децентрализованным с тенденцией к объединению.

Описанная государственно-политическая система правления Кабарды аналогична политическому режиму эпохи развитого феодализма. Это признавали многие дореволюционные авторы, в частности, И. А. Гюльденштендт, П. С. Паллас, С. М. Броневский и др. Некоторые дореволюционные русские историки сравнивали Кабарду первой половины XVIII в. по ее внутреннему политическому устройству и по положению в системе международной политики с Польшей того же времени. В частности, С. М. Соловьев оценивая место и роль Кабарды в мировой (европейской) истории, характеризовал Кабарду XVIII в. как небольшое государство регионального масштаба, оказавшееся на стыке геополитических интересов двух крупнейших империй той эпохи – Османской и Российской. Внешнеполитическая ситуация вокруг Кабарды на Кавказе была схожа с той, которая сложилась в Европе вокруг Польши. «Что в Европе была Польша, то в Азии была Кабарда, слабая страна, находившаяся между двумя сильными влияниями – русским и турецко-крымским», – писал русский историк [39, 386].

Аналогии между ними прослеживаются и в их государственном устройстве и в особенностях внутриполитической жизни: те же противоречия внутри элиты, наличие сословно-представительного органа господствующих классов в виде адыгской Хасы и польского Сейма, слабая центральная власть в лице кабардинского пшиуали и польского короля, выборность этой должности на съезде всех дворян – Хасой в Кабарде, Сеймом – в Польше, что позволяет говорить о существовании в обеих странах выборной монархии и аристократической республики, право вето на Хасе и в Сейме, номинальная зависимость крупных феодалов в лице кабардинских удельных князей и влиятельных польских магнатов шляхтичей от центральной власти, их отношение к верховному князю в Кабарде и к королю в Польше как равным себе по статусу, но «первому среди равных», большой удельный вес дворянства в общей массе населения страны – в Кабарде до $^1/_3$, в Польше от 10 до 20% населения и некоторые др. В целом же кабардинский феодализм приближался к европейскому типу, хотя и имел свои специфические особенности.

Третье направление исследовательской тематики Е. Д. Налоевой – Кабарда в сфере международных отношений в первой половине XVIII в. – нашло отражение в заключительной главе монографии. Хронологические рамки исследования этой темы охватывают период с 1700-го по 1739 г.

В рамках обозначенного периода она освещает четыре наиболее значимых военно-политических события первой половины XVIII в., в которых Кабарда приняла активное участие. Это разгром крымско-турецких войск в Кабарде в 1707–1708 гг.,

совместный русско-кабардинский поход на Кубань в 1711 г., поражение в Кабарде крымского хана Саадат-Гирея в 1720–1721 гг. и статус Кабарды, прописанный в Белградском мирном трактате 1739 г. по итогам Русско-турецкой войны (1735–1739).

Подводя итоги исследования международного положения Кабарды, Е. Д. Налоева пришла к следующим выводам:

– Находясь на стыке двух могущественных империй того периода – Османской империи и ее сателлита Крымского ханства, с одной стороны, и России, с другой – Кабарда была вынуждена вести очень сложную, гибкую, напряженную внешнюю политику. Ей приходилось постоянно эквилибрировать между соперницами, на равновесии сил которых, собственно, и держалось ее относительно независимое существование.

– Неустойчивость внешней политики Кабарды и частая смена внешнеполитических ориентиров феодальных группировок в Кабарде были, с одной стороны, отражением сложной неблагоприятной внешнеполитической обстановки, а с другой – следствием ее экономической и политической отсталости по сравнению с соседними державами.

– Хотя Кабарда была слабой по сравнению с соседними государствами страной, политический статус Кабарды как самостоятельного государственного образования был официально признан мировыми державами (Турцией и Россией) согласно 6 артикулу Белградского мирного трактата 1739 г.

– Протекторат со стороны России в этот период отвечал политическим интересам Кабарды, поскольку в то время Россия еще не покушалась на самобытность ее внутреннего устройства. Пока позиции империи на Юге не были прочны, Россия была заинтересована в союзе с Кабардой. Этот союз был взаимовыгодным: Кабарда в случае необходимости опиралась на мощь и помощь России, а Россия, посредством Кабарды, доминировавшей в качестве регионального лидера в Северо-Кавказском регионе, укрепляла свои позиции на Юге. Путь в Закавказье османским и крымским войскам закрывала Кабарда, лежавшая в центре Кавказа и контролировавшая шедшие через нее коммуникации.

Таким образом, в своей капитальной монографии Е. Д. Налоева осветила основные черты хозяйственной, социальной, внутриполитической и международной жизни Кабарды в первой половине XVIII в.

Фактически это была первая обстоятельная научная работа по этому периоду, освещающая практически все аспекты социально-экономического, государственного и политического развития феодальной Кабарды, не подвергшейся еще серьезной трансформации и сохранявшей в полной мере свое самобытное устройство. Публикация этого труда и ввод его в широкий научный оборот являются весомым вкладом в отечественную науку: кавказоведение в целом и в адыговедение, в частности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Об этом рассказывала сама Е. Д. Налоева своему родственнику по материнской линии Мирзоеву Зауру Наурузовичу (1950 г. р., КБР, г. Нальчик.), от кого мы и получили эту информацию.

2. После революции все населенные пункты Кабарды, носившие имена своих бывших феодальных владельцев были переименованы. Селение Хату-Анзорово соответственно было переименовано в Старый Урух.

3. *Налоев Заур.* Кулачное право // Кабардино-Балкарская правда. 2007. 2 октября. № 300 (22175). С. 3.

4. Отец известного адыгского ученого-фольклориста, писателя и общественного деятеля Заура Налоева.

5. В документах употребляется три формы написания имени отца Евгении Налоевой – Джамурза, Жамурза, Джемурза. В зависимости от используемых источников нами будут употребляться все три формы написания.

6. НА КБИГИ, ф. 48, оп. 48, ед. хр. 59, инв. № 3050. Заявление Налоева Аслангери Джамурзовича в Комиссию Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в 30–40-х и 50-х гг. по отношению к членам его семьи.

7. 27 мая 1935 г. руководство НКВД СССР по указанию И. В. Сталина издало приказ № 00192 об организации «троек». Это позволило фактически без суда и следствия в сжатые сроки выносить приговоры гражданам к различным видам наказания от ссылки в исправительные лагеря до расстрела. Для этого ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик». Этим постановлением дана строжайшая установка: следствие по так называемым контрреволюционным делам заканчивать в срок не более десяти дней. Обвинительные заключения вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела, дела слушать без участия сторон. Кассационные обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускались. Приговор к высшей мере наказания (расстрелу) подлежал немедленному исполнению по вынесению приговора. В «тройку», принимавшей соответствующее решение, входило три лица: во главе первый секретарь обкома партии, затем начальник областного НКВД и прокурор. В Кабардино-Балкарской автономной области деятельность «тройки» возглавлял до своего ареста 12 ноября 1939 г. первый секретарь обкома Б. Э. Калмыков, который не только выносил приговоры, но и проводил допросы осужденных.

8. Статья 58 в Уголовном кодексе РСФСР вступила в силу 25 февраля 1927 г. для противодействия контрреволюционной деятельности. Заключенные, осужденные по статье 58, назывались «политическими», по сравнению с обычными преступниками – «уголовниками». В статье 58-10 имелся перечень подпунктов с различным составом преступлений (антисоветская агитация, шпионаж и т. д.) С 1921-го по 1953 г. по 58 статье в СССР было осуждено 3,78 млн человек.

9. Архив УФСБ (Управление Федеральной службы безопасности) России по КБР, АУД 3 4102 – П. (Эти документы из ведомственного архива были разысканы П. А. Кузьминовым и любезно предоставлены нам, за что мы выражаем свою признательность. – *А. М.*).

10. Архив внешней политики России и Центральный государственный военно-исторический архив.

11. Архив КБГУ, личное дело Е. Дж. Налоевой.

12. *Калмыков Ж. А.* Жизнь как подвиг. Вопреки сталинскому гулагу в науку. (К 90-летию со дня рождения Е. Дж. Налоевой.): Размышления историка. В поисках истины. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2009. С. 42–60.

13. *Кузьминов П. А.* Свет ее глаз. Будем помнить / Университетская жизнь. 2007. Март.

14. *Налоева Е. Ж.* К вопросу о социальных отношениях в Кабарде в первой половине XVIII века // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1968. Вып. 1. С. 61–81.

15. *Налоева Е. Дж.* Об особенностях кабардинского феодализма // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1981. С. 5–27.

16. *Налоева Е. Дж.* К вопросу о государственно-политическом строе Кабарды первой половины XVIII века // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1972. Вып. 6. С. 69–87.

17. *Налоева Е. Д.* К вопросу о политическом положении Кабарды в начале XVIII века // Ученые записки КБГУ. Вып. 40. Серия «Историко-филологическая». Нальчик, 1969. С. 18–35.

18. *Налоева Е. Д.* Участие кабардинцев в русско-турецких войнах первой половины XVIII века // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа: Материалы Всероссийской конференции. 2–3 октября 1979 г. Грозный, 1982. С. 277–280.
19. Русско-турецкая война 1736–1739 гг. и народы Северного Кавказа // История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М.: «Наука», 1988. Т. I. С. 426–434.
20. *Тхамоков Н. Х.* Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII в. Нальчик, 1961.
21. *Боцвадзе Т.* Социально-экономические отношения в Кабарде в первой половине XIX в. Тбилиси, 1965.
22. *Бутков П. Г.* Материалы по новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 г. СПб., 1869. Ч. I.
23. Предания о Жабаги. Нальчик, 1985.
24. *Налоева Е. Дж.* Документальные данные о Казаноко Жебаги // Жабаги Казаноко (300 лет). Материалы региональной научной конференции (30–31 октября 1985 года). Нальчик, 1987. С. 90–104.
25. Архив КБГУ, личное дело Е. Д. Налоевой (Приказ № 24 от 07.05. 1988 г.), л. 20.
26. *Налоева Е. Д.* К вопросу о термине «кунак» // Ученые записки КБГУ. Нальчик, 1971. Вып. 43. Серия «Историко-филологическая». С. 143–152.
27. АВПР, 1753, ф. Кабардинские дела, д. 7, л. 209. Цит. по указ. работе Е. Д. Налоевой: «К вопросу о термине «кунак». С. 143–152.
28. *Лавров Л. И.* Историко-этнографические очерки Кавказа. Ленинград: Наука, 1978.
29. *Кажаров В. Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик, 1994.
30. Один монгольский тумен состоял из 10 000 воинов.
31. См. статью в разделе II: «Легендарная или историческая личность Инал?».
32. История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. I.
33. «Алтыкесек абаза» в переводе с татарского означает «шестиродные» абазины, по имени шести подразделений: Лоу, Биберд, Дударук, Клыч, Кяч, Джантемир.
34. *Анчабадзе З. В.* История и культура древней Абхазии. Сухуми, 1964.
35. НА КБИГИ, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 26, инв. № 3018.
36. Там же, оп. 1, ед. хр. 27, инв. № 3019.
37. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М., 1957. Т. II.
38. *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. М., 1963.
39. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. 13.

А. С. Мирзоев,
к. и. н., СНС группы по изучению
проблем генеалогии и охране культурного
наследия народов КБР КБИГИ

Раздел I

ОПУБЛИКОВАННЫЕ СТАТЬИ

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В КАБАРДЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА [1]

В первой половине XVIII века в феодальной Кабарде существовала сложная иерархическая форма землевладения, следствием которой была многоступенчатая социальная структура кабардинского общества.

В исследуемый период феодальные отношения в Кабарде получили дальнейшее развитие. Об этом свидетельствовали и изменения, происшедшие в земельной собственности. Архивные материалы показывают, что в первой половине XVIII века собственниками земли выступали не только князья и тлекотлеши, но и некоторые рядовые уорки. Это подтверждается, например, объяснением одного из крупнейших феодалов Кабарды Касая Атажукина (Мисостова), данным им в 1753 году представителям царской власти – майорам Татарову и Барковскому по поводу земельной тяжбы между князьями Жамболатовым и Мисостовыми.

Спор между князьями происходил из-за трех деревень – кабаков, расположенных в районе Карагача, которыми владели уорки Кучмазоковы и Атуховы. «Из оных трех,– заявил Касай,– два, именно Кучмазоковы, издавна подвластны ему, Касаю..., а третий де кабак, называемый Атухов, состоял его же, Касая Месоусова [2], токмо из оного *кабака* уздени (Атуховы. – *Е. Н.*), оставя своих подвластных, перешли... к Бекмурзиным владельцам, который де (кабак. – *Е. Н.*), **хотя им отдать и подлежит точию,** но как того кабака уздени с подвластными своими пришли к нему, Касаю Месоусову, во услугу, то он, Касай Месоусов, награждал их (Атуховых. – *Е. Н.*) разным скотом, лошадьми и ясырями, панцирями и всяким оружием, снарядом. И есть ли де они, Бекмурзины владельцы, все оное насколько по цене состоят буде ему, Касаю, возвратят, то ему до помянутого *кабака* никакого дела не будет» [3].

Судя по данным князя Мисостова, борьба между князьями происходила непосредственно не из-за крестьян, а из-за уорков Кучмазоковых и Атуховых, которые владеют крестьянами. Заметим, что Атуховы «пришли во услугу», т. е. под покровительство Касая, уже с «подвластными своими, крестьянами». Как известно, процессу закрепощения крестьян предшествует процесс феодализации земли, ибо невозможно эксплуатировать крестьян, не владея основным средством производства – землей.

Монополия земельной собственности, как известно, является исторической предпосылкой и остается постоянной основой капиталистического способа производства, как и всех прежних способов производства, основанных на эксплуатации масс в той или иной форме.

Следовательно, уорки Атуховы, прежде чем закрепить за собой крестьян, завладели их землей. И это право мелкого кабардинского уорка на землю настолько уже узаконено обычаем, что прежний сеньор Атуховых Касай Атажукин не оспаривает его, а лишь требует возмещения своих издержек, т. е. стоимость данного им уорктына [4].

Из сказанного явствует, во-первых, что в Кабарде к 50-м годам XVIII века землей и крестьянами владели не только князья и их знатные вассалы, о которых будет сказано ниже, но и уорки как Атуховы, Кучмазоковы, чьи владения порой не превышали одной деревни. Во-вторых, эти мелкие землевладельцы в целях политической безопасности прибегали к защите более сильных феодалов, что показывает наличие вассалитета. Но, как видно, последний, еще не приобрел твердой стабильности, так как уорки обладают правом свободного перехода от одного сеньора к другому. В-третьих, юридическим выражением вассальной зависимости различной категории феодалов служит институт уорктына. Очень важно отметить здесь же, что, по данным князя Мисостова, в понятие уорктын уже не входит земля. Она, как следует полагать, успела перерасти в неотчуждаемую собственность бывшего дружинника князя – уорка. Вследствие этого, естественно, уорки стали менее зависимы от князей, и вот, чтобы удержать их в сфере своего влияния, князья награждают своих вассалов, как перечисляет Касай, скотом, лошадьми, рабами, разным оружием, порохом и т. д. В случае перехода уорка к другому сеньору, последний обязан был оплатить расходы своего предшественника, что в известной степени выражает тенденцию к укреплению вассалитета.

Не менее ценные сведения содержит второе объяснение того же князя по поводу другого конфликта. Два уорка князей Мисостовых Алимурза и Джантемир Чожокины (личные уорки покойного старшего князя Кабарды Исламбека Мисостова) «...с подвластными своими (одним кабаком), якобы по неудовольствию им, Касаем, и нападкам его братей, отдались по обычаям их в канаки [5] в Кашкатавскую партию... которые ныне находятся в Шалушке и уже им, Касаем [6], удовольствованы...» [7].

Как выясняется дальше из дела «удовольствованные» Чожокины хотели бы возвратиться к Мисостовым, «токмо де ныне того кабака владелец Джамбулат (т. е. Жамболат Кайтукин, которому отдались в канаки Чожокины. – *Е. Н.*) отдать ему, Касаю Мисоусову... не хощет, а намерен де... отдать тот кабак известному изменнику владельцу Наврузу Исламову [8]. Токмо де тот кабак с двумя братьями Навруза еще не в разделе и те братья находятца в его, Месоусовой, фамилии. И за оное,– заключает Касай,– между оными владельцами происходит немалая ссора» и мол князья Кашкатауской партии «ищут, чтоб с Месоусовыми учинить за те кабаки драку» [9].

Чтобы разобраться в сути спора, а следовательно, и в интересующем нас вопросе, приведем небольшую историческую справку. В 1731 году во время междоусобной борьбы, обостренной нашествием крымцев, в общей свалке был убит князь Канамат Кайтукин. Установить персонально убийцу не было возможным. Тем не менее Жамболатова фамилия считала своими кровниками Мисостовых и Атажукиных, поскольку они действовали сообща против первой. На этой почве часто вспыхивали между ними кровавые столкновения, причинявшие, как повествует о том источник, «немалой вред всему народу кабардинскому». И вот в 1753 году князь Навруз по неизвестным нам мотивам счел убийцей князя Канамата Кайтукина старшего князя Атажукина фамилии и всей Баксанской группировки Магомета Кургокина и предложил своим сородичам назвать убийцу кровником и тем самым нормализовать свои отношения с последними. В итоге бурных дебатов Навруз «бежал в

канаки» к Жамболатовым, а все движимое и недвижимое его имущество осталось в ведении Касая Атажукина, двоюродного брата его, бывшего в то время старшим в роду.

Навруз и его новые покровители потребовали раздела имущества его покойного отца между тремя родными братьями: Наврузом, Картулем и Мукуль-Али. Касай отклонил иск. Тогда Жамболат Кайтукин [10], у которого пребывали в качестве канаков и Навруз, и братья Чожокины, задержал последних в пользу первого на том основании, что Чожокины были личными уорками отца Навруза. Такова вкратце историческая предпосылка к разбираемому конфликту.

Дело об иске Навруза полностью подтверждает вывод из предыдущего дела. В лице Чожокиных, как и там, имеем тип очень мелкого собственника земли с крестьянами, посаженными на ней. По своему экономическому и юридическому положениям Атуховы и Чожокины идентичны. Разница между ними лишь в том, что первые совсем перешли к другому сеньору, а вторые на время ушли в канаки, чтобы этой мерой принудить своего сюзерена выдать сполна уорктын, без чего они потеряли бы свое сословное (дворянское) отличие.

В рассматриваемый вопрос большую ясность вносит письмо сыновей покойного князя Арслан-бека Кайтукина к императрице Елизавете Петровне.

В конце 40-х годов XVIII века новый крымский хан Арслан-Гирей с согласия султана в ультимативной форме потребовал от Кабарды возвращения беглых бесленейцев. Чтобы лишить хана удобного предлога для вторжения в Кабарду, русская царица послала туда вооруженный отряд с требованием выдать бесленейцев Крыму [11]. Как выясняется из дела, кабардинский князь Кайтука Жамболатов в конце XVII века предоставил убежище бесленейцам, бежавшим с родины от репрессий крымского хана Девлет-Гирея II [12], поселил их двумя кабаками на своей земле (Махуков и Дохчуков) и снабдил их всем необходимым для хлебопашества.

К описываемому периоду Махуковым кабаком владел сын Кайтуки Жамболат, а Дохчуковым – внуки его. Последние, возмущаясь тем, что спустя более 50 лет в Крыму вспомнили о бесленейцах, которых нет уже и в живых, обратились с письмом к царице Елизавете Петровне. «Помянутый кабак, – писали они, – имел с крымским ханом драку и двоекратно оного кабака знатные люди (большие и малые) саблями срублены были. Потом и третично то же оным учинить хотел. Тогда они, услышав (это. – *Е. Н.*), спасая живот свой, все разбежались... Дед наш Кайтука уверял их присягою, из гор вызвал к себе. Токмо тогда они хлеб сеять, за убожеством их, были не в состоянии. Семь лет своим хлебом дед наш их содержал и оженил и что им к домовому содержанию потребно было снабдил...

Дед же наш не силою их, взял,– восклицают авторы,– но как выше сего показано, из гор ласкою собрал, поженил, скотом и прочим снабдил» [13].

В данном случае перед нами конкретный пример закрепощения крестьян кабардинским феодалом Кайтукой Жамболатовым на исходе XVII столетия, которыми уже в середине века наследственно владеют его внуки.

Думается, что князь Кайтука, сажая беглых крестьян (бесленейцев) на свою землю, не ввел какие-то новшества в существовавшие в то время производственные отношения, а лишь уравнял своих новых работников с положением определенной категории подвластных ему крестьян. Если выше говорилось о крестьянах мелких

уорков, подвластных князю вместе с их владельцами, то в лице бесленейцев имеем крестьян, подчиненных князю без посредничества уорка, связанных с ним присягой. Эта форма подчинения и землепользования не могла не образовать определенной категории крестьян.

Источники содержат данные и о феодальных владениях знатных уоркских фамилий (тлекотлешей и дыженуго) и об их вассальной зависимости от князей (пши). В частности, Куденетовы, Тамбиевы, Анзоровы, Муртазовы, Бабуковы, Чипчевы (Шипшевы) и многие другие фамилии владели землей и крестьянами наравне с князьями, с той лишь разницей, что первые были вассалами последних. Так, по данным «Карты Большой и Малой Кабарды» 1744 года, Куденетовым принадлежало в Большой Кабарде 15 деревень [14, 114–116]. Часть этой знатнейшей фамилии находилась в вассальной зависимости от князей Жамболатовых, а другая – от Атажукиных [15]. Тамбиевы также владели рядом деревень и были уорками князей Мисостовых [16]. Анзоровы, проживавшие в то время в Малой Кабарде, делились на Большие и Малые Анзоры. В первом было 9 деревень, которые принадлежали двоюродным братьям: Алимурзе Анзорову – уорку князя Батоки Бекмурзина и Келахстану Анзорову – уорку князя Бамата Кургокина (Атажукина), а во втором, т. е. Малом Анзоре, было 5 деревень, подвластных малокабардинским князьям Адильгирею, Батоке и Рослан-беку Киляхстановым [17]. Муртазовы с пятью деревнями являлись вассалами князей Таусолтановых и т. д. Все эти знатные фамилии, в свою очередь, имели своих вассалов из числа более мелких уорков [18].

Рассмотренные материалы показывают, что в Кабарде в исследуемый период существовала сложная система землевладения и землепользования, породившая соответственно деление общества на социально неравные группы и категории, положение которых в сословной иерархии определялось прямо пропорционально их отношению к основному средству производства – земле.

Представляется целесообразным в этой связи коснуться вопроса о формах собственности на землю и праве ее наследования. Последнее имеет большое значение в уточнении первой, поскольку институт наследства предполагает уже частную собственность.

Многочисленные земельные споры, судебные разбирательства по ним, а порой и вооруженные столкновения, происходившие в то время в Кабарде, расширяют наши представления по обоим этим аспектам. Одним из них служит уже рассмотренный выше конфликт между Наврузом Исламовичем и Касаем Хотахшуковичем Мисостовыми. В данном споре обращает на себя внимание одно обстоятельство: ни сам истец Навруз, ни его покровитель Жамболат Кайтукин ни словом не обмолвились о разделе имущества Мисостовой фамилии для получения своей доли, а потребовали раздела всего имущества покойного отца Навруза между его сыновьями. Это положение позволяет предполагать, во-первых, наличие частной семейной собственности на землю и крестьян, во-вторых, переход этой собственности по наследству от отца к детям. Эти выводы подкрепляются еще тем, что ответчик Касай Мисостов, который не мог не знать обычного права кабардинцев, не оспаривает ни одного из требований истца, как незаконное, а лишь мотивирует свой отказ удовлетворить иск изменой Навруза [19].

Право наследования имущества (земли и крестьян) по прямой линии хорошо видно

в уже рассмотренном деле о бесленейцах. Как сказано выше об этом, князь Кайтука расселил бесленейцев на своей земле двумя деревнями (Махуков и Дохчуков). После смерти Кайтуки эти деревни перешли к двум его старшим сыновьям Арсланбеку и Жамболату, минуя трех живых братьев Кайтуки: Бекмурзу, Алимурзу и Султан-Али. После смерти Арсланбека (1746) его деревня (Дохчуков) перешла к его сыновьям Хамурзе, Аслануке, Дохчуке и Девлетуке (минуя живого брата Арсланбека Жамболатова), которые уже в 1753 году отстаивали перед царицей Елизаветой Петровной свое наследственное право на крестьян этой деревни [20].

В этих материалах прослеживаются и корни зарождения частной семейной собственности внутри фамильной. Взрослые дети князей (женатые), хотя не делились при жизни отца, имели право приобретать движимое и недвижимое имущество, крестьян, рабов и пр. Все это становилось личной собственностью каждого, кто их приобрел и его семьи, тогда как имущество отца являлось общей неделимой собственностью всех членов большой семьи. Поэтому в случае смерти отца, если братья решались разделиться, каждый брал себе лично им приобретенное (которое в случае его смерти переходило к его детям, минуя братьев), а уже потом производился раздел общего имущества согласно обычаю.

О правовом положении взрослых детей мы находим ценное указание в одном письме Касая Атажукина, адресованном астраханскому губернатору. «...Мисостовой фамилии чагаров, их скот разделили по себе на каждого женатого владельца по три двора, – писал он, – ...а молодым же владельцам чагар не дали» [21].

Делили не только чагаров, скот и пр., но и землю. Капитану Барковскому, прибывшему в Кабарду в 1747 году с миссией примирения князей Мисостовых с остальными, уздень Али Чипчев донес, что Батока Бекмурзин с Магометом Коргокиным хотят разделить имущество Мисостовых как в свое время было «поделено все имущество: скот, чагаров, земли и домы кашкатавских владельцев» [22].

Наличие частной собственности на землю и крестьян у княжеских семей было использовано майорами Татаровым и Барковским в 1753 году, когда им было категорически отказано Жамболатовыми выдать по требованию России бесленейцев Крыму. Майоры тогда пригласили молодых князей Жанхота Татарханова и Кази Кайсынова – внуков Бекмурзы – и прямо спросили: стоит ли им «...детям Бекмурзы оказывать непослушание е. и. в. заодно» с Кайтукиными из-за бесленейцев, «которые де обретаютца у владельца Джамбулата з братьями?» [23].

Этот вопрос не случайно был поставлен Татаровым, хорошо знавшим быт кабардинцев [24]. Видя экономическую самостоятельность княжеских семей, он правильно нащупал «рычаг» возможного политического разногласия между отдельными семьями. И действительно, аргументы Татарова разбили фамильную солидарность [25], и когда конфликт из-за бесленейцев зашел в тупик (русские войска были подтянуты к Кабарде), только одни князья Кайтукины отстаивали их [26].

Обобщая сказанное, отметим, что в социальном строе Кабарды первой половины XVIII века феодальные отношения являлись господствующими. Характерной чертой последних было, как правильно отмечено рядом авторов, фамильное владение землей, в котором уже тогда наметилась частная семейная собственность на землю и крестьян, переходившая по наследству к потомкам владельцев.

Самыми крупными землевладельцами являлись князья пяти княжеских фами-

лий: Атажукины, Жамболатовы и Мисостовы в Большой Кабарде, Киляхстановы и Таусолтановы – в Малой, между которыми вся Кабарда была поделена на уделы.

Они же считались высшей знатью в стране, которым были подвластны все остальные землевладельцы, образуя, с одной стороны, замкнутый круг господствующего класса под общим названием пши-уорк, и целую сословно-иерархическую лестницу вассалитета – с другой. Весь этот непроизводительный класс жил за счет эксплуатации трудового крестьянства, носившего презрительное название тльхокотлей, которые также не были уже однородны в своем составе.

Классовое деление

Крестьяне. На самом низу всей сословной иерархии находились унауты – совершенно бесправная категория эксплуатируемого населения (домашние рабы).

Унауты, как правило, вели домашнее хозяйство владельцев [27]. Существовали как бы профессионально-унаутские обязанности. Так, князь держал унаута в качестве личного повара «пщафIэ», который постоянно сопровождал своего господина во всех поездках и походах. Псарней князя ведал собаковод – «хьэзешэ» («хьэ» – собака, «зешэ» – водить), а во дворе пребывал унаут в роли проводника –«хьэблэш» («хьэ» – собака, «блэш» – проводящий). Кроме того, вменялось ему в обязанность помочь гостям спешиться и сесть на коней. Во время пиршества в гостиной «хьэщIэщ» стоял «жыхафэтет» («жыхафэ» – порог, «тет» – стоящий), который передавал мелкие распоряжения хозяина и его гостей домашним работникам для исполнения. Он же следил за тем, чтобы вовремя оказать пирующим мелкие услуги (подать воды, намазлык и т. д.). Наконец, в каждом княжеском и знатном уоркском доме имелся унаут в роли официанта – «Iэнэхь», или «Iэнэзехьэ», который подавал «Iэнэ» (трехногий круглый столик) с блюдами и уносил остатки пищи.

В роли «жыхафэтет» на женской половине бывала молодая унаутка, называвшаяся «Iэпыдз–лъэпыдз». Княгиню сопровождала рабыня «кIэIыгъ» – «держащая шлейф», которая шла молча сзади своей госпожи и никогда не садилась при ней и не отлучалась, пока не получит позволение удалиться [28].

Перечисленные обязанности, как видно, не были сопряжены с тяжелым трудом, но они носили ярко выраженный унизительный характер, и ни один человек, кроме унаута, не соглашался их исполнять.

Значительную часть зависимого класса составляли лагунапыты, которых в русских источниках XVIII века называют «природными холопами», «наши пахотные люди», «наши бобыли». Эти наименования подчеркивают местное происхождение этой группы крестьян, а также социальное и материальное ее положение. Лагунапыты составляли особую группу крепостных крестьян, живших отдельными домами во дворе владельцев или в пристройках к господскому дому. Они выполняли функции двух различных категорий русских крестьян: барщинных и дворовых, т. е. труд лагунапытов применялся в земледелии, скотоводстве, а равно во всех сферах хозяйственной деятельности феодального поместья, начиная от заготовки леса, кончая доставкой воды, что свидетельствует о низком уровне общественного разделения

труда и господстве натурального хозяйства. Факт проживания лагунапытов при дворе владельца, выполнение ими «домашних работ», порой подменяя унаутов, а также особое бесправие данной группы крестьян наводят на мысль о возможном их происхождении от унаутов.

В отдельную группу зависимых крестьян входили оги. О генезисе и удельном весе огов в нашей исторической литературе существуют различные мнения. Термин «ог» в источниках XVIII века не встречается, и он нам известен лишь по материалам XIX века. Наоборот, документы часто упоминают группу крестьян под названием «чагары», различая их при этом на княжеских и узденских. В отношении крепостной зависимости чагаров документы не оставляют сомнения, но их не смешивают с холопами. Так, в 1747 году князь Касай Атажукин, жалуясь на действия других князей, писал в Кизляр генералу Дейвицу: «...скот, пожитки, холопов и чагаров наших разделили по себе» [29]. Здесь автор письма делает четкое разграничение между чагарами и холопами. Различие между ними прослеживается и по архивным материалам первой половины XIX века [30]. На это обратил внимание и Ш. Ногмов, который писал: «Если чагар до того обеднеет, что не в состоянии господину своему уплатить положенной подати, то должен служить у господина во дворе наравне с холопами...» [31].

Чагары исследуемого периода, по всем данным, в отличие от холопов, жили отдельными дворами, в хозяйственном отношении представляя самостоятельную единицу. Так, бесленейские крестьяне, о которых было сказано выше, жили отдельными дворами – семьями в двух деревнях-кабаках: Махукове [32] и Дохчукове, непосредственно подчиняясь князьям Кайтукиным без посредничества уорка. В обширной, переписке о бесленейцах [33], нигде их не называют холопами, а именуют «наши подвластные» или «чагары наши». Больше того, состоятельные чагары имели своих холопов. Это положение чагары хорошо продемонстрировали во время восстания 1767 года, когда они потребовали: «...имеющихся у них, чагар, собственных уже их холопей, оставили б в их воле, и как владельцы, так бы и уздени в них не вступались, и единственно всех своими холопами не зачислять» [14, 272]. Чагары первой половины XIX века обладали теми же правами: «Каждый чагар вправе иметь у себя холопов, – свидетельствует Ш. Ногмов, – но по правам народным не вправе без воли своего господина их ни продать, ни подарить, ни на других такого же состояния променять» [31, 124].

Первой отличительной чертой между чагарами и холопами XVIII века было то, что первые жили отдельными дворами, а вторые – совместно со своими владельцами. Почти все авторы, исследовавшие социальные отношения Кабарды, признают такое же различие между лагунапытами и огами. Хан-Гирей в «Записках о Черкесии» огов называет, «внешними» за то, что они жили вне усадьбы своих господ, а лагунапытов – «внутренними» [34, 220, 221]. Такого мнения придерживается и В. К. Гарданов [34, 221].

Вторая отличительная черта чагаров от холопов – преобладание натуральной ренты у первых и господство отработочной – у вторых. Это различие видно в требовании восставших в 1767 году чагаров, где говорится: чтобы «...равномерно и подать брали б с них умеренную, какову и прежде они платили...» [14, 272].

В отношении господства натуральной ренты среди огов и барщины среди лагунапытов нет разногласия между авторами. Характеризуя правовое положение огов,

Н. Х. Тхамоков отмечает: «...Если ог что-либо украдет у своего господина из скотины, то поступает к нему в рабство» [35, 152, 153]. Почти то же самое читаем о чагарах у Ш. Ногмова: «Если чагар украдет что у узденя из скота, вора отдать для наказания в непосредственное распоряжение его господину» [31, 120]. Рассматривая меры наказания огов, Т. Боцвадзе указывает: «В случае задержки оброка или опоздания на господские работы, он (т. е. ог. – *Е. Н.*) штрафовался по положению парою или двумя парами быков» [36]. Та же мера накладывалась на чагаров: «Если чагар упустит время, назначенное к подати или работам господским, за это господин вправе штрафовать, по положению, парою или двумя парами быков, смотря по упущению» [31, 124]. Ог, не повинующийся своему владельцу, – пишет Т. Х. Кумыков, – «мог быть обращен в лагунапыта» [27, 121]. Как бы продолжением этого пункта звучит правовая норма чагаров, описанная Ш. Ногмовым: «Если чагар в доме у господина исправится и в состоянии будет жить своим домом, то может к этому приступить...» [31, 121]. И, наконец, то, что «уздень волен холопа обратить в чагара, дав ему пару волов, пару коров...» [31, 121] аналогично тому, что владелец переводил лагунапыта в разряд огов. Можно бы и еще продолжить перечень аналогий, но думается, что проведенная параллель достаточно убедительно показывает социально-правовое сходство чагаров с огами.

Теперь рассмотрим удельный вес чагаров. В архивах имеется письмо кабардинского князя Касая Атажукина, в котором он жалуется астраханскому губернатору (1747 год), что «...Мисостовой фамилии Чагаров... разделили по себе на каждого женатого владельца по три двора (в которых бывают мужска и женска полу душ по 30–40 и 50)...» [37]. Эти данные, подтверждая, с одной стороны, факт проживания чагаров отдельными дворами, позволяют приблизительно подсчитать их число – с другой. По родословию кабардинских князей [38] к 1747 году в Большой Кабарде (без Мисостовых) было 30 взрослых князей, между которыми, как пишет Касай, и поделены чагары Мисостовых. Следовательно, у последних имелось 90 дворов, в которых в среднем насчитывалось 3 600 человек. Всего по всей Кабарде было шесть княжеских фамилий. Если допустить, что каждая из них могла располагать не меньшим числом чагаров (а это вероятно), то на долю одних князей приходится 21 600 душ. Доля же второго сектора, так называемые узденские чагары, может, в два-три раза превышать княжеских, так как уорки-уздени составляли абсолютное большинство господствующего класса (не менее 40 000) [39]. При таком расчете последним могли принадлежать минимум 43 000, максимум 65 000 душ чагарского сословия, а по всей Кабарде – соответственно 65–87 тысяч. Из этого видно, что чагары составляли основную массу зависимого населения страны в первой половине XVIII века [40].

Однако эта группа крестьян не была уже однородной. Происходивший в ней постоянный процесс развития и расслоения успел выделить из ее среды зажиточную верхушку, которая сама эксплуатировала холопов. Экономический потенциал зажиточной верхушки, именуемой в источниках «старшинами черного народа», позволял ей играть значительную роль в политической жизни страны, так как она представляла на «Больших советах», созываемых по особо важным случаям, весь трудовой народ. Часть зажиточной верхушки чагаров при помощи существовавших

в Кабарде патриархальных институтов (аталычество, шауако – «щауакIуэ» и др.) [41] сближается со знатью, постепенно порывает связь со своим классом, пополняя промежуточную (между уорками и тльхокотлами) прослойку (бейголей, бейголышхо и пшикеу). Другая часть, откупаясь на волю, поступала в группу крестьян – азатов, но в исследуемый период последнее явление, видимо, носило еще единичный характер.

В своем быту чагары, как все остальные слои крестьянства, являлись носителями элементов патриархально-общинных отношений. Как видно из сообщения Касая, господствующей формой семьи была большая патриархальная семья – «унэзэхэс», в которой, по всей вероятности, была коллективная форма труда и распределения. Во главе такой семьи-общины в 40–50 человек стоял отец семейства, точнее дед, называемый кабардинцами тхамадой [42]. Видимо, эти тхамады являются «старшинами черного народа», о которых говорят источники.

Со второй половины XVIII века процесс перехода крестьян от крепостного состояния в полукрепостное – азаты путем выкупа заметно усиливается. Это было вызвано, по нашему мнению, двумя обстоятельствами: боязнью владельцев совсем потерять своих крестьян ввиду притягательной силы Кавказской линии, где им сулили льготные условия, и возросшей потребностью феодалов в деньгах в результате роста товарно-денежных отношений под влиянием России. Этот путь освобождения был доступен более зажиточным слоям крестьянства, какими являлись, в основном, оги. Но он не был закрыт и для более обеспеченных лагунапытов. Таким образом, оги, с одной стороны, активно переходя в азаты, с другой стороны, не пополнялись постоянным притоком лагунапытов, что, на наш взгляд, сдерживало рост самой рассматриваемой группы крестьян.

С начала XIX века процесс освобождения крестьян шел по двум каналам: как уже сказано, путем выкупа с согласия владельцев и без выкупа через русские военные власти. Последнее было связано с обострением кабардино-русских отношений и носило массовый, но эпизодический характер [27, 99–104]. Этой мерой военная администрация подрывала социальную основу некоторых князей и уорков.

Следствием развития отмеченных процессов и событий было резкое увеличение удельного веса группы крестьян-азатов за счет сокращения крепостных крестьян.

Азаты-вольноотпущенники не составляли значительной группы в исследуемый период. По крайней мере, в источниках этого времени встречаются лишь единичные упоминания «об отпущении подвластного на волю» по религиозным мотивам или за особые заслуги.

Как свидетельствуют материалы первой половины XIX века, азаты обязаны были оставаться под властью прежних владельцев: пользоваться их землей, следовать им в случае переселения и участвовать во всех мероприятиях [27, 79]. Феодал мог определить своему азату участок земли в любом месте в пределах своего владения, заменить его, но совсем лишить земли не дозволялось обычаем [30, 289]. Из этого видно, что они формально не обязаны были платить подать владельцу, но фактически отношение этой группы крестьян к основному средству производства – земле оставалось прежним, что ставило ее фактически в полукрепостное положение.

Вопрос о тляхокотлях. Название «тляхокотль», как и «уорк» – собирательное,

означающее людей, занятых «неблагородным» (физическим) трудом в отличие от второго, пренебрегавшего им.

К началу XVIII века класс феодалов и крестьян в Кабарде состоял из различных по экономическому, социальному и правовому положению групп. В частности, тляхокотли успели расслоиться на лагунапытов – холопов, чагаров, азатов и еще выделить промежуточную прослойку: бейголей, пшикеу или бейголышхо, которые еще «не считались уорками, но уже не были настоящими тльхокотлями» [30, 289].

Унауты, как безобрядная группа, не входили в категорию тльхокотль, а именовались самым оскорбительным словом в Кабарде – унаутуко (сын унаутки). Поэтому думается, что допускают ошибку те авторы, которые подразумевают под термином «тльхокотль» узкую группу свободных крестьян-общинников.

В настоящей работе нет возможности сколько-нибудь полно рассмотреть аргументы всех авторов, придерживавшихся отмеченного мнения. Коснемся здесь лишь тех работ, в которых этот вопрос специально исследован.

Н. Х. Тхамоков в своей работе отмечает, что в XVIII веке в Кабарде существовала группа свободных крестьян-общинников под названием тлхукотлы [35, 125–135, 148–151].

Т. Боцвадзе разделяет мнение Н. Х. Тхамокова по данному вопросу [36, 90–97]. Возможность сохранения крестьянской общины в кабардинском обществе не исключена, но конкретные условия ее существования нельзя считать доказанными. Авторы, занимавшиеся этой проблемой, как правильно замечено Е. Н. Кушевой, увлеклись общими рассуждениями об общине в свете высказываний классиков марксизма-ленинизма и не привели достаточно убедительных доводов по существу поднятого ими вопроса. Документы, которыми они аргументируют, не подтверждают сделанных ими выводов. Так, Н. Х. Тхамоков пишет: «Тлхокотлы... являлись свободными крестьянами, общинниками. Они имели скот, пользовались общинной землей. Разбогатевшие тлхокотлы имели собственных рабов» [35, 133]. Обратимся к документам, которыми автор подкрепляет сказанное. По данным П. С. Палласа, – говорит он, – в течение всего года тлхукотлы, «обязаны работать на князя или знатного по три дня для косьбы и рубки дров с их доставкой на дом. Они должны были сверх того давать один воз или семь мешков проса для каждого быка, которые те имеют. Каждый жених этого класса обязан также давать своему господину двух коров и двух быков» [35, 150].

Юридическая и экономическая зависимость описанной П. С. Палласом группы крестьян очевидна. Эти крестьяне, почему-то признанные Н. Х. Тхамоковым свободными тльхокотлями, не только платили продуктовую ренту феодалам, но несли барщину в пользу их и сверх того были лишены права свободного бракосочетания без уплаты определенной дани своему господину. Второй и последний документ, которым автор стремится подтвердить существование свободной группы крестьян, – рапорт астраханского губернатора И. В. Якоби от 19 ноября 1777 года [14, 323]. «Старшины чорного кабардинского народа,– говорится в нем, – от всего подвластного общества... приезжали ко мне тайно от своих владельцев. Неутешно они жаловались мне, что князья и узденья их не только разоряют, но отымая жен и детей их продают во отдаленныя горские жилища, в Крым и в самую турецкую область...

и сверх сего збирают с них совсем неумеренные подати... из них же самих платят ясырей... Все они, будучи до крайности огорчены, просят... свободы от наложенного на них ярма и тяжкого бремени,– подчеркивает Якоби,– **представляя в резон, что они владельцам подданными почитаются по одной только земле, а неприродные крепостные...»** [14, 323].

В приведенном рапорте говорится, во-первых, о крепостных крестьянах, чьи старшины **«тайно от своих владельцев»** [43] приезжали к генералу Якоби. Во-вторых, старшины жаловались на нарушение феодалами положения адата, запрещающего разъединять семьи крепостных при продаже. В-третьих, и самое главное, сами старшины подтверждают право собственности на землю князей и узденей, которым они «почитаются подвластными по одной только земле». Как видно из этого беглого анализа, данный документ ничем не подтверждает предмет исследования Н. Х. Тхамокова.

Еще более небрежную интерпретацию дает источникам по этому же вопросу Т. Боцвадзе. В разделе «Класс непосредственных производителей» он пишет: «В Кабардинском обществе сохранилось еще сословие тлхокотлов – юридически свободных крестьян. Экономической базой этих последних являлось общинное и мелкокрестьянское землевладение» [36, 90–97]. В доказательство своих выводов автор ссылается на ряд архивных материалов. Рассмотрим их по порядку.

В рапорте начальника Кабардинского округа князя Орбелиани, датированном 1860 годом, сказано, что в Кабарде «чернь разделяется на два сословия: на свободное и крепостное; свободная чернь имеет два разряда: 1-й – вольноотпущенников, т. е. получивших вольность от своих господ по произволу последних, 2-й – вольных, т. е. получивших свободу по распоряжению правительства, после измены их владельцев» [36, 90].

Пожалуй, яснее не скажешь. Здесь нет и речи о юридически свободных крестьянах-общинниках.

Столь же необоснованна и вторая ссылка на краткую записку о состоянии Кабардинского округа за 1866 год. «Чернь,– говорится в ней,– делится на два сословия: свободное и крепостное. Свободная чернь имеет два разряда: вольноотпущенников и вольных. Крепостные люди разделяются на чагар, холопов и унаутов» [44].

Как видно, и в последнем документе дана та же структура кабардинского крестьянства. Из содержания обоих этих документов становится ясно, что после подавления происходивших в 1822–1825 годах в Кабарде волнений русская военная администрация предоставила свободу крепостным крестьянам, оставшимся от погибших и бежавших за пределы страны некоторых владельцев. Этих крестьян наделили землей из владений беженцев и стали называть их «вольными» в отличие от всех, остальных групп крестьян» [45].

Несмотря на отмеченный ясный смысл слова «вольные», Т. Боцвадзе дает ему произвольную интерпретацию. «Думаем, – пишет он, – что т. н. «вольные», упомянутые в источниках (т. е. в указанных двух документах. – *Е. Н.)* – это прежде всего тльхокотлы» [36, 91]. Ошибочная позиция автора о тляхокотлях привела его к неправильной оценке антифеодального движения крестьянства в Кабарде. «В тех исторических условиях эти выступления (т. е. антифеодальное движение

тльхокотлей. – *Е. Н.)* имели в известном смысле объективно-регрессивное значение, – пишет он, – поскольку они велись с позиции патриархальной демократии» [36, 123] .

Господствующий класс. Выше было отмечено наличие в кабардинском обществе промежуточной прослойки (бейголи, пшикеу или бейголышхо) между уорками и тльхокотлями. По своему социальному положению данная прослойка была ближе к господствующему классу, так как и она жила за счет эксплуатации крепостного населения. Однако между пши-уорками, с одной стороны, бейголями и пшикеу, с другой – имелась существенная разница. Последние не владели землей на правах собственности, а только пользовались – княжеской, да и сословно они еще не слились окончательно со знатью [30, 286–289].

В XVIII веке среди бейголей более аристократическую группу представляли пшикеу или бейголышхо [30, 286–289], но обе категории – были княжескими и постоянно пребывали в резиденции своего князя «конно и вооруженно», – «готовые исполнить любое приказание повелителя» [46].

Данная Ш. Ногмовым характеристика этой группе населения соответствует сказанному выше [31, 109].

Основное ядро господствующего класса – в кабардинском обществе составляли уорки (уздени). Исследователи справедливо сравнивают их с русским дворянством. По роду занятий уорки являлись основной военной силой страны. Производительный труд считался зазорным для них. Все необходимое для их существования производили подвластные им крестьяне и домашние рабы. Уорк-шу – (знатный всадник) гордился, если он добыл в бою пленных или похитил человека, которых затем превращал в слуг. Поэтому единственно достойным уорка занятием считались охота, конная езда и военные упражнения.

Преобладающее большинство сословия уорков состояло из мелких феодалов, владения которых не превышали одной деревни, а то и одного квартала – хабла. Это мелкопоместное дворянство подразделялось на две категории: беслан-уорки и уорк-шаотлугусы [47], которые, как правило, группировались вокруг князей или знатных уорков, составляя военно-политическую мощь, своего сеньора.

Знатные уорки – тлекотлеши и дыженуго (или «главные уздени» по русской терминологии XVIII в.) составляли высший разряд уорков (тип русского боярства). В руках этого слоя знати было сосредоточено огромное богатство, большое число зависимого населения и земли. В политической жизни страны они играли значительную роль. Из их среды обычно выбирался соправитель князя – кодз. В то же время они сами являлись вассалами тех или других князей, образуя таким образом иерархию вассалитета.

Ш. Ногмов отмечает и третью группу знатных уорков – кодзов, которую якобы истребили «и могила их названа кодзыкха», т. е. могилой кодзов [31, 105].

В унисон с этим звучит и фольклорный материал – песня о канагозако (о единственном уцелевшем кодзе). В ней поется о поголовном истреблении кодзов и о том, как одному аталыку (воспитателю) удалось спасти своего малолетнего кана (воспитанника) при содействии пахаря, укрывшего ребенка в борозде [48].

Данные архива первой половины XVIII века заставляют более серьезно отнестись к сообщениям Ш. Ногмова и фольклора о кодзах. В журнале подполковника Шейдякова и капитана Барковского, сопровождавших князей Мисостовых, содержится любопытное известие о кодзах или коцах, как их источник именует. В 1749 году у деревни Канбакулова собрались все князья Большой и Малой Кабарды со своими уорками по случаю прибытия в последнюю изгнанных из страны князей Мисостовых. Многие знатные уорки требовали примирения с Мисостовыми и возмущались жестокостью старшего князя Батоки Бекмурзина. На этой почве разгорелась борьба между правящей верхушкой и влиятельными уорками. «Коцы, ущемленные... в правах их владельцами, – говорится в журнале, – потребовали соблюдения права коцов по старинным обычаям», «угрожая в противном случае» перейти к тому князю, который «даст им присягу блюсти нормы адата» [49]. В нем же отмечено, что «сторону коцов взял владелец Адиль-Гирей Килястанов». Здесь, как видно, речь идет не о соправителе князя, а о группе знатных уорков, выступивших против князей Бекмурзиных. В этой связи интересно сообщение Е. Н. Кушевой. «...В 1599 году воеводы города писали кабардинскому князю Шолоху Тапсарукову, – пишет она, – чтобы он приехал поговорить о государевых кабардинских делах», но не один, с «козлары и с дужнюки» [50, 110, 111]. Термин «козлар» явно состоит из кабардинского «коз» (кодз) и татарского окончания множественного числа – «лар». Поскольку слово «кодз» получило искаженное правописание «коз», а при употреблении его во множественном числе получилось «козы», искажая смысл слова, то явилась необходимость использовать татарское окончание «лар».

Таким образом, данные архивов, фольклора и Ш. Ногмова о кодзах позволяют предположить возможность существования в Кабарде до середины XVIII века и третьей категории знатных уорков, которая в процессе внутриклассовой борьбы ликвидировалась. Не исключена и возможность, что из этой группы уорков выбирались соправители князей, отчего они получили наименование кодз, которое сохранилось по традиции как название должностного лица.

Вверху всей сословной иерархии феодальной Кабарды стояло узко-замкнутое сословие «пши» – князья. Звание «пши» приобреталось только по рождению. Оно давало высокое социальное положение в стране [51].

«За убийство князя в древнем народном обычае не полагалось даже меры наказания, ибо положение князя в народном понятии было так высоко поставлено, что не могло быть мысли о совершении этого преступления» [52].

Не только адатом так свято охранялась личность князя, но и царское правительство жестоко карало за малейшее покушение на нее. В 1744 году князь Магомет Кургокин был ранен «ножом в живот татарином по имени Абыз-Адыль Кадыль-Аджи», за что царский суд приговорил его к отсечению обеих рук с вечной ссылкой в Архангельскую губернию [52].

Столь высокое социальное положение князей зиждилось на исключительном их поземельном праве. Как верховным владельцам всех земель в стране, им было подвластно все население без исключения, что создало тот ореол, которым была окружена личность князя в Кабарде. Остальные группы феодалов соответственно их экономическому положению размещались по сословно-иерархической лестнице,

образуя в целом господствующий класс, который жил за счет эксплуатации столь же разнородной социально и экономически массы трудового населения.

Таким образом, кабардинское общество первой половины XVIII века было классовым, феодальным. Вследствие социально-экономического неравенства не только между двумя противоположными классами, но и внутри самих классов, общество было раздираемо как классовыми, так и внутриклассовыми противоречиями. Особенно острой была борьба между отдельными княжескими группировками за власть и гегемонию в Кабарде. Кровавые столкновения между ними, втягивая все слои населения, подрывали основу экономического и социального развития, снижали обороноспособность народа и открывали путь чужеземцам для вторжения и грабежа. Все это тормозило прогрессивное развитие страны в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В данной статье автор выдвигает ряд новых положений: об уоркской и семейной земельной собственности, уорктыне, о козларах, тльхукотлах, канако, в отличие от куначества, чагарах, «старшинах черного народа». Признавая многие из них еще недостаточно аргументированными, редколлегия сочла возможным опубликовать статью в порядке обсуждения и надеется, что она привлечет внимание специалистов-исследователей.

2. Русские источники XVIII в. часто употребляют вместо фамилий отчества кабардинских князей. Так, Касай Атажукин – тот же Касай Месоус. На самом деле Касай–Хатохшукович (Атажука) Мисостов.

3. АВПР, 1753, ф. Кабардинские дела, д. 7, л. 71.

4. Уорктын – награждение сеньором своего вассала.

5. Отдаться в канаки значило идти временно под защиту кого-либо до разрешения конфликта.

6. В описываемое время Касай Атажукин (Хатохшукович Мисостов) был старшим в своей фамилии и выступал как бы юридическим лицом.

7. АВПР, 1753, ф. Кабардинские дела, д. 7, л. 62.

8. Навруз – старший сын Ислам-бека Мисостова. Источник его называет Исламовым по имени его отца.

9. АВПР, 1753, ф. Кабардинские дела, д. 7, л. 72–72 об.

10. В описываемый период старшим князем у Жамболатовой фамилии был Жамболат Кайтукин.

11. ЦГВИА, ф. 20 (Секретная экспедиция военной коллегии), оп. 1, д. 2, св. 7, лл. 15–20.

12. Царствующий хан – Арслан-Гирей сын Девлет-Гирея II.

13. АВРП, 1753, ф. Кабардинские дела, д. 8, лл. 16–17.

14. КРО. Т. II.

15. АВПР,1753, Кабардинские дела, д. 4, лл. 20–40.

16. АВПР, 1747, Кабардинские дела, д. 9, л. 71.

17. АВПР, 1769, Кабардинские дела, д. 6, л. 31.

18. Там же.

19. АВПР, 1753, ф. Кабардинские дела, д. 7, л. 72 об.

20. АВПР, 1753, ф. Кабардинские дела, д. 8, лл.16–17.

21. АВПР, 1747, ф. Кабардинские дела, д. 6, л. 43.

22. АВПР, 1747, ф. Кабардинские дела. д. 9, л. 45.

23. АВПР, 1753, ф. Кабардинские дела, д. 7, лл. 149–150.

24. Майор Татаров – кабардинец, уздень генерал-майора кн. Эльмурзы Бековича Черкасского, получивший при крещении имя Петра Татарова.

25. С этого времени начались большие разногласия между отдельными семьями Жамболатовой фамилии, окончившиеся выходом из нее потомков Бекмурзы, которые присоединились к баксанской группировке князей в 1757 году.

26. АВПР, 1753, ф. Кабардинские дела, д. 8, лл. 16, 17

27. *Кумыков Т. Х.* Социально-экономические отношения и отмена крепостного нрава в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1959.

28. Данные об унаутах записаны со слов Анзоровой Жан, проживавшей в СОАССР, гор. Орджоникидзе, ул. Ватутина, 27. Умерла она в 1959 г. в возрасте 127 лет.

29. АВПР, 1747, ф. Кабардинские дела, д. 6, л, 40.

30. *Гарданов Б. А.* Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX века. Нальчик.1954.

31. *Ногмов Ш. Б.* История адыхейского народа. Нальчик, 1947.

32. Махуков кабак отмечен в «Карте Большой и Малой Кабарды» 1744 г. в числе других деревень, подвластных князю Арслан-беку Кайтукину.

33. АВПР, 1753, ф. Кабардинские дела, д. 8, лл. 10–37.

34. *Гарданов В. К.* Общественный строй адыгских народов. М., 1967.

35. *Тхамоков Н. Х.* Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII в. Нальчик, 1961, стр. 152–153.

36. Боцвадзе Т. Социально-экономические отношения в Кабарде в первой половине XIX в. Тбилиси, 1965.

37. АВПР, 1747, ф. Кабардинские дела, д. 6, л. 43.

38. Генеалогия кабардинских князей как исторический источник. РД № VIII (Общая схема).

39. По данным источников и ряда исследований, Кабарда в XVIII в. могла выставить 10–15 тысяч конницы. В последней служили только князья и уорки. Если допустить за каждым всадником семью в четыре человека, то в Кабарде насчитывалось максимум 50–60 человек княжеского населения и не менее 40 000 человек уоркского.

40. По нашим подсчетам в исследуемый период население Кабарды достигло 200 000 человек.

41. В Кабарде существовал обычай, по которому жених – шао уходил из дома задолго до свадьбы и с год пребывал в качестве кана (почетного гостя) у кого-нибудь из своих подвластных. Как пишет Ш. Ногмов, чагары обязаны были приглашать к себе в таких случаях шао, но необходимые материальные затраты при этом были под силу только более зажиточным.

42. «Тха» («тхьэ») по-кабардински – бог, «адэ» – отец, т. е. «отец бога». Обычно «тхамадой» зовут кабардинцы свекра, а также старшего за торжественным столом.

43. Курсив везде наш.

44. ЦГА ГССР, ф. 416, оп. 3, д. 121, л. 1.

45. История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. I.

46. *Радожицкий И. Т.* Законы и обычаи кавказских горцев // Литературная газета. 1946. № 1–2.

47. Уорк, сопровождающий храброго мужчину.

48. Содержание песни записано со слов ее исполнителя Хатуты Мирзоева, жителя сел. Урух Урванского района.

49. АВПР, 1749, ф. Кабардинские дела, д. 6, лл. 40, 41.

50. *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XIV–XVII вв. М., 1963.

51. ГАКК, ф. 348, оп. 1, д. 9, л. 18 – цитируется по указ. работе В. К. Гарданова. С. 164.

52. АВПР, 1744, ф. Кабардинские дела, д. 6, л. 1.

Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1968. Вып. 1. С. 61–81

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ КАБАРДЫ В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

Еще с середины XVI века Кавказ сделался объектом захватнических устремлений трех крупнейших государств того времени – Персии, Турции и России. Кабарда, лежавшая на стыке интересов держав-соперниц, не могла остаться независимой в силу малочисленности народа и отсутствия в ней централизованной государственной власти.

Специфика персидско-турецкой экспансии, сопровождавшейся сбором дани людьми, определила политическую ориентацию кабардинцев в пользу России. Последняя, в свою очередь, была заинтересована в целях укрепления обороны южных границ, втянуть в орбиту своего влияния воинственных кабардинцев. Эта взаимозаинтересованность сторон подготовила акт добровольного присоединения Кабарды к России, который состоялся в 1557 году. Однако процесс присоединения Кабарды к России окончательно не был им решен, он продолжался на протяжении XVI–XVIII веков [1, 109, 110].

В последней четверти XVII века русское влияние на Кавказе сильно ослабло вследствие разыгравшейся борьбы за власть внутри правящей верхушки Московского государства. Этим обстоятельством воспользовались крымские ханы, которые принудили кабардинцев платить ясак. Так была нарушена исторически сложившаяся связь между Россией и Кабардой на исходе XVII века [2, 9].

В новом столетии кавказская проблема приняла острый характер, вызвала ряд международных конфликтов и вооруженных столкновений. В этих событиях Кабарда занимала особое место в силу ее военно-стратегического, экономического и политического значения. Иначе говоря, не владея Кабардой, нельзя было решить кавказскую проблему. Поэтому в стратегических планах держав, стремившихся овладеть Кавказом, Кабарде отводили серьезное место.

К началу XVIII века в соотношениях сил стран-соперниц за овладение Кавказом произошли большие изменения. Тяжелый экономический и политический кризис вывел из борьбы Персию. Ослаблением последней решила воспользоваться Оттоманская Порта, чтобы вытеснить шаха из всех его закавказских владений, Дагестана, активизировать действия Крымского ханства на Кубани и на Кабардинской равнине, сомкнуть кольцо окружения Кавказа. План султана встретил противодействие со стороны России, чье экономическое и политическое развитие настоятельно требовало приобретения выхода к морям. Результаты кампании 1695–1696 годов не могли удовлетворить ее, пока Керчь и Еникале оставались в руках Порты, так как русский флот на Азове становился бесперспективным без выхода в Черное море. Порта не собиралась добровольно их уступать.

Поэтому и был задуман Петром I план создания общеевропейской коалиции

против Турции, к которой он еще тогда замыслил привлечь кабардинцев. Хотя Петру I не удалось организовать антитурецкий военный блок и внешнеполитический курс России резко повернул с юга на запад, район этот оставался напряженным. Появление русского флота на Азове, постройка нового военного порта Таганрога, превращение крепости Азова в губернский административный центр повышали политическую акцию России среди народов Северного Кавказа и в первую очередь среди кабардинцев. Уже в 1711 году кабардинцы обратились к азовскому губернатору с предложением о совместных действиях против Крыма [3, 42].

Все это обеспокоило правительство султана, которое решило воспрепятствовать продвижению русских в этом районе. Для этого, прежде всего, необходимо было покорить Кабарду. Эту миссию султан возложил на своего вассала – хана Крыма.

Н. А. Смирнов правильно вскрыл цель этой кампании. «В целях укрепления на Северном Кавказе, – пишет он, – и создания угрозы Азову, Турция разрешила в 1707 году новому хану Каплан-Гирею вторгнуться в Кабарду» [4, 58].

Непосредственным поводом к походу хана против Кабарды послужил отказ последней дать в честь восшествия хана на престол 3000 юношей и девушек.

Как свидетельствуют дореволюционные и советские историки-кавказоведы, в этом походе хан жестоко был разгромлен кабардинцами. По словам турецкого историка Рашида эфенди, «никогда не слыхано было такого их избиения». Видимо, эти слова не лишены основания, поскольку в течение двух десятилетий крымцы пытались взять реванш за это поражение.

Неудачи русских в начале Северной войны (1700–1721), поражение союзника Петра I польского короля, оккупацию Украины шведами в Порте расценили как благоприятную конъюнктуру для активизации внешней политики, и султан Ахмед III (1703–1730) вступил в тайные сношения с Карлом XII, но жестокий разгром последнего русскими под Полтавой (1709) рассеял планы турок.

Карл XII укрылся во владениях Порты с остатками разбитого войска и украинскими изменниками. Требование Петра I высылки шведов и выдачи украинцев было отклонено. Вокруг этого вопроса разгорелась острая политическая и дипломатическая борьба. Наконец Турция, подстрекаемая западной дипломатией и самим Карлом XII, 20 ноября 1710 года объявила войну России. Она подтянула к Молдавии более 200 тысяч турок, татар и ногайцев помимо Орды, дислоцированной на Кубани, которой было поручено разоружить южнорусские области и станицы на Дону.

В условиях войны со Швецией русские не могли оголить западный фронт. Петр I выставил против турок лишь 38 тысяч 246 человек.

Кубанская группировка войск противника представляла серьезную опасность. Она не только угрожала непосредственно русским городам и деревням, но также могла ударить в тыл наступающим русским войскам. Поэтому было решено послать на Кубанский участок войны 9-тысячное войско под командованием кавказского губернатора П. М. Апраксина, придав ему до 20 тысяч калмыков. И все же положение России, которая имела три открытых фронта, оставалось серьезным.

Со времени разгрома хана Каплан-Гирея Кабарда находилась под угрозой вторжения в ее пределы татар. Ввиду этой опасности она добивалась возобновления связи с Россией. В правительственных кругах Москвы было известно об обстоятельствах

в Кабарде. Петровская дипломатия сочла момент удобным, чтобы предложить ей покровительство России и вовлечь в начавшуюся войну. С такой сложной миссией был уполномочен туда Александр Бекович Черкасский (Давлет-Гирей Бекмурзович Жамболатов) в 1711 году.

Идея присоединения к России была популярной в то время в Кабарде, а борьба против Крыма обоюдовыгодной. Поэтому А.Б. Черкасский блестяще справился со своей миссией: Кабарда немедленно вступила в войну на стороне России и признала покровительство последней [2, 4,5].

Примечателен документ, которым был снабжен уполномоченный царя. В грамоте Петра I кабардинскому народу, подписанной им 4 марта 1711 года, были изложены договорные начала предлагаемого им союза:

1. Принять Кабарду в состав России на правах Калмыцкого ханства.

2. Оказывать военную помощь в необходимых случаях «для обороны и защиты» страны.

3. «Никаких налогов и податей не требовать».

4. «Погодное жалованье князьям».

5. Кабардинцам соблюдать верность России и нести пограничную службу.

6. В войну против Порты немедленно вступить и «показать ныне службу и верность против салтана турского и хана крымского» [2, 3].

С. К. Бушуев дал меткое определение политике Петра I в отношении Кабарды. «Петровская дипломатия, – писал он, – ставила задачу: парализовать турецкое влияние в Кабарде и консолидировать ее, как государственную единицу в составе России» [5, 79].

Содержание вышеупомянутой грамоты Петра I подтверждает эту мысль. Условия предлагаемого Россией союза отвечали нуждам и чаяниям абсолютного большинства кабардинцев, чем следует объяснить то единодушие, с каким они признали покровительство России и выступили в поход.

Военные действия на Кубани начались в августе 1711 года. Отряд Апраксина нанес удар противнику с севера, а во фланг им с востока ударили кабардинцы. 30 августа отборные части крымского нурадина [6] были разбиты ими и обращены в бегство, во время которого большое число противника потопили в Кубани и взяли в плен [2, 12].

Результаты военных действий кабардинцев в этом походе высоко были оценены Петром I [2, 12]. Однако важные события, происшедшие на главном театре войны, сковали дальнейшие их действия. В то время когда кабардинцы дрались с врагом на Кубани, исход войны уже был решен у реки Прут.

Русские войска, чтобы принудить султана запросить мира и рассчитывая на моральную и материальную помощь христианского населения Турции, слишком далеко углубились во владения Порты. 9 июля 1711 года [7] внезапно они вместе с царем были окружены турецкими войсками, превосходившими русских в пять раз. При этом у последних не было запасов продовольствия и фуража. В таких тяжелых условиях русская сторона вступила в переговоры с противником. В течение 12–14 июля был разработан и поспешно подписан Прутский мирный договор, по которому Россия шла на большие жертвы, вплоть до ликвидации Азовского флота и возвращения кр. Азова.

Кабарда, которая воевала на стороне России, не была упомянута в Прутском договоре, что серьезно осложнило ее положение. Теперь Россия ни юридически, ни фактически не могла выполнить взятые на себя обязательства перед Кабардой, не рискуя ввязываться снова в войну с Портой, чего, однако, нельзя было допустить, пока не был заключен мир со Швецией.

Таким образом, Прутский мир сковал политику России на Кавказе, изолировал Кабарду и развязал руки агрессору.

И действительно, второе десятилетие XVIII века отмечено усилением домогательств ханов, которым удалось, играя на религиозных чувствах горцев, натравить кумыков, чеченцев, закубанских адыгов и ногайцев на кабардинцев за их участие в войне против мусульман [2, 13].

Последние, теснимые с разных сторон, просили Петра I «быть непременно в своем обещании» и защитить их [2, 16].

Многочисленные письма кабардинских князей послевоенного периода, обращенные к Петру I и другим русским сановникам с тревогой и просьбой о помощи, говорят о чрезвычайном положении страны в связи с усилившейся агрессией Крыма [2, 13–22].

Политику России на Кавказе в тот период в сущности определяла необходимость поддержать мир на юге, пока идет война на севере. Вместе с тем Россия не хотела уступать Кабарду. Отсутствие юридических прав открыто заступаться за нее при наличии определенных обязательств и серьезных планов в ней, толкало русскую дипломатию на сложную, двойную игру. Она старалась всячески рассеять сомнения Порты о вмешательстве в дела кабардинцев и в то же время постоянно обнадеживала последних обещанием «защитить от неприятелей» [2, 17].

Кабардинцы, рассчитывая на помощь могущественной державы, проявляли удивительную стойкость, отбиваясь поочередно от ногайцев, кумыков, калмыков и других сторонников Крыма. Тогда султан поручил новому хану покончить с ней и утвердиться на Северном Кавказе.

Весной 1720 года хан Саадат-Гирей высадился на побережье Кавказа, присоединил к своим войскам ногайцев, некрасовцев, некоторых адыгских князей и расположился лагерем у границ Кабарды с 40-тысячным войском [8].

Хан предъявил Кабарде следующий ультиматум:

1) возобновить плату дани Крыму, признав себя подданными Порты Оттоманской;

2) выдать «4000 ясырей за бесчестие прежнего хана [9], разбитого в Кабарде»;

3) заплатить за все военные трофеи, захваченные у крымцев.

Ханский ультиматум был обсужден на Большом совете (Хаса) князей и уорков с участием старшин «черного народа», где после горячих дебатов было принято компромиссное решение:

1) согласиться на возобновление платы дани Крыму;

2) выдать «за бесчестие хана 1 000 ясырей»;

3) границу Кабарды – «реку Кубань не переходить»;

4) «а ежели пойдет к их жилищам, то ничего не дадут, только будут борониться, пока живота их станет» [10].

Послов с «дерзким» ответом хан арестовал и двинул свои войска через Кубань.

Тогда князья Мисостовы и Атажукины со старшим князем Кабарды Ислам-беком капитулировали, а Жамболотовы со своими уорками и крестьянами укрылись в Кашкатау.

Живой свидетель этих событий Илья Макаров в докладной записке астраханскому воеводе И. Кикину доносил, что Большой совет прошел в ожесточенных спорах между сторонниками капитуляции и активной борьбы с ханом. Отклонение советом части требований хана возмутило его сына Салих-Гирея – кана Мисостовых [11]. Он организовал заговор с целью истребления всех прорусски настроенных князей. Заговор был раскрыт, и последние спаслись бегством «в крепчайшие места в урочище Кашкатав», где укрылись «в городке, называемом Черек». А «достальные владельцы» с Ислам-беком Мисостовым «остались в урочище Казалбурунах при Аскане» (т. е. Баксане. – *Е. Н.*) [12]. Так произошел в 1720 году раскол Большой Кабарды на две враждебные группировки, получившие по русской терминологии название Баксанской и Кашкатауской партий [13].

Хан обложил кабардинцев ясаком: хлебом, скотом, лошадьми и людьми – «со всякого двора по ясырю». Имущество непокорившихся князей, уорков и их крестьян разграбили войска хана. «Конские и животные стада их отогнали. И хлеб на корню и сено в стогах сожгли. И жилища их разорили» [2, 23–30]. Огромные табуны лошадей, отары овец, стада коров и тысячи людей потянулись в обоз хана и дальше в Крым к мурзам.

Как повествует историк, «кабардинские де князья, видя их тяжкое великое разорение и свое бессилие, со всеми своими людьми уступили в горы, в крепкие места», решив «биться, пока живота их станет» [14]. Эту борьбу возглавлял князь Арслан-бек Кайтукин.

Мы не располагаем подробными данными о форме и мощи сопротивления кабардинцев войскам хана, но из отрывочных сведений становится ясно, что партизанская борьба народных масс сделала невыносимым дальнейшее их пребывание в стране.

4 декабря 1720 года тот же Иван Кикин доносил в Коллегию иностранных дел, что «князь Арслан-бек з братьями ему (хану. – *Е. Н.)* не покорились и недавно убили четырех человек, присланных от хана, янычар и скотину, которую гнали к хану из Кабарды, несколько тысяч овец и коров – все отбил и взял к себе» [15].

Несмотря на развернутую борьбу с врагом, у Кашкатауской группировки не было достаточной силы для изгнания захватчиков. Поэтому князь Кайтукин послал гонца к донским казакам и калмыкам, прося подкрепления [16]. Одновременно он отправил с нарочным письмо к Петру I, в котором просил оказать помощь согласно договоренности 1711 года. В том же письме была изложена и вторая просьба: построить военную крепость на территории Кабарды с артиллерией и гарнизоном русских войск для оперативной координации сил в дальнейшем [2, 29].

21 декабря 1720 года по именному указу Петра I астраханскому губернатору Волынскому было предписано: «послать к ним (к кабардинцам. – *Е. Н.)* на вспоможение и оборону донских и других казаков сколько сот человек пристойно будет», запретив им выходить за пределы Кабарды, «дабы тем не подать туркам притчины к нарушению... мирных трактатов» [2, 30–31], т. е. условий Прутского мира.

Хан, осведомленный об обращении князя к России, поспешил покончить с ним

до прибытия помощи извне. Все горные переходы к Кашкатау обложил и потребовал сдачи, но не добился успеха. А между тем пребывание крымцев в Кабарде способствовало усилению антирусского настроения среди владельцев Северного Кавказа. Участились пограничные инциденты. Для локализации этих конфликтов по предписанию астраханского губернатора весной 1721 года к кумыкам и чеченцам шел отряд донских казаков. В их походе Арслан-бек со своей партией принял участие, а на обратном пути они совершили нападение на ногайцев и перешедших к хану кабардинцев [17].

Появление русского войска в лагере противников хана объективно сыграло положительную роль, несмотря на его кратковременное пребывание. Оно поколебало позицию политически малоустойчивого старшего князя Кабарды Ислам-бека, и с ним вся Мисостова фамилия изменила хану. Верность последнему сохранили только князья Атажукины, сильно пострадавшие от последнего набега казаков и кабардинцев.

В результате хан вынужден был увести свои войска за Кубань, но при этом угнал с собой «...600 человек ясырей... и несколько тысяч лошадей...» [18].

Астраханский губернатор по поводу этой победы кабардинцев доносил в Военную коллегию: «...уведомился я от терского коменданта о кабардинцах, что князья их, согласясь между собою, побили крымцов, которые в Кабарде были, и взяли в полон пятьдесят человек, а солтан, крымского хана сын, от них ушел и чтоб на них, кабардинцов, за оное и сам хан крымской не еще пошел» [19].

16 мая 1721 года по представлению Военной коллегии Сенат рассмотрел положение Кабарды ввиду того, что русские военные власти на Кавказе не смогли оказать ей помощь [Там же]. Комендант Терской крепости комментировал это положение так: «...его царское величество повелел их, кабардинцев, охранять, а малые войска послать трудно, чтоб напрасно не потерять, к тому ж и себя защищать потребно, понеже... кумыки непрестанные чинят набеги...» [Там же].

Сам факт рассмотрения этого вопроса Сенатом говорит о его значении. В самом деле, покорение Кабарды Крымом могло нанести серьезный ущерб планам России на юге.

Победоносное окончание Северной войны, рост международного престижа России укрепляли надежду народов Закавказья сбросить при ее помощи турецко-персидское иго. Делались практические шаги с обеих сторон в этом направлении. Например, горячий сторонник Петра I грузинский принц Вахтанг считал одним из условий успешной борьбы с шахом постройку военной крепости в Кабарде «для свободной с Грузией коммуникации» [20, 371].

В этих условиях Россия не могла допустить аннексии Кабарды Портой и Крымом. Поэтому астраханскому губернатору было предписано лично заняться этим вопросом.

В конце 1721 года полковник А. Волынский с отрядом казаков и калмыков прибыл в Терский городок. Кашкатауская партия восторженно встретила русского сановника, надеясь при его помощи расправиться со своими противниками – князьями Атажукиными. Последние отказались от встреч с представителем России, пока не получат удовлетворения «от казаков за причиненные ими разорения». От третьей (более многочисленной) партии сам старший князь Кабарды Ислам-бек Мисостов со

своими уорками приехал к Волынскому, принес извинение за вынужденный переход к хану и заверил присягой соблюдать верность России [2, 34, 35].

Поскольку захватчики были изгнаны из Кабарды, задача полковника менялась. Ему следовало теперь постараться примирить враждующие стороны и восстановить русское влияние в стране. Поэтому он отказал Арслан-беку Кайтукину в подкреплении против Атажукиных и примирил главу Кашкатауской партии со старшим князем; «...имея между собою Арслан-бек и Ислам-бек многократные при мне конференции, – сообщал Волынский об этом царю, – напоследок примирились на том, чтоб им быть по-прежнему неотступно под протекцией е. и. в. и между собою войны никогда не иметь и неприятелей в Кабарду никаких не вводить и на том добровольно присягали...» [21].

Как правило, кабардинцы давали России заложников – аманатов в подтверждение своей верности. На этот раз произошло затруднение с этим вопросом: при Ислам-беке не оказалось никого из его сыновей. Тогда Волынский уговорил Ислам-бека публично заявить остальным князьям, что он из Терка не уедет, пока не приедет в качестве аманата один из его сыновей» [Там же].

Наконец он изучил вопрос о построении военной крепости в Кабарде и нашел это предложение целесообразным, после чего 5 декабря 1721 года рапортовал императору: «Итако, вся Кабарда ныне видится под рукою вашего величества» [20, 375].

Деятельность русского офицера в Кабарде вызвала бурную реакцию в Крыму и Константинополе. Хан в пространной реляции донес султану о вмешательстве русских в дела «подвластных ханам крымским кабардинцев» и потребовал немедленно сделать представление об этом царю. Особую тревогу вызвал вопрос о построении военной крепости. «Аслан-бек (Арслан-бек Кайтукин. – *Е. Н.)* по своей фальшивой фантазии, – писал хан Саадат-Гирей султану, – не токмо против нас восстал и злое намерение воспринял, как бы отлучить народ... кабардинской от татарской... отвратить их от подданства и послушания ханам крымским, но еще наипаче покушается построить новые фортецы в местах... Чорлат, Татардипп и Карагач и через такие новые фортеции обещает привесть в послушание царю московскому ногайцев и черкесов, поселенных при берегах реки Кубанской, чем оной Аслан-бей замышляет учинить московскую коммуникацию с Черным морем» [22].

19 января 1722 года русский резидент в Константинополе И. И. Неплюев донес своему правительству заявление верховного визиря Турции о жалобах крымского хана на вмешательство России в дела кабардинцев [23]. Одновременно Порта через своего посла Миралема Кападжи Мустафа-пашу передала ноту протеста правительству Петра I от 13 марта 1722 года примерно такого содержания:

«Известно есть, – говорилось в заявлении визиря, – что за двести лет до сего времени народ кабардинский пребывает подчинен ханам крымским...» [24]. Поэтому Турция потребовала: 1) запретить казакам и калмыкам «чинить на наших подданных кабардинцев обиды и нападения»; 2) никаких укреплений и крепостей на территории Кабарды не строить и «помянутому Аслан-бею (Арслан-беку. – *Е. Н.)* не помогали и сиккурса [чтоб] не чинили ..»; 3) «...чтоб офицер московской в Карагаче (т. е. полковник А. Волынский. – *Е. Н.*)..., не вступал в дела народов кабардинских, понеже они

подданные хану крымскому» и не требовал аманатов; 4) старшего князя Кабарды Ислам-бека «взятого за, арест и содержащегося в Астрахани», освободить... [25].

Петр I ответил султану грамотой от 20 марта 1722 года, в которой, не оспаривая принадлежность Кабарды Крыму, в мягких и дружеских тонах опроверг все пункты турецкого протеста. Нам представляются некоторые из них важными для правильного понимания положения Кабарды, поэтому приведем их:

1. «Неудовольство того кабардинского народа, – говорилось в ней, – происходит от безмерных обид и налог татарского народу, для чего... как мы уведомились, принуждены были они (кабардинцы. – *Е. Н.)* призвать к себе несколько сот самовольных калмыков и казаков, обещая им за то некоторую плату». «И мы запретили под жестоким наказанием впредь в те дела мешаться».

2. «Подданные наши никогда такого указа не имели, чтоб за которого кабардинского владельца вступать или тамо какие фортеции сами делать, или им в том деле помогать... Итако, в том можем ваше величество заверить накрепко, что никаких фортец в кабардинских и к ним принадлежащих краях не делано и делать намерения не имеется».

3. «Кабардинцы из давних лет дают аманаты обеим империям нашим» и часто «в ссорах просят от нас медиации». Так и на этот раз по их просьбе поручено было офицеру, шедшему в Гребенские городки, примирить их, «не посылая воинских наших людей ни против кого» [26], что и исполнено.

В заключение грамоты Петр I заверял султана в своем намерении неукоснительно соблюдать мир с Портой, в подтверждение чего он предложил прислать в Кабарду своего представителя удостовериться в попытках хана спровоцировать обострение отношений России с Портой.

Рассмотренный документ, как и промемория, врученная турецкому послу в Москве 24 мая 1724 года [27], был всего лишь тонким дипломатическим ходом, призванным скрыть истинные цели России на Кавказе, где в то время происходили сложные события.

Династия Сефевидов в Иране к 20-м годам XVIII века пришла к полной несостоятельности в управлении страной. Большая часть персидских земель была в руках восставших афганцев. Не лучше обстояло дело и в ее кавказских владениях. Лезгинский владелец Дауд-бек и кази-кумыцкий князь Сухрай восстали против шаха, 7 августа 1721 года взяли крупнейший торговый город Шемаху и разграбили его, в том числе и русских купцов, которые имели огромные состояния в этом городе [20, 365].

Дауд-бек, опасаясь возмездия со стороны России за это, отдался под покровительство султана. В результате возникла угроза поглощения всех кавказских владений шаха Портой. В случае успеха Турция, во-первых, установила бы свое господство на Каспии, что создавало бы прямую угрозу центру и восточным областям России. При этом, во-вторых, судьба Кабарды и сопредельных с ней народов автоматически была бы решена в пользу Порты. В-третьих, Северный Кавказ стал бы военным плацдармом для новой турецкой экспансии на север. В-четвертых, русско-турецкая граница (считай фронт) протянулась бы от Днепра до Каспия, где Россия не имела серьезных укреплений. Наконец, все это дало бы колоссальное преимущество туркам в случае

столкновения с ними. Поэтому Россия противопоставила им глубоко продуманный план завоевания Кавказа. В этом плане, вследствие происшедших перемен в расстановке сил соперниц, острие столкновения переместилось из Кабарды в Прикаспий. Исход дела теперь во многом зависел от того, кто в дележе персидских владений опередит. Иными словами, обстановка в этом районе требовала действий и Россия стала готовиться к ним. Чтобы скрыть цели предстоящего похода и притупить турецкую бдительность, надо было урегулировать спор с Портой из-за Кабарды, так как она потеряла первостепенное значение в связи с попыткой противника совершить обходной маневр. Думается, что русская дипломатия исходила из таких примерно соображений, идя на уступки по всем пунктам турецкого протеста, несмотря на известные нам отношения с Кабардой.

Военные приготовления России не остались незамеченными. В ответ на них Порта стянула свои войска к ее границам, но вручение (6 июня 1722 года) верховному визирю грамоты царя разрядило атмосферу.

Одновременно Неплюев был уполномочен заявить Порте, что единственной целью похода государя в Дагестан является «наказание обидчиков русских купцов лезгинцев, «которые де вышли из повиновения шаху, и получить «удовлетворение с них иным путем не представляется возможным» [28].

Как только слух о походе Петра I в Дагестан достиг Кабарды, князь Арслан-бек Кайтукин со своими уорками вышел навстречу для участия в походе.

Официальный историк XIX века П. Г. Бутков неправильно утверждал, якобы «кабардинцы ознаменовали преданность свою государю тем, что два владельца их, один Большой Кабарды Эльмурза Бекович Черкасский... и Малой Кабарды, Таусултанова рода, Аслам-бек Кемметов, добровольно предстали к государю в августе и служили» [29, 21].

Личность второго князя нам не удалось установить. Что же касается Эльмурзы Бековича Черкасского, то он не мог быть ни добровольцем, ни тем более представителем Кабарды в русской армии. Эльмурза – родной (шестой) брат Александра Бековича Черкасского.

В 1719 году молодой Эльмурза со своими уорками, с согласия всех князей покинул Кабарду навсегда, принял подданство России и поступил на службу в русскую армию. 15 мая 1720 года Петром I произведен в майоры иррегулярных войск и определен на службу в Астрахань [30].

Царь, отправляясь в поход на Кавказ, естественно, взял с собой легкую конницу Эльмурзы Черкасского [31] как одно из подразделений русской армии. Поэтому неправильно считать его представителем Кабарды. Другое дело участие в этом походе уже названного нами князя Арслан-бека Кайтукина, который действительно представлял Кабарду и выражал ее солидарность с Россией.

В походном журнале-дневнике за 2 сентября 1722 года читаем:

«Кабардинскому владельцу Арслан-беку по разговорам объявлено, что он его императорского величества высокую особу может видеть завтра» [32].

12 сентября в Тарках была объявлена военная тревога по случаю появления вражеских войск в горах Утемшинского владения, которые угрожали обозу русских войск. Надо было разведать о противнике. «Того дня, – читаем в том же журнале, –

отправлены за ними з донскими казаками кабардинской владелец Арслан-бек и с ним Эльмурза Черкасский с их людьми... достать языков, которые етой партии взяли в полон трех» [33].

Обстановка в Дагестане несколько обострилась после выхода русских войск на Сулак. Утемшинский султан Махмуд, собрав вокруг себя всех антирусски настроенных, стал угрожать всем владельцам, признавшим покровительство России, и нападать на русские посты с целью воспрепятствовать строительству крепости Святой Крест. В связи с этим шамхал Тарковский в письме от 19 сентября 1722 года просил Петра I прислать на помощь против Махмуда «астраханских, терских казаков и Арсланбека Черкасского...» [34], на что была дана грамота от 20 сентября с предписанием, чтоб казаки и «Арсланбек Черкасской ему, шамхалу, вспомогали» [35].

Обезвредить действия Махмуда было возложено на казаков, калмыков и кабардинцев под командованием атамана Краснощекого.

Помимо активного участия в походе, Арслан-бек Кайтукин в тот период развил большую деятельность по укреплению кабардино-русского союза и юридического положения самой Кабарды. В двух его заявлениях на имя царя от 19 и 22 сентября 1722 года князь ставил целый ряд вопросов, разрешение которых дало бы его родине мир и самостоятельное существование в составе Российской империи.

Первый вопрос, которым интересовался Кайтукин, – юридический статус Кабарды. Арслан-бек твердо верил, что Кабарда «с древних лет» находится под протекцией московских государей. Убежденно ссылаясь на факты, он доказывал Петру I, что «по той стороне реки Кубани – под владением крымского хана, а по ту сторону – вашего величества» [36].

Отсюда делал он резонный вывод: «Понеже у вашего величества с турками вечной мир заключен, – и притчины, как турки, так и хан до нас не имеют... Однако ж татарские народы нас зело теснят и обижают, от чего в конечное разорение пришли» [37].

Поэтому он просит Петра I заявить энергичный протест правительству султана и потребовать прекращения крымской агрессии против Кабарды.

Второй вопрос – переселение кабардинцев на Терек, ближе к русской границе. Этой мерой князь предполагал пресечь дальнейшее влияние ханов в Кабарде и окончательно ее закрепить за Россией. Но этому мероприятию могли воспрепятствовать прокрымски настроенные князья. С целью их нейтрализации Арслан-бек предлагал уполномочить в Кабарду знатного русского сановника, который от имени императора России предложил бы народу переселиться «жить к Терку», гарантируя сохранение целостности их страны и оказание помощи в «оборонении от неприятелей» [38].

Опасаясь сопротивления Крыма такому сближению кабардинцев с Россией, Кайтукин просил «помочи себе калмык и донских казаков для переселения подданных своих от Баксана на реку Терек и чтобы оные калмыки и казаки ему вспомогали в потребном случае против крымского хана и дать ему послушной указ о том к ним» [39].

Судя по ответу, данному князю 23 сентября, идея Арслан-бека о переселении кабардинцев была одобрена в Ставке императора [40].

Третий вопрос – «о правлении на Терках». Вокруг русского городка-крепости

Терк обитали татары, кара-ногаи, кочевавшие в прикаспийских степях, охочены или окочены – по своей охоте вышедшие из гор на жительство в российские владения; новокрещенцы – представители разных народностей Кавказа, принявшие христианство и подданство России, и черкесы, т. е. кабардинцы.

В 1625 году царь Михаил Федорович определил князем над всем этим нерусским населением кабардинского владельца Шолоха Сунчалеевича Черкасского [2, 107]. Потомки Шолоха со временем ассимилировались с русским дворянством и к изучаемому периоду покинули эти края. Это место имело большое экономическое и политическое значение для Кабарды.

Арслан-бек, выражая интересы своего класса, доказывал наследственное право кабардинских князей на «княжение в Терках», «...как наши отцы и деды были над Терками владельцами, – просил он Петра I, – также повелено б было и нам, рабам вашего величества, а чтоб кумыкам тут присутствия не было» [41]. На это дан был ему положительный ответ: «О правлении на Терках впредь рассмотрение учинено будет и, яко принадлежащее им, отдана будет одному из них, кабардинским владельцам» [42].

Четвертый вопрос – финансовый. Грамота Петра I от 4 марта 1711 года гарантировала «погодное жалованье князьям» кабардинским. Арслан-бек добивался выполнения этого пункта. Помимо чисто экономической стороны, этот вопрос имел огромное политическое значение. Во-первых, этим подтверждалось покровительство России над Кабардой; во-вторых, поднимался престиж кабардинских князей среди народов Кавказа.

В день отъезда кабардинского отряда (23 сентября 1722 года) по случаю окончания похода Петра I князю Арслан-беку преподнесли в подарок от царя дорогой панцирь «за усердие ко службе его императорского величества». Выдали два «послушных указа» Петра I к донским казакам и калмыцкому хану с повелением оказывать кабардинцам «воинскую помощь против их неприятелей» и письменный ответ царя на прошение князя, в котором весь круг затронутых им вопросов был положительно рассмотрен» [43].

Однако основная цель князя Кайтукина – официальное объявление Кабарды под защитой и покровительством России – не была достигнута. Разрешению кабардинского вопроса препятствовала затянувшаяся прикаспийская проблема.

Тем временем крымский хан, ссылаясь на грамоту Петра I Ахмеду III от 20 марта 1722 года, предъявил свои права на Кабарду. В своем послании к кабардинским князьям хан потребовал безоговорочного признания верховной власти султана и хана. «Два государя (Петр I и Ахмед III. – *Е. Н.*) в миру и Кабарду отдали ему, хану крымскому», – писал он [2, 38].

Иными словами, хан решил сделать при помощи грамоты русского царя то, чего не смог добиться с оружием в руках. С активизацией экспансионистской политики Крыма активизируются прокрымски настроенные феодалы Кабарды. Ислам-бек, освобожденный из Терка Петром I, снова предался хану, поклялся ему привести всю Кабарду под его власть и скрепил этот союз браком своей дочери с ханским сыном Салих-Гиреем-салтаном, который был кубанским сераскиром. Зато кабардинцы, которые придерживались прорусской ориентации, во главе с князем Арслан-бе-

ком Кайтукиным категорически отвергли требование Крыма и его приспешника Ислам-бека. Чтобы парализовать деятельность хана и его сторонников в Кабарде, Кайтукин приступил к переселению населения на Терек, как было согласовано с русским императором. На этой почве разгорелась ожесточенная борьба между партиями [44; 2, 38].

На помощь Ислам-беку пришел кубанский сераскир. Арслан-бек обратился к казакам и калмыкам и послал гонцов в Москву.

8 февраля 1723 года упомянутый выше воевода И. Кикин доносил в Коллегию иностранных дел: «... владелец Исламбек (Мисостов. – *Е.* Н.), уничтожив свою присягу, навел на них (кабардинцев. – *Е. Н.)* крымского салтана (Салих-Гирея.– *Е. Н.) с* войсками, от которых они ныне сидят в осаде, и просят о присылке к ним... для вспомоществования е. и. в. войск» [2, 39].

Коллегия запросила астраханского губернатора, «чтоб он немедленно донес», что им предпринято по существу этого донесения и что «для престережения е. и. в. интересов в том еще чинить надлежит» [Там же].

Медлительность русской бюрократической администрации и быстрая смена событий в Кабарде не соответствовали друг другу. Пока велась переписка между Москвой и Астраханью, войска хана подвергли нападению страну и снова разорили ее, но приверженцы России не сдались.

В такой ответственный период, когда решалась судьба народа (март 1723 года), Арслан-бек Кайтукин уполномочил в Петербург к Петру I послов (Джанмамета Тамбиева, Жабаги Казаноко и Кургока Куденетова), в числе которых, как видим, был известный общественный деятель Кабарды Жабаги Казаноко.

Послы от имени старшего князя Кабарды просили оказать согласно достигнутым соглашениям на Сулаке военную помощь против кубанских татар, которые вооруженной силой препятствуют переселению кабардинцев на Терек и «хотят насильственно привести их в подданство Крыма» [45].

5 апреля 1723 года Петр I подписал две грамоты. Одна из них 9 июня была вручена кабардинским послам, а вторая послана астраханскому губернатору для руководства.

Двойственность политики правительства Петра I по отношению к Кабарде, о которой мы выше говорили, подтверждается содержанием двух этих грамот. В первой, предназначенной князю Арслан-беку, говорилось: «...послан ныне указ наш к астраханскому губернатору нашему Артемью Волынскому, в котором повелено ему, дабы он о тех ваших прошениях учинил надлежащее рассмотрение и определение» [Там же].

Во второй же грамоте, адресованной астраханскому губернатору, читаем: «...получены здесь листы... от кабардинского владельца Арсланбека, в которых он пишет о разных прошениях своих... и понеже... писано к нему, Арсланбеку, что в тех его прошениях послан к вам указ наш, дабы вы учинили надлежащее рассмотрение и определение того ради, ежели он, Арсланбек, будет об иных требованиях своих к вам отзываться, то имеете вы ему, Арсланбеку, от себя в пристойных терминах ответствовать, что вы о том указ наш имеете и по оному надлежащее определение чинить будете, а в самом деле продолжать токмо то одним обнадеживанием, смотря по тамошнему состоянию, как наилучше и приличнее усмотрите» [46].

Грамота заканчивается предписанием царя: «А между тем надлежит вам осведомиться подлинно, в каком состоянии кабардинские владельцы и жители тамошние ныне находятца, и что между ими происходит в домашних их делах и несогласиях и о том нам немедленно донесть и при том доношении прислать мнение свое, каким образом при нынешних конъюнктурах надлежит с ними поступать...» [Там же].

Рассмотренные выше документы показывают, что Россия и к концу первой четверти XVIII века все еще продолжала проявлять особую осмотрительность к вопросам, касающимся Кабарды, не ослабляя, однако, интереса к ней. Это ставило Кабарду в тяжелые условия перед лицом усилившейся агрессии крымских ханов.

К этому времени (в начале 1724 года) в Крыму произошел дворцовый переворот. Падение Саадат-Гирея и восстановление на престоле его личного врага Давлет-Гирея II [47] внесли большую растерянность в среду кабардинских князей Баксанской группировки и подорвали ее престиж как в Крыму, так и у себя на родине.

В связи с событиями в Крыму на пост кубанского сераскира был возвращен Бахты-Гирей-Дели-салтан [48], который в годы опалы отца нашел убежище у калмыков и своими набегами опустошал окрестности, не щадя ни татар, ни русских, ни кабардинцев. Теперь он воспользовался происходившей в Калмыцком ханстве феодальной междоусобицей и увел много калмыков на Кубань и в Крым, в том числе внука калмыцкого хана Дондук-Омба.

Скопление такого числа своевольных татар, ногайцев и калмыков на Кубани представляло серьезную опасность для Кабарды, которая была разобщена и обессилена феодальными междоусобиями и походами крымских ханов.

Особенно эту угрозу испытывала Кашкатауская партия, известная своей политической антипатией к Крыму. Она опасалась оказаться в изоляции ввиду того, что не получила обещанной помощи со стороны России, а ее противники готовились нормализовать отношения с новым ханом через Дондук-Омбу [49].

Не в меньшем затруднении находился и крымский хан по кабардинскому вопросу. Из-за личной вражды к своему предшественнику он игнорировал его родственников в Кабарде (князей Мисостовых и Атажукиных), составлявших большую часть страны. А Кашкатауская партия, твердо придерживаясь союза с Россией, сама не признавала его. Все это могло совсем лишить Крым влияния в Кабарде, чего не простили б ему в Константинополе. Поэтому Давлет-Гирей-хан стремился, играя на противоречиях между группировками, расположить к себе самого популярного князя Кабарды Арслан-бека Кайтукина и сделать его орудием подчинения Кабарды Крыму.

Посредником в переговорах между князем и ханом выступил кубанский сераскир. В результате в 1724 году был заключен союз между Арслан-беком Кайтукиным и ханом Давлет-Гиреем II, скрепленный женитьбой младшего сына хана Арслан-Гирея-Салтана на дочери князя [50]. Согласно этому договору хан обязывался помочь военной силой князю захватить власть в стране, за что последний дал присягу привести всю Кабарду под верховную власть Порты [51].

Таким образом, измена Кашкатауской партии и частые дворцовые перевороты, последовавшие после смерти Петра I, ослабили связь Кабарды с Россией. Последнее обстоятельство позволило ханам активно вмешиваться во внутреннюю борьбу кабардинских князей за власть в стране, стремясь при помощи своего ставленника

окончательно покорить ее. Поэтому с конца первой четверти XVIII века Кабарда становится ареной ожесточенной вооруженной борьбы между двумя феодальными группировками одной стороны, и призываемыми ими чужеземцами – с другой. Все это подрывало экономику страны и наметившуюся централизацию политической власти старшего князя.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967.
2. КРО. М., 1957. Т. II.
3. *Кудашев В.* Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913.
4. *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958.
5. *Бушуев К.* Из истории русско-кабардинских отношений. Нальчик, 1956.
6. *Нурадин* – высшая должность в Крыму после хана и калги.
7. Дата здесь и ниже дана по старому стилю.
8. АВПР, 1720, ф. Кабардинские дела, д. 1, л. 96 (т. 1, 4).
9. Здесь речь идет о хане Каплан-Гирее, потерпевшем поражение в Кабарде в 1708 году.
10. АВПР, 1720, ф. Кабардинские дела, д. 1, л. 96.
11. *Кан* – воспитанник.
12. Там же.
13. Кабардинский историк В. Н. Кудашев в своей работе: «Исторические сведения о кабардинском народе» (Киев, 1913. С. 48.) ошибочно отнес дату раскола Б. Кабарды к 1725 году, что нашло место в ряде специальных работ по истории Кабарды Н. А. Смирнова и Н. Х. Тхамокова.
14. АВПР, 1720, ф. Кабардинские дела, лл. 2, 3.
15. АВПР, 1720, ф. Кабардинские дела, лл. 76–77 (тет. 1–2).
16. АВПР, 1720, ф. Кабардинские дела, д. 1, лл. 76–77 (тет. 1–2).
17. АВПР, 1721, ф. Кабардинские дела, д. 1, лл. 3–4; см.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1963. Т. IX. С. 372.
18. АВПР, 1722, ф. Сн. России с Персией, оп. 77/1, д. 6, л. 23 (тет. 9, с. 49, 50).
19. АВПР, 1721, ф. Кабардинские дела, д. 2, л. 1.
20. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен, М., 1963. Т. IX.
21. АВПР, 1722, ф. Сн. России с Персией, оп. 77/1, д. 6, л. 23 (тет. 9, с. 49, 50).
22. АВПР, 1722, ф. Кабардинские дела, д. 6, л. 2.
23. АВПР, 1722, ф. Кабардинские дела, д. 6, лл. 1–7.
24. АВПР, 1722, ф. Кабардинские дела, д. 6, л. 2.
25. АВПР, 1723, ф. Сн. России с Персией, д. 8, лл. 1–2.
26. АВПР, 1722, ф. Кабардинские дела, д. 6, лл. 8–12 (тет. I, с. 25–32).
27. АВПР, 1722, ф. Кабардинские дела, д. 6, лл. 1–2.
28. АВПР, 1722. ф. Сн. с Персией, д. 7, лл. 109–110 (тет. 9, с. 1, 2).
29. П. Г. Бутков. Материалы по новой истории Кавказа. Ч. I. С. 21.
30. АВПР, 1758, ф. Кабардинские дела, д. 7, лл. 40–43.
31. 22 мая 1724 г. в доме А. Меншикова Петру I было доложено об измене кабардинского князя Арслан-бека Кайтукина – двоюродного брата Эльмурзы Бекмурзовича Черкасского. Царь, раздраженный этим сообщением, приказал «....князю Черкасскому объявить: ежели не пожелает креститься, то б он ехал куда похочет. И от жалованья ему отказать». (АВПР, 1758, ф. Кабардинские дела, д. 6, л. 5). Несмотря на это, Эльмурза продолжал безупречную службу. В 1726 г. он был послан в Персию с корпусом генерал-фельдмаршала В. В. Долгорукова. В 1727 году за усердие назначен командующим над казаками, дворянинами и окоченами при

кр. Св. Крест. В 1728 г. произведен в подполковники, в 1730 г. – в полковники, а в 1744 г. именным указом импер. Елизаветы Петровны – в генерал-майоры. В этом чине умер в 1767 г. в Кизляре. (См. АВПР, 1758, ф. Кабардинские дела, д. 7, лл. 1–41).

32. АВПР, 1722, ф. Сн. с Персией, д. 13, л. 98 (тет. 9, с. 11).
33. АВПР, 1722, ф. Сн. с Персией, д. 13, л. 113 (тет. 9, с. 10).
34. АВПР, 1722, ф. Сн. с Персией, д. 13, л. 122 (тет. 9, с. 7).
35. АВПР, 1722, ф. Сн. с Персией, д. 13, л. 125 (тет. 9, с. 5).
36. АВПР, 1722, ф. Кабардинские дела, д. 3, л. 18 (тет. 1, с. 9).
37. АВПР, 1722, ф. Сн. с Персией, д. 13, л. 113 (тет. 9, с. 3, 4).
38. АВПР, 1722, ф. Сн. с Персией, д. 7, л. 124 (тет. 9, с. 8, 9).
39. АВПР, 1722, ф. Сн. с Персией,д. 13, л. 124 (тет. 9, с. 8, 9).
40. АВПР, 1722, ф. Сн. с Персией,д. 13, л. 125 (тет. 9, с. 5, 6).
41. АВПР, 1722, ф. Кабардинские дела, д. 3, л. 18 (тет. 1, с. 10).
42. АВПР, 1722, ф. Сн. с Персией, д. 13, л. 125 об. (тет. 9, с. 5, 6).
43. АВПР, 1722, ф. Сн. с Персией, д. 13, л. 125 (тет. 9–7).
44. АВПР, 1723, ф. Кабардинские дела, д. 2, лл. 1–10.
45. АВПР, 1723, ф. Сн. с Персией, д. 5, лл. 25–26 (тет. 7, с. 21).
46. АВПР, 1723, ф. Сн. с Персией, д. 5, лл. 23–24 (тет. 7, с. 121).
47. Это третье и последнее появление Давлет-Гирея II.
48. Бахты-Гирей, сын Давлет-Гирея II.
49. Дондук-Омба был женат на кабардинской княжне Жан – дочери Кургоки Атажукина.
50. Будущий хан Крыма (1747–1756).
51. АВПР, 1724–1727 гг., ф. Кабардинские дела, д. 2, лл. 10–41.

УЗ КБГУ. Нальчик, 1968.
Вып. 40. С. 18–35

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНЕ «КУНАК»

В монографии В. К. Гарданова «Общественный строй адыгских народов» большое место уделено институту покровительства адыгов и последнему дано в принципе правильное толкование [1, 289–325]. Но, как представляется, сам термин «кунак» нуждается в некотором уточнении.

В. К. Гарданов считает, что у адыгов не было специального термина, обозначавшего то, что в этнографической литературе принято именовать куначеством [1, 310]. «Отношение куначества, – пишет он, – они (т. е. адыги. – *Н. Е.)* рассматривали как продолжение отношений гостеприимства и почти полностью включали их в это понятие» [1, 310].

Иначе говоря, по В. К. Гарданову, адыги не дали определенного названия бытовавшему у них институту (уходящему «своими корнями в родовой быт» [1, 308] по признанию самого автора) и два различных понятия: гость и лицо, просящее защиты, а точнее сказать, два института – гостеприимство и предоставление покровительства – обозначали одним словом «хьэщIэ» (гость).

Здесь, естественно, возникает вопрос: почему, в таком случае, этот адыгский институт вошел в научный оборот не под своим адыгским названием «хьэщIэ», а под не понятным адыгу словом «кунак»?

Как бы отвечая на поставленный вопрос, В. К. Гарданов в комментариях пишет: «Слово кунак (гость) вместо адыгского хьэщIэ (гость) первоначально распространилось среди русских, через посредство тюркоязычных народов Северного Кавказа (прежде всего кумыков и ногайцев), язык которых в фонетическом отношении был более легким, чем язык адыгов...» [1, 321].

Таким образом, названный автор происхождение искомого научного термина находит в адыгском слове «хьэщIэ» (гость), которое, по его мнению, в исторической литературе заменено однозначным тюркским словом «кунак» (гость) в силу его фонетической особенности.

Следовательно, правомерно признать адекватными слова: «хьэщIэ», «гость» и «кунак». Но В. К. Гарданов подчеркивает коренное отличие последнего от первых. «...Ошибочным является, – пишет он, – часто встречающееся в литературе безоговорочное отождествление слова «кунак» со словом «гость» [1, 308].

В результате получается, что «хьэщIэ» есть «гость», а «гость» – «кунак», но «кунак» не есть «гость».

По всем данным, кабардинское слово «хьэщIэ», русское – «гость» и тюркское – «кунак» по смыслу идентичны и слово «кунак» у тюркоязычных народов второго смысла не имеет, тогда как интересующий нас научный термин далеко не однозначен с последним.

Как увидим в дальнейшем изложении, адыгский институт покровительства в исторической литературе обозначается не только термином «кунак» (куначество).

В русских источниках первой половины XVIII в. господствует термин «отдаться в канаки». В документах второй половины XVIII в. встречаются три различных наименования: «канаки», «конаки» и «кунаки». Причем чаще употребляется первый вариант. В литературе же более позднего периода соперничают два термина: «конак» (коначество) и «кунак» (куначество).

Данные русских источников XVIII в. и кабардинского фольклора проливают определенный свет на эту путаницу.

В рапорте кизлярского коменданта бригадира Фрауендорфа от 3 июля 1753 г. отмечен один эпизод из жизни кабардинцев, в котором легко улавливается местное название интересующего нас института. В частности, в нем говорится, что братья Чожокины – мелкие вассалы князей Мисостовых «...по неудовольствию и нападкам братей Месувосовых... **отдались по обычаям их в канаки** [2] в кашкатавскую партею..., которые де ныне уже... удовольствованы» [3].

Как выясняется далее из цитируемого документа, два брата Чожокины, оскорбленные тем, что их сеньоры в течение ряда лет не давали им уорктына [4], снялись с мест со всей своей деревней зависимых крестьян и обратились к князю Жамболату Кайтукину, требуя убежища и посредничества в их конфликте с Мисостовыми. Последней мерой братья Чожокины согласно институту «отдавания в канаки» могли принудить своих сеньоров блюсти нормы адата по отношению к уорку-дворянину. В противном случае вассальные отношения сторон считались расторгнутыми, что ущемляло престиж сеньора.

Позволительно спросить: можно ли считать, да и считали ли сами кабардинцы за гостей целое общество крестьян со своими феодалами, прибывшее на неопределенный срок во владения другого князя, в поисках крова и медиации? Если да, то почему документы не называют их просто гостями-кунаками, а обозначают непонятной, явно иноземного происхождения фразой – «в канаки отдались».

Допустима мысль, что в документ могла просочиться техническая ошибка по вине переписчика, в результате чего появилось бессмысленное «канаки» вместо слова «кунаки». Но неправомерность подобного рода предположения легко доказуема. Во-первых, если и заменить «канаки» словом «кунаки», выражение, «в кунаки отдались» лишено логики. В гости идут, едут, но не сдаются. Во-вторых, термин «в канаки отдались» встречается в документах, относящихся к Малой и Большой Кабарде, к первой половине, середине и второй половине XVIII в. Столь широкие хронологические и географические рамки распространения данного варианта вряд ли объяснимы небрежностью писца или группы писцов.

Так, в другом рапорте, от 25 октября 1753 г., тот же бригадир сообщая в Коллегию иностранных дел причины срыва заключения договора между двумя враждующими княжескими группировками Кабарды, писал: на первой же встрече сторон возник спор из-за князя Навруза Исламова, **«отдавшегося в канаки** кашкатавской партии» [5].

Комментируя это положение, комендант доносил в Москву, что князья баксанской группировки как условие возобновления переговоров требуют выдачи беглого князя Навруза, а противная, мол, сторона доказывает, что «отослать оного Навруза от себя невозможно как сущего их канака» [Там же].

Как видно, в обоих описанных случаях речь идет не о госте-кунаке и гостеприимстве, а о «канаке», ищущем покровительства, и институте «в канаки отдаваться»,

согласно которому любой кабардинец, в случае необходимости, вправе был просить крова и медиации третьего лица.

Именно в таком понимании тот же термин употребляет и другой кабардинский князь Эльбездука Канаматов, который в 1768 г. на ультимативное письмо кизлярского коменданта ответил: «...мы не холопи ваши, а канаки е. и. в. всероссийской государыни» [6].

Автор настоящего письма словами «канаки е. и. в.» явно подчеркивает юридическое положение кабардинских князей, которые, по его мысли, находятся под покровительством русской императрицы, а не подданные ее.

Как отмечалось в предыдущем изложении, В. К. Гарданов дает такое же толкование рассматриваемому институту. «В изученных нами документах XVIII в., – пишет он, – термин «кунак» употребляется чаще всего в смысле человека, ищущего покровительства и принятого под защиту» [1, 321].

Всецело соглашаясь с данным определением В. К. Гарданова, надо заметить, что в приведенных им документах искомый научный термин в шести случаях именуется «канаками» или «конаками» и лишь в одном – «кунаком».

Кстати, рассмотрим некоторые из них. В письме кабардинских феодалов к командующему Кавказской линией П. С. Потемкину от 23 января 1783 г. говорилось: «...притом имеем ваше превосходительство просить: из природных холопьев наших, равно ж и из черных народов, переходя в ваши крепости, и находются **канаками**... Прикажите **оных канаков ваших** нам возвратить» [1, 322].

Очевидно, авторы данного письма неспроста беглых крепостных крестьян и холопов называют «канаками», а не «кунаками». В большинстве своем феодальная знать Кабарды владела тюркским языком, и вряд ли «канак» – следствие неправильного произношения слова «кунак». Не могло оно появиться и по вине переводчиков. Как правильно заметил В. К. Гарданов, в русских администрациях на Кавказе переводчиками обычно служили ногаи и кумыки, которым слово «кунак» родное.

С аналогичной просьбой обратились к П. С. Потемкину и малокабардинские князья, которые конаками именуют их беглых холопов, нашедших убежище в русских крепостях: «...уходящих **конаками** к вам холопьев наших, – писали они, – милостиво прикажите нам возвратить» [1, 322].

Термином «канак» обозначает и русский пристав в Большой Кабарде А. Е. Ураков пришедших под его покровительство кабардинских бейголей [7]. Уведомляя об этом происшествии высшее начальство, Ураков писал, что пока князья не удовлетворят требований возмутившихся бейголей, последние **«...останутся моими канаками** и перекочуют поблизости к моему лагерю» [1, 322].

Как видно из приведенных документов, во-первых, искомый научный термин в XVIII в. имел сравнительно твердое правописание – «канаки». Во-вторых, главное в этом адыгском обычае заключается не в гостеприимстве, а в выборе способного отстаивать интересы просителя покровителя и согласии последнего взять на себя роль посредника в приключившемся конфликте.

Особую ценность по рассматриваемому вопросу представляет письмо ногайского мурзы Ислама Мусина, которого уже никак нельзя заподозрить в незнании тюркского языка и, в частности, слова «кунак». Однако он так же, как и кабардинцы, в своем

письме к командующему Кавказской линией жалуется, что находящихся у него «конаками» абазинцев беспокоят кабардинские князья, объявляя их «своими» [1, 322].

Тот факт, что упомянутый ногайский мурза укрывшихся у него от кабардинских князей абазинцев называет «конаками», а не «кунаками», убедительно доказывает, что в основе интересующего нас термина лежало не тюркское слово «кунак» (гость, хьэщIэ), как полагает В. К. Гарданов, а совсем другое адыгское слово «канаки», или «конаки», искаженное переводом.

С другой стороны, он также свидетельствует о том, что часто встречающиеся в русских источниках XVIII в. выражения: «в канаки отдались», «конаками уходящих» и т. д. есть не что иное, как искаженное неудачным переводом местное, адыгское название рассматриваемого обычая, которым пользовались и представители тюркоязычных народов Северного Кавказа.

Иначе говоря, по данным русских источников XVIII в., у адыгов существовал специальный термин «в конаки отдаваться», которым они определяли юридическое положение лиц, находящихся под чьим-либо покровительством.

Думается, что названный мурза пользовался именно этим общепринятым в то время адыгским термином, когда он своих подопечных абазинцев именует «конаками», а не кунаками.

Но что такое «канаки» или «конаки»? Какова их этимология?

На эти вопросы дает ответ кабардинский фольклор. Однако, прежде чем говорить о фольклорных данных, необходимо остановиться на форме русской передачи искомого термина: «в канаки отдались», «конаками уходящих» и т. д.

Перед нами необычные для русского языка выражения. Очевидно, их рождение обусловлено отсутствием в русской действительности подобного института, а тем более термина. В силу этого переводчик вынужден перенести в русский текст непереводимую часть местного названия, которая, после неизбежных в таких случаях фонетических и орфографических искажений, дала мало сходную с оригиналом копию: «канаки», а в иной редакции «конаки». Другая часть исследуемого термина подверглась дословному переводу «отдались», что, если обратно перевести, значит «екIуэлIэжащ». Достаточно соединить их в одно предложение (в конаки екIуэлIэжащ), чтобы обнаружить прототип искомого термина «къанакIуэ екIуэлIэжащ».

Таким образом, синхронизируя данные русских источников и кабардинского языка, можно реконструировать архаический термин адыгов, которым они определяли положение лиц, временно находящихся под чьим-либо покровительством, и который, на наш взгляд, несправедливо заменен некоторыми авторами в исторической литературе тюркским словом «кунак».

Слово «къанакIуэ» не поддается точному переводу на русский язык. Оно состоит из: 1) слова «къан», означающего воспитанник, опекаемый; 2) соединительной гласной «а» и 3) глагола повелительного наклонения «кIуэ» (ко) – иди, т. е. «къан» + «а» + «кIуэ»; которое переводимо, как «хождение в каны», «идущий в каны».

В предложениях со словом «къанакIуэ», как правило, роль сказуемого выполняют два глагола: «екIуэлIэжын» (отдаться) и «кIуэжын» (уйти).

Достоин внимания тот факт, что смысл (точно) непереводимых выражений: «къанакIуэ екIуэлIэжащ», «къанакIуэ кIуэжащ» наилучшим образом передает избранная переводчиками первой половины XVIII в. форма: «в конаки отдались», «канаками ушли».

Изложенная выше форма словообразования присуща кабардинскому языку. Например:

1. «Мэз» (лес) +«а» + «кӀуэ» образует новое понятие – хождение в лес, идущий в лес. Точно так же, как и в предыдущем предложении, и здесь говорят «МэзакӀуэ кӀуащ» (не поддающееся точному переводу) – в лесохождение ушел.

2. «Зауэ» (война)+«а» + «кӀуэ» – «зауакӀуэ», которое можно понять как вояка и как идущий воевать, и как хождение на войну, но с глаголом «кӀуащ» образует утвердительное предложение с законченным действием «зауакӀуэ кӀуащ» – ушел воевать.

3. «ХьэщӀэ» (гость)+«а» + «кӀуэ» – хождение в гости, идущий в гости, а «хьэщӀакӀуэ кӀуащ» – в гости ушел.

Как видно, интересующий нас термин «къан», «къанакӀуэ», «къанакӀуэ кӀуэжащ» построен по тому же принципу-правилу, что и приведенные выше примеры. Слово «къан» (кан) на кабардинском языке имеет три различных значения. Прежде всего «къан» – представитель знати, с детства взятый на воспитание, т. е. воспитанник, опекаемый. Во-вторых, «къан» – жених «щауэ», на период женитьбы ушедший к дружке. В-третьих, «къан» – лицо, отдавшееся под защиту другого на время разрешения приключившегося с ним конфликта. Быть каном в первом значении в дореволюционной Кабарде было почетно. Кану оказывали самое высокое уважение в доме, где он рос. Задолго до рождения у князя ребенка тлекотлеши и другие знатные дворяне начинали оспаривать друг у друга право взять к себе каном княжеского отпрыска. Поэтому о таком кане говорили: «унесли в каны» (къану яхьащ). Отсюда и обычай «къаныхь» (каных), который вошел в научный оборот под названием «аталычество» от слова «аталык» – приемный отец, воспитатель.

Во втором случае «къан» сам просился, сам ушел к дружке. Соответственно с этим существовал и термин: «къану кӀуэжащ» – в каны ушел. Последнее употреблялось, как правило, в отношении женихов из феодальной знати Кабарды, которые более года оставались у дружки. В знак особого почтения таких женихов приравнивали к канам и именовали их не просто «щауэ» – жених, а «къан-щауэ» (кан-жених). Обычай уходить из дому на время свадьбы обозначался термином «щауакӀуэ» – «щауэ» (жених) + «а» + «кӀуэ» – хождение в женихи.

В последнем, третьем, случае «къан» уходил из дому в поисках убежища и в случае удачи отдавался, а точнее – вверял свою судьбу человеку, на честь и авторитет которого полагался. Как отмечалось выше, уходили под защиту покровителей в одиночку, семьями и целым обществом. Институт покровительства в XVIII в., в особенности в его первой половине, в Кабарде был одним из распространенных и действенных обычаев, которым пользовались все слои населения страны. Отсюда и новый, соответствующий его массовости термин «къанакӀуэ» – хождение в каны.

В отличие от первых двух канов последний не пользовался особым почетом, сам зависел от покровителя и назывался не каном или «къанщауэ», а «къанакӀуэ», «къанакӀуэкъэкӀуар»; эти термины нашли отражение в русских документах XVIII в. как «канако», или «конако», а во множественном числе «канаки» или «койаки».

Последние находились на особом положении, напоминавшем, с одной стороны, положение гостей, так как у адыгов, в частности, у кабардинцев, любое чужое лицо, находящееся в доме, – гость. В этом смысле каждый конак (ради удобства в дальнейшем будем пользоваться этим термином) – гость, но не всякий гость – конак. С

другой стороны, конакам часто приходилось оставаться у покровителя более двух и трех лет в ожидании урегулирования спора, что несколько сближало их с канами, хотя известная зависимость лишала их канского почета.

Вместе с тем конаки без исключения пользовались своего рода правом неприкосновенности как со стороны покровителя, так и преследователя до окончательного разрешения конфликта. В конечном итоге положение каждого конака в доме покровителя определялось его социальной принадлежностью, т. е. был ли он князь или дворянин, или простой крестьянин, или же беглый холоп.

В принципе конаку вовсе не обязательно было постоянно пребывать в доме покровителя. Достаточно того, что он принят под защиту покровителя, с именем которого отныне связана судьба конака. А вопрос о том, где жить ему, зависел от желания и возможности последнего.

Наряду с этим общепринятым адыгским термином «къанакIуэ» в Кабарде в отношении князей, ушедших конаками, употреблялось особое определение: «хьэщIапIэ екIуэлIэжащ» – удалился к местопребыванию гостей! Данной туманной терминологией высшая знать пыталась стушевать несколько унизительный характер обычая отдаваться на милость покровителя и подчеркнуть свое социальное отличие [8]. По всей вероятности, эта неясная формулировка, очень схожая со словом «хьэщIакIуэ кIуэжащ» (ушел или уехал в гости), послужила одной из причин существующей путаницы в отношении рассматриваемого термина.

Не исключена возможность, что была допущена ошибка одним из переводчиков по незнанию им всех тонкостей быта и языка кабардинцев, и термин «хьэщIапIэ екIуэлIэжын» (отдаться под покровительство) был переведен как «хьэщIакIуэ кIуэн» (идти в гости в обычном смысле), т. е. как «кунак», который затем стал дублироваться в источниках.

Думается, что рассмотренные материалы (как архивные, так и фольклорные) позволяют признать, что у адыгов существовал специальный термин «къанакIуэ», в котором следует искать этимологию научного термина «конак» и «коначество». Пожалуй, часто встречающиеся в русских источниках XVIII в. термины «канаки», «конаки» и кабардинский «къанакIуэ» – синонимы и обозначают один и тот же обычай – уходить под защиту более сильного.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Гарданов В. К.* Общественный строй адыгских народов. М., 1967.
2. Здесь и ниже курсив наш. – *Е. Н.*
3. АВПР, 1753 г., ф. Кабардинские дела, оп. 115/1, д. 7, л. 71.
4. Обязательное вознаграждение сеньором своего уорка-дворянина называлось «уорктын», уорк – дворянин, а тын – дача.
5. АВПР, 1753 г., ф. Кабардинские дела, д. 7, л. 209.
6. АВПР, 1753 г., ф. Кабардинские дела д. 11, л. 4.
7. Социальная группа Кабарды, лично зависевшая от князей.
8. Сведения о термине «хьэщIапIэ екIуэлIэжын» дал житель сел. Псыкод Урванского района КБАССР Келахстан Сосмаков в 1967 г.; эти сведения находятся среди бумаг автора.

УЗ КБГУ. Нальчик, 1971.
Вып. 43. С. 143–152

К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ СТРОЕ КАБАРДЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

В дореволюционной и советской историографии до сего времени нет единого мнения о политическом строе дореформенной Кабарды. Настоящая статья не ставит своей задачей дать полный обзор обширной дискуссии по рассматриваемому вопросу. Здесь будут отмечены лишь основные позиции сторон и наши соображения по данной проблеме.

Одна группа дореволюционных авторов – Н. Дубровин, Ф. И. Леонтович, Е. Максимов, Г. Вертепов и другие [1; 2; 3] – отрицает всякую государственность, политическую систему управления в Кабарде.

Некоторые советские исследователи (С. И. Месяц [4], В. П. Пожидаев [5], А. И. Краснов [6], И. Ф. Мужев [7; 8], Т. Боцвадзе [9]), правильно упрекая вышеназванных авторов за их попытку принизить уровень общественного развития кабардинцев, чтобы оправдать «цивилизаторскую миссию» царизма на Кавказе, сами не смогли преодолеть их ошибочный взгляд и фактически оказались на критикуемой ими позиции.

По сравнению с выводами передовых представителей дооктябрьской историографии, исследования названной группы советских историков являются значительным шагом назад.

Вторая группа – С. Броневский [10], К. Сталь [11], М. Ковалевский [12], Ш. Ногмов [13], В. Кудашев [14] и др. признает наличие феодализма в дореформенной Кабарде, следовательно, и какую-то систему политического правления в ней. К ним примыкают авторы путевых записок И.В. Шаховской [15], И. Радожицкий [16], а также известные ученые И. А. Гюльденштедт [17] и П. Паллас [18], лично побывавшие в Кабарде в разное время и описавшие свои впечатления. Многие из этой группы не только утверждали наличие феодализма в дореформенной Кабарде, но и попытались провести историческую параллель, чтобы разобраться в существующей в ней политической системе правления. Их высказывания до сих пор сохраняют научный интерес. В частности, С. Броневский писал: «...феодальная иерархия, учрежденная у кабардинцев, подобна такому же правлению, какое было введено немецкими рыцарями в Пруссии, Курляндии и Лифляндии, да и мало разнствует от внутреннего управления России во время удельных князей» [10, 113, 114].

В унисон с Броневским утверждал и М. Ковалевский, что кабардинский феодализм тождественен западноевропейскому [20]. Ш. Ногмов рисует не только картину междоусобиц, присущую периоду феодальной раздробленности, но также отмечает наличие старшего князя, облеченного властью над всей Кабардой [13, 82–84].

Несмотря на отдельные, подчас верные, высказывания буржуазных историографов, им оказалось не под силу научно обосновать форму и уровень развития социально-экономических отношений Кабарды. Эту задачу решила советская историография –

ее кавказоведение, вооруженное теорией марксизма-ленинизма. В разработку данной проблемы весомый вклад внесла большая группа советских историков (Г. А. Кокиев [21; 22], С. А. Комиссаров [23], Л. И. Лавров [32], Т. Х. Кумыков [33; 34], В. К. Гарданов [35; 36], М. В. Кантария [37], Н. Х. Тхамоков [38] и др.).

В работах названных историков ясно прослеживается развитие феодальных отношений в Кабарде задолго до реформы 1867 г., благодаря чему вопрос о существовании феодализма в дореволюционной Кабарде перестал быть дискуссионным.

Однако еще немало так называемых белых пятен в истории Кабарды, одним из которых является вопрос о ее государственно-политическом строе, которому посвящена данная статья.

В плане исследовательском политический строй кабардинцев XVIII века впервые поставлен Н. Х. Тхамоковым. Правильно отметив характерную черту Кабарды того периода – феодальную раздробленность, Н. Х. Тхамоков, однако, не смог с такой же полнотой вскрыть специфику политической системы и развития государственности у кабардинцев [38, 177–194].

Несколько забегая вперед, отметим, что наряду с феодальной раздробленностью, сопровождающейся борьбой князей за гегемонию в стране, тенденция к объединению всех княжеских уделов под властью старшего князя – олиипша [39] и традиционные выборы последнего были ярко выражены в Кабарде к началу исследуемого периода.

Удельное княжество

На рубеже XVII и XVIII вв. Кабарда делилась на Большую (Къэбэрдей) и Малую (Джылахъстэней). В первой имелись три княжеских удела: Жамболатов, Атажукин и Мисостов, а во второй – два: Келахстанов и Талостанов.

Самой мелкой административной единицей в уделах была деревня – къуажэ, или кабак, по терминологии XVIII в. По данным Коллегии иностранных дел России за 1748 год, кабардинцы «...жили большими деревнями, дома свои строили беки и уздени из бревен, а подданные из плетня и обмазывали глиной» [40, 158].

Как правило, каждая деревня носила имя или фамилию феодала, которого именовали князем села (къуажэпщ), хотя он мог быть и уорком (дворянином). Эта особенность кабардинских поселений хорошо видна на ландкарте Кабарды 1744 г. Из 122 деревень, зафиксированных на ней, 116 назывались либо по имени, либо по фамилии владельцев сел [40, 111–115, 194–196].

К деревне более крупного феодала отдельными кварталами – хаблами – присоединялись его мелкие вассалы со своими подвластными. Иногда вассал, сменив своего сеньора, переселялся в кабак нового покровителя, образуя в нем новую хаблу.

Хаблы по занимаемой территории, численности населения и социальному составу были различны. В них пребывали подвластные главам хабл – мелким уоркам – азаты, оги, лагунапыты, унауты и другие феодально-зависимые слои. Кварталы назывались по имени их владельцев. Поэтому кабардинские деревни, хотя носили определенное название, состояли из ряда относительно самостоятельных кварталов.

Главой, как бы высшей властью, на селе был феодал, имя которого носила деревня. Первыми советниками куажепша (князя села) являлись его ближайшие родствен-

ники и мелкие вассалы, главы хабл, выполнявшие всевозможные поручения главы и составлявшие военно-политическую силу феодального владения.

В каждом кабаке существовал «третейский суд» – хейзжа. В нем рассматривались местные гражданские дела. Судьи избирались ежегодно в количестве нескольких уорков и «депутатов со стороны народа», которых утверждал глава села [13, 82–84]. По данным источников, «хейзжа» был открытым и гласным, где решение принималось устно, после соответствующих дебатов.

Выбирался также гоу (гъуо) – глашатай. Он освобождался от всех податей да сверх того получал плату натурой. Гоу оповещал жителей села, выкрикивая на возвышенности в каждой хабле о предстоящих мероприятиях, новостях и других событиях [13, 125].

По требованию удельного князя куажепш выступал со своими братьями, сыновьями, племянниками, если таковые имелись, вассалами, а при надобности и с чагарами, вооруженно. В бою командовал каждый куажепш своим отрядом.

Группа деревень, расположенная в долине одной реки и ее притоков, называлась псыхо, хотя она не имела административного значения. Ряд псыхо составлял удельное княжество. Так, в Жамболатов удел входили Чегемпсыхо, Шхалукопсыхо, Налшыкпсыхо, Кенжапсыхо, Черекпсыхо, Урухпсыхо, а в Атажукин и Мисостов уделы – деревни, лежавшие по долинам рек Баксана, Гунделена, Золки, Малки, Куркужина и их притокам [40, 114–116, 194–196].

Сведения о размере деревень скудны. В документе, датированном 1752 г., читаем: «...от речки Кенжи до речки Шелухи верст с пять, а по ней кабаков три, в которых бывают дворов по 60–70 и 90...» [41]. В другом документе за 1762 г. говорится, что князья Бекмурзовы захватили незаконно «...12 кабаков..., в коих де было дворов по 20–30 и 60...» [42]. Следовательно, в исследуемый период в кабаках было в среднем по 30–60 дворов. А по другим источникам в этих дворах «...бывают мужеска, и женска полу душ по 30–40 и 50...» [43]. По нашим подсчетам в деревнях в среднем было 1800–2100 человек обоего пола.

По данным карты 1744 г. и комментариям к ней 1753 года в Жамболатов удел входили 34 деревни. Из них: 15 деревень принадлежали знатным узденям (Куданетовым – 5, Шипшевым (Чипчевым) – 2, Тоглановым – 2, Бабуковым – 1, Жаноковым – 1, Кожоковым – 1, Бейевым – 1, Кочороковым – 1, и Клишбиевым – 1), 13 – незнатным узденям (Тау, Мачена, Аксей, Там, Салтаноко, Шагапца, Казаноко, Лагирс, Алепша, Кандар, Ока, Карабей и Амзеж) и 6 кабаков (Батукова, Пишкау, Махук, Бука, Бергипс и Караджау) находились в личном подчинении князей Жамболатовой фамилии без посредства уорков [40, 114–116, 194–196].

В Атажукином и Мисостовом уделах насчитывалось 44 деревни. Из них: 34 кабаками владели знатные уздени (Куданетовы – 11, Сидаковы – 8, Чипчевы – 3, Тыжевы – 2, Тамбиевы – 2, Казанчевы – 1, Думеновы – 1, Алескировы – 2, Кучмазоковы – 2, Ачабовы – 1, Загаштовы –1), 8 деревень принадлежали незнатным узденям (Ерaштыевым, Гетежевым, Ируговым, Карабейевым, Хутатовым, Утановым, Шуруховым и Пшицуковым) и две деревни (Баматова деревня и Кулат) – в личной зависимости от князей [40, 114–116, 194–196].

Изложенный принцип лежит в основе и малокабардинских уделов: Келахстаней и Талостаней. В обоих уделах имелось 44 деревни, из которых 32 принадлежали

знатным узденям (Анзоровым – 14, Алимурзе (фамилию не удалось установить) – 5, Муртазовым – 5, Боташевым – 2, Коголкиным – 2, Инароковым – 1, Абаевым – 1, Хапцевым – 1, Кучмазоковым – 1), 6 деревень – менее родовитым уоркским фамилиям (Тузаровым, Пыштевым, Ельтуховым, Бештоковым, Насрановым и Чиловым), и остальные 6 кабаков (Шолох, Кургокино, Канбакулово, Хан, Эльбакан и Джагиш) являлись княжескими [Там же].

Более конкретно распределение населения Кабарды по уделам показано в следующей таблице:

Наименования княжеских уделов	Количество деревень, подвластных княжеским вассалам. Из них:		Количество деревень, лично зависимых от князей	Всего
	знатным узденям	незнатным узденям		
Жамболатов	15	13	6	34
Атажукин	14	1	1	16
Мисостов	18	8	2	28
М. Кабарда	32	6	6	44
ИТОГО:	79 (65 %)	28 (23 %)	15 (12 %)	122 (100 %)

Удел принадлежал всей княжеской фамилии, которая состояла иногда из нескольких семей [44]. Последние являлись самостоятельными экономическими ячейками со своей землей, со своими вассалами-уорками различных степеней, крестьянами разной категории и унаутами. В отношении экономической самостоятельности княжеских семей источники не оставляют сомнений. Так, в 1747 г. скончался родной брат удельного князя Касая Атажукина (Мисостова) Магомед. Все подвластные деревни покойного, замок и др. перешли к его детям при жизни их дяди Касая. «Двор бывшего владельца Магомеда... на речке Куркужин восемь деревень Шидак на той же речке были Магомеда Атажукина, а ныне владеют дети его» [40, 195]. «Пять деревень Куданет,– гласит другой документ,– на той же речке Татархановы, Кайсынова и Батоковы, а ныне принадлежат детям их» [Там же]. Можно бы сослаться еще на ряд таких сообщений, но, думается, что приведенные факты достаточно убедительно показывают наличие частной семейной собственности у князей. Последние обладали еще правами приема под свое личное покровительство лиц любого сословия [45], приобретения и продажи унаутов и ясырей, правом выхода из удела [46]. Но оборона удела осуществлялась всей фамилией, которая была своеобразной формой политического объединения, как бы политическим союзом экономически самостоятельных, но кровнородственных семей.

Во главе удела обычно стоял старший годами князь. В его компетенцию входили военно-оборонительные, административно-политические функции. Глава этой своеобразной конфедерации был облечен сравнительно большими полномочиями. Он не выбирался, а автоматически вступал в свои права по смерти старшего в роду князя и правил пожизненно. Князь управлял уделом при помощи подвижного управленческого аппарата (исключительно из мужчин): казначея, дворецкого, писаря [47],

«ближних узденей» – личных телохранителей – сравнительно большого числа бейголей и пшикеу, выполнявших функции сборщика податей, судебного исполнителя, полицейских, посыльного и др. Удельный князь имел свою резиденцию – замок, а иногда и два [40, 114, 115, 195, 196].

Об удельных княжествах Кабарды С. Броневский писал: «…Управляют Большою и Малой Кабардою, всякий в своем уделе, как властные владельцы, и в народных собраниях, как члены федеративного общества» [10, 112].

Ш. Ногмов, ссылаясь на предания, отмечал, что старший князь Кабарды Казий разделил Большую Кабарду на три равных удела по 50 аулов в каждом «...с условием в общих и важных делах быть всем под управлением одного старшего князя» [13, 93].

При удельном князе были два важных института: большой и малый советы. В последний входили ближайшие родственники князя и знатные уздени. В нем предварительно обсуждались все дела, по маловажным вопросам принимались решения, а остальные передавались на рассмотрение большого совета.

Посланец астраханского губернатора Петр Горин доносил, что князь Жамболат Кайтукин «имел малой совет», где он предлагал не возвращать бесланейцев, но его знатные уздени с ним не согласились и «совет никакому решению не пришел, а ждут большого собрания для ответу» [48].

Ценное сообщение о порядке проведения большого совета дает докладная записка Тохтея Бичерина от 19 апреля 1745 г. В то время удельный князь Арслан-бек Кайтукин вел переговоры о примирении с Россией. Бичерин привез князю согласие русской царицы принять его послов. Для обсуждения столь важного вопроса Арслан-бек созвал большой совет. Очевидец Бичерин рапортовал начальству: «...в тот совет собрались на две партии в круг. В первом – Рослан-бек Кайтукин с сыном своим большим Ханмурзою и с узденями своими. Во втором – владельцы Бетока и Джембулат... племянник их Аджигирей с протчими братьями и с их узденями» [49].

Военно-политическую мощь удела составляло дворянское (уоркское) ополчение (исключительно из конницы), боевые качества которого современники высоко ценили. По призыву старшего князя Кабарды удельный князь обязан был выступить со всем ополчением и командовать им в бою.

На территории удела не мог проживать ни один уорк, не будучи вассалом одного из князей или знатных узденей, которые в свою очередь были вассалами князей. Уорк любой категории считал за честь сопровождать своего князя и разделить его участь. Все уорки являлись воинами и по первому зову сеньора готовы были выступить. Служба с князем не была в тягость профессиональному воину-уорку, который презирал все виды труда, кроме военных занятий. Он не пекся о доме, о нем заботились его крестьяне и унауты. Походы же с князем, сопровождавшиеся военными упражнениями, играми, привалами для пиршества, развлекали, закаляли и давали возможность прославиться ему, для которого высшей наградой было отличиться в бою так, чтобы его подвиг стал темой песен, слагаемых поэтами-песенниками [1].

Из этого не следует делать вывод, будто уорки первой половины XVIII в. – простые княжеские дружинники, целиком зависевшие от военной добычи. Как отмечено в предыдущем изложении, уорки всех степеней – прежде всего землевладельцы-феодалы, которые составляли вместе с князьями господствующий класс (пшиорк) кабардинского общества.

Взаимоотношения Кабарды с соседними народами представляют большой научный интерес. Этот вопрос нуждается в обстоятельном исследовании. Но, говоря об удельных княжествах Кабарды, нельзя обойти его молчанием. Тем более, что обнаруженные новые данные позволяют говорить об этом более определенно.

1747 год был годом очередного взрыва феодальной междоусобицы в Кабарде. В итоге борьбы князья Мисостовы потерпели поражение и бежали в русские пределы. Князья-победители образовали единый фронт вокруг старшего князя Кабарды Батоки Бекмурзина и приступили к разделу владений Мисостовых как внутри Кабарды, так и за ее пределами. Для решения этого вопроса пригласили представителей соседних народов. В этот период в Кабарду прибыл с особыми поручениями русский капитан И. Барковский, который рапортовал в Астрахань, что в Кабарде обнаружил «...збор множества старшин чеченских, дугурских, балкарских, карачай... абазинских» [50], о чем поручил Яковлеву разведать.

Яковлев в своем доезде писал по этому поводу: старшины «объявили ему, Яковлеву, что из них некоторая часть была подвластна Касаю Атажукину з братьями (т. е. Мисостовым. – *Е. Н.)* и призвали де нас для того, что б ныне по ссоре Бамата Кургокина с реченными их владельцами (т. е. с Мисостовыми. – *Е. Н.),* нам, подвластными их людьми не называться. И разделили де нас Батоко и Бамат [51] з братьями по себе и чтоб нам тех владельцев самих и жен их в жилища свои не пущать и ничем не снабдевать... и, ежели у кого есть оных владельцев, Месовусовых, холопов или какой скот,– оных им объявить, а тем владельцам не отдавать. И в том берут с нас присягу» [52].

Приведенный документ вносит определенную ясность: зависимые от кабардинских князей народы были поделены на сферы влияния между княжескими родами. По мере дробления последних дробились и их владения. Это показывает слабость власти оли и могущество удельных князей. Последние поддерживали со своими вассально-зависимыми народами экономическую и политическую связь, собирали дань через бейголей своих, иногда и сами выезжали. Важным регулятором отношения между ними служил институт аталычества. Как правило, дети кабардинских князей воспитывались у знати соседних народов. Источники дают множество фактов об этом.

Как видно из цитированного документа, вассально-зависимые народы не вмешивались во внутренние распри кабардинских князей. Но во время обострения отношений Кабарды с Крымом призывали на помощь своих вассалов, которые участвовали в ополчениях уделов. Известны и факты обороны последних кабардинскими войсками.

На протест упомянутого выше капитана Барковского по поводу пребывания молодых кабардинских князей с узденями (считай – с войсками) в Абазах князь Хамурза Кайтукин с возмущением ответил: «...молодые князья вовсе не у Кази-гирея Салтана, а для охраны подвластных наших абазинцев обретаютца там» [53].

Анализ рассмотренных материалов свидетельствует о следующем: во-первых, в исследуемый период в Кабарде кланово-родовой принцип расселения населения окончательно был вытеснен территориальным, в котором господствовали феодальные отношения; во-вторых, помимо социальной верхушки (князей и знатных узденей) и уорки всех степеней являлись землевладельцами, что показывает высокий уровень феодализма; в-третьих, развитие феодальных отношений в стране достигло такого уровня, что процесс обособления и консолидации уделов был завершен, а удельные

князья превратились в типичных феодальных государей с определенной территорией, подвластным населением, судом, войском и управленческим аппаратом.

Кровавая же борьба между удельными князьями за гегемонию в стране показывает тенденцию к объединению всех уделов под властью олиипша.

Общекабардинская публичная власть

1. *Хаса*

Ни один из рассмотренных уделов в исследуемый период не мог узурпировать права остальных и забрать бразды правления в свои руки. Это политическое равновесие сил обусловливалось уровнем развития социально-экономических отношений. Тем не менее в стране имелись налицо определенные предпосылки и потребности к созданию общекабардинских институтов управления, одним из которых была хаса.

Совет всех удельных князей с их уорками – хаса – являлся высшим законодательным органом в Кабарде. Хаса была сословно-аристократической, и каждое сословие заседало отдельно. В обычное время она состояла из двух палат: княжеской и уоркской, но в военное или другое важное время становилась трехпалатной, так как к обсуждению создавшегося положения привлекались представители трудящихся – «старшины черного народа» [54]. Мнение двух нижних палат докладывали специальные уполномоченные кругу князей, где принималось окончательное решение.

Об этом политическом общекабардинском органе власти кавказский наместник генерал-поручик П. С. Потемкин отозвался следующими словами: «Общей круг или общей совет между ими (т. е. кабардинцами. – *Е. Н.)* имеет в себе нечто важное и весьма достойное и которое б с лучшим намерением исполняться долженствовало» [40, 360].

Хаса не была правомочна принимать решения без полного сбора представителей всех уделов и их единогласия. Источники дают интересный материал об этом.

Турецко-русское соперничество в Кабарде достигло большого накала к середине XVIII столетия. Обе стороны, скованные международными соглашениями, открыто не могли действовать, а только тайно пытались привлечь ее на свою сторону. Кабардинцы, лавируя между обеими империями, сохраняли независимость и самобытное внутреннее устройство. В поисках предлога для вторжения в Кабарду турецкая сторона в 1748 г. представила массу «фактов» нарушений кабардинцами условий Белградского трактата [55]. Под прикрытием удовлетворения «справедливых» требований Порты, в 1753 г. Елизавета Петровна ввела войска в Кабарду [56]. Острая внутриклассовая борьба кабардинских князей позволила противнику расчленить страну и ослабить более могущественный княжеский удел (Жамболатова).

Архивные материалы этого периода содержат ценные сведения о принципе единогласия большого и малого советов, которые созывались в то время часто для решения неотложных задач.

На основании письма российского канцлера графа А. Бестужева-Рюмина от 23 марта 1753 г. [57] майоры Барковский и Татаров прибыли в Кабарду переселять Жамболатов удел в Кошка-тау, а бесленейцев вернуть Крыму. Майоры угрожали поступить «оружейною рукою» в случае отказа.

Старший князь Жамболат Кайтукин для обсуждения ультиматума решил созвать

хасу и попросил «...для совета со владельцами и подвластными своими узденями дать срочное время» [Там же]. Тем временем он созвал «малой совет» для предварительного обсуждения положения. На нем возникли разногласия между старшим князем и знатными узденями Кази Кочорокиным и Жамбором Кожокиным; «...и потому де совет ничему не пришол, а ждут большого совета» [59], т. е. хасу.

Эти скупые сообщения очевидца показывают компетенцию малого и большого советов. Во-первых, на малом совете предварительно обсуждались все вопросы и по не спорным принимались решения. Во-вторых, окончательное решение по всем существенным вопросам принимают на большом совете – хасе. Причем хаса не была правомочна принимать решения без полного сбора всех князей, узденей и их единогласия.

18 июня 1753 г. состоялся долгожданный большой совет. Как доносил об этом кизлярский комендант в Коллегию иностранных дел, на совете выявились большие разногласия между князьями Кайтукиными и Бекмурзиными. Первые предлагали в случае применения вооруженной силы русским отрядом для насильственного переселения в Кошка-тау, – «...всех перерубить... и уйти в горы», а со временем урегулировать отношения с Россией. Вторые хотели обойтись без жертв и советовали угнать всех коней русской команды и тем самым принудить ее уйти из Кабарды ни с чем, «...токмо де оной совет за несогласием владельцев Бекмурзиных детей с Кайтукиной фамилии... остался втуне» [60].

Примерно такую же картину рисует и С. Броневский. «Созываются народные собрания для совета о нуждах общественных, – говорит он.– В оное допускаются только первые три степени: князья, духовенство и дворяне. Князья, старшие в родах своих и старшие летам, имеют первый голос и место; за ними следуют духовные [61], толкователи законов, а потом старшие в своих родах и старшие летам уздени. Прочие слушают и молчат. В важных случаях призываются также народные старшины от крестьянского сословия. Сии шумные собрания распускаются большею частью не положив ничего на мере» [10, 115].

2. *Институт олиипш*

Высшая исполнительная власть в стране была сосредоточена в руках старшего князя – олиипш, хотя она сильно ограничивалась полновластными удельными князьями. Олиипш, или просто оли, избирался хасой пожизненно. Избранным мог быть князь, «старший остальных годами». Ввиду этого выборы, в сущности, сводились к формальному узаконению традиционного права. Тем не менее они являлись большим политическим событием в стране, вокруг которого разгоралась острая борьба, часто переходившая в открытое столкновение. К таким событиям не оставались равнодушными и соседние державы, заинтересованные иметь своего ставленника во главе Кабарды. Особенно острым было соперничество между Россией и Турцией.

Своекорыстные князья, подстрекаемые извне, затевали по всякому поводу ссору, с целью устранить законного претендента. В подобных ситуациях, которые случались нередко, стороны прибегали к помощи извне, тем самым открывая путь чужеземцам для вторжения и вмешательства во внутренние дела родины. В борьбе за власть и гегемонию в стране князья не придерживались твердой политической ориентации. Бывало так, что сугубо прорусски настроенные князья обращались за помощью в Крым, дабы достичь своекорыстной цели.

Старшим князем избирался один из удельных князей. С этого времени его замок – «двор внутри каменной ограды» – становился резиденцией оли, как бы столицей, политическим центром всей Кабарды. Но ввиду низкого уровня развития базиса политическое объединение затрагивало незначительные сферы.

Важнейшей доходной статьей казны старшего князя была подать с населения и штрафы [62]. По свидетельству источников, за сбором дани следил сам оли, хотя формально эта обязанность лежала на его бейголях.

Как свидетельствуют источники, олиипш обладал правом взыскивать штрафы за провинности и уклонения от воинского долга с населения всей Кабарды. В журнале капитана Барковского за 1747 г. отмечены факты штрафования старшим князем Кабарды Батокой Бекмурзиным крестьян и узденей Мисостова удела за нарушения его приказа: не оказывать помощи беглым князьям. В другом месте того же журнала читаем: «...а на узденей владельцев Мисоусова детей штрафы кладут по одному по два и по три ясырей с каждого двора» [63].

Знатные уорки выбирали из своей среды кодза (къуэдз) – соправителя старшего князя. Влияние кодза в общекабардинских делах было значительным. В остальном управленческий аппарат оли оставался прежним. Текущие дела он решал при содействии кодза и «малого совета», а по более серьезным – созывал хасу. Делопроизводство велось сугубо устно, если не считать писаря князя, который составлял деловые письма к главам и различным сановникам соседних держав. Сношения с соседними государствами поддерживались через «послов» и деловые отношения – листы, а изредка личными контактами. Переписка велась обычно на тюркском или татарском языке и скреплялась личными печатями ведущих князей, а иногда прикладывали пальцы и знатные уздени.

Старшим князем Кабарды по 1709 г. был Кургоко Атажукин. При нем и под его руководством был разгромлен в 1708 г. крымский хан Каплан-гирей. С 1709-го по 1718 г. правил его двоюродный брат князь Хатохшука Мисостов [40, 15–17]. Он возглавил кубанский поход против Порты во время русско-турецкой войны 1710–1711 гг. С 1718-го по 1732 г. княжил младший его брат Ислам-бек Мисостов. После Ислам-бека право на княжение принадлежало Арслан-беку Кайтукину, но ввиду того, что он был изгнан, «Татархан-бек Бекмурзин сын определен по выбору всех кабардинских владельцев, по старшинству лет, по обычаям их, старшим владельцем на место умершего в нынешнем 1732 г. старшего владельца Ислам-бека Мисоусова» [40, 65].

В 1736 г. Татархан был смещен в связи с возвращением князя Арслан-бека Кайтукина в Кабарду [40, 90–92], который возглавил участие кабардинцев в начавшейся русско-турецкой войне на стороне русских [64]. В 1739 г. Кайтукин снова был изгнан из Кабарды, и место старшего князя занял Магомед Кургокин (1739–1746).

По смерти Арслан-бека Кайтукина (1746) вся Жамболатова фамилия возвратилась в Кабарду и по традиции, как старший годами, Батока Бекмурзин был избран олиипшем (1746–1749) [40, 140–142]. При нем междоусобные распри обострились, сам Батока отличался суровостью. В итоге он бежал в Абазы в 1749 г., где и умер в 1753 г. В том же 1749 г. Жамболат Кайтукин по праву старшинства занял место старшего князя [65] и был им до раздела Большой Кабарды в 1753 г.

3. *Суд и судопроизводство*

Важным органом власти при олиипше был суд хей – правый. Данные о судопроизводстве и судоустройстве скудны, но имеющиеся сведения позволяют считать хей органом, призванным защищать интересы господствующего класса. Только представители последнего могли быть избраны судьями. Хей рассматривал все уголовные и более спорные гражданские дела. Судебное разбирательство происходило гласно и открыто. В доказательство требовалось свидетельство двух лиц. При отсутствии улик присяга обвиняемого признавалась доказательством невиновности. Прениям сторон отводилось большое место. Вместо вдов и сирот выступали ближайшие родственники, называемые очиль (уэчыл – защитник). Приговор выносился устно, а стороны присягой заверяли соблюдать его.

Юридической основой судопроизводства служило обычное право, которое стояло на страже классовых интересов феодалов и закрепляло социальное неравенство и угнетение одних другими.

Меры наказания были различны: общественное порицание «пуналат», которое выступало и как дополнительная мера по отношению лиц, совершивших тягостное, постыдное преступление; возмещение убытка, наложение штрафов, изгнание из страны и т. д. Самой распространенной, однако, была система штрафования [66].

Определение мер наказания зависело не только от степени совершенного преступления, но и от социальной принадлежности ответчика и истца. Так, за убийство простолюдином князя наказанию подвергалась вся семья убийцы: всех мужчин предавали смерти, женщин и детей продавали в рабство, а имущество его поступало к родственникам убитого, тогда как за такое же преступление, совершенное князем, суд ограничивался взысканием платы за кровь. Один этот пример показывает классовый характер суда. С другой стороны, широкое развитие института кровной мести свидетельствует о слабости публичного права у кабардинцев.

4. *Вооруженная сила*

Вооруженную силу Кабарды составляло ополчение пши-уорки всех уделов. Перед лицом внешней опасности зачастую уделы объединялись, как это было в 1708, 1720, 1731 и во время Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. В военное время старший князь автоматически становился главнокомандующим войсками – дзепш (дзэпщ). В тех случаях, когда он не мог командовать (чаще всего по возрасту), дзепш выбирался из князей с учетом его личных качеств. По окончании кампании он слагал свои полномочия [1, 161–175].

Основное ядро войска составляли уорки – дворяне. Освобожденные от производительного труда и домашних забот унаутами и крепостными, уорки посвящали все свое свободное время военным упражнениям, благодаря чему они не только овладевали военным ремеслом, но образовали особую военную касту.

В материалах Коллегии иностранных дел России за 1749 г. говорится об этом: «Владельцы их (т. е. кабардинцев. – *Е. Н.)* при драках (т. е. сражениях. – *Е. Н.)* поступают весьма отважно. Кони у кабардинцев весьма легкие и проворные и, одним словом, никакое нерегулярное войско с кабардинцами сражаться не может» [40, 158].

Некоторое представление о военной подготовке кабардинцев того времени дает

С. Броневский, лично наблюдавший их жизнь. «Смелые наездники в Кабарде,– писал он,– приучают своих лошадей бросаться стремглав с утесов и с крутых берегов рек, не разбирая высоту оных. Сей отчаянный навык, подвергающий всякий раз жизнь седока вместе с лошадью видимой опасности, нередко спасает от опасности попасться в руки неприятеля...» [10, 147].

Вооруженная сила Кабарды, как и другие, отмеченные выше институты, была классовым орудием, призванным защищать господство феодалов в стране от внутренних и внешних врагов. Ее классовый характер хорошо вскрывает тот факт, что военные занятия были привилегией знати. У кабардинцев «...не в обыкновении употреблять своих подданных на войне, – говорится в записке о Кабарде, составленной Коллегией иностранных дел России в 1748 г., – есть ли же когда их и употребляют, то в самой крайности, что бывало весьма редко, да и токмо в пехотные полки, а не в конные, которые лично всегда они составляли сами» [40, 318].

Олиипш в обычное время располагал только своими телохранителями. В случае опасности он призывал к оружию всех князей, которые являлись со своими удельными войсками. За уклонение от воинского долга оли накладывал определенные взыскания. В 60-х гг. XVIII в. адыго-крымские отношения резко были обострены. В связи с этим русская военная администрация на Кавказе усилила надзор за Кабардой. Посланный туда с разведывательной целью Ф. Черкесов 24 мая 1761 г. доносил в Кизляр: «Крымское войско приблизилось и находится у реки Лабы, от чего де кабардинские владельцы все имеют немалое опасение. И для того послан от него, Бамата (старшего князя Кабарды. – *Е. Н.*), дворецкой его во все баксанской... и кашкатавской партии владельцев жилища с приказанием, чтобы все уздени и протчей кабардинский народ оружейно выезжали... на Малк, а ежели кто не выедет сего 30-го числа в то собрание, то взято будет в штраф с каждого узденя по ясырю, а с протчего народа по два быка» [67].

Военные сборы производились в очень сжатые сроки, что было важным преимуществом кабардинского войска. Магомет Атажукин в беседе с вице-канцлером России Остерманом в 1732 г. говорил: «Когда от них (князей. – *Е. Н.*) повестка военным людям учинитца, то в одне сутки все, со всякою готовностью, собратца могут» [40, 55].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенная политическая система правления Кабарды содержит в себе все основные атрибуты марксистско-ленинского понимания государства.

Известно, что главным условием возникновения государства является раскол общества на противоположные классы и, как следствие этого, классовая непримиримость.

«Государство возникает там, тогда и постольку, – писал В. И. Ленин,– где, когда и поскольку классовые противоречия объективно не могут быть примирены» [68].

В феодальной Кабарде первой половины XVIII в., где абсолютное большинство населения было угнетаемо и эксплуатируемо социальной верхушкой пшиуорков, где существовал разительный социально-экономический контраст: от бесправного, бездомного холопа до могущественного феодала, владевшего 10–20 деревнями

крепостных крестьян, тысячами голов овец и породистых лошадей, обширными угодьями земли, уже не могло не существовать классовой непримиримости, а следовательно, и объективных условий для возникновения государства.

Как учит марксистско-ленинская теория, базис порождает соответствующую себе надстройку.

Кабардинский феодализм исследуемого периода характеризуется, с одной стороны, наличием натурально-крепостнической системы хозяйства при господстве отработочной и продуктовой рент, а с другой – сохранением элемента дофеодальной формы эксплуатации. Соответственно с этим и государство, возникшее на этой базе, было типично феодальным, окрашенным в специфический колорит, присущий породившему его базису. Сложившаяся в Кабарде публичная власть была орудием эксплуатации угнетенного класса, органом насилия меньшинства над большинством. Она держала в повиновении не только трудящихся своей страны, но еще успела навязать свою власть и некоторым соседним народам.

Ф. Энгельс, исследуя сущность государства, вскрыл ряд имманентных признаков государства. Говоря о них, он писал: «...во-первых, оно (т. е. государство. – *Е. Н.*) создавало публичную власть, которая уже не совпадала просто-напросто с совокупностью вооруженного народа; во-вторых, оно впервые разделяло народ... по проживанию на одной территории» [69].

Как было отмечено, Кабарда в исследуемый период занимала определенную территорию, и народ, населявший ее, был разделен на административные единицы – деревни, в которых уже господствовали феодальные отношения, а не родовые. Следовательно, один из признаков государства был налицо.

Отмеченное привилегированное право кабардинских князей и их дворян составлять вооруженную силу страны, наличие в руках знати важного классового органа угнетения, какими были хей и хаса, а также институт олиипша с многочисленным отрядом бейголей, выполнявший административно-полицейские и другие функции, есть не что иное, как публичная власть, отделенная от массы народа, которую Ф. Энгельс считал «существенным признаком государства».

Отсутствие бюрократического аппарата в государстве кабардинцев не меняет сути дела. По определению В. И. Ленина «...всякая бюрократия и по своему историческому происхождению... и по своему назначению представляет из себя чисто и исключительно буржуазное учреждение...» [70].

На той стадии феодализма, на которой стояла Кабарда в первой половине XVIII в., естественно, ни о какой бюрократии не могло быть и речи.

И, наконец, третий признак государства – сбор налогов, податей «для содержания особой, стоящей над обществом, общественной власти...» [71] имелся налицо.

В предыдущем изложении отмечены факты сбора податей в пользу удельных князей, а также право олиипша взыскивать штрафы с населения всей Кабарды.

Думается, что рассмотренные материалы позволят положительно ответить на поставленный вопрос. Та публичная власть, которая существовала в Кабарде в первой половине XVIII в., по своей структуре, по своему политическому режиму – тип аристократической республики во главе с пожизненно выборным князем-олиипш.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Дубровин И.* Черкесы (адыге). История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871–1889.

2. *Максимов Е.* и *Вертепов Г.* Туземцы Северного Кавказа. Владикавказ, 1892.

3. *Леонтович Ф. И.* Адаты кавказских горцев. Одесса, 1882.

4. *Месяц С. И.* Население и землепользование Кабарды // Труды по естественно-историческому и экономическому обследованию Кабарды. Воронеж, 1928. Т. II.

5. *Пожидаев В. П.* Хозяйственный быт Кабарды // Труды по естественно-историческому и экономическому обследованию Кабарды. Воронеж, 1929. Т. III.

6. *Краснов А. И.* К вопросу о социальных отношениях в Кабарде // Вопросы истории. М.,1953. №10.

7. *Мужев И. Ф.* Социально-экономическое развитие Кабарды в 50–60 гг. XIX в. // Ученые записки КГПИ. Нальчик, 1955. Вып. 7.

8. *Мужев И. Ф.* К вопросу об общественных отношениях в Кабарде в первой половине XIX в. // Ученые записки КГПИ. Нальчик, 1957. Вып. 13.

9. *Боцвадзе Т.* Социально-экономические отношения в Кабарде в первой половине XIX в. Тбилиси, 1965.

10. *Броневский С. М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823.

11. *Сталь К. Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Тифлис, 1900. № 21.

12. *Ковалевский М.* Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа // Русская мысль. 1883.

13. *Ногмов Ш. Б.* История адыгейского народа. Нальчик, 1947.

14. *Кудашев В. Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913.

15. *Шаховской И. В.* Путешествие в Сванетию и Кабарду // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1957. Т. XIII.

16. *Радожицкий И.* Законы и обычаи кабардинцев // Литературная газета. 1846. № 1–2.

17. *Гюльденштедт И. А.* О Черкесии и черкесах // Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб., 1809.

18. *Паллас П.* Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793–1794 гг. Лейпциг, 1803. В переводе *Е. С. Зевакина* под названием: «Сведения западноевропейских авторов об адыгах» (хранится в библиотеке КБНИИ на правах рукописи).

19. *Миллер В. Ф.* Сообщение о поездке в горские общества Кабарды и в Осетию летом 1883 г. // ИКОРГО. Тифлис, 1883–1885. Т. 8. № 1. С. 198–204.

20. *Ковалевский М.* В горных обществах Кабарды // Вестник Европы. 1884. № 4.

21. *Кокиев Г. А.* Борьба кабардинских феодалов за власть // Революция и горец. 1929. № 9–10.

22. *Кокиев Г. А.* Краткий исторический очерк Кабарды // Сб.: Кабардинская АССР. Нальчик, 1946.

23. *Комиссаров С. Л.* Из истории освобождения зависимых сословий в Кабарде // Ученые записки КНИИ. Нальчик, 1947. Т. II.

24. *Фадеев Л. В.* Вопрос о социальном строе кавказских горцев XVIII–XIX вв. в новых работах советских историков // Вопросы истории. 1958. № 5.

25. *Фадеев Л. В.* К вопросу об уровне развития кавказских горцев в середине XIX в. // Исторические науки. 1959. № 1.

26. *Белоусов А. А.* Переход Кабарды от феодализма к социализму. М., 1954.

27. *Скитский Б. О.* Холопский вопрос и антирусское движение кабардинских князей в пору «независимости» Кабарды 1739–1779 гг. Владикавказ, 1930.

28. *Кушева Е. Н.* Социально-экономические и политические отношения в Кабарде в XVI–XVII вв. // Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик, 1956. Вып. V.

29. *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. М., 1963.
30. *Кушева Е. Н.* Народы СССР в первой половине XVIII в. // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. М., 1957.
31. *Букалова В. М.* Комментарии ко II тому сб. «Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.». М.,1957.
32. *Лавров Л. И.* Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории // СЭ. 1956.
33. *Кумыков Т. Х.* К вопросу об общественном строе Кабарды в первой половине XIX в.– Ученые записки КНИИ. Нальчик,1954. Т. IX.
34. *Кумыков Т. Х.* Социально-экономические отношения и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1959.
35. *Гарданов В. К.* К вопросу об экономическом развитии Кабарды в XVIII в. // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1965. Т. XXIII.
36. *Гарданов В. К.* Общественный строй адыгских народов, М.,1967.
37. *Кантария М. В.* О землепользовании и землевладении в Кабарде на рубеже XIX–XX вв. // Материалы для этнографии Грузии. Тбилиси, 1959. Т. X.
38. *Тхамоков Н. Х.* Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII веке. Нальчик, 1961.
39. Термин «олиипш» встречается в фольклорных материалах, в частности, – в песне «Хамсад-гуаша».
40. КРО. Т. II.
41. АВПР, 1752, ф. Кабардинские дела, д. 6, л. 23.
42. АВПР, 1762, ф. Кабардинские дела, д. 3, лл. 18–20.
43. АВПР, 1747, ф. Кабардинские дела, д. 6, л. 43.
44. Атажукин удел, например, состоял только из одной семьи Бамата Кургокина.
45. АВПР, 1753, ф. Кабардинские дела, д. 7, л. 71.
46. В 1762 г. потомки князя Бекмурзы вышли из Жамболатова удела и переселились в Атажукин удел.
47. АВПР, 1750, ф. Кабардинские дела, д. 9, л. 9; АВПР, 1762, ф. Кабардинские дела, д. 3, л. 27; АВПР, 1749, ф. Кабардинские дела д. 6, л. 41
48. АВПР, 1753, ф. Кабардинские дела, д. 7. л. 15.
49. АВПР, 1745, ф. Кабардинские дела, д. 5, л. 4.
50. АВПР, 1747, ф. Кабардинские дела, д. 9, л. 53.
51. Батоко в то время был старшим князем Кабарды, Бамат – Магомет Кургокович Атажукин – удельным князем, единственным наследником.
52. АВПР, 1747, ф. Кабардинские дела, д. 9, л. 53.
53. АВПР. 1753, ф. Кабардинские дела, д. 7, лл. 22–24.
54. АВПР, 1720. ф. Кабардинские дела, д. 1, лл. 95–96.
55. АВПР, 1753, ф. Кабардинские дела, д. 6, лл. 67–72.
56. АВПР, д. 2, лл. 16–17, 25.
57. АВПР, д. 1, лл. 4–9, 19–21
58. АВПР, д. 7, л. 149.
59. АВПР, ф. Кабардинские дела, д. 7, лл. 149–150.
60. АВПР 1753, ф. Кабардинские дела, д. 7, л. 220.
61. Как правильно указывает Е. Н. Кушева, духовенство в XVIII в. не играло существенной роли в общественно-политической жизни Кабарды. См.: *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа. С. 115.
62. АВПР, 1760, ф. Кабардинские дела, д. 2, л. 33.
63. АВПР, 1747, ф. Кабардинские д. 9, л. 45.
64. АВПР, 1736, ф. Кабардинские дела, д. 3, л. 2.
65. АВПР, 1749, ф. Кабардинские дела, д. 8, лл. 6–22.
66. АВПР, 1747, ф. Кабардинские дела, д. 6, лл. 55–66.

67. АВПР, 1762, ф. Кабардинские дела, д. 3, л. 27.
68. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 7.
69. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 114.
70. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 440.
71. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 12.

Вестник КБНИИ. Нальчик, 1972.
Вып. 6. С. 69–87

6 Заказ № 815

ВОПРОСЫ ФЕОДАЛЬНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В КАБАРДЕ В СОВРЕМЕННОЙ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

1. До настоящего времени среди исследователей нет единого мнения о земельных отношениях на Северном Кавказе. Одни из них отрицают земельную собственность вообще у народов Северного Кавказа. Другие полагают, что земельная собственность не успела сложиться у большинства этих народов в дореформенный период, в том числе и у кабардинцев. Третьи, напротив, институт земельной собственности признают основой сложившегося в данном регионе феодализма.

Неясность в главном определяющем факторе породила большое разногласие и в типологии социально-экономических отношений народов Северного Кавказа, в результате чего появился целый ряд терминов, усложняющих понятийный аппарат: горский феодализм, полуфеодальный-полупатриархальный строй, протофеодализм, феодализм без феодального землевладения и т. д. При этих условиях проблему можно решить только при глубоком изучении источников.

2. Остается дискуссионным и вопрос об уровне развития феодализма в Кабарде. Показателем степени развития социально-экономических отношений может быть состояние отдельных компонентов базиса и надстройки, но, если политическая надстройка обратно пропорциональна базису, то нельзя снять со счетов феодальную раздробленность Кабарды, где существовали уже в XVII в. пять самостоятельных феодальных владений типа русских удельных княжеств и западно-европейских сеньорий.

Структура этих мелких феодальных государств, выраженный сословный строй в них, полярность имущественного и правового положения двух основных классов, подтверждаемая крестьянскими выступлениями, и, наконец, наличие целой системы барщинных и оброчных повинностей как форма эксплуатации феодально зависимых крестьян показывают сравнительно высокую ступень развития феодализма.

Противники изложенной концепции обычно ссылаются на отсутствие городов в Кабарде. Это мнение не может быть убедительным аргументом. Города существовали до феодализма и возникали они как носители антифеодального способа производства.

Думается, вызревание феодальных отношений в Кабарде при отсутствии городов – одна из специфических черт кабардинского феодализма [1].

ПРИМЕЧАНИЕ

1. В исторических источниках XII в. упоминаются города, которыми владели черкесские князья, в частности, черкесский город Копа, располагавшийся в районе современного города Темрюк. После татаро-монгольского нашествия (с XIII в.) эта традиция прерывается, и в источниках уже нет упоминаний о черкесских городах. С этого времени указанная Е. Д. Налоевой специфика – развитие феодальных отношений у адыгов при отсутствии городов – действительно имела место. – *А. М.*

Генезис, основные этапы, общие пути
и особенности развития феодализма
у народов Северного Кавказа.
Махачкала, 1980.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КАБАРДИНСКОГО ФЕОДАЛИЗМА

В советской историографии долго оставался дискуссионным вопрос о том, был ли феодализм в дореформенной Кабарде. Некоторые историки (В. П. Пожидаев, С. М. Месяц, И. Ф. Мужев, С. К. Бушуев), отрицая земельную собственность у кабардинских князей, признавали феодализм и феодальную раздробленность в Кабарде, не учитывая, что последняя – результат укрепления феодального способа производства.

Несостоятельность теории «феодалы без феодализма» была опровергнута исследованиями большой группы кавказоведов (Г. А. Кокиев, Б. В. Скитский, Т. Х. Кумыков, Е. Н. Кушева, В. К. Гарданов, А. В. Фадеев, В. М. Букалова, З. В. Анчабадзе, Л. И. Лавров, Г. Х. Мамбетов, Н. Х. Тхамоков и др.), которые с позиции марксистской теории и методологии на основе большого круга источников изучили важнейшие проблемы истории Кабарды XVI–первой половины XIX в. и убедительно доказали, что господствующей формой в ней были феодальные отношения. Особенно большой вклад в разрешение данной проблемы внесли Г. А. Кокиев, Т. Х. Кумыков и Е. Н. Кушева. Правда, об уровне развития этих отношений не было достигнуто единого мнения, но дискуссия по данному вопросу считалась исчерпанной.

Однако последняя книга известного кавказоведа Л. И. Лаврова [1] ставит под сомнение итоги дискуссии, возвращаясь к «теории» безземельного феодализма. Она в известном смысле – обобщение его многолетних изысканий, и ее нельзя обойти молчанием. В ней автор не только отрекся от прежних своих заключений по таким кардинальным вопросам истории Кабарды, как формирование феодальных отношений, оформление феодальной собственности на землю, но даже призывает возвратиться к взглядам, существовавшим в первой половине XIX в. Столь неожиданный поворот ученого удивил нас и побудил выступить с возражениями.

В очерке «Особенности социальных отношений на докапиталистическом Кавказе» [1, 12–28] Л. И. Лавров пишет: «...до сих пор нет у нас ясного представления и в вопросе о землевладении при феодализме. Кавказские материалы склоняют к выводу, что существование или отсутствие частной собственности на землю зависело не только от уровня развития социальных отношений, но и от наличия свободного земельного фонда. Например, отчетливое представление о земельной собственности давно сложилось как у большинства жителей Закавказья и необеспеченных землей горцев Балкарии и Осетии, так и у населения «вольных обществ» горной Чечни и Дагестана. А наряду с этим земельная собственность к XIX веку еще не успела окончательно сформироваться у ногайцев и кабардинцев» [1, 26–27].

На наш взгляд, существование или отсутствие земельной собственности не столько зависит от уровня развития социальных отношений, сколько сам уровень социальных отношений зависит от наличия или отсутствия земельной собственности. Разрабатывая теорию прибавочной стоимости, К. Маркс пришел к выводу, что «из определенной формы материального производства вытекает, во-первых, определен-

ная структура общества, во-вторых, определенное отношение людей к природе. Их государственный строй, и их духовный уклад определяются как тем, так и другим» [2]. Как видно, способ производства, основанный на определенном типе собственности, – первооснова и социальных отношений и надстройки общества.

Неубедительна и заимствованная автором у К. Ф. Сталя аргументация, будто возникновение феодальной собственности на землю зависит от количества земельного фонда, которым располагает тот или иной народ.

Развивая далее эту идею, Л. И. Лавров пишет: «Мы, обычно, находимся под впечатлением европейского варианта феодализма, породившего представление, будто главное в феодализме – феодальная собственность на землю. Экономическая мощь господствующего класса в средние века не всегда и не везде базировалась на землевладении. Немалую роль играли военные трофеи, торговые пошлины (в основном на важных путях сообщения и в портовых городах) и особенно дань, которую взымали не только с земледельцев, но и с ремесленников, купцов и других слоев населения» [1, 26–27].

Таким образом, по Л. И. Лаврову, в средние века существовали два типа феодализма, один из которых базировался на землевладении (европейский вариант), а второй – на военных трофеях, торговых пошлинах и дани, для которого необязательна феодальная собственность на землю (кабардинский вариант).

Чем же подтверждает автор выдвинутую им гипотезу? Ссылкой на авторитет Дж. Белла и Д. Лонгворта, побывавших в Западной Черкесии в первой половине XIX в., и представителя русской военной администрации на Кавказе К. Ф. Сталя. Имея в виду этих последних, Л. И. Лавров пишет: «Авторы первой половины XIX века неоднократно отмечали, что представление о земельной собственности в ряде мест Кавказа еще не успело сложиться. Например, К. Ф. Сталь, хорошо знавший обстановку в Черкесии, писал в 40-х гг., что в этом крае «о продаже земли, передаче ее в наследство, уступке за калым не было никогда речи, и мы первые познакомили черкес с мыслью о том, что землю можно превратить в деньги» [1, 27].

К.Ф. Сталь прав в том, что черкесы, в том числе и кабардинцы, научились обращать землю в товар под влиянием России. Но землей можно владеть (и владели) не торгуя ею. Купля и продажа земли – буржуазные понятия и не являются атрибутами феодализма, хотя они зарождаются в недрах феодализма, как и сам капиталистический способ производства. Другое дело институт наследственного права на недвижимое имущество, без которого нет земельной собственности и феодальной, в частности.

Описание очевидцев всегда привлекало внимание исследователей. Это и понятно. Однако нельзя полностью положиться на них. Если со слов К. Ф. Сталя можно безапелляционно отрицать существование земельной собственности в Кабарде в первой половине XIX в., то с таким же основанием можно утверждать обратное по данным Николая Витсена, который писал, что кабардинский князь Каспулат Муцалович, живший во второй половине XVII в., убил своих братьев и завладел их землями. Далее он резюмировал, что Каспулат «очень жаден насчет земли, как и *весь* его народ» [3, 91].

Мы специально привели цитату из сочинения Н. Витсена, чтобы показать, насколько противоречивы сведения повествовательных источников и как рискованно строить свои выводы на одном из них. Кроме того, мы считаем неправомерной практику механического перенесения данных о западных адыгах на Кабарду. Как известно,

они рано разделились и попали под влияние разных государств, почему во многом и разнятся дальнейшие пути их развития. Так, у большинства западных адыгов отмечен «демократический строй», а в Кабарде – монархический. У первых в политической жизни огромную роль играли «братские союзы», а во второй их не было. Наконец, как доказано, феодальные отношения в Кабарде достигли более высокой ступени, чем у остальных адыгов. Эти обстоятельства, к сожалению, не учтены в очерке Л. И. Лаврова. Во-первых, личные наблюдения Белла и Лонгворта относятся только к «демократическим» черкесам, а Сталя – к западным адыгам. Во-вторых, никто из них лично не был в Кабарде и конкретно не писал о земельных отношениях в ней. И в-третьих, их сообщения некритически использованы автором.

Белл, Лонгворт и Сталь, исходя из посылок буржуазной историографии и не имея специального исторического образования, конечно, не смогли всесторонне обоснованно осветить сложный механизм социально-экономических отношений черкесов. Их информация полна противоречивых понятий и сведений. Однако, к их чести, они сами сомневались в правильности своих выводов. Например, Лонгворт писал: «...однако, действительно, на Кавказе (т. е. у «демократических» черкесов. – *Е. Н.)* существует в своеобразной форме крепостное право, но существует в таких мягких и благоприятных условиях для крепостных, что его трудно, собственно, называть крепостным рабством. Крепостных *наделяют* землей (разрядка наша. – *Е. Н.),* жилищем, скотом, в их пользовании остается половина производимого ими продукта. Они также имеют право, если захочется, требовать, чтобы их передали другим хозяевам, а также выторговать, если у них есть средства, себе свободу» [3, 582].

К сожалению, Л. И. Лавров обходит эти важные сообщения Лонгворта для оправдания своей гипотезы об особом безземельном феодализме в Кабарде и Черкесии.

Дж. Белл также употребляет термин «крепостной», отличая его социальный статус и производственные функции от раба. «Наш хозяин, –говорит он, – недавно, заплатил двести быков за убийство, совершенное одним из его крепостных...». И далее поясняет: «Эти люди (т. е. крепостные. – *Е. Н.)* обрабатывают земли, ходят за лошадьми и скотом и прислуживают в доме для приема гостей, но рубить дрова, носить воду, что считается более низким трудом, предоставляется обыкновенно русским пленникам» [3, 478, 479]. Но у Белла для крепостничества необязательно право собственности господина на землю. «Пользование землей здесь, – говорит он, – кажется, самого первобытного свойства, и ни у кого, кажется, среди этого простодушного народа никогда не явилась мысль назвать своей землю за пределами того участка, который он может с пользой занять, – по существу, не больше того, что он огородил для непосредственной обработки. Пастбища – общие с соседями и редко огораживают...» [3, 478,479].

Для историка-марксиста важны не выводы очевидцев, а сообщаемые ими факты, из которых он сам обязан сделать выводы на основе марксистско-ленинской методологии.

Поиски ученых заслуживают уважения даже тогда, когда они заблуждаются, но такой метод анализа источников и литературы, когда сознательно отбрасывают несоответствующие их концепции факты, не может способствовать раскрытию исторической правды.

Существование феодальной собственности на землю в дореформенной Кабарде

подтверждено в ряде исследований, выполненных на основе архивных данных. Но почему-то, пренебрегая ими и собственными прежними работами, Л. И. Лавров сетует, что важные данные Белла, Лонгворта и Сталя «несправедливо игнорируются исследователями, которые при этом ссылаются на случаи земельных споров и факты продажи земли в Адыгее и Кабарде в XIX в., но закрывают глаза на то, что земельные споры и продажа земли имели место уже после включения названных районов в экономическую систему Российской империи» [1, 27].

Таким образом, обвинив своих оппонентов в предвзятом использовании источников, Л. И. Лавров наставительно рекомендует: «Задача состоит в более глубоком и объективном исследовании становления на Кавказе земельной собственности и форм, в которые облекалась в разных его районах феодальная эксплуатация. В частности, предстоит разобраться, позволяют ли кавказские материалы считать, что земельная рента являлась непременной формой присвоения феодалами прибавочной стоимости, и не свидетельствуют ли они, что эксплуатация нередко принимала форму дани, не связанной с землепользованием и землевладением» [1, 27, 28].

Приведенный взгляд Л. И. Лаврова так необычен с разных точек зрения, что необходимо более подробно остановиться на нем. Во-первых, употреблять термин «Адыгея» в качестве этнонима западных адыгов XIX в. равносильно называть Киевскую Русь Московским государством. Во-вторых, непонятно, о какой форме феодальной эксплуатации и объективном ее исследовании может идти речь, если, по Л. И. Лаврову, ни в Черкесии, ни в Кабарде не было земельной собственности до их включения в экономическую систему России. Не могла же она, феодальная эксплуатация, возникнуть после отмены крепостного права? О включении Северного Кавказа в экономическую систему России серьезно можно говорить лишь после окончательного политического завоевания края, имевшего место в 1864 г. Как известно, за четыре года до этого феодальная эксплуатация официально была отменена в самой метрополии, а еще через четыре года – и на Кавказе. В этих условиях рекомендация Л. И. Лаврова смущает. В-третьих, автор выдвигает новую «теорию» генезиса феодализма, экономической основой которого он считает военные трофеи, торговые пошлины и дань. Для этого типа феодализма, по Л. И. Лаврову, земельная рента необязательна, так как «эксплуатация... принимала форму дани, не связанной с землепользованием и землевладением» [1, 27]. И эту «теорию» автор пытается обосновать на примере кабардинского феодализма.

Марксизм под феодализмом понимает целостный социальный организм, основанный на определенном типе собственности, определенном способе производства, который возникает на определенной стадии развития производительных сил, реализует возможности данного способа производства и сменяется более прогрессивной формацией. Классики марксизма-ленинизма неоднократно подчеркивали, что общественно-экономические формации никогда не встречаются в чистом виде, что в них всегда присутствуют как элементы отжившей формации, так и зародыши будущей, что одна и та же формация приобретает сложнейшие формы и комбинации временного и регионального порядка. Вместе с тем они указывали, что при всем многообразии проявления формации неизменными остаются коренные доминантные формационные признаки.

Вполне объяснимо стремление ученого найти типологические особенности

горского феодализма. Мы не только не отрицаем их, но и считаем выявление этих особенностей одной из важных задач исследователей. Но лавровское определение специфики кабардинского феодализма фактически лишает его главного признака феодализма и противоречит марксистскому положению, с чем трудно согласиться.

Как отмечено, автор ставит знак равенства между военными трофеями, торговыми пошлинами и данью, с одной стороны, и институтом феодального землевладения – с другой, как факторами, якобы порождающими разные типы феодализма. Напомним, что ни военные трофеи, ни торговые пошлины, хотя они служили доходной статьей бюджета феодалов, не создают какого бы то ни было способа производства и не являются классообразующими факторами, а тем более формационными признаками. Они существовали до феодализма, как и успешно пережили его.

Теперь рассмотрим вторую половину тезиса о том, как безземельные феодалы, по Л. И. Лаврову, взимали дань с населения. Здесь не ясно, что вкладывает автор в понятие «дань»: то ли – это установившаяся форма податной системы, то ли – это контрибуция, взыскиваемая победителями с побежденных. Но поскольку в очерке речь идет об основном источнике доходов господствующего класса, допустим, что имеется в виду именно податная система. Тогда непонятно, по какому праву «лавровские феодалы» облагают все население данью, не имея никаких прав на его земли. Видимо, и портовые города, хотя таких не было в Кабарде, и важные пути сообщения, и пашни земледельцев не висели в воздухе, а зиждились на земле. Думается, не только все население страны, но и даже ни один человек не согласится систематически отдавать часть продуктов своего труда без принуждения. Так на чем же зиждилась та невидимая сила, которая позволяла одним присваивать труд других?

Ответ на этот вопрос был дан К. Марксом, когда он писал: «...монополия земельной собственности является исторической предпосылкой и остается постоянной основой капиталистического способа производства как и всех прежних способов, производства, основанных на эксплуатации масс в той или иной форме» [4].

Из этого марксистского положения следует, во-первых, что земля была основным средством производства и остается им при всех социально-экономических формациях; во-вторых, нет и не может быть безземельного феодала, как и не бывает господствующего класса без монопольного права на основное средство производство – землю.

Следовательно, если говорить о кабардинском феодализме, то вопрос стоит так: либо в Кабарде не было феодальной собственности на землю, как утверждает Л. И. Лавров, а стало быть, не было и феодализма, либо феодализм существовал в ней, а значит, и господствующий класс владел землей. Если же автор ведет речь о социальной верхушке, которая все еще промышляет военной добычей и спорадическими сборами дани с побежденных племен, не имея представления о земельной собственности, то, скажем прямо, неправомерно называть ее господствующим классом. Здесь еще нет в научном смысле класса, он лишь формируется и неизвестно во что выльется: в класс феодалов или в класс рабовладельцев.

Утверждение Л. И. Лаврова о том, что «земельная собственность к XIX в. еще не успела окончательно сложиться у... кабардинцев», в сущности, означает, что последние в этот период стояли на стадии классообразования. Небезынтересно сравнить это с тем, что Л. И. Лавров не так давно писал о кабардинцах. «В социальном строе

кабардинского общества XIV–XV вв., – читаем у него, – упрочились феодальные отношения...» [5, 82]. И далее: «В руках знати были сосредоточены значительные материальные ценности – земля, скот, золотые вещи... Налицо была имущественная дифференциация, феодальная иерархия... была уже довольно многоступенчатой: по словам Интериано, имелись знатные вассалы, сервы и невольники. Сохранилось деление на независимые племена, часть которых в тот период представляла собой феодальные княжества» [5, 82].

Нам кажется, Л. И. Лаврову следовало показать в очерке процесс исчезновения института земельной собственности, поскольку теперь он отрицает его.

Сторонники безземельного феодализма обычно ссылаются на отсутствие юридических актов, подтверждающих право кабардинской знати на землю. Действительно, таких актов в современном нашем понимании не было в Кабарде, но право на землю существовало де-факто. Например, в первой половине XVIII в. кабардинские князья доказывали Петру I, что они владеют территорией, заключенной между Кубанью и землями гребенских казаков, по праву наследства со времени далекого их предка Инала, жившего на рубеже XIII–XIV вв. В качестве же подтверждения этого права они предъявили свою родословную [6].

Совершенно ясно, что у кабардинских князей не только имелось понятие наследственного права собственности на землю, они еще доказывали, что таким правом пользовались их предки уже в XIV в.

В сложном процессе становления феодальной формации главное его звено – оформление прав одних на землю и почти полное бесправие других – складывается не по стандарту и не по законодательному акту. Последний лишь фиксирует установившийся порядок вещей, а не создает его. Следовательно, юридическому оформлению прав земельной собственности предшествует фактическое право, сложившееся в обществе в ходе его исторического развития. Поэтому исследователю не следует успокаиваться, когда отсутствуют актовые документы. Он должен стараться извлечь максимальную информацию из имеющихся материалов, а эти материалы, по нашему мнению, позволяют говорить о наличии феодального землевладения в Кабарде уже в XV–XVI вв. При всем своеобразии кабардинского феодализма он содержит все формационные признаки феодализма, являя собой яркое подтверждение марксистского положения о многообразии форм проявления одной и той же формации и единстве формационных признаков.

Особый колорит кабардинского типа феодализма обусловлен рядом внешних и внутренних фактов. Из них главными следует считать известную изолированность адыгов от центров древней культуры и отсутствие условий для развития рабовладельческого строя.

При всем многообразии переходных форм к феодализму существуют два основных пути: через рабовладельческую формацию и минуя ее. Оба они накладывают глубокий отпечаток на ход и темпы развития феодальных отношений в целом.

Народы, развивавшиеся по первому пути, так или иначе наследуют многое из культурного достояния предшествующей цивилизации (города с их ремеслами, навыки строительной техники, письменность, государственная машина и другие надстроечные элементы), тогда как во втором варианте подобное преемство отсутствует. Больше того, некоторые народы, миновавшие в своем развитии классическую форму рабства,

как кабардинцы, не только не строили города, храмы, не создали свою письменность, но даже не смогли перенять их у других, и тем не менее объективный процесс развития производительных сил привел их к разложению родоплеменных отношений и зарождению феодальных. Но почему именно феодальные, а не рабовладельческие?

Как известно, при разложении родовых отношений выделение из общей массы тружеников социальной верхушки в лице более удачливых воинов – историческая необходимость. Это и понятно: территориальные общины (недавно освободившиеся от родовой опеки земледельцы, скотоводы, ремесленники) нуждались в защите от внешних врагов. Эту функцию выполняла знать, играя прогрессивную роль, способствуя консолидации этноса – формированию новой этнической общности людей.

В силу отмеченного разделения сферы деятельности знать постепенно отрывается от непосредственного участия в производстве материальных благ и профессионализируется в особое военное сословие, как, например, уорки в Кабарде. В дальнейшем это разделение круга обязанностей, продиктованное нуждами общества, оказалось необратимым процессом, положившим начало социальному и имущественному неравенству. В сущности, оно несло в себе зачатки экономического и внеэкономического принуждения. Несомненно, еще не было частной собственности на землю, но в условиях постоянной опасности зародыши обеих форм принуждений получают дальнейшее развитие. Во-первых, знать быстрее обогащалась за счет военной добычи, захвата рабов. Во-вторых, ввиду отсутствия условий для развития рабства работорговля приняла широкие размеры, чему способствовала близость невольничьего рынка. В-третьих, нередко побежденные племена становились данниками победителей, являя собой прецедент массовой эксплуатации людей без отрыва от семей, места жительства и особой охраны. В-четвертых, в целях самозащиты и сами общины отдавались под покровительство сильного на определенных вассальных условиях, когда, помимо политического приоритета, патрон получал право сбора дани в виде вознаграждения за покровительство. Наконец, к такому же результату приводили и частые перемещения племен или отдельных групп под эгидой предводителей. Переселение на облюбованные или отвоеванные вождями территории, естественно, порождало известную зависимость переселенцев, даже имена вождей становились этническим обозначением последних. На это указывает тот факт, что большинство адыгских этнонимов – патронимические: «темиргой», «бесланей», «кабардей», «жаней» и т. д.

В результате отмеченных перемен институт покровительства становится традиционным критерием знатности и могущества личности: чем больше общин у патрона, тем выше его социально-политический статус. Это обстоятельство постепенно расслаивает знать на ранги, стимулируя иерархическую структуру феодального общества, порождая открытый повод к прямому захвату общин. Борьба внутри феодализирующейся верхушки за увеличение количества зависимого населения превращается в важный фактор эпохи, что остается, кстати, характерной чертой даже зрелого периода феодализма.

Борьба за общины преследовала помимо чисто престижной цели, и экономические: никакие военные трофеи и другие случайные доходы не могли создать стабильное экономическое положение знати, тогда как эксплуатация зависимых общинников являлась неиссякаемым источником материального благополучия.

При отсутствии оптимальных условий применения рабского труда в производстве в широких масштабах община имела ряд преимуществ: здесь – тот же дармовой труд, только с наименьшей затратой и наибольшей отдачей. Общинники без земли – те же рабы, община же без земли теряла свою значимость как социально-производственная ячейка, на которой могла бы базироваться экономическая и политическая мощь знати. Поэтому сохранение общины на земле было продиктовано объективной необходимостью. Из этого вытекает, во-первых, указанная К. Марксом особая роль земли в любом способе производства. Во-вторых, стремление знати закрепить ее за собой на правах наследственной собственности наряду с расширением политического господства над общинами.

В условиях общего подъема складывающегося класса феодалов вполне закономерна дальнейшая экономическая экспансия во всех его подразделениях. Усиление эксплуатации выражалось не только в количественном увеличении поборов, но и в разнообразии форм отработочных и натуральных повинностей. Изменение форм эксплуатации качественно меняет институт покровительства, т. е. статус покровителя трансформируется в статус верховного владельца земли и властелина общин, соответственно его рангу в сословной иерархии.

Таким образом, по нашему мнению, обе формы принуждения (экономическая и внеэкономическая) развивались параллельно, что обусловило формирование феодального способа производства, который немыслим без права собственности на землю и неполной собственности на крестьян.

Надо полагать, что к тем далеким временам переходного периода относится и возникновение практической генеалогии как потребность феодадизирующегося общества. Она передавала устно из поколения в поколение биографические данные, заслуги, права и привилегии знатных личностей, их семей, фамилий, родов и их потомства. Собственно, она выполняла у бесписьменных народов функции писаной истории и актовых документов.

Само появление подобного рода «истории» свидетельствует о тенденции социальных верхов обратить в наследственное достояние потомства их права и привилегии. В этом отношении родословные кабардинских князей представляют большой научный интерес. К сожалению, до сих пор эти важные источники не систематизированы и монографически не исследованы, между тем они содержат ценные сведения о земельных отношениях, установлении династии Иналовичей и многое другое, способное пролить свет на ряд неясных вопросов истории Кабарды [7, 383–387].

Неотделим от процесса формирования феодальных отношений и фольклор. Например, исторические песни, предания, легенды кабардино-черкесов заключают в себе богатый материал, в котором прослеживаются социальное и имущественное неравенство, сословная структура и феодальная иерархия, картины междоусобиц и классовая борьба, радость побед над внешними врагами и горечь поражений [8, 120–136; 9]. Эти жанры устного народного творчества, сложенные современниками, отражают синкретическую правду политических событий в жизни народа и отношения самих авторов к ним, что не менее ценно для понимания социальной психологии времени [10, 100–116; 11]. Однако эти источники все еще робко используются историками.

Итак, мы считаем, что неизбежное своеобразие феодализма бесписьменных

народов не может заслонить главное в нем: определяющую роль экономического фактора, т. е. феодальное право на землю. В любом случае – это сложный сплав социальных, экономических, политических, культурных, психологических явлений, представляющих итог определенного этапа исторического развития. Несмотря на отсутствие городов, письменности, феодальные отношения здесь развивались по тем же объективным законам, что и в любой другой стране, и они содержат все формационные признаки.

Социально-политический строй Кабарды XVI–XVIII вв. настолько типично феодальный, что никто из современных историков не отрицает этого, в том числе Л. И. Лавров, но он, признавая феодальную надстройку, лишает ее базиса, представляя кабардинский феодализм как некий исторический раритет. Поэтому коротко остановимся на основных чертах, хотя эти вопросы достаточно изучены.

По данным генеалогии, образование кабардинского княжества с династией Иналовичей датируется XIII в. Исторически известно, что в середине XVI в. в нем княжил один из потомков Инала – Темрюк Идарович, который по родословным таблицам значится в VI поколении от Инала [7, 7–25, 383–387].

Глава княжества носил титул уалиипш, т. е. начальный, главный, или старший, князь, по русской терминологии XVI–XVIII вв. Порядок престолонаследия – по боковой линии и по старшинству лет, вследствие чего выходцы разных ветвей Иналова дома носили этот титул. Об этом терский воевода А. И. Хворостин доносил царю: «...а ведетца де, государь, у них так, что на княжение сажают рядом (т. е. по очереди. – *Е. Н.*), а ныне де Осламбеков ряд пришел» [12].

Во второй половине XVII в. круг претендентов на княжение сужается: потомки князя Кази (Жамболатовы, Атажукины, Мисостовы), частью изгнав, частью физически истребив соперников, завладели всей Большой Кабардой и правом княжения [13].

Как правило, уалиипш автоматически вступал в свои права по смерти предшественника, но формально его кандидатура утверждалась хасой – высшим советом князей и дворян, а с 70-х гг. XVI в. – и грамотой русского царя [7, 52–54], но в конце XVII в. с ослаблением русского влияния в Кабарде царь утратил это право.

Власть уалиипша в XVI – начале XVII в. была сравнительно более централизована: он считался главой государства, исполнительной власти и главнокомандующим вооруженными силами. В вассальной зависимости от него находились остальные князья. Хотя эти права формально за ним сохранились, власть его заметно падает со второй четверти XVII в. в результате экономического и политического усиления вассальных княжеств, а со второй половины XVIII в. она существовала чисто номинально, по традиции.

Аппарат управления складывался из следующих общекабардинских органов власти: хаса (большой совет по русской терминологии), созываемая периодически для решения важнейших вопросов внутренней и внешней политики; апелляционный суд «хей» (правый); ближние уздени – телохранители князя; кодз – соправитель уалиипша, избираемый хасой; малый совет, состоящий из близких родственников уалиипша, кодза и доверенных лиц; дворецкий, казначей, писарь, определенное число бейголей и пшикеу, выполнявших функции полицейских, судебных исполнителей, сборщиков налогов, штрафов и посыльных, при помощи которых решались текущие дела [14].

Как отмечено, уалиипш считался верховным владельцем всей земли, но это не означало, что вся земля Кабарды принадлежала ему одному. Напротив, она распадалась на ряд мелких княжеских (фамильных) владений, именуемых в русских источниках татарским термином «улус» [15].

Главы последних являлись полновластными правителями со своими территориями, вассалами, войсками, управленческим аппаратом и подвластным населением. В сущности, они были мелкими феодальными государствами, типа западноевропейских сеньорий и удельных княжеств Руси периода феодальной раздробленности. Статус сеньория удельных княжеств нашел отражение в русских документах XVII в., в которых по имени князей эти владения назывались: «Казиева Кабарда», «Шолохова Кабарда» и т. д.

Количество удельных княжеств в разное время колебалось от 4 до 6. В первой половине XVIII в. их было 5 (три в Большой и два в Малой Кабарде), объединенных под эгидой уалиипша [16, 89].

Ценный материал о структуре удельных княжеств и форме землевладения в нем содержат «Карта Большой и Малой Кабарды» 1744 г. и комментарии к ней [7, 114–116, 194–197]. По этим данным, каждое из владений дробилось на два типа феодальных владений: 1) на вотчинном праве и 2) на праве условного держания. Первым владели княжеские вассалы тлекотлеши и дыженуго, занимавшие в сословной иерархии второе и третье места после князей, а вторым – вассалы вассалов беслан-уорки и уорк-шауа-тлухгусы, стоявшие соответственно на четвертом и пятом местах сословной иерархии [17]. Всего, по данным карты 1744 г. и архивов, в Большой Кабарде тлекотлешам и диженуго принадлежало 47 деревень-кабаков, а беслан-уоркам и уоркшауа-тлухгусам – 13. В Малой Кабарде соответственно – 32 и 6 [7, 194–197, 114–116].

Источники не уточняют, когда мелкие уорки получили свои владения, но в первой половине XVIII в., как будет показано, условное держание переросло в неотчуждаемую собственность. Следует добавить, что в Кабарде не считалось уорком-дворянином лицо, не владевшее населенным пунктом, хотя бы в размере одного квартала – хаблы.

Перечисленные сословия (пши, тлекотлеш, диженуго, беслан-уорк и уорк шауа-тлухгуса) составляли господствующий класс – «пши-уорк». Им принадлежало исключительное право иметь унаутов – рабов в качестве домашних слуг и зависимых крестьян. Для них физический труд считался зазорным, и жили они исключительно за счет эксплуатации зависимого населения.

Отношения между привилегированными сословиями регулировал институт «уорктын» [16, 89, 90], нормы которого определяли права и обязанности сторон. В понятие уорктын входило правило дарения сюзереном населенного пункта своему новому вассалу с дальнейшим ежегодным вознаграждением его ценными подарками: дорогим оружием, лошадьми, рабами и т. д. За это вассал нес военную службу у своего господина, по первому зову которого он обязан был явиться.

Таким образом, уорктын закреплял многосословность господствующего класса и соподчиненность сословий.

Несоблюдение сюзереном норм института уорктын приводило к конфликтам, которые разбирались судом, а иногда и к расторжению вассальных отношений [18].

Мозаичность социальной структуры господствующего класса дополнялась де-

лением эксплуатируемого населения на ряд сословий с очерченным правовым положением: азаты – вольноотпущенные, но обязанные проживать на земле прежнего господина и участвовать во всех его мероприятиях; оги (чагары) – тип русских оброчных крестьян; лагунапыты – схожие по форме эксплуатации с барщинными и дворовыми крестьянами; унауты – рабы, делившиеся на «природных» и ясырей (военнопленные).

Между этими двумя основными классами существовала еще промежуточная прослойка: бейголи и пшикеу, используемые, как отмечено выше, в аппарате управления. Они сословно не слились с уорками, но эксплуатировали крестьян, выделенных специально для этой цели князьями.

Все трудовое население, в том числе бейголи и пшикеу, кроме рабов, называлось пренебрежительным именем «тльхукотль», в отличие от «пши-уорк» [19, 48, 49; 20, 156–227; 16, 64–275], а рабов – самым унизительным термином «унаутуко» – сын рабыни.

Сходство описанного общества со средневековым сословным строем и системой вассалитета и сюзеренитета в Западной Европе очевидно. Здесь одни названия, там – другие, но суть одна.

Правовой основой общественно-политического строя Кабарды являлось обычное право, хорошо приспособленное к потребностям феодального общества. В нем четко отражены сословный строй и неравенство населения. Достаточно указать на то, что за убийство князя не существовало иной меры наказания, как «кровь за кровь», тогда как за смерть простолюдина знать отделывалась простым выкупом, размер которого зависел от ранга убитого в сословной иерархии.

Данные обычного права показывают не только дифференциацию общества, но и формы присвоения прибавочного продукта труда крестьян. Статьи обычного права, касающиеся этого вопроса, не оставляют сомнений в том, что здесь феодальная эксплуатация достигла сравнительно высокого развития, представляя из себя целую систему отработочных и натуральных повинностей. В этой системе скрупулезно предусматривались размеры земельной ренты, начиная от добычи соли и кончая объемом оброка хлебом [22, 223–285].

Излишне доказывать, что осуществлять в таком масштабе феодальную эксплуатацию возможно только владея землей.

Здесь необходимо остановиться на одной внешней особенности кабардинского феодализма. Дело в том, что отсутствие математической единицы измерения земельной площади обусловило практику учета размера феодального владения по количеству в нем общин – деревень [23]. В странах с более высокой культурой, где письменность и другие науки вошли в быт, измерялась земельная площадь феодальных владений, от размера которой в конечном итоге зависело место самого владельца в сословной иерархии. Этот принцип соблюдался и в Кабарде, т. е. социально-политический вес феодала был прямо пропорционален количеству его вассалов и подвластного населения, что уже предполагает определенный размер земельного владения. Это не значит, что в Кабарде не было понятий о границах собственности. Каждый князь четко представлял рубежи своей вотчины, обозначенные по рекам, горам и другим ориентирам, в пределах которых располагались деревнями его подданные и вассалы. Ему было известно и то, сколько деревень из них принадлежит тому или иному

вассалу. Надо думать, что и каждая община представляла границы приданных ей пахотных, покосных и пастбищных земель.

Юридическим лицом общины был феодал (пши, уорк любой категории). Это положение подтверждается тем, что в источниках XVI–XVIII вв. община нигде не встречается в качестве истца или ответчика по земельным спорам. А такие споры между князьями, переходившие в вооруженные столкновения, не были редким явлением в Кабарде XVII–XVIII вв. Внешне эти споры происходили из-за кабаков-общин. Но мы знаем, что община без земли не может быть объектом феодальной эксплуатации. Следовательно, многочисленные споры из-за общин, которыми пестрят источники, – не что иное, как борьба феодалов за землю и работника – двух основных компонентов феодального способа производства.

Эту опосредованную собственность кабардинских феодалов на землю не заметили многие путешественники и ряд исследователей, в том числе и Л. И. Лавров, который отрицает земельные споры в Кабарде до ее включения в экономическую систему Российской империи. А между тем факты говорят обратное. Обратимся к ним.

Отмеченные особенности кабардинской системы землевладения и землепользования хорошо прослеживаются по материалам конфликта между удельными князьями Касаем Мисостовым и Жамболатом Кайтукиным, возникшего в начале 50-х гг. XVIII в. из-за трех деревень-кабаков, расположенных в районе Карагача.

Указанные деревни принадлежали мелким уоркам Атухову и двум братьям Кучмазоковым – вассалам князя К. Мисостова. Атухов, оскорбленный непочтительным обхождением с ним родственников К. Мисостова, решил сменить своего сюзерена на князя Т. Бекмурзина – личного врага К. Мисостова, а братья Кучмазоковы хотели принудить своего сеньора блюсти нормы уорктын, так как Мисостов перестал вознаграждать их. В этих целях все три вассала К. Мисостова «ушли в канаки», т. е. под покровительство Ж. Кайтукина – родного дяди Т. Бекмурзина.

Подобные конфликты, когда уходят вассалы, помимо прочего, роняли престиж князя в глазах тогдашних кабардинцев. К. Мисостов был особенно задет тем, что его вассалы прибегли к посредничеству враждебного ему рода. Конфликт принял острый и затяжной характер. К тому времени в Кабарду прибыли русские представители И. Барковский и П. Татаров, которым К. Мисостов в беседе сообщил: «...из оных трех кабаков два, а именно Кучмазоковы, издавна подвластны ему, Касаю Мисоусову... (т. е. Мисостову. – *Е. Н.),* а третей де кабак, называемый Атухов, состоит его же, Касая Мисоусова, власти, токмо де из оного кабака уздени, оставя своих подвластных, перешли к Бекмурзиным, которой де, хотя им отдать подлежит точию, но как того кабака уздени с подвластными своими пришли к нему, Касаю Мисоусову, во услугу, то он, Касай Мисоусов, награждал их, Атуховых, разным скотом, лошадьми и ясырями, панцырями и всяким оружием, снарядом. И есть ли де они, Бекмурзины... все оное насколько по цене состоят, буде ему, Касаю, возвратят, то ему до помянутого кабака никакого дела не будет» [24].

Анализ сообщений К. Мисостова показывает, во-первых, что в середине XVIII в. уорки типа Атуховых и Кучмазоковых владели крестьянами и их землей на феодальном праве; во-вторых, что это было настолько узаконено обычным правом, что бывший их сеньор не оспаривает его, а лишь требует возмещения издержек; в-третьих, что землевладение это – многоступенчатое. В данном случае непосредственно крестья-

не этих деревень, а следовательно, и их земли зависели от Атухова и Кучмазоковых, но вместе с тем их владения на вассальном положении входили в состав удела К. Мисостова, которому принадлежало верховное право. В-четвертых, вассалы могли переходить к другому сюзерену, и, наконец, указаны виды вознаграждения вассалов за их службу и условия перехода последних к новому сеньору.

Еще более дифференцированно феодальное право на землю и закрепощение крестьян видно из спорного дела между Крымом и Кабардой. На рубеже XVII–XVIII вв. кабардинский князь Кайтука Жамболатов поселил на свою землю беглых бесланейских крестьян двумя деревнями (Махуков и Докчуков). В 50-х гг. XVIII в. новый крымский хан потребовал вернуть беглецов. Потомками этих крестьян владели по наследству внуки Кайтуки – Асלануко, Девлетуко, Дехчуко. Они были возмущены тем, что в Крыму вспомнили о беглецах спустя более 50 лет, когда из тех и в живых-то никого не осталось. Поэтому ответчики обратились с жалобой к русской императрице.

«Помянутые бесланейские кабаки, – писали они, – имели с крымским ханом драку и двоекратно их знатные люди, большие и малые, саблями срублены были. Потом [хан] и третично то же учинить хотел. Тогда они, услышав это, спасая живот свой, все разбежались. Дед наш Кайтуко, уверя их присягою, из гор вызвал к себе, токмо де тогда оне хлеб сеять, за убожеством их, были не в состоянии. Семь лет своим хлебом дед наш их кормил и оженил и что им *к* домовому содержанию потребно было снабдил...» [25].

Перед нами конкретный пример закрепощения феодалом Кайтукой крестьян, которые потом по наследству перешли его внукам. Излишне доказывать, что Кайтука не мог бы поселить людей на землю, не владея ею.

Ценный материал по данному предмету, относящийся ко второй половине XVI – началу XVII в., содержит Родословная кабардинских князей. В разделе, касающемся князей Идарова рода, говорится: «...а у Саусланбека Мурзы два сына, один сын Инармас Мурза, бездетен, убили ево Мудар да Охлов, как оне приходили на них, второй – сын Клыч Мурза, бездетен, убили ево в 144 году (т. е. в 1616 г. – *Е. Н.)* Салтан-Магметовы дети Адемир да Казаналп. А кабаки за ними были дедов ево Домануки да Мамстрюки князя, ныне де все кабаки Клычевы за Будачеем. Всех кабаков 11, а людей в них 250 с лишком, опричь черных людей...» [7, 385].

Саусланбек – сын Домануки, племянник кн. Мамстрюки, внук Темрюка Идарова. К 30-м гг. XVII в. в роду Темрюка оставался лишь один Клыч Мурза, кроме переселившегося в Москву кн. Дмитрия Мамстрюковича. Поэтому крестьяне 11 деревень с их землями, а также 250 вассалов перешли по наследству к Клычу от деда, отца и дяди. Со смертью бездетного Клыча мужская линия рода пресеклась и его владения перешли к ближайшему родственнику Будачею Сунчалеевичу [7, 384].

Здесь четко прослеживается переход феодального владения по наследству как по прямой, так и по боковой линиям с 1570 г. (дата смерти Темрюка Идаровича) по 40-е гг. XVII в. Несомненно, и сам Темрюк унаследовал это владение от отца Идара, жившего во второй половине XV в. «Институт наследства между тем, – указывал В. И. Ленин, – предполагает уже частную собственность» [26].

В заключение сошлемся еще на один источник. Междоусобица, разыгравшаяся в Большой Кабарде в 20-х годах XVIII в., продолжалась с перерывами до середины 40-х годов. Потерпевший поражение в этой борьбе кн. Арслан-бек Кайтукин писал

астраханскому губернатору в ответ на предложение о посредничестве: «...а кто будет нас в наших делах разбирать и по тому что есть моево владения, подданных людей на Баксане, то бы мне отдать и меня со всем владением посадить на отцовском жилище на Баксане, понеже имеютца там около реки Баксану *мои сенные покосы и пашенные земли, также горы, на которых в летнее время скотские табуны и овцы пасутца*. А ежели на Баксане со владением моим русские люди посадить не пожелают, то я готов жить и на Малке реке или здесь у Бештовых гор*, токмо выше писанные бы мои сенные покосы и пашенные земли и по горам угодья отданы бы были мне, понеже Баксан от дедов и отцов наших* исходит да и я в своем владении имею скота и овец и *лошадей довольное число*» (курсив наш. – *Е. Н.) [27]*.

Мы рассмотрели значительное число разнообразных источников, свидетельствующих о наличии феодальной собственности на землю в Кабарде XVI–XVIII вв. Можно бы продолжить перечень подобных материалов, но приведенные факты, думается, убедительно опровергают концепцию сторонников безземельного феодализма. Вместе с тем они наглядно показывают, что в Кабарде феодализм близок к европейскому типу феодализма, несмотря на его выраженный местный колорит.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Лавров Л. И.* Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.: Наука, 1978.
2. *Маркс К.* Теория прибавочной стоимости / К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 26. Ч. 1. С. 279.
3. АБКИЕА.
4. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. Ч. 2. С. 167.
5. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 1.
6. АВПР, 1722, ф. Сн. России с Персией, д.13, лл. 80–100.
7. КРО. Т. I.
8. *Хан-Гирей*. Избранные произведения / Подготовка текста и вступительная статья кандидата филологических наук Р. Х. Хашхожевой. Нальчик, 1974.
9. *Аутлева С. Ш.* Адыгейские историко-героические песни XVI–XIX вв. Нальчик,1973.
10. *Налоев З. М.* Из истории «Песни Большого ночного нападения» // Из истории культуры адыгов. Нальчик,1978.
11. *Налоев З. М.* О придворном джегуако // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1981.
12. ЦГАДА, 1589, ф. Кабардинские дела, д. 3, л. 7.
13. АВПР, 1737, ф. Кабардинские дела, д. 9, лл. 2–3 и 3 об.
14. АВПР, 1747, ф. Кабардинские дела, д. 6, л. 41; 1762, д. 3, л. 27.
15. Эти княжества также именовались по фамилии или имени князя – «Казиева Кабарда», «Шолохова Кабарда» и т. д.
16. *Налоева Е. Д.* Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII в.: дисс. ... канд. историч. наук. Нальчик, 1973.
17. Беслан-уорки и уорк шауа-тлухгусы могли быть и княжескими.
18. АВПР, 1753, ф. Кабардинские дела, д. 7, л. 71.
19. *Кумыков Т. Х.* Социально-экономические отношения и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1959.
20. *Гарданов В. К.* Общественный строй адыгских народов. М., 1967.
21. *Тхамоков Н. Х.* Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII в. Нальчик, 1961.
22. *Леонтович Ф. И.* Адаты кавказских горцев. Одесса,1883. Вып. 1.

7 Заказ № 815

23. По этому принципу построена «Карта Большой Кабарды и Малой Кабарды» 1744 г., а также комментарий к ней 1753 г. (См.: КРО. Т. 2. С. 114–116, 194–197).

24. АВПР, 1753, ф. Кабардинские дела, д. 7, л. 71.

25. АВПР, 1753, ф. Кабардинские дела, д. 8, лл. 16–17.

26. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 136.

27. АВПР, 1745, ф. Кабардинские дела, д. 2, л. 6.

Из истории феодальной
Кабарды и Балкарии.
Нальчик, 1981. С. 5–27.

УЧАСТИЕ КАБАРДИНЦЕВ В РУССКО-ТУРЕЦКИХ ВОЙНАХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

Боевое содружество кабардинского и русского народов, рожденное в совместной борьбе против общего врага османско-крымских завоевателей, имеет долгую историю и убедительно опровергает версии зарубежных буржуазных историков об «извечном антагонизме» между Россией и мусульманским населением Кавказа. В русско-турецких войнах XVIII века кабардинцы, исповедовавшие ислам, сражались вместе с русскими против османов и крымских татар.

На рубеже XVII–XVIII веков русско-османские отношения вступили в новую фазу. Появление русского флота на Азове расценивали в Константинополе как покушение России на османские владения. Северный Кавказ Порта рассматривала как плацдарм для дальнейшей агрессии. В России, напротив, азовские успехи считали началом решения важной «черноморской проблемы», с которой были связаны и кавказские дела.

Кабарда находилась на стыке интересов двух противоборствующих империй [1]. От нее Порта и Крым требовали безусловной покорности, а Россия предлагала свое покровительство с сохранением сложившегося в Кабарде политического режима и совместные действия против общего врага [2, 3–5].

На предложение России кабардинцы изъявили полную готовность начать военные действия. Русскую царицу в ответном письме заверили: «Мы на того неприятеля будем наступать сами неприятельски и в том свой живот не пожалеем». А ханскому послу уклончиво заявили: «Ныне де русские сильны калмыками для того мы к ним и перешли ...А ежели де вы будете сильны против них, то мы будем ваши» [3].

В 1734 году перед началом русско-турецкой войны именно кабардинцы упросили царское правительство помиловать калмыцкого ханыча Дондук-Омбу, бежавшего в Крым, а самого беглеца убедили возвратиться в Россию со всем своим улусом. Это было весомым вкладом в победу над врагом, так как Дондук-Омба располагал 20 000 конников [4].

В 1736 году кабардинские войска приняли участие во взятии Азова и военных действиях на Кубани [5]. Операции на Кубани преследовали две цели: парализовать действия подвластной Крыму Кубанской орды с общим населением более полумиллиона человек и обезопасить фланг и тыл осаждающих Азов русских войск. Эти задачи были возложены на кабардинцев и калмыков, подчиненных непосредственно главнокомандующему Азовским фронтом генералу Л. П. Ласси.

3 мая 1736 года сильная ногайская орда Солтан-Улу, «без жен и детей, военных людей более 10 000 человек» заслонила путь наступающим русским. Но кабардинские и калмыцкие отряды принудили орду вступить в переговоры о переходе в подданство России [6]. Вскоре к ним подошла часть ногайской орды Навруз-Улу, укрепилась в труднодоступных местах, и переговоры были прерваны. Двигаться дальше, оставив у себя в тылу такое количество неприятелей, для русских было весьма опасно. Бро-

шенные на приступ семейные терские казаки и «окочены» отступили с большим уроном [7]. Тогда атаман войска Донского Д. Ефремов, которому было поручено общее наблюдение за кабардинскими и калмыцкими войсками, обратился к кабардинскому князю М. Кургокину с просьбой послать на штурм ногайских укреплений свой отряд. Однако М. Кургокин, вместе со своим двоюродным братом К. А. Атажукиным вызвался уладить конфликт без крови. В сопровождении своих узденей, калмыцких зайсангов, знатных казаков они явились в стан ногаев и урегулировали вопрос [8].

Д. Ефремов доносил Л. П. Ласси об этом 5 мая: «Оныя татары от вышеописанных кабардинских владельцев ...в подданство е. и. в. склонились», выдали в качестве заложников «500 всадников из самых знатных мурз» с условием по окончании войны туркам их не выдавать, а кочевать разрешить им близ Кабарды» [9].

Основная масса большой орды Навруз-Улу, в которой насчитывалось 15 тысяч всадников, укрепилась в малодоступных местах, надежно укрыла жен, детей, скот, построила искусственные укрепления и решила сопротивляться. 10 дней шли бои, жертвы были с обеих сторон, на одиннадцатые сутки кабардинцы и калмыки принудили ногаев запросить мир и выделить двухтысячный отряд конников для участия в боях против Крыма.

Важнейшим итогом кампании 1736 года на Кубани было обеспечение развития азовской операции. «Ныне кубанским татарам, – восторженно рапортовал Д. Ефремов генералу Л. П. Ласси, – не токмо к сикурсу Азова дороги пересекаютца, но самим приходит до того, что где б себя скрыть могли» [10]. В правительственных кругах Петербурга высоко оценили ход военных действий на Кубани. Русский дипломат М. П. Бестужев сообщил шведскому королю, что победа на Кубани «значительный успех русского оружия» [11].

Разразившаяся в Кабарде эпидемия чумы сорвала там военные действия 1737 года, и всякая связь с ней была прервана. На Кубани были османские эмиссары с письмами султана и хана. За ними прибыл крымский салтан Фети-Гирей для подготовки «сильного сикурса» против Азова [12]. Опираясь на ногайскую орду Мусы-мирзы и остатки войск Навруз-Улу, он угрожал Кабарде. Весь год охваченная чумой Кабарда оборонялась от них. Особенно тяжело было в 1738 году. Кабардинцы с трудом сдерживали натиск превосходящих сил противника. «С прошедшей зимы до сего времени безпрестану на службу бываем», -жаловался ст. князь Кабарды А. Кайтукин императрице Анне Ивановне [13]. Наконец с позволения русского правительства, на помощь кабардинцам пришли калмыки во главе с Дондук-Омба [2, 97]. В результате кампании 1738 года в Кабарду возвратились абазины, насильственно переселенные еще в 1721–1722 годах ханом Саадат-Гиреем за Кубань. Царица Анна Иоанновна особой грамотой поздравила кабардинцев с одержанной победой [14].

Весной 1739 года на Кубанском участке войны действовали кабардинцы и калмыки под командованием старшего князя Кабарды А. Кайтукина. «Сего года месяца зилхиджия, в первых числах, – писал он русской императрице, – с хана Дондук-Омба калмыки мы ходили за реку Лабу, и на вершину реки Хева ходили. Пять тысяч бесланейских аулов, да бегбайских аулов две тысячи взяли...» [15]. Но летом 1739 года крымские войска под командованием Фети-Гирея-салтана и кубанские татары, во главе с сераскиром Кази-Гирей-салтаном, «купно з темиргоевскими чер-

касы» напали на летние пастбища кабардинцев и угнали «двести тысяч овец, семь тысяч коров... и взяли в полон пятьсот душ». По Указу русского правительства на помощь кабардинцам пришли калмыки [16].

20 августа 1739 года А. Кайтукин повел войска на Кубань, настиг отряд сераскира Казы-Гирея и дал сражение на берегу реки Лаба, о результатах которого князь писал: «тех татар разбили и прогнали. Много до смерти побито... и в полон взято... добро и пожитки тоже... а салтана Кази-Гирея, раненного, до смерти побили ж...» [17].

Союз с Россией, скрепленный в совместной борьбе, для кабардинцев стал настолько традиционным, что и после заключения Белградского мира они продолжали считать себя под покровительством Российской империи и сносились с ней по всем важным вопросам внешней политики.

Таким образом, вопреки утверждениям буржуазных историков Запада, кабардинцы и другие мусульманские народы Северного Кавказа ориентировались в XVIII веке на Россию и совместно с ней воевали против Османской империи и Крымского ханства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Виноградов В. В., Магомадова Т. С.* Первая русская карта Северного Кавказа // Вопросы истории, 1976. № 6. С. 199–203.
2. КРО. Т. II.
3. АВПР, 1737, ф. Кабардинские дела, д. 3, л. 4–4 об; д. 2, л. 11–11 об.
4. АВПР, 1734, ф. Кабардинские дела, д. 3, лл. 1–2, 4–5, 20 об.–21.
5. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 47, л. 15, 17.
6. Там же, л. 15, 16 об.
7. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 47, л. 15, 16 об.
8. Там же, л. 15.
9. Там же, л. 15–16.
10. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 47, л. 17, 21.
11. *Некрасов А. Г.* Роль России в европейской международной политике в 1725–1739 гг. М., 1976. С. 252.
12. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 47, л. 25, 27.
13. АВПР, 1739, ф. Кабардинские дела, д. 1, л. 11 об.
14. АВПР, 1739, ф. Кабардинские дела, д. 1, с. 97; д. 3, л. 11–14.
15. АВПР, 1739, ф. Кабардинские дела, д. 1, л. 15.
16. Там же, лл.15, 24–25.
17. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 47, л. 90.

Великий Октябрь и передовая Россия
в исторических судьбах народов Северного Кавказа //
Материалы Всероссийской научной конференции
(2–3 октября 1979 г.). Грозный, 1982.
С. 277–280.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ О КАЗАНОКО ЖЕБАГИ

Слушая вчера и сегодня содержательные доклады и выступления участников научной конференции, посвященной 300-летию со дня рождения Казаноко Жебаги, невольно всплыли в памяти моей два момента, уместных упомянуть здесь. Как-то в 1966 г. один из выпускников нашего университета, поступая в аспирантуру, написал реферат: «Философские взгляды Казаноко Жебаги». В рецензии о нем говорилось: «Философские взгляды Казаноко Жебаги изложены неплохо, но существование самого Казаноко еще не доказано, и у автора нет никаких подтверждений, кроме сказок». Разумеется, рецензент был прав, считая сомнительными предания устного народного творчества о Жебаги.

С тех пор прошло всего 19 лет, но уже никто не сомневается в том, что Жебаги – выдающаяся историческая личность, что он действительно жил и боролся за счастье своего народа.

Чуть позже, в 1971 г., публикуя маленькую статью о Жебаги, написанную впервые на основе архивных материалов, я заканчивала ее фразой: «Хочется верить, что дальнейшие поиски историков и фольклористов увенчаются большим успехом и общественно-политическая деятельность замечательного нашего соотечественника по достоинству будет оценена» [1].

Отрадно мне сегодня, что сбылась эта мечта! Наконец пробилась правда о Жебаги сквозь толщу веков и в сердцах живых людей отозвалась она искренней благодарностью!

Организация настоящей конференции – лучшее признание заслуг Жебаги. Спасибо ее организаторам и всем участникам!

Товарищи! Несколько восторженным своим вступлением я вовсе не хочу сказать, что казаноковедение достигло своего зенита и пора сворачивать поисковые работы в этом направлении. Напротив, на мой взгляд, оно только рождается, и это обязывает нас приложить максимум усилий, чтобы сделать его подлинно научным.

К сожалению, в научном обращении не так много имеется архивных материалов для освещения многогранной деятельности Жебаги. Источники о нем скудны, фрагментарны и разбросаны крупицами по разным архивохранилищам, что усложняет проблему и даже не позволяет ставить специальную поисковую задачу.

Прежде чем приступить к перечню документальных сведений о Казаноко, мне хотелось бы сказать еще несколько слов о самих источниках. Значение письменных источников в исторической науке невозможно переоценить, более того, несомненна их основополагающая роль в источниковой базе науки в целом. Собственно, этим и определяются место и актуальность письменных материалов и в казаноковедении. Как известно, до недавнего времени наука не располагала письменными свидетельствами о жизни и деятельности Жебаги. Это обстоятельство подсекало основу развития казаноковедения, оставляя самого Казаноко всего лишь легендарной

личностью, несмотря на то что фольклор народов Северного Кавказа и Дагестана красочно рисовал его как истинного мудреца, поборника правды, справедливости и защитника обиженных. Лишь архивные находки и введение их в научный оборот произвели чудо: из фольклорного героя Казаноко Жебаги преобразился в исторического деятеля Кабарды первой половины XVIII в.

Вот этому «чуду» мы обязаны русским архивохранилищам, в которых отложились за много веков русско-кабардинских отношений ценные материалы о прошлом Кабарды, в том числе и о Жебаги. Русские архивные материалы – не только единственные на сегодня источники по истории Кабарды XVI–XVIII вв., но и особенно достоверные. Дело в том, что в результате острой многовековой борьбы между Портой Оттоманской и Россией за Кабарду русская дипломатия вынуждена была зорко следить за событиями, происходившими как внутри Кабарды, так и за ее пределами. При этом существовало правило строгого взыскания за подачу неточных сведений и поощрения за верную службу. Поэтому в так называемых «доездах», «походных журналах», рапортах, реляциях и т. д. осторожно фиксировались факты, имена деятелей, их социальная принадлежность и общественное положение.

Как правило, с обострением международной обстановки вокруг кабардинского вопроса накалялась и борьба между отдельными феодальными группировками в Кабарде, и тогда начинали пестреть в бумагах имена участников этих баталий. Так, за первую половину XVIII в. шесть раз осложнялась международная ситуация вокруг Кабарды (1706–1708, 1710–1712, 1720–1722, 1729–1732, 1735–1739, 1745–1746). Во время этих кризисных периодов, начиная с 1712 г., периодически появляется в бумагах имя Жебаги, но, как уже отмечено, чрезвычайно скупо. Однако то малое, чем в настоящее время располагает историческая наука о Жебаги, позволяет с уверенностью говорить о социальной и сословной принадлежности Жебаги, о значимости его общественно-политической деятельности и пролить определенный свет на его личную жизнь. Наконец, если синхронизировать документальные данные с произведениями устного народного творчества о кабардинском мудреце, то, думается, можно перейти к монографическому исследованию деятельности Казаноко Жебаги.

Говоря о синхронизации фольклорных и архивных материалов, необходимо иметь в виду существующие между ними разногласия о происхождении и социальном статусе Жебаги. Устное народное творчество нередко перемещает своих любимых героев из одной исторической эпохи в другую, из знатной социальной среды в крестьянскую, объявляя его выходцем из низов. Так обстоит дело и с Жебаги.

По данным фольклора, Жебаги – безродный подкидыш, крепостной мальчик-пастушок, который исключительно благодаря своему уму, таланту, смелости и справедливости не только выбился в люди, приобрел широкую известность по всему краю, но и стал грозой для князей. Эти зарисовки – показатель его популярности, любви к нему народа, но они полярно расходятся с данными письменных источников о нем. Мы выше попытались показать приоритет документальных свидетельств перед фольклорными. Конечно, было бы несправедливо требовать от устного народного творчества протокольной точности, но и нельзя забывать о том, что Жебаги жил в феодальной Кабарде, где господствовал сословный строй, и выходцам из низов не было доступа до звания узденя старшего князя Кабарды, каким представлен он в документах.

«Уздень» и «уорк» – синонимы, собирательные термины, означающие дворянство. Под термином «уорк» в Кабарде подразумевался ряд сословных традиций: дыженуго и тлекотлеш, беслан-уорк и уорк-шауатлигуса. Более употребительный в русских документах «уздень» также подразделялся на три категории: «знатный уздень», «уздень» и «ближний уздень». В архивных материалах Жебаги иногда именуют знатным узденем, а иногда просто узденем. Собственно, для нас это не имеет принципиального значения. Имеет значение то, что он принадлежал к господствующему классу [2]. Об этом же свидетельствует факт существования в Кабарде деревни «Казануко», жители которой являлись крепостными Казаноко Жебаги [3]. Как явствует из письменных источников, Жебаги не был подкидышем, как его рисует фольклор, а является представителем небольшой феодальной фамилии Казаноковых, которые значились уорками-вассалами князей Кайтукиных [4].

Чтобы более отчетливо представить социальный статус Казаноковых и Жебаги, в частности, я обращу ваше внимание на два положения обычного права кабардинцев. Согласно существовавшему в XVII–XVIII вв. в Кабарде феодальному институту уорктын, по смерти князя-сюзерена его вассалы автоматически переходили к его сыновьям и оставались под их юрисдикцией до тех пор, пока они не нарушат правила уорктын [5]. Согласно другому положению того же обычая, любой уорк, признавший себя вассалом какого-то князя, становился личным уорком последнего, и никто из родственников не мог претендовать на него. В случае раздела уорки переходили только по прямой линии [5, 90].

Как было указано, Жебаги был уорком князей Кайтукиных – Арсланбека, Канамата и Жамболата. Следовательно, уорки Казаноковы достались им по наследству от их отца Кайтуки Жамболатова, жившего во второй половине XVII в. Значит, он уорк не только одного Арсланбека. Косвенно это положение подтверждают сведения о брате Жебаги. Оказывается, у фольклорного «подкидыша» был родной брат по имени Ахметхан в звании узденя тех же князей [6]. Здесь невольно возникает вопрос: «Не могли же подкинуть одновременно двух братьев?»

Трагически сложившаяся судьба Ахметхана во многом помогает более четко представить место Казаноковых на феодальной иерархической лестнице. Казаноковы не только владели землей и крестьянами, но и занимались торговлей. В частности, в 1746 г. родной брат Жебаги был убит и ограблен в пути следования с товаром из Крыма. В объяснении по этому поводу читаем: «Наши кабардинские, купецкие, люди, едучи с Крыму с пажитками на шести арбах, пограблены бжедухами, при котором пограблении до смерти убит уздень наш Ахметхан Казануков сын...» [7].

«Пажитки на шести арбах» даже в нашем представлении тоже немалое состояние, но для Кабарды того времени, если иметь в виду, что через Крым обычно везли ценные товары с Ближнего и Среднего Востока (шелка, бархат, ковры, дорогое оружие, изделия из серебра и золота), то это огромное богатство. Из изложенного видно, что Казаноковы не только принадлежали к привилегированному сословию уорков, но и были экономически состоятельными. К такому выводу приводит и тот резонанс, который получил факт убийства одного узденя – брата Жебаги.

Сразу же по получении известия о гибели Ахметхана князья Кайтукины снарядили депутацию на Кубань к бжедугам с требованием платы за кровь и разграбленное имущество их уорка. Однако крымский царевич, оказавшийся у бжедугов с войском

в 300 всадников, преградил им путь. В завязавшейся битве были жертвы с обеих сторон [8].

Несмотря на то что вопрос об отправке депутации к бжедугам заранее был согласован с кубанским сераскиром и подобные поездки тогда часто практиковались, согласно существовавшему обычаю барамты, крымский хан, сообщая турецкому султану об этом, как о вооруженном вторжении кабардинцев в пределы его владения, придал спровоцированному крымской же стороной инциденту характер международного конфликта. На основании реляции хана султан обратился к России *с* нотой протеста о нарушении кабардинцами условия Белградского мирного трактата, требуя на основании 6-й статьи этого договора срочно рассмотреть (совместно) дело и строго наказать виновных [9]. К этому времени относятся сведения о поездке Жебаги в г. Копыль по делу убийства его брата [10]. К сожалению, архивные данные не содержат подробностей этого предприятия, но по косвенным материалам видно, что оно не увенчалось успехом.

Вскоре прибыли представители Порты и России для расследования ноты протеста. Русскую миссию возглавлял капитан И. Барковский, турецкую – Гельди-паша-ага [11]. Несмотря на такую напряженную обстановку, общественность Кабарды «продолжала требовать мести за смерть узденя Ахметхана Казанукова». Поэтому один из князей Кайтукиных (Эльбуздуко Канаматов сын) в сопровождении отряда узденей отправился за Кубань. При его приближении бжедугские села ушли в леса. Тогда князь отыскал табун лошадей, принадлежащих бжедугам, и отогнал 40 голов [12]. Вслед за этим бжедуги прислали почетных стариков с извинением и просьбой о замирении [13]. Последнее явно подчеркивает высокий социальный статус Казаноковых. В то время за кровь простолюдина платили всего два быка.

Архивы содержат короткое сообщение и о родном сыне Жебаги по имени Шаабан. Он сопровождал отца в Копыль в 1747 г., куда отправился Жебаги для обсуждения процедурных вопросов приема ханом кабардинского посольства [14]. В том же году Жебаги возглавил это посольство в Крым. Их сопровождал Шаабан.

На этом обрываются документальные данные о Жебаги, и вопрос о том, возвратился ли он из Крыма, остается открытым.

Таким образом, по данным письменных источников, Казаноко Жебаги принадлежал к феодальной знати Кабарды первой половины XVIII в., имел родного брата по имени Ахметхан столь же знатного происхождения, что исключает тезис о подкидыше, обнаруженном в казане (котле), отчего якобы происходит его фамилия «Казаноко».

Можно не сомневаться, фольклорное объяснение происхождения имени и фамилии мудреца есть не более как поэтическая этимология. Однако главное не в этом, а в том, что Жебаги, будучи представителем феодальной аристократии, все же выступал в защиту интересов угнетенных, требуя гуманного отношения к людям, независимо от их сословной принадлежности. Надо признать, что для Кабарды XVIII в. это феномен!

Теперь рассмотрим общественно-политическую деятельность Жебаги. Первое упоминание его имени относится к 1712 г. Здесь не было никаких объяснений, а просто в числе воинов, участвовавших в кубанском походе против Крыма во время русско-турецкой войны 1710–1712 гг., источник упоминает «знатного узденя вла-

дельца Россламбека Кайтукина Жебату» [15]. Сначала я даже не поняла, что речь идет именно о Жебаги Казаноко, т. к. фамилия его не была указана, да и имя искажено.

Участие кабардинцев в этой войне послужило причиной резкого обострения кабардино-крымских отношений в течение 1712–1719 гг. С приходом же к власти Саадат-Гирея эти отношения неотвратимо двигались к вооруженному столкновению, поскольку новый хан стремился взять реванш за поражение своего дяди хана Каплан-Гирея. Весной 1720 г. 40-тысячное войско Саадат-Гирея подошло к границам Кабарды и в ультимативной форме потребовало:

1. Безоговорочно признать подданство Порты!
2. Возобновить плату дани Крыму в прежних размерах!
3. Выдать 4 000 ясырей за бесчестие прежнего хана (Каплан-Гирея)!
4. Возместить полностью натурой или в других эквивалентах все военные трофеи, захваченные кабардинцами у крымцев за последние 20 лет! [16]

В то время в Кабарде княжил Исламбек Мисостов. По договору 1710 г. Россия гарантировала оборону Кабарды от внешних врагов, но при тогдашних средствах передвижения Исламбек не мог рассчитывать на реальную помощь раньше чем через полгода, а враг не ждал, срок ультиматума истекал через 4 дня. В такой обстановке была созвана хаса – большой совет князей и узденей с участием «черного народа» – для обсуждения создавшегося положения и снаряжения посольства в Петербург просить помощи [17].

В ходе острых дебатов хаса приняла компромиссное решение: возобновить плату Крыму, выдать за «бесчестие прежнего хана 1 000 ясырей» с условием, что хан «не перейдет реку Кубань» – границу Кабарды, «а ежели пойдет он, хан крымский, к жилищам ихним, то ничего не дадут!» [18].

Хан послов с таким ответом казнил и двинул войска через Кубань. В этих условиях участники хасы распались на две непримиримые группы. Одна из них во главе с Исламбеком капитулировала, а другая под руководством сюзерена Жебаги Арсланбека Кайтукина увела людей и скот в неприступные горы и развернула партизанскую войну против оккупантов и их приспешников. В числе этих отважных сынов, стоявших насмерть за честь и независимость родины, был и Казаноко Жебаги. «Главной уздень старшего князя в Кабарде Исламбека Бимурза сказывал Ивану Кикину, – говорится в документах, – будто знатной уздень владельца Росламбека Койтокина Джебаге под предлогом к дугурам отправлен звать казаков в Дону...» [19]. Это скудное известие, к сожалению, не раскрывает с желаемой полнотой деятельность Жебаги в столь ответственный период истории народа. Однако одно его пребывание в лагере патриотов, принудивших хана отвести свои войска за Кубань, само за себя говорит.

Тем временем кабардинское посольство прибыло в Петербург, и Сенат положительно рассмотрел просьбу кабардинцев [20]. Саадат-Гирей, узнав об обращении кабардинцев к России за помощью, решил взвалить всю вину за провал кампании на русских и забил тревогу, сообщая в Стамбул о вмешательстве России в дела кабардинцев, которые «де 200 лет пребывают под властью ханов». В феврале 1722 г. чрезвычайный посол Порты вручил Петру I ноту протеста о вмешательстве России в кабардинские дела. К этому времени Петр I, победоносно завершив Северную войну, собирался заняться вплотную проблемами Юга, где кабардинский вопрос являлся

ключевым. Однако события, происшедшие на Восточном Кавказе, сдвинули внимание России с Кабарды на Прикаспие. Дело в том, что там возникла реальная возможность поглощения всего Прикаспия Портой Отоманской. В 1721 г. лезгинский князь Даут-бек и кази-кумухский владелец Сурхай штурмом взяли город Шемаху и разграбили его, в том числе и товары русских купцов, чьи потери превышали 500 000 рублей. Опасаясь возмездия со стороны Ирана и России, они прибегли к покровительству Порты. Казалось, многовековая борьба за обладание Кавказом подходила к своей развязке в пользу Турции; хан оккупировал Кабарду, а дагестанские феодалы сами пришли под опеку султана. Столь удобной ситуацией не преминула воспользоваться Порта, решив вытеснить шаха из его кавказских владений и соединить оба клеща турецкой экспансии на кабардинской равнине [5, 121–127].

Разгадав коварный план Порты Петр I решил двинуть войска в Прикаспие и преградить ей путь. В этих целях, чтобы притупить бдительность Порты, он полностью признал протест султана справедливым и 22 марта 1722 г. вручил послу Миралем Кападжи Мустафа-паше ответную ноту, обещая султану впредь под страхом смертной казни запретить своим поданным вмешиваться в дела кабардинцев [5, 125, 126]. Кабардинским же послам велел немедленно возвратиться и готовиться к походу царя в Прикаспие против Порты [5, 127–131].

Движение русских войск с прославленным царем во главе вселило в народ надежду на избавление. Отборный конный отряд под предводительством Арсланбека Кайтукина принял активное участие в походе царя. К сожалению, мы не располагаем письменными свидетельствами о пребывании Казаноко Жебаги в этом походе, но, согласно нормам феодального права, действовавшим в то время в Кабарде, Жебаги не мог не сопровождать своего князя. С другой стороны, и сам князь нуждался в помощи Жебаги, как советника в предстоящих переговорах с императором, на которые князь возлагал большие надежды и где собирался с царем решить широкий круг вопросов кабардино-русских отношений. Исходя из этих соображений, думаю, можно считать Жебаги участником не только похода царя, но и Сулакского соглашения 1722 г. между князем Арсланбеком Кайтукиным и Петром I [5, 128–131].

Пока патриоты решали в ставке царя вопрос о политическом статусе Кабарды, в Стамбуле по-своему истолковали ответ Петра I на ноту протеста: «Большая и Малая Кабарда суть ханские», а следовательно, составная часть Порты Оттоманской. На этом основании султан отправил послов в Кабарду, требуя покорности и полного повиновения Крыму, согласно договору между Россией и Портой [5, 128–131]. Послов сопровождали войска, что способствовало оживлению прокрымски настроенных феодалов. Последние, опасаясь сопротивления патриотов, призвали на помощь кубанского сераскира с огромной ордой. Старший князь Кабарды, введенный в заблуждение всем этим, поспешил заявить о своей лояльности Порте и Крыму. Таким образом, результаты многовековой борьбы кабардинского народа против крымско-турецкой экспансии были сведены к нулю [5, 131–135].

В такой критический момент, когда решалась судьба родины, Арсланбек отправил новое посольство к Петру I с целью выяснить, верна ли Россия Сулакскому соглашению, и если да, то просить военную помощь против новых оккупантов. Посольство возглавляли три главных узденя Кайтукина: Джанмамет Тамбиев, Кургоко Куданетов и Жебаги Казануков [5, 132].

Формально посольство трех узденей завершилось успешно. 5 апреля 1723 г. Петр I в столице принял послов, наградил их дорогими подарками, оплатил их дорожные расходы и на руки выдал им грамоту с подтверждением Сулакского соглашения, но на деле царь воздержался от практических шагов по оказанию военной помощи кабардинцам против Крыма и Порты [5, 132–134]. Видимо, его сковали условия Прутского мира 1712 г. и затянувшаяся прикаспийская проблема.

Разумеется, вникать в такие дипломатические тонкости князь А. Кайтукин не стал, да и не мог. Он просто по-рыцарски оскорбился тем, что император не сдержал слова и в критический момент тоже предал его. В самом деле, положение А. Кайтукина и его сторонников было чрезвычайно трудным. Фактически Кабарда была ввергнута в гражданскую войну. Причем силы сторон далеко не были равны, и неизвестно, чем бы она окончилась, если бы к патриотам не пришла неожиданная помощь со стороны. И кто же им помог? Сам турецкий султан! Невероятно, но это так. Обычно турецкие султаны «играли в ханы», то свергая, то возводя на престол представителей враждующих ветвей из дома Гиреев. Очередная «игра» султана снесла с престола Саадат-Гирея в конце 1723 г., а на его место возвели его кровного врага Девлет-Гирея II. Как правило, с падением хана все должностные лица в Крыму смещались, иначе бы хан расправился с ними. В этих условиях оккупантам стало не до Кабарды, они бросились спасать себя.

Оказавшись без посторонней помощи, соперники, Исламбек Мисостов и Арсланбек Кайтукин, не смогли продолжать войну. Однако Арсланбеку политическая ситуация показалась удобной для реванша, и он пошел на сближение с новым крымским ханом [5, 132–134].

И вот тут проявилась твердость характера и величие духа Жебаги! Я прошу извинить меня за вынужденные отступления. Рассказать так лаконично о Жебаги, как источники сообщают о нем, невозможно, а точнее, я не умею. Собственно, говорить о Жебаги, значит повествовать о целом историческом периоде, так как все важнейшие события того времени так или иначе связаны с его именем.

Так вот, когда его повелитель А. Кайтукин отказался от прорусской ориентации и заключил союз с ханом, согласно существовавшему в то время в Кабарде феодальному этикету, Казаноко Жебаги обязан был последовать за своим сюзереном. Но этого не произошло. Больше того, он здесь повел исключительно тонкую игру. Сохраняя вассальные отношения с Кайтукиным, чтобы не создавать дополнительных трудностей, Жебаги остался верным союзу с Россией, и эту идею сумел претворить в жизнь руками кабардинского верховного князя.

Дело в том, что с падением хана Саадат-Гирея и с назначением его врага Девлет-Гирея ханом И. Мисостов оказался в политической изоляции. Успев породниться с Саадат-Гиреем, Исламбек опасался гнева нового хана [21]. Боялся он и Петра I, которому изменил во время вторжения крымцев. И вдруг этот князь снаряжает посольство в Петербург в составе 20 человек во главе со знатным узденем Бимурзой Тамбиевым [22]. Говоря о подготовке этого посольства, источник сообщает о том, что у верховного князя Кабарды «Мисовуса Ислам-Бека большой совет имелся», в котором участвовал «уздень владельца, ушедшего в Крым, Рослан-Бека Койтокина Жебоки...» [23]. Одна эта фраза проясняет многое. Сам факт участия Жебаги в данной хасе без своего сюзерена показателен и позволяет предположить, что именно он,

Жебаги, подсказал растерявшемуся князю Исламбеку мысль об отправке посольства в Россию с целью восстановления прежних союзнических отношений с ней.

В официальном Листе князя, переданном послом Петру I, говорилось о верности Кабарды России и предлагалось заключение договора о совместной борьбе против общего врага – Крымского ханства. В партикулярном письме, адресованном лично императору, Мисостов оправдывался перед ним за поддержку крымской стороны и просил в знак дружбы принять лично от него шесть кабардинской породы лошадей и черкеску [24].

Посольство было принято царем с почестями. Официально он обещал оказать военную помощь кабардинцам в случае необходимости. Однако последовавшая в январе 1725 г. смерть Петра I, а затем частые дворцовые перевороты сорвали наметившееся сближение сторон до 30-х гг.

Не повезло и Арсланбеку Кайтукину. Правление Девлет-Гирея II оказалось непродолжительным. С падением хана упал и вес Кайтукина как в Крыму, так и на родине. Однако один из многочисленных сыновей низложенного хана Багхты-Гирей-Дели-салтан, который занимал пост кубанского сераскира при отце, отказался подчиняться фирману султана и провозгласил себя ханом «независимого» от Порты и Крыма Ногайского ханства. Непризнанное никем, лишенное необходимой экономической базы для нормального развития государства, новоявленное ханство превратилось в типичное паразитарного типа объединение, которое существовало за счет ограбления соседних народов. Орда Багхты-Гирея не раз доходила до Пензы, Тулы, Саратова, Астрахани, Дона, опустошая города и села, угоняя скот и людей в рабство. Страдали от нее сама Порта и Крым, Польша, Россия и Кабарда. Убытки, причиненные ею соседним странам, исчислялись миллионами рублей. Наконец, стороны договорились объявить Багхты-Гирея бандитом, вне закона, назначили колоссальную сумму за его голову; на дорогах были расставлены воинские части для его поимки [25].

Окруженный со всех сторон, Багхты-Гирей решил прорваться в наиболее слабом месте, какой ему показалась Кабарда. При этом он рассчитывал на поддержку А. Кайтукина. Весной 1729 г. огромная орда Дели-салтана, состоявшая из деклассированных элементов и обманутых скотоводов-ногаев, подошла к границам Кабарды. В жестоком бою Исламбек Мисостов рассек саблей Багхты-Гирея, а затем поспешившего на помощь его брата Шабаз-Гирея, после чего орда окончательно распалась. Но с тех пор, как страшный бич, нависла над кабардинцами месть «за кровь двух салтанов», продолжавшаяся более 20 лет [26].

В 1730 г. во второй раз приходит к власти в Крыму Каплан-Гирей, некогда позорно бежавший из Кабарды, оставив на поле боя большую часть своего войска. Новый хан решил использовать кровную месть в агрессивных целях, что пришлось по вкусу многочисленным братьям Багхты-Гирея, которые не столько жаждали мести, сколько поживы под этим предлогом. Смена хана в Крыму показалась Кайтукину удобной для себя конъюнктурой, и он во второй раз испытывает судьбу. Он сам поехал в Крым. Каплан-Гирей оказал ему по-восточному пышный прием. Мало того, хан признал Арсланбека верховным князем Кабарды. Этого показалось ему мало, и он определил его князем над всеми народами кубанского бассейна [27]. Для реализации этого назначения хан снабдил князя войском в 19 тысяч всадников. Со своей стороны Арсланбек присягнул хану на верность и обещал привести в полную покорность весь

регион [28]. Так сложился альянс между князем-изменником и ханом-реваншистом, который вздумал руками кабардинского князя покорить непокорную Кабарду.

К этому времени в России произошли не менее сложные события. Внук Петра I – наследник престола Петр II внезапно умер, и к власти пришла Анна Иоанновна Курляндская. В связи с этим встал вопрос об отношениях Кабарды и России. Военные власти крепости Св. Креста уведомили об этом верховного князя. И. Мисостов, напуганный реальной угрозой вторжения крымских войск под предводительством его соперника А. Кайтукина, изъявил готовность признать покровительство России над Кабардой и для обсуждения этого вопроса созвал хасу, где было выражено единодушное согласие депутатов присягнуть повой императрице на верность России [29].

В числе принявших присягу на верность России значится также имя Жебаги [30]. Здесь может показаться, что нет ничего особенного в том, что он вместе со всем народом дал присягу на верность России, но если вспомнить, что Жебаги – вассал А. Кайтукина, который шел с войском покорять Кабарду в пользу Крыма, то нельзя не удивляться его мужеству и мудрости – сохранять верность своим политическим взглядам, не расторгая отношения со своим сюзереном!

Шаг, предпринятый хасой, с пониманием был воспринят в России. В ответ на это 10 сентября 1731 г. Сенат с участием Анны Иоанновны рассмотрел положение Кабарды и принял решение: взять Кабарду под защиту вооруженных сил Российской империи. В соответствии с этим генерал Еропкин ввел русские войска в Кабарду. Вошли туда и крымские войска. С энергичным протестом против вторжения крымцев в Кабарду выступила императрица Анна Иоанновна, требуя вывода из нее крымского войска, так как «Кабарда (Большая и Малая) – владение российское...» [3, 42, 43]. Под этим давлением султан вынужден был приказать хану немедленно вывести свою армию из Кабарды во избежание столкновения с Россией [31].

Это была огромной важности дипломатическая победа. Она не только предотвратила кровопролитие, но и юридически подтвердила принадлежность Кабарды России. Выражая настроение общественности, верховный князь отправил посольство князя Магомета Атажукина в Петербург в 1731 г. с целью закрепить союз с Россией официальным договором. В составе этого посольства едет и «уздень Казануков Жэбаки» [32].

Как видно, Жебаги оказывался в центре важнейших вопросов внутренней и внешней политики страны, при этом неизменно оставаясь убежденным сторонником союза с Россией, что свидетельствует о его дипломатической дальновидности и мужестве.

В 40-х годах снова замелькало имя Жебаги в бумагах. На этот раз его деятельность была связана с резким обострением кабардино-крымских отношений. Как отмечено, месть «за кровь двух салтанов» с 1730 г. служила удобным прикрытием экспансионистских стремлений Порты и Крыма. С восшествием же на ханский престол Арслан-Гирея, одного из многочисленных братьев Багхты-Гирея, вопрос был поставлен категорически: либо кабардинцы безоговорочно признают подданство Оттоманской Порты и переселятся на земли, принадлежавшие Крыму, чтобы в дальнейшем лишиться возможности опереться на русских, либо выплачивают Крыму дань «за кровь двух салтанов» из расчета одной овцы, коровы, лошади и по одному ясырю с каждого двора и возобновляют плату дани в честь восшествия крымских ханов на престол [33].

Для устрашения кабардинцев хан стянул к Лабе весной 1748 г. внушительную военную силу из татар и турок. Готовилась к отражению натиска и Кабарда. Ее положение было весьма сложным: объявленная независимой по Белградскому миру 1739 г., она не имела права просить военной помощи у России, тогда как этот договор давал право Порте и России по своему усмотрению применять к ней военные санкции.

В такой драматичный момент малые народы Северного и Западного Кавказа не оставили кабардинцев в беде. Все они солидарно с ними поднялись против агрессора.

Княживший в то время в Кабарде Магомет Кургокин говорил представителю России капитану Барковскому: «От Крыма отложились темиргоевцы, абазикейцы, бжедуги, шапсуги, убыхи, и вседе те... народы только одного дожидаются – от нас слова. А что-де крымский хан хочет нас войной разорить, того мы не очень боимся – можем несколько за себя постоять. Все-де упомянутые народы и здесь в горах живущие с нами могут соединитца, и мы, призвав бога на помощь, в руки крымские не отдадимся живы» [34].

Другой источник сообщает любопытные подробности военных приготовлений Кабарды. Судя по этим данным, все народы Северного Кавказа поднялись на борьбу против Крыма. «Все владельцы, – говорится в источнике, – и уздени из Большой Кабарды в собрании и сидят в одном месте кошами. При них владельцы с узденями Малой Кабарды, и несколько видел горских народов (чеченских, балкарских, дугурских, карачаевских) старшин с подвластными людьми, которые в единстве с кабардинских владельцев состоят, а также и абазины из-за Кубана, их же кабардинских владельцев подданные» [35].

Таким образом, Крым и Кабарда по обоим берегам Кубани наращивали военную мощь, готовые ринуться в бой. В такое напряженное время далеко небезопасно было представлять Кабарду в Бахчисарае, где хан мог и повесить посла. Однако, чтобы предотвратить кровопролитие, Казаноко Жебаги, как было сказано выше, рискнул отправиться в Крым и попытаться урезонить хана. Его сопровождали знатные уздени и родной сын Шаабан [36].

К сожалению, источники не дают сведений о том, как сложились дела этого посольства, которое оказалось последним для Жебаги. Но известно, что русская дипломатия, которая зорко следила за происками хана, представила ноту протеста султану о незаконных и противоречащих Белградскому мирному трактату требованиях к Кабарде.

Во избежание столкновений с Россией султан предписал хану отвести войска от Лабы и впредь не возбуждать «месть за двух салтанов» [37].

Заканчивая обзор исторических событий, в которых, по данным архивов, Жебаги принимал активное участие, скажу, что искренне восхищаюсь прозорливостью, твердостью характера и мужеством великого нашего соотечественника. Редко такие качества сочетаются в одной личности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Налоева Е. Дж.* Легендарный Казаноко // Кабардино-Балкарская правда. 1971. 22 июля. № 151 (12711).

2. АВПР, 1747, ф. Кабардинские дела, д. 6, лл. 7–11.

3. КРО. Т. II.

4. АВПР, 1747, ф. Кабардинские дела, д. 9, л. 71.

5. *Налоева Е. Дж.* Государственно-политический строй Кабарды в первой половине XVIII в. (канд. дисс.). Нальчик, 1973.
6. АВПР, 1747, ф. Кабардинские дела, д. 6, лл. 7–14.
7. Там же, д. 9, л. 52.
8. Там же, лл. 14–15.
9. Там же, 1750, ф. Кабардинские дела, д. 8, л. 18.
10. Там же, 1747, ф. Кабардинские дела, д. 9, л. 42.
11. Там же, 1750, ф. Кабардинские дела, д. 8, лл. 16–18.
12. Там же, 1747, ф. Кабардинские дела, д. 9, лл. 52–53.
13. Там же, л. 53.
14. Там же, л. 52.
15. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 28, л. 30 об.
16. АВПР, 1720, ф. Кабардинские дела, д. 1, л. 96.
17. Там же, 1720–1721, ф. Кабардинские дела, д. 5, лл. 112–115.
18. Там же,1720, ф. Кабардинские дела, д. 1, л. 96.
19. Там же, 1721, ф. Кабардинские дела, д. 3, л. 4 об.
20. Там же, д. 2, л. 1.
21. Мисостов выдал замуж свою дочь за племянника Саадат-Гирея.
22. АВПР, 1724, ф. Кабардинские дела, д. 4, лл. 9–19.
23. Там же, 1721–1727, ф. Кабардинские дела, д. 3, л. 17.
24. Там же, 1724, ф. Кабардинские дела, д. 4, л. 19.
25. Там же, 1725–1730, ф. Кабардинские дела, д. 15, лл. 2–39.
26. Там же, 1747, ф. Кабардинские дела, д. 9, лл. 18–62.
27. Там же, 1731, ф. Кабардинские дела, д. 1, лл. 13–14.
28. Там же, лл. 15–16.
29. Там же, 1730–1733, ф. Кабардинские дела, д. 1, лл. 5–6.
30. Там же, 1730–1731, ф. Кабардинские дела, д. 4, л. 17.
31. АВПР, 1731–1733, ф. Кабардинские дела, д. 1, лл. 3–9.
32. Там же, 1730–1731, ф. Кабардинские дела, д. 4, л. 3.
33. Там же, лл. 7–20.
34. Там же, 1747, ф. Кабардинские дела, д. 9, лл. 53–54.
35. Там же, л. 34.
36. Там же, лл. 71–72.
37. Там же, 1731, ф. Кабардинские дела, д. 1, л. 21.

Жабаги Казаноко (300 лет) //
Материалы региональной научной
конференции (30–31 октября 1985 года).
Нальчик, 1987. С. 90–105

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1736–1739 гг. И НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА [1]

Кабарда в русско-турецко-крымских отношениях. В 30-х гг. XVIII в. перед Россией стояли унаследованные от предыдущего столетия три крупные региональные внешнеполитические проблемы – балтийская, польская и черноморская. Особая заинтересованность ряда европейских и азиатских государств в этих вопросах превращала все эти проблемы в один запутанный клубок, мешая разрешению каждой из них. Так, из-за резкого расхождения с Россией по польскому вопросу Франция подогревала антирусские настроения, подстрекала султана на вооруженный конфликт, одновременно подталкивая Швецию и Польшу на войну против России. В годы «войны за польское наследство» (1733–1735) Османская империя была враждебна России. Двойственной была политика Швеции, так как определенная часть риксдага вынашивала планы реванша и пересмотра итогов Северной войны. Натянутыми были отношения с Данией из-за Шлезвига. Английская дипломатия, заинтересованная в обострении русско-шведских и русско-турецких отношений, мешала сближению России с Австрией против Османской империи.

Англии и Франции выгодна была изоляция России от рынков Ближнего Востока, и они всячески препятствовали урегулированию русско-турецких противоречий. Между тем Порта в ущерб жизненно важным экономическим и политическим интересам России продолжала безраздельно господствовать на Черном и Азовском морях и совершать грабительские набеги на ее земли. Черное море по-прежнему оставалось закрытым для России.

Вследствие такого положения в 30-х гг. XVIII в. черноморская проблема, с которой также переплеталась и каспийская, приобрела острый характер, но Россия не была подготовлена к войне с османами.

Предвидя в ближайшем будущем столкновения с Портой, русская дипломатия развила энергичную деятельность и в течение первой половины 30-х гг. добилась сближения России с Англией и Данией, возобновления союза со Швецией, избрания благожелательного кандидата на польский престол и заключения Рештского (1732) и Гянджинского (1735) договоров с Ираном, согласно которым Россия возвращала все прикаспийские провинции Ирану, а он обязывался выступить против Порты в случае ее нападения на Россию. В итоге политико-дипломатическая ситуация была значительно смягчена в пользу России.

Зато весть о Рештском договоре насторожила Порту, и она решила форсировать осуществление давно задуманного плана: прогнать шаха из Закавказья, обогнуть, будто клещами с запада и востока Главный Кавказский хребет и сомкнуть их на кабардинской равнине. Начались открытые османо-крымские провокации против Кабарды и Дагестана.

8 Заказ № 815

Еще в 1730 г. султан Ахмед III низложил не справившегося с покорением Кабарды крымского хана Саадат-Гирея и на его место возвел известного захватническими вожделениями Каплан-Гирея. Обычно смена ханов в Крыму сопровождалась кровавыми распрями, так как разные ветви дома Гиреев враждовали из-за власти. На этот раз, опасаясь Каплан-Гирея, сын свергнутого хана Салих-Гирей бежал в Кабарду к своему тестю Ислам-беку Мисостову. С ним ушли ногаи и более 200 казаков, что послужило Крыму удобным поводом для вторжения в Кабарду [2].

Летом 1731 г. 7-тысячное крымское войско подступило к границам Кабарды и потребовало выслать беглого султана Салих-Гирея с ногаями, выдать убийц племянников хана Бахти-Гирея-Дели-Салтана и Шабат-Гирея-Салтана [3], а «за кровь двух Салтанов» дать выкуп из расчета по одному ясырю от каждого двора Большой Кабарды. По полученным данным, за этим отрядом войск шла еще «орда о двухстах тысячах с ханским сыном» во главе [4].

Однако кабардинцы не дрогнули перед грозным врагом, организовали оборону и одновременно обратились за помощью к русскому правительству.

10 сентября 1731 г. в Петербурге спешно был созван «Тайный совет» с участием императрицы Анны Иоанновны для обсуждения кабардинских дел. На совете было решено взять кабардинцев «под защиту России», а «есть ли есть нужда, – дать им пороху и свинцу с тремя пушками в помощь». Одновременно правительство Анны Иоанновны уполномочило своего резидента в Константинополе И. И. Неплюева заявить Порте энергичный протест и потребовать, чтобы «оные орды не токмо возвращены были, но впредь бы заказано было никаких движений не чинить» [5].

Позиция России по поводу нападения крымских войск оказала сильное впечатление в Османской империи, и султан приказал крымскому хану срочно отвести войска от границ Кабарды. Но вскоре верховный визирь заявил И. И. Неплюеву, что войска хана отозваны ошибочно, так как «обе Кабарды – Большая и Малая – суть турецкие, принадлежащие ханам крымским» [6]. Тогда русский резидент представил Порте копию с архивного документа о добровольном присоединении всей Кабарды к России еще в середине XVI в [7, 146, 147].

Таким образом, в самом начале 30-х гг. XVIII в. кабардинский вопрос получил особую остроту. Какова же была позиция самих кабардинцев? Все симпатии народа и главы княжества Ислам-бека Мисостова склонялись к России, и это подтверждается всем ходом дальнейших событий.

В целях укрепления кабардино-русских связей, уточнения политического статуса Кабарды в составе Российской империи и возможной военной помощи перед лицом нависшей угрозы Мисостов в 1731 г. отправил в Петербург посольство Магомета Атажукина. Русское правительство вновь подтвердило Кабарде свое покровительство и заверило, что окажет военную помощь против общего врага [7, 69–71].

Оттоманская Порта и зависимое от нее Крымское ханство делали все возможное, чтобы не допустить сближения Кабарды с Россией, и предлог для вмешательства во внутренние дела Кабарды был найден. В 1732 г., когда скончался старший князь Кабарды Мисостов, совет князей и узденей («хаса») избрал на его место «Татархан-бека – сына Бек-мурзы» [7, 95].

По старшинству лет право княжения принадлежало князю Арслан-беку Кайтуки-

ну, находившемуся в изгнании в Крыму. Последний прибег к помощи Каплан-Гирея, который признал А. Кайтукина единственным законным претендентом на княжение в Кабарде, и, по словам источника, хан ему «отдал все орды и черкес, живущих в горах... абазинов» и с почетом отпустил его в Кабарду, чтобы привести ее в подданство Порты с помощью внушительной военной, силы [8]. В ответ на незаконные действия крымского хана русское правительство ввело свои войска в Кабарду.

К этому времени ирано-турецкая война вступила в новую фазу. Османы понесли огромные потери. Был заключен и Рештский договор. Перепуганная этими обстоятельствами Порта решила отправить Фети-Гирей-Салтана с войском в тыл шахских войск через Северный Кавказ. В связи с этим в апреле 1734 г. русский резидент в Константинополе «сильную протестацию чинил против проходу татар... в Персию через... Кабарду и Дагестан...», но протест был грубо отклонен. «Елико касается до Кабарды Большой и Малой, – заявил верховный визирь И. И. Неплюеву, – оныя де суть ханская. Того ради Россия мешатца не для чего, о чем вам, резиденту, неоднократно объявлено» и добавил: спорить, мол поздно, «татарские войска еще в марте... выступили в поход итти через Кабарду, Кумыкию и Дагестан к Ширвану» [9].

Османский отряд, однако, ничего не достиг. 11 июля 1734 г. в районе современного г. Грозного османо-крымские войска были атакованы русскими войсками. В ходе сражения татары были разбиты и обращены в бегство, оставив на поле боя 12 боевых знамен. Однако командующий русскими войсками князь Гессен-Гамбургский не только не закрепил одержанную на поле сражения победу, но неожиданно вернулся в крепость Святого Креста и тем самым позволил побежденным ограбить гребенские городки и забрать в плен сотни людей, после чего часть татар двинулась обратно в Крым, а другие ушли к Шемахе. Однако пленные и донской казачий отряд в 2 тыс. человек, окруженный татарами и калмыками, были освобождены кабардинцами во главе с Магометом Кургокиным [10].

В этих условиях Османская империя поспешила покончить с иранской войной и укрепиться на Северном Кавказе. Это создало новую напряженность на Северном Кавказе. Уже с 1734 г. Порта и Россия находились на грани войны, а в следующем, 1735 г. султан распорядился двинуть крымские войска в Кабарду. Именно бесцеремонное вторжение крымских войск в Кабарду положило начало Русско-турецкой войне 1736–1739 гг.

Участие кабардинцев в военных действиях русских войск. Новый русский резидент А. А. Вишняков сообщал из Константинополя, что 15 мая 1735 г. крымский хан Каплан-Гирей выступил в поход с 60-тысячным войском и легкой артиллерией. В надежде поднять горцев Северного Кавказа на борьбу с Россией он рассылал ко всем народам Северного Кавказа «призывные письма». В одном из таких писем, направленном в Чечню, говорилось: «Почтенный Айдемир-бек, протчие военные люди и весь чеченский народ, мы, благодаря богу, с правоверным войском из Крыма выступили и намерение имеем итти в ваши края... По прибытии близ Кубани богомольца нашего Хаджи-Сулеймана в вашу сторону отправили. И когда оной к вам прибудет и словесно наш приказ выслушаете, тогда имеете во всякой предосторожности и готовности пребывать и нашего прибытия ожидать» [12].

В середине августа 1735 г. Каплан-Гирей, увеличив свои силы до 80 тыс. чело-

век, перешел р. Лабу и на исходе месяца оккупировал Кабарду. Кабардинцы хотя и обязались «по 100 всадников с одним князем» во главе выставлять от каждого княжества [13], но фактически не дали хану ни одного всадника, так как все это было своего рода дипломатическим ходом, согласованным с командующим на Кавказе В. Я. Левашовым.

В тех конкретно-исторических условиях, сложившихся к моменту вторжения крымцев на Северный Кавказ, план генерала В. Я. Левашова – воздержаться от военных действий с противником, а кабардинцев склонить формально признать протекторат Крыма – был правильным тактическим решением, ибо противник намного превосходил на Кавказе силы России вместе с кабардинцами и рассчитывать на успех на поле боя не приходилось. Необходимо было во что бы то ни стало ослабить военную мощь крымского хана. В связи с этим возникла необходимость вернуть из Крыма наследника калмыцкого хана Дондук Омба. Известно, что он с 1721 г. находился в Крыму со своим улусом в качестве вассала и использовался почти во всех военных операциях хана. В 1735 г., учитывая это, кабардинские князья М. Кургокин и К. Атажукин, используя свое родство с ним, уговорили Омба вернуться в пределы России. Вскоре он был избран калмыцким ханом и принял участие в начавшейся войне во главе более чем 20 тыс. всадников [14]. Эти заслуги кабардинских князей были высоко оценены русским правительством.

6 октября 1735 г. 40-тысячное русское войско под командованием В. Леонтьева двинулось в Крым, держа курс на Перекоп. Хотя из-за погодных условий экспедиция и не достигла цели, но следствием ее оказалось поспешное возвращение Каплан-Гирея из Ирана.

13 апреля 1736 г. императрица Анна Иоанновна призвала кабардинцев подняться на борьбу с общим врагом. Кабардинцы изъявили полную готовность вступить в войну на стороне России. Даже враждовавшие между собой князья помирились и ответили царице: «мы на того неприятеля будем наступать сами неприятельски и в том свой живот не пожалеем» [15].

Почти одновременно с грамотой российской императрицы в Кабарду прибыл посланец Крыма Айдемир-мурза с письмом от Каплан-Гирея, в котором хан выражал полную надежду, что кабардинцы, согласно данной ему в 1735 г. присяге, поднимутся на борьбу против России. На письмо был дан весьма уклончивый ответ: «Ныне русские сильны калмыками, для того мы к ним и перешли... А ежели вы будете сильны против них, то и мы будем ваши» [16].

Хотя происшедшее в Крыму в 1735 г. событие и было фактически началом русско-турецкой войны, но формально она была объявлена весной 1736 г. В этой войне Россия добивалась отмены Прутского договора 1711 г., выхода в Черное море и обеспечения безопасности своих южных рубежей.

Военные действия начались одновременно в Крыму, Приазовье и на Кубани. 15 мая генерал-фельдмаршал Б.-Х. Миних повел свою армию на Перекоп. Другая армия под командованием генерал-фельдмаршала П. П. Ласси осадила Азов, а на Кубань двинулись Дондук Омба с калмыками, кабардинцы и терские казаки. Общее наблюдение за этими иррегулярными войсками возложено было на атамана Войска Донского Данила Ефремова с подчинением его генералу П. П. Ласси. На Кубани и

в Приазовье кочевали многочисленные ногайские племена, подвластные Крыму, с общим населением более полумиллиона человек. Они могли создать серьезную угрозу войскам, осаждавшим Азов. Чтобы прикрыть эту осаду и предупредить возможность появления войск противника из Прикубанья, необходимо было держать в этом районе силы, способные отвратить их натиск.

24 марта 1736 г. генерал В. Я. Левашов повел к Азову войско из Прикаспия. С ним ушли два конных отряда: один из Большой Кабарды под командой кн. Мисоста Кургокина, а другой – из Малой Кабарды во главе с кн. Кильчукой; оба отряда участвовали во взятии крепости Азов. Третий отряд в полторы тысячи всадников действовал на Кубани. Четвертый – из 600 конных – соединился с калмыками Дондука Омбы.

Первая встреча с противником на Кубани произошла 3 мая 1736 г. Ногаи Салтан-Улу «без жен и детей, военных людей более 10000 человек» заслонили путь наступающим войскам. Как доносил Д. Ефремов, «в короткой схватке кубанские татары Салтан-Улу были побеждены войсками кабардинцев и калмыков» [17]. Но победа оказалась неполной. Ногаи прикинулись нейтральными и начали переговоры об условиях перехода в подданство России. Ранее они были русско-подданными, но непосредственно подчинялись калмыкам, которым платили дань и лишь потом ушли на Кубань под покровительство Крыма. На этом основании Дондук Омба требовал, чтобы ногаи перекочевали к Волге и возобновили выплату дани.

Пока велись переговоры, к Салтан-Улу подоспел на помощь отряд Навруз-Улу. Они укрепились в труднодоступных местах и прервали переговоры. Двинуться дальше, имея в тылу такое количество неприятеля, было опасно. Брошенные на приступ против ногаев семейские терские казаки и «охочены» с уроном отступили.

Тогда атаман Д. Ефремов обратился к кабардинскому князю М. Кургокину, чтобы он послал свой отряд на штурм ногайских укреплений. Однако М. Кургокин и К. Атажукин «вызвались уладить дело без крови». В сопровождении своих узденей, калмыцких зайсангов, знатных казаков, они прошли в стан ногаев и уладили конфликт. По этому поводу Д. Ефремов писал, что «оныя татары от вышеописанных кабардинских владельцев... в подданство е.и.в. склонились», выдали в качестве заложников «500 всадников из самых знатных мурз» с условием: по окончании войны «туркам их не выдавать» и разрешить кочевать близ Кабарды. Соблюдать эти условия присягу дали кабардинские князья, присутствовавшие при этом калмыцкие зайсанги и казаки [18].

Сильное ногайское племя Навруз-Улу, в котором насчитывалось более 15 тысяч человек, решило не сдаваться. Ногаи расположились в труднодоступных местах, надежно укрыли жен, детей, скот, построили искусственные укрепления и решили оказать сопротивление. 10 дней длилось сражение. Жертвы были с обеих сторон, но на 11-й день ногайцы вынуждены были запросить мира, перейти в подданство России и выделить 2-тысячный отряд для участия в войне против Османской империи и Крымского ханства [19].

Важнейшим итогом кампании 1736 г. на Кубани было обеспечение спокойного развития азовской операции. Д. Ефремов восторженно рапортовал об этом главнокомандующему: «Ныне кубанским татарам не токмо к сикурсу Азова дороги пересекаютца, но самим приходит до того, где б себя скрыть могли» [20]. В прави-

тельственных кругах Петербурга высоко оценили ход военных действий на Кубани. Русский дипломат М.П. Бестужев даже осведомил шведского короля о победах над кубанцами как значительном успехе русского оружия [21, 252].

Тем временем на основных участках войны русские нанесли мощный удар по Крыму. К концу мая 1736 г. армия Б.-Х. Миниха приступом овладела Перекопом. Вслед за ним пали Бахчисарай, Акмечеть и Кинбурн. 20 июня П. П. Ласси взял османскую цитадель на Азове [21, 245–247]. Эти события имели большой международный резонанс. Прежде всего французская дипломатия, не скупясь на посулы, подстрекала Османскую империю и Швецию против России. Появились и явные симптомы турецко-шведского сближения.

Под влиянием одержанных Россией побед Австрия стала сговорчивее. 5 января 1737 г. была подписана Венская конвенция, которая оформила союз Австрии, России, Польши и Венеции против Порты. И все же Россия не хотела продолжать войну ввиду серьезных внутренних затруднений. Правительство Анны Иоанновны, отказавшись от планов Б.-Х. Миниха относительно широких территориальных приобретений, желало на весьма умеренных условиях заключить мир. И Порта была истощена иранской войной и внутренними неурядицами, но, подстрекаемая Францией, отказалась от переговоров, поэтому, несмотря на плохое снабжение армии и растянутость ее коммуникаций, Россия была вынуждена продолжать войну.

Кампания началась успешно. 2 июня 1737 г. русские войска приступом овладели крепостью Очаков и отрезали сообщение Порты с Крымом по суше. Другая русская армия вступила в Крым через Перекоп, Сиваш и нанесла поражение хану.

Вскоре Австрия вступила в войну и захватила принадлежащую османам крепость Нисса. Эти события встревожили Оттоманскую империю. Султан решился начать переговоры. 5 августа 1737 г. в Немирове открылся мирный конгресс. Русская делегация потребовала Крым, Кубань и прибрежные земли до Дуная, а для Молдавии и Валахии – независимость под покровительством России. Австрийская сторона неожиданно и вопреки Венской конвенции предъявила претензии на Дунайские княжества, на что Россия не согласилась. Порта, видя противоречия между союзниками, отказалась уступить Очаков России. Таким образом, занятые Австрией на конгрессе позиции и враждебная деятельность французской дипломатии сорвали переговоры о мире.

Не лучше обстояли дела и на кавказском направлении. В 1737 г. в Кабарде вспыхнула эпидемия чумы. Гвардии капитан А. Лопухин, на которого была возложена организация кампании 1737 г., побоялся ехать в чумную область, и связь с Кабардой была прервана. Порта этим воспользовалась для засылки своих эмиссаров на Кубань с письмами султана и хана. Вслед за ними прибыл султан Фети-Гирей для подготовки «сильного сикурса» по Азову [22]. Опираясь на крупную ногайскую орду мурзы Мусы и остатки племен Навруз-Улу, султан стал угрожать Кабарде. Охваченная чумой Кабарда оборонялась от них все лето и осень 1737 г.

Белградский мирный договор. Затянувшаяся война была непопулярна ни в Османской империи, ни в России. В 1738 г. к большим трудностям, испытываемым армией и правительством Анны Иоанновны, прибавился ряд серьезных проблем внутриполитического и международного характера. Поэтому русское правительство, стремясь найти выход из войны без ущерба своему международному престижу,

склонялось к мирным переговорам, даже на условиях вывода своих войск из Очакова.

В то же время Россия оставалась союзницей Австрии, чьи войска находились в самом плачевном состоянии. Именно по ее просьбе в июне 1738 г. армия Б.-Х. Миниха начала наступление на Днестре.

В течение лета 1738 г. союзники нанесли ряд поражений противнику, которые, однако, не дали существенных результатов. В сентябре Б.-Х. Миних отвел свои войска к русским рубежам на Украине, оставив Очаков и Кинбурн. В связи с этим другой части русской армии ничего не оставалось, как уйти из Крыма.

Неудачи военной кампании 1738 г. были обусловлены серьезными причинами. Эпидемия чумы уносила массы людей в союзнических армиях. Между двумя генерал-фельдмаршалами Б.-Х. Минихом и П. П. Ласси не было согласия. Внутри страны нарастало недовольство русского дворянства засильем иностранцев. Франция, которая взяла на себя посредничество в переговорах между воюющими странами, делала все, чтобы сорвать переговоры и организовать нападение Швеции на Россию. Реваншисты, одержавшие победу на выборах шведского законодательного органа, открыто готовились к вооруженному конфликту. Четко обозначилось турецко-шведское сближение. И, наконец, Австрия не была в состоянии продолжать войну и вела закулисные переговоры о сепаратном мире.

Неудачи на основных театрах войны отразились на положении в Прикубанье. В 1736 г. из-за «морного поветрия» русское командование не посылало туда ни казаков, ни калмыков. С весны 1738 г. два кабардинских князя – М. Кургокин и К. Алеев – сдерживали натиск крупной ногайской орды мурзы Мусы с остатками наврузовцев и западных адыгов. Дондук Омба с калмыками и на этот раз пришел им на помощь. Ногаи потерпели поражение, сложили оружие, признали подданство России, выдали аманатов и перекочевали на земли, контролируемые Россией.

Важным событием кампании 1738 г. было возвращение абазинцев в Кабарду, насильственно переселенных еще в 1721–1722 гг. ханом Саадат-Гиреем. Русское правительство по достоинству оценило это событие, и сама императрица поздравила кабардинцев с одержанной победой над врагом [7, 97].

Весной 1739 г. кабардинцы с добровольно к ним присоединившимися калмыками совершили поход на Кубань. Ими руководил А. Кайтукин. В декабре он писал Анне Иоанновне, что с «калмаским ханом» Омба «ходили за реку Лабу. И на вершину реки Хевз ходили. Пять тысяч безланейских аулов, да бегбайских две тысячи аулов взяли...» [23].

Летом 1739 г. последовало нападение на Кабарду со стороны Крыма. А. Кайтукин сообщал, что «крымские войска Фети-Гирей-салтана... да кубанские татары сераскира Кази-Гирей-салтана купно с темиргоевскими черкасы» напали на летние пастбища кабардинцев и угнали «двести тысяч овец, семь тысяч коров... и взяли в полон пятьсот душ» [24].

По предписанию русского правительства калмыки пришли на помощь кабардинцам. 20 августа 1739 г. А. Кайтукин повел объединенные силы кабардинцев и калмыков на противника, который был настигнут на р. Лабе. Крымскими войсками командовал Кази-Гирей-салтан. Он занимал укрепленную позицию и намеревался

лишь обороняться, но, когда он увидел численное превосходство своего войска, перешел в наступление. Как передает в своем донесении А. Кайтукин, «тех татар разбили и прогнали. Много до смерти побито ... и в полон взято... а салтана Кази-Гирея раненого до смерти побили ж...» [25].

На основном фронте 1739 год был ознаменован крупными победами русского оружия. 17 августа в битве под Ставучанами османы были разбиты и обращены в паническое бегство, после чего крепость Хотин сдалась без боя и русские войска вступили в Молдавию.

Эти успехи позволили России потребовать на переговорах о мире Азов, Очаков и Кинбурн. Но в это время, 1 сентября 1739 г., Австрия заключила сепаратный мир с Османской империей ценой больших уступок. Вопрос о заключении военного союза между Портой и Швецией в принципе был решен, о чем в Петербурге знали хорошо. В том же году Франция ввела в Балтийское море 5 военных кораблей. 10 октября 6-тысячное шведское войско было переброшено в Финляндию.

В такой обстановке правительство Анны Иоанновны отвергло планы о продолжении военных действий и 18 (29) сентября 1739 г. ратифицировало Белградский мирный трактат [26].

Условия Белградского мира далеко не соответствовали успехам русских войск. Россия не получила ни выхода в Черное море, ни права держать на нем свой флот. Даже штурмом взятый Азов был объявлен с его окрестностями нейтральной зоной. Более того, Кабарда, официально находившаяся под покровительством России и воевавшая все три года на стороне России, была отторгнута от нее согласно шестому пункту Белградского мира. «О обеих Кабардах, – говорится в нем,– т. е. Большой и Малой – и кабардинском народе со обеих сторон соглашенность, чтобы быть тем Кабардам вольными и не быть под владением ни одной, ни другой империи, а токмо за барьеру между обеими империями служить имеют. И что от другой стороны Блистательной Порты туркам и татарам в оныя не вступать и оных не обеспокоивать також и от Всероссийской империи оныя в покое оставлены будут. Но что, однакож, по древнему обыкновению браны будут во Всероссийскую империю от них, кабардинцев, для спокойного их пребывания аманаты. Оттоманской Порте также позволяетца для такой же притчины брать от них таких же аманатов. А ежели помянутые кабардинцы притчину жалобы подадут одной или другой державе, каждой позволяется наказать».

Предоставленная Кабарде «независимость» была простой фикцией, рассчитанной на реванш в будущем. Русско-турецкое соперничество из-за Кабарды не прекратилось. Прямым следствием этого было обострение распрей, усугубление раскола, завершившееся в 1753 г. официальным разделом Большой Кабарды на два самостоятельных владения [27].

Как отмечалось, русское правительство перед войной ставило скромную цель – возвращение Азова, приобретение выхода в Черное море и обеспечение безопасности своих южных границ. Война 1736–1739 гг. не разрешила поставленных задач полностью, но она показала всему миру, что османские войска не могут впредь вторгаться в пределы России безнаказанно.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Данный материал был подготовлен автором (Налоевой Е. Дж. – *А. М.*) для академического издания: История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988.
2. АВПР, 1730–1733, ф. Кабардинские дела, оп. 1, д. 1, л. 65.
3. Бахты-Гирей и Шабат-Гирей были зарублены Ислам-беком Мисостовым в 1729 г. во время грабительского нападения на Кабарду.
4. АВПР, 1730–1733, ф. Кабардинские дела, оп. 1, д. 1, лл. 7–8; 1731, д. 1, лл. 13–14, 14 об.
5. АВПР, 1731, ф. Кабардинские дела, д. 1, лл. 13–14, 14 об.
6. АВПР, 1739, ф. Кабардинские дела, д. 1, л. 23.
7. КРО. Т. II.
8. Там же, л. 13 об.
9. Там же, лл. 8–9.
10. Там же, л. 45 об.
11. ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 45, л. 47.
12. Там же, л. 92.
13. АВПР, 1736, ф. Кабардинские дела, д. 1, лл. 1, 2, 6.
14. АВПР, 1734, ф. Кабардинские дела, д. 2, л. 4, 5; д. 3, лл. 1, 2, 20–21.
15. АВПР. 1737, ф. Кабардинские дела, д. 3, лл. 4, 4 об.
16. АВПР. 1737, ф. Кабардинские дела, д. 2, л. 11.
17. ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 47, лл. 13, 15–17.
18. Там же, д. 13, лл. 15–16.
19. Там же, л. 21.
20. Там же, л. 17.
21. *Некрасов Г. А.* Роль России в европейской международной политике, 1725–1739 гг. М., 1976.
22. ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 47, лл. 25–27.
23. АВПР, 1739, ф. Кабардинские дела, д. 1, л. 15.
24. Там же, лл. 24–25.
25. ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 47, л. 90.
26. ПСЗ-1. СПб., 1835. Т. 10. С. 899–904.
27. АВПР, 1753, ф. Кабардинские дела, оп. 1, д. 7, лл. 220–234.

История народов Северного Кавказа
с древнейших времен до конца XVIII в.
М., 1988. Т. 1.
С. 426–433

Раздел II

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ СТАТЬИ

АЙДЕМИРКАН

Историю и жизнь Айдемиркана приблизить к истине не так легко и просто, когда много столетий отделяют нас от времени жизни и деятельности этого героя. Все адыгские певцы и сказители, знатоки преданий сходились в одном – это был кабардинский герой-одиночка, он был сторонником бедных, не дружил с князьями и погиб в неравном бою с ними в результате предательства. В остальном, предания, сопровождающие песни об Андемиркане, сильно разнятся и певцы трактуют каждый по-своему содержание песни о нем. В виду древности песни современным кабардинцам непонятны отдельные слова и выражения, содержащиеся в ней. Чтобы расшифровать их, необходимо знать древние обряды кабардинцев и тогда некоторые моменты из песни об Айдемиркане могут проясниться [1].

Одним из уважаемых певцов и сказителей был живший с нами по соседству в сел. Старый Урух Кургоко Тлакодугов. Будучи ровесником с его сыном Шамудом и его племянником Жамбулатом [2] я часто в зимние вечера бывал у них. Кургоко был заядлым охотником. Бывало, он, вернувшись с удачной охоты, запевал старинные песни, а мы подпевали ему. Особенно мне понравилась и запомнилась песня про Айдемиркана и его рассказы о древних обрядах и обычаях кабардинцев.

В прежние времена у кабардинцев славились «зейкотли», что в переводе означает «походные мужи». Они были независимыми вольными джигитами, разъезжавшими по всему Кавказу и добывавшими разное богатство, особенно табуны лошадей.

Айдемир с малых лет бывал в походах с более старшими наездниками, а набрав опыта, стал важным зейкотлем, позже заслужил звание «гупзеша» – «группового командира», того, кто водит в набеги наездников. И так Айдемир полжизни своей провел в седле в походах до самой старости, когда он, по обычаю зейкотлей стал главным советником для всех отправляющихся в поход. Они не забывали своего командира гупзешу и создали ему все условия: построили дом вдали от людей в удобном месте на берегу р. Тэрч в Малой Кабарде. Будучи советником зейкотлей, он жил богато. В те времена, какая группа зейкотлей ни выезжала в поход, как правило, заезжала к советнику, гостила у него и советовалась с ним, а он рассказывал им о своих походах, удачах и неудачах, указывал пути-дороги, где можно взять добычу и т. д.

При возвращении зейкотли обязательно заезжали к советнику-Айдемиру и после отдыха производили при нем дележку добычи, выделяя ему пай наравне с каждым в группе. Айдемир жил со своей женой богато, имел крупный и мелкий скот, птиц и лошадей, выдержанная махсыма-буза не переводилась у них. Но не было у них со старухой ни сына, ни внука и они сильно скучали.

Однажды, когда очередная партия наездников остановилась за советом у Айдемира, думая куда, где и у кого взять добычу, он рассказал им об одном богатее. Когда-то кабардинцы лишили его звания зейкотль, прозвав «хахтлаше» [3] за нарушение обряда при дележе добычи – за жадность. Правда, он был сам кабардинцем

и неплохим зейкотлем, но по причине такого скандала он отказался от Кабарды, забрал все, что имел, и со своими пастухами, скотом и лошадьми поселился вблизи впадения р. Терек в Каспий. Туда и посоветовал Айдемир направиться наездникам, и с таким советом группа выступила в поход.

Группа, где ни была, терпела неудачу и лишилась своего вожатого – его убили. Спасаясь бегством, забрали тело убитого, похоронили его, а за этим временем застала их зима. По обряду, вернуться без добычи было позором, и они начали голодать-мерзнуть. Тогда они решили резать лошадей на пищу, а из кожи лошадей делать обувь, а сами обессиленные бродили и, наконец, наткнулись на какой-то кош. Спрятав оружие и седла, к вечеру зашли на кош. Оказавшиеся на коше пастухи и табунщики начали их расспрашивать: откуда, куда идут и кто они? Бывшие в группе соврали и ответили, что они по Терку везли древесину на продажу, река разлилась, попали в круговорот, один утонул, остальные спаслись, и они думают пешими как-нибудь добраться домой. Пастухи поверили им, тут же зарезали барана, угостили, покормили их и велели остаться на ночь, даже на неделю. Так они остались у пастухов, обслуживали их, кормили их собак, ухаживали за их скотом и т. д. В беседах с пастухами они начали расспрашивать: чей кош, кто хозяин, когда он придет и т. д. Пастухи объяснили, что хозяин год с лишним уже не был у них, ранили его в походе, рана не заживает, и он лежит неподалеку отсюда дома, где за ним ухаживают и лечат. Им сообщили, что зовут его Хахтлаше и они вспомнили, что говорил о нем Айдемир, намотали на ус, стали строить планы его ограбить.

Наутро, когда пастухи разошлись по своим делам, группа отправила одного из них к дому хозяина – хахтляше. Он зашел к охранникам, рассказал о случившемся, что промышляли древесиной, их было трое, двое утонули в Терке, он остался один и пешком добирается домой. Охранники посочувствовали ему и в беседах рассказали о положении хозяина, ему стало хуже и на завтра жена с двумя охранниками едут за лекарством к ногайцам знакомым. И так они уехали, а он остался с одним охранником. Они вдвоем наутро выпустили коров, баранов, коз, несколько верховых лошадей. Охранник вывел очень красивую лошадь, оседлал и рассказал – вот это конь нашего хозяина, затем велел собрать дров, приготовить воду – будем готовить завтрак хозяину и себе и добавил, у нас нет обслуги, охранники с его женой уже около года обслуживают нашего хозяина, он, очевидно, скоро умрет, не заживает его рана. Затем он погнал скот куда-то и вскоре вернулся и приготовил завтрак. Посланный из группы за это время осмотрел весь двор, подъезды и т. д., торопясь к своим доложить о разведанном.

После завтрака поблагодарил охранника и, несмотря на его просьбу остаться, вернулся к своим к вечеру. В эту ночь на рассвете поднялась группа, запаслась съестным, попрощались с пастухами и пешком смылись, разыскали упрятанные оружие и седла, вооружились, приблизились к дому хозяина и в бурунах провели день. Ночью они напали на охранника, связали его накрепко, придушили хозяина насмерть. Тут начали шарить, сняли его оружие со стены, свернули ковры, вскрыли сундуки, забрали ценные вещи, серебро-золото и, обшаривая постель, обнаружили спящего ребенка. И один из них вспомнил о наказе Айдемира и сообщил всем, что живой ребенок – мальчик. Сначала с неохотой, но потом велели мальчика забрать, уложив аккуратно в хурджин, привязав к седлу. К полночи вернулись и окружили

кош, их собаки были уже своими и они тихо зашли на кош, приставив кинжалы к горлу каждому из пастухов, связали их и предупредили, малейшее недовольство и разглашение наших следов, будете прирезаны как бараны, вашего хозяина нет в живых, все, что на коше, он нам завещал.

Группа объявила связанным пастухам и табунщикам: «Поскольку мы ели вашу пасту и соль и вы доверчиво по-братски отнеслись к нам, мы оставляем весь крупный и мелкий скот вам: делите-живите, но не забывайте нашу клятву мы всегда вас найдем, забудьте наш след». Пастухи и табунщики, будучи связанными, обрадовались и лежа поклялись, но попросили развязать их, на что отказалась группа, объявив им, что для них такое положение лучше, скоро охранники прибудут к вам.

Этим временем группа быстро согнала два табуна лошадей, забрала копченую баранину, имевшуюся на коше, и мальчика в хурджине. Основная группа выступила в обратный путь, оставив с ними двух бойцов для слежки за ними и бдительности. Оставленные бойцы следили за связанными до вечера и когда убедились, что все спокойно, и они скрылись, догоняя своих на условленном месте.

Итак, группа, за исключением своего купзеша – командира, благополучно вернулась за трое суток в Малую Кабарду.

По обряду зейкотлей вечером загнали в ограду советника огромный табун лошадей, в том числе и вьючных, с награбленным. Советник-Айдемир, поздравляя с приездом, обнимал группу по очереди, не замечая отсутствия купзеша-командира. Тут группа огласила, что купзеша-командира нет в живых, тогда разом все вытянули руки, стоя и молча почтили память погибшего.

После паузы молчания один из группы, придерживая рукой хурджин, попросил Айдемира пригласить жену. Вскоре, когда она появилась, не оглашая о погибшем, как обряд, при женщине аккуратно вынул из хурджина мальчика живого, и группа окружила Айдемира с женой, как общий подарок передал им, поздравляя.

Айдемир с женой от радости в слезах обнимали мальчика и быстро с кунацкой ушли в свою хату. Этим временем группа разгрузила вьючных лошадей, расседлали усталых коней, пригнанный табун обеспечили кормом и сеном, что вдоволь во дворе, а сами зашли в кунацкую с награбленным и начали разуваться. В это время начало темнеть и вдруг Айдемир с женой вывели из хлева быка и трех баранов и предложили им разделать быка и баранов независимо от усталости и они вернулись в свою хату. Группа хотела отказаться, но быстро взялась за дело, одни начали разводить огонь в длинной ямке под подвешенными лагупами – медными котлами во дворе, другие зарезали быка и баранов. Затем в котлы с водой загрузили разделанное мясо, вскоре появились и шашлыки и т. д.

Айдемыр с женой за это время успели подготовить обрядный ана и заносит в кунацкую жена полный домашней халвой треножный столик – ана и сверху три хыршина-пирога, а в руках Айдемира огромная деревянная чаша с многолетней выдержанной на меду махсымой-мармажей и он, извиняясь перед группой, что ничего не смог сказать при вручении мальчика, сказал им: «Нам как подарок от вас, мальчик, для нас величайшая радость и давнишняя мечта и он не просто мальчик, а сын. Спасибо вам большое», – и вручил старшему чашу. Тогда они поняли и старший от имени всей группы объявил с сегодняшнего дня мальчик становится родным вашим сыном, пусть ему будет здоровье и счастье, и он выпил чашу с мармажей

и передал следующим и те поздравили родителей, чаша обошла круг и тогда разрезали три хыршина-пирога, также и халву, сели за стол ана. Пир длился три дня и после отдыха произвели дележку: Айдемыру выделили два пая и приложили саблю из знаменитой стали… [4] для сына, семье погибшего три пая, остальным поровну и с тем поблагодарили друг друга и разъехались. А родители с большой радостью продолжали ухаживать за сыном, пока ему не исполнилось год. С достижением этого года начали думать, как и кто даст мальчику имя, по обряду отец не имеет право и главное он не мог лгать о происхождении мальчика, ни отца, ни матери, и решил обратиться к джамагату – хутору, к старикам и вот в один праздничный день Айдемыр пошел и застал стариков в полном сборе. После рукопожатий и когда один из стариков закончил свой рассказ, он обратился к джамагату с просьбой дать имя его сыну, тут все посмотрели на него и захотели упрекнуть его – откуда у такого старика и старухи сын, расскажи и т. д. Айдемыр на заданный вопрос ответил так: если он не был сыном, то я сам дал бы имя ему, ибо я самый старший в роду, все замолчали.

Тогда, после некоторого молчания, встал один из стариков джамагата-хутора и сказал Айдемыру: мальчик не твой сын, а как воспитанник и ты сам даешь имя, тебя зовут Айдемыр, а к твоему имени добавить кан и он будет Айдемыркан и тут все старики вновь захохотали и единодушно одобрили и добавили с сегодняшнего дня прибавилось новое имя кабардинцам и ты радуйся первое новое имя досталось твоему сыну.

Айдемыр молчал некоторое время, а затем поблагодарил всех стариков джамагата-хутора и пригласил их на завтра. Айдемыр обрадовал свою жену удачным новым именем их сына и начал готовить ко дню дачи имени новорожденному «Цафаш махо» [5] халву-ана, три пирога, гедлибжа, жемука, свежую отваренную баранину, жарума…, выдержанную махсыму-мармажей и т. д. Старики джамагата веселились, играли на шикапшина-скрипке, пели песни, молодежь танцевала, веселилась и так завершился день дачи имени «Цафаш-махо» и утвердилось новое имя Айдемыркан у кабардинцев.

Шли годы, Айдемыркан рос, воспитываемый Айдемыром, ставшим родным отцом для него. По обряду зейкотлей группы их заезжали перед походом к ним, а возвращавшиеся с удачей выделяли им двойной пай и жил Айдемыр с сыном и женой богато до 18-летнего возраста. Айдемыркан научился как принимать гостей, как их обслуживать и ухаживать под воспитанием отца.

Однажды группа наездников вернулась с табуном лошадей и другими ценностями и когда Айдемыркан ночью караулил лошадей в ограде табуна, он заметил, что ожеребилась кобылица и жеребенок когда встал, дважды перепрыгнул свою мать, о чем на рассвете доложил своему отцу и тогда, пока все еще спали, отец заинтересовался и пошли в ограду. Отец велел жеребенка поймать и поднести к нему.

Айдемыр осматривая жеребенка замером задней ноги между копытом и пучком определил, что жеребенок не из простых и он сказал сыну: это – жеребенок «альп» и когда они позовут тебя, то откажись от любого пая и скажи: дайте жеребенка. Так и получилось, утром начали дележку и как Айдемыру, так и его сыну, назначили пай. Айдемыр отказался и позвал сына Айдемыркана, но и он отказался и, улыбаясь, сказал им: «Мне понравился ночью рожденный». Те захохотали, какой разговор, с кобылицей подарили они жеребенка. И так Айдемыркан начал уже сам воспитывать

жеребенка до достижения Айдемирканом возраста 20 лет, а жеребенком 3 лет. Тем временем Айдемыр подготавливал своего сына к походам настойчиво, рассказывая о своих походах и как надо ему обслуживать старших и т. д.

Наконец, как положено, к советнику заехала группа готовившихся к походу за советом и когда совет закончился, группа выезжала, Айдемыр попросил взять с собой его сына хотя бы вестовым, обслуживать их и коней. Группа опасалась, что он еще молод и не хотели, но отец настоял и с тем, впервые в 20-летнем возрасте выступил с группой в поход. Айдемыркан группе понравился за умелые действия при обслуживании в нужную минуту.

Группа задержалась, не достигая долго своих целей, время уже осень, наступали холода, но все же добыли изрядное количество лошадей – табун, и, как всегда, остановились переодеться, запросив обувь у обслуги – Айдемыркана, у него всегда находили что необходимо, ибо Айдемыр подготовил его и снабдил всем, как говорится, до иголок и ниток, у него были про запас поршни-«гунчарик» и когда обувь-гончарик износились, он заменяя, ношенные не выбрасывал, а латал и чинил здесь. Когда новыми всем сменил обувь, то одному из них не хватило и он говорит новых нет, есть латанный. Один, из которых остался разутым, сидя скомандовал Айдемыркану: «Жа маншарикими-гоншарикими» [6] неси, а у него эти вещи в хурджине лежали, привязанные к седлу лошади. Он никогда не слышал такое выражение «маншарик», а «жэ» это «беги». Молодому Айдемыркану понравилось это выражение и когда принес ему латаную обувь, он спросил у него: «маншарик» это «латанная». Тот посмеялся и ответил нет, но не новая.

Тогда Айдемыркан с этого дня дал своей лошадке кличку «Жаманшарык». Группа закончила свой поход без потерь с табуном лошадей вернулась и заехала по обычаю к советнику и в рассказах о походе вспомнили о гончарике и жаманшарике, за что его сын дал кличку лошадке, рассказали Айдемыру и похвалили его сына и добавили, что он оказался одним из лучших в группе, если бы ни он, могли все замерзнуть и т. д. Айдемыр обрадовался, что сын выдержал экзамен и одобрил кличку. После дележа и отдыха группа уехала и после тяжелого похода Айдемыркан стал известным молодым наездником и никакая группа не отказывалась от такого наездника со своим конем. И позже принимая участие в походах не командиром, а рядовым, он все же стал в походах самым смышленым, гибким на своем Жаманшарыке, резвым и самым храбрым и о нем знали за пределами Большой и Малой Кабарды и начали называть его лошадь альпом, а самого последним нартом и героем Кабарды. Айдемыркан знал, кого грабить и не забывал бедных, он наделял разными подарками бедных (лошадьми, быками, коровами и мелким скотом).

Так, шли годы, и возраст перешел за 30 лет и засватал невесту красавицу Альбичу, но по обряду ни невеста, ни жених не имели права на свадьбу до истечения одного года после сватовства. Невеста готовила «дышаса» – подарки будущим близким во главе с деверем, а жених за это время готовил калым и все прочее для свадьбы.

К несчастью, осенью была объявлена княжеская охота князем Бесланом [7], где должны быть более видные джигиты, верхом без оружия и пешие как гай целый отряд, в числе коих и Айдемыркан.

Князь Беслан был брюхатым, дряхлым и слабым и для развлечения возили его два раза в год на специально сооруженной арбе называемой «гуима». Это крытая

арба на двух колесах и под ярмо два вола и двух вологонов, но они не имели права садиться в арбу и пешком правили волами.

И так завезли князя в крытой арбе «гуима» в условное место, удобное для охоты в долине реки Черека и выше сегодняшнего села Аушигер в лес на поляну. Здесь быков отпрягли и угнали подальше и спрятали. Началась охота, но никто кроме князя не имел права стрелять, почему никто не взял оружия. Пешие добрались до гор стравили зверей-дичь и начали нагонять, а с двух боков верховые и пешие направляли дичь к князю, а вокруг арбы оставили группу на резвых конях в числе коих был назначен и Айдемыркан на своем Жаманшарыке с арканом у седла. С утра до вечера сколько раз не подгоняли к князю разной дичи он не смог убить или поранить ни одной дичи. Народ устал, толку нет, и тогда Айдемыркан решил хоть одну дичь поймать для дряхлого князя и тут была подогнана дикая коза. Айдемыркан настиг в поле козу, заарканил, подтащил к арбе князя и привязал к колесу крепко. Тут неожиданно по указу князя зазвенели трубачи и закончилась охота. Народ шептал почему он козу отпустил, не обиделся ли князь. Он ни слова не сказал и виду не подал, тем более его ни видать, он лежал в арбе и с тем народ разъехался и разошелся после сопровождения его.

Оказалось Беслан поклялся уничтожить Айдемыркана, посчитав такой поступок унижением для него и явным нарушением княжеского обряда, но все это держал он в большом секрете.

По приезде с охоты тайно он пригласил доверенного и важного джигита группо-вода и один на один поручил ему любой ценой убить Айдемыркана и повесил на его язык замок. Тогда этот джигит пояснил ему, что убить такого нарта не по плечу не только ему, но и никому в Кабарде, причем я его не знаю хорошо, но познакомимся, а затем и доложу, а если удастся, то выполню ваше указание и с тем разошлись, еще раз предупредив его, чтобы язык держал на замке.

В этом году поздней осенью доверенный узнал, что Айдемыркан приехал к Канибу-лату [8] и гостит у него, что и передал князю. После секретного разговора, доверенный собрал самых надежных друзей в количестве 20 всадников и устроил засаду на той тропинке, где Айдемыркан должен был вернуться. Тогда не было обычных дорог и установил день выезда Айдемыркана. Это было морозным днем и был гололед, а тропинка шла по кустарникам.

Рано утром двадцатка во главе с купзеша-доверенным лицом услышала гул и звук копыт и вскоре увидели скачущего во всю мощь независимо от гололеда лошадь, с ноздрей которой шел такой сильный пар, что трудно было разглядеть, тут купзеша сдрейфил и велел всей группе подымать левую руку. Айдемыркан знал обычаи и он остановился, а пар от ноздрей его коня закрыл их, крикнул громко: «К вашим услугам». Тогда купзеша подъехал к нему поближе протянул руку, а Айдемыркан так сжал ему руку, что купзеша еле удержался в седле и он опять громко спросил кто, зачем здесь, купзеша поклонился ему и ответил, что охотники, затем тот по-просил от имени всей группы показать силу и резвость Вашего коня, мы не видели Вас и Вашего коня, но слышали многое о Вас. Тогда Айдемыркан сказал купзеша расставить своих всадников с обеих сторон дороги на определенном расстоянии и скрылся. Некоторое время не слыхать и не видать было Айдемыркана, некоторые из них начали выговаривать, что он удрал и т. д.

И вдруг, молнией налетел на своем Жаманшарыке Айдемыркан, что не устояла

ни одна лошадь – от страха заскочили в кусты. На обратном пути, когда начал подскакивать, он дернул поводья остановить коня и, несмотря на мерзлоту, мерзлый грунт из под копыт коня забросал их. Тогда группа перепугалась, кто упал с коня, тот пеший, кто усидел в седле, тот верхом подошли к Айдемыркану и поблагодарили и извинились, подняв обе руки, провожали его. Доверенный купзеша распустил свою группу, а сам по секрету вечером пожаловал к своему князю. Доверенный тайно добравшись до Беслана поклонившись князю начал рассказ о неожиданной встрече с Айдемырканом на его коне, это было сегодня рано утром, не добравшись еще до условленного места, – говорит доверенный. Мы услышали сзади нас гул смешанный со стуком копыт лошади, а его еще не было видно, но мы дождались и решили остановить его. Несмотря на сильный гололед, он на своем Жаманшарыке так сильно скакал, лошадь растопырив ноги, прижавшись к земле, как гончая собака приблизилась к нам, не буду таить – мы испугались. С двух сторон тропинки стоявшие деревца-кустарники гнулись и обрушились, как будто настигла буря, а с ноздрей лошади шел такой пар, что нельзя было разглядеть где он, где лошадь и мы еле успели поднять всей группой левые руки, он одернул своего коня, подскакав к нам близко, да так, что нас занесло мерзлым грунтом из под копыт Жаманшарыка, а наши лошади не выдержали и их занесло в кусты и он осмеял наших коней, тогда я подъехал к нему, протянул руку, он громко крикнул: «Я к вашим услугам, кто вы?». Я ответил, что мы охотники, слышали много о вас и вашей лошади, хотели посмотреть силу вашего коня. Он опять сильным голосом спросил: «Знаете правило?», мы ответили: «Знаем». Тут он пришпорил своего коня и мигом исчез, мы быстро собрались и расстановились на своих конях по обе стороны обочины лицом к лицу, оставив узкий проезд, как это принято при испытании силы и смелости лошади и ждали его некоторое время, даже подумали, что он испугался и уехал. Вдруг он как молния подскакал, вернувшись обратно и когда проскакивал на своем Жаманшарике, как при встрече, так и теперь не выдержали наши кони и мы не смогли удержать их и рассыпалась наша группа и некоторые из нас не удержались в седле, нам ничего больше не осталось, кроме того, чтобы извиниться перед ним и поблагодарить его. Он пожелал нам удачной охоты и добавил, улыбнувшись, мог я кое-что показать, но тороплюсь, так и разъехались.

Князь Беслан молча и задумчиво выслушал своего доверенного до конца рассказа и предупредил своего доверенного, что эта встреча с Айдемырканом не подлежит огласке. Рассказ доверенного еще больше огорчил Беслана и озадачил и начал он составлять план убийства Айдемыркана и надумал он обратиться к Канибулату, который являлся единственным доверенным другом и присяжным братом Айдемыркана.

В эту зимнюю ночь Беслан, несмотря на сильный снегопад, тайно, сам один, без сопровождающего, верхом отправился к Канибулату и на рассвете заехал во двор Канибулата, слез с коня с правой стороны, привязал коня к коновязи, обернувшись лицом к хате, князь встал на колени в снег, хотя по обряду князя он ни перед кем никогда не становился на колени.

В это время Канибулат спал, но жена увидела с окна в таком положении неизвестного ей человека и тут она подняла своего мужа и рассказала о таком диве.

Канибулат быстро выскочил и, увидев такое необычное положение князя, ему поклонился и хотел поднять его, но он отказался, Канибулат снова начал просить и

уговаривать князя и сказал не может быть такого дела, в чем я откажу вам прошу встать. Тогда князь достал из-за пазухи в свертке кусок пасты с солью и протянул ему, Канибулат не зная, что к чему, принял сверток, раскрыл, приложил свою руку и поклялся, что он выполнит любое его задание и просьбу и только тогда встал Беслан и огласил, что приехал к нему, встал на колени в нарушение обряда княжеского и просит душу его присяжного брата Айдемыркана.

Тут паста с солью выпали из рук Канибулата и ответил Беслану: «Чем душу Айдемыркана я лучше свою душу отдам. Это я не смогу». Князь долго уговаривал [погубить] Айдемыркана, затем начал и угрожать, но кроме отказа князь ничего не получил. Тогда князь начал залезать на своего коня, а Канибулат хотел помочь, взяв стремена, он отогнал его, сделал поворот с правой стороны. Дважды хлестнул плетью своего коня, он уехал. Жена Канибулата наблюдала за всем до конца, хотя не поняла кто он, зачем приехал и т. д. Канибулат вернулся в хату, утирая слезы, и тут пристала к нему жена кто он, зачем приехал и т. д. Канибулат рассказал своей жене этот верховой наш князь Беслан, он обманным путем заставил меня поклясться и просил душу Айдемыркана. Тогда жена напала на него и начала стыдить его, как ты посмел отказать такому князю за одну чужую душу, я видела, как он в нарушение княжеского обряда стал на колени перед тобой и наконец, когда уезжал дважды ударил своего коня. Знаешь ли ты, что тебя ждет смерть, а не жизнь.

Канибулат быстро собрался, сел на своего коня и пустился вдогонку по свежему следу и нагнал Беслана, Канибулат спешился, поклонился перед ним с извинениями и, сказал передумал, мол извините князь, а тот обрадовался, хотя и не подал виду и скомандовал: садись на лошадь.

Продолжая путь помирившись, князь прочитал нотацию Канибулату и спросил, чем вызван такой быстрый оборот, что ты передумал, ведь ты дважды нарушил обряд, скажи правду. Канибулат еще раз извинился и ответил: «Это дело для меня было совершенно неожиданным, я растерялся и не успел обдумать, что вы ближе и дороже чем кто-либо для меня и я когда вернулся в хату оказалось, что жена через окошко наблюдала за нами до конца вашего отъезда она хотя не поняла суть дела, но настояла рассказать, она упрекнула, что верховный князь уехал недовольным, сделав поворот направо, ударив камчей два раза свою лошадь, кто он и зачем приехал и я вынужден был рассказать ей обо всем. После чего вдвоем посоветовались».

Князь понял, простил его и сказал: жене передай от меня салам [9], я отблагодарю ее по всем правилам, а теперь задание. Ты до конца начатого дела не появляйся ко мне, но держи связь через доверенного, ориентируйся хитро, умно, как можешь, но любой ценой пригласи в эту весну своего брата хотя бы дня на три. И, о его приезде я должен знать. Далее как угодно выведи Айдемыркана без оружия и без его коня на условное место, которое сам знаешь хорошо – «коку» [10] – глубокий ров. Правда, это задание самое главное. Но ты не будешь иметь никакого греха». С тем они распрощались, и Канибулат вернулся озадаченный домой.

С наступлением весны Канибулат с подарками последовал к своему присяжному брату Айдемыркану в гости. Ему – золотистого курпея шапку, а его жене Альбиче – свадебный платок «дари» [11]. Погостивши три дня, Канибулат вернулся, договорившись, что Айдемыркан приедет через неделю, а он стал готовиться к приезду брата, о чем известил через доверенного князя. Слово – закон, Айдемыркан прибыл в срок

на своем Жаманшарыке. Обслуживали двое доверенных, зарезали барана, птицу, поставили махсыму разных сортов и так двое суток длилось веселое застолье. О его приезде живо было передано Беслану, который организовал из более надежных своих наездников целый отряд и ожидал на условленном месте выше «коку» – глубокого рва.

На третий день утром похмелившись Канибулат скомандовал для развлечения проехать недалеко в лес подышать весенним воздухом. Айдемыркан дал согласие и тут обслуга подвела двух оседланных коней канибулатовых, на одном коне к седлу уже были приторочены хурджин, кувшин махсымы и съестное. Айдемыркан хотел на своем коне, но Канибулат переубедил его и сказал: хватит сколько ты помучил своего Жаманшарыка, пусть отдохнет и когда сели на лошадей Айдемыркан попросил свою саблю и тут опять Канибулат сказал, что мы собрались в поход что ли, возьми там со стены мою саблю и так они отправились на прогулку.

Ехали на гору по тропинке тихо, останавливались, рассматривая пробуждающееся цветение зелени весны и добрались до условного места выше «коку» – глубокого рва в лесу на поляне, здесь сели, достали кувшин с махсымой, стали пить.

Айдемыркан обернувшись заметил множество верховых и пеших вокруг них и указал Канибулату, а он успокоил его, говорит может быть охотники и начал подавать чашу. Айдемыркан понял, что надвигается смерть, тогда он бросил чашу, прыгнул на лошадь и начал уходить, но здесь оказалось не по плечу лошади перепрыгнуть такой ров, а этим временем отряд князя начал нагонять его, тогда он прыгнул с лошади и с разгона перепрыгнул 6-кулашевый ров [12], а дальше было редколесье и он мог бы спастись, но тут оказалось по указке князя старый охотник стрелок Биту [13] выскочил из засады и одним выстрелом перебил Айдемыркану левую ногу. Айдемыркан упал, но Биту снова заряжал свое ружье, а тем временем надвигалась главная сила. Тогда Айдемыркан на одной ноге, подпрыгивая, приблизился к Биту и саблей отсек подбородок Битуя и повторным размахом отрубил три пальца, Биту упал, но он добавил третий удар и рассек лицо, тут основная вражеская сила догнала Айдемыркана и разрубили его.

Андемыркъан и уэрэд

1

Уэр, жырамыIэнкIэрэ, уей дуней, Андемыркъаным и тхыдэри
И тхыдэр макъти и уанэ къуапэр дожьу.

2

Уи джатэ Iэпщэр, уореда, Лъэпщым и къаным хуехуз,
УзэрыщIалэрэ хьэщхьэрыIуэгур къыпфIащ.

3

ЛIыхъум и жаныбзэти щтаучэрым Iэ делъэ,
Шухэр зэдилъым лъэрытемыту нафIос.

4

ЩIым щынэсым пшагъуэр гуэрэну мэув,
Увыгъэр щащIым гуащIэв и хабзэу нафIокIуэ.

5

Бгышхуэр зэдинэIути, лIыхъум и щхьэбгъур имыч,
Хуарагъуэр носри зэхэтхэр щIапIэм щегъэгъу.

6

Уэр, уи щуIэгъэгъути Албичэу дахэр йогъых,
Уи хьэрхуэрэгъути, Аслъэнбэчу щауэр уиIэжкъым.

7 [14]

8

КъэбэрдеймкIэ дынокIри Къаниболэтыр уещэри,
Жэгъуэгъум и тхьэр Къаниболэтым еуэнщ.

9

Ныбжьэгъу тхьэгъэпцIым щIым и пцIанапIэм сришэщ,
Сыдришейри жылэшхуэ пэкIум сахинэщ.

10

Си псэр хэзыным и псэр гъуэгуншэ ирехъу,
Пщышхуэ зэхуэхъути, акъужь и хабзэу зэрегулI.

11

Уэр, Шэрэджыкъуеймэ хьэкъуей лъэрышэр ныдос,
Битури къосри бжьы лъэнкIэпIашэр пэщIедз.

12

Уэр, зызэредзэкIри Битум и жьакIэр пегъэщ,
«Сыпщыгъупщэнщ» жеIэри Iэпхъуамбэшхуищыри дегъакIуэ.

13

Уэр, уи зэхэзекIуэти нэкIум дамыгъэ тредзэ,
ЗафIебдзыжынути Жэманшэрыкъыр Iэгъуэджэщ.

14

И гум сынихьэм бажэжь и хабзэу узоплъэ,
И нэр зытеплъэр Жэманшэрыкъым IэщIэкIкъым.

15

Бийхэм ящIэкIием мэл щта и хабзэу зэрехуэ,
ДжатэкIэрэ хахуэр Андемыркъанти псэхужщ.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рукопись «Айдемыркан», судя по тексту, была записана Е. Д. Налоевой со слов неизвестного жителя селения Старый Урух, слышавшего это предание в семье известного знатока народных преданий Кургоко Тлакодугова. Текст записан на русском языке и является прямым переводом кабардинской речи рассказчика. В тексте имеются небольшие исторические комментарии Е. Д. Налоевой, касающиеся некоторых персонажей, упоминаемых в предании об Айдемыркане. – *А. М.*

2. Тлакодугов Жамбулат Батокович, 1904 г. р., урож. сел. Старый Урух КБАССР. Один из сказителей, знатоков устных преданий. Записи, сделанные с его слов, хранятся в фоно-видеоархиве КБИГИ. – *А. М.*

3. Хьэхъулъашэ – *букв.:* колченогая собака – термин и имя.

4. Текст неразборчив.

5. ЦIэфIэщ махуэ – *букв:* день имянаречения. – *А. М.*

6. Жэ, маншэрыкъыми гуэншэрыкъыми къэхь. – *А. М.*

7. Известный по фольклорным данным как Беслъэн ПцIапцIэ – Беслан Тучный, исторический персонаж, живший на рубеже XV–XVI вв. (см. генеалогическую карту № 1 Иналов род. – Генеалогии кабардинских князей как исторический источник). Беслан, бывший старшим князем Кабарды, являлся потомком Инала в V поколении (Беслан – Янхот – Табула – Акабгу – Инал).

8. Канибулат – сын Идара Инармасовича, двоюродного брата Беслана Тучного и приходится последнему двоюродным племянником (см. генеалогическую карту № 1 Иналов род. – Генеалогия кабардинских князей как исторический источник). Малая Кабарда состояла из Талостаней и Келяхстаней. Талостаней располагался на правом берегу Терека, Андемыркан из Талостаней, Канибулат из Келяхстаней. Все они жили приблизительно на рубеже XV–XVI вв.

9. Салам – приветствие мусульман, но в упомянутое время кабардинцы еще не были мусульманами и это выражение привнесено сказителем. – *А. М.*

10. Къуэ куу – *букв.:* глубокое ущелье, ров, балка, название местности выше селения Аушигер, не доезжая до Кашхатау.

11. Вид дорогой ткани.

12. Къулаш – расстояние между двумя раздвинутыми в стороны руками взрослого мужчины.

13. Биту – князь Биту Инармасович, родной брат Идара и двоюродный брат Беслана Янхотовича (Беслана Тучного) (см. генеалогическую карту № 1 Иналов род. – Генеалогия кабардинских князей как исторический источник).

14. Текст седьмого куплета отсутствует. – *А. М.*

СПРАВКА
ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕРРИТОРИИ И ЧИСЛЕННОСТИ БАЛКАРЦЕВ В XVIII ВЕКЕ [1]

Вряд ли правомерно говорить о государственных границах между Кабардой и Балкарией в XVIII в.

Во-первых, еще не был завершен процесс образования единой народности у предков современных балкарцев в XVIII столетии и в то время не известно употребление этнонима «Балкария». По данным источников, они были представлены пятью не зависимыми друг от друга небольшими обществами, которые входили в состав трех княжеств Большой Кабарды. По русской терминологии их называли: «Горские татары Кабарды», «Кабардинские горские общества», «Горские общества Кабарды».

Во-вторых, на протяжении XVIII в. названия и места обитания Горских обществ подвергались значительным изменениям вследствие продолжавшихся миграционных процессов.

Изложенное выше подтверждается следующими архивными материалами.

В 1746–1747 гг. в Большой Кабарде произошла очередная вспышка княжеских усобиц. За событиями внутри Кабарды зорко следили Турция и Россия, согласно условиям Белградского мирного трактата. Россия опасалась усиления прокрымской ориентации в Кабарде, поскольку изгнанные из Кабарды князья Мисостовы нашли приют в пределах России. Поэтому в целях разведки и, в случае возможности примирения враждующих сторон, правительство Елизаветы Петровны уполномочило в Кабарду майора И. Барковского. На вопрос последнего: какие народы Кавказа входят в сферу влияния Кабарды, кабардинский князь Бамат (Магомет) Кургокин сделал важное сообщение по интересующему нас вопросу. В частности, перечисляя названия и места расселения зависимых от Кабарды народов, Кургокин сказал: «…а пятый народ состоит в разных пяти волостях и оныя звание свое имеют, а общего всему народу звания нет. Из оных первая волость Чегем лежит в вершинах реки Чегем, от Кабарды разстоянием день езды конно. Вторая волость Бзинге, третья волость Хулам, четвертая волость Хусыр, пятая волость Малкар лежат в вершинах Черек-реки. Умерший з год назад тому кабардинский владелец Арсланбек Койтукин за год до своей смерти [2] переселил в верховья реки Баксан [3] подвластных ему, Койтукину, карачай, волость Хусыр, волость Малкар и несколько из Бзинге, Хулама и Чегема» [4].

Уже в 70-х гг. XIX в., по данным академика И. А. Гюльденштедта, Горские общества представлены шестью, включая Карачай, этническими группами: Малкар (по черкесски – балкар), в котором он указывает 1000 семейств, Баксанское общество [5], в Чегемском – 360 семей, в Хуламском и Бзингийском – до 100 семей в каждом [6].

Как видно, переселенцев стали именовать баксанцами, Баксанским обществом, а этноним Хусыр растворился в нем, но баксанцы сами себя стали называть Малкарами,

которое со временем становится названием всего балкарского народа. Кабардинцы же прозвали их «Балкар-Кушха» в отличие от осетин, именуемых кабардинцами просто «Кушха».

В XVIII в. коллегия иностранных дел России систематически собирала материал о народах, населяющих Кавказ. В одном из таких сведений, полученном из Моздока от ротмистра Александра Шелкова, имеются не совсем точные данные о горских обществах. Документ не датирован, а содержится в деле за 1768 г. «Большая Кабарда, – говорится в нем, – простирается, начиная от урочища Бештоу по обоим сторонам реки Кумы вверх до урочища Бургусант разстоянием, примерно, на 150 верст, и хотя они, жители Большой Кабарды, о себе объявляют, что там до 20 000 семей, однако не будет более 12 000. Начиная от вершины реки Кумы внутри Кавказских гор даже до Осетии простираютца разного звания народы, по имени; примерно в каждом:

1. Карачаи – 400.
2. Чегем – 700.
3. Караджау – 100 (Осетинское общество. – *Е. Н.*).
4. Балкар – 50.
5. Дюгер – 150 (Дигора. – *Е. Н.*).
6. Балсу – 40.

В оных со всех кабардинцы подать берут и в походы их наряжают...» [7].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Данная справка представляет собой небольшой по объему черновой незаконченный набросок, тем не менее представляет интерес ввиду используемых в нем неопубликованных материалов по данному вопросу из АВПР. – *А. М.*

2. Князь Арсланбек Кайтукин умер в 1746 году. – *А. М.*

3. Задолго до указанных событий в Баксанском ущелье проживали карачаевцы, которые были переселены отсюда, по всей видимости, кабардинскими князьями Атажукой Казиевым и Алегукой Шогенуковым в первой половине XVII веке на Южный склон Эльбруса в верховья р. Кубань. После известной битвы на р. Малке 12 июля 1641 г., в которой князья Казыевой Кабарды Хотокшуко и Алегуко нанесли сокрушительное поражение отрядам князей Идаровой Кабарды, Джеляхстанея, кумыкских владельцев и русских стрельцов, они, опасаясь ответных репрессий со стороны Московского государства, увели своих подвластных (в том числе и карачаевцев) на Кубань в том же году. Спустя несколько лет (в 1644 г.) после длительных переговоров они опять вернулись на прежние места своего проживания, карачаевцы же остались на Кубани, на территории, которая являлась частью владений кабардинских князей. Как видно из приведенного документа, повторное заселение Баксанского ущелья выходцами из разных горских обществ произошло по инициативе верховного кабардинского князя Арсланбека Кайтукина в 1745 году. Данный источник представляет ценность тем, что не только указывает точную дату повторного заселения верховий Баксанского ущелья, но и обстоятельства и состав переселенцев, образовавших впоследствии Баксанское общество. Не имея на руках подобного документа, к сходным выводам пришла и Н.Г. Волкова на основе более поздних источников. В частности, в своей монографии (Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века) она пишет: «Этот факт вторичного заселения Баксана находит подтверждение в сведениях документа 1867 г. (ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, д. 2935.). Содержание последнего – опрос жителей Баксанского ущелья, проведенный царской администрацией в связи с претензиями на Баксанский лес князя Исмаила Урусбиева. По документу было опрошено 70 человек, из которых 61 назвал прежние места своего

жительства. Из числа последних 25 % представляли собой потомков тех, кто три поколения назад перешел на Баксан. Примерно 18 % опрошенных были переселенцы, отцы которых обосновались в этих местах. Остальные были сравнительно недавними пришельцами. Характер названного документа дает возможность установить, в каком поколении переселенцы пришли на Баксан, а также фамилии переселенцев, из каких мест они пришли, причины переселений, социальное положение переселенцев. Из документа выявляется, что переселенцы из Безенги составляли около 23 %, из Карачая – 21 %, из Чегема – 11,5 %, из Балкарии – 9,2 %, из Холама – 3,3 %, т. е. в целом 68,1 %. Остальные были более поздними выходцами из других мест Кавказа (Сванетии, Черкесии, Цебельды, Ногая, Чечни, Дагестана). Таким образом, судя по документу, основное ядро баксанцев-урусбиевцев составилось из безенгиевцев, карачаевцев, менее чегемцев, балкарцев и холамцев. Для определения времени переселения этих групп необходимо остановиться на фактах, упоминаемых в опросе 1867 г. Переселения на Баксан, происходившие из различных мест Северного Кавказа вплоть до 1867 г., связываются в документе с представителями рода Урусбиевых, жившими в различное время и восемь имен которых упоминаются в тексте опроса. Младшему, Исмаилу Урусбиеву, в 1883 г. было 54 года, следовательно, он родился в 1829 г. Рождение его отца Мурзанкула следует, вероятно, относить, к концу XVIII в. Исмаил Урусбиев, отец Мурзанкула, возможно, родился не позднее 1756–1770 гг. Прадед младшего Исмаила Урусбиева – Чопело Урусбиев родился, вероятно, в 1740 гг. Отцом Чопело Урусбиева документ называет Келемета Урусбиева, рождение которого, видимо, следует относить не позднее 1705–1710 гг. Балкарская надпись 1715 г., найденная и переведенная Л. И. Лавровым, называет еще одно имя из рода Урусбиевых – Исмаила, которого, видимо, следует считать отцом Келемета. Таким образом, факты самых ранних переселений на Баксан относятся ко времени Чопело и Исмаила Урусбиевых, т. е. к 60–80 гг. XVIII в. Упоминания Келемета Урусбиева (первая половина века) не говорят, однако, о том, что последний уже находился на Баксане. Тем самым сведения документа 1867 г., видимо, подтверждают данные источника 1743 г., не упоминающего урусбиевцев на Баксане. Однако Гюльденштедт в 1770 г. уже пишет о населении Баксана – басианах как тюрках по языку». (Указ. раб. С. 96–100.) Далее автор упоминает тесные связи Исмаила Урусбиева с кабардинскими князьями Кайтукиными, на основании чего делает предположение, что «переселение урусбиевцев на Баксан произошло уже после смерти главы кашкатавской партии Арсланбека Кайтукина в 1746 г., примирения его сыновей со старшим князем баксанской партии и поселения Кайтукиных на житье в Баксане, что имело место в 50-х гг. XVIII в.». (Указ. соч. С. 100, 101.) Как видно из документа, обнаруженного Е. Д. Налоевой в АВПР, переселение произошло ранее, а именно в 1745 г. при жизни Арсланбека Кайтукина, который в это время был старшим князем Кабарды и, пользуясь, видимо, номинальными своими привилегиями, смог организовать это переселение. – *А. М.*

4. АВПР, ф. Кабардинские дела, д. 1, лл. 1, 1 об.

5. Число семей в Баксанском обществе не указано.

6. *Guldenstadt J. A.* Reisen durch Russland und im Caucaschen Geburge / St-Pbg. 1787. Th. 1. S. 460. (Учитывая, что ссылка сделана на немецкий текст оригинала, справка, по всей видимости писалась автором до 1974 г., когда вышел сборник: Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974., где эта работа Гюльденштедта опубликована в русском переводе. – *А. М.*)

7. АВПР, 1768, ф. Кабардинские дела, д. 1, лл. 1–2.

ЗАГАДОЧНЫЙ ОБЫЧАЙ «БАРАМТА»

У обычаев удивительно разные судьбы. Рожденные однажды определенными потребностями общества, класса, сословия или отдельных личностей, идеи получали собственные имена, «гражданские права» и постепенно становились традиционными нормами человеческих поступков, мерилами семейных, социальных, культурных, экономических, политических и др. отношений, т. е. обычаями. Однако в силу неизбежной эволюции общественного бытия одни из них отмирали вместе с факторами, обусловившими их появление, другие, напротив, оказывались поразительно живучими, приспосабливаясь к изменчивости исторического процесса, трансформируясь, обретая нередко и вторую жизнь у разных народов, при этом, естественно, заметно деформируясь. Но каждый обычай, по крайней мере, в начальный период, нес в себе положительный заряд, т. е. выполнял общественно-полезную функцию, без чего идея не может стать институтом.

Вот таким своеобразным осколком адыгского быта, дожившим до 20-х гг. XX в., была барамта, несправедливо, на наш взгляд, обозначенная «разбоем» в исторической и юридической литературе.

Значение обычаев в становлении современной цивилизации трудно переоценить. В бесписьменный период истории человечества лишь они в совокупности своей являлись единственными правовыми нормами, регулировавшими весь комплекс жизненных проблем, хотя многие из них теперь нам кажутся наивными или попросту нелепыми. Фигурально выражаясь, обычаи – надгробия давно минувших эпох, не уступающие по своей значимости памятникам зодчества в качестве носителей исторической информации. Это летопись общественных отношений, памятник народного правотворчества, некоторые из них и сегодня нам дороги.

Слово «барамта» ничего не говорит современному кабардинцу. Оно давно вышло из словарного актива его родного языка; не встретишь его и ни в одном словаре кабардинского языка, даже этимологическом. Пожалуй, мало, кто знает, что местное название Вольного Аула – Барамтэ именно произошло от этого обычая [1]. А между тем в феодальной Кабарде барамта выполняла весьма сложные и разнообразные функции по раскрытию уголовных преступлений, порой успешно дублируя судебные органы. Больше того, царская администрация на Кавказе, взяв барамту на вооружение, превратила ее в бич колониального грабежа на всем Северном Кавказе и только победа Советской власти избавила от произвола народы региона [2, 26, 27].

Изучение барамты, по нашему мнению, имеет научно-познавательное значение, поскольку исследования подобного рода институтов ярче оттеняют особенности социально-экономической истории народа. Настоящая статья не ставит задачу всестороннего освещения интересующей нас нормы обычного права. Ее цель значительно скромнее: на основе доступных архивных и литературных материалов попытаться «очистить» обычай от наслоений временного порядка и показать его в

первозданно-классическом ракурсе, с тем, чтобы обратить внимание историков, этнографов, лингвистов и юристов на проблему, разработка которой представляется результативной.

Барамта не исследована вообще ни в одной монографии. Русская дореволюционная историография уделила ей всего одну газетную статью псевдонима Кн. Х-ъ «Барамта» [3], реферат этой же статьи в трудах Н. Дубровина в объеме полстраницы [4; 5], небольшое место в докладе Кулишера на 6-м археологическом съезде [6], критика Я. Абрамова царской администрации на Кавказе, превратившей барамту в орудие грабежа коренного населения Северного Кавказа [2, 26,27].

Поскольку литература, посвященная данному вопросу, весьма малочисленна, а статья «Барамта» – уникальна в своем роде и давно стала библиографической редкостью, мы подробнее остановимся на положениях, выдвинутых ее автором. Судя по авторской интерпретации интересующего нас обычая, «Барамта» написана не специалистом-историком, а дилетантом, занимавшим, видимо, высокий пост в русской военной администрации на Кавказе. На это указывает его осведомленность о применении барамты в масштабе региона, нашедшая отражение в статье. Однако, не ограничиваясь этим, автор делает попытку дать научное описание барамты в ее хронологическом, историческом и функциональном срезах, что придает данной работе определенную ценность, несмотря на ее методологические ошибки.

Рассматривая причины возникновения барамты, Кн. Х-ъ пишет: «... в общественной жизни горцев отсутствовал всегда гражданский порядок... При том разноплеменные народы имели свои особые обычаи...», почему «... тяжебные дела... оставались часто без всякого исхода; равно и права собственности каждого не были ограждены никакими узаконениями. Мирному селянину приходилось всегда быть на страже своего имущества, защищая его... посредством известного правила: око за око, зуб за зуб.

В этом состоянии общественных нравов появился у туземцев оригинальный способ, охранявший право собственности: он назывался барантой. Под этим лаконичным словом разумелось заарестовывание чьего-нибудь имущества в виде залога по неудовлетворенным материальным обидам» [3].

Как видно из приведенной цитаты, Кн. Х-ъ, во-первых, считает барамту местным северокавказским обычаем, что не согласуется с данными источников. Так, по УК РСФСР 1924 года, барамта (баранта) имела место у народов Северного Кавказа, Средней Азии, Урала и Поволжья [7, 200].

Во-вторых, причину появления баранты он видит в отсутствии единого законодательства у народов Северного Кавказа, с чем трудно согласиться.

В-третьих, правильно отметив цель барамты – охрану собственности, он безосновательно сузил ее функции, сведя их к разбирательствам тяжебных дел. Излишне доказывать, что понятие охраны собственности прежде всего предполагает борьбу против всех форм хищений и грабежей. Далее, касаясь статуса самого института, Кн. Х-ъ рисует барамту как всесословный, демократический обычай, по которому «всякий туземец, не получивший судебного удовлетворения по долговым или иным тяжебным делам от постороннего ему общества, вымещивал свой иск на ком-нибудь из единоземцев своего должника» [3].

Барамта как общинная правовая норма опосредованно предоставляла такое право каждому общиннику, но вряд ли в середине XIX в., когда Кн. Х-ъ писал о барамте, она

оставалась столь неизменной. По крайней мере, данные по Кабарде свидетельствуют о том, что право барамтования было компетенцией удельного князя, а в особо важных случаях – старшего князя Кабарды.

Не соответствует действительности и другое утверждение Кн. Х-ъ, будто санкции барамты распространялись только на чужеземцев, на чем остановимся в дальнейшем изложении.

Пожалуй, наиболее серьезным упущением псевдонима, исказившим сущность барамты, является то, что он не понял, при каких обстоятельствах применялась барамта. В самом деле, какая была необходимость разыскивать заведомо известного своего должника через его «единоземцев», как представляет барамту Кн. Х-ъ. Обычаи не могут быть настолько алогичными. От судебных разбирательств барамта тем и отличалась, что ее применяли только для того, чтобы принудить неизвестного преступника к ответу. При этом в процессе «расследования» и удовлетворения обиды лицо, совершившее преступление, участвовал только инкогнито. Подвергшемуся барамтованию считалось позором выдавать его, а верхом бесчестия – неявка самого преступника к лицу, чье имущество реквизировано по его вине [8]. Вот эту рыцарскую деликатность в системе барамты не понял автор статьи.

Наконец, не отличая назначение барамты от нарушений ее норм, автор рассматриваемой статьи превратно изобразил барамту. «Иногда, – пишет он, – занимавшиеся разбоем, под видом барамты производили грабежи на проезжих дорогах… поэтому из-за барамты нередко происходили драки и убийства» [3].

Законы, даже самые гуманные, во все времена нарушались, что, однако не дает право объявлять их скверными. Бесспорно, нарушались и нормы баранты, но «грабежи на проезжих дорогах…, драки и убийства» происходили, очевидно, не из-за баранты, как пишет псевдоним, а вопреки ее санкциям. Кстати, это недоразумение возвел в степень истины Н. Дубровин, с легкой руки которого барамту окрестили «разбоем», «грабительским налетом», под которыми до сих пор барамта значится почти во всех словарях.

Несмотря на отмеченные недостатки статья «Барамта» представляет большой интерес для нашей темы. Заслуга ее автора, прежде всего, заключается в том, что он впервые ввел в научный оборот институт «барамта» и рассмотрел в меру своих сил основные его положения, которые в сочетании с данными источников помогают воспроизвести первоначальный вид барамты.

Работа Н. Дубровина не содержит ничего нового о барамте. Собственно, он и не исследовал ее, а только включил небольшой пересказ статьи Кн. Х-ъ в раздел «Черкесы (адыге)» своего многотомного труда [4, 320, 321]. Однако, в отличии от Кн. Х-ъ Дубровин без обиняков определил барамту грабежом, не задумываясь даже над тем, что для грабежа не было нужды придумывать обычаи. Грабежом можно объявлять любое деяние, посягающее на права собственности, смотря с какой позиции смотреть на него. Но не станем строго судить исследователя, который не разглядел сущность барамты сквозь призму буржуазного права частной собственности и отработанной системы ее охраны. К сожалению, некоторые советские кавказоведы до сих пор придерживаются взгляда Н. Дубровина на барамту [9].

Н. К. Кулишер в своем выступлении на пленарном заседании VI археологического съезда указал на произвол, чинимый царской администрацией на Северном Кавказе,

используя приемы древнего обычая – барамты, и высказал мысль о необходимости ее отмены [6].

Кстати, здесь уместно напомнить, что эту идею впервые выдвинул наместник Кавказа П. С. Потемкин. В 1788 году он ходатайствовал перед фактическим правителем России Г. А. Потемкиным об отмене барамты. «Запретить ее (барамту. – *Е. Н.*) требует сама истина», – писал он [10].

Из этого видно, что барамта еще тогда, как обычай, изжила себя, и необходимость ее отмены была подготовлена всем ходом исторического развития.

Я. Абрамов не исследовал барамту и специально не писал о ней. Но в своей работе метко и резко критикуя политику террора и грабежа царизма на Северном Кавказе, Абрамов изобразил тяжелую картину коренного населения региона, подвергаемого грубому произволу под видом взятия барамты [2, 26, 27].

«Если преступление совершается, – писал он, – внутри аула и виновный не будет открыт, то ответственности подвергается весь аул. За лошадь, стоимостью в 30 рублей, взыскивалось 100 рублей. Круговая ответственность, наложенная на туземцев, является самым страшным налогом, какой только можно придумать» [2, 28, 29].

Описанные Абрамовым факты превращения барамты в орудие беззастенчивого грабежа местного населения Северного Кавказа свидетельствуют о грубом искажении сути обычая, от которого осталась, собственно, лишь круговая порука, удобная для местных властей.

Теперь посмотрим, что пишут словари. Наиболее интересный материал о барамте содержит Толковый словарь В. Даля. Хотя и он переводит слово «барамта» как набег, грабеж, все же ученый выявил весьма серьезную разницу между этими явлениями и барамтой. «Барамта тем и отличается от военных набегов, – пишет он, – что на барамтование из опасения кровомести идут без огнестрельного оружия» [11, 47].

Этот небольшой штрих, отмеченный ученым, существенно меняет наше представление о барамте и достаточно реабилитирует ее как обычай, направленный на урегулирование конфликтов без кровопролития. Правда, предположение В. Даля, будто на барамтование шли без оружия «из опасения кровомести» не убедительно, да и не вписывается оно в психологию феодального общества – вряд ли феодал пощадил бы убийцу своего родственника или вора, нанесшего бесчестие его роду, по таким соображениям. Из этого явствует, что неприменение оружия при барамтовании было продиктовано совсем иными мотивами, а именно: нелепостью убивать людей (или человека), при помощи которых задумано было получить удовлетворение. Таким образом, В. Даль, приподняв завесу, не смог до конца раскрыть сущность барамты.

В Большой советской энциклопедии читаем: «Барамта» – в советском уголовном праве одно из преступлений, составлявших пережитки родового быта; заключается в самовольном взятии главным образом скота, а также другого имущества без присвоения его, исключительно с целью принудить потерпевшего дать удовлетворение за нанесенную обиду или причиненный ущерб. Б. была распространена среди кочевых народов и нередко сопровождалась кровавыми столкновениями, перерастая в родовую вражду. Исторически Б. являлась привилегией феодалов и использовалась ими для ограбления неугодных лиц под предлогом получить удовлетворение за обиду. Однако Б. иногда служила средством борьбы эксплуатируемой бедноты против баев» [12, 227]. Примерно сходные с этим мнения находим и в третьем издании БСЭ [13], в

Энциклопедическом словаре Брокгауза [14] и юридическом словаре под редакцией П. И. Кудрявцева [15], из которых трудно извлечь определенное представление об искомом предмете. Этимологические словари категорично называют барамту разбоем, грабежом, набегом и т. д. Так, М. Фасмер пишет: «Барамта – самоуправляемая месть, состоящая в угоне скота, разорении аулов, грабежах...» [16]. Аналогичную оценку дает и А. Г. Преображенский: «Барамта – областной, кавказский термин, означающий набег, угон скота, грабеж...» [17].

Раздумывая над собранными литературными материалами о барамте, перед нами назойливо встают вопросы: «Неужели люди придумали барамту, чтобы грабить? Разве до барамты не воровали, или перестали после нее? Нельзя ли предположить обратное – барамту изобрели люди, чтобы бороться против грабежей и воровства?». Обычаи потому живучи и являлись эталонной формой социальной регуляции деятельности для множества поколений людей, что в них сосредоточена народная мудрость эпохи, нужды времени и барамта, видимо, не есть исключение из этого правила. Она скорее – итог длительных размышлений и экспериментов целого народа, а то и народов, в представлении которых барамта была наиболее эффективным методом борьбы с таким социальным злом как хищение, грабеж, убийство и т. д. Поэтому называть этот обычай грабежом значит переставлять его с ног на голову.

Подлинный историзм не может идеализировать, а тем более модернизировать исторические явления. Данный институт, как отмечено, до сих пор не подвергался глубокому анализу с позиции марксистско-ленинской методологии, следовательно, существующее ходячее мнение о нем, сложившееся еще в дореволюционной историографии, может оказаться поверхностным. Здесь уместно вспомнить указания В. И. Ленина о соблюдении принципа историзма при исследовании подобного рода явлений: «...не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» [18].

Так что же такое барамта? Чтобы не ошибиться в оценке такого древнего, претерпевшего немало метаморфоз обычая, каким является барамта, прежде всего, необходимо реконструировать социальную психологию его создателей и последующих носителей, с позиции которых и следует рассматривать институт. Например, по данным источников, бытование барамты в Кабарде в XVII–XVIII вв. было обусловлено господствовавшими здесь общественными ценностями и идеалами. Так, по понятиям кабардинцев того времени считалось проявлением отваги угон у недругов отары овец, стада коров или табуна лошадей. Ловко и без последствий организованные подобного рода акции приносили славу их участникам, а пострадавшим бесчестие, если они не могли вернуть похищенное. Нераскрытое убийство накладывало позор на всю фамилию убитого. Молодой человек, у которого увели скакуна, пока он спал, не мог рассчитывать на успех женской половины. Считалось зазорным, если князья и дворяне не могли защитить имущество своих крестьян от посягательств со стороны. Единственным способом реабилитации во всех этих случаях было получение сатисфакции – взятие барамты. Подобным событиям посвящали песни, их распевали всюду, прославляя удачливых наездников и высмеивая трусов [19, 261, 262].

Таким образом, барамта и по своей организации розыска пропажи имущества,

и системой распутывания уголовных дел, и методом получения удовлетворения за бесчестие была престижной в феодальных кругах Кабарды. В этот период этот институт носил здесь ярко выраженный классовый характер, являясь прерогативой исключительно высших сословий.

Возмещение убытков при помощи барамты, умение вычислить преступника и найти рычаги давления на него служили демонстрацией интеллектуального превосходства, престижа и могущества пострадавшей стороны. Это подогревало честолюбие, эмоциональный настрой в обществе, где господствовало феодальное «кулачное право». Все это в конечном итоге обеспечило барамте долгую жизнь, из чего напрашивается один вывод: чем слабее государственная власть в стране, тем выше котировалась барамта.

Мы не располагаем точными данными о месте, времени и обстоятельствах формирования барамты, хотя ее возникновение, несомненно, связано с понятием охраны собственности. Истоки этого установления, видимо, уходят ко временам разложения родового строя и образования территориально-соседских общин, где уже существовала частная собственность, но еще не были созданы классовые органы для ее защиты. На это обращает внимание ряд черт барамты: утилитарность основной цели обычая, нерасчлененность его функций, примитивность способа борьбы с уголовными правонарушениями, солидарная ответственность общины, а позже фамилии за деяния своих членов. В перечисленных чертах барамты четко прослеживается господствовавшая в общине «круговая порука», обусловленная неспособностью недавно освободившихся от родовой опеки патриархальных семей самим защищать свое богатство.

Как известно, частная собственность и покушения на нее – ровесники, а точнее, второе – следствие первого, так как сосредоточение материальных ценностей в одних руках повлекло за собой появление способа легкой наживы. Объектом же грабежей и хищений в ту пору могли быть скот, лошади, оружие, орудия труда, люди, эксплуатация которых уже была возможна, и др. ценности. Трудно сказать, как часто совершались уголовные преступления на заре цивилизации, но нет оснований считать их редкими явлениями, а тем более, характерными для отдельных народов, поскольку криминал универсален, как универсальна сама частная собственность. Напротив, с поляризацией имущественного неравенства, надо полагать, участились посягательства на частную собственность, а следовательно, и конфликты между общинами, которые, несомненно, не всегда завершались без кровопролития.

В таких конкретно-исторических условиях появление барамты – института, призванного регулировать нераскрытые уголовные дела без применения оружия, – вершина народного правотворчества той эпохи, если рассматривать данный обычай исходя из принципа историзма, с позиции его создателей. Однако реализация правовых норм барамты была под силу только общине, которая в свою очередь несла, согласно правилам «круговой поруки», ответственность перед другими общинами за деяния своих членов. Поэтому, установлению персональной личности преступника барамта не придавала особого значения, поскольку субъектом права здесь выступала община. Прагматической задаче барамты – возвращение искомого или же получение его эквивалента – вполне соответствовало это обстоятельство.

Нерасчлененность надстроечных элементов, присущая всем докапиталистиче-

ским формациям, выразительно сфокусирована в барамте. Из-за отсутствия соответствующих органов власти для защиты собственности и борьбы с уголовными преступлениями барамта сформировалась как универсальный орган с зачатками функций будущих учреждений: уголовного розыска, дознания, прокуратуры, суда и т. д. Даже после образования судебных органов барамта не утратила своего значения, поскольку она занималась далеко не подсудными делами. Кроме того, суд без прямых улик не мог решать дела, а барамта своеобразным путем их добывала. Эта разносторонность барамты, видимо, не последнюю роль сыграла в ее сохранении на длительном историческом отрезке времени.

Несомненно, санкции барамты не применялись к внутриобщинным коллизиям. Эта ее внешняя направленность сменила свой характер с изменением статуса самих общин. Например, с переходом последних из самоуправляющихся единиц в феодально-зависимые, сфера деятельности барамты выносится за пределы феодального владения, так как охрана жизни и собственности подвластного населения перешла в компетенцию феодального владельца. Само собой разумеется, что сеньор, справедливо рассматривавший своих вассалов и зависимых крестьян как источник собственного благополучия, основу своей экономической, военной, социальной и политической мощи, прибегал к барамте для защиты их прав от внешних посягательств. Как свидетельствуют источники, в Кабарде в XVII–XVIII вв. удельные князья применяли барамту в претензиях друг к другу [20, т. I, 147].

Таким образом, барамта из узкообщинного права переродилась в феодальный институт, применение которого стало компетенцией феодального владельца. Сказанное опровергает утверждение Кн. Х-ъ о всесословном характере барамты [3].

По сути своей барамта – понятие юридическое. Ее юрисдикции подлежали главным образом крупные нераскрытые уголовные дела: кража ценных вещей, ограбления, в том числе иноземных купцов, гостей, угон значительного количества мелкого и крупного скота, лошадей, похищение человека, убийства и т. д. [21].

Распутывание подобных преступлений было нелегким делом, но всегда престижным, ибо барамта преследовала не только цель возмещения понесенного ущерба, но и восстановление чести и престижа феодала [22].

Теоретически процесс барамтования можно подразделить на два этапа: розыск и санкции. Первый из них, собственно, начинался с момента правонарушения и длился до установления местожительства или национальной принадлежности преступника. Эти два ориентира, на установление которых порой затрачивались годы [23], служили своего рода свидетельствами, косвенными уликами, без которых о барамтовании не могло быть речи вообще. Поэтому чрезвычайно важно было на этой стадии процесса безошибочно выяснить хотя бы одну из этих двух зацепок, от которых зависел успех всего задуманного.

Если в ходе розыскных мероприятий удалось сузить круг подозреваемых до предела фамилии, села, феодального владения или народности, наступал ответственный момент: выследить состоятельного однофамильца, односельчанина или земляка предполагаемого преступника, который имел бы при себе имущество (любое), превышающее значительно стоимость искомого. С появлением такого субъекта на территории, контролируемой потерпевшей стороной, первый этап завершается объявлением ему о барамтовании имеющихся при нем средств в качестве залога.

10 Заказ № 815

Процесс розыска, естественно, мог проходить и в иной форме. Мы здесь описали лишь один вариант. Допустим, преследуя похитителей скакуна, следы привели организаторов погони к какому-то населенному пункту и следы в нем оборвались, но обнаружить пропажу не удалось. Если же переговоры с жителями не приводили к желаемому исходу, пострадавшая сторона оставляла за собой право взять барамту. В этом и подобных случаях субъектом ответственности за данное преступление выступал населенный пункт. Дальнейшее развитие событий могло пойти по двум путям. Возвращение похищенного через судебное разбирательство или же санкции барамты. Как видно, границы санкции барамты строго не были очерчены, что подавало повод к ее нарушениям. В тех случаях, когда преступление оказывалось делом рук представителей соседних народов, события развивались двояко: либо ждали появления подходящего лица для совершения акта барамтования, либо специально снаряжали вооруженный отряд с согласия и повеления феодального владельца.

Второй этап включал в себя меры принуждения к ответственности виновных. Прежде всего, отбирали у задержанного оружие, включая кинжал [24], реквизировали полностью обнаруженное при нем имущество, подсчитывали его при понятых, которое должно было оставаться в полной сохранности до окончания дела [3].

Изъятое при барамтовании имущество накладывало на его владельца определенные обязанности: либо он назовет настоящего преступника и выступит на суде в качестве свидетеля, либо выступит в качестве посредника между потерпевшей и виновной сторонами, оказывая давление на правонарушителя, побуждая его к возврату искомого или выплате его стоимости [3]. В противном случае реквизированное имущество безвозмездно переходило в собственность потерпевшей стороны [3].

Несмотря на такие суровые меры, считалось непристойным поступком выдавать виновника при задержании имущества. Частью это объясняется тем, что, как правило, задерживали близких преступнику по крови или местожительству людей, которые не могли из родственной солидарности выдать его и вынуждены были брать на себя ответственность за действия земляка. Зато неявка преступника к пострадавшему из-за него исключалась, т. к. этого не допустили бы родственники и сама общественность. Поэтому по возвращении домой человека, у которого было арестовано имущество, к нему являлся настоящий виновник обсуждать условия предстоящих переговоров. Отныне до конца процесса он будет вести переговоры от своего имени, а на самом деле – с согласия совершившего преступление человека, имя которого останется нераскрытым и нескомпрометированным [3].

Теперь рассмотрим на конкретном примере действие барамты в том случае, когда ее санкции приобретали международный характер. В 1745 г. кабардинские купцы ехали с товарами из Крыма. Неизвестные бжедуги напали на них, убили несколько человек и всех ограбили. В том числе был убит родной брат известного общественного деятеля Кабарды Казаноко Жабаги – Ахметхан. Казаноковы являлись уорками князей Кайтукиных. Последние по долгу сеньора снарядили вооруженный отряд из 70 всадников под командованием Девлетоко – младшего сына бывшего старшего князя Кабарды Арсланбека Кайтукина [25].

О намерении кабардинцев отправиться за Кубань с целью «за кровь и пограбленье взять барамту» князь Кайтукин уведомил кубанского сераскира, чему тот не возразил, однако послал к бжедугам военный отряд в 300 человек с крымским салтаном во

главе [26]. По совету салтана бжедуги, «уведав о том ушли в горы со всем скотом и пожитками в леса», а ночью салтан с ногайскими мурзами угнал коней спавших кабардинцев, когда те остановились на ночлег у р. Челбаш [Там же]. Дальше события приняли непредвиденный оборот, породивший международный конфликт.

По жалобе Крыма о вторжении кабардинцев на территории, номинально считавшиеся турецкими, Порта предложила России совместно расследовать нарушение кабардинцами условий Белградского мира между двумя империями. И вот, в объяснении, данном князем Кайтукиным международной комиссии по этому поводу, читаем: «...токмо де дети наши (молодые князья и уорки. – *Е. Н.*), идуче пеше, для спасения своего живота с предписанными мурзами и салтаном принуждены были учинить драку, на которой де убили случайно молодого мурзу Уракова сына и лошадей своих обратно отбили... Хан крымский напраслину возводит того для, чтобы поссорить дву государей, нас себе взять... И по сему делу в приключившемся убивстве мурзы, Уракова сына, мы не виноваты, понеже дети наши ездили искать за разграбленных людей своих пожитки и за кровь узденя нашего взять барамту, а не для воровства» [27].

Убежденность автора данного объяснения в своей правоте, в правомерности применения барамты против подобных злодеяний свидетельствует о том, что барамта возникла как способ борьбы против грабежа, а не как метод грабежа. Очень жаль, что такой оригинальный по своей многофункциональности и структурным особенностям обычай, служивший интересам охраны жизни и имущества многих поколений людей, в котором как в зеркале отражены психология и правоотношения далеких наших предков, в пору своего увядания стал синонимом зла, беды и произвола. Трансформация и отход от своих первоначальных целей и задач барамты, произошедшая в более поздний период, имела свои причинно-следственные связи, но в рамках одной статьи невозможно раскрыть все аспекты бытования этого самобытного института в широкой исторической перспективе. В частности, мы почти не затронули особенности функционирования барамты в Кабарде в колониальный период, а также не рассматривали отличие барамты от системы штрафов, использовавшейся феодальными владельцами против своих подданных внутри своего удела. Хотя эти действия в документах фигурируют как барамта, по сути, они ею не являлись, и их следует квалифицировать по-другому. Будем надеяться, что эта проблема привлечет внимание исследователей, которые раскроют ее во всех других, не затронутых нами аспектах.

По идее сфера и круг деятельности барамты должны были сужаться с развитием социально-экономических и политических отношений. Однако наблюдается обратный процесс. Так, в 1641 г. кабардинские князья Татархан и Тонжехан Арсланбековы, проживавшие при Терской крепости на правах служилых князей русского царя, обратились к царю Михаилу Федоровичу с просьбой разрешить им «за тех наших полоненных людей и за огромный живот, которые... ныне у нево, Арасланбек-мурзы, в Малом Ногае, по нашей босурманской вере борамту имати» [20, т. I, 254–255].

В грамоте посольского приказа терским воеводам предписывалось разрешить им взять барамту, если имеется прецедент, но «вновь же обычая не вводить» [20, т. I, 416].

В следующем 1642 г. эти же братья Арасланбековы просили царя разрешить им взять барамту у князя Большой Кабарды Сунчалеева. Результаты последней просьбы

не известны, но постепенно русская военная администрация стала вмешиваться в барамтование и, наконец, сама ее применять.

В 1750 г. кизлярский комендант генерал-лейтенант Дейвиц доносил в Коллегию иностранных дел России, что в 1749 г. архимандрит Арсений ехал в Осетию через Малую Кабарду и по дороге ось колеса его арбы сломалась. «Для зделания вновь оси» из конвоя архимандрита оставили двух казаков, которые исчезли. Следы похищенных казаков привели в кош малокабардинского князя Батоки Алеева, но он отказался продолжить поиск [28]. В указе Коллегии иностранных дел дано было разрешение генералу Дейвицу применить барамту к Батоке Алееву [29], после чего применение барамты военными властями на Северном Кавказе становится традицией. Иными словами, чисто местный институт был взят на вооружение колониальными властями, но последние использовали его весьма произвольно, не соблюдая всех правил и установлений, которые сопровождали его в традиционном исполнении. Акции военной администрации в отношении борющихся за сохранение своей самостоятельности и суверенных прав кабардинских владельцев только по названию, взятому на вооружение, назывались барамтой, но, по сути и форме исполнения, ею не являлись. Они скорее подходили по юридической терминологии военного права того времени под понятие «репрессалии». Во-первых, смысл их, в отличие от барамты, был не в возмещении понесенного ущерба непосредственно пострадавшим, а месть и наказание, призванное устрашить противника и заставить его на будущее воздержаться от неприязненных действий. Во-вторых, никто из генералов особо не удосуживался определять ближайший круг причастных к преступлению лиц, чтобы с помощью давления на них вернуть материальные убытки. Так как карательные санкции применялись без разбора против всех кабардинцев, это приводило не к урегулированию отношений, а к дальнейшей эскалации военных действий и неразрывно связанным с реалиями Кавказской войны разграблениям имущества, убийствам невинных людей, в том числе гражданского населения. В-третьих, если при барамтовании захватывалось определенное количество имущества, которое превышало значительно утраченное (в полтора – максимум вдвое), то размеры реквизиций, устраиваемых у местного населения царскими генералами, были абсолютно неадекватными. Рекорд в этом отношении побил кизлярский комендант генерал Потапов, который по ложному обвинению кабардинцев в хищении семи казаков угнал из Кабарды 22 200 овец, 33 чабана, 14 быков, 5 лошадей и унес 28 ружей [20, т. II, 285, 286].

В течение XIX и начала XX в. применение барамты русской военной администрацией к народам Северного Кавказа возрастает и, наконец, принимает тот уродливый вид, описанный Я. Абрамовым, когда по всякому поводу и без повода барамтовали. Больше того, вся территория края была поделена на участки, приписанные к определенным казачьим станицам, которые несли полную ответственность за любую пропажу в станицах. Абрамов даже приводит случаи, когда «один обыватель поправил свои дела, пользуясь правами ответственности туземцев» [2, 29].

Проследить весь эволюционный путь развития данного обычая в одной статье не представляется возможным. Мы и не ставили такую задачу. Если изложенные в ней особенности барамты вызовут какой-то интерес к теме, мы будем считать свою задачу выполненной.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В 1822 году, когда антиколониальное выступление кабардинских феодалов потерпело поражение и многие из них бежали за Кубань, наместник Кавказа генерал Ермолов приказал забрать в качестве барамты оставшихся в Кабарде их крестьян и поселить на левом берегу р. Нальчик, назвав это поселение Вольным Аулом, а кабардинцы нарекли это село Барамтэ.

2. *Абрамов Я.* Кавказские горцы // Материалы для истории черкесского народа. Краснодар, 1997.

3. *Кн. Х-ъ.* Барамта // Терские ведомости. Владикавказ, 1868. № 2.

4. *Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. Спб., 1871. Т. 1. С. 320, 321.

5. *Дубровин Н.* Черкесы (адыги). Краснодар, 1927. С. 121–123.

6. Рефераты заседания VI археологического съезда. Одесса, 1884.

7. УК РСФСР. 1924.

8. Эти данные сообщены Анзоровой Жан, 1832 г. р., проживавшей в гор. Орджоникидзе, ул. Ватутина, 27, умершей в возрасте 127 лет в 1959 г.

9. *Байбулатов Н. К., Блиев М. М., Бузуртанов М. О., Виноградов В. Г., Гаджиев В. Г.* Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России // История СССР. 1980. № 5.

10. ЦГВИА, ф. 52 (дела Потемкина-Таврического), оп. 1/194, д. 286, ч. 3, л. 9.

11. *Даль В.* Толковый словарь. М., 1956. Т. 1.

12. БСЭ. 2-е изд. Т. 4.

13. БСЭ. 3-е изд.

14. *Брокгауз Ф. А.* Энциклопедический словарь.

15. Юридический словарь под ред. П. И. Кудрявцева. М., 1956.

16. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1956. Т. 1.

17. *Преображенский А. Г.* Энциклопедический словарь русского языка. М., 1956. Т. 1.

18. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.

19. Адыгэ IуэрыIуатэхэр. Нальчик, 1969. Т. II.

20. КРО. Т. I–II.

21. Применение барамты по мелким криминальным случаям практически не представлялось возможным, т. к. организация барамты требовала людей, времени, средств и особые условия.

22. Барамта не знала деления правоотношений на уголовные и гражданские. Поэтому, возможно, что в XIX в. с развитием товарно-денежных отношений применение барамты практиковалось против злостных должников, как пишет Кн. Х-ъ., но в архивных материалах XVI–XVIII вв. мы не встретили подобных фактов.

23. Обычное право кабардинцев не знало срока давности, почему уголовные дела длились десятилетиями.

24. АВПР, ф. Кабардинские дела.

25. АВПР, 1746, ф. 1/4, д. 7, л. 12 об.

26. АВПР, 1747, оп. 1, д. 7, л. 27 об.

27. АВПР, 1747, оп. 1, д. 7, лл. 27 об.–28.

28. АВПР, 1750, оп. 1, д. 8, л. 49.

29. АВПР, 1751, оп. 1, д. 7, л. 17.

ГЕНЕАЛОГИЯ КАБАРДИНСКИХ КНЯЗЕЙ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

...седая древность при всех обстоятельствах останется необычно интересной эпохой для всех будущих поколений, ибо она является основой всего позднейшего прогресса...

Ф. Энгельс

Уважение к прошлому – вот черта, отличающая подлинную образованность от дикости.

А. Пушкин

Современная историческая наука включает в себя три органически связанных между собой и обусловливающих друг друга раздела: общий (или основной), специальный и вспомогательные исторические дисциплины.

Задачи и предметы исследований вспомогательных исторических дисциплин разнообразны, как разнообразны они сами. Роль же их трудно переоценить. Они образуют своего рода «кладовую», откуда поступают уточненные источники по всем проблемам общего и специального курсов.

Поэтому чем глубже и детальнее разработаны вспомогательные исторические дисциплины, тем выше степень научной обоснованности первых двух разделов истории и, наоборот, развитие последних влечет за собой возникновение и становление дисциплин третьего раздела. Отсюда состояние вспомогательных исторических дисциплин можно считать в известном смысле критерием уровня развития исторической науки в целом.

Здесь нет необходимости перечислять все исторические дисциплины, число которых превышает два десятка, а только отметим, что генеалогия – одна из них, изучающая историю отдельных лиц, семей, фамилий, родов, их ветвей, родственных связей между ними.

Генеалогию подразделяют на практическую и научную. Первая, видимо, возникла еще до появления письменности в виде легенд, преданий как потребность складывающегося господствующего класса в целях закрепления за собой и за своим потомством достигнутых экономических, социально-политических прав и привилегий. Эти легенды (предания) устно передавались от поколения к поколению, а с расширением функций письма сложились в родословные записи и книги.

Так задолго до возникновения письменности и писанной истории у кабардинцев сложились предания о происхождении и истории их князей, которые вошли в общерусские родословные книги, представляющие ныне ценнейший исторический источник [1, 383–387].

Практическая генеалогия и сегодня имеет хождение в ряде государств, но и в нашей стране, где сословно-классовое деление общества ликвидировано, она не утратила

смысл. Поэтому в настоящей работе речь пойдет только о научной генеалогии, которая приобретает все большее значение в советской медиевистике.

«Без генеалогических сведений, – пишет видный советский историк А. А. Зимин, – нельзя понять ни историю феодального землевладения, ни складывания господствующего класса и центрального аппарата власти, ни, наконец, сложных перипетий политической борьбы эпохи феодализма» [2, 56].

С этим положением А. А. Зимина трудно не согласиться. Генеалогические исследования, действительно, позволяют проникнуть в глубинные процессы всей системы феодализма. Они как бы воскрешают людей того времени с их страстями, проблемами и методами их разрешения.

Кроме того, генеалогические сведения подчас проливают свет на весьма отдаленные от задач генеалогии вопросы и приводят к неожиданным результатам. Кстати, предлагаемые схемы родословного древа, помимо генеалогической информации, косвенно освещают ряд неясных моментов истории Кабарды, такие как: вопрос о времени ее обособления от западных адыгов, отделения от нее бесленеевцев, разграничения самой Кабарды на Большую и Малую и др.

Собственно, эти особенности генеалогии предрешили написание данной работы. Интерес к ней возник чисто практический еще в процессе исследования темы кандидатской диссертации.

Дело в том, что несмотря на большие успехи советского кабардиноведения, историческая литература по Кабарде бедна людьми – творцами исторического процесса, а сведений о них и того меньше. Создается впечатление какого-то вакуума, тогда как происходившая острая борьба внутри страны и за ее пределами, свидетельствует об обратном. Этот пробел существенно препятствовал выявлению причинных связей важнейших событий и воссозданию более или менее определенной картины рассматриваемого отрезка времени. Ввиду этого пришлось начать поиски, которые с годами дали обильный материал, потребовавший уже специального их исследования.

Предлагаемые родословные схемы и комментарии к ним – первая попытка разработать научную генеалогию Кабарды в таком объеме. Сознавая сложность поставленной задачи и возможность упущений в систематизации материалов многовекового генеалогического пласта, данная работа не претендует на всеохватывающее и точное освещение проблемы. Однако автор будет удовлетворена, если она явится полезным пособием по изучению истории родного края и исходной позицией дальнейших изысканий.

Родословие кабардинских князей сравнительно рано привлекло к себе внимание ученых. Им занимались не только ученые, путешественники (русские и иностранные), представители русской военной администрации на Кавказе, но и само царское правительство собирало данные на протяжении XVI – первой половины XVIII вв. Благодаря такому повышенному интересу к разгадке тайн происхождения кабардинских князей, вызванному большей частью целями практической генеалогии, появились различные родословные схемы, карты и записи, использованные нами.

Перечисленные источники по своим достоинствам далеко неравноценны, хотя каждый из них примечателен с разных точек зрений. Но две уникальные родословные записи ни с чем несравнимы и по времени возникновения, и по широте хронологи-

ческого охвата, и по достоверности и многообразию сообщаемых сведений. На их характеристике и анализе необходимо остановиться более подробно.

Первая из них – «Род черкаских князей и мурз» – входила как 28-я глава в общерусскую родословную книгу, принадлежавшую А. М. Пушкину [3, 321, 322, 325, 326; 1, 38], а вторая – «Род кабардинских и черкаских мурз и князей» – 28-я глава другой общерусской родословной книги, владельцем которой был князь А. И. Лобанов-Ростовский [3, 172–172, 175, 176, 179, 173–175, 177, 178]. Оба памятника впервые опубликованы С. А. Белокуровым, труд которого теперь стал библиографической редкостью [4; 1–8].

В 1957 г. эти родословные вторично изданы в качестве приложения к I тому «Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.» [1, 383–387].

Составители этого тома Н. Ф. Демидова и Е. Н. Кушева высоко оценили обе родословные как исторические источники. По их мнению, они были записаны в Москве почти одновременно со слов приезжих кабардинцев в начале 40-х гг. XVII в., поскольку факт крещения кабардинского «пши» Сунчалея Сунчалеевича, имевшего место в 1642 г., отсутствует в обеих росписях. Эта гипотеза не лишена логики, но нельзя ее считать неуязвимой.

По некоторым нашим наблюдениям, интересующие нас родословные возникли независимо друг от друга и в разное время, хотя оба источника, должно быть, сложились не позже второй половины XVI в.

Во-первых, текстологический анализ родословных не дает оснований считать одну из них копией другой, т. к. они существенно разнятся и по содержанию, и по объему, и по написанию личных имен. «Пушкинская», например, родоначальником кабардинских князей признает Инала, а «Лобановская» – Акабгу. В первой не упоминается ни одного женского имени, тогда как вторая дает интересные данные о кабардинках, заслуживающие специального описания. Пожалуй, нет также оснований полагать, что вся эта легенда была записана, как говорится, в один присест в таком виде, в каком она дошла до нас. Скорее, возникнув однажды, обе родословные периодически пополнялись и подвергались изменениям в силу ряда причин. Следы же поэтапного их развития стерты в результате переписок. Как известно, в практике московского делопроизводства XVI–XVII вв. столпцы часто приходили в ветхость и их переписывали. Надо думать, что родословные не являли собой счастливое исключение, а каждая переписка вольно или невольно вносила свою коррективу в тексты. Кроме того, мобильность родословных, вообще, диктовалась естественными изменениями составов семей, родов и т. д. Таким образом, рассматриваемые памятники, на наш взгляд, – не простые копии с оригиналов XVII в., а прошедшие солидную переработку материалы.

Во-вторых, интерес к родословию кабардинских князей у Москвы мог появиться лишь после ее сближения с Кабардой и начала притока в Россию представителей кабардинской аристократии как родственников царя, которых приравнивали по статусу к высшей русской знати. В условиях тогдашней московской действительности, где любое назначение на правительственные посты лимитировалось институтом «местничества», вопрос об определении места в сословной иерархии новоявленных родственников царя становится настоятельной необходимостью, что и, должно

быть, явилось первопричиной составления родословной кабардинских князей. Такая проблема могла всплыть в связи с крещением и переходом «на вечную» русскую службу шурина царя Ивана IV Салтмана – Михайла Темрюковича Черкасского, т. е. в конце 50-х гг. XVI в.

За неимением письменных данных, естественно, в основу первой родословной записи легла легенда и сведения о реально существовавших в то время князьях. Думается, что она и явилась протографом «Пушкинской» родословной. В пользу подобной версии говорит тот факт, что данная родословная ограничивается сугубо целями практической генеалогии, т. е. установлением древности кабардинских князей и степени родства между ними, тогда как круг вопросов, которыми интересуется «Лобановская», довольно широк. Подобная пытливость более присуща Посольскому приказу, который позже стал ведать делами Кабарды. Все это наводит на мысль, что протограф «Пушкинской» родословной зародился вне стен Посольского приказа, а «Лобановская», напротив, – порождение последнего.

Текстологический анализ обоих источников убеждает в правильности выдвинутой идеи. Пожалуй, об этом лучше скажут выдержки из них. О тесте Ивана Грозного Темрюке Идаровиче «Пушкинская» гласит: «У Идара-Мурзы дети: Комургун (т. е. Темрюк. – *Е. Н.*) да Желегот да Канбулат да Елбузда; а у Биту-Мурзы дети: Енбутлуко да Кануко – бездетен; а у Кемургуко-Мурзы (т. е. Темрюко. – *Е. Н.*) дети: Мамстрюк да Домонуко да Салтман, в крещении князь Михайло, а у Желегота мурзы дети: Ардашов – бездетен да Иланд – бездетен да Канклыч...» [1, 383].

Здесь обращает на себя одна особенность: после имени каждого покойного князя, не оставившего наследника, ставится слово «бездетен». Следовательно, протограф «Пушкинской» родословной писался еще при жизни князя Михайла Темрюковича. Эта деталь, не стертая переписками, сужает возможную дату его составления между 1557–1571 г., т. к. в 1571 г. он уже был казнен.

Теперь посмотрим, что пишет «Лобановская» родословная о тех же князьях. «А у Идара – князя – 5 сынов. 1 сын Темрюк, князь кабардинский (т. е. старший князь Кабарды. – *Е. Н.*), а у Темрюка – князя – 3 сына: 1 сын Доmануко, 2 сын – Мамстрюк – князь, княжеством кабардинским пожаловал государь, а в Кабарде княжества ему не дано было, 3 сын – Салтанкул, а во крещении было ему имя князь Михайло Темрюкович, и князь Михайло на Москве умре бездетен» [1, 384].

Как видно, приведенные цитаты текстуально существенно расходятся. Во-первых, написание личных имен резко, порой до неузнаваемости, отличаются; во-вторых, порядок старшинства среди сыновей Темрюка не совпадает; в-третьих, Темрюк и Мамстрюк в «Пушкинской» – «мурзы», а в «Лобановской» – «князья», в-четвертых, отмечаемый в последней факт выдачи Мамстрюку грамоты царя на княжение в Кабарде отсутствует в «Пушкинской»; в-пятых, и самое главное, Салтман-Михайло по тексту «Пушкинской» росписи жив, а по «Лобановской» – «На Москве умре – бездетен», что точно соответствует с версией, распространяемой тогда Иваном Грозным, чтобы скрыть казнь своего шурина.

«Лобановская» родословная отличается, вообще, обилием сведений о причинах кончины князей. Если бы она писалась в XVII в., как полагают Н. Ф. Демидова и Е. Н. Кушева, то непременно в ней отразилась бы истинная причина смерти князя Михайла Темрюковича. Только страх перед грозным царем, запретившим упомянуть

о казни его шурина, мог заставить писца придерживаться официальной формулировки.

Это обстоятельство недвусмысленно намекает на то, что «Лобановская родословная» первоначально была составлена при жизни Ивана IV. На возможность ее возникновения в стенах Посольского приказа указывает и тот факт, что акт выдачи князю Мамстрюку грамоты царя на княжение в Кабарде отсутствует в «Пушкинской», тогда как в «Лобановской» он описан с реакцией Кабарды на него [1, 38]. Грамота была выдана в 1578 г. [1, 34]. Это позволяет отнести время составления «Лобановской» родословной к периоду между 1571–1578 гг.

В 40-х годах XVII века обрывается запись в обеих родословных. Прямых указаний на этот счет в источниках не имеется. Возможно, это связано с некоторым ослаблением влияния России на Кабарду в середине 40-х гг. XVII в. и прекращением традиционной практики выезда кабардинских князей в Москву на русскую службу. Правда, этот процесс возобновился к концу XVII столетия, но, видимо, отмена «местничества» и прочное положение князей Черкасских среди русской знати ослабили интерес к этому вопросу.

В целом обе родословные записи уникальны. Заключенные в них сведения по Кабарде до середины XVI в. неповторимы. Получить их ни в одном другом источнике невозможно. Однако «Лобановская» представляет наибольшую ценность. Содержащиеся в ней данные о размерах владений князей, о количестве их вассалов, о политической их ориентации, о причинах междоусобиц, о роли женщин в происходящих событиях и многое другое – важный исторический материал. Эти скупые сведения при синхронном использовании с другими архивными данными способны помочь исследователю восстановить довольно-таки полную картину общественно-политической жизни Кабарды того периода.

Данные обеих родословных во многом дословно совпадают, усиливая доверие к ним. Порой удачно дополняют друг друга, но и встречаются явные противоречия. В подобных случаях все сомнительные места тщательно проверены путем сличений и сопоставлений с другими родословными, а где возможно и путем сверки с архивными и литературными материалами. Особую трудность в этом смысле вызывают вопросы, относящиеся к периоду до середины XVI в.

Так, «Пушкинская» считает родоначальником кабардинских князей Инала, а «Лобановская» – Акабгу (видимо, искаженное акIэбгъуэ) [5]. При этом первая опускает одно поколение князей и Табулда оказывается сыном Инала. Вторая же отцом Табулы (Табулды) называет Акабгу. Отсюда Табула-Табулда – внук Инала.

«Пушкинская» вообще не упоминает второго сына Акабгу Беслана, – родоначальника бесланеевских князей, так как повествует только о родословии кабардинских князей. Зато «Лобановская» подробно рассказывает о том, как два брата (Табулда и Беслан Акабгуевичи), поссорившись, разделили подвластное население между собой и, как старший, Табулда остался на месте, «а Беслень от нево из Кабарды откочевал прочь… там его род пошол о Бесленях» [1, 383–385]. Далее, в первой – Идар и Биту родные братья, а во второй – Биту – сын Идара. Всесторонний анализ вопроса убедил нас в том, что версия «Пушкинской» в данном случае заслуживает большего доверия, т. к. дети и внуки Идара и Биту почти ровесники [Там же].

Имеются и другие несоответствия, но они не снижают ценности обеих родословных как исторического источника.

Третья по давности родословная принадлежит перу русского генерал-майора Еропкина, служившего долго на Кавказе. Это большая генеалогическая карта с комментариями автора под названием: «О роде кабардинских владельцев», представляющая несомненный научный интерес [6, оп. 115/1, 1732, д. 2, лл. 1–2].

Со слов самого автора она записана в Кабарде осенью 1732 г. «по вопросам многих старожилых знатных кабардинских людей» [Там же, л. 1].

Как и в «Пушкинской», здесь у истока рода кабардинских князей поставлен Инал «об одном глазе». По Еропкину, глаз Инала выбит «от братьев ево», но ни в схеме, ни в комментариях к ним «эти братья» не значатся.

Сличая данную родословную с предыдущими, приходится констатировать факт стирания в памяти народной менее ярких легендарных личностей. Рассказчики первой половины XVIII в., служившие источником еропкинского труда, опускают два поколения князей от Инала до его правнуков, омолаживая тем самым родоначальника кабардинских князей на 70 лет. Это важная и настораживающая деталь, ибо какая гарантия в том, что и рассказчики XVI в. не опустили ряд колен генеалогического древа по той же естественной причине!

В «Еропкинской» родословной правнуки Инала выдаются за его сыновей. В их число введен даже праправнук Инала Келахстан. Но о потомках последнего нет сведений. Автор ограничивается указанием, что «оной Келахстан, перешед за Терек, поселился, где ныне зоветца Малая Кабарда [7] не в дальности от чеченцев» [6, оп. 115/1, 1732, д. 2, л. 1].

Нет сведений и о другом правнуке Инала Талоустане, который также передвинут на два поколения. Однако здесь еропкинская генеалогия дает точный географический ориентир о местоположении княжеского удела Талаустаней. «Оной Тахлостан, – пишет Еропкин, – по разделе з братом, пошол и поселился в Татартупе, вблизи от Большой Кабарды» [Там же, лл. 1–2].

Род Идара изображен Еропкиным кратко и небрежно, хотя и здесь объяснение автора дает ключ к раскрытию причин расширения территориальных владений потомков Беслана II – будущих князей Большой Кабарды. Так, автор отмечает: «Оные (т. е. потомки Идара. – *Е. Н.*) в прежние года выехали в Россию, а после их владение осталось мало братьям их. А как братья их померли, то владение их разделили Бекмурза з братьями», т. е. князья Жамболатовы [Там же, л. 1].

Действительно эта ветвь, т. е. Идаров род, сильно сократилась в первой половине XVII в., а к концу столетия совсем пресеклась [8].

В родословной Еропкина Беслан I – правнук Инала – ошибочно показан сыном последнего, но опять-таки автор вносит ценное уточнение: «Оной Беслан, – читаем в комментариях, – перешед с несколькими людьми за Кубань, и поселился в горах и потому называетца ныне бесланейские черкасы» [6, оп. 115/1, 1732, д. 2, л. 1].

Имеются неточности и в схеме основного генеалогического ствола кабардинских князей, собственно, владение которых стало называться Большой Кабардой. Во-первых опущен Беслан II – прапраправнук Инала, от которого пошли князья Большой Кабарды. Во-вторых, единственный сын Беслана II Кайтуко I у Еропкина оказался внуком Инала. Однако генеалогическое древо известного князя Кази (VIII поколение

от Инала) приобретает строгую стройность, обнаруживая большую осведомленность его автора [Там же, л. 2]. Эта часть работы Еропкина наиболее достоверная. Она содержит и другие сведения. Так, над именами князей имеются особые авторские пометки об их внешнеполитических ориентациях, указаны возрасты многих лиц, важные для датировки, выделены те, кто из них бывал или в данное время находится в аманатах.

Надо отметить, что генерал Еропкин хорошо был осведомлен о политических настроениях князей, т. к. стоял в Кабарде более двух месяцев в момент острой борьбы за власть между удельными князьями, с одной стороны, и введенными в страну крымскими и русскими войсками, с другой [6, 1732, д. 2, л. 1].

Еропкинская родословная сообщает новые сведения о судьбе потомства князя Клыча (Клыш). «От оного Клыча дети, – пишет Еропкин, – за убожеством княжества отстали (т. е. лишились. – *Е. Н.*) и ныне от них уздени» [6, 1732, д. 2, л. 1].

По разнообразию и достоверности сообщаемых фактов ни одна из последующих родословных не может сравниться с «Еропкинской».

Четвертая родословная, использованная нами, написана неизвестным автором. Она извлечена из архива Г. А. Кокиевым и опубликована им под названием «Родословная карта кабардинских князей» [9, 72–78].

Карта обнаружена в архивном деле за 1744 г., но на этом основании нельзя считать 1744 г. временем ее возникновения. На ней отсутствует целое поколение людей, отраженные в «Еропкинской», следовательно, она старше последней на 35–50 лет [10].

Родословная 1744 г. снабжена короткими авторскими пометками, касающимися незначительных событий. Она разделена на два генеалогических древа: «Малая Кабарда» и «Большая Кабарда». При этом необоснованно Инал со всем своим потомством отнесен к Малой Кабарде, а родословие князей Большой Кабарды берет свое начало только с первой четверти XVIII в., т. е. с князя Кази Пшеапшоковича, убитого в 1615 г. [1, 97–98].

Потомки Кази за XVII в. сравнительно полно изображены на этой карте, но другая ветвь князей Большой Кабарды – Шогенуковы – отсутствует. Идаров и Битуев роды, перемещенные также произвольно в Малую Кабарду, представлены путано и далеко неточно. Зато сведения о князьях Тохтамышевых, т. е. роде Клыча – уникальны. Здесь показаны не только все поколения, но и причина их гибели, хотя и они безосновательно включены в число малокабардинских князей.

Ни в одном другом источнике нет столь полных сведений о Келахстановых и Талоустановых князьях за XVII в., как в данной карте. Она удачно продолжает оборвавшиеся записи «Пушкинской» и «Лобановской» родословных до конца XVII в., хотя древняя часть генеалогии этих князей полна погрешностей. На ней всего семь поколений князей, тогда как по данным всех генеалогических карт насчитывается четырнадцать поколений.

«Карта 1744 г.», как и «Еропкинская», укорачивает генеалогическую линию на два поколения по сравнению с «Пушкинской» и «Лобановской».

Все сказанное создает впечатление, что «Карта 1744 г.» составлена неизвестным автором со слов жителей Малой Кабарды не позже последней четверти XVIII в. Известный интерес проявил к данной проблеме и кавказский генерал-губернатор

П. С. Потемкин. По его схеме Кес – родоначальник кабардинских и бесленеевских князей – выходец из Аравии, у которого якобы было два сына: Инал и Шамбока. От последнего пошли бесланеевские князья, а от Инала – Атажукины, Мисостовы, Джамбулатовы. Как видно, из его схемы выпадают все остальные ветви.

Далее автор ошибочно считает Шогенухо, а точнее Шегенуко Пшеапшокова сыном Инала. «Поколение сие, – пишет Потемкин, – было в Кабарде в особливом уважении. Старший из оного составлял род самовластного владельца, но в конце прошлого века (т. е. XVII. – *Е. Н.*) по ненависти к нему других князей, не терпя его гордости, учинен был заговор, и истреблено сие колено даже до младенца. От Джамболатовой фамилии произошли все те черкеския князи, которые ныне находятся под названием Алегукиных и Бековичей» [1, 359–364].

Здесь два события спутаны. Из-за гордости и высокомерия истреблен род Тохтамыша (см. родословную карту № VII) [11]. Что же касается Шогенуковых, то они погибли от рук Джамболатовых (см. родословную карту № IV «А») [12].

Следует уточнить и второе сообщение Потемкина. Русские князья Черкасские (Алегуковы) произошли от Идарова рода (см. родословную карту № II), а Бекович-Черкасские – действительно выходцы из Джамболатовой фамилии.

Вопросами генеалогии кабардинских князей занимался и русский академик Петр-Симон Паллас в его бытность на Кавказе в 1793–1794 гг. [13, 214–224].

Составленная ученым родословная внешне охватывает всех князей Большой и Малой Кабарды от Инала до конца XVIII в., но фактически она страдает большими недостатками. В ней – только семь поколений, т. е. генеалогическая линия сокращена ровно на половину [Там же, 217].

На карте значатся всего 35 человек, о которых нет никаких сведений. Единственная авторская пометка о Касае Атажукине, который якобы «служил при Петре Великом во время его Персидской компании», не соответствует действительности [14].

Кази Пшеапшокович (восьмое поколение от Инала) на схеме Палласа значится сыном Инала, Келахстан и Талоустан, жившие за три поколения до Кази, оказались моложе последнего на одно поколение. В целом родословная Палласа не представляет научного интереса как исторический источник.

Вслед за академиком путешествовал по Кавказу польский граф Ян Потоцкий (1798), оставивший также генеалогическую карту кабардинских князей [13, 225–234]. Поиски Потоцкого обращены в глубь веков с целью установления происхождения названных князей, которых автор считает выходцами из Аравии [13, 228].

Добытые Потоцким сведения не подкреплены ссылками на источники. Генеалогическая линия, у истоков которой он ставит некоего Ноэ, его сына Сема и четырех внуков, обрывается и уже без связи с предыдущими, появляется Абдун-хан – изгнанник из Аравии.

Этот хан, по автору, после долгого мытарства, обосновался в Крыму у р. Кабарда, где проживали черкесы [Там же, 229]. «Там у Абдун-хана родился сын, которого он назвал Кисрай в знак дружбы к римскому цезарю, но черкесы прозвали его «Кесс», что означает «рубить» или «удар саблей» [15].

По Потоцкому Абдун-хан переселил этих черкесов из Крыма на Кубань. Здесь ему наследовал Кесс, Кессу – Абду-хан, последнему – будущий отец Инала Хруфатая-Волосатые ноги [16].

Об Инале автор сообщает интересные данные. «Инал был мужественным, – пишет он, – осторожным и щедрым; при его правлении многие народы подчинились ему и стали жить по его законам. Он правил в течение долгого времени, был известен по всему Кавказу и дальше за его пределами и был удачлив в войнах. До сих пор жители Кабарды говорят о нем [13, 229].

Таковы рассуждения Потоцкого относительно легендарной части генеалогии кабардинских князей. Что же касается исторически известной его части, то автор не дает сколько-нибудь ценных сведений.

Работу Потоцкого опубликовал Генрих-Юлиус-Клапрот, снабдив ее комментариями, но последний не внес ничего существенного [13, 229–231].

В 1807 г. Российская академия наук откомандировала самого Г. Ю. Клапрота на Кавказ для проведения историко-этнографических и филологических исследований [13, 234–280]. Более двух лет путешествовал ученый по Кавказу и Крыму. На базе собранных материалов он написал двухтомный труд, в котором коснулся и вопроса генеалогии кабардинских князей.

Клапрот отверг доводы Рейнегса, Палласа и Потоцкого о переселении кабардинцев из Крыма на Северный Кавказ [13, 258]. По его мнению, адыги одновременно проживали и в Крыму и на Северном Кавказе, но из первого они изгнаны монголами во время Хана Батыя [13, 258].

Эта гипотеза академика заслуживает внимания, но данный вопрос выходит за рамки настоящей работы.

О происхождении кабардинских князей у Клапрота противоречивые суждения. С одной стороны – он признает родоначальником всех адыгских князей некоего выходца из Аравии Арап-Хана, а с другой – справедливо сомневается в этом [13, 259].

Схема его не только не вносит ясность в рассматриваемую проблему, но еще больше запутывает ее. Она выглядит так:

Арап-хан
[13, 259]

Хрупатайя

Инал-Реф (Раскосый) [17]

Тау-Султан   Ахлоу   Мудар   Беслан   Комуква

Талтастани   Шлахстани   Бесленкей – Большой Кабарды

Во-первых, Тау-Султан, а точнее Талоустан, жил за четыре поколения до Ахлоу и Мудара в VI поколении от Инала. Во-вторых, Ахлау (Альхо) и Мудар – троюродные братья и реально существовали в первой половине XVII в. В-третьих, Беслан – отец Комуквы (т. е. Кайтуки). Первый жил во второй половине XV в., а второй – на рубеже XV–XVI вв.

Как видно из этого беглого анализа, схема Клапрота искажает не только номенклатуру, но и сущность вопроса. Это и понятно. Общим недостатком работ по кабардин-

ской генеалогии является незнание ими других источников, кроме низкосортного полевого материала.

В данном случае очевидно, что Клапрот, не ведая о существовании родословных, кроме скудных работ Палласа и Потоцкого, пользуясь рассказами неосведомленных лиц, смешал людей разных поколений, укоротил генеалогическую линию и пришел к ошибочному выводу о том, что родословие кабардинских князей «не идет дальше XVI в.» [13, 407].

Родословную И. Ф. Бларамберга оставим в стороне, как компиляцию с работ Палласа, Потоцкого и Клапрота [13, 409].

Вопрос о времени колонизации кабардинцами современной их территории привлекал внимание ряда кавказоведов, но мало кто из них прибег к генеалогии для решения этой проблемы.

Пожалуй, русский академик Г. Ю. Клапрот первым использовал генеалогические сведения Кабарды в научных целях. Но проблема ученого заключалась в том, что «его генеалогия» не стояла на уровне научной дисциплины. Ошибочная позиция привела его к ошибочным выводам: время господства кабардинцев на Северо-Кавказской равнине омолодил минимум на 300 лет [13, 259].

Русский военный историк П. Г. Бутков в статье «О имени Казак» попытался решить эту задачу по данным генеалогии, но смутные представления о родословии кабардинских князей помешали и ему. Ложно полагая, что Инал – прадед Темрюка Идаровича, умершего в 1570 г., Бутков заключил, что кабардинцы под предводительством Инала заняли их территорию во второй половине XV в. [18, 191].

Из советских кавказоведов Г. А. Кокиев – единственный автор, использовавший данные генеалогии Кабарды в качестве исторического источника. Он применил их к исследованию ряда серьезных проблем (время колонизации кабардинцами нынешней их территории, распад Кабарды на Большую и Малую) [9, 74–75].

По сравнению с его предшественниками, занимавшимися этими вопросами, Кокиев был основательно «вооружен»: он знал работы Палласа, Потоцкого, Клапрота, Буткова и располагал «Картой 1744 г.», которая, при всех недостатках, расширяла диапазон исторического обзора на прошлое Кабарды. Поэтому Кокиев легко отверг концепции Клапрота и Буткова и выдвинул новую дату прихода кабардинцев на современную их территорию – первую четверть XV в. [9, 74]. Однако автор, переоценив достоверность и полноту информации своей находки, впал в ту же ошибку, что и его предшественники. Прежде всего, надо отметить, что Кокиев, не располагая другими источниками, с которыми можно было бы сличить обнаруженную им родословную, не мог знать о том, что она, т. е. «Карта 1744 г.», укорачивает генеалогическую линию [19]. Во-вторых, рассматривая ее без критического анализа, ошибочно признал за дату составления родословной 1744 г. Отсюда Кокиев высчитал десять поколений от Инала до середины XVIII в., вместо тринадцати, что заметно придвинуло время передвижения кабардинцев с Запада на Восток.

Из изложенного видно, что прежде чем использовать данные родословных необходимо путем комплексного изучения всех источников поставить саму генеалогию на научные рельсы.

Для осуществления такой задачи далеко недостаточно простое сличение имеющихся родословных или систематизация материалов. Несмотря на то, что они во

многом дополняют друг друга, порой удачно одна из них продолжает оборвавшуюся линию на определенный отрезок времени, все еще остаются большие пробелы, требуя дополнительных поисков.

Простое восстановление имен князей, собственно, ничего не дает науке. Нужны конкретные сведения о жизни и деятельности живых участников исторического процесса. В этом особую трудность создают разноречие личных имен, употребление синонимов: «бей», «бек», «мурза» с дефисом и без него, использование имени отца или что еще хуже, имени удельного князя вместо фамилий, наличие в одном поколении несколько человек с одинаковыми именами и многое другое.

Чтобы генеалогия стала надежным справочником, необходимо не только заполнить пробелы, устранить перечисленные помехи, но и, как говорится, пропустить весь собранный материал через фильтр, очистить факты от временных и субъективных наслоений. Тут приходят на помощь архивные материалы – разнообразные сведения о людях, отложившиеся в различных правительственных учреждениях России за много веков кабардино-русских связей.

Поиски производились в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАД), Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА), Архиве внешней политики России (АВПР).

Обнаруженные в фондах названных архивов официальные документы, обычные деловые бумаги, личные письма, доезды разведчиков, отписки воевод, походные журналы, реляции дипломатов, рескрипты царей, цариц и многое другое позволили восполнить недостающие колена и снабдить сведениями большинство изображенных на картах лиц.

Серьезным источником для настоящей работы явился двухтомный сборник материалов и документов «Кабардино-русские отношения в XVI–XVII вв.» Приложения к I тому, авторские комментарии и списки личных имен этих томов служили постоянным пособием.

В связи с этим хочется выразить благодарность составителям этого сборника Н. Ф. Демидовой, Е. Н. Кушевой, В. Ф. Букаловой и всем, кто принимал участие в выпуске этой публикации.

Данная работа состоит из 14 генеалогических карт [20] – (№ I – Иналов род: от Инала до пятого колена включительно; № II – Идаров род; № III – Битуев род; № IV – род Беслана I; № IV – род Беслана II; № V – Талоустанов род; № VI – Келахстанов род; № VII – род Тохтамыша; № IV «А» – князья Шогенуковы; № IV «Б» – князья Атажукины; № IV «В» – князья Джембулатовы; № IV «Г» – князья Мисостовы) и одной большой общей генеалогической схемы кабардинских князей начиная от Инала. Отдельно прилагается «Карта 1744 г.» – родословная карта кабардинских князей, обнаруженная Г. А. Кокиевым [АВПР, ф. Кабардинские дела, д. 4, № 37].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М.,1957. Т. I (далее – КРО).
2. *Зимин А. А.* Колычевы и русское боярство XIV–XVI вв. – Археографический ежегодник за 1863 год. М.,1964.
3. Рукописная книга – копия XVIII в., хранящаяся в ф. Рукописный отдел Московского Глав-

ного архива Министерства иностранных дел, д. 179, лл. 321–322, 325–326. На лл. 323–324, 327–330 помещены родословные древа кабардинских князей.

4. *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом // Чтение в Императорском обществе истории и древностей Российских при Императорском Московском университете. М., 1888. Кн. 3. Отд. 1. С. 1–584.

5. АкІэ – хохолок, бгъуэ – широкий. Известно, что кабардинцы носили хохолок еще в начале XVIII в. Имя АкІэбгъуэ – адыгское.

6. АВПР, ф. Кабардинские дела, 1732, оп. 115/1, д. 2, лл. 1–2.

7. Термин «Малая Кабарда» – русский. Вместо этого кабардинцы пользовались названиями княжеских уделов «Келахстаней» (принадлежащий Келахстану) и «Талостаней» (принадлежащий Талостану).

8. См. генеалогическую карту № II – Идаров род.

9. *Кокиев Г. А.* К истории междоусобной борьбы кабардинских феодалов // Ученые записки Института этнических и национальных культур народов Востока (РАНИОН). М., 1930. Т. 2. С. 72–86.

10. Условно ее будем называть «Карта 1774 г.»

11. См. генеалогическую карту № VII – род Тохтамыша.

12. См. генеалогическую карту № IV «А» – князья Шогенуковы.

13. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974.

14. В Персидском походе Петра I участвовал не Касай Атажукин, а Арсланбек Кайтукин с отрядом конников.

15. Слово «Кесс» переведено неточно. КІэс – сидящий на коне сзади наездника.

16. *Хруфатая* дословно означает кудрявая шкура.

17. Перевод имени Инала «Реф» неточен. На всех диалектах адыгского языка *«назэ»* означает раскосый, а *«нэф»* – слепой. Здесь, видимо, вместо «нэф» написано «реф». По многим преданиям его звали «Инал Нэф» – «Инал Слепой» ввиду того, что он был с одним глазом.

18. *Бутков П. Г.* О имени Казак // Вестник Европы. М., 1822. № 22–24. С. 191.

19. См. прилагаемую генеалогическую карту 14 «Родословная карта кабардинских князей 1744 г.», найденную Г. А. Кокиевым в АВПР (в сборнике генеалогических карт. – *А. М.*).

20. Сборник генеалогических карт «Генеалогия кабардинских князей как исторический источник» является приложением к данной книге, и на них автор постоянно делает ссылки в своих статьях и монографии «Кабарда в XVIII в.», ставшей дальнейшей разработкой и расширением круга научных проблем, поднятых им в кандидатской диссертации «Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII в.». Работа над данной тематикой побудила автора заняться параллельно сбором материала и разработкой генеалогии кабардинских княжеских фамилий, т. к. последняя (генеалогия. – *А. М.*), как вспомогательный исторический источник, способствовала более полному раскрытию исследуемой темы и проясняла многие сложные и запутанные моменты политической истории Кабарды XVIII в. Хронологические рамки исследования обусловили то, что генеалогическое древо было доведено до XVIII в. Генеалогия составлена на основе изучения широкого круга литературных, фольклорных и архивных источников. Работая в центральных архивах гор. Москвы, автор постоянно дополнял и дорабатывал генеалогию и, по всей видимости, планировал отдельно издать их как вспомогательное пособие для вузов. Данная статья, предположительно, была написана в качестве вступления и примечаний к сборнику генеалогических карт. Судя по титульному листу печатного оригинала данной статьи, имеющегося в нашем распоряжении, планировалось издать их Министерством высшего и среднего образования в Нальчике в 1978 г. Е. Дж. Налоева считала, что разработанная ею генеалогия может уточняться, дорабатываться, а хронологические рамки расширены за пределы XVIII в. Сама она, при жизни, не успела в силу разных причин, прежде всего, проблем, связанных с ухудшением зрения, доработать и издать данный труд. Исследователи, занимающиеся проблемами генеалогии, опираясь на разработки Налоевой Е. Дж., могут и дальше дополнять и уточнять собранный ею материал.

11 Заказ № 815

Генеалогические карты как вспомогательный исторический источник, помогут исследователям в прояснении и понимании многих проблем политической истории Кабарды, таких, например, как система передачи власти верховного князя (пшышхо) по боковой линии и по старшинству лет, семейно-брачные отношения в среде социальных элит, особенности внутриполитической борьбы в кабардинском феодальном обществе, сюзеренно-вассальные и союзнические отношения с соседними народами и др. Кроме того, генеалогические карты могут быть использованы в качестве наглядного исторического пособия преподавателями истории КБР высших учебных заведений и школ. – *А. М.*

ГИДРОНИМИКА КАБАРДЫ [1]

Гидронимика считается наиболее достоверным свидетельством, подтверждающим проживание на данной территории того или иного этноса. Названия рек Северного Кавказа трудно поддаются расшифровке, в силу чего принято считать гидронимику Кабарды – политического образования, просуществовавшего, по моим данным, с XII по XVIII в. н. э., не соответствующей черкесскому языку. Это послужило основанием переселенческой версии присутствия кабардинцев на Северном Кавказе Абаева [2].

Думается, скрупулезное изучение названий рек Северного Кавказа в определенной степени может прояснить данный вопрос. Не претендуя на полное освещение данной проблемы, по нашему мнению, абсолютное большинство гидронимов Северного Кавказа основано на адыгском языке. Как известно, Кабардинское княжество успело к XV в. колонизировать большую часть Северного Кавказа.

Начнем рассмотрение гидронимов с реки Кубань, адыги называли эту реку Псыжь, что означает в переводе на русский язык «старая река».

Следующая река, текущая с Кавказских гор, называется Кума – это искаженное от адыгского названия «къум» – «степь». Это название оправдывается тем, что она течет по степи и адыгское название ее распадается на «къу» (степь) и «м» – в степи или степная.

Всемирно известная минеральная вода «нарзан» происходит от двух адыгских слов: «нарт» – «богатырь» и «санэ» – «напиток», т. е. «богатырский напиток». И в наши дни пожилые кабардинцы именуют город Кисловодск Нартсанэ. А местность, где сейчас располагается гор. Пятигорск, и ныне именуется Псыхуабэ – Теплая вода.

Следующая река Сэрмак, левый приток реки Малка. При этнолингвистическом анализе данного термина обнаруживается два кабардинских слова: «сэр» – «я» и «макъ» – «голос». Надо отметить, что некоторые пожилые люди и сегодня называют эту реку «псэрмакъ», т. е. вместо «сэр» произносят «псэр», что в переводе с адыгского означает «душа». По поводу названия этой реки существует легенда, которая гласит, будто некий молодожен погиб во время охоты, а его молодая жена с горя бросилась на поиски своего мужа в верховья реки, звала его в течение нескольких дней, погибнув там же. Говорят, что она несколько дней рыдала и звала его, но только эхо раздавалось по ущелью и поэтому люди назвали эту реку Псэрмакъ. За много веков изменилась первая часть слова, и получилось Сэрмакъ, вместо Псэрмакъ, аналогично тому, как си махуэ превратилось в сэр махуэ. В любом случае название этой реки адыгского происхождения.

Следующая река «Куркужин» или «Къулъкъужын», приток Малки. То, что это адыгское слово, не вызывает сомнений. Мы попытаемся расшифровать этот не совсем понятный термин. Звучание первой части этого слова явно подражает шуму реки, когда она падает с гор. Кабардинцы, когда вода выливается из узкого горлышка кувшина или вода с шумом падает с гор, говорят «къулъ-къулъ». Вторая часть слова

содержит адыгский термин «жэн», означающий «течь». Таким образом, смысловой перевод названия этой реки будет «бурлящая река».

Теперь рассмотрим название одной из крупнейших рек Северного Кавказа – Терека. Работа с архивными документами убедила меня, что в период Московского княжества оно писалось не как Терек, а Терк, где кабардинское «ч» заменялось буквой «к». Тем самым местное название реки «Тэрч» дает нам возможность прояснить его этимологию. Мы расшифровываем его следующим образом: «ты» – давать, дающий, «р» – соединительная буква и «чы» – прутья. Я образно представила реку Тэрч того времени, по обеим берегам которой густо росли орешники и другие деревья, молодые поросли которых адыги называют «чы» – прутья. Прутья (чы) с незапамятных времен до конца XVIII в. оставались основным строительным материалом для черкесов. Адыги огораживали свои усадьбы плетнем (чы бжыхь), где выступали в качестве основного строительного материала колья и прутья. Ворота также плелись из прутьев (чы). Все служебные помещения, включая и жилые постройки, строились из плетенных прутьев (чы унэ – дом, чы ду – хранилище для кукурузы в початках, чы бо – конюшня, чы лэгъунлей – кухня, чы матэ – корзина, чы бжыхь – плетень, изгородь, ограда и т. д.).

И вот такой важный строительный материал давали берега реки Терек, по обеим сторонам которой были густые лесные заросли. Тэрч означает «дающий прутья – чы». Приведенные аргументы видятся нам убедительными для такой расшифровки названия «Тэрч».

В дополнение к сказанному хочу обратить внимание на особый способ образования причастного оборота в кабардинском языке. Так, частица «р» часто используется в языке. Например, шхэ – кушай, прибавлением «р» образует шхэр – кушающий; къафэ – танцуй, къафэр – танцующий; лӀэ – умри, лӀэр – умирающий и т. д.

Кабардинскому языку присущ способ образования новых понятий, новых слов соединением двух частей: глагола и существительного или местоимения и существительного. Например: шхапӀэ – столовая, шхэ – кушай, пӀэ – место; плъапӀэ – смотровая, плъэ – смотри, пӀэ – место; гъуэлыпӀэ – кровать, гъуэлъ – ложись, пӀэ – место; жьэрымэ – ритуальная пища в виде жаренных в масле пирожков из теста, жьэр – то, что жарится, мэ – запах.

Мы подошли к знаменитой реке Баксан, которая по-кабардински называется Бахъсэн. Это слово состоит из двух частей: «бахъэ» – пар и «сэн» – сеять. Соответственно, для того чтобы понять как родилось такое название, необходимо рано утром на восходе солнца или в лунную ночь увидеть исток этой реки. Эта красота рассеивания пара, образующегося над вытекающей под большим давлением из скал реки, на всю жизнь осталась в моей памяти как нечто неповторимое. Я до сих пор благодарна своему брату, который рано утром на рассвете отвез меня к истокам этой реки и я стала счастливым свидетелем этой красоты. Поток воды из скал стоит как огромное облако пара, которое опадает и течет рекой. Вот тогда брат спросил: «Теперь ты чувствуешь, почему эту реку назвали Бахъсэн?» И сегодня, вспоминая эту картину, я убеждена, что перевод «сеет пар» абсолютно оправдан.

Правый приток Баксана – Чегем. Кабардинцы называют его Шэджэм. На первый взгляд объяснить смысловую нагрузку этого термина невозможно. Кроме «Шэджэм» в Кабарде протекают еще три реки, названия которых начинаются с буквы «ш». Что-

бы понять значение слова и, в данном случае звука «ш», целесообразно вспомнить западноадыгские реки Шэпс, Шэпсыгъы, родственность названий которых и адыгское происхождение не вызывает сомнений. Гидроним «Шэджэм» можно разложить на две части: «шэ» и «джэм». «Шэ» означает «молоко», «пуля», в повелительной форме «веди»; «джэм» – «зовущий», «зов». Логически молоко здесь не может присутствовать, хотя в истоках реки пенистую воду белого цвета можно сравнить с молоком. Остается «вези», «везти», «движение», «течение». Думается, последнее логически ближе к истине и если соединить это со словом «джэм», то дословный перевод означает – «река течет с зовом».

Если мы сейчас сравним «Шэджэм» с «Шапсыгъы», мы еще больше убедимся в правоте выдвинутой версии, т. к. здесь тоже присутствуют «шэ», «псы» и «гъэ», что можно перевести как «плач текущей воды».

Несомненно, в те далекие времена, когда этим безымянным речным потокам надобно было давать собственные имена, не было кабардинского языка. Адыгские названия в большинстве своем стали архаичными, что порождает трудности в проведении этимологического анализа. И это не удивительно. В самом кабардинском языке есть множество слов, смысловую нагрузку которых невозможно уточнить. Для примера приведу слово «хлеб» (по-кабардински «щIакхъуэ»).

Приведем небольшой список и других гидронимов Кабарды, которые имеют, однозначно, адыгскую этимологию.

Дзэлыкъуэ – ивовая балка;

Псынабэ – обилие родников;

Псыхъурей – водяные круговороты;

ЕтIэкъуэ – земляная, глиняная балка;

Щхьэлыкъуэ – мельничная балка;

Налщыч – подковы срывающая;

Псыдахэ – красивая вода.

Из сказанного можно видеть, что на данной территории проживали адыги – предки современных кабардинцев. Когда еще не существовало кабардинского диалекта, а то, что кабардинцы – часть абхазо-адыгского этномассива не вызывает сомнений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Автор, будучи профессиональным историком, но не лингвистом, высказывает свои догадки и предположения, некоторые из которых могут быть подвергнуты специалистами критике, а некоторые могут и заинтересовать как заслуживающие внимания. Эти мысли не были предназначены для печати в качестве научной статьи, а были в виде черновых набросков сделаны автором, прежде всего, для себя, а также как материал для размышления, который можно было бы предложить ученым, занимающимся профессионально данным вопросом. – *А. М.*

2. Абаев Василий Иванович – выдающийся советский ученый-филолог, языковед-иранист, старший научный сотрудник Института языкознания АН СССР, доктор филологических наук. – *А. М.*

ИДАРОВ РОД
(Комментарий к генеалогии)

Потомство Инала (кабардинская ветвь) в V поколении насчитывало всего 6 человек: Идар (Айдар) и Биту Инармасовы, Беслан и Талоустан Янхотовы, Келахстан Минбулатов и Тохтамыш Кирклышев [1]. Все они – дети четырех родных братьев. Фактически вся Кабарда была поделена между ними, а точнее на четыре наследственные владения, т. к. братья Инармасовы и Янхотовы еще не были в разделе [2]. Во главе их стоял старший князь – пши, реальная власть которого колебалась в зависимости от личных качеств князя. Избирался он из своей среды по старшинству лет. Согласно нашим исчислениям, они жили, примерно, во второй половине XV– начале XVI в.

Документальных данных об этом периоде истории нет, но события, происшедшие при их жизни, позволяют с вероятностью говорить об этом, а генеалогические сведения укрепляют эти предположения. Так, старшим князем в ту пору был Идар Инармасов. Неизвестно, когда он скончался, но ему по традиции старшинства наследовал Сорамурза Тохтамышев. Следовательно, ни Беслана, ни Талостана, ни Келяхстана уже не было в живых. Поэтому раздробление Кабарды, а точнее, выделение новых феодальных владений произошло при Идаре. Двоюродный брат Идара Келахстан Минбулатов получил в удел земли по левому берегу Терека от горы Татар-Туп вверх до Дарьяльского ущелья. По имени князя эта часть стала называться Келяхстаней [3]. Вскоре его примеру последовал младший из Янхотовых Талоустан, который получил земли по среднему течению Терека от горы Татар-Туп, по обеим его берегам. Этот удел также по имени князя стал именоваться Талоустаней [4]. Позже владения последних двух князей в русских документах обозначаются под термином: «Малая Кабарда», но такое название в кабардинской терминологии не встречается. Видимо, оно возникло в XVII в., т. к. в XVI – оно не упоминается в русских документах.

Несмотря на новое раздробление Кабарды, все пять княжеств оставались под юрисдикцией одного старшего князя и любой князь из пяти уделов мог занять этот пост, если только он по возрасту соответствовал. Чтобы обосновать это утверждение, приведем небольшую справку смены старших князей, уже документально известных.

Как отмечалось, даты правления Сарамурзы Тохтамышева не известны, но ему наследовал Темрюко Идаров, княживший до своей кончины, т. е. до 1570 г. С 1570-го по 1579 г. княжил его родной брат Камбулат Идаров [6], с 1579-го по 1605 г. – Янсох Кайтукин (род Беслана I) [7], с 1606-го по 1616 г. – Шолох Тепсаруков (род Талоустана) [8], 1616–1624 гг. – Куданет Камбулатов (род Идара) [9], в 1631 г. грамота на княжение в Кабарде была выдана в Москве князю Нартчо («Нартшу» – «нартский всадник») Ельбоздукову (род Биту), но съезд князей и узденей Кабарды отклонил эту кандидатуру [10].

В VI поколении самым многочисленным из пяти уделов был Идаров род. У Идара было 5 сыновей: Темрюко, Желегот, Биту, Канбулат и Ельбузда. Обычно солидарно

с Идаровыми выступали потомки Биту. Это, видимо, связано не столько с кровным родством, сколько обуславливалось малочисленностью последних. Как бы там ни было, дети и внуки Идара и Биту ко второй четверти XVI в. насчитывали 31 человек мужского пола, тогда как во всех остальных четырех княжествах – всего 13 душ мужского пола.

В те времена количество князей определяло и количество вассалов (узденей), и подвластного населения, а следовательно, и военную мощь, т. к. кабардинские уздени (уорки) являлись своего рода военной кастой. Помимо численного превосходства у Темрюка Идаровича было еще одно преимущество – он был старшим по возрасту и сын старшего князя. Эти одинаково важные два обстоятельства должны были поднять престиж его в тогдашней Кабарде. Вместе с тем нельзя отказать ему и в дальновидности, имея в виду политику внешнеполитической ориентации на Москву. Судя по результатам его правления и общественному весу, Темрюко Идарович обладал и другими незаурядными качествами человека, воина и государственного деятеля.

Чтобы оценить по достоинству историческую роль Темрюка необходимо, хотя бы в общих чертах, представить положение его родины в то время.

Появившееся на развалинах Золотой Орды Крымское ханство в XVI в. претендовало не только на Кабарду, ногайцев и другие народы Северного Кавказа, но и на Астрахань, Казань и даже Московское царство на том основании, что оно некогда было подвластно золотоордынским ханам, потомками которых якобы являлись Гиреи Крыма.

Став вассалом Османской империи в конце XV в., Крымское ханство успело распространить свою власть на часть ногайцев и западных адыгов, в том числе бесланеевцев, и вплотную подошло к границам Кабарды. Его патроны – Османские султаны устроили по всему побережью Черного и Азовского морей цепь военных укреплений, завершая крепостью Азовом, ставшей цитаделью турок на Нижнем Дону.

Не лучше обстояло дело и на Востоке. Длительная борьба двух крупнейших азиатских держав – Ирана и Османской империи – закончилась разделом Закавказья на сферы влияния. Почти со всех сторон Кабарда находилась под давлением внешнеполитических угроз ее самостоятельности: с северо-запада – Османской империи, и ее вассала Крыма, с юго-востока Ирана и подвластного ей Дагестана, с севера и северо-востока ее полукольцом окружали ногайские орды и Астраханское царство. Численность населения Кабарды намного уступала каждому из них. В этих условиях Темрюко Идарович стремился наладить внешнеполитические отношения с соседними государствами при помощи династических браков. Старшую дочь Алтынчач он выдал замуж за Астраханского царя Бекбулата [11]. Вторую дочь – Малхоруб выдал за главного мурзу Большого Ногая Измаила, третью – Кучаней за Ивана Грозного, а родную племянницу Айшафат Желиготовну – за Крымского хана Девлет-Гирея. Эти меры стабилизировали международное положение Кабарды, упрочили и подняли престиж самого князя Темрюко, но вместе с тем увеличили и его врагов (тайных и явных) внутри Кабарды. В это время еще не произошло деления Кабарды на Большую и Малую, а если быть точнее, выделения двух княжеских уделов за Тереком – Талоустанова и Келяхстанова. Все эти изменения произошли после смерти Темрюка, когда обострились распри между князьями на фоне борьбы за земельные владения, крестьян, вассалов и т. д.

В итоге этих междоусобий некогда мощный Идаров род оскудел. Первый удар нанесло Крымское ханство, которое не хотело допустить усиления влияния Москвы в Кабарде. После известия о постройке военного городка на Сунже хан Девлет-Гирей послал своего сына Адыль-Гирея с войском против Кабарды весной 1570 г.

В сражении, которое произошло у абазин, Темрюк потерпел поражение: два его сына Мамструко и Биберуко попали в плен, сам он получил тяжелое ранение, от которого, видимо, и умер.

Вскоре старший его сын, Солтман, в крещении Михайло Темрюкович, занимавший видный пост в правительстве Ивана Грозного, был казнен. Второй его сын Думануко был убит князьями из рода Беслана II [12].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. У кабардинских князей не было фамилии в современном ее понимании, отчество ее заменяло.
2. Видимо, в силу малочисленности Битуева рода, они выступали солидарно с Идаровыми.
3. См. генеалогическую карту № VI // Генеалогия кабардинских князей как исторический источник.
4. См. генеалогическую карту № V // Генеалогия кабардинских князей как исторический источник.
5. Точно дата смерти Темрюко Идаровича не установлена, но после тяжелого ранения, полученного в сражении с крымцами в 1570 г., его имя более в документах не встречается.
6. См. генеалогическую карту № II // Генеалогия кабардинских князей как исторический источник.
7. См. генеалогическую карту № IV, «Род Беслана I».
8. См. генеалогическую карту № V.
9. См. генеалогическую карту № II.
10. См. генеалогическую карту № III.
11. Сына Алтынчач от этого брака Саин-Булата, в крещении Семион Бекбулатович, Иван Грозный назначил Великим князем Московским в 1575–1576 гг.
12. См. генеалогическую карту № IV «Род Беслана II». На этом рукопись Е. Д. Налоевой обрывается. – *А. М.*

ЛЕГЕНДАРНАЯ ИЛИ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ ИНАЛ?

Историю Кабарды до середины XVI в. приходится восстанавливать по данным археологии, этнографии, фольклора, эпизодических сообщений редких путешественников и по другим косвенным источникам. Поэтому обозначенные в предлагаемой работе имена князей, от Инала до Идара, не подтверждаются иными материалами, кроме как историческими преданиями (даже самые ранние из них составлены по преданиям). И тем не менее достоверность личности Инала не вызывает сомнений.

Как будет показано в дальнейшем, на протяжении сотни лет имя Инала оставалось в памяти народа как самого выдающегося князя, при котором у кабардинцев сложилось сравнительно сильное государство, втянувшее в орбиту своего влияния и другие народы Северного Кавказа. Больше того, в представлении кабардинцев, период его правления являлся образцом единовластия и порядка вплоть до конца XVIII в.

Как отмечено во вводной части, многочисленный полевой материал, собранный разными исследователями в разное время, единодушен в высокой оценке личности и деятельности Инала. Несомненно, подобного рода убедительными сведениями располагал академик Ян Потоцкий, когда писал, что «Инал был мужественным, осторожным и щедрым; он правил в течение долгого времени, был известен по всему Кавказу и дальше за его пределами и… удачлив в войнах» Далее в подтверждение сказанного автор заключает: «…до сих пор жители Кабарды говорят о нем» [1, 229].

Заметим, что Потоцкий собирал сведения об Инале в самом конце XVIII в., т. е. минимум четыреста лет спустя после его смерти.

Аналогичную характеристику Иналу дает и Ш. Ногмов на основании собранных им исторических преданий. «Инал был щедро одарен природою, – пишет Ногмов, – он имел все качества великих и добродеятельных людей. Под его твердым и благоразумном управлением прекратились смуты и беспорядок между адыхейцами. Приобрев доверенность народа, он упрочил свою власть и успел примирить враждующие стороны и соединить разъединенные силы…, что обеспечило ему любовь и уважение адыхейских племен» [2, 69, 70].

Перед нами – не панегирик из средневековых легенд, а историческое резюме народа, если хотите устная летопись, которыми, на наш взгляд, историк не должен пренебрегать, хотя следует осторожно использовать данные этого рода источников.

Кабардинские князья в XVIII в. нередко ссылались на Инала при возникновении серьезных территориальных и политических споров, именем его аргументировали свои права на те или иные земли и народы, а порой с сожалением говорили о былом могуществе Кабарды при Инале, как о неповторимом периоде их истории.

После Прутского договора 1711 г., когда Россия вынуждена была временно отказаться от идеи присоединения Кабарды, последняя оказалась лицом к лицу с сильнейшим агрессором – Крымским ханством. В этих условиях кабардинский

князь Аслан-Бек Кайтукин предпринял демарш с целью упрочения политического статуса своей родины: он обратился с обширным посланием к Петру I, а сам поспешил ему на встречу с отрядом конницы для участия в «Персидском походе царя». В этом послании князь убеждал императора, что издавна существует граница между Кабардой и Крымом, которая проходит по Кубани и что последний никаких прав не имеет на земли «по сю сторону Кубани», т. к. на них кабардинцы обитают еще со времени Инала. На этом основании Кайтукин просил Петра I официально заявить Порте и Крыму о том, что вся территория Кабарды, от Кубани до терских казаков принадлежит Российской империи, т. к. Кабарда «издавна обретаетца в протекции Российских государей» [3, 1722, д. 3, л. 8].

Как видно, единственный аргумент, которым князь доказывал право Кабарды на земли «по сю сторону Кубани» – это то, что его прародитель Инал владел ими, но Кайтукин убежден в своей правоте ничуть не меньше любого дипломата с ратифицированным документам в руках. Забавно? Напротив. Кайтукина надо рассматривать с учетом той исторической действительности, в которой он жил. Надо понять его социальную психологию, его сословные притязания и, наконец, разглядеть за скупыми фразами тогдашнего делопроизводства живого человека с устоявшимися понятиями того времени.

А. Кайтукин – феодал, а неписаный кодекс феодального права давал ему основание считать себя владельцем указанных земель как наследника Инала. В доказательство же того, что он – прямой потомок Инала, князь ссылается на генеалогические предания. [4]. Вот такую важную роль играло родословие в ту пору, потому-то его бережно хранили в памяти народа, передавая от поколения к поколению. Собственно, оно выполняло функцию официального документа, функцию писаной истории. На этом зиждилась убежденность Кайтукина и его современников. Они были уверены, что Инал реально существовал, владел определенными землями, которые по наследству достались им – кабардинским князьям.

Не менее примечательна и другая ссылка на Инала. В середине XVIII в. Крымское ханство, потеряв надежду завладеть Кабардой, усилило свои притязания на абазин, находившихся в вассальной зависимости от князей Большой Кабарды. Спор нередко переходил в вооруженное столкновение, но стороны не шли ни на какие компромиссы и конфликт зашел в тупик.

Стоявшая за спиной Крыма Оттоманская Порта не могла в одностороннем порядке начать военные действия против Кабарды, не опасаясь противодействия России, т. к. по Белградскому мирному договору 1739 г. обе империи обязаны были совместно разбирать все могущие возникнуть с Кабардой инциденты [5, 189, 190]. В связи с этим турецкий султан сделал представление русской императрице Елизавете Петровне о нарушениях кабардинцами условий Белградского мира, предлагая созвать смешанную, русско-турецкую, комиссию для обуздания нарушителя. В целях ознакомления обвиняемой стороны с содержанием султанской ноты и определения позиции России в работе предстоящей комиссии из Петербурга прибыл майор Барковский. В Кабарде срочно созывается съезд князей и узденей обсудить создавшееся положение. Докладывать позицию Кабарды поручается удельному князю Магомету Кургокину из Атажукина рода.

В пространной речи князь обстоятельно изложил историю перехода абазин под

покровительство Кабарды еще при Инале. Докладчик поименно назвал тех абазин, которые переселились во владения Инала со своими подвластными и закончил свою речь столь же категорично, как и Кайтукин. Представление Оттоманской Порты, сказал он, «несходно понеже оныя абазинцы наши суть, ибо абазинской народ... из гор вышел к прапрадеду нашему Иналу. И от времени оного Инала помянутые алтыкесек абазы наши, а в Крымском подданстве ни одного двора нет, и крымцы ложно в них вступаютца» [3, 1748, д. 3, лл. 8–10]. В подтверждение сказанного Кургокин также ссылался на родословную князей Большой Кабарды [6].

Чрезвычайно важно отметить, что доводы кабардинской стороны удовлетворили русское правительство, которое на протяжении ряда лет отстаивало перед Портой принадлежность абазин к Кабарде, с чем вынуждена была согласиться и Турция [3, 1736, д. 5, л. 4].

В данном случае перед нами не мифическое и даже не историческое предание, а международное соглашение, в котором Инал и события, совершившиеся при нем, фигурируют как факты.

Остановимся еще на одном напряженном эпизоде из истории XVIII в., когда кабардинцы пытались отстоять свои права в международном конфликте ссылаясь на Инала. Вскоре после описанных событий Крым выискал новый предлог для конфликта с Кабардой. На этот раз поводом к обвинению послужили беглые бесленеевские крестьяне. Бесленеевцы, как и другие западные адыги, рано попали в зависимость от Крымского ханства. И вот в конце XVIII в. там разыгралась трагедия: крымский калга Шахбаз-Гирей был убит в доме бесланеевского князя Конокова его же людьми при подстрекательстве соперников калги – крымских царевичей [7, 19]. В результате ряда жестоких карательных экспедиций крымских войск владение Конокова было разгромлено. Сам Коноков, его сыновья и многие вассалы погибли, а женщин и детей крестьян крымцы угнали в рабство [3, 1753, д. 7, л. 72 об.]. Спасшиеся во время этих погромов крестьяне скитались по лесам, но потом кабардинский князь Кайтуко Джамбулатов собрал их и, дав гарантии безопасности, поселил на своей земле [3, 1753, д. 7, л. 72 об.].

Уже в середине XVIII в. новый крымский хан Аслан-Гирей вспомнил об этих бесланеевцах и в ультимативной форме потребовал выдачи беглецов. Собственно, беглецов уже не было в живых. Речь могла идти лишь об их детях и внуках, рожденных в Кабарде. Спор принял международный характер. В него вмешались и Турция, и Россия.

Расспрошенный по этому делу князь Касай Атажукин ответил, что он считает правомерным переход «осиротевших» крестьян князя Конокова к князю Джамбулатову, т. к. «все кабардинские... и бесланейские владельцы одной Иналовой фамилии дети» [3, 1753, д. 7, лл. 212–213].

Если оставить в стороне решение судьбы крестьян и вникнуть в слова Атажукина, нетрудно заметить, что как для него, так и для его современников, в частности, для Кайтукина и Кургокина, Инал – их реальный предок, при ком сложились их жизненные устои, чему они свято преданы. Это и понятно. Они мерят категориями суждений своей эпохи, а для эпохи феодализма характерно придание особой значимости опыту предков, обычаям и традициям.

Хотя приведенные факты дают позитивный ответ на поставленный вопрос, со-

шлемся еще на одно любопытное упоминание Инала, тем более что оно принадлежит представителю иной социальной категории.

В XVIII в. лишь на короткое время затихала борьба между княжескими группировками. И вот, сетуя на очередной взрыв междоусобицы, знатный уздень Адиль-Гирей Тамбиев жаловался в письме к Кизлярскому коменданту. «Ныне за грехи владельцов, – сокрушался он, – бог умножил их и один другова не слушаетца, а хочет убить... А их, владельцов, прапрадед Инал сильною рукою держал всех... бо един был он и от тово в тихости жилося... И ежели, жалеючи, бог не приберет их, владельцов, чтоб остался один, то безприменно пропасть можем вовсе...» [8].

Это высказывание лишний раз подчеркивает место Инала и его деятельности в сознании народа.

По нашему убеждению Инал – не только реальное историческое лицо, но выдающийся князь эпохи раннего феодализма. Проблема историков не в том даже, вымышленное лицо Инал или историческое, или же насколько преувеличены приписываемые ему заслуги, а в том, что мы мало знаем о нем.

В конечном итоге дело не в одной личности Инала. Личность неотделима от той эпохи и тех социально-экономических и политических условий, которые выдвинули ее на историческую сцену. В этом плане те фрагментарные данные, которыми мы располагаем, позволяют совершенно иначе взглянуть на сведения исторических преданий бесписьменного периода и ставят задачу: реконструировать, хотя бы в общих чертах, общественный строй эпохи Инала путем сравнительного типологического анализа и максимального использования информативных возможностей исторического фольклора.

Настоящая же работа не ставит даже такую задачу. Ее цель значительно скромнее: постановкой вопроса обратить внимание специалистов-историков на проблему. Наша же убежденность в том, что Инал – реальный исторический персонаж раннего средневековья, основана на общеизвестных положениях марксистского учения о стадиях развития феодальной формации и о взаимосвязи между базисом и надстройкой. Здесь мы должны будем немного развить эту тему с тем, чтобы обосновать выдвигаемую нами идею.

Согласно археологическим исследованиям, зарождение феодальных отношений у адыгов датируется IV–V вв. н. э., а отпочкование кабардинцев от последних – XI–XII вв. [9, 62–72].

К сожалению, мы не располагаем письменными данными по этому периоду истории. Немногочисленные повествовательные источники XIII–XV вв. непосредственно не затрагивают кабардинскую действительность, хотя они говорят о черкесах. Зато разнообразные архивные материалы, относящиеся ко второй половине XVI–XVIII вв., не оставляют сомнений в том, что в Кабарде господствовала феодальная раздробленность, сопровождавшаяся жестокой междоусобицей. Впрочем, это и не вызывает возражений у советских кабардиноведов. Однако само понятие «феодальная раздробленность» разные авторы различно толкуют. Большинство из них под этим термином подразумевает зрелые феодальные отношения, другая группа историков – раннефеодальные отношения, а у третьих получается даже феодальная раздробленность без феодализма [10, 82]. Фактически полемика идет вокруг политического аппарата. Отсюда мало надежды, что авторы придут к единому мнению.

А пока вопрос об уровне развития феодализма в дореформенной Кабарде остается дискуссионным.

В действительности, общественно-политический строй Кабарды второй половины XVI–XVIII вв., несмотря на традиционные выборы старшего князя, характеризуется наличием независимых феодальных владений со своими князьями, вассалами, войском, подвластным населением с различной формой феодальной зависимости и управленческим аппаратом. В сущности каждое из них – карликовое феодальное государство, окрашенное местным колоритом.

Как известно, обособление феодальных владений, трансформация их в сеньории возможно лишь при условии и на базе укрепления феодального способа производства. Другими словами, зрелые феодальные отношения обуславливают дробление целого, раннефеодального государства на части. Следовательно, отмеченные феодальные княжества Кабарды возникли в процессе укрепления феодальных отношений. Но также известно, что такому этапу феодализма предшествует период вызревания этих отношений, т. е. ранняя стадия феодализма, когда по объективным причинам складываются оптимальные условия для образования государства раннефеодального типа.

Марксистское учение о стадиальности развития феодализма и типологический анализ наводят на мысль: не предшествовал ли феодальной раздробленности Кабарды раннефеодальный тип государства, объединявший всех черкесов? Не совпал ли расцвет его с периодом правления Инала, чем и объяснимы и тот общественный резонанс, вызванный его княжением, и тот ореол, которым окружают его личность исторические предания?

Эти предположения опираются, с одной стороны, на марксистско-ленинскую теорию государства, а, с другой, на факт развития феодальных отношений у адыгов с IV до XVI в., когда уже исторические источники фиксируют в Кабарде феодальную раздробленность. Хотя очевиден чрезвычайно замедленный темп развития этих отношений, сам факт наличия феодализма, а, следовательно, и классового общества, закономерно наводит на мысль о возникновении в таком обществе определенных форм государственности.

В. И. Ленин указал, что появление государства становится неизбежным следствием развития общества: «Государство возникает там и тогда, где и поскольку классовые противоречия объективно не могут быть примирены» [11, 7]. Но как найти ту черту, нащупать тот водораздел, когда количество переходит в качество во времени?

Думается, нельзя с определенной точностью, как день рождения человека, назвать вообще дату образования государства. В любом случае это процесс, продолжительность которого зависит от многих внутренних и внешних факторов, и в этом процессе неизбежны какие-то первичные, промежуточные формы, которые с изменением классовой структуры общества трансформируются в определенный политический орган насилия соответственно с породившим его базисом.

Как учат классики марксизма-ленинизма, государство – не только орган насилия. Оно, раз появившись как классовое орудие господства, получает определенную независимость и на первых порах способствует развитию духовных и производительных сил, формированию единого языка и других компонентов складывающихся народностей.

Без такого интегрирующего надстроечного элемента, каким является государство,

трудно представить как адыги могли бы достигнуть того уровня социально-экономических отношений, который мы находим у кабардинцев уже в XVI в. и как они могли добиться военно-политического доминирования на Северном Кавказе, несмотря на сложную геополитическую обстановку.

Подход к рассматриваемой проблеме с таких позиций ставит на свои места те разрозненные и на первый взгляд кажущиеся невероятными сведения об Инале, приобретая историческую плоть. В этом есть и заслуга Ш. Б. Ногмова, т. к. собранные им исторические предания приподнимают завесу над неведомым прошлым нашего народа. В ногмовском описании деятельности Инала различаются авторская аранжировка и сухие факты, очень схожие с аналогичными процессами и историческими событиями раннего средневековья в Западной и Восточной Европе. В них нет ничего мифического. Именно так и создавались раннефеодальные государства Карла Великого в Европе и Киевская Русь Рюрика, и в том и другом случае огромную роль имели незаурядные личные качества основателей этих государств. В ожесточенной борьбе против мелких князьков Инал часть из них казнил, других силой и страхом подчинил, третьих лаской и почестями привлек к себе, упрочив, таким образом, свою власть. Объединив всех адыгов, учредив судебный и управленческий аппарат, увеличив военную силу, он переходит в наступление на соседей [2, 69, 70]. Эти преобразования и личные качества самого князя обеспечили успех его мероприятиям, и Иналу удалось объединить под своей властью всех черкесов и абазин, проживавших на пространстве от Кабарды до границ Абхазии. Эти успехи, естественно, принесли славу победителю и народ, по тогдашним понятиям, удостоил его высшей награды, объявив святым, а по смерти объединителя место его захоронения «Инал-Куба» сделал объектом почитания [2, 70–72].

Таким образом, исторические предания кабардинцев, в передаче Ногмова, Потоцкого и др., свидетельствуют об образовании у адыгов государства, которое следует признать раннефеодальным, поскольку исторически доказано развитие феодальных отношений в этом регионе еще с IV в. н. э. Вместе с тем, надо полагать, княжение Инала было кратковременной вспышкой, в масштабах региона, государственной интеграции черкесских субъэтносов, т. к., по тем же источникам и данным генеалогии, после смерти Инала это государство не только распалось, но и сама Кабарда начала дробиться.

По Ногмову, первым отделился сын Инала от первого брака Кемиргой, по имени которого доставшаяся ему часть подвластного населения получило этническое название кемиргоевцы [2, 71, 72]. Причиной же начавшегося процесса дробления Кабарды автор считает, с одной стороны, то, что, «ни один из сыновей Инала не обладал качествами отца, необходимыми для правления столь обширной землею», а с другой – «разноутробность иналовых детей» [2, 71].

Остановимся на этих выводах Ногмова. Во-первых, нельзя согласиться с его толкованием термина «кемиргой». Его адыги произносят как «кIэмыргуей», которое состоит из имени собственного «кIэмыргу» и форманта «ей», в свободном переводе означающий: «принадлежащий КIэмыргу». Эта форма образования этнических названий, как и название населенных пунктов – традиционно у адыгов вообще.

Во-вторых, неправомерно упрощать сложный комплекс причин раздробления государства, объясняя его одним психологическим фактором, как это делает Ногмов.

По данным родословных, в следующем поколении князей, т. е. при внуках Инала Табуле и Беслане (одноутробные братья), произошел очередной раздел Кабарды на две независимые народности. Табула, по праву старшинства, остался с основной массой населения на прежней территории по правую сторону Кубани. За этой территорией и народом сохранилось старое название «Кабардей», а «Беслан, перешед с несколькими людьми за Кубань, поселился в горах и потому называютца ныне бесланейские черкасы» [3, 1752, д. 2, л. 1.]. О том, что это событие произошло сравнительно недавно, свидетельствуют и лингвистические наблюдения: оба субъэтноса говорили на одном диалекте адыгского языка.

Процесс дробления Кабарды на этом не завершился, но об этом будет сказано ниже, а теперь попытаемся определить время жизни и деятельности Инала. Если родословная линия не укорочена, в чем нет уверенности, можно приблизительно установить эту дату. Генеалогия отводит сто лет на три поколения людей. Родословная линия от Инала до конца XVIII в. насчитывает 14 поколений князей. Отсюда искомая дата выводится с помощью формулы: $X = 1800 - 100 \times 14 : 3 = 1334$ год.

Некоторые историки считают, что кабардинцы колонизировали нынешнюю их территорию при Инале. Поэтому полученная дата жизни Инала (1334 г.) приобретает принципиальное значение. Так, по Буткову, кабардинцы переселились на современную их территорию при Инале не позже второй половины XV в. [12, 131–192]. Это мнение Буткова опровергается сообщением венецианского путешественника Иосафато Барбаро, который в первой половине XV в. упоминает кабардинцев на современной территории. [1, 41–42].

Дискутируя с Клапротом и Бутковым, Г. А. Кокиев писал, что «кабардинский народ под предводительством Инала пришел на Северо-Кавказскую равнину» в первой половине XV в. [13, 72–75].

Результаты наших расчетов (1334 г.) значительно отодвигают назад и период жизни Инала и предполагаемое время колонизации кабардинцами их нынешней территории, если вслед за Бутковым и Кокиевым признать, что Инал предводительствовал ими. Но, по нашему мнению, нет оснований связывать это событие с Иналом.

Во-первых, в эпоху Инала, как отмечено, кабардинцы, темиргоевцы и бесланеевцы – составляли одно политическое целое – «къэбэрдей адыгэ», и проживали на Северном Кавказе, откуда Инал вел свои завоевательные походы против западных соседей. Во-вторых, после Инала кабардинцы раздробились на три независимые народности, при этом обе отделившиеся группы (Темиргой и Бесланей) получили новые этнические названия по имени их князей, а оставшаяся на Северо-Кавказской равнине часть, сохранив свое прежнее название, границей с бесланеевцами признала реку Кубань. Следовательно, в эпоху Инала кабардинцы являлись аборигенами, как и их князь. В-третьих, если бы Инал привел кабардинцев на это новое место, как утверждают Бутков и Кокиев, этот народ более не мог называться «Къэбэрдей адыгэ», а согласно существовавшей у адыгов традиции, очевидно, стал бы именоваться «Иналей», что, однако, не произошло, несмотря на огромный авторитет этого князя.

Из этого видно, что отделение и формирование кабардинского субъэтноса совершилось задолго до Инала, хотя у нас нет прямых данных, чтобы указать точно, когда оно произошло. Одной из перечисленных задач, стоящих перед историками, является

не только определение хронологического рубежа обособления кабардинцев, но и происхождения их этнического названия. В исторической литературе наших далеких предков называли по-разному: синды, меоты, керкеты, зихи, косоги, черкесы и т. д. Но, видимо, еще более древним является самоназвание «адыгэ». Этот термин нам, современным адыгам, уже ничего не говорит, хотя возможно, что он некогда имел определенную смысловую нагрузку [14].

Живучесть данного термина удивляет, т. к. ни один народ этим именем нас не называет, а с другой стороны, адыгский этнический массив, сравнительно, рано распался на отдельные группы, которые даже впоследствии подпали под зависимость различных государств, таких как Турция, Россия, Крым. И тем не менее до сих пор все мы называем себя «адыгэ», правда, при этом уточняем, из какого именно подразделения «адыгэ».

Большинство адыгских, да и абазинских этнонимов – патронимические и лишь один – гидронимический (шапсуг), один – топонимический (мэздэгу адыгэ), а два (бжедуг, мохош) – трудноопределимы [15]. Рассмотрим их. Мудавей – Мудав-ей, Хаттук-кой – Хаттоко-ей, Натухей – Натхо-ей, Темиргуей – Темургу-ей, Бесланей – Беслан-ей, Кабардей – Кабард-ей, Талоустаней – Талоустан-ей, Келахстаней – Келахстан-ей.

Как видно, большинство этнических названий, образованы от собственного имени с формантом «ей», означающего принадлежность кому-то.

Несомненно, все эти названия – более поздние явления, чем «адыгэ». Такая особенность, ставшая традицией, наводит на предположение: не связано ли возникновение новых этнических названий с процессом феодализации социальной верхушки адыгского племенного союза с последующим обособлением отдельных адыгских групп под предводительством князей – пши, как это наблюдается исторически у кабардинцев. Такая постановка вопроса позволяет отнести к более раннему периоду отделение кабардинцев от основного массива, т. к. существенное отличие кабардинского диалекта от западно-адыгского не могло сложиться за короткий промежуток времени. Здесь, говоря кабардинцы, имеется в виду та группа адыгов, получившая свое этническое название от имени Кабарда, т. е. кабардинцы, бесленеевцы, а также отпочковавшиеся позже Талоустаней, Каляхстаней и мэздэгу адыгэ, говорившие на одном диалекте адыгского языка.

Время и происхождение термина «Кабардей» от имени князя высказывалось неоднократно в XVIII в. Зафиксированы и предания, связывающие происхождение этнонима с именем князя Кабарда Тамбиева – аристократа, владевшего этой землей до прихода Инала, узурпировавшего верховную власть у представителей местной родовой аристократии, составившей впоследствии в Кабарде сословную категорию «тлекотлеш». К сожалению, имеющиеся на сегодня исторические источники не позволяют нам датировать появление термина «Кабарда». Лингвистические наблюдения (на основе диалектных отличий) позволяют отнести процесс обособления кабардинцев от основного этнического массива к X–XI вв. [16]. В настоящем разделе затронуты лишь некоторые проблемы. Зачастую автор ограничился только постановкой вопросов и предварительными наблюдениями. Дальнейшие поиски, возможно, дополнят и скорректируют наши выводы [17].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. АБКИЕА. С. 229.

2. История адыхейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора-Бекмурзин-Ногмовым. Тифлис, 1861.

3. АВПР, ф. Кабардинские дела.

4. См. «Генеалогия кабардинских князей как исторический источник», генеалогическая карта № 4 «В» – «Князья Джембулатовы».

5. КРО. Т. II.

6. Родословную Магомета Кургокина см. в : «Генеалогия кабардинских князей как исторический источник», генеалогическая карта № IV «Б» – «Князья Атажукины».

7. *Сокуров В. Н.* Внешняя политика Кабарды в последней четверти XVII – первой половине XVIII в. (диссертационная работа на соискание ученой степени кандидата исторических наук). М., 1976.

8. ЦГВИА, ф. 20, л. 843.

9. История КБАССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967.

10. *Мужев И. Ф.* К вопросу об экономическом развитии Кабарды во второй половине XIX в. (1868–1900) // УЗ КНИИ. Нальчик, 1952. Т. 7. С. 77–112.

11. *Ленин В. И.* ПСС. Изд. 5. Т. 33.

12. *Бутков П. Г.* О имени Казак // Вестник Европы. М., 1822. № 22–24.

13. *Кокиев Г. А.* К истории междоусобной борьбы кабардинских феодалов в XVIII в. // Ученые записки института этнических и национальных культур народов Востока. М., 1930. Т. 2. С. 77–86.

14. Не вдаваясь в подробности, заметим, что выдвинутая А. Кафоевым версия о происхождении термина «адиге» от «ант» – «антхе», не лишена логики.

15. Название «шапсуг» происходит от слов «шэ псухъо» «долина молочной реки»; «мэздэгу адыгэ» – от названия местности, где они поселились – «глухой лес», а мохош и бжедуг – не поддаются точному определению.

16. По мнению М. А. Кумахова для появления существующих диалектных различий между кабардинским и западно-адыгскими наречиями черкесского языка могло уйти от 500 до 600 лет обособленного проживания их носителей, что соответствует приблизительно XII–XIII вв. – *А. М.*

17. На этом рукопись обрывается. Видимо, автор (Е. Д. Налоева) планировала разработку этой темы, но работа была остановлена на стадии черновых набросков – *А. М.*

12 Заказ № 815

АДЫГСКИЕ СКАЗАНИЯ О НАРТАХ [1]

Отдел «Радиотеатр» сегодня открывает цикл радиопередач: «Адыгские сказания о нартах». Думается, не будет лишним предпослать такому событию в нашей культурной жизни несколько слов, а точнее, еще раз напомнить нашим радиослушателям, любителям фольклора о значении нартского эпоса, этой великолепной фольклорной классики, в развитии духовного мира адыгов.

Нартские сказания – один из древнейших и величайших памятников устно-эпического народного творчества мира. «Нарты» – весомый вклад адыгов в сокровищницу мировой культуры – уникальное наследие, доставшееся нам от предков наших.

Нартский эпос по своему художественному содержанию и объему, по силе эмоционально-эстетического воздействия и поэтике – монументальное эпическое произведение, истоки которого уходят в глубину веков. Язык и стиль эпоса, его поэтика и художественно-эстетическая структура привлекают к себе внимание выдающихся лингвистов и литературоведов современности, продолжая оставаться и далее предметами научных изысканий ряда мировых исследовательских центров.

Здесь спонтанно всплывает вопрос: «Как могло случиться так, что адыги, создавшие в столь незапамятные времена такую объемную и высокохудожественную эпопею, сами остались без письменности до XX века?»

Несомненно, одно: народ, сотворивший такого высокого класса эпос, каким являются нартские сказания, по всем параметрам развития своего культурного потенциала уже тогда был близок к созданию письменности и письменной литературы, но, увы, история – неродная мать! Очевидно, на адыгов обрушилась беда катастрофической мощи, которая сокрушила основной костяк этнического массива, отбросив оставшихся назад на несколько веков.

Некоторые имманентные свойства самого эпоса косвенно подтверждают сказанное выше. Так особое внимание обращает на себя наддиалектность языка нартских сказаний, т. е. наиболее древнейшие его части, воплощенные в напевно-музыкальной его форме.

Именно это обстоятельство позволяет предположить о том, что древнейшее ядро нартских сказаний сложилось в пору адыгской истории, когда они жили как единый этнический массив с единой культурой и языком. У современного адыгского народа сказания о нартах бытуют в основном в двух формах: поэтической и прозаической, а у других народов Кавказа – лишь в форме прозы. Как отмечено, древнейшую часть эпоса составляют именно поэтические произведения, в которых, как живописное панно, развернута вся героика нартских сказаний. Именно здесь непереводимыми на другие языки метафорами, игрой слов и другими яркими оборотами живой адыгской речи созданы без красок и кистей целая галерея литературных типов, бессмертные портреты Сосруко, Бадыноко, Сатаней и других персонажей, что указывает на зарождение нартских сказаний в адыгской среде. Роль сказаний о нартах в

формировании культуры адыгской нации, ныне разбросанной по всему миру, трудно переоценить. Возникнув в глубокой древности, адыгский этнос и нартский эпос, как бы переплетаясь, развивались почти параллельно, обогащая друг друга и способствуя их самоутверждению. Более того, являясь вершиной адыгского фольклорного искусства, нартский эпос выработал свою неповторимую систему поэтического мышления, систему выразительных средств, особый строй обобщенных конфигураций живой устной речи и собственную палитру красок. И весь этот художественный арсенал передавался веками из поколения в поколение, с одной стороны, разветвляясь и пополняясь новыми сюжетами и их вариациями, а с другой – активно участвуя в процессе формирования адыгского генотипа.

В силу отсутствия у адыгов письменной традиции, нартские сказания выполняли не только функции художественной литературы, театрального, вокального, музыкального и других жанров, но также оказывали большое влияние на развитие художественного вкуса, литературного языка, социальной общности и психологического уклада, установление и расширение межэтнической коммуникации, словом, на становление самой адыгской нации.

И сегодня этот шедевр адыгского устного народного творчества не последнюю роль играет в духовной жизни адыгов, где бы они ни жили. Особенно в наше трудное и сложное время, когда экономическая и политическая нестабильность в стране парализует бескорыстное стремление адыгов к возрождению своей национальной культуры, героические подвиги нартов на благо человечества, высоконравственные нормы их поведения не только актуальны, но и достойны подражания.

Несомненно, руководствуясь такими благими намерениями, отдел «Радиотеатр» предлагает вашему вниманию страницы бессмертного творения нашего народа «Нартский эпос». Читает его артист Аскер Налоев.

Редакция будет благодарна всем, кто напишет о своих впечатлениях и предложениях.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Данный текст был написан Е. Д. Налоевой по просьбе ее племянника Аскера Налоева в качестве вступления к циклу радиопередач «Адыгские сказания о нартах», всего три передачи, вышедшие в эфир в 1993 году на республиканском радио – *А. М.*

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОБЛЕМАХ НАШЕЙ ИСТОРИИ [1]

Каждый, даже самый малый народ
в своей сущности велик, уникален,
несравним...

Историю нельзя выдумать, ее нельзя сочинить. Она сложилась объективно как результат созидательной и разрушительной деятельности многих тысяч поколений людей и потому она священна!

Из сказанного не следует, что мы делаем культ из истории, а из историка статиста. Напротив, мы – за качественно новое прогрессивное развитие отечественной исторической науки, за периодический пересмотр устоявшихся положений, концепций, доктрин, за всемерное обогащение ее источниковой базы, за создание новых монографических исследований, исторических романов, фильмов и др. публикаций, в которых правдиво изображали истинных творцов истории, исторических деятелей, проблемы и исторические альтернативы, стоявшие перед ними, и методы их решений вместо нынешних безликих многотомных изданий со схоластическими рассуждениями о всемирно-исторической роли классов, классовой борьбы и пролетарской революции. Без такого радикального преобразования не может быть речи о подлинно научной историографии вообще.

Что же касается самих историографов, то их деятельность, на мой взгляд, сравнима лишь с филигранной работой ювелира или с реставрацией Божьего Храма – шедевра искусств, ибо от уровня профессионализма историков, их творческой инициативы, научно-мировоззренческого потенциала, способности извлечь максимальную информативную возможность из всего комплекса исторических источников зависит не только воссоздание материального и духовного мира изучаемой эпохи, но и дальнейшее направление и развитие всей исторической науки.

Учитывая изложенные трудности, мы делаем попытку: на основе комплексного использования архивных (опубликованных и неопубликованных) и литературных материалов изучить территориальные владения и этнический состав балкарцев XVIII века, не претендуя, однако, на бесспорность своих выводов.

Обнадеживающе настраивает источниковая база статьи, которая, несмотря на ее ограниченность и фрагментарность, в потенции содержит серьезную информацию, способную дать определенное представление об интересующем нас предмете.

Итак, по данным источников и последних исследований этнические компоненты современного балкарского народа в XVIII веке жили в труднодоступных ущельях на северных склонах Главного Кавказского хребта. Если же быть более пунктуальным – в составе пяти небольших этнических групп они были сосредоточены в верховьях двух рек: Чегема и Черека в первой половине века.

Несомненно, какие-то экстремальные условия принудили их забраться в такие недосягаемые вершины гор, но когда случилась эта беда и кем содеяна она?

Поставленные вопросы давно тревожат умы многих ученых, которыми выдвинуты немало концепций, версий и предположений относительно происхождения балкарцев. Но до сих пор еще никто не смог научно обоснованно ответить на них. Не в состоянии этого сделать и современная историческая наука, как не в силах решить проблему и язык народа – наиболее надежный из имеющихся налицо источников. Однако будем надеяться на лучший исход в будущем.

На наш взгляд, сам факт нахождения балкарского языка много веков кряду в окружении других языковых систем косвенно свидетельствует о трагедии, происшедшей с его носителем. Очевидно, с неизвестным нам тюркоязычным этносом некогда на Северном Кавказе произошла беда, которая оторвала часть предков современных балкарцев от кровнородственного этнического пласта, нарушив, тем самым, единую цепь истории как целого, так и части этноса. Иными словами, утрачены начальные звенья истории народа, без которых все размышления относительно происхождения балкарцев уязвимы и зыбки.

В принципе, этногенез любого народа – темный лес, лишь у некоторых молодых наций он более или менее ясен. Важно не то, как и из каких компонентов составился этнос, а то, что этот процесс состоялся и народ пронес через века свои этнические особенности, ныне являя собой уникальную единицу мировой семьи человечества.

Сложный исторический процесс, как правило, сопровождается явлениями интеграции и дифференциации этносов, но крушения судеб народов, поглощение одних этносов другими и т. п. катаклизмы возможны лишь в периоды глобальных общественных потрясений как, например, во время Великого переселения народов, когда живая движущаяся человеческая лава обрастала подобно снежному кому, стирая на своем пути с лица земли целые этнические массивы; или эпохи великих завоеваний и образований мировых империй, перекроившей этническую карту Мира.

Рассматривая с изложенной позиции крупномасштабные передвижения масс, проходившие через наш край, думается, предполагаемая беда с предками балкарцев могла случиться во время нашествия гуннов, разгрома Хазарского каганата, вторжения монголов и Тимура на Северный Кавказ.

В предполагаемых догадках мы исходим из следующих соображений:

1. Гуннский союз племен как смерч пронесся через наш край. Это громадное скопище людей, вобравшее в себя представителей почти всех языковых групп Азии и Европы, свирепствовало в междуморье. Жестокие столкновения происходили не только с внешними врагами, но и внутри самого союза.

В такой катастрофической обстановке не исключена возможность, что отколовшиеся от своих племен или разбитых орд небольшие тюркоязычные группы спаслись в горах Центрального Кавказа, которые со временем явились предтечей образования нового этноса – балкары. На это обращает внимание близость балкарского языка с древнетюркским, наличие в нем ряда архаизмов, отсутствующих в наречиях других тюркоязычных народов.

Однако вероятность данной версии уменьшают некоторые обстоятельства. Во-первых, нет более весомых аргументов в пользу высказанного предположения; во-вторых, носителями диалектов древнетюркского языка могли быть и иные кочевники, вторгавшиеся на Северный Кавказ, такие как: авары-обры, булгары, хазары, торки-огузы, узы, печенеги, половцы-кипчаки и т. д.; в-третьих, сомнительно, чтобы укрывшиеся

в тяжелую годину в теснинах гор кочевники не могли выбраться за столько веков и соединиться с родственными племенами, часто посещавшими этот край.

Таким образом, эквивалентность мотивов «за» и «против» не позволяет высказаться более конкретно по существу вопроса.

2. Источники содержат коротенькое сообщение, будто во время разгрома Хазарского каганата войсками киевского князя Святослава в 965 г. некоторые группы хазар бежали вдоль западного берега Каспия к Кавказским горам, от которых, по мнению ряда исследователей, произошел современный кумыкский народ.

Думается, с таким же успехом могли спастись и другие хазары в горах Центрального Кавказа, хотя конкретно подтвердить эту мысль, увы, нечем. Зато большое сходство кумыкского и балкарского языков наводит на идею о возможной этнической связи последних с хазарами. Тщательный анализ этих трех языков, несомненно, приблизил бы развязку проблемы, признав или отклонив этот вариант.

3. Во второй половине XI века в известном смысле, половцы заменили хазар на Северном Кавказе, но они ни территориально, ни политически не достигли могущества своих предшественников. Судя по данным косвенных источников, они даже не установили свою власть над местными обитателями региона. Здесь, скорее всего, были союзнические отношения, о чем свидетельствует совместное выступление аланов и половцев против монголов в 1222 г. В унисон с этими выводами звучат археологические исследования А. А. Иессена, свидетельствующие о том, что южная граница половецких кочевий проходила по линии Армавир – Пятигорск – Калмыкские степи, где и застали их монголы.

Покорение Северного Кавказа монголами происходило в два этапа: вторжение разведывательного отряда в два тумена (20 000) под командой полководцев Чингизхана Субедэ и Джебэ в 1222 году, орды хана Бату в 1237–1243 годах, когда весь регион, кроме Северо-Западного района, был включен в состав Золотой Орды.

Давайте послушаем, что пишет современник монгольских завоеваний и видный арабский историк Ибн аль-Асир о событиях 1222 года: «Переправившись через Ширванское ущелье, – пишет он, – татары... прибыли к аланам, многочисленному народу, к которому уже дошло известие о них. Они (аланы) употребили все свое старание, собрали у себя толпу кипчаков и сразились с ними... Ни одна из обеих сторон ни одерживала верх над другой. Тогда татары послали к кипчакам сказать: «Мы и вы одного рода, а эти аланы не из наших, так что вам нечего помогать им; вера ваша не похожа на их веру, и мы обещаем вам, что не нападем на вас, а принесем вам денег и одежды сколько хотите; оставьте нас с ними».

По словам Асира, половцы, поверив монголам, покинули союзников. «Тогда татары напали на аланов, произвели между ними избиение, бесчинствовали, грабили, забрали пленных».

Затем настал черед половцев: монголы вторглись в их кочевья, разбили и разграбили. «Услышав эту весть, живущие вдали кипчаки бежали без всякого боя и удалились: одни укрылись в болота, другие в горах, а иные ушли в страну русских. Татары остановились в Кипчаке».

Историк дает сравнительно полную картину событий 1222 года, косвенно подтверждает выводы А. А. Иессена о границах половецких кочевий, но сообщение о том, что часть половцев укрылась в горах в 1222 году, более интригует: не здесь ли скрыта

тайна истории балкарского народа? Увы, автор не повествует о дальнейшей судьбе этой группы половцев. Таким образом, и тут источники не дают четкого ответа на искомый вопрос, хотя в описанной им трагической обстановке велика вероятность, что уставшие и уже обжившиеся в горах люди могли предпочесть оставаться здесь навсегда в целях самосохранения в будущем.

4. Наконец, последствия опустошительного похода свирепого правителя Средней Азии Тимура, разгромившего монголов (читай кипчаков), буквально, у подножья Кавказских гор, пожалуй, могли оказаться той трагедией, которая оторвала предков балкарцев от их кровнородственного этноса.

Монголы не только включили в свою орду остатки разгромленных половцев, но еще привели множество кипчаков с собой. Общеизвестно, что большинство войска хана Бату составляли кипчаки, которые за короткий исторический период ассимилировали монголов и последние заговорили на их языке. С образованием государства «Золотая Орда», с закреплением за ней обширных степных просторов приток кочевников еще больше усилился. Ядром же их кочевья становятся Дикое поле и Азовско-Каспийское Междуморье. Тимур и ордынский хан Тохтамыш стянули свои полчища именно сюда, где 15 апреля 1395 г., в районе Верхнего Джулата, близ селения Эльхотово произошло между ними кровопролитнейшее сражение. В ходе трехдневной битвы Тимур сокрушил силы Тохтамыша и обратил его в бегство.

Такая напряженная ситуация сложилась на всем Северном Кавказе в послевоенный период, продолжавшийся до конца первого десятилетия XV века; весь 1395 и следующий год победитель со всей своей ордой провел почти на Северном Кавказе, добивая остатки разбитого противника, громя города, селения! Все это могло загнать людей в теснины гор и в силу продолжительности напряженной обстановки создать предпосылки к этнообразовательному процессу.

К сожалению, изложенная схема, как и предыдущие, никакими источниками не подкреплена и к сказанному можно добавить лишь одно: после кровавой тирании Тимура на Северном Кавказе исторически не прослеживается ни в XV, ни в XVI вв. кризисной ситуации, подобной описанным катаклизмам. Следовательно, хронологические рамки формирования балкарского народа замыкаются где-то между V – началом XV века.

Итак, этногенез балкарского народа остается одной из важнейших проблем кавказоведения.

Мы сознательно обошли дискуссию об аланском происхождении балкаро-карачаевцев, т. к. в статье такого объема затрагивать столь серьезную проблему не представляется возможным. Однако надо сказать, что по данному вопросу проделана огромная научно-исследовательская работа Мизиевым И. М., а обсуждение выдвинутой им концепции, в любом случае, даст полезные для всего кавказоведения результаты.

Остается еще один, с позволения сказать, вариант, ставший ходячим среди неосведомленных людей. Сегодня все чаще звучит обвинение, будто во всех бедах балкарского народа повинны не кто иной, как предки кабардинцев.

Теоретически такое допустимо. Воевали же кабардинцы с Большой и Малой Ордой ногаев, с Тарковским шамхальством, Калмыцким ханством, Крымским ханством и даже с Российской империей?

Однако, если беспристрастно говорить, перечисленные войны в большинстве своем, оборонительные со стороны кабардинцев. Ведь они не вторгались в Крым, в Калмыкию или Россию, требуя дани, покорности и земли? Что же касается слухов, будто кабардинцы загнали балкарцев в горы, а сами захватили их земли, то необходимо прежде, чем обвинить, доказать три вещи: 1) как именовался народ, разгромленный кабардинцами; 2) когда (в каком веке или году) произошло это трагическое событие; 3) являются ли непосредственными потомками «истребленного» кабардинцами народа современные балкарцы? Однако, главное в другом, история не знает кабардинского нашествия вообще. И тем не менее давайте рассмотрим объективно и этот вариант.

Согласно господствующей в советском кавказоведении концепции, предки кабардинцев переселились из Северо-Западного Кавказа на опустевшие после нашествия монголов земли аланов и половцев в течение XIII–XIV веков.

Если эта теория верна, по логике вещей отпадает всякое обвинение в адрес кабардинцев, т. к. они заняли ничейную территорию, покинутую добровольно или принудительно ее обитателями. Но была ли она ничейной?

Здесь правомерно на вопрос ответить вопросом: «Неужели монголы завоевали Северный Кавказ ценой больших потерь и уничтожения двух народов для того, чтобы бросить или же подарить его кабардинцам? Не слишком ли наивно представлять монголов столь наивными?»

По нашему мнению, авторы этой теории и ее сторонники не учитывают ряд важных аспектов проблемы. Во-первых, Северный Кавказ имел колоссальное военно-стратегическое и экономическое значение для политической стабильности и нужд кочевого хозяйства Золотой Орды. Во-вторых, к началу 40-х годов XIII века Кавказ, кроме Юго-Западного и Западного районов, был включен в состав Монгольской империи, поделен на улусы между внуками Чингисхана Хулагу и Бату. В первый вошло Закавказье, во второй – Северный Кавказ, а субъектом права в данном случае выступала Золотая Орда, которая, кстати, почти сто лет вела кровавую борьбу с Хулагидами из-за каких-то пограничных земель вокруг Дербента и Ширвана!

Как видно, Северный Кавказ не был ничейной землей, где вольно передвигались его жители. Правда, монгольская администрация не сгоняла оседлого населения с их насиженных мест, лишь бы оно платило дань, несло повинности и участвовало в их военных походах, но захватывать чужие земли не было дозволено. Достаточно напомнить, что стоило Московским князьям получить ярлык на самое малое приобретение.

В таких условиях говорить о самовольном переселении кабардинцев из Северо-Западного Кавказа, не входящего в состав Орды, на ордынские земли, просто абсурдно. За такую «шалость» их вырезали бы поголовно!

Может монголы подарили эти земли кабардинцам за какие-то заслуги? К сведению скептиков повторим, что Зихия – племенной союз, объединивший закубанских адыгов, – не входила в состав Золотой Орды и их отношения постоянно балансировали на грани войны, сопровождавшиеся набегами, уводом людей и других ценностей монголами и посильными ответными действиями со стороны адыгов. В подобных взаимоотношениях исключено всякое награждение и переселение адыгов! Но достоверно известно, что черкесы участвовали в битве на Куликовом поле

на стороне Мамая и в составе войск Тохтамыша против Тимура! Интересно, откуда они?

Наконец, если допустить паче чаяния нападение кабардинцев на Золотую Орду и отвоевание жизненного пространства для себя, такое сенсационное событие непременно вызвало бы колоссальный резонанс во всех цивилизованных странах и прославило кабардинцев на весь Мир! Увы, ничего подобного не произошло: ни армянские, ни грузинские, ни арабские, ни византийские, ни даже русские летописи, ни единым словом не обмолвились о подобном поступке кабардинцев!

Естественно возникает недоумение: откуда же появились кабардинцы в центре Северного Кавказа, если они не переселились и не завоевали его? Само собой понятно, что на такой вопрос однозначно не ответить, но сделать это во много раз легче, чем сдвинуть – пересмотреть хотя бы чуть-чуть устоявшееся в науке положение, если даже оно порочное! [2].

По данным последних исследований, аланы – ираноязычные племена сарматского происхождения, появившиеся в I в. н. э. в Приазовье, а в IV в. на них обрушились гунны, которые жестоко расправились с аланами. Лишь малая часть их успела спастись в горах, остальных включили в свою орду и повели на Запад к Дунаю. По словам римского историка Аммиана Марцеллина, как бы последним аккордом опустошительного похода гуннов на аланов явился разгром западных аланов-танаитов, обитавших в Приазовье, где гунны произвели «страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими, заключили союз и присоединили к себе».

Спустя 500 лет после описанной катастрофы, уже в IX веке мы вновь видим обновленную Аланию – на той же территории, но не аланов и не национальное государство аланов с плотным населением на той же территории.

Очевидно, не только у исследователей, соприкасающихся с данной тематикой, но и читателей зарождается сомнение: «Возможен ли такой демографический взрыв за столь короткий исторический период?» А если да, то почему возродились одни аланы? Где же аборигенные общности, создавшие сравнительно высокую культуру до проникновения сюда аланов? Может ли бесследно исчезнуть мощная народность как аланы, создавшая свою государственность, освоившая обширную территорию, игравшая заметную роль в военно-политической и международной жизни всего региона? А ведь Алания сошла с исторической арены после первого удара монголов и ни один этнос, в том числе и сами осетины, которых считают непосредственными потомками аланов, не унаследовал в качестве этнонима термин «алан». Предположить, будто бы их истребили – нереально: монгольский отряд не справился бы с такой задачей целый год, если даже аланы без сопротивления легли под нож!

Все-таки, видимо, мы здесь имеем дело не с этнонимом «Алания», и не с национальным государством, а с протогосударственного типа политическим объединением аборигенных и пришлых общностей под названием «Алания» с целью защиты общих интересов от внешних врагов. Об этом свидетельствуют некоторые источники и ряд обстоятельств. Например, факт параллельного употребления в исторической литературе тех времен этнонимов ясы, асы, осы, овсы, аасы, дурдзуки и др. наряду с «Аланией», которые, кстати, и сохранились после исчезновения «Алании».

Достоверно известно, что два племенных союза Ясский и Касожский входили в состав Хазарского каганата и платили дань до его падения. Известно также, что

Святослав Игорьевич Киевский пошел против ясов и касогов, покорил их. Касогия зависела сначала от Киева, а позже от Тмутараканского княжества, где погиб касожский князь Редедя. В вокальном искусстве адыгов и других народов Кавказа до сих пор сохраняется рефрен песни-плача по погибшему князю: «Уэрейда, уо – Редэдэ махуэ! Уэрейда, уо – Уредедэ –мыгъуэ!» (Уэрэд – песня; уэрейда – напев).

Касоги-кашки – непосредственные предки кабардинских адыгов. Кашка-касог, видимо, самоназвание адыгов, обитавших на Северном Кавказе. Производным от этих этнонимов осетины называют и сегодня кабардинских адыгов «кашкон». Надо полагать, что осетины, жившие бок о бок много веков с касогами, лучше нас знали кого именуют кашконом: кабардинцев или китайцев.

Этимология названий «кашка», «касоги» явно адыгская, но из-за сложности адыгской фонетики искажены до неузнаваемости. Так, термин «кашка» образован из двух слов: каш-къуэш и ка-къуэ, что означает сын брата или сыны братьев; касог-кашог также состоит из двух частей: каш-кас-къуэш (брат), и приставки сог или шог (э-гъу), которые вместе означают побратимство (къуэшэгъу). Эти слова по-русски иначе невозможно написать, как «кашка-каска» и «кашог-касог»!

Как уже отмечалось, достоверно исторически известно, что на Северном Кавказе обитали два племенных союза: Ясский и Касожский. В VII веке оба попали в зависимость к Хазарскому каганату, которому платили дань до его падения в X веке. В том же веке киевский князь совершил поход против ясов и касогов, покорил их и обложил данью. Позже касоги оказались в вассальной зависимости у Тмутараканского княжества.

Касоги – непосредственные предки современных кабардинцев. В источниках данный этноним варьируется: кашка-кашог, каска-касог. По нашему мнению, повторимся еще раз, этимология этого этнонима адыгская. Видимо, это было самоназвание адыгов, обитавших на Северном Кавказе, объединенных в племенной союз по принципу побратимства: «къуэшыкъуэ» – кашка (сыны братьев) или «къуэшэгъу» – касог (братство).

Производное от этнонима «къуэшыкъуэ» осетинское название «кашкон» или «каскон» применяемое ими не ко всем адыгам, а именно к кабардинцам. Из-за сложности адыгской фонетики часть адыгской терминологии утрачена, а сохранившаяся настолько искажена, что трудно понять ее смысл. В данном случае «къуэшэгъу» не написать иначе по русскому как «кашог» или «касог».

Таким образом, задолго до появления половцев на Кавказе, а тем более монголов, предки кабардинцев кашки-касоги обитали в центре Северного Кавказа. Мало того, адыгские племена – автохтоны Северного и Северо-Западного Кавказа. Трудно сказать, пришли кабардинцы сюда или они – потомки носителей кобанской культуры, т. к. адыги – аборигены, а не пришлые. Во всяком случае в VII веке уже существовал в Центре Северного Кавказа племенной союз Касоги.

Своего рода козырным тузом у ревнителей теории о переселении кабардинцев является якобы отсутствие адыгских топонимов в Центре Северного Кавказа. Давайте беспристрастно рассмотрим этот аспект. Вершину Кавказа адыги называют Iуащхьэмахуэ – Гора счастья. Древнейшие источники горных лечебных вод называли Нарт-сана – напиток Нартов, вторая по величине после Терека река Баксан происхо-

дит от адыгского слова Бахасана. Поднимитесь к истокам этой реки, и вы убедитесь, насколько образно адыги назвали эту реку – «напиток из пара».

Другая река Шалушка – Щхьэлмывэкъуэ, что означает «долина мельничных камней», Урух – Уэрыху – дословно: «гонит волны», Чегем – адыги никогда так не зовут эту реку, собственно – это искаженное «Шэджэм», который переводится «назови молоком», а между тем эта река в ее верховьях белая как молоко. Крупнейшие пастбища и река Дзэлыкъуэ означает «Долина ивовая» – пишется «Золка», Зольские пастбища. Целый район Моздок – Мэздэгу – «Глухой лес». Крупнейшая на Северном Кавказе река Кума происходит от кабардинского названия Къум, что значит «Степная река». «Налщыч» – дословно «срывающий подкову» – название реки и столицы республики.

Этот список можно удвоить, но не стоит утомлять читателя, и так достаточно ясно, что адыги оставили заметный след на своей земле. Перехожу к лингвистическим данным. Кабардинский диалект адыгского языка резко отличается от наречий закубанских адыгов (шапсугов, абадзехов и др.). Такое положение свидетельствует о том, что отпочковывание или разделение западных и восточных адыгов произошло давно. Кроме того, на кабардинский язык более широкое влияние оказали тюркизмы, чем у западных адыгов, что подтверждается многовековым соседством с тюркоязычными народами.

Теория о переселении кабардинцев из Закубанья на якобы опустевшие от монгольских погромов земли аланов и половцев структурно проста и логична, что, видимо, способствовало возведению ее в ранг исторической действительности. И вот эта произвольная коррекция исторического процесса дала перекос не только в кабардиноведении, осетиноведении, балкароведении, карачаевоведении, но и в самом алановедении. Суть этих невольных искажений, по нашему убеждению, скрыта в гипертрофированном подходе к оценке этнической основы Алании в постгуннский период, которую алановеды выдают за аланское (ираноязычное) раннефеодальное государство, занимавшее все горные и предгорные районы Кавказа от терско-сулакской низменности до нижнего течения Кубани к началу монгольского нашествия.

Мы считаем, что Алания рассматриваемого периода не была этнонимом, отражающим этнический пласт, или государством ираноязычной единородной народности аланов. Она скорее протогосударственного типа политическое объединение аборигенных, адыгоязычных и вайнахоязычных, ираноязычных и тюркоязычных общностей, сложившееся в результате и в целях защиты общих жизненных интересов от внешних врагов.

Изложенную позицию подтверждают данные некоторых источников и ряд наблюдений. Во-первых, весьма странно сошла с исторической арены Алания. Сомнения возникают не только у исследователей, но и у читателей о том, может ли так бесследно исчезнуть мощный этнический массив – народ, создавший свою государственность, освоивший обширную территорию, игравший заметную роль в военно-политической и международной жизни всего Кавказа? А ведь Алания канула в Лету после первого удара монголов. И что удивительно: ни один этнос Кавказа, в том числе осетины, которых считают прямыми потомками аланов, не унаследовал в качестве этнонима термин «алан»! Следовательно, где-то учеными допущена ошибка, что вполне естественно, при известной скудости материалов и давности событий. Кстати, на разнородность этнического состава Алании намекает Ибн-Рустэ,

утверждая о том, что аланы делятся на четыре племени, а «почет и власть принадлежат племени дахсас». В ответном письме хазарского кагана Иосифа упомянуто 17 этнических групп, которые платят кагану дань, проживающие в горах Дагестана, Алании и на северо-западе Кавказа. По всей видимости, Алания была своеобразной конфедерацией, и, после крупного военного поражения, этот политический союз распался на его составные части.

После гуннского погрома в течение V–VI веков термин «Алан» в источниках не встречается. Зато в армяно-грузинской исторической традиции видное место отводится осам. Так, в «Истории» Джуаншера Джуаншеарианы рассказывается, как во время византийско-иранской войны осы вторглись в Грузию, Ран Мовокан и возвратились в Осети через «ворота Дербенда» к себе в «Осети». Последовали ответные действия грузинского царя Вахтанга Горгасала в начале 60-х годов. Вахтанг собрал солидное войско, двинул его через «ворота Дарьяла» в Осети. Здесь рассказывается, как в единоборстве с «осетскими великанами» Вахтанг одержал победу. В данном случае нас интересует тот факт, что ни один из армянских и грузинских авторов даже не упоминает слово «алан». Напротив, все повествования свидетельствуют о том, что гунны держат в своих руках регион и даже «Дарьяльскими воротами» владеет «гунн Амбарзук». Во время острого кризиса в жизни гуннской державы в числе племен – участников конфликта «аланы» не встречаются. Из осколков гуннского союза в эти годы в «Географии» Анани Ширакаци в западной части Предкавказья отмечена конфедерация булгар. Совершенно безосновательно ставят знак равенства между осами и аланами современные авторы лишь на том основании, что когда-то в конце IV века в предгорные районы проникли аланы! Первое достоверное письменное упоминание об аланах после описанной катастрофы относится к VIII веку.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Данная статья имеет незаконченный характер, в двух черновых вариантах, сведенных нами в один. В них автор излагает некоторые свои мысли по поводу аланской теории, проблемам этногенеза балкарцев, осетин, предпосылок формирования Кабарды как военно-политического и этнического образования восточных черкесов – преемников Касожского союза. В статье отсутствует библиографический аппарат, что позволяет нам предположить намерение автора публикации этой работы в газетном варианте. – *А. М.*

2. Основная проблема в прояснении этого вопроса – отсутствие достаточного числа письменных источников, охватывающих хронологический период, начиная с V века (после гуннского погрома) до появления монголов на Кавказе в XIII веке и далее до XV века включительно – времени распада Золотой Орды. С ее распадом на ряд политических объединений (Крымское, Астраханское, Казанское ханства, Большая Орда, Большой и Малый Ногай, Московское княжество) одновременно на авансцену политической истории выходит и Кабарда. Появление на политической карте в Центральном Кавказе этого субъекта с этого времени четко фиксируется в источниках. Последние свидетельствуют, что Кабарда, наряду с Крымским ханством и Московским княжеством, приняла активное участие в ликвидации самого нежизнеспособного преемника Золотой Орды – Большой Орды [*Некрасов А. М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа. Последняя четверть XV– первая половина XVI в. М., 1990. С. 71–73; *Сыроечковский В. Е.* Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI в. // Известия Академии наук. Отделение общественных наук. М., 1932. № 3. С. 203].

Несмотря на отсутствие прямых данных, естественно предположить, что она не могла

появиться на пустом месте, а вышла, как и все вышеперечисленные государства, из состава Золотой Орды – геополитического образования, покрывавшего все эти территории на протяжении нескольких столетий. В этом отношении, по нашему мнению, можно утверждать, что Кабарда, как и Московское княжество – продукт распада Золотой Орды.

Адыги на Кавказе, как и вайнахи – автохтонный народ, что прослеживается по археологическим материалам с эпохи ранней бронзы. Территория Центрального Кавказа – крайняя граница ареала распространения Майкопской археологической культуры, граничащей здесь с типологически схожей и родственной ей Кобанской археологической культурой. Хронологически это IV–III тысячелетие до н. э. Это задолго до появления на Кавказе и ираноязычных скифов, сарматов, аланов, и тюркоязычных булгар, аваров, печенегов, хазаров, кипчаков.

Под ударами волн нашествий кочевых народов предки адыгов, проживавшие на равнинах Центрального Кавказа и в Прикубанье, частично подвергались уничтожению, частично увлекались завоевателями в их походы, частично ассимилировались. Ядро этноса находило убежище и сохранялось в горных районах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Укрывшееся в горах население сохраняло свою независимость, та же часть, которая оставалась на равнине, включалась в состав политических объединений, создаваемых кочевниками.

В истории черкесов это происходило неоднократно. В свое время касоги (предполагаемые предки кабардинцев) находились в сфере политического влияния Хазарского каганата, куда они, наряду со многими другими народами Кавказа, входили, в связи с чем упоминались в письменных источниках как уплачивающие дань хазарскому кагану.

С разгромом Хазарского каганата в X в., на территории Центрального Кавказа и Восточного Закубанья возвышается новое политическое объединение – Кавказская Алания – протогосударственное образование, объединившее народы Центрального и отчасти Восточного Кавказа. Касоги (адыги) также входят в него, как и другие автохтонные (вайнахи) и пришлые (ираноязычные) народы.

С приходом на Северный Кавказ монголов это образование исчезает с политической карты, а его заменяет Золотая Орда. В свою очередь, когда Золотая Орда распадается, на ее развалинах возникают новые политические субъекты: Крымское, Астраханское, Казанское ханства, Большой и Малый Ногай, Московское княжество, Кабарда, именуемая также Пятигорские черкесы.

Таким образом, вывод, который вытекает из всего вышеизложенного, говорит о том, что адыги – автохтонный народ на Центральном Кавказе, издревле проживавший здесь, а не переселившийся сюда, как считают некоторые историки, только после монгольского нашествия в XIV–XV вв. И в этом мы полностью солидарны с мнением Е. Д. Налоевой, считавшей концепцию переселения кабардинцев из Западного на Центральный Кавказ после монгольского нашествия недоказанной.

То, что восточные черкесы (кабардинцы), в отличие от западных адыгов, были включены в государственно-политическую сферу Золотой Орды, не подвергается сомнению. Вопросы вызывает их статус в составе Золотой Орды и формат отношений местных политических элит с ордынскими ханами. Раз монголы не уничтожили их, не загнали в горы, позволили жить на такой благодатной и удобной для самих кочевников территории как Северо-Кавказская равнина, следует предположить, что у них был какой-то особый политический статус в Золотой Орде, особый формат отношений с золотоордынскими ханами. То, что они носили иной характер, в отличие от тех же отношений, навязанных завоеванным русским княжествам, не вызывает сомнений.

Касоги или черкесы, именно так они стали именоваться со времени появления монголов на Кавказе, не упоминаются в числе стабильных данников и облагаемых податями народов. Зато их воины часто упоминаются в числе участников походов золотоордынских ханов, их кварталы фиксируются источниками в столице Золотой Орды – Сарае, где они свободно живут, торгуют, а многие из них состоят на службе у ханов, занимая высокие (военные и административные) государственные должности. Согласно преданиям кабардинцев, один из самых знаменитых и влиятельных золотоордынских ханов – Узбек – их воспитанник

(къан). Во время борьбы за ханский престол черкесы принимают активное участие в междоусобицах, поддерживая своих кандидатов, состоявших с ними через обычай аталычества в искусственном родстве.

Учитывая, что в монгольской империи была высокоразвитая бюрократия, заимствованная ими из Китая, особенно в части фискальной, в области сбора дани и налогов, касоги или черкесы не могли быть не упомянуты в документах того времени. Тем не менее черкесов нет в списке постоянных данников, в отличие от тех же русских удельных княжеств. Мы можем пока только предполагать, что это связано с особым привилегированным статусом черкесов в Золотой Орде. Почему и в результате чего сложились такие взаимоотношения между касогами (кабардинцами) и завоевателями-монголами историки, ввиду отсутствия достаточного количества письменных источников, пока не могут дать исчерпывающего ответа.

Не дает его и Е. Д. Налоева в своей статье. Тем не менее ее критика теории заселения кабардинцами территории Центрального Кавказа после разгрома монголами в 1222 году алано-кипчакского союза как совершенно алогичной и не аргументированной, представляется нам обоснованной.

В заключение, касаясь затронутой проблемы, можно добавить еще и то, что дружеские отношения, установившиеся у золотоордынских ханов с черкесскими элитами на Кавказе (Л. Н. Гумилев называл такие отношения комплиментарными), были, в то же самое время, заключены с черкесскими правителями Египта и Сирии в лице мамлюкских султанов. Здесь у обоих государств на внешнеполитической арене оказались общие противники (хулагиды, турки-османы, держава Хромого Тимура), что привело к внешнеполитическому союзу и установлению тесных дипломатических отношений. Именно с территории Золотой Орды (а конкретнее из Крыма) происходила отправка в Египет черкесских рекрутов для мамлюкской армии. Известно, что черкесские общины проживают в Крыму в это время и из них назначаются золотоордынские наместники Крыма. В 1379–1386 гг. наместником Крыма был черкесский князь Жанкасиус-Зих или Черкес-бек, а правители Воспоро (современная Керчь) в восточном Крыму – черкесские князья Верзахт (1320 гг.) и Миллен (1330 гг.). [См.: *Хотко С. Х.* История Черкесии в Средние века и в Новое время. СПб., 2001. С. 165]. Таким образом, черкесы и Золотая Орда были союзниками как на Кавказе, так и на Ближнем Востоке.

Общеизвестно, что золотоордынское 300-летнее господство оказало огромное влияние на политическое устройство и государственные традиции Московского княжества, ставшего впоследствии царством и объединившего вокруг себя все русские земли. Аналогично, если говорить о Кабарде, мы можем предположить, что создание этого политического образования, с конца XIV до середины XVIII в. доминировавшего на Центральном и Северном Кавказе, контролировавшего всю Северо-Кавказскую равнину, было отчасти обусловлено тем, что государственные традиции были хорошо усвоены черкесской элитой, вовлекаемой в военную и административно-государственную систему Золотой Орды. И позднее, уже в период Московского царства, государи которого рассматривали себя правопреемниками Золотой Орды, с эпохи Ивана Грозного, представители кабардинских княжеских фамилий довольно естественно и беспроблемно инкорпорировались в военную и политическую элиту русского государства. Кабардинцы были не только отличными воинами, но и хорошими управленцами и государственниками.

Естественно и закономерно, что создание Кабардинского феодального государства в центре Кавказа, после ослабления и последующего распада Золотой Орды в XV веке, было подготовлено, прежде всего, внутренним социально-экономическим и политическим развитием черкесского этноса, у которого развитие феодальных отношений ученые отмечают начиная с VIII в.

Таким образом, внутренние предпосылки (развитие феодальных отношений) были подкреплены внешними условиями (нахождение в составе Золотой Орды и инкорпорация черкесских элит в военно-государственную систему золотоордынского ханства) и в итоге способствовали созданию этого политического образования, игравшего с XIV по XVIII в. важную геополитическую роль в Северо-Кавказском регионе. – *А. М.*

ОШИБКИ, КОТОРЫЕ НЕ ПРОЩАЮТСЯ [1]

Под таким заголовком недавно, а точнее шестого апреля текущего года «Советская молодежь» (40–42) опубликовала статью кандидата исторических наук В. Дзидзоева, в которой, к сожалению, допущены непростительные историку ошибки. Так, автор статьи пишет, что «многие видные русские князья были женаты на балкарках» и в подтверждение сказанного делает курьезное сообщение: «…у Александра Невского мать, а у князя Даниила бабушка были балкарками», что напоминает одну забавную детскую загадку.

С вашего позволения приведу ее:

– Мама с папой, муж с женой,
Дед да баба шли домой.
Сколько ж было здесь людей? –
Вдруг спросил учитель детей.
Словно Митьке думать грех,
«Я скажу!» вскрикнул дуралей
И… пошел чесать загадку вслух:
«Мама с папой будет два,
С дедом, с бабой – дважды два,
Муж всегда с женой вдвоем,
Значит, шли они вшестером!»

Аналогично ответу Митьки решена в статье родословная А. Невского. Об этом в благожелательной форме было сказано лично автору. Однако вместо ожидаемого опровержения статья появилась в другой газете как последнее слово исторической науки Кабардино-Балкарии, что побудило меня это сделать самой.

На самом деле, отец Александра Невского был женат на половчанке в первом браке, от которого Ярослав Всеволодович имел три сына: Федор, Александр (будущий знаменитый Невский) и Андрей. Сам же Александр Ярославович в 1239 году в Полоцке, а потом и в Великом Новгороде пышно отпраздновал свое бракосочетание с полоцкой княжной, которая родила ему четверых сыновей: Андрея, Василия, Дмитрия и Даниила – родоначальника династии московских князей.

Следовательно, мать Александра Невского и бабушка его родного сына Даниила – одно и тоже лицо, вовсе не балкарка и не в двух лицах, а половчанка. И самое главное: изложенные исторические факты не дают оснований ставить знак тождества между половцами и балкарцами. Кстати, во времена А. Невского не было этнонима «балкарцы».

Можно предположить, что автора ввело в заблуждение фонетическое сходство двух терминов: «полоцкий» и «половецкий». Первый из них происходит от назва-

ния крупного древнерусского города в Северо-Западной Руси, центра княжества. Второй – от русского слова «поле» и производных от него: «половец», «половцы», т. е. человек, живущий в поле или кочующие в поле люди. Русские половцами называли кипчаков, вторгнувшихся во II веке в южнорусские степи и далее во все Северное Причерноморье.

Несомненно, половецкий компонент, т. е. кипчакский присутствовал в сложном процессе этногенеза балкарцев, как и в происхождении других тюркоязычных народов. Но сегодня, ни один из них не нарекает себя кипчаками. Думается, у балкарцев не больше оснований на то, чем, скажем, у казахов. Поэтому, безапелляционное объявление балкарцев кипчаками вызывает недоумение.

Смущает и второй тезис В. Дзидзоева об архидревности балкарского народа. Справедливо сетуя на недостаточное внимание к изучению истории малых народов, автор пишет: «...самый древний народ на Северном Кавказе – балкаро-карачаевцы – вероятно, заслуживает, по меньшей мере, такого же курса своей истории, как армяне, грузины ...и т. д.».

Здесь сравнивают несравнимые вещи. Во-первых, писаная история армян и грузин уходит в глубь веков – в античную эпоху, тогда как балкарцы сложились в единый народ и обрели общенациональное название лишь в советское время. Беда малых народов, в том числе и балкарцев, заключается, пожалуй, в том, что по многим причинам внутреннего и внешнего характера у них либо не вызрели предпосылки к возникновению письменности, государства и других институтов, либо они их утратили в многотрудном процессе исторического развития. Разумеется, малые народы не вчера появились на божий свет. Напротив, они столь же древни, сколько само человечество. Однако бесписьменные народы оказались как бы вне сферы мировой историографии до встречи с представителями более развитых стран, составившими первые известия о бесписьменных народах. Это печальная, но объективная историческая реальность, от которой, к сожалению, зависит объем курса истории бесписьменных народов.

История – не художественная литература, ее нельзя выдумать, у нее, как у науки, есть свои принципы. Она развивается главным образом по двум направлениям: ссылка на источники и соблюдение принципа историзма. Поэтому ценность любого исторического исследования напрямую зависит от объема источников (в том числе письменных), достоверности и объективности содержащейся в них информации.

Во-вторых, по Дзидзоеву балкарцы те же половцы, а последние пришли на Северный Кавказ в XI веке н. э. Следовательно, этот сравнительно обширный и благодатный регион был необитаем до нашествия половцев. Так ли?

Не вдаваясь в подробности истории края, напомним о том, что аланы значительно раньше половцев обосновались на северных склонах Большого Кавказа, не говоря об автохтонах, оставивших неповторимую культуру.

В статье имеются и другие погрешности, но остановлюсь только на фразе: «Сталин считал себя продолжателем дел Петра Великого». Чужая мысль непостижима, если она не высказана вслух или не написана. Однако, где источник, свидетельствующий об этом: есть сведения о том, что Сталин об этом говорил или писал?

Приветствуя возрождаемую традицию печатать работы местных авторов по истории родного края, хотела бы пожелать авторам и редакторам больше компетентности и взыскательности к себе, помня весомость печатного слова. Не зря народная

мудрость гласит: «что писано пером – не вырубишь топором». Это особенно щекотливо, когда вопрос касается истории, где одна фраза, а то и слово одно легко может исказить прошлое целого народа. Чтобы убедиться, попрошу открыть страницы 26–28 книги Б. Черемисина «Спелые зерна», где автор беззастенчиво фальсифицирует историю кабардинцев, априори утверждая, что у кабардинцев действовало феодальное право «первой ночи», которым, якобы пользовались Анзоровы в Ст. Урухе чуть ли не до начала нашего века. При этом персонально называет Эльмурзу Анзорова, который утонул в р. Урух в 1890 г.!

Обиднее всего, что никто из наших историков не спросил Б. Черемисина: «Из каких источников стало вам об этом известно?»

Совсем недавно «Кабардино-Балкарская правда» напечатала статью сварщика А. Алиева, которая не выдерживает, вообще, критики.

Если дела пойдут в таком ключе, боюсь, мы не только не выполним важнейшую задачу исторической науки: исследовать белые пятна истории наших народов, но исказим ее до неузнаваемости.

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории СССР
дореволюционного периода КБГУ
Е. Д. Налоева

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Статья готовилась для опубликования в газете «Советская молодежь», но в печать не попала. – *А. М.*

13 Заказ № 815

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО КАБАРДЫ

245 лет назад был подписан Белградский мирный договор между Россией и Портой Оттоманской, положивший конец Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. [1]. Впервые политический статус Кабарды получил международное признание. Как известно, основной причиной этой войны был так называемый «кабардинский вопрос», который оставался одной из ключевых проблем русской и турецкой дипломатии и на Белградской мирной конференции 1739 г. Более того, со времени становления русского централизованного государства почти до конца XVIII в. во всех русско-турецких конфликтах неизменно фигурировала Кабарда.

Чем же объяснить такое значение маленькой Кабарды в русско-турецких отношениях?

Прежде чем ответить на этот вопрос, нелишне сделать небольшой экскурс в историю внешней политики России начиная со времени ее зарождения, который прольет свет на предысторию Белградского мирного трактата.

Русское национальное государство вызрело в жестокой борьбе против многовекового чужеземного господства. Свержение татаро-монгольского ига в 1480 г. и распад Золотой Орды в 1502 г. явились важной предпосылкой успешного завершения процесса образования русского независимого централизованного государства со столицей в Москве.

Однако возникшие на развалинах Золотой Орды ханства (Казанское, Астраханское, Сибирское, Крымское) продолжали угрожать независимости и территориальной целостности Московской Руси. Их земли в Сибири и на Урале, в Поволжье и Приазовье, в Причерноморье, Крыму и на Кубани, обширные степные просторы «Дикого поля», раскинувшиеся между Доном и Волгой, не только отрезали Русь от южных морей, но и изолировали ее от внешнего мира с Востока, Юга и Юго-Запада, образовав вокруг нее своеобразный враждебный «полумесяц». С Запада эту изоляцию довершали Великое княжество Литовское и Ливонский орден.

Как видно, перед молодым русским государством встала альтернатива: «Быть или не быть». Другими словами, либо она разорвет это враждебное окружение и займет достойное ей место в мировой истории, либо оно задушит ее. Поэтому не случайно первый русский царь Иван Грозный ознаменовал начало своего правления рядом военных походов, направленных на ликвидацию остатков Золотой Орды. В течение 1549–1556 гг. русские овладели Казанским и Астраханским ханствами, выходом к Каспию и почти вплотную подошли к владениям Кабарды, которая в те времена была гегемоном на Северном Кавказе. Образно говоря, русский царь разломал символический полумесяц турецкого султана.

Эти события вызвали разную реакцию у правителей Ирана, Порты, Крыма и Кабарды, внеся серьезные коррективы в военно-политические проекты этих государств. Различие, а зачастую полярность позиций этих интересов во многом определялось

борьбой между Ираном и Османской империей за овладение Кавказом. Дело в том, что соперники давно поделили сферы влияния в Закавказье и пытались преодолеть естественные преграды – в частности, Османскую империю и ее вассала Крымское ханство от закавказских владений отделяла воинственная и независимая Кабарда, доминировавшая на Северном Кавказе. Персидский шах установил свое господство в Дагестане, а турецкий султан, опираясь на вассально-зависимое от него Крымское ханство, опоясал кавказское побережье Черного и Азовского морей цепью военных крепостей вплоть до устья Дона. На этом «Кавказская проблема» зашла в тупик. Стороны не в состоянии были обогнуть Большой Кавказский хребет и прочно обосноваться на его северных склонах. Этому мешала Кабарда, без покорения которой и без открытия свободных коммуникаций через территории, контролируемые ею, невозможно было решить в свою пользу геополитические притязания в Закавказье.

Таким образом, Кабарда, лежавшая на стыке интересов двух противоборствующих держав, стала ключом «кавказской проблемы». Несмотря на свою вассальную зависимость от Османских султанов, крымские ханы были достаточно амбициозны, считая себя преемниками Золотой Орды, и свои притязания на господство в этом регионе пытались навязать не только Кабарде, но и Московскому государству. Агрессивные устремления Крымского ханства и внешнеполитические интересы Османской империи здесь совпадали и поэтому последняя, как правило, не препятствовала им, хотя и старалась контролировать внешнюю политику своего вассала. Падение и последующее присоединение Казанского и Астраханского ханств к Русскому государству рассматривали как серьезный удар по своим позициям в этом регионе Иран, а еще более Османская империя. Для восстановления своих позиций, утраченных с падением Казани и Астрахани, османам и крымцам необходимо было покорить или склонить на свою сторону Кабарду, занимавшую важное военно-стратегическое положение и которую предполагалось превратить в плацдарм своей экспансионистской политики. Кабардинское княжество, противостоявшее такой политике, было заинтересовано в появлении в регионе третьей сильной державы в лице Московского государства, на чью помощь она могла рассчитывать в виду наличия общего врага в лице Крымского ханства и его протектора. В такой же степени было заинтересовано в союзе с Кабардой и Московское государство, южные и даже центральные районы которого нередко страдали от крымских набегов. Противопоставив Кабарду Крыму, оно ослабляло натиск последнего на свои южные рубежи и в то же время посредством влиятельных кабардинских князей укрепляло свои позиции на Северном Кавказе, а в перспективе получало выход и на Закавказье. С этого времени Русское государство становится наряду с Ираном и Османской империей третьей заинтересованной стороной и игроком в «кавказской проблеме», а Кабарда превращается в «яблоко раздора» между тремя державами.

В этой сложной международной обстановке, усугублявшейся противоречиями между удельными князьями, верховный князь Кабарды Темрюк Идаров пошел на сближение с русским государством.

Добровольный переход Кабарды «под высокую руку московского государя» не вписывается в рамки присоединения какой-либо малой народности к русскому государству. Этот исторический акт изменил реальное соотношение сил Русского

государства и Порты на Кавказе в пользу первой и оказал огромное влияние на дальнейший ход развития русско-турецких отношений.

Со стороны Темрюка Идарова, шаги, предпринятые им, были дальновидными с точки зрения сложившейся тогда военно-политической обстановки, но в тоже время достаточно рискованными. Во-первых, не все кабардинские князья разделяли внешнеполитический курс Темрюка – прорусскую ориентацию. Тем не менее несмотря на этнические, религиозные и языковые различия с русскими и оппозицию части князей, он присягнул на верность Московскому государю от лица всего народа. Во-вторых, перед лицом наступательных действий христианского царя не исключена была возможность примирения двух мусульманских государств (Ирана и Турции) для отпора врагу, что могло повлечь за собой непоправимые последствия для Кабарды. Поэтому, упреждая подобный альянс, Темрюк форсирует переговоры и в течение года со времени закрепления русских в Астрахани успешно завершает их. В-третьих, завоеванные ханства еще непрочно были закреплены за Москвой, а против нее уже готовился крупный военный поход с целью отобрать у нее вновь приобретенные земли. И наконец, и это самое важное – Кабарду отделяли от Московского государства огромные просторы, исключавшие своевременное оказание помощи, тогда как противные стороны не более чем за три-четыре дня могли вторгнуться в ее пределы. Это было самым уязвимым местом в кабардино-русском соглашении и в тоже время условие взаимной военной помощи было основным в нем. Учитывая это обстоятельство, Темрюк предложил царю построить на территории Кабарды город-крепость с русским гарнизоном войск и артиллерией для совместных действий в случае необходимости, что в свою очередь, полностью отвечало интересам Москвы.

Так, еще в середине XVI в. зародилось кабардино-русское боевое содружество, прошедшее суровые испытания в течение нескольких столетий. История этого содружества полна славных страниц, когда кабардинцы бок о бок с русскими геройски сражались за интересы русского государства, отражая натиск общих врагов и на саму Кабарду. Однако и здесь имелись негативные моменты, когда эти связи надолго прерывались или же использовались кабардинскими князьями – лидерами отдельных политических группировок в своей междоусобной борьбе.

Одной из драматических эпох в истории Кабарды был тридцатипятилетний период после Белградского мирного трактата. К началу 30-х гг. XVIII в., с приходом к власти воинственного шаха Надира, ирано-турецкая борьба вступила в новую фазу. Гордый шах хотел отвоевать земли, захваченные Портой за время политического кризиса в Иране. Чтобы отвлечь войска шаха, теснившие турок, султан распорядился отправить им в тыл диверсионный отряд из крымских татар. Путь его пролегал через земли Кабарды, князья которой считались подданными Московского царя. На этой почве обострилась дипломатическая борьба между Портой и Москвой. Обе стороны упорно отстаивали принадлежность к ним Кабарды. Тем временем в 1732 г. протекторат России над Кабардой был вновь подтвержден присягой на верность кабардинских князей.

Несмотря на такое волеизъявление кабардинцев, исторические ссылки на договор о подданстве XVI в., протесты дипломатов и возражения русского правительства, султан повелел крымскому хану отправляться в поход через Кабарду в Закавказье. В мае 1735 г. шестидесятитысячная армия крымского хана Каплан-Гирея перепра-

вилась через Керченский пролив и, присоединяя к себе новые воинские контингенты из жителей Закубанья, взяла курс на Иран. В середине августа уже восьмидесятитысячная армия подошла к границам Кабарды.

Русские не располагали на Кавказе достаточными силами для отпора такой армии, поэтому правительство Анны Иоановны распорядилось: татар пропустить без сопротивления, кабардинцам повелеть прикинуться покорными и даже формально согласиться признать протекторат Порты, но в ответ на оккупацию Кабарды подготовить массированный удар по Перекопу.

В октябре того же 1735 г. самоуверенный хан, довольный покорностью Кабарды, углубился в земли Дагестана, в то время как сорокатысячный корпус генерала Леонтьева внезапно вторгся в пределы Крымского ханства. Все это породило страшную панику в Крыму, и Каплан-Гирей бросился спасать свои владения. Перед этим кабардинцы проводили его чинно, обнадежив в верности.

Указанные события послужили причиной Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Военные действия фактически начались весной 1736 г. Русские наступали по двум направлениям. Первая армия под командованием генерала Б. К. Миниха пошла на Перекоп, вторая – во главе с генералом Ласси – на Азов. Но в связи с тем, что необходимо было прикрыть азовскую группировку войск слева, решили открыть третий участок войны – Кубанский, который поручили кабардинцам и калмыкам, придав им часть донских и терских казаков.

Императрица Анна Иоановна специальной грамотой уведомила кабардинцев о начале войны с Турцией, призвав их выставить свое войско. Прибыли с тем же требованием послы и из Крыма. Несмотря на очередной взрыв феодальной усобицы, все враждующие группировки примирились, и кабардинское войско под предводительством Арсланбека Кайтукина вступило в войну на стороне России. Послам же хана велели передать: «Нам до хана дела нет»

Кабардинцы совместно с калмыками и казаками не только обезопасили фланг осаждавших Азов войск, но очистили от противника весь край, обратили в российское подданство ряд народностей Закубанского края и нанесли ощутимый урон противнику в живой силе. Другая группа кабардинских войск в составе второй русской армии участвовала в осаде и взятии турецкой цитадели на Дону – крепости Азов, а затем в последующих военных операциях в Крыму.

Следует считать большой заслугой кабардинцев и то, что перед началом войны их князья смогли убедить своего зятя – наследника Калмыцкого ханства Дондуку-Омбу, бежавшего в Крым со всем своим улусом, возвратиться в Россию и принять участие в начавшейся войне. Для этих целей им была выделена сорокатысячная конная армия.

Таким образом, Кабарда не только сохранила верность России в тяжелую годину, но и внесла посильный вклад в победу над врагом. А победа была одержана по всем направлениям. Русские впервые в этой войне штурмом взяли знаменитую татарскую твердыню Перекоп, столицу ханства Бахчисарай, одержали верх под Ставучанами, овладели крепостями Азов, Очаков, Хотин и другими. Однако из-за тактических промахов генерала Миниха, противнику удалось избежать полного разгрома и сохранить свою живую силу. Обстановку осложнила измена союзницы России Австрии, которая, опасаясь усиления последней, в решающий момент войны, стоившей русским 100 000 человеческих жизней, заключила сепаратный договор с Портой, угрожая

вчерашней союзнице. При подстрекательстве западных держав нагнетались отношения и со Швецией, стремившейся подвергнуть ревизии итоги Северной войны. В плохом состоянии находились и снабжение армии продовольствием, снаряжением, фуражом, боеприпасами, а также медицинское обслуживание и транспорт.

В таких условиях продолжать войну было бессмысленно, и Россия подписала мирный договор с Портой 18 сентября 1739 года в Белграде на весьма умеренных условиях. Собственно, ни одна из поставленных ею задач полностью не была осуществлена.

Наиболее невыгодной статьей договора был его шестой артикул, который гласил: «Большая и Малая Кабарды суть независимы и быть тем Кабардам вольными и не быть под владением ни одной, ни другой империи, но токмо бариеру между обеими империями служить. А ежели помянутые кабардинцы притчину жалобы подадут одной или другой державы, – каждой позволяется наказать».

Нужно заметить, что последняя формулировка сводила к нулю предоставленный Кабарде статус независимости и явно была направлена на ослабление позиций русских на Кавказе с возможностью экспансии в Кабарду.

Таким образом, русско-турецкая война и ее итоговый документ не разрешили кабардинский вопрос. Напротив, они запутали его. Кабарда, почти 200 лет находившаяся под протекторатом России, последние четыре года воевавшая на ее стороне, была оторвана от нее и объявлена независимой. В то же время эта «независимость» в реалиях того времени слабо ограждала ее от притязаний извне и во многом была временным компромиссом двух империй, боровшихся за овладение контролем над ней.

В политико-правовом и дипломатическом аспектах эта проблема была окончательно решена в пользу России Кучук-Кайнарджийским мирным договором 1774 г., по которому Османская империя отказалась от своих притязаний на Кабарду.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Статья была подготовлена автором для публикации в газете «Кабардино-Балкарская правда» в сентябре 1984 года к 245-летнему юбилею подписания Белградского мирного договора (18 сентября 1739 г.), но опубликована не была. – *А. М.*

О ГЕНЕРАЛЕ ЭЛЬМУРЗЕ ЧЕРКАССКОМ

С середины XVI в. наблюдается активная эмиграция части кабардинских князей и их дворян в Россию. Разные причины влекли их туда: поражение в междоусобных распрях, преследование их кровниками, военная служба, брачные и другие родственные связи, крещение русскими властями осиротевших заложников-аманатов и т. д.

Одним из притягательных обстоятельств отмеченного оттока кабардинской знати в Россию было решение русского правительства приравнивать кабардинских князей к высшей знати русского общества, которое неукоснительно соблюдалось со времени женитьбы Ивана Грозного на кабардинской княжне Кучаней. Благодаря этому многие выходцы из Кабарды – князья Черкасские, занимали видные посты в государственном аппарате и военном ведомстве России на протяжении второй половины XVI – первой половины XVIII в.

Одним из них был и генерал-майор иррегулярных войск России Эльмурза Бекмурзович Жамбулатов-Черкасский. Он происходил из знатного княжеского Дома, который вел свое родословие от легендарного Инала.

В конце 70-х – начале 80-х гг. XVII в. в Большой Кабарде разыгралась страшная трагедия: ссора троюродных братьев – князей Шогенуковых и Жамбулатовых окончилась истреблением всех Шогенуковых. Последняя четверть XVII столетия была тяжелым временем для Кабарды. В это время, в результате дворцовых переворотов, обострения классовых и внутриклассовых противоречий в русском государстве его влияние в Кабарде заметно ослабло. Соответственно возросли на нее притязания Крыма. Не было полного единства и между кабардинскими князьями во внешнеполитической ориентации, в результате чего обострялись феодальные усобицы.

В такой обстановке в 1675 г. князь Адильгирей (Адильмурза), сын Алегуки Шогенукова был убит неизвестными людьми на обратном пути из русской военной крепости Терки в Кабарду.

Ближайшие родственники покойного почему-то заподозрили в этом преступлении князя Бекмурзу Жамбулатова и вскоре последовало возмездие. Правда, Шогенуковы открыто не обвинили Бекмурзу, на то у них не было улик, да и небезопасно было им бороться с сильным княжеским домом Жамбулатовых. Поэтому Шогенуковы воспользовались очередным вторжением крымцев в Кабарду.

Князь Бекмурза, как и весь Дом Жамбулатовых, придерживался прорусской ориентации. Его старший сын Шолох (Шалуха) продолжительное время находился аманатом в крепости Терки у русских, где он выучился грамоте и языку русскому. Теперь там же находился третий по старшинству его сын Девлетгирей. Обо всем этом донес крымскому хану родной племянник убитого князя Адильгирея Али-Солтан Шогенуков, что послужило основанием для расправы с Бекмурзой.

В том же 1682 г. крымский хан убил Бекмурзу и по-своему усмотрению распо-

рядился наследством Бекмурзы, т. е. земли, вассалов, крестьян и детей Бекмурзы передал в ведение Али-Солтана [1, 1736, д. 7, л. 23].

От Бекмурзы осталось шестеро сыновей: Шолох, Татархан, Девлетгирей, Касим (Кайсын), Батоко и Эльмурза. Как уже сказано, Девлетгирей в возрасте 7–8 лет находился в Терки. В те времена действовал обычай брать заложников. При крепости Терки имелся специальный аманатный двор, где содержались заложники. Как правило, в аманаты отдавали малолетних детей мужского пола. По достижении ими определенного возраста их сменяли другими, если отношения оставались нормальными. С каждым княжичем в аманаты шли два подростка из семей дворян, находящихся в вассальной зависимости у отца княжича, и два-три холопа в качестве прислуги. Всем им русское правительство ежемесячно выдавало «кормовые деньги», размер которых строго зависел от сословной принадлежности аманата. Так, например, князьям в первой половине XVIII в. выдавали 12 руб. 40 коп., дворянам – 8 руб., прислуге – по 3 руб. [1, 1731, д. 1, л. 17]. Аманатов знатного происхождения обучали грамоте и русскому языку. В случае измены или смерти князя, с которым был заключен договор и в подтверждение которого был взят аманат, заложника либо отпускали на Родину, либо крестили и увозили в Россию.

Так, после убийства Бекмурзы его сын-аманат Девлетгирей был крещен, наречен Александром, а чтобы его не путали с другими находившимися на русской службе кабардинскими князьями с фамилией «Черкасские», последнему по его отчеству дали двойную фамилию «Бекович-Черкасский».

Указанная мера не распространялась на аманатов дворянского происхождения, т. е. их беспрепятственно отпускали с изменением статуса их сюзерена-князя. Однако, когда маленького Давлетгирея забрали в Россию, добровольно поехал с ним его дворянин Султан-Али Абашев, который был старше своего князя на несколько лет. Вскоре ему последовал и самый старший сын Бекмурзы Шолох.

Как известно, Александр Бекович-Черкасский трагически погиб в Хиве в 1717 г. Погиб вместе с ним и Шолох, который сопровождал своего брата со своими узденями [Там же]. Еще до своего отъезда в хивинскую экспедицию в августе 1716 г. «по указу царского величества князь Александр Бекович послал ево (Султан-Али Абашева. – *Е. Н.*) в Кабарду рудных мест осматривать» [2, 18].

В 1717 г. Султан-Али Абашев возглавил кабардинское посольство, снаряженное в связи с усилением крымской агрессии на Кабарду. Ему же было поручено по пути в Москву заехать к калмыцкому хану Аюке и узнать подробно о судьбе Александра Бековича-Черкасского [2, 19]. Одновременно Абашеву было поручено заявить Петру I, что «меньшой брат князь Александра Бековича Эльмурза приказывал с ним, что, ежели царское величество изволит когда послать в Хиву ради отмщения смерти брата его князь Александра, изволил бы указать ему, Эльмурзе, при том быть, и что он за смерть своего брата с радостью на отмщение пойдет» [2, 20]. Предложение Петром I было принято. Таким образом, смерть братьев и чувство долга отмстить за их кровь побудило князя Эльмурзу вступить на «вечную службу» в русскую армию.

В 1719 г. с согласия кабардинских князей и по договоренности с царем Эльмурза Бекмурзович Жамбулатов покинул Кабарду. По тогдашнему обычаю, Эльмурза отказался навечно от всех земель и крестьян. Взамен этого ему разрешили набрать добровольцев из уорков рода Жамбулатовых в количестве 40 человек с

соответствующим количеством прислуги. В том же году Эльмурза прибыл в Москву [1, 1731, д. 1, л. 11].

Часть своей свиты князь Эльмурза оставил в Москве, а с остальными узденями в количестве 20 человек он поехал в Петербург для встречи с царем. Князь любезно был принят Петром I. Он сохранил за Эльмурзой звание князя, произвел тут же в капитаны иррегулярных войск, распорядился построить для него дом соответствующего его званию в гор. Астрахани и назначил годовое жалование [Там же, л. 9].

Родной дядя Эльмурзы князь Арсланбек Кайтукин писал Петру I, беспокоясь за судьбу своего племянника: «…Вашего величества просим всенижайше, понеже брат наш меньшой… Эльмурза отъехал от нас до вашего царского величества до высокого престола, чтоб тамо и обрести себе счастие… и быть под вашим покровом милости монаршеской; того ради ныне вас, великого государя, молим, дабы оной… высокой вашей монаршей милости не был лишен» [2, 34].

С 1720 г. Эльмурза проживал в гор. Астрахани со своим кавалерийским отрядом. В 1722 г. он участвует в каспийском походе Петра I. Легкая кавалерия кабардинцев в этом походе не раз отличилась [3]. За эти заслуги император назначил его князем всего нерусского населения, расположенного в прикаспийских владениях России. В связи с этим капитан Эльмурза Бекович-Черкасский был переведен на Кавказ. В частности, после постройки военной крепости Святого креста он командовал всеми казаками и охоченами. В полуверсте от крепости Святого креста была раскинута «слобода Охоченная, населенная черкесами и другими горцами, оставшимися в магометанстве. В сей слободе находилось уже в 1727 г. до 300 черкесских фамилий, которые состояли в команде оного Эльмурзы Бековича, пожалованного Петром Великим в полковники, оставшегося навсегда в службе Российской» [3, 37].

Служба узденей полковника Э. Б. Черкасского была многообразной и трудной. Как свидетельствуют источники, многие из них в совершенстве владели турецким, татарским и персидским языками. Поэтому их использовали в качестве переводчиков, разведчиков, посыльных. Если к этому прибавить, что они были отличные воины, то будет вполне понятна значимость этого рода войск. В 30-х гг. XVIII в. командующий низовым войском генерал-лейтенант А. П. Левашев писал в Военную коллегию о них так: «против войск в 500 человек любого народа достаточно 50 кабардинцев» [1, 1731, д. 1, л. 41]. Эта характеристика, возможно, и преувеличена, но тем не менее она подчеркивает особую заинтересованность русского правительства в сохранении и привлечении кабардинцев к военной службе.

Интересно, что несмотря на это, им не платили за службу. Плату годовую получал князь, а остальные сами содержали себя. «Никто из черкесов жалованья не получал, а давалось им награждение за каждый нарочитый поиск против неприятеля с предоставлением им добычи, какую возьмут» [3, 37].

Военный историк А. Г. Бутков писал: «Терские аульные татары или ногаи также кочевье свое перенесли от Терека к крепости Святого креста. Начальствовал ими помянутый Эльмурза Бекович-Черкасский» [3, 40].

В 1724 г. после перехода кабардинского князя Арсланбека Кайтукина на сторону Крыма Петр I резко изменил свое отношение к Эльмурзе. Он лишил его жалованья, дома и приказал: «ежели он не хощет креститца, пущай идет куды хочет». Несмотря на это, Эльмурза оставался верен данной присяге и служил верой и правдой без жа-

лования до 1739 г. Эльмурза работал вместе с Долгоруким, присланным на Кавказ для разграничения русско-турецких владений.

По возвращении в столицу В. В. Долгорукий особым докладом просил императрицу Анну Ивановну оценить по достоинству заслуги этого верного слуги. Князю годовое жалование было восстановлено [1, 1731, д. 1, л. 18].

В чине полковника князь Эльмурза Бекович-Черкасский участвовал в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. Под его командованием действовали не только черкесы, охочены, но казаки полковые, семейные, которых «...было в 1729 г. 800 конных, 75 пеших и 1500 семейных переселенных из Дону еще при Петре Великом» [3, 77].

По окончании русско-турецкой войны Эльмурза «приезжал в Москву, а из Москвы отправлен в Санкт-Петербург. А за отпуском ево остались в Москве людей ево 25 человек и им давано кормовые деньги с прибытия в Москву по отпуск все обще по 40 рублев на месяц» [3, 78].

Поездка Э. Бековича в Петербург увенчалась успехом. Императрица Анна Ивановна любезно приняла его и наградила его чином генерал-майора иррегулярных войск, соответственно повысилось его годовое жалование. Кроме того, двадцати наиболее отличившимся его узденям были установлены годовые жалования [Там же].

Позже Эльмурза Бекович-Черкасский во время семилетней войны был призван в действующую армию и под его командованием выступил солидный военный отряд для отправки в Германию, но со смертью Елизаветы Петровны указ был отменен, а его с отрядом возвратили на Кавказ. В 1747 г., когда в Большой Кабарде разгорелась борьба двух княжеских группировок, Эльмурза был командирован туда российским правительством с миссией их примирения [1, 1747, д. 10, л. 31].

В 1758 г. Эльмурза Бекович-Черкасский умер, оставив четверо сыновей, положивших начало русским князьям Бекович-Черкасским.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. АВПР. Ф. Кабардинские дела.

2. КРО. Т. II.

3. *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 1.

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ АДЫГСКИХ НАРОДНОСТЕЙ [1]

Проблемы этногенеза – одна из труднейших задач современной исторической науки. Особенно они сложны на Кавказе, где на сравнительно небольшой территории за каких-то семь-восемь веков сменилась масса этнических названий, при этом миграционные и ассимиляционные процессы не всегда четко прослеживаются по данным источников.

Одним из недостаточно изученных вопросов этногенеза народов Кавказа является происхождение адыгов. Оно представляет интерес не только для историков. Им занимаются представители этнографии и археологии, лингвистики и антропологии и др. Видимо, только комплексное изучение проблемы позволит заглянуть в его тайны. Последнее, разумеется, не исключает поисков отдельных специалистов и выдвижение ими своих гипотез. Напротив, лишь углубленное изучение различных аспектов вопроса специалистами смежных наук с координацией их деятельности может решить его. Проблема этногенеза адыгов издавна привлекала внимание кавказоведов разных специальностей, усилиями которых была выработана общепринятая концепция, нашедшая отражение в обобщающем труде по истории Кабардино-Балкарии. В частности, в нем говорится: «Племена, населявшие районы Центрального и Северо-Западного Кавказа, представляли некогда единую часть общекавказской языковой семьи или кавказского субстрата. Только последующие исторические события – включение в некогда единую кавказскую этническую среду инородных для Кавказа иранских (скифских, а позднее сарматских и аланских), а еще позднее – тюркоязычных – нарушили это единство и способствовали образованию в центральной части Кавказа осетинского (иранского) и балкаро-карачаевского (тюркоязычного) массивов.

Население же Северо-Западного Кавказа в своей основе осталось прежним, сугубо кавказским по языку. Здесь исторический процесс завершился сложением другого мощного этнического массива Северного Кавказа – адыго-черкесо-кабардинского, древние предшественники которого – меоты, синды, керкеты, псессы, зихи и другие хорошо известны по свидетельствам античных авторов. Эти племена и народности и явились далекими предками нынешних адыгейцев, черкесов и кабардинцев» [2].

Изложенная концепция была общепризнанной до недавнего времени. По крайней мере последующие работы по этнографии и археологии Кавказа приходили к аналогичным выводам [3; 4; 5; 6; 7], но известный советский этнограф и кавказовед Л. И. Лавров в 70-х гг. выступил с критикой изложенной концепции [8].

В этих условиях представляются полезными дискуссии по данной проблематике, что, собственно, и побудило нас высказать свои соображения относительно прежних и новых гипотез о происхождении адыгов.

Вполне понятно, что нереально решать такие сложные вопросы в рамках одной

статьи, но мы и не ставим такую задачу. Для этого необходимо комплексное исследование этой проблемы смежными науками, как это и делалось раньше в адыговедении. Последнее, однако, не исключает самостоятельных поисков специалистов и выдвижение ими своих идей. Напротив, на наш взгляд, лишь индивидуальное углубленное изучение отдельных аспектов вопроса учеными разного профиля с последующей координацией результатов их поисков способно приблизить проблему к резюмируемой черте.

В вышедшей в 1978 г. в Ленинграде книге Л. И. Лаврова автор не только пересмотрел прежние свои взгляды, подверг сомнению концепции других исследователей, объявив их «безнадежно устаревшими», но и выдвинул совершенно новую концепцию по данному вопросу [8, 38].

По мере развития исторической науки, появления новых находок и комплексного изучения добытых материалов вполне закономерно пересматривать устаревшие положения, но при этом предлагаемые гипотезы должны опираться на более прочные основы.

В настоящей статье не представляется возможным рассмотреть в полном объеме вопрос об этногенезе адыгов, но высказать свои соображения по этой проблеме и выдвинутым Л. И. Лавровым дискуссионным положениям представляется нам полезным. Мы здесь затронем лишь три аспекта выдвинутой концепции Л. И. Лаврова, это ираноязычность, по его мнению, племен Юго-Западного Кавказа, вопрос об абазинах и происхождении кабардинских князей.

По мнению Л. И. Лаврова, из всех известных в истории племен Юго-Западного Кавказа бесспорными предками адыгов можно считать только зихов и маленькое племя ахейцев, объявляя всех остальных племенами ираноязычного происхождения [8, 38–41]. «Принято считать, – пишет он, – что адыги произошли от смешения ахейцев, зихов, торетов, керкетов, синдов и меотских племен... Для утверждения этой гипотезы кое-что сделал и автор этих строк. В настоящее время все это безнадежно устарело» [8, 38].

Для такого крутого изменения своей позиции и категоричного заявления исследователь должен располагать надежными источниками, чего, к сожалению, нет в упомянутом труде Л. И. Лаврова, кроме попытки на основе лингвистического анализа названий меотских племен доказать достоверность своей концепции. «На ираноязычность меотов, – утверждает он, – показывает и окончание «тэ» в ряде этнонимов (меоты, фаты, яксаматы, тарпиты; ср. сарматы, сколоты, массагеты) – в осетинском языке «тэ» до сих пор служит показателем множественного числа...» [8, 39, 40].

«...племя торет (или тореат), обитавшее у Новороссийской бухты, считают бездоказательно протоадыгами, не обращая внимание на присутствие иранского суффикса «тэ» в этнониме» [8, 40].

Наличие в осетинском языке окончания множественного числа «тэ» не вызывает сомнений, чего, однако, нельзя сказать о «присутствии иранского суффикса» в перечисленных названиях племен. Последние могут быть как этнонимами, так и автонимами. Мы пока не знаем «фат», «меот», «тарпит», «синд» и др. – самоназвания племен или же иноязычного происхождения. Не уточнив эту деталь, на наш взгляд, нельзя считать надежным источником названия племен для определения их этнической принадлежности. Нет уверенности и в том, что эти названия точно транскрибиро-

ваны. Обычно из-за фонетической сложности адыгские термины не передаются в точной передаче ни на одном языке, чаще всего они искажаются до неузнаваемости.

Однако уязвимость выдвинутой Л. И. Лавровым гипотезы заключается не только и не столько в отмеченных сторонах его построений, а в эфемерности самого «иранского суффикса». Интересующие нас названия племен обращены во множественное число при помощи русского окончания «ы»: «меот – меоты, фат – фаты, тарпит – тарпиты и т. д. Следуя этой логике, можно объявить ираноязычным любой этноним, оканчивающийся на «т».

Рассмотрим по порядку его аргументацию. «Иранский характер меотского языка, – пишет он, – его сходство с аланским подтверждаются присутствием на Тамани (т. е. по соседству с меотами) штата аланских переводчиков в III в. н. э.» [8, 40].

Приведенный факт не столько подкрепляет довод автора, сколько свидетельствует об обратном. Если бы аланский язык настолько был схож с меотским, как полагает Л. И. Лавров, то не было бы нужды в подобных переводчиках на границе с меотами.

Правильно полемизируя с исследователями, отождествляющими термины «черкес» и «керкет», Л. И. Лавров спрашивает: «почему, например, этноним «керкет» имеет окончание «ты», не свойственное адыгам и легко объяснимое из иранского языка?» [8, 40]. Следовательно, окончание «ты» может служить лишь указанием на то, что этим термином, имеющим иранские корни, в определенный период обозначались адыги их соседями.

Сложившаяся в адыговедении концепция предполагает, что синдо-меотские племена (синды, меоты, дандарии, досхи, тарпеты, ахеи, фатеи, зихи, псессы, тореты, керкеты), жившие, по письменным свидетельствам античных авторов, с VI в. до н. э. на Северо-Западном Кавказе, явились ядром складывания древних адыгов – предков современных кабардинцев, черкесов и адыгейцев [2, 45–52].

Комплексное исследование проблемы дало и позитивную схему их расселения, согласно которой синды занимали Таманский полуостров и прилегающие к нему земли, приблизительно, до впадения р. Абин в Адагум; правее от них на восточном побережье Меотиды (Азовское море) проживали меоты, дандарии, досхи, тарпеты, а к Югу от Синдики вдоль черноморского побережья – ахеи, керкеты, тореты и зихи. В глубинной же территории от названных приморских жителей до вершин Большого Кавказского хребта по течению Никопсии (Кубань) обитали фатеи, псессы и другие мелкие племена.

Л. И. Лавров отрицает участие в этногенезе адыгов синдо-меотов, как ираноязычных народов, за исключением зихов и ахеев, которых он считает бесспорными протоадыгами [8, 38, 39]. «Иранизация» абсолютного большинства этнических групп Северо-Западного Кавказа неоправданно сужает круг возможных предков самого мощного этнического массива региона – адыгов. Как известно, к XIV в. ими были заселены не только Северо-Западный Кавказ, но и центральная часть Северного Кавказа. Такой демографический взрыв и территориальное расширение нереальны за счет естественного прироста двух племен. Уязвимость данной позиции, видимо, сознавал и сам автор, т. к. он выдвинул новую версию об ассимиляции абазгов адыгами.

Переходя к вопросу об абазинах, Лавров пишет: «прошлое ныне немногочисленного абазинского народа таит в себе загадки, не разгадав которые нельзя понять некоторые весьма существенные вопросы истории Северо-Западного Кавказа» [8, 41].

Трудно не согласиться с тем, что история даже самой маленькой народности полна загадок и нераскрытых тайн. Однако не слишком ли гипертрофирует автор историческую роль абазинской народности, которая, по данным ряда исследователей, сложилась на Северном Кавказе из абхазских переселенцев XIV–XVI вв. [9].

Откровенно говоря, ознакомление с очерком создает впечатление, что приведенные в нем лингвистические исследования понадобились автору для обоснования своей гипотезы об абазинах. Так, сразу же настораживает безапелляционное отождествление им древних абазгов и современных абазин, которые, якобы, говорили на убыхском языке до VIII в. [8, 43–44].

Сущность тезиса об абазинах вкратце сводится к следующему. Абазги-абазины некогда были сильным и многочисленным племенем и владели обширной территорией от реки Бзыбь в Причерноморье до Никопсии (Кубань) на Северном Кавказе. Затем они покорили соседнее племя апсилов (предки современных абхазов) и в VIII в. создали Абхазское царство с абазинской династией во главе [8, 43, 44]. Но так как «апсилы... имели более развитую культуру, чем их соседи абазги, поэтому образование в Апсилии Абхазского царства должно было сопровождаться ростом апсильского влияния на горцев-абазгов. Это, очевидно, и положило начало вытеснению древнего языка абазгов (протокубанского) и распространению среди них абхазских диалектов. Однако, южная ориентация политики Леона II (абхазский царь конца VIII – начала IX в. – *Е. Н.*) и его приемников привела к превращению Абхазского царства в Грузинское и к политической независимости абазин, т. е. собственно абазгов. Это совпало с возросшим адыгским влиянием на абазин, многие из которых стали постепенно переходить на адыгейский и кабардинский языки [8, 45]. Так, «ряд адыгейских племен (шапсуги, абадзехи, бжедуги) были прежде абазинами и говорили на абазинском языке» [8, 41].

Получается довольно-таки любопытно: многочисленные абазги-абазины, занимавшие обширную территорию, покорившие апсилов, грузин, создавшие известное царство, сначала обабхазились и утратили свой убыхский язык, а потом, получив «политическую независимость» от своего же государства, подпали под влияние малочисленных адыгов и уже заговорили на их языке.

Мы далеки от мысли отрицать возможность взаимной ассимиляции абазин и адыгов, но если шапсуги, абадзехи и бжедуги, составлявшие более двух третей всех адыгов, ассимилированные абазины, как утверждает Лавров, то невольно встает вопрос: а кто их ассимилировал? Поглощение малых народов большими – обычное явление в историческом процессе, но обратное – спорно.

В очерке нет прямых указаний о времени перехода абазгов-абазин под адыгское влияние, но упоминание в нем «Леона II и его преемников» позволяет датировать это событие X–XI вв. Трудно поверить, чтобы абазины за такой короткий срок, с VIII–IX вв., смогли сменить два языка и перейти на третий.

В этом смысле весьма показательна судьба абазин, всего шесть родов, которые находились в теснейших экономических, политических, территориальных и брачных связях с кабардинцами, по меньшей мере, с XIV в. и тем не менее они сохранили до наших дней свои этнические особенности, в том числе родной язык – диалект абхазского языка. Наконец, если, как утверждает Лавров, шапсуги, абадзехи, бжедуги и абазины, так сказать обломки бывшей великой Абазгии, то, как объяснить,

что первые три, более крупные единицы с такой легкостью ассимилировались, а маленькая Абаза обнаружила несказанный иммунитет?

Вопрос о происхождении абазин достаточно убедительно исследован З. В. Анчабадзе, который считает их абхазами, переселившимися на северную часть Кавказа в XIV–XVI вв. [9]. С выводами Анчабадзе созвучны и некоторые данные источников. В 40-х гг. XVIII в., после заключения Белградского мирного договора, объявившего Кабарду независимой, но барьерной между Портой Оттоманской и Россией, абазинский вопрос приобрел международный характер. Дело в том, что в Белградском мирном договоре об абазинах непосредственно не было указано. Воспользовавшись этим положением, на них стали претендовать, с одной стороны, Крымское ханство, за спиной которой стояла Османская империя, а с другой – Кабарда, опираясь на поддержку России.

Кабардинские князья, ссылаясь на предания и свою генеалогию, сумели тогда доказать принадлежность абазин к Кабарде. Объяснения, данные ими в разное время, сходятся в главном: абазины вышли из гор и пришли под защиту далекого их предка Инала и с тех пор они находятся под их покровительством [10, т. II, 59, 95–97, 141, 162, 164, 188].

Мы приведем одно из этих сообщений – письмо князя Магомета (Бамата) Кургокина к русской императрице Елизавете Петровне от 16 июня 1753 г. «...Крымской хан, – говорится в нем, – имеет на нас злобу за то, што не отходим мы от в. и. в., Росеи и хощет абазинцев отнять. О помянутых абазинцах Оттоманской Порте представлено (т. е. крымским ханом. – *Е. Н.*) оное несходственно, понеже издревле оныя абазинцы наши суть, ибо абазинский народ «алтыкисек» из гор происошол к прапрадеду нашему Иналу. Сначала с имянуемым Хаджи Ахмедом две фамилии вышли. Одна, называемая, Мангх, а другая – Хохона. А потом и по две и по три фамилии из гор к нам выходили и паки от нас уходили. Итако, имянуемый «алтыкисек-абаза» от того происошел. Помянутый Хаджи Ахмед положил начало тому, когда из гор вышел к прапрадеду нашему Иналу, а наш прапрадед Инал...» [11].

Далее Кургокин приводит родословную кабардинских князей, в которой насчитывается 13 колен. Пользуясь методом генеалогии (три поколения на сто лет), можно датировать это событие приблизительно концом XIII– нач. XIV в.

Отмеченные Кургокиным подробности дела, личные и фамильные имена, а также совпадение сути события с результатами исследования З. В. Анчабадзе склоняют к признанию достоверности его сообщения. При этом следует иметь в виду, что у бесписьменных народов предания и генеалогия заменяли им и писаную историю, и официальные документы, почему бережно хранили в памяти народной важные события, каким считали переход одного народа под покровительство другого.

Дискутируя с Анчабадзе по поводу происхождения абазин, Лавров напоминает оппоненту: «...так как уже в начале н. э. абазги были известны отдельно от апсилов, то значит уже тогда не смешивали протоабазин и протоабхазов» [8, 42]. Но в тоже время он сам не делает никакой разницы между абазгами и абазинами, между адыгами и адыгейцами и вопреки общеизвестному факту пишет: «а джиками грузинские источники называли абазин» [8, 44;12, 33, 39]. Неправомерно также употреблять термины «адыгейские племена», «адыгейский язык». Адыгея – административное понятие, возникшее в годы советской власти, а не этническое название.

В рассматриваемом очерке имеет место и произвольное толкование ряда источников и литературы. В частности, ссылаясь на одно из преданий об Айдемыркане, автор пишет: «значительная роль абазин в прошлом нашла отражение в фольклоре… В кабардинском сказании о древнем герое Андемыркане рассказывается, как последний отдался под покровительство абазинского князя (Басхак-пши)» [8, 46].

Оставляя в стороне тот факт, что у абазин (речь идет не об абазгах) не было сословия «пши» и такого термина в их языке, заметим, что в сказании, на которое Лавров ссылается, нет ни прямого, ни косвенного указания о принадлежности Басхак-пши к абазинам. Однако из контекста сказания явно чувствуется, что Басхак-пши кабардинец. Чтобы не быть голословным приведем само это сказание.

«Пусть теперь Басхак-пши решит мою судьбу. Здесь мне житья-покоя не дадут, – сказал Андемыркан и поехал к нему, Басхак-пши.

Прибыл. Вошел в кунацкую. Басхак-пши ласково, радушно принял гостя. Спрашивает: – зачем приехал?

Андемыркан рассказал в чем дело. – Если ты моей судьбы не решишь, мне не дадут спокойно жить.

Басхак-пши в ответ: – Добро. Я решу твою судьбу, не потерплю, если кто-либо тебя тронет.

День-другой гостит Андемыркан у Басхак-пши. На третий день они вместе отправились на охоту.

У Басхак-пши гончие собаки, а с Андемырканом одна собачонка-тума маленькая.

Гончие погнали лису. Долго гнались за нею, поймали, но тут собачонка Айдемыркана лису отняла. Только Басхак-пши это увидел, закричал: – Всегда дерзки бывают тумы. Собака-тума, пши-тума – все одно. Прикончить этого собачьего ублюдка!

Тогда Андемыркан: – Ты, стало быть, не можешь терпеть ни собак-тум, ни пши-тум?

Басхак-пши решительно ответил: – Ясно.

– Ну, а я таких, которые тум терпеть не могут, тоже не терплю, – сказал Андемыркан и уложил на месте Басхак-пши.

После этого убийства Андемыркан покинул Кабарду и поехал в Малый Кизляр и поселился там совсем одиноко» [13, 259–296].

Непонятно, как можно из приведенного сказания сделать вывод: Андемыркан отдался под покровительство абазинского князя (Басхак-пши)?

Не менее спорная интерпретация дана и некоторым высказываниям Ногмова. Последний, описывая по преданиям междоусобные распри кабардинских феодалов, рассказывает, как князь Кашкао Калахстанов, потерпев поражение, навел на Кабарду аварского умция с большим войском в конце XIII в. «В этом положении, – продолжает Ногмов, – кабардинский народ решился прибегнуть под защиту абазинцев и других горских племен. Заключив союзы с единоверцами, кабардинцы начали стягивать войска…» [14, 96–99]. Из дальнейшего повествования узнаем, что им помогли отразить уцмия абазины, бесленеевцы и другие соседи.

Искажая ясный смысл приведенного предания, Лавров говорит: «Ш. Б. Ногмов пишет, что в трудные времена кабардинцы прибегали под защиту абазин» [8, 46].

Здесь необходимо дать небольшое пояснение. Дело в том, что Ногмов ошибочно датирует описываемое им событие XIII в. На это обращают внимание, во-первых,

упоминание калмыков, которые появились в Приволжье в начале XVII в [15, 573–590]. Во-вторых, похищение лазутчиком Ортано огнестрельного оружия у аварцев [14, 99], какого не могло быть в XIII в., ибо первый мушкет изобретен только в начале XVI в. [16]. В-третьих, зачинщик усобицы Кашкао Калахстанов историческое лицо, жившее в начале XVII в. [10, т. I, 383]. И наконец, Ногмов передает, что вторжение аварцев произошло после смерти князя Шолоха Толостанова [14, 96], который княжил в Кабарде с 1606-го по 1616 г. [10, т. I, 80, 81].

Следовательно, интересующее нас событие имело место в конце второго или начале третьего десятилетия XVII в. То, что в XVII в. маленькая Абаза «Алтыкисек» не могла брать под свою защиту Кабарду, не нуждается в комментариях.

К сожалению, в работе немало подобных натяжек, используемых в целях констатации гипотезы об абазинах, которые не согласуются с источниками. По данным последних, абазины как народность сложилась на Северном Кавказе из переселившихся сюда абхазов, что подтверждается и родством языка двух народов.

Переходя к последним доказательствам тождества абазин и абазгов, автор допускает досадные неточности в толковании ряда источников и литературы. Как отмечено, по Лаврову, южная ориентация абхазских царей привела «к политической независимости абазин, т. е. собственно абазгов, «которые смешались с адыгами» [8, 45]. Вопреки этому теперь он пишет: «политическая экспансия абазинских феодалов, видимо, не ограничивалась южным направлением. К такому выводу склоняют предания и родословные кабардинских князей...» [8, 46].

Забегая несколько вперед, скажем, что ни в одной из существующих родословных кабардинских князей, в том числе и в той, на которую ссылается Лавров, нет и намека о предмете его исследования, т. е. об абазинах. Далее ссылаясь на Ногмова, он пытается доказать абазинское происхождение кабардинских князей. Такое тоже не исключено в истории, но надо обосновать. «Ш. Б. Ногмов, основываясь на преданиях писал, – утверждает Лавров, – что Инал прибыл в Кабарду с Черноморского побережья, причем «оказывал свои милости опским или абазинским князьям Аше и Шаше... Таким образом, прародителя кабардинских князей предание связывает с абхазами и абазинами Черноморского побережья» [8, 46].

Во-первых, у Ногмова нигде не сказано о том, что Инал прибыл в Кабарду с Причерноморья. По нему, предки Инала – арабы, которые ассимилировались в адыгской среде, причем Инал – восьмое колено от первого беглеца хана Ларуна, а сам Инал – общеадыгский князь, которому подчинились все адыги, в том числе кабардинцы и абазины [14, 68]. Во-вторых, оказание милости Иналом абазинским князьям еще не говорит о его абазинском происхождении. Описывая строгость и справедливость Инала, Ногмов подчеркивает, что он одних казнил, других ласкал, отличал, «в особенности он оказывал свои милости опским или абазинским князьям...» [14, 112]. Буквально, в следующем абзаце цитируемого Лавровым труда Ногмова читаем: «...южные горцы взбунтовались под предводительством опского князя Оздемира...», который отступил в Абхазию, Инал, преследуя его, пришел в Абхазию, «истребил много людей в том народе, пал и Оздемир» [14, 113]. Этот эпизод не вписывается в гипотезу Лаврова, и потому он опущен. «После покорения Абхазии, – продолжает Ногмов, – находясь на Дзибе для заключения мира с абхазцами, он (т. е. Инал. – *Е. Н.*), по окончании всех дел, скончался смертью праведника. Тело его похоронено в упо-

мянутой земле, и могила его, известная до сих пор, носит название «Инал-Кубе», т. е. «Иналова могила» (по-абазински) [14, 113].

По мнению Ш. Б. Ногмова, со смертью Инала его государство распалось, но один из его сыновей продолжил династию кабардинских князей.

Как видно, Лавров использовал данные Ногмова выборочно, придавая им нужную интерпретацию. Все эти натяжки понадобились ему для обоснования своей гипотезы об абазинах. Приходится сожалеть, но и последующие его аргументы не выдерживают критики. Так, в частности, в обоснование своей теории, он прибегает к анализу этимологии ряда имен. Фамильное имя знатных кабардинских уорков (дворян) Тамбий автор разложил на «Там» (якобы название одного из шести родов абазин) и «Бий» (искаженный турецкий термин «князь») и из этого заключил, что фамильное имя Тамбий-Тамбиев «означает князь или дворянин… абазинского общества Там…» [8, 47].

По нашему мнению, для такого вывода Л. И. Лаврова мало оснований. Во-первых, ни один из шести абазинских родов: Лоо, Трам, Биберд, Дударука, Кяч и Клыч (или Клыш), как видно, не именовался Тамом [17]. «Там» – кабардинское собственное имя, ставшее фамильным именем позже. В первой половине XVIII в. уорки Тамовы были вассалами князя Арсланбека Кайтукина, в удел которого входили владения Тамовых [10, т. II, 182, 114]. В 1753 г. уорк Там Тамов, в числе других дворян князей Жамболатовых, подписал договор о разделе Большой Кабарды между Баксанской и Кашкатауской группировками [18]. Во-вторых, ни адыги, ни абазины не обозначали термином «бий» сословную принадлежность людей, в частности, князей. Термины «хан», «гирей», «бег», «бий», «мурза» – чужды абазинскому и адыгскому языкам. Они были привнесены из татаро-тюркских диалектов и утратили свою смысловую нагрузку. Например, имена с окончанием «Гирей» носили представители царствующего дома Крымского ханства и писались через дефис, а в Кабарде XVI–XVIII вв. встречаются и князья, и дворяне, и простолюдины с именами, оканчивающимися «джери» – «гирей», которые уже писались слитно: Асланджери, Азаматджери и т. д. Точно так же изменились и бек, и бей, и мурза и даже образовывались новые имена из комбинаций двух и более терминов: Бекмурза, Мурзабек, Ханджери и т. д.

Совсем другая этимология слова «бий». Оно на всех адыгских языках означает кровник. Несомненно, такое понятие в адыгском языке появилось раньше турецкого «бий», чего не следует игнорировать, а тем более отдавать приоритет последнему при анализе адыгских сложных слов. В пользу этого говорит и тот факт, что в Кабарде не было ни одной княжеской фамилии с окончанием на «бий», больше того, из 500 личных княжеских имен, собранных нами, лишь одно имя – «Хасанбий» – с таким окончанием и оно относится к XIX в. Правда, в официальных документах XVII–XVIII вв., предназначенных для Крыма и России, к именам князей прибавлялись «бек», а Турции – «бей».

Наличие у адыгов сложных имен со словом «бий» – враг, кровник, думается, связано с бытовавшим у них обычаем. Если в семье, которая имеет неотомщенного кровника, рождался мальчик, то его нарекали именем кровника, прибавив к нему «бий», чтобы имя мальчика постоянно напоминало всем и ему самому о долге искупить кровь убитого отца или брата. Видимо, с этим связано и отсутствие у князей имен с окончанием «бий», т. к. князья кровников тут же истребляли [19].

Адыгские имена с окончанием «бий» этимологически распадаются на три группы. Для первой из них характерно соединение личного имени со словом «бий»: Там – бий, Клыш – бий, Нат – бий и т. д. От этих имен произошли и фамильные названия: Тамбиев, Клышбиев, Натбиев и др. Следовательно, здесь «бий» означает кровник или враг, а не князь, что показывает на связь данного типа словообразования с инструментом кровной мести.

Вторая группа имен образуется из названия соседних народностей и слова «бий»: кушха (горцы) – бий, вместе образуют личное имя Кушхабий; эндер (народность Дагестана), а Эндербий – личное имя; науруз – ногайская орда, личное имя Наурузбий, означающее враг наурузовцев; урус – русский, отсюда имя Урусбий (враг русского) и т. д.

Имена третьей группы составляются из отвлеченных имен существительных с прибавлением «бий»: жила (село), Жилабий (враг села, общины); кала (город), Калабий (враг города); караль (государство), Каральбий (враг государства) и т. д. Несколько особняком стоит имя Пшибий – враг князя. Так или иначе, обе группы имен своим происхождением связаны с понятием кровной мести.

В заключении Л. И. Лавров приводит еще один довод, пытаясь подвести под имя одного кабардинского князя слово абазинского происхождения. Его следовало обойти, если бы автор из таких сомнительных аргументов не делал далеко идущих выводов: «совокупность всех этих фактов склоняет к выводу об абазинском происхождении господствующего сословия в Кабарде» [8, 47].

Интересующее нас имя имеет разнописание: Табула, Тобулда и Тобулду. По данным «Пушкинской родословной росписи кабардинских князей», Тобулду – сын Инала. «А Тобулды мурзы, – читаем в ней, – дети Инармас да Янхот…» [10, т. I, 383]. Как видно, это имя склоняется по правилам имен существительных женского рода. Следовательно, оно в именительном падеже Тобулда, а не Тобулду, которое вообще не склоняется.

Согласно другой родословной этот князь зовется Табулой, он сын Акабгу, внук Инала [10, т. II, 384]. Табула напоминает кабардинское имя ТIабылэ, которое по-русски невозможно иначе написать, кроме как Табула или Табулда. Такие разнописания кабардинских имен – нередкое явление в русских документах. В последних имя видного кабардинского князя XVIII в. Кайтукина писалось: Арсланбек, Асланбек, Арасла-бек, Росланбек, Рослам-бек, Алам-бей, Ослан-бей. Разительное расхождение этих имен ввело в заблуждение даже видного кавказоведа Н. А. Смирнова, который усмотрел под этими именами двух князей Кайтукиных.

Судить об этимологии кабардинских слов, имен и терминов по их русским написаниям невозможно, а тем более на их основе делать далеко идущие выводы по проблемам этногенеза. Мы считаем, что источники должны определять концепцию ученого, а не подгонять под нее источники.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Статья представляет собой черновую незаконченную работу в двух вариантах. Оба варианта сведены нами в один текст, т. к. по смыслу они идентичны, есть различие только по форме и порядку изложения. Время написания статьи, судя по титульному листу машинописного текста одного из вариантов, – 1980 г. – *А. М.*

2. История Кабардино-Балкарской АССР. М.,1967. Т. I.
3. *Крушкол Ю. С.* Древняя Синдика. М., 1971.
4. *Инал-Ипа Ш. Д.* Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми, 1976.
5. *Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979.
6. Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
7. Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.
8. *Лавров Л. И.* Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978.
9. *Анчабадзе З. В.* История и культура древнейшей Абхазии. Сухуми, 1964.
10. КРО. М., 1957. Т. I–II.
11. АВПР, ф. Кабардинские дела, 1753, д. 7, лл. 63–64 об.
12. *Мровели Леонти.* Жизнь картлийских царей. М., 1979.
13. Кабардинский фольклор. М.; Л., 1936.
14. *Ногмов Ш. Б.* История адыхейского народа. Нальчик, 1982.
15. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1963.
16. БСЭ. Т. 28.
17. См.: Комментарии к «Карте Большой и Малой Кабарды». КРО. Т. II. С. 194.
18. АВПР, ф. Кабардинские дела, 1753, д. 7, л. 184.
19. Записано со слов Анзоровой Жан.

Раздел III

КАБАРДА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

(неопубликованная монография)

ВВЕДЕНИЕ

История Кабарды с давних пор привлекала внимание историков разных национальностей, эпох, направлений и школ. Особенно большой интерес к ней проявила русская дореволюционная историография. Труды С. М. Броневского [13], П. Г. Буткова [18], Н. Ф. Грабовского [29], С. М. Соловьева [100], В. Д. Смирнова [96], Ф. И. Леонтовича [69], Ш. Б. Ногмова [83], Султана Хан-Гирея [105], Н. Дубровина [39], М. М. Ковалевского [44], В. Н. Кудашева [55] и др. заложили основу изучения истории Кабарды и на сегодня остаются особым видом источника. Однако из этой обширной исторической литературы на XVIII в. приходится не более 9–10 названий, и те, главным образом, касаются второй половины века. При этом, естественно, эти авторы рассматривали объект исследования не с позиции марксистско-ленинского метода познания исторических процессов. Следует также заметить, что дооктябрьская историография не оставила ни одного монографического исследования, посвященного одной из проблем истории Кабарды первой половины XVIII в.

В советское время проделана огромная работа по дальнейшему развитию кабардиноведения, извлечению и публикации исторических источников.

Такие авторы, как Г. А. Кокиев [45–50], Б. В. Ститский [95], Е. Н. Кушева [63–67], А. В. Фадеев [102–104], Н. А. Смирнов [97–99], Т. Х. Кумыков [57–62], Е. И. Дружинина [35–36], З. В. Анчабадзе, В. К. Гарданов [23–26], Г. Х. Мамбетов [74], Н. Х. Тхамоков [101] и многие другие внесли весомый вклад в изучение дореволюционного прошлого Кабарды. Ими рассмотрены научно с позиции марксистко-ленинской методологии важнейшие аспекты экономической, социальной, политической и международной жизни Кабарды.

Вышли в свет обобщающие труды советских кавказоведов по истории Кабарды (1957) [41] и двухтомная история Кабардино-Балкарской АССР (1967) [42], в которых затронуты основные стороны интересующего вас периода.

Несмотря на эти достижения современного кабардиноведения, многие актуальные вопросы пока еще остаются неисследованными или же дискуссионными. Это особенно касается первой половины XVIII в. До сих пор недостаточно изучены кабардино-русские и кабардино-турецкие отношения, государственно-политический строй Кабарды; слабо освещено ее международное положение, а также остается спорным уровень развития феодализма в дореформенной Кабарде. Вообще нет ни одной монографии, посвященной этому интереснейшему периоду истории.

Между тем в плане научном первая половина XVIII в. представляет несомненный интерес. Во-первых, в ту пору веками сложившееся внутреннее устройство Кабарды сохраняло свою самобытность, т. к. ни Турция, ни Крым, ни Россия еще не оказали на него заметного влияния. Во-вторых, этот отрезок времени богат событиями внешнего и внутреннего порядка, которые подготовили и во многом предопределили

дальнейшую судьбу народа. И, в-третьих, обнаруженные новые источники позволяют хронологически сузить тему и исследовать ее глубже, чем и продиктован выбор настоящей темы.

Учитывая достигнутые успехи в изучении истории Кабарды и отмеченные пробелы, настоящая работа ставит своей задачей исследовать:

1) социально-экономические отношения в первой половине XVIII в.;

2) государственно-политический строй того же отрезка времени;

3) внутреннее и внешнее положение страны с начала XVIII в. по 1739 г., т. е. до объявления Кабарды независимой.

Источниковедческая база данного исследования представлена тремя группами источников.

Первую из них составляют материалы, извлеченные из Архива внешней политики России (АВПР) и Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА), в которых отложились разнообразные сведения по рассматриваемым проблемам. Особенно богат фонд «Кабардинские дела» АВПР. В нем сохранились уникальные источники о хозяйственной деятельности, социальной структуре, политических органах управления кабардинцев первой половины XVIII в. и чрезвычайно ценные документы, раскрывающие кабардино-русские и турецко-кабардинские отношения исследуемого периода. Содержательны и другие фонды АВПР: «Сношение России с Персией» и «Сношение России с Турцией».

Не менее содержательны и фонды ЦГВИА. Они часто дополняют важными подробностями данные АВПР, а порой дают ценнейшие новые источники. Нами изучены следующие фонды ЦГВИА: 2, 4, 20, 38, 47, 52, 155, 160, 177, 490 и ВУА.

В ходе поисков обнаружены не пущенные в научный оборот материалы (рескрипты и грамоты российских императоров, реляции русских резидентов и генералов, листы крымских ханов и кубанских сераскиров, листы и письма кабардинских князей к русским царям, сановникам и их ответы, «походные журналы» уполномоченных лиц в Кабарду, доезды [1] разведчиков и др.), отражающие большой круг вопросов внутреннего и внешнего порядка.

Вторую группу источников образуют архивные материалы, опубликованные в ряде сборников. Из них наибольшую ценность представляет сборник «Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII», во втором томе которого сосредоточены разносторонние сведения по Кабарде XVIII в. [43].

Не менее важны для раскрытия социальной структуры Кабарды и формы эксплуатации в ней и материалы «Полного собрания кабардинских древних актов», вошедших в «Адаты....» Ф. И. Леонтовича [69], «Материалы по обычному праву кабардинцев» [77], «Крестьянская реформа в Кабарде» [54], «Акты Кавказской археографической комиссии» [7], «Война с Турцией» [80]. В последнем среди прочих находится личное письмо А. Б. Черкасского об исходе сражения кабардинцев с крымцами на стороне русских в 1711 г.

О внешней торговле кабардинцев некоторое представление дают и статистические исследования М. Пейсонеля [89].

Используя данные названных сборников синхронно с вновь обнаруженными архивными материалами, удается проследить причинную связь ряда событий и ход их развития.

Третью группу составляют повествовательные источники, которые можно также разделить на две группы:

а) описания Кабарды представителями русской военной администрации на Кавказе;

б) записки иностранных путешественников и иностранцев, длительно находившихся на русской службе.

С обострением «кабардинского вопроса» в 30-х гг. XVIII в. российское правительство проявляет повышенный интерес к истории Кабарды. В связи с этим появились «Описания Кабарды» в историко-этнографическом плане, которые дают богатый материал.

Первым опытом такого рода описаний является «Записка о кабардинском народе...», составленная генерал-майором Еропкиным в 1732 г. в бытность его в Кабарде [43, 77–78].

В «Записке ...» дана краткая справка о генеалогии кабардинских князей и сословном делении общества. Примечательно, что этот процесс расслоения общества Еропкин рассматривал как результат внутреннего развития самого общества.

В «Записке...» выдвинута версия о малороссийском происхождении кабардинцев. Видимо, она была данью политическому курсу дня, поскольку и коллегия иностранных дел не гнушалась аргументировать ею в дипломатической борьбе за Кабарду. Впоследствии эта версия нашла отражение и в других описаниях такого характера.

Центральное место в «Записке...» занимает большая схема родословия кабардинских князей, представляющая определенный интерес [1, ф. Кабардинские дела, 1732, д. 2, лл. 1–2]. Собственно, «Записка...» является приложением к этой схеме.

Отдельные ценные сведения содержат беседа кабардинского посла М. Атажукина с российским вице-канцлером А. И. Остерманом (1732) [43, 53–57] и «Протокол расспроса...» того же посла в Коллегии иностранных дел [43, 53–57].

Более обширные данные находим в «Описании кабардинского народа...» за 1748 г. [43, 152–161]. В нем сделана попытка дать хронологическую канву истории Кабарды от легендарного князя Инала до середины XVIII в. Основные события этого периода в нем изложены сжато, в виде конспекта. «Описание...» содержит ряд важных наблюдений о быте, нравах кабардинцев и их хозяйственной, общественной, политической деятельности и военной организации.

В 1784 г. наместником Кавказа П. С. Потемкиным составлено «Краткое описание о кабардинских народах...» [43, 359–364; 17]. Хотя автором допущен ряд ошибок в оценке общественного строя Кабарды «Краткое описание...» достойно особого внимания при изучении государственно-политической системы правления Кабарды XVIII в.

Интересовались Черкесией и представители западных держав (путешественники и лица, находившиеся на службе в России): Николай Витсен [21], А. Де ла Мотре [79], Иоганн Густав Гербер [27], Ксаверио Главани [28], Петр Генри Брюс [14], Джон Кук [56], Лерх Иоан Якоб [70], И. А. Гюльденштедт [32] и П. С. Паллас [88]. Их перу принадлежит ряд записок, содержащих разнообразные сведения о Кабарде.

В конце XVIII в. Кабарду посетили два российских академика: И. А. Гюльденштедт (1770–1773) и П. С. Паллас (1793–1794), записки которых представляют наибольший интерес. Гюльденштедт считал общественный строй кабардинцев типично феодальным. «Черкесы (т. е. кабардинцы. – *Е. Н.*) имеют много князей и сильное дворянство, которым подчинен весь остальной народ», – писал он [32, 467].

Академик правильно отметил характерную черту Кабарды – феодальную раздробленность, но, касаясь ее политической надстройки, допустил ошибку. Он писал, что «государственное устройство страны республиканское» [32, 467]. Гюльденштедт рассматривал этот вопрос в общеадыгском масштабе, почему и механически перенес на Кабарду демократический режим, существовавший у некоторых западно-адыгских народов.

Паллас также признавал социальные отношения кабардинцев феодальными. «Это род рыцарей, – писал он, – которые поддерживают между собой и в отношении подданных настоящую феодальную систему, подобную той, которую немецкое рыцарство ввело раньше в Пруссию и Лифляндию с еще большей строгостью и бесчеловечностью» [88, 336].

Описанное Палласом положение крестьян не составляет сомнений в том, что в Кабарде господствовали отработочная и натуральная ренты [88, 347].

По мнению Палласа, князья и дворянство Кабарды – выходцы из Аравии, а трудовой народ образовался в процессе ассимиляции и естественного размножения пленных [88, 347]. Ошибочность этой концепции очевидна.

Исследование опирается и на другие труды советских кавказоведов: М. О. Косвена [52; 53], В. К. Гарданова [25] и др.

Теоретической и методологической основой настоящей работы служили труды классиков марксизма-ленинизма.

Литература, непосредственно затрагивающая избранную тему, незначительна, хотя она соприкасается с довольно-таки обширным кругом исследования.

Первым значительным печатным трудом по истории Кабарды является исследование С. М. Броневского [13]. Как по объективности описания жизни адыгов, так и по количеству затронутых в ней вопросов работа Броневского занимает особое место в дореволюционной исторической литературе по Кабарде. Она базируется в основном на анализе этнографических, исторических материалов и личных наблюдений автора, что придает ей особую ценность. При этом Броневский рассматривал отдельно каждую этническую группу адыгов. В частности, Кабарде отведен специальный раздел.

Броневский считал политический строй и феодальные отношения в Кабарде находящимися на стадии удельной раздробленности. «Феодальная иерархия, – писал он, – учрежденная у кабардинцев, подобна тому же удельному правлению, какое было ведено немецкими рыцарями в Пруссию, Курляндию и Лифляндию, да и мало разнествует от внутреннего управления России во время удельных князей» [13, 113–114]. Развивая эту мысль, автор убедительно демонстрирует феодальную раздробленность в стране: «Шесть княжеских родов управляют Большою и Малою Кабардою всякий в своем уделе как властный владелец» [13, 112], – замечает он.

Наряду с феодальной раздробленностью, в стране существовал определенный общекабардинский орган власти, кратко описанный им.

Броневский сообщает еще много интересных сведений о земледелии, скотоводстве, торговле и положении народных масс.

Однако выводы его о генезисе кабардинского феодализма не выдерживают критики. Он утверждает, что «кабардинские владельцы и уздени… завоеватели старожилого народа» [13, 114].

Рассматривая процесс исторического развития с позиции метафизики, естественно,

он не понял, что феодализм в Кабарде, как и в любой другой стране, явился следствием развития социально-экономических отношений, а не насаждением извне.

Важной вехой в развитии историографии Кабарды следует считать 30–40-е гг. XIX в., когда появились труды двух адыгских историков: Султана Хан-Гирея и Шоры Бекмурзовича Ногмова.

«Записки о Черкесии» Султана Хан-Гирея – весомый научный труд [105]. Они охватывают большой круг вопросов, которые выходят далеко за рамки чисто исторического понятия. Хан-Гирей стремился полнее познакомить читателей со своей Родиной: природой, бытом, нравами, общественным строем и историческим прошлым всех адыгских народов. Автор уделил большое внимание разделу, посвященному Кабарде [105, 147–173]. Повествование о ней начинается с древнейших времен и доходит до 1822 г.

По Хан-Гирею, в социально-политическом строе Черкесии существовали два режима: аристократический и демократический [105, 95–109]. Правильно проведя параллель, в дальнейшем Хан-Гирей рассматривает этот вопрос на примере двух народностей: натухайцев (аристократический) и шапсугов (демократический) [105, 95–109]. Такое безапелляционное перенесение общественно-политического строя одного народа на целую группу народов нельзя признать правильным. При этом стирается историческое своеобразие экономического, социального и культурного развития народа, своеобразие, без которого нет и самого народа.

Кабарда рано обособилась от западных адыгов как этническая единица, и ее историческое развитие пошло особым путем. Социальная структура натухайского княжества, представленная Хан-Гиреем в качестве, эталона, не совсем характерна для Кабарды. В целом Султан Хан-Гирей правильно определил кабардинский феодализм, констатируя наличие княжеских уделов и тенденцию последних к слиянию в общекабардинский орган правления. Предельно ясно показана им борьба княжеских группировок за гегемонию в стране, феодальная иерархия и вассалитет.

В отличие от Султана Хан-Гирея, Шора Ногмов написал историю только одной Кабарды. От такого сужения тематики монография выиграла, но попытка автора показать прошлое своего народа с древнейших времен до современной ему эпохи усложнила задачи исследования.

Труд Ногмова, главным образом, опирается на анализ народных преданий и личных наблюдений автора. Это положение, естественно, принижает историческую достоверность работы. Однако достаточно сопоставить сообщения Ногмова с историческими источниками, как оживают описанные им события и имена, воссоздавая правдивую картину эпохи. Для характеристики кабардинского феодализма особую ценность представляют данные Ногмова о форме феодальной эксплуатации [83, 113–125].

Во второй половине XIX в. в русской историографии наблюдается повышенный интерес к истории и этнографии народов Кавказа. Это было вызвано общим подъемом самой исторической науки, с одной стороны, и завершением процесса завоевания Кавказа царизмом, с другой.

В этот период вышли в свет основные труды русских кавказоведов, а также большое число газетных и журнальных статей, посвященных современной этнографии. Характерная черта кавказоведческой литературы этого периода – великодержавный подход к оценке событий.

Более значительным из работ этого времени является исследование П. Г. Буткова [18]. Автор затрагивает ряд вопросов истории Кабарды первой половины XVIII в. В этом смысле Буткова можно считать пионером. Его работа – хотя она и называется «Материалы по новой истории Кавказа» – широкое полотно истории борьбы трех великих держав (России, Персии и Порты Оттоманской) за обладание Кавказом. В ней не следует искать систематизированного описания истории определенной страны или глубокого исследования одной проблемы. Бутков и не ставил перед собой такой задачи.

В многовековой борьбе трех империй-соперниц попеременно то одни, то другие народы Кавказа оказывались на переднем крае сражения. Соответственно с этим исследователь вводит в ткань повествования, как часть общего, отдельные эпизоды из истории народов Кавказа. Так, описывая прикаспийский поход Петра I, Бутков упомянул участие кабардинцев в нем. Но неоправданно отождествил действие легкой конницы князя Эльмурзы Бековича Черкасского, находившегося на русской службе, с действительным участием кабардинского войска в этом походе [18, 21]. Такое же поверхностное сообщение о Кабарде 1732–1733 гг. дается в связи с проходом крымских вооруженных сил через ее территорию в Дагестан и дальше в Персию [18, 118–119]. Вместе с тем Бутков правильно показал, что в 30-х гг. XVIII в. Кабарда становиться объектом ожесточенной дипломатической и вооруженной борьбы между Портой и Россией [18, 118–119].

Данные Буткова об участии Кабарды в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. отрывочны и несколько принижают роль последней в ней. Впервые он исследовал 6-й параграф Белградского мирного трактата и дал ему определенную оценку. «Сим положением о кабардинцах, – писал он, – которые теперь еще в первый раз стали входить в трактаты между Россией и Портою, мнилось предварить затруднения, какие последнею с турками войною начинались от ханов крымских, утверждавших принадлежность их (т. е. кабардинцев. – *Е. Н.*) к турецкому государству, но оным вовсе истребилось все предпочтение, какое кабардинские владельцы имели к Российской империи...» [18, 205].

Н. Ф. Грабовский сосредоточил свое внимание на изучении кабардино-русских отношений XVIII в. [29]. Глава этого очерка, которая посвящена проблемам первой половины XVIII в., носит компилятивный характер. Сам автор признавал, что глава написана им по данным исследований С. М. Броневского, П. Г. Буткова, Карамзина и др. Архивные источники, использованные им, относятся исключительно к вопросам второй половины века.

Говоря о связях России с Кабардой в петровскую эпоху, Грабовский повторяет ошибки П. Г. Буткова. Он не видит сложных сторон русско-кабардинских отношений этого периода. Важнейший же вопрос времени: русско-кабардинское соглашение 1710 г., согласно которому Кабарда вступила в войну 1710–1711 гг., обходит молчанием [29, 118].

Правильно отмечая заинтересованность России в союзе с Кабардой, Грабовский несколько идеализирует отношение кабардинских князей к России.

«Когда Россия не имела достаточной силы, – замечает он, – чтобы поддержать на Кавказе свое владычество, кабардинцы стояли на стороне последней совершенно добровольно и оказывали помощь русским из простого чувства дружелюбия, не

требуя за это никакого возмездия и даже не пользуясь, в свою очередь, в трудных обстоятельствах... помощью со стороны русских войск» [29, 118].

С этим выводом автора нельзя согласиться. Кабарда не только «из чувства дружелюбия» оказывала помощь русским, как полагает Грабовский. Она, прежде всего, считала себя страной, находящейся под покровительством России согласно договору 1710 г. Из последнего вытекало обстоятельство о взаимной помощи.

Касаясь результатов войны 1735–1739 гг., Грабовский правильно отмечал: «Хотя по Белградскому трактату в 1739 г. Россия и признала Кабарду независимой, но тем не менее стремилась всеми доступными средствами поддержать свой авторитет в среде кабардинцев и при случае восстановить свои права над ними...» [29, 125].

Во второй и третьей главах Грабовский рассматривает внутриклассовую борьбу кабардинских феодалов 40–50-х гг. XVIII в., вмешательство Порты и России в эти распри, а также некоторые аспекты кабардино-русских противоречий во второй половине XVIII столетия. Здесь он теряет объективность в оценке исторических событий, вступает в противоречие с тем, что было сказано ранее и обнаруживает неосведомленность о причинах возникновения рассматриваемых им проблем; договаривается даже до того, что вооруженное вмешательство России в дела Кабарды объявляет благоденствием [29, 125].

Оправдывая жестокие методы борьбы с кабардинцами, Грабовский утверждает, что «дикая и хищническая натура кабардинцев, воспитанная веками в правилах боевой жизни, не признавала деликатных способов обращения, и поэтому кабардинцы, считая эту деликатность за бессилие, всюду старались противодействовать политике русских...» [29, 125–126].

Некоторые сведения о Кабарде первой половины XVIII в. находим и в трудах русского историка С. М. Соловьева. Он дает совсем новое толкование роли Кабарды в обороне южных границ России. «Отношения к Кубани, важные для безопасности юго-восточной Украйны, заставляли обращать внимание на Кабарду, народонаселение которой находилось в постоянной вражде с кубанцами», – пишет он [100, 365]. И далее, развивая эту мысль, он правильно замечает, что «Кубанской орде хотели противопоставить Кабарду» [100, 365].

Соловьев ввел в научный оборот материал о миссии князя Александра Бековича Черкасского в Кабарде в 1710–1711 гг., хотя и ограничился простым упоминанием самого факта, не раскрывая его сущности.

В 70-х гг. XIX в. вышли труды Н. Дубровина по этнографии народов Кавказа [38]. Им было задумано обобщить все данные русского кавказоведения. Но по собственному признанию, Дубровин «не прибавляя от себя ничего нового... свел только в одно целое сведения, разбросанные по различным архивам, журналам, газетам, и отдельным сочинениям» [39].

Такое некритическое соединение разноречивых и разновременных сведений делает его труд простой компиляцией. Оно порождает и другой досадный изъян: в его томах рядом с подлинными и ценными сведениями соседствуют сомнительные, а порой и вымышленные сообщения, взаимоисключающие положения. Все это, естественно, довлеет и над выводами Дубровина, которые столь же противоречивы.

Уровень развития общественного строя адыгов в целом он принижает, определяя его как находящийся на стадии разложения родовых отношений и образования

племенных союзов. В то же время исследователь допускает ряд оговорок, поскольку исторические сведения о Кабарде резко противоречат авторскому тезису.

«О подати черкесы не имеют никакого понятия», – пишет Дубровин [40,117]. Ниже у него же читаем: «Князья большой Кабарды брали с подвластных ясак – дань хлебом, медом, дровами и барантою» [40, 117].

Утверждая, что у черкесов не было права собственности на землю, он писал: «Подобно князьям, и дворяне не имели отдельно от своего народа никакой поземельной собственности» [40, 122]. И тут же говорит обратное: «Исполняя волю своего господина, оги работали на него и платили подать за пользование землей» [40, 130].

Такое же несоответствие между выводами автора и приводимыми сведениями – характерная черта и работы Ф. И. Леонтовича [69]. Совпадают и взгляды этих авторов на общественный строй черкесов. Это и понятно. «Адаты кавказских горцев» Ф. И. Леонтовича вошли в состав очерка Дубровина. Несмотря на это, нельзя умолять заслуги Леонтовича. Он собрал интересный материал, а также опубликовал ценнейший источник кабардинского обычного права, подготовленный князем Голицыным в 1844 г.

Противоположного мнения придерживался их же современник М. М. Ковалевский [44]. Он не только опровергал несостоятельную теорию своих коллег о родовом строе у горцев Кавказа, но и доказывал господство у них феодальных отношений.

Диалектически рассматривая феодализм, М. М. Ковалевский писал: «Процесс феодализма у разных народностей Кавказа достиг разных ступеней. У одних мы его видим только в зародыше; у весьма немногих – в законченном виде» [44, 24]. К этим весьма немногим он относил Кабарду.

Ковалевский выразил новый, более прогрессивный взгляд русского кавказоведения XIX в. на проблему горского феодализма. Но и он не поднялся до уровня научного понимания феодализма как определенного комплекса развития производительных сил и производственных отношений. Эта теоретическая ограниченность автора сказалась и на его характеристике кабардинского феодализма. «Явившись в занятую ими землю, – говорит Ковалевский, – кабардинцы сами устроили свою жизнь на следующих началах: не устанавливая частной собственности на землю, князь на разных условиях поселил на ней как благородных (уорков), так и простых свободных (азат), так, наконец, и крепостных крестьян (пшитль)» [44, 24].

К концу XIX столетия в русской историографии происходит заметное ослабление интереса к истории и этнографии народов Кавказа. Но уже в начале нового столетия наблюдается некоторое оживление. Выходит в свет ряд исследований, посвященных различным областям истории и этнографии адыгов. Среди них наибольшего внимания заслуживает монография В. Н. Кудашева [2]. Этот труд – критическое переосмысление всей предшествующей литературы о Кабарде с привлечением новых архивных данных. И, тем не менее автор сознавал фрагментарность своей работы и считал ее как бы «преддверием к созданию правдивой, критически проверенной, научной истории кабардинского народа…» [55].

По вполне понятным причинам нет в монографии Кудашева развернутого анализа проблем истории Кабарды первой половины XVIII в. Однако, он затронул такие актуальные вопросы, как кабардино-русские отношения, сословное деление общества, кабардинский феодализм и др.

По первому вопросу Кудашев выдвинул ряд новых положений, ввел в научный

оборот свежие архивные материалы. Правильно показал и социальную структуру Кабарды, хотя ошибочно причислил унаутов – домашних рабов – к категории крепостных крестьян. В отношении кабардинского феодализма он занял позицию, близкую к М. М. Ковалевскому.

Следует отметить и капитальный труд А. Байова [9], в котором с позиции военного историка рассмотрены различные аспекты Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Но в нем только вскользь упомянут Кавказский фронт, в частности, Кабарда.

Из приведенного обзора литературы видно, что дореволюционное кавказоведение не сумело научно определить характер, тип и уровень развития социально-экономических и политических отношений Кабарды, как и ее международное положение.

Научное разрешение этих задач оказалось под силу только советскому кавказоведению, вооруженному марксистско-ленинской теорией. Работа в этом направлении началась еще в 20-х гг. исследованиями С. И. Месяца и В. П. Пожидаева [91]. В последующие года вышло в свет значительное количество исследований (статьи, очерки, монографии и обобщающие труды), в которых специально или попутно рассмотрены важные и сложные проблемы истории Кабарды XVIII в. [45–50; 95; 51; 96–98; 57–62; 63–67; 22; 26; 15; 101; 74; 41; 42].

Один этот перечень свидетельствует об огромном внимании к разработке истории дореволюционной Кабарды в наше время.

С. И. Месяц и В. П. Пожидаев провели исследование в области социально-экономических отношений Кабарды, но выводы их оказались аналогичны концепции Н. Дубровина и Ф. И. Леонтовича.

В 30-х гг. более успешно исследуется ряд проблем Г. А. Кокиевым, В. В. Скитским и др., которые признали общественный строй в дореформенной Кабарде феодальным.

Таким образом, с момента возникновения советского кабардиноведения, в нем наметились два направления. Первое – модернизация, в некоторой степени, старой родовой теории, согласно которой в дореформенной Кабарде господствовали патриархально-родовые отношения. Второе же направление, опираясь на достижения более прогрессивных представителей буржуазной историографии, по-марксистски, научно доказывало зарождение феодальных отношений в Кабарде задолго до отмены крепостного права.

Позиции первого направления придерживались, кроме Месяца и Пожидаева, также И. Ф. Мужев, А. И. Краснов и С. К. Бушуев.

С. И. Месяц считал кабардинцев кочевниками-скотоводами, которые «вольно» кочевали со своими стадами до прихода русских на Кавказ. По его мнению, собственность на землю не могла существовать не только в Кабарде, но и вообще на Северном Кавказе [78, 37].

«И выгодно ли было кочевнику-скотоводу иметь постоянные собственные земли?» – спрашивал Месяц и тут же отвечал: «Конечно, нет» [78, 37].

В. П. Пожидаев, полностью солидаризуясь по этим вопросам со своим коллегой, утверждал, что скотоводство оставалось основным занятием кабардинцев вплоть до 1917 г. [91, 18–40].

И. Ф. Мужев в дореформенной Кабарде признает феодалов без феодализма. Называя кабардинских князей феодалами, он считал, что у них не было права собственности на землю, которая якобы находилась в общинном пользовании [81; 82].

Создается впечатление, что автор недостаточно разобрался в сущности феодализма.

А. И. Краснов полагал «основным занятием кабардинцев накануне реформы скотоводство» и что «земля была в общинной собственности всего народа», у которого господствовали патриархально-родовые отношения» [31].

Весьма своеобразна позиция С. К. Бушуева, хотя в принципе она перекликается с выводами И. Ф. Мужева. «Феодал Кабарды, – заявляет он, – так же, как и в других странах, получал от своих крепостных все, что ему было нужно, или в форме труда, или в виде готового продукта» [19, 55]. И тут же опровергает сказанное: «у кабардинцев, как и у большинства горцев Северного Кавказа, – во времена полуоседлого состояния и позже, когда они уже сделались вполне оседлыми, – существовала общинная форма владения землей. Весь род, вся община считались владельцем земельных угодий. О продаже земли, передаче ее в наследство, уступке на калым не было и речи» [19, 58].

Исследование большой группы советских историков и этнографов в области социально-экономических отношений не оставили места для дискуссии о том, был феодализм в дореформенной Кабарде или нет. Абсолютное большинство советских кавказоведов (Г. А. Кокиев, Б. В. Скитский, Е. Н. Кушева, Т. Х. Кумыков, В. К. Гарданов, Л. И. Лавров, В. М. Букалова, Е. Н. Студенецкая, А. В. Фадеев, З.В. Анчабадзе, Н. А. Смирнов, С. А. Комиссаров, А. А. Белоусов, М. Г. Кантария, Н. Х. Тхамоков, Т. Боцвадзе и др.) дало утвердительный ответ на поставленный вопрос. Они внесли весомый вклад в развитие историографии Кабарды на научно-марксистской основе. Правда, у названных авторов нет единого мнения об уровне развития феодализма в дореформенной Кабарде. Одни из них (Г. А. Кокиев, С. А. Комиссаров, Т. Х. Кумыков, В. М. Букалова, Н. Х. Тхамоков) считают, что к моменту отмены крепостного права феодальные отношения в Кабарде или вступили в стадию завершенного феодализма, или же полностью были завершены.

Так, профессор Г. А. Кокиев полагал, что «кабардинское общество накануне его завоевания царизмом находилось на стадии завершенного феодализма с некоторыми даже элементами разложения» [49, 44].

Столь же убедительно утверждает и С. А. Комиссаров, что «Кабарда в предреформенный период была типичной феодальной страной» [51, 67–68]. Такое же мнение высказывала и В. М. Букалова [16; 15].

Особо следует остановиться на точке зрения профессора Т. Х. Кумыкова, который внес большой вклад в разработку настоящей проблемы. По данным его исследований, в дореформенной Кабарде господствовали феодальные отношения [57; 59; 61].

«Наряду с феодальной собственностью, – пишет он, – накануне реформы 1861 г. в Кабарде продолжало существовать общинное владение землей, «как вымирающая форма владения». В своих владениях феодалы были верховными распорядителями земли. Общины находились в их зависимости и платили феодальные повинности за пользование землей» [61, 68]. Здесь скорее общинное пользование, а не владение.

Аналогичную позицию по данному вопросу занимает и Н. Х. Тхамоков [101].

Другие исследователи (Е. Н. Кушева, В. К. Гарданов, З. В. Анчабадзе, Т. Боцвадзе) полагают, что в Кабарде дореформенного периода процесс развития феодализма не был завершен.

Труды Е. Н. Кушевой – ценный вклад в советское кавказоведение. Ее перу принадлежит ряд исследований по важнейшим проблемам истории Кабарды XVI–XVIII вв. Она считает, что в социально-экономических отношениях Кабарды исследуемого периода господствующими были феодальные, «осложненные патриархально-родовыми пережитками или патриархально-родовым укладом...» [65, 135].

Другой видный кавказовед В. К. Гарданов считает, что раннефеодальные отношения в XVIII в. характеризовались наличием среди феодально зависимого населения большого числа «юридически свободных общинников (тльхукотлов)» [24, 132].

Значительный интерес представляют и исследования Н. А. Смирнова [97], Е. И. Дружининой [35; 36], А. В. Фадеева [102–104], В. П. Лысцова [72], Е. Б. Шульмана [107], С. Ф. Орешковой [85], В. Н. Гамрекели [34] и Н. Г. Волковой [22].

Глава I

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ У КАБАРДИНЦЕВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Изучение социально-экономических отношений – ключ к пониманию всего исторического процесса. Определение конкретно-исторических условий Кабарды данного отрезка времени и исследование созданных этими условиями особенностей ее экономического и социального развития – необходимая предпосылка к раскрытию избранной темы.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ

§ 1. Территория и население

Определение территории и численности населения страны – проблема первостепенной важности, когда речь идет о государственно-политическом или социально-экономическом строе. В тоже время этот вопрос – трудноразрешимый, если тема обращена вглубь веков.

Территория Кабарды оказалась одной из подвижных компонентов ее социально-экономической жизни. Она меняла свои очертания часто и радикально. При отсутствии письменности, тем более, картографии восстановление подлинных границ – задача чрезвычайной сложности.

Территориальные владения Кабарды привлекали внимание историков прошлого столетия, и в литературе этого периода имеется немало сведений, которые вносят определенный вклад в разрешение данной проблемы [13, 80–85].

Благодаря ценным находкам В.М. Букаловой стало возможным определить пределы Кабарды в первой половине XVIII в. В частности, она извлекла из архивохранилищ и опубликовала в 1957 г. «Карту Большой и Малой Кабарды 1744 г.» и комментарии к ней 1753 г. [43, 114–116, 194–196], внимательное изучение которых поможет ответить и на другие проблемные вопросы.

Определенный интерес представляет и другая карта Северного Кавказа 1719 г., авторство которой пока еще не установлено. В. Виноградов и Т. Магомадова высказали ряд интересных предположений относительно авторства этой карты. Они считают, что ее составителем мог быть адыг и в частности кабардинский посол в Москву 1718 г. Султан-Али Абашев [20]. Их доводы не лишены оснований, но при этом авторы допускают досадную ошибку при чтении скорописного текста карты. Так они, прочли вместо слов «город Сони», расположенный в верховьях Кубани, – «Ойхомахо». Последнее они признали искаженным адыгского названия горы Эльбрус «Ошхамахо».

Сведения о западных границах Кабарды содержит и лист князя Арслан-бека Кайтукина от 2 августа 1722 г., адресованный Петру I [1, ф. Сношения России с Персией, 1722, д. 9, л. 112] и в жалобе князей кашкатауской группировки, в которой они подчеркивали границы земель Большой Кабарды. «От дедов и отцов наших, – говорилось в ней, – места при трех немалых реках имеются: первая Кум, другая Балк, третья Баксан...» [1, ф. Кабардинские дела, 1753, д. 7, л. 37].

По данным этих источников и последних исследований в названный период Кабарда занимала сравнительно обширное пространство в центральной части Северного Кавказа. С запада на восток оно охватывало земли, заключенные между верхним течением Кубани и станицей Гребенских казаков Червленной, а с севера на юг – от Прикумских степей до Дарьяльского ущелья.

Расположенные в этом районе альпийские луга и привольные степи, позволявшие широкое развитие разных отраслей скотоводства, большие лесные массивы, которые давали строительный материал и способствовали развитию промысловой охоты, обилие рек с хорошей питьевой водой, вдоль которых селились деревнями, а также наличие плодородной равнины, удобной к земледелию, создали благоприятные условия к общему подъему экономики и росту народонаселения страны.

Прочная оседлость кабардинцев в первой половине XVIII в. подтверждается материалами архивов, в частности, отмеченной выше картой Кабарды 1744 г., в которой зафиксированы 122 деревни и 10 княжеских замков.

Демография Кабарды в первой половине XVIII в. исследована в работах Т. Х. Кумыкова [62], Е. Н. Кушевой [65], В. К. Гарданова [23]. По мнению Т. Х. Кумыкова, в Кабарде к концу XVIII в. насчитывалась 300–350 тысяч человек.

К иным выводам приходят Е. Н. Кушева и В. К. Гарданов. «В первой половине XVIII в., – пишет В. К. Гарданов, – в Большой Кабарде начитывалось 8 500 дворов. Если полагать, что в Малой Кабарде дворов вдвое меньше, то общее их число для всей Кабарды составляло 13 тысяч. Так как кабардинцы в XVIII в. жили обычно большими семьями в 10–12 человек, то можно считать, что общая их численность достигала 130–160 тысяч человек» [24, 133].

О большой крестьянской семье источники содержат любопытные сведения. В одном из них, датированном 1747 г., говорится, что в чагарских, т. е. крестьянских дворах «бывают мужеска и женска полу душ по 30–40 и 50» [1, ф. Кабардинские дела, 1747, д. 6, л. 43]. На такое количество людей в крестьянских дворах указывают и другие источники.

В Кабарде состоятельные чагары имели своих холопов. Возможно, что за счет последних возрастала численность людей в крестьянских дворах. А может это были

просто патриархальные семьи, состоявшие из двух, трех и более колен. Источники пока не уточняют этот вопрос.

Независимо от этого, новые данные меняют прежние представления о количестве людей в крестьянских дворах, а вместе с тем и о численности населения всей Кабарды.

Состав княжеско-дворянских семей, видимо, не превышал 10–12 человек, как полагает В. К. Гарданов. По крайней мере, в рассмотренных нами семьях более 5–6 мужчин не встречается. Но вряд ли правомерно ставить знак равенства между семьей и двором.

Как известно, господствующий класс в Кабарде не занимался физическим трудом. Все хозяйство велось трудом, крепостных, дворовых и домашних рабов. Последние постоянно пребывали в домах своих господ. Причем многие унауты – рабыни – имели по несколько детей, т. е. унаут-бын (рабская семья).

Дворовые (лагунопыты) также проживали во дворе феодалов семьями до тех пор, пока их не переводили в разряд чагаров, выделив им отдельные усадьбы.

Как правило, чем богаче и знатнее лицо, тем больше было челяди в его дворе. Поэтому, думается, в усадьбах князей и знатных дворян было не меньше людей, чем в крестьянских дворах.

Однако подавляющее большинство господствующего класса составляли мелкие дворяне – уорки, каждый из которых владел одним кварталом (хаблой) крестьян. Эта категория дворянства, видимо, обходилась в домашнем быту услугами двух-трех холопов и унаутов. Численный состав населения последнего типа двора, возможно, не превышал 15 человек.

Таким образом, население кабардинского двора колебалось от 15 до 50 человек (т. е. в среднем 30 человек).

По подсчетам В. К. Гарданова, в обеих частях Кабарды насчитывалось 12 750 дворов [24, 281].

К этим расчетам близки сведения Коллегии иностранных дел России за 1768 г. (12 000 дворов) [43, 281].

Отсюда, по первым данным, общее население Кабарды приблизительно составляет 380 тысяч, а по вторым – 360 тысяч человек.

Есть и третий вариант. На карте 1744 г. зафиксированно 122 деревни. Число последних нельзя признать полным. В это число не вошли некоторые деревни-кабаки, часто упоминаемые в источниках (Дохчуков кабак, Атухов кабак, Чежокин и др.). Не учтены и несколько деревень, принадлежавших знатной фамилии Тамбиевой (на карте имеется лишь одна деревня). С учетом таких упущений приблизительно можно считать, что по всей Кабарде насчитывалось около 140 деревень.

Имеются указания и на количество дворов в деревнях. Так, в документе, датированном 1751 г., говорится, что вдоль реки Шалушка расположены три деревни, в которых имелось «дворов по 70–80 и 90» [1, ф. Кабардинские дела, 1751, д. 6, л. 25].

Князья Жамболатова удела жаловались (1761) на то, что «Бекмурзины дети» незаконно захватили «12 кабаков, в коих де было дворов по 20–30 и 70» [1, ф. Кабардинские дела, 1762, д. 3, лл. 18–20].

На основании этих данных можно признать в среднем по 60 дворов или по 1 800 человек в деревне, а во всей Кабарде – 8 400 дворов. Отсюда общая численность

населения Кабарды в первой половине XVIII в. приблизительно равна 250–300 тысяч человек.

В определенном смысле об этом говорят и другие факты.

В целях отыскания мест для расселения абазинцев и некоторых ногайцев в 1769 г. по поручению русской военной администрации капитан Гастотти обследовал Кабарду. В своем рапорте он писал, что «лежащие около Кабарды способные к поселению места, так равно и в Кашкатавском урочище по рекам Чегему, Череку и Урефу около тех рек и урочищ, как то и на приложенной при сем карте значатся, заняты селением Большой и Малой Кабарды народа, почему к поселению других народов удобных мест, совсем не отыскалось» [43, 293–294].

Приведенный документ свидетельствует о большой плотности населения Кабарды. Этот факт нельзя игнорировать при исследовании численности населения страны.

Как известно, кабардинцы навязали свою власть соседним народам, общее население которых достигало в середине XVIII в. приблизительно 140–150 тысяч человек. Вероятно, здесь не последнюю роль сыграло численное превосходство кабардинцев, хотя его значение в данном случае нельзя абсолютизировать.

К 1721 г. в Абазах насчитывалось 800 семей [43, 293–294], а по Броневскому к концу XVIII в. – 1 585 дворов [13, 332–339].

Если взять за основу данные Броневского и считать по 30 душ в каждом дворе, то численность абазинцев не превышает 47 тысяч.

По сведениям Коллегии иностранных дел России за 1768 г., во всех балкарских обществах значилось 790 дворов, т. е. максимум 24 тысяч человек [43, 281].

По тем же материалам, в Карачаевских обществах было 400 дворов, что дает 12 тысяч человек [43, 281]. Данные об Осетии противоречивы. В 1750 г. старшина Зураб Елиханов заявил в Петербурге, что Осетия может выставить 30-тысячную армию [10, 60].

Спустя 19 лет, в 1769 году русские военные власти на Кавказе пригласили в Кизляр десять осетинских старшин, которым предложили принять участие в начавшейся русско-турецкой войне. Предложение радушно было встречено старшинами и на вопрос генерал-майора Потапова, какое количество войск смогут выставить осетинские общества? – они ответили, что «военного народу всегда может набраца... конных и пеших тысяч до двух» [4, ф. 20, д. 833, л. 17].

Думается, З. Елиханов преувеличивал военный потенциал своей страны, чтобы заинтересовать правительство Елизаветы Петровны осетинским вопросом, а ответ десяти старшин с Караевым во главе заслуживает доверия в силу серьезности обстановки и обсуждаемого вопроса. Правда, среди старшин не было представителя Дигории [3], население которой, согласно справке Коллегии иностранных дел России к 1768 г., достигало лишь 250 дворов [43, 281].

Сведения о населении ингушей скудны, но судя по письму генерала де Медема, командовавшего русскими войсками на Кавказе, их было не так много к 1773 г. Генерал, упрекая кабардинских князей за нападение на ингушей, спрашивал: «Почему же сей поступок так сделан?» И сам же отвечает: «За то только, что они, ингушевцы, противу вас малосильны» (т. е. малочисленны. – *Е. Н.*) [43, 281].

Проведенная параллель показывает, что в исследуемый период Кабарда по численности населения уступала лишь Кубанской орде и Дагестану, а занимаемая ею

территория была самой обширной на Северном Кавказе. Эту мысль подтверждает сообщение Военной коллегии России. «Кабардинцы до XIX века были одним из сильнейших народов Северной части Кавказа, но свирепствовавшая в продолжение 12 лет чума истребила более $^{5}/_{6}$ оного», – говорится в нем [4, ф. ВУА, д. 1947, л. 25].

§ 2. Земледелие

Прежде чем говорить о земледелии, следует уточнить земельные отношения в стране (земледелие и землепользование).

Считается установленным, что в XVIII в. господствующей формой в социально-экономических отношениях Кабарды был феодализм, главная особенность которого – натуральность хозяйства и крепостничество. Исходное же начало последнего – в экспроприации крепостниками земли и прикрепление к земле самих крестьян [76, 353–354].

Следовательно, основное средство производства – земля – находилось в собственности феодалов, без чего нет и не может быть феодального способа производства. Но класс феодалов не был однородным. В нем господствовала строгая иерархия знатности. Она была создана иерархической структурой землевладения.

Верховное право собственности на землю в Кабарде принадлежало князьям. Тлекотлеши и дыжинуго владели землей также на вотчинном праве с той разницей, что последние являлись вассалами первых.

Основная масса господствующего класса – уорки – сидела на земле сеньоров (князей, тлекотлешей или дыжинуго) на правах бенефиции, которая к исследуемому периоду успела перерасти в неотчуждаемую принадлежность ее владельцев. Крестьяне же пользовались землей своих господ (князей и уорков разных степеней) и несли различные повинности в пользу земельных собственников.

Земледелие – давнее занятие кабардинцев, неотъемлемая часть их экономики. Язык, как носитель материальной культуры народа, сохранил ряд выражений, непосредственно связанных с земледелием. Так, существовало замечательное приветствие: «бовапши» (бовапщи) – да будет богатый урожай!, с которым обращались только к лицам, занятым полевыми работами. На кабардинском языке понятие труженик обозначалось словом «мэкъумэшыщIэ» – возделывающий сено и просо. Примечательно в этом смысле и древнеадыгское гостеприимство: «шыгъу-пIастэ» – соль-паста (особая каша из пшена, заменяющая хлеб) синоним русского «хлеб-соль». Это свидетельствует о знакомстве кабардинцев со злачными культурами до их этнического обособления от адыгов.

Лаконичные сведения о хлебопашестве, сенокошении, бегстве крепостных крестьян, «пахотных бобылей», которыми пестрят письма, жалобы и др. документы кабардинских князей относящиеся к первой половине XVIII в., а также факт вывоза Кабардой хлеба за пределы страны, говорят о том, что земледелие у кабардинцев не было спорадическим явлением.

Так, посол Кабарды Саадат-гирей Салтаналеев в 1720 г. сообщал Коллегии иностранных дел России, что «пожгли у них ханские войска деревни и около оных хлеб на поле нежатой и сена в стогах...» [43, 28–29].

В этом смысле ценные сведения содержит и указ самой Коллегии иностранных

дел от 17 ноября 1731 г. В нем отмечается, что на Кабарду напали «многочисленные орды, которые пришед… и хлеб и сено, что захватить могли в поле, сожгли» [1, ф. Кабардинские дела, 1730–1733, д. 1, л. 15].

Другой посол Большой Кабарды Магомет Атажукин в 1732 г. заявил в Коллегии иностранных дел, что в «Большой Кабарде земли и угодья к севу хлеба и протчего гораздо… более и лутче, чем… в Малой Кабарде» и что по обе стороны р. Баксан «на низких местах поселены деревни, где подлой народ хлеб сеют» [43, 61].

В 1745 г. князь Арслан-бек Кайтукин просил астраханского губернатора помочь ему примириться с остальными князьями Кабарды, чтобы вернуть себе отцовские владения, «на Баксане сенные покосы и пашенные земли» [1, ф. Кабардинские дела, 1745, д. 2, л. 6 об.]. При этом он торопил губернатора «его дело вдаль не откладывать…, чтоб нам успеть нынешнею весною около Баксану и Малку рек хлеб сеять» [Там же].

В том же 1745 г. князь Кайтукин уведомлял кизлярского коменданта о том, что он собирается «в Баштовых горах… пахать просо, пшеницу и ячмень» [Там же].

О значении земледелия у кабардинцев говорит и жалоба одного знатного узденя Кабарды Девлет-гирея Тамбиева. «Ныне такое время приспело, – писал он в 1747 г., – что, из двора вышед, хлеба жать или сено косить не можем» [1, ф. Кабардинские дела, 1750, д. 9, л. 3].

Данные по Малой Кабарде говорят о том же. В 1750 г. феодалы этой части Кабарды жаловались русскими властями на Кавказе, что князья Большой Кабарды и «кумычане на удобные пахотные места сеять хлеб не допущают» [1, ф. Кабардинские дела, 1750, д. 9, л. 3]. В 1731–1732 гг., когда в Кабарде стояли крымские и русские войска и конфликт был готов перерасти в вооруженное столкновение, кабардинцы пошли на компромисс ввиду того, что «хлеб не убран с поль» [1, ф. Кабардинские дела, 1731–1732, д. 1, лл. 14–37].

Все это свидетельствует о том, что в первой половине XVIII в. кабардинцы отводили обширные районы под посевы зерновых: нижнее течение рек Чегема, Баксана, Гунделена, Золки, район Пятигорья, побережье Малки и некоторые места Малой Кабарды. Это и понятно. Экстенсивное земледелие, присущее феодализму, обычно удовлетворяло потребности населения в хлебе и в фураже путем простого расширения посевных площадей.

Кабардинцы уже возделывали тогда просо, пшеницу, ячмень, полбу и рожь [23, 90–94]. Из бахчевых культур им были известны арбузы, дыни [4], а также огурцы, тыква, морковь, свекла, лук, чеснок, фасоль, и др.

Рассмотрим теперь материалы об экспорте хлеба, что является неоспоримым свидетельством развития земледелия. К сожалению, материалы по этому вопросу скудны и отрывочны. Тем не менее они позволяют сделать определенный вывод.

Находившиеся в 1743 г. в Петербурге кабардинские князья Магомет Атажукин и Адиль-гирей Калахстанов заявили, что «в неурожайные годы Кабарда снабжает хлебом соседних народов осетин и балкарские общества» [86, 42].

Это положение нашло подтверждение в работах В. К. Гарданова и К. Г. Азаматова [23; 6].

Ротмистр Киреев, возвратившись из Кабарды, докладывал кизлярской военной администрации в 1760 г., что «многие кабардинцы… от России не без огорчения есть потому, что с приезжающих от них в Кизляр людей, их продукты, яко хлеб, мед…,

с привозимых товаров берут тамошние правители против прежних годов великую пошлину...» [1, ф. Кабардинские дела, 1760, д. 2, л. 60].

В отчете Кизлярской пограничной таможни за 1764 г. содержится ценный материал о предмете, интересующем нас. Правда, последний несколько выходит за хронологические рамки исследуемого периода, но считать началом хлеботорговли у кабардинцев вторую половину XVIII в. нет оснований, и отмеченные в отчете таможни факты вполне резонно предположить продолжением существовавшего ранее товарообмена между кабардинцами и русскими поселениями на Кавказе.

«Тем же кабардинцам и кумыкам, – говорилось в указанном отчете таможни, – всякой привозимой рождающей... якож хлеб, мед и всякие фрукты... надлежит единственно и завсегда привозить в Кизляр и продавать, а не в другие места» [43, 242].

На указанном отчете комендант написал: «Приезжающим кабардинцам и кумыкам совсем беспошлинно позволенные в продажу их продукты, хлеб и протчее... запретить в проезде им продавать в Гребенских городках» [43, 242].

Хлеб, экспортируемый кабардинцами в русские поселения, видимо был значительным, поскольку русская военная администрация заинтересовалась им. Она под присягой допросила группу кизлярских служилых людей – выходцев из Кабарды – об источнике хлеба, привозимого кабардинцами в Кизляр. Допрошенные показали, что действительно в Большой и Малой Кабарде «произрастает полба, ячмень и пшеница» [43, 242].

Источники содержат факты купли-продажи и дачи взаймы хлеба и внутри самой Кабарды. В 1753 г. князья Кашкатауской группировки просили русскую военную администрацию отсрочить им выполнения условия заключения договора о переселении в Кашка-тау, мотивируя это «крайнею бедностью, как они в нынешнее лето находились в беспокойстве яко то в переселении з Баксана... в построении домов, а потом от пришедшего войска, имея опасность, находились в бегах да и хлеб посеянной допущены они с поль собрать по прошествии уже удобного времени, которого де и собрано третья или четвертая часть, а протчее от ветров и дождей выбило и от спелости высыпалось, а иной де еще с поль в домы не перевезен и за недостатком того к зиме к пропитанию, хлеб будут они... собирать займом от приятелей своих и покупкою в Малой Кабарде, в Абазах и других горских местах» [1, ф. Кабардинские дела, 1753, д. 7, л. 219].

О достатке и удовлетворительном состоянии земледелия говорит и факт производства кабардинцами хлебных напитков: «махъсымэ» – «ставленые меда», приготовляемые из пшенной муки и меда, «сырэ» – пиво из ячменя и «кІумыл» – род хлебного кваса. Об этих напитках упоминается в кратком описании Кабарды, составленном Коллегией иностранных дел за 1748 г. [43, 160].

Итак, в первой половине XVIII в. земледелие было достаточно развито у кабардинцев. Оно полностью удовлетворяло потребности населения в продуктах хлебопашества и создавало некоторые излишки, поступавшие на внешний рынок, как товар. Поэтому представляется неубедительным утверждение Т. Боцвадзе о том, что у кабардинцев «сдвиги в направлении перехода от полукочевого быта к земледелию и сенокошению начались с конца первой четверти XIX в.» [12, 36].

Однако, земледельческое производство в Кабарде стояло на низком уровне. Основной полеводческой культурой все еще оставалось просо.

Показателем низкой культуры земледелия служила также господствовавшая в полеводстве переложно-залежная система [23]. Живучесть этой системы частью обусловливалась наличием обширных земель, пригодных к хлебопашеству, а частью – потребностями скотоводства.

Орудия труда и характер производства земледелия отличались примитивностью, как это присуще феодализму. Кабардинцы распахивали землю большим деревянным плугом (пхъэIэщэ) с железным лемехом и резаком, в который впрягали 8 волов, от чего этот способ распашки земли получил название варавий (вэрэвий). Плуг – важнейший инструмент земледельца, и от его устройства зависит во многом не только производительность труда, но и вся технология обработки земли.

В этом смысле кабардинский плуг XVIII в. все еще выгодно отличался. Он имел важное приспособление, с помощью которого регулировалась глубина и ширина борозды [23, 95]. И это было свидетельством некоторого качественного роста земледелия.

Варавий требовал четырех работников: пахаря (пхъэIэщэжь), погонщика коренной пары волов (дакъэвауэ), погонщика двух средних пар (пэшауэ) и управляющего передней парой волов (выщхьэтет). В качестве последнего обычно использовался подросток.

Крестьянские хозяйства, не располагавшие необходимым количеством тягловой силы, кооперировались в супряги, т. е. варавий. Варавий мог вспахать за день максимум одну-полторы десятины земли. Поэтому весенне-полевые работы у кабардинцев затягивались от двух месяцев до двух с половиной [43, 160].

В период наивысшей концентрации полевых работ (весной и осенью) феодалы организовывали массовый выезд всех трудоспособных крестьян-мужчин, кроме пастухов, чабанов, табунщиков и др., со всем инвентарем и тяговой силой для пахоты, сева или уборки урожая.

В прикрытых лесными чащами местах строили коши (уэтэр) отдельно для господ. Вокруг коша удельного князя располагались его родичи и уорки. Коши князей ставились на почтительном расстоянии друг от друга. К месту расположения лагерей свозились кухонные предметы и продовольствие: котлы, треноги, чашки, вертела, мука, масло, мед, сыр, живые овцы на мясо, дойные коровы для свежего молока и т. д.

К сожалению, источники первой половины XVIII в. не содержат указаний относительно поставщика провианта, но, думается, что в целях социальной демагогии крепостники могли «расщедриться» на время столь важного этапа хозяйственного цикла, чтобы содержать крестьян на своем довольствии. Правда, у Ш. Ногмова отмечено, что чагарам, когда работают на господских полях, «продовольственные припасы в достаточном количестве выдаются от господ…» [83, 113].

Весь сезон полевых работ крестьяне оставались под присмотром вооруженных феодалов [43, 160]. Этой мерой крепостники достигали более эффективного использования хозяйственных ресурсов, рабочей силы, консолидации производственных процессов и, наконец, своевременного окончания полевых работ.

Таким образом, у кабардинцев существовала строгая дифференциация женского и мужского труда. В земледелии применялся только последний [5]. Это обстоятельство увеличило применение женского труда в обрабатывающей промышленности.

С другой стороны, крепостничество в Кабарде приняло особенно деспотиче-

скую форму. Проявляемая феодалами «забота» об охране крестьян указывает на материальную и социальную заинтересованность охраняющих в охраняемых, как и зависимость последних от первых. Здесь выступает обычная форма феодальной эксплуатации, принявшая в условиях Кабарды характер вооруженной охраны крепостных крепостниками. Видимо, одной из причин такой системы охраны была близость невольничьего рынка. Безоружного земледельца подстерегала опасность быть похищенным и запроданным в рабство. Да и сами крепостники опасались побега крестьян от жестокой эксплуатации. Поэтому феодалы, опираясь на крепостничество, узаконили отмеченный порядок вооруженного надзора над крестьянами, ставший традицией для того времени.

Постоянная угроза нападения со стороны крымских ханов, которые, прежде всего уничтожали хлебные запасы, породила и вторую особенность: по окончании уборки урожая и сбора ренты зарывать «годовой запас зерна… в ямы» [43, 28–29].

Натуральность хозяйства препятствовала совершенствованию орудий и разделению труда. Она отводила подчиненную роль производству средств производства, вследствие чего главные орудия труда: плуг (пхъэIэщэ)[6], борона (къитхъ)[7], грабли (пхъэIэпэ)[8], вилы (пхъэгуахъуэ)[9] и др., неизменно оставались примитивно деревянными. Поэтому главным объектом феодальной эксплуатации являлся труд крестьянина, его мускульная сила.

Аналогичное явление наблюдалось в XVIII в. в сельском хозяйстве России. П. И. Лященко отмечает, что технический уровень сельского хозяйства в течение всего XVIII в. оставался крайне низким, что орудия и способы обработки земли к концу столетия мало изменилось по сравнению с XVI–XVIII вв. [73, 109].

Это положение находит подтверждение в исследованиях Е. И. Дружининой Северного Причерноморья. В частности, она отмечает, что русские поселенцы по примеру украинцев стали пользоваться для распашки залежных земель местным орудием – тяжелым деревянным плугом и волами вместо сохи и лошадей [36, 72].

Сходные орудия труда у разных народов могут быть как результатом заимствования, так и порождением адекватных условий самобытного развития и эволюции местных орудий. За отсутствием точных данных трудно говорить более определенно о происхождении земледельческих орудий труда кабардинцев, но в свете изложенного нельзя признать правильным утверждение некоторых авторов о том, что кабардинцы переняли деревянный плуг от русских переселенцев в XVIII в [101, 82].

По данным источников кабардинцы в XVIII в. занимались садоводством и продавали фрукты.

В 1720 г., когда кабардинцы просили Петра I построить военную крепость на их земле, то одним из преимуществ предлагаемой местности они указывали «и довольство многое в винограде» [43, 29].

В рапортах кизлярского коменданта и др. документах неоднократно упоминается фрукты в числе других продуктов, привозимых из Кабарды на продажу. В разъяснении Комерц-коллегии отмечено, что если «ис Кабарды… в Кизляр привезется, родящееся от земли, на деревьях и в воде, то есть, само-собою, непеределанное… яко мед, воск, хлеб, масло всякое…, фрукты (свежие и сухие) пропускать без взятья пошлин» [43, 240–252].

В 1765 г. по поручению правительства Екатерины II Христиан Фредерих Лидек обследовал «земли вдоль берегов реки Терк», чтобы установить перспективность

садоводства в этом районе. Ученый в своем докладе от 14 января 1766 г. писал: «не только персиковые и априкозовые деревья (хотя худого свойства) с довольным числом здесь находяться и зимнюю стужу терпят, но леса наполнены дикорастущими грушами, айвами, мисилиями и проч.» [43, 258].

На развитие садоводства у кабардинцев указывают и данные языка.

Так, по-кабардински дичка – «мы», а яблоко – «мы-Iэрысэ», т. е. дичка, посаженная рукой. Груша лесная – «кхъужъ», а садовая груша – «кхъужъ-Iэрысэ», т. е. лесная груша, посаженная рукой. Вишня – «балий», а черешня – «балий-Iэрысэ» и т. д.

Очевидно, этимология этих слов связана с появлением нового вида труда по выращиванию плодовых деревьев. Но указать время появления этих работ, а следовательно и лексического их обозначения не представляется возможным, хотя нет оснований относить его к более позднему периоду [10].

Заканчивая краткий обзор земледелия, следует отметить, что оно было основано на крепостническом труде и носило выраженный натурально-потребительский характер.

Вместе с тем, как показывают факты, земледелие не только полностью удовлетворяло потребности страны в сельскохозяйственных продуктах, но и производило небольшие излишки, которые экспортировались на внешний рынок.

Потенциальные возможности земледельческого производства сковывались господством натурального хозяйства, так как оно отводило подчиненную роль производству средств производства. С другой стороны, отсутствие рынка сбыта как внутри страны, так и в доступных районах за ее пределами, увековечивало натурально-потребительский характер земледелия и лишало его стимулов к дальнейшему развитию.

§ 3. Скотоводство

Несмотря на давность и важность земледелия, ведущее место в экономике страны принадлежало скотоводству. По крайней мере при сопоставлении земледелия со скотоводством обнаруживается тенденция последнего приспособить земледелие к нуждам своего развития. Выражалась она, прежде всего, в увеличении земледельческих работ, прямо или косвенно связанных с потребностями скотоводства, как-то сенокошение, перевозка и скирдование сена, заготовка зерна на фураж, соломы для подстилки и т. д. Устроенный в бассейне реки Черек «великий татаул» – канал для орошения сенокосных лугов – свидетельствует о том же [43, 182].

Сохранения проса в качестве основной полеводческой культуры частично было обусловлено потребностям скотоводства, так как оно давало не только хлеб, но и зерно на фураж, и мягкую солому, годную для корма.

Как правильно заметил В. К. Гарданов, даже переложно-залежная система своей долговечностью обязана отчасти тому же скотоводству.

Приоритет скотоводства в экономике Кабарды отмечался и в источниках, да и сами кабардинцы считали скот основным богатством [11].

Думается, что это положение было обусловлено особенностью самих отраслей хозяйства. В исследуемый период земля еще не была товаром в Кабарде, тогда как стимулом к развитию скотоводства являлась именно его товарность.

Происходившая в Кабарде острая внутриклассовая борьба часто выбрасывала то одного, то другого потерпевшего поражение феодала. При этом он терял все свое

недвижимое имущество: «пашенные и пастбищные поля, сенокосные луга » [1, ф. Кабардинские дела, 1745, д. 2, лл. 4–10]. Они доставались его противникам, в то время как он мог угнать скот с собой, в крайнем случае, лошадей [12].

Почти такую картину создавали нашествия крымских ханов и других врагов, т. е. приходилось бросать весь посев, необмолоченные хлеба и даже запасы зерна, а скот удавалось спасти, угнав в горы. Эти обстоятельства сделали скотоводство не только более рентабельным занятием, но и особым видом собственности, как бы неотъемлемым достоянием владельца. Отсюда и особое значение скотоводства в сознании самих владельцев.

Все возрастающий интерес населения и прежде всего господствующего класса к предметам иностранного производства, отсутствие собственной валюты и, наконец, сравнительно легкая транспортировка живого товара – скота – к местам рынков, рано сделали скот эквивалентом валюты у кабардинцев.

Если отсутствие хлебного рынка сбыта внутри и вблизи Кабарды способствовало сохранению натурально-потребительского характера земледелия, то огромный спрос на скот и продукцию животноводства на внешнем рынке стимулировал расширение скотоводческого хозяйства, и прежде всего коневодства и овцеводства [23].

С другой стороны, климатические условия и обширность занимаемой кабардинцами территории позволяли вести скотоводство в крупных масштабах, а дешевый крепостнический труд делал предприятие рентабельным в любом случае.

Совокупность этих факторов, собственно, обусловила скотоводческий уклон в экономике Кабарды.

В силу особых исторических условий в Кабарде сложился военно-феодальный режим. Конница стала кастовой привилегией господствующего класса, наездничество – профессией каждого дворянина (уорка). Успех воина-уорка в бою во многом зависел от качества его коня. О кабардинском воине – уоркшу – существовала даже поговорка: «Шырэ лIырэ зэхуэдэщ» – «Конь достоин мужчины, а мужчина – коня». Уорк мог потерять все: дом, семью, крестьян, но если он сохранил коня и слугу, чувствовал себя равным среди знати.

Такое значение коня в военной и социальной жизни кабардинцев предопределило развитие коневодства в стране, целью которого становиться постоянная забота об улучшении породы лошадей. По крайнем мере, в рассматриваемый период уже были знаменитыми такие породы кабардинских лошадей, как «Шоулох», «Бечкан», «Трама», «Хуара», «Шагди».

Повышенный спрос на лошадей был явлением историческим. В XVIII в. лошадь оставалась самым быстрым средством передвижения, кавалерия – грозной силой на войне, а конная езда развлечением знати. Отсюда возрастали спрос и цена хорошей верховой лошади. По В. К. Гарданову стоимость отдельных экземпляров знаменитых пород кабардинских лошадей колебалась от 500 до «нескольких тысяч пиастров, превышая стоимость средней крымской лошади минимум в 25 раз» [23, 27].

Ханы, султаны, цари и царицы высоко ценили кабардинских лошадей и охотно брали их как ценный подарок, а кабардинцы не упускали удобного случая, чтобы подобными подношениями нормализовать свои отношения с великими державами.

Старший князь Кабарды Ислам-бек Мисостов подарил Петру I шесть кабардинских лошадей [1, ф. Кабардинские дела, 1724, д. 4, лл. 19–19].

В 1731 г. князь Атажукин отвез четырех лошадей царице Анне Ивановне и ее фавориту Бирону [1, ф. Кабардинские дела, 1731–1732, д. 7, лл. 17–20].

В 1742 г. тот же князь подарил Елизавете Петровне в день ее коронации «двух кобылиц жеребых породы Шевлох» [1, ф. Кабардинские дела, 1742, д. 4, лл. 17–18].

В 1748 г. в честь восшествия на престол хана Арслана-гирея кабардинские князья отправили в Крым двух коней «породы шагди» [1, ф. Кабардинские дела, 1753, д. 7, л. 209].

Коневодство не только удовлетворяло потребности страны, но и носило товарный характер. Последний был обусловлен большим спросом на лошадей как внутри Кабарды, так и за ее пределами.

В записке составленной Коллегией иностранных дел в 70-х гг. XVIII в., указано, что «из Кабарды купцы… в Кизляр, Астрахань и Черкасск… пригоняли… на продажу равно и в другие места лошадей во множестве, рогатой скот и овец стадами» [43, 318].

Эти данные вполне применимы и к первой половине XVIII в., так как нужен не один десяток лет, чтобы ежегодно экспортировать такое количество скота. Отмеченная торговля скотом – свидетельство наличия в стране давно и хорошо налаженного скотоводческого хозяйства, уже приспособленного к запросам внешнего рынка.

Источники подтверждают это. В 1720 г. И. Кикин доносил в Коллегию иностранных дел, что крымцы отогнали из Кабарды «многие конские и другие скотские стада» и что при этом князь Арслан-бек Кайтукин отбил у них «несколько тысяч овец и коров» [1, ф. Кабардинские дела, 1720, д. 1, лл. 71–75].

Хан Саадат-гирей, отступая из Кабарды, угнал с собой «600 человек… и несколько тысяч лошадей…», – писал тот же И. Кикин [1, ф. Кабардинские дела, 1720–1805, д. 1, л. 14].

В 1753 г. майоры Барковский и Татаров писали в Астрахань, «что бараны, табуны лошадей и скотские хутора… кашкатавских владельцев еще остаются в Баксане» [1, ф. Кабардинские дела, 1753, д. 7, л. 83]. Даже в период сильнейшего упадка Кабарды (последняя четверть XVIII в. – начало XIX вв.) по свидетельству С. Броневского коневодство продолжало играть важную роль в хозяйстве Кабарды. Кабардинские коннозаводчики «знатную прибыль получают, – писал он, – от породы лошадей, которые большею частью покупаются в России для пополнения конных полков» [13, 136].

Табунщик считался специалистом по коневодству. Его труд был самым высокооплачиваемым в Кабарде. В случае продажи крепостного табунщика, за него платили по высокой цене. Эта социальная группа чаще всего выкупала себе свободу [77, 290–298].

Заслуженным авторитетом пользовались и кабардинские ветеринары-самоучки. О них лестно отзывался С. Броневский. «Конские лекари не менее славятся своим искусством в лечении лошадей», – писал он [13, 149].

Приведенные факты свидетельствуют о том, что коневодство у кабардинцев было хорошо организованной и высокорентабельной отраслью хозяйства. Однако приоритет в скотоводстве принадлежал овцеводству.

О размерах овцеводства можно получить определенное представление из документа о барамтовании овец у кабардинских феодалов [43, 285–286]. Кизлярская военная администрация реквизировала скот из семи кошей, в которых оказалось 22 000 овец. Из них четыре коша – княжеские с общим поголовьем в 12 300 штук,

а три коша – дворянские (уорские), в которых насчитывалось 9 500 голов. Причем, из четырех княжеских кошей трое принадлежали трем родным братьям: Наврузу (2 500), Мыкуль-Али (2 800) и Картулю (300) Исламовым, а из уорских два коша – двум братьям Тамбиевым (Кази – 2 500 и Девлетмурзе – 3 500 овец) [Там же]. Не в меньших масштабах разводили коней и овец и в Малой Кабарде. В 1750 г. князь Батоко Алибеков жаловался, что князья Большой Кабарды отогнали его скот «баранов и кобылиц тридцать тысяч…» [1, ф. Кабардинские дела, 1750, д. 9, л. 63].

Анализ перечисленных сведений позволяет сделать вывод. Во-первых, знатные дворяне не менее состоятельны, чем князья. И дворяне, и князья располагали почти одинаковым количеством овец – более 3 000 голов в среднем. Во вторых, существует частная (семейная, а не фамильная) собственность на скот у князей и их дворян. Это видно из того, что родные братья держат скот отдельно в обособленных кошах. В третьих, эти данные позволяют приблизительно подсчитать общее поголовье овец по всей Кабарде.

Согласно родословию кабардинских князей [13], к середине XVIII в. в Большой Кабарде насчитывалось 30 самостоятельных княжеских семей. В Малой Кабарде – 12. Среди них братья Исламовы были менее состоятельными, так как они разделились только в 1753 г. [1, ф. Кабардинские дела, 1753, д. 7, лл. 60–78].

Они не шли ни в какое сравнение со знаменитыми в то время князьями, как Арслан-бек и Жамболат Кайтукины, Батока, Татархан и Жанхот Бекмурзины, Бамат Кургокин, Магомет и Касай Атажукины. И все же, если считать по 3 000 овец в каждой из 42 семей, то одним князьям принадлежало более 126 тысяч овец.

По данным Ландкарты Кабарды 1744 г. 76 знатным уоркским семьям, в том числе Тамбиевым, принадлежало 76 деревень [43, 114–116]. Если каждое из этих семейств располагало не меньшим числом овец, чем братья Тамбиевы (а это возможно), то в руках этой категории знати было сосредоточено около 230 тысяч голов, а вместе с князьями они имели более 360 тысяч овец.

Разводили овец и мелкие уорки, и крестьяне (чагары). Из 12 000 дворов Кабарды на долю мелких уорков и крестьян приходилось минимум 10 тысяч дворов. Хотя прямых указаний нет о размерах овцеводства в последних типах хозяйств, все же можно предположить по 20–30 голов в каждом из них, что составит 200–300 тысяч овец. Сюда не входят дворовые, которые также владели скотом, но проживали во дворе своих господ. Следовательно, общее поголовье овец по всей Кабарде могло бы колебаться от 600 до 700 тысяч голов.

Эти подсчеты близки к выводам В. К. Гарданова, который определяет общее поголовье овец Кабарды в XVIII в. в один миллион [23, 86].

Вполне понятно, что такие масштабы овцеводства не были продиктованы одними внутренними потребностями страны. Овцеводство, как и коневодство, носило товарный характер. Здесь возникает вопрос: не было ли скотоводство кабардинцев товарным производством, порождавшим предпосылки к возникновению капиталистического способа производства?

Что бы ответить на поставленный вопрос, необходимо уточнить:

1) каким трудом создавался тот прибавочный продукт, который шел на рынок в качестве товара;

2) на что употреблялся получаемый феодалами доход от торговли скотом?

Характер производства определяется не наличием товара, а формой эксплуатации. По всем данным, хозяйство кабардинских феодалов (как мелкие, так и крупные), было одновременно земледельческим и скотоводческим, т. е. отсутствовало отраслевое разделение производства и труда. Натуральная крепостническая система, мешая появлению хозяйственных контрастов, увековечивала экономическую однотипность хозяйства в стране. В этих условиях о применении наемного труда не может быть и речи.

§ 4. Феодальная рента

Формально регулирующим производственные отношения в Кабарде выступало обычное право – адат [69, 223–285]. Фиксируемые им права и обязанности крепостников и крепостных, размеры и виды повинностей последних в пользу первых, а так же архивные данные исследуемого периода вносят большую ясность в рассматриваемый вопрос. Говоря о форме эксплуатации в эпоху феодализма, К. Маркс писал, что «земельная рента есть единственная господствующая и нормальная форма прибавочной стоимости или прибавочного труда» [76, т. 25, ч. 2, 357].

В разделе «земледелие» было показано, как крестьяне обрабатывали свои и господские поля под присмотром вооруженных князей и дворян.

Теперь рассмотрим характер распределения продуктов земледелия между собственниками земли и непосредственными производителями материальных благ.

Крепостное население Кабарды – пшитли (пщылI) – не было однородным. Основную массу его составляли чагары, которые имели свои хозяйства и несли определенные повинности в пользу феодалов в виде отработочной и продуктовой рент [1, ф. Кабардинские дела, 1747, д. 6, лл. 39–46].

Вторая (меньшая) часть (так называемые холопы) проживала во дворе своих господ и эксплуатировалась по мере надобности. 45-я статья обычного права гласит: «Холопья исполняют в полной мере все приказания господ и работают что велено безоговорочно» [69, 114]. Как видно, здесь господствует отработочная рента.

«Холоп или чагар, – говорится в другой статье, – имеющий для пашни две пары волов, обязан отдать своему господину в год три арбы обмолоченного проса... Когда же в пашне будет три пары, то господин берет четыре арбы проса, после отделения чагарам или холопам в пользу свою потребного количества проса на семена» [69, 113].

Для нужд феодального поместья чагары ежегодно заготовляли дрова на топливо в размере 8 арб, с правом замены их стройматериалом [69, 113; 83, 114].

«Из крестьян каждый дом семенами господина ежегодно засевал земли на один тулук проса; господину же возвращал готовым» [69, 113].

«В сенокосное время крестьяне должны господину работать: три дня косить, а два дня убрать скошенное, потом класть копны с помощью дворовых холопьев, свозить сено в кутаны или дома» [69, 113].

«Огородные плетни делают крестьяне обще с дворовыми людьми; полоть траву в саду обязаны по три раза в год крестьянские женщины, а равно вымазывать дома» [69].

«Если князю или узденю понадобится большой дом с кухнею, крестьяне обязаны безоговорочно выстроить его вместе с дворовыми женщинами» [69].

В 1753 г., когда князей Жамболатова удела переселяли в Кашка-тау, их чагары отправились на новые места, выстроили дома и служебные помещения, огородили усадьбы и только потом перебрались туда сами феодалы [1, ф. Кабардинские дела, 1753, д. 7, лл. 63–67].

«За неявку на работу к назначенному сроку чагар штрафовал, смотря по упущению» [69].

Феодалы, заботясь о воспроизводстве своего хозяйства, скрупулезно предусматривали обязанности крестьян всех категорий. Точно так же тщательно облагали данью все: и ульи, и скот, и даже зарезанную на мясо овцу. Словом, от добычи соли, железа, до производства простой браги [69].

Заслуживает внимание еще одна повинность крестьян, которая раскрывает один из институтов внеэкономического принуждения трудящихся и деспотический характер кабардинского феодализма. Крестьяне обязаны были выкупать у своих господ право на раздел семьи ценою сорока овцематок. «А кто баранов не имел, тот и делиться не в праве», – писал Ш. Ногмов [83, 115].

Феодал не без основания препятствовал размельчению больших семей. В случае раздела чагарской семьи, располагавшей 3 парами волов, на три семьи, – оброк с этих хозяйств падал с прежних 4 арб проса до 3 арб. Соответственно снижалась рента и при разделе семьи, владевшей двумя парами волов. Поэтому феодалы, заботясь о воспроизводстве своего хозяйства, придумали способ возмещения ущерба путем взыскания особой платы за право раздела.

Формы присвоения прибавочного продукта феодалами – показатель уровня развития феодализма.

В. И. Ленин, раскрывая сущность крепостничества, указывал, что при отработочной ренте (т. е. барщине) «... крестьянин и сам должен был становиться крепостным, потому что без принуждения силой ни один человек, сидящий на наделе, не стал бы работать на помещика» [68, т. 15, 130].

Приведенные виды подати показывают, что в сфере феодальной эксплуатации продуктовая рента занимала доминирующее положение. Впрочем, это и не вызывает дискуссий у исследователей [26, 132].

Из изложенного видно, что земледельческое производство Кабарды в исследуемый период было основано на эксплуатации крепостного труда в форме отработочной и продуктовой рент при господстве последней.

Эксплуатация крепостных в скотоводстве имеет свои особенности. Сезонный характер земледелия давал феодалам возможность использовать чагаров-хлебопашцев во время массовых стрижек и окота овец, таврения молодняка и в других случаях. В обычное же время в скотоводстве применялось сравнительно небольшое количество рабочей силы. Так, в 7 кошах феодалов Большой Кабарды с общим поголовьем в 24 000 овец оказалось всего 33 работника. Причем все они были холопского сословия [43, 272].

По сведениям из Малой Кабарды, 30 000 овец и кобылиц обслуживали 15 ясырей [1, ф. Кабардинские дела, 1750, д. 9, л. 63].

Наряду с этим, в скотоводстве наблюдалась тенденция к созданию постоянных кадров животноводов: табунщиков, ветеринаров-самоучек, старших чабанов, пастухов, сыроделов и др., которых освобождали от полевых работ и повинностей.

Это и понятно: перечисленные виды занятий требовали определенных навыков и познаний в области ветеринарии и зоотехнии, которые передавались из поколения в поколение, подкрепляя их практическим опытом. Но скотоводческое хозяйство не могло обходиться перечисленной группой «специалистов». Они скорее были своего рода крепостной «аристократией», в подчинении которых находились холопы и ясыри, выполнявшие всю черную работу.

Преимущественное использование холопов [14] и, частью, ясырей [15] в скотоводстве, говорит о господстве в нем барщины, в отличие от земледелия, где доминировала оброчная система.

Полностью зависимые от хозяина ясыри являли самый подходящий объект для неограниченной эксплуатации в скотоводстве, где применялся только мужской труд. Даровой труд последних создавал прибавочный продукт, шедший на рынок в виде породистых лошадей, овец, высококачественной шерсти и т. д.

Значительная доля труда ясырей в производстве подтверждается фактом его воспроизводства путем купли последних и существовавший на них спрос.

Таким образом, скотоводство, которое носило форму товарного хозяйства, было основано на эксплуатации крепостного, частью, рабского (ясырского) труда. Следовательно, поставляемые на рынок товары создавались путем эксплуатации крепостных и рабов. Судя по состоянию технической оснащенности сельскохозяйственного производства, получаемый феодалами доход от торговли скотом, не вкладывался в производство в целях усовершенствования его способов и орудий труда.

Поэтому, и вся торговля, вместе с товарным хозяйством, не затрагивали основ натурально-крепостнической системы, не меняли ее сути.

Приспособление хозяйства к потребностям рынка, в частности скотоводства, привело экономику страны к некоторой диспропорции. Особенно гипертрофировались овцеводство и коневодство за счет сужения земледелия и развития производства крупного рогатого скота. Правильно отметив эту особенность скотоводства Кабарды, В. К. Гарданов делает вывод, что у кабардинцев «удельный вес коровьего молока в общем балансе молочных продуктов был невелик, т. к. сыр, широко употребляющийся в пищу, выделывали из овечьего молока; из коровьего же молока изготовляли только небольшое количество масла» [42, 137].

Многообразие молочных блюд и продуктов, известное старой кабардинской кухне, свидетельствует об обратном.

Кабардинцы овечье молоко употребляют лишь в виде сыра (матэ кхъуей). Его, как правило, делали в кошарах мужчины во время массового окота овец, т. к. после убоя ягнят для заготовки шкурок на папахи, возникала необходимость сдаивать овцематок.

Кабардинское сыроварение знало еще 5–6 ассортиментов сыра, выделываемых исключительно из коровьего или буйволиного молока. Сыр копченный (кхъуей плъыжь); сыр в рассоле (шыпскхъуей), а затем идут сыры специального назначения: «гумбыл» – сыр для начинки пирога (этому сорту сыра придавали шарообразную форму и держали в кислой сыворотке); «кхъуейхьэбыкъуэ» – слегка прессованный и присоленный сыр, идущий на приготовление блюда «кхъуейжьапхъэ»; «кхъуейлъалъэ» – творог, которым начиняли пирожки (хьэлывэ и хъыршын) с пряными травами, и наконец, «шэжыпсыщхьэкхъуей», получаемый после кипячения сыворотки.

Разнообразнейшее применение имела сметана. Без нее вообще невозможно приготовить традиционные кабардинские блюда как «кхъуейжьапхъэ», «жэмыкуэ», «джэдлыбжьэ», «тэрхьэлыуэ», «джэдыкIэжьапхъэ», и др. А топленая сметана (шатэ щIэгъэпщтхьа) и теперь считается деликатесом у кабардинцев.

Из сметаны получали два вида масла: «тхъуцIынэ» – сливочное и «тхъу гъэвэжа» – топленое. Последнее, по данным источников, занимало значительное место в экспорте кабардинцев [43, 241, 250–252, 318].

Особенно большое распространение имело кислое молоко (шху). Даже источники ставят его на первое место из напитков, употребляемых кабардинцами.

«Обыкновенное у всех у них (т. е. кабардинцев. – *Е. Н.*) питье: молоко, просяная брага и ставленные меда» – говориться в «Описании кабардинского народа за 1748 год» [43, 160].

В старину к молодой баранине обязательно подавали кислое молоко, заправленное чесноком, перцем и солью. Многие молочные блюда как «шэщIэгъагъэ» и др. вышли из употребления.

Думается, что приведенный далеко неполный перечень молочных блюд и продуктов достаточно подтверждает широкое применение кабардинцами молочных продуктов в пищу.

§ 5. Домашняя промышленность, ремесло и торговля

Процесс развития ремесел, домашней промышленности и товарообмена происходит в прямой связи с общим развитием экономики и, в частности, с общественным разделением труда. Состояние рассмотренных отраслей хозяйства Кабарды показывает, что в стране господствовало натурально-потребительское хозяйство, порождающее экономическую однородность. Следовательно, не было условий для развития внутренней торговли и возникновению ремесленных центров, городов.

Натурально-хозяйственное поместье жило за счет эксплуатации крестьянских хозяйств, которые снабжали всем необходимым и себя и своих господ, и феодалы были заинтересованы в развитии крестьянских промыслов, чтобы полнее удовлетворить свои нужды. Крестьянское хозяйство являлось своего рода универсальной фабрикой феодала, в которой производились и орудия труда, и средства передвижения, и одежда, и обувь, и постель, и посуда, и многое другое. Это и мешало образованию хозяйственных контрастов, необходимых для оживления внутреннего товарообмена. Однако, в силу стихийного процесса производства, крестьяне создавали излишки предметов, которые со временем научились сбывать на внешний рынок, как товар, чтобы производить их для этой цели.

Как указывал В. И. Ленин, «Производство продуктов промышленности в виде товара кладет первое основание отделению промышленности от земледелия…, хотя промышленник от земледельца на этой стадии развития в большинстве случаев еще не отделяется» [68, т. 3. С. 288–289].

Аналогичный процесс происходил и в Кабарде. Непосредственный производитель товара все еще оставался крепостным, и часть продукции его труда поступала феодалу, как продуктовая рента, а часть – на рынок, как товар. Однако сам факт

зарождения товарного производства – важное свидетельство уровня развития феодального способа производства, так как только переход к продуктовой ренте, как более высокой ступени, создает необходимые условия развития товарного производства [76, т. 25, ч. 2, 358].

Об объеме последнего можно судить по экспорту его продукции. К сожалению, данные об этом очень скудны и дают лишь приблизительное представление. Более ценные сведения по этому предмету содержат исследования М. Пейсонеля [89, 25–27]. По его данным, через главный черноморский порт того времени – Тамань – из Черкесии в Крым ежегодно поступало 100 тыс. тюков сукна, 5–6 тыс. черкесок, до 60 тыс. суконных брюк, 20 тыс. бурок, 300 тыс. стрел для лука и т. д. [89, 25–27]. Если одну десятую указанной М. Пейсонелем продукции отнести на долю Кабарды, как, на наш взгляд, правильно делает В.К. Гарданов, то последняя ежегодно поставляла в Крым 10 тыс. тюков сукна, 500–600 черкесок, 6 тыс. брюк, 2 тыс. бурок, 30 тыс. стрел и т. д. Как показывают источники, кабардинцы пользовались и другими рынками. Сукна и бурки «…тамошнего изделия… привозили из Кабарды купцы их в знатном количестве в Кизляр, Астрахань и Черкасс…», – говорится в записке о кабардинцах [43, 318–319]. Эти товары могли найти спрос и среди других народов Северного Кавказа.

Таким образом, основной тенденцией товарного хозяйства было расширение района сбыта и количественное увеличение изделий, а не совершенствование технологии производства или освоение выпуска новых изделий. Поскольку из года в год производились одни и те же предметы теми же орудиями труда, крестьяне достигали известной сноровки и совершенствования производства тех или других предметов. В результате появились мастера своего дела – ремесленники, работающие на заказ.

Промышленность Кабарды имела два направления: домашнее производство и ремесленное. В первом – преобладал женский труд, а во втором – мужской.

Прежде чем говорить о роли женского труда в обрабатывающей промышленности, следует указать, что в основе его лежал сословно-классовый принцип. Представительницы господствующего класса не только не занимались физическим трудом, но даже воспитанием своих детей. Круг их обязанностей ограничивался соблюдением тонкостей кабардинского этикета, умением руководить своими унаутами и дворовыми для управления домом, приемом гостей и рукоделием. Поэтому здесь речь будет идти о значении труда женщин из эксплуатируемого класса.

Как упомянуто, женский труд не применялся у кабардинцев ни в полеводстве, ни в скотоводстве. Зато основная тяжесть по бытовому обслуживанию населения ложилась на женские плечи. Помимо ухода за детьми, огородами, птицей, а также стирки, доставки воды, приготовления пищи, они обеспечивали все население одеждой, обувью, головными уборами (как зимними, так и летними) и предметами постельной принадлежности.

Их трудом создавались излишки в виде бурок, башлыков, суконных брюк, ноговиц, черкесок и др. предметов, поступивших на рынок в качестве товара [23, 95–98].

Дифференциация женского и мужского труда была настолько строгой, что считалось оскорблением исполнение функций женщин представителями мужского пола и наоборот.

Второе направление товарного производства Кабарды – ремесло – было представлено рядом отраслей: оружейным, ювелирным, кузнечным, седельным и др. Эти виды ремесел, как отмечено Е. Н. Кушевой, еще в XVI–XVII вв. достигли высокой ступени развития, и кабардинских мастеров по производству панцирей, сабель и др. ценили в Московской Руси, куда их приглашали [65, 98].

Судя по архивным данным, отход ремесленников продолжал оставаться обычным явлением и в исследуемый период. В 1748 г. представителю России Илье Григорьеву старший князь Кабарды Батоко Бекмурзин поведал о пленении крымцами кабардинских ремесленников. «В недавном времени, – говорил князь, – поехали на Кубань из Кабарды мастеровые люди семь человек для пропитания своего деланием сабель, стрел и протчего, которых тамо кубанские солтаны пограбили и самих их запродали в плен» [1, ф. Кабардинские дела, 1750, д. 8, л. 13].

Подобный же случай описан кизлярским тезиком Хачатуром Мамаджановым. Он передал прибывшему в 1750 г. в Кабарду капитану Барковскому, что «едучи з Дону люди-художники по деланию ружей душ пять пропали…» и, мол, в их хищении кабардинские владельцы подозревают салтанов кубанских, за что кабардинцы собираются взять барамту» [1, ф. Кабардинские дела, 1740, д. 9, л. 38].

В 1764 г. атаман войска Донского писал в Коллегию иностранных дел, что он ожидает из Большой Кабарды «для отправки работы здешним казакам ружей, сабель и прочей поделки Ислама Аджи с товарищами» [1, ф. Кабардинские дела, 1763–1777, д. 12, л. 568].

Эти факты говорят, прежде всего, об активной эмиграции ремесленников, вызванной некоторым перепроизводством последних, неизбежном в начальной стадии развития товарного производства. Во-вторых, об отсутствии притягательного центра внутри страны, т. е. достаточной сферы приложения труда ремесленников. В-третьих, о некоторых успехах отдельных видов ремесла, благодаря чему кабардинские ювелиры, оружейники, седельники и другие мастера пользовались заслуженным авторитетом, а их труд и изделия – широким спросом у соседних народов. И, в-четвертых, фильтрации основной производительной силы нарождающегося товарного производства за пределы страны, что подрывало материальную базу, мешая концентрации рабочей силы, средств производства и дальнейшему техническому прогрессу. Это обстоятельство особенно заметно проявилось в оружейном производстве.

В 1732 г. посол Кабарды в Петербурге М. Атажукин сообщил в Коллегию иностранных дел, что «Как в Малой, так и большой Кабарде к деланию ружья заводы есть и делают пищали и сабли для себя несколько, а более покупают у российских купцов и у крымцов для того, что российские и крымские ружья лутче» [43, 61–62].

Сообщение Атажукина ясно говорит о том, что продукция одного из ведущих ремесел, как по объему, так и по качеству уже не удовлетворяет возросшие потребности населения. Свое техническое отставание страна восполняла ввозом товаров иностранного происхождения, свободный приток которых, естественно, забивал слабые поросли местной промышленности. В результате, дальнейшее развитие технической мысли (совершенствование техники и технологии производства) вступает в полосу длительного застоя.

П. Остряков в 80-х гг. XIX в. исследовал кустарную промышленность Кабарды.

Выводы его со всей очевидностью подтверждают полный кризис этой отрасли хозяйства и то, что оно стояло на уровне первой половины XVIII в.

Итак, обрабатывающая промышленность все еще оставалась крестьянским промыслом. Она обслуживала главным образом поместья феодалов и хозяйства самих крестьян. Однако уже было налицо производство предметов домашнего обихода в целях продажи, которые крестьяне вывозили на внешний рынок как товар. Наряду с этим, в стране имелись профессиональные мастера разного профиля, которые работали на заказ, а также выезжали за рубеж группами и в одиночку на заработки.

Господство однотипных хозяйств (помещичьих и крестьянских) способствовало утечке профессиональной рабочей силы, которая, в свою очередь, подрывала возможность возникновения ремесленных поселков, городов, а следовательно, и внутреннего рынка.

В отличие от столь слабого развития внутреннего товарообмена внешняя торговля Кабарды была оживленной и разносторонней. Она поддерживала торговые связи с Турцией, Крымом, Персией, Россией, со всеми народами Северного Кавказа и Закавказья. В эти страны она экспортировала лошадей, мелкий и крупный скот, продукты скотоводства (кожа, шерсть, рога, масло, сыр), мед, воск, хлеб, пушнину, а также изделия ремесел и домашней промышленности: сабли, ружья, стрелы, кинжалы, ножи, пояса, черкески, шапки, башлыки, домотканые сукна, бурки, войлок, седла, конскую сбрую, арбы, колеса и др. [89; 13, 142–144; 23, 99–109; 43, 250–252, 318].

Ввозимые в Кабарду товары также были разнообразны. Из восточных стран поступали, главным образом, предметы роскоши: золотые, серебряные и шелковые изделия, ковры, бархат, тонкие сукна, кисея, бисер, богато отделанное оружие, восточные сладости, пряности, хлопчатобумажные ткани, фаянсовая и фарфоровая посуда и др. [89; 13; 23; 43].

Из России шли предметы широкого потребления, доступные всем слоям населения: сундуки, обитые железом, холсты, котлы, сковородки, ведра, недорого отделанное оружие, гвозди и многое другое [89; 13; 23; 43].

Кабардино-русские торговые связи в первой половине XVIII в. в основном проходили через города и станицы Войска Донского, Астрахань, крепость Терк и городки гребенских казаков, а с 1736 г. и через Кизляр.

В дальнейшем по мере роста русской промышленности и продвижения границ Российской империи на юг значение изделий русской промышленности возрастает в импорте товаров Кабарды. С окончательным присоединением Крыма и Закавказья к России восточные товары перестают играть сколько-нибудь значительную роль во внешней торговле кабардинцев. Но в рассматриваемый период огромные безлюдные степи от Азова до Волги, отделявшие Кабарду от России, препятствовали установлению более тесных экономических связей между ними.

Особую роль в сфере товарообмена играла транзитная торговля. Выгодное географическое местоположение Кабарды и существовавший в ней обычай «коначество»[16] создавали благоприятную почву для расцвета транзитной торговли [26, 339–341].

Кратчайшие пути из Северного Кавказа в Закавказье, из Дагестана в Причерноморье проходили по территории Кабарды. Это делало ее как бы перевалочным пунктом между Северным и Южным Кавказом, между Восточным и Западным.

Однако в те времена чрезвычайно было опасно проехать, скажем, из Терки в Копыль или Тамань. Небольшая охрана, которой купец мог располагать, не обеспечивала ему безопасность. Зато покровительство (коначество) одного из кабардинских князей гарантировало ему и его имуществу сохранность, а также свободу передвижения и торга не только по Кабарде, но и на земле соседних народов. Поэтому купцы, торговавшие в этом районе, серьезно были заинтересованы в посредничестве (покровительстве) кабардинских князей.

С другой стороны, покровительство над торговлей повышало политическую акцию феодальной знати Кабарды и обогащала ее с другой. Такая взаимная заинтересованность купцов и социальной верхушки Кабарды, естественно, способствовала оживлению торговли.

Широко практиковалась и кредитная система. Купцы предоставляли товары населению под ответственность феодалов, а по истечению срока кредиторы расплачивались продуктами земледелия и скотоводства [1, ф. Кабардинские дела, 1765–1767, д. 17, лл. 32–35].

Кроме меновой торговли наблюдаются и торговые операции с деньгами [1, ф. Кабардинские дела, 1732, д. 3, л. 43]. Кабарда не имела своей валюты, но в ней обращались турецкие, крымские, персидские и русские деньги. Это обстоятельство оставило след и на кабардинские названия денежных единиц. До сих пор кабардинцы называют 10-рублевку по-турецки «туман» , 1 рубль – по-персидски «сом», 20-копеечную монету «апасы» (искаженное «абаз»), 5-копеечную монету – «щай», а копеечную – по-русски «кӀэпеча» (искаженная «копейка»).

В свою очередь, свободное обращение в Кабарде валюты различных государств, благоприятствовало свободному торгу купцов из разных стран.

Князья брали пошлину не только с тех товаров, которые продавались на территории Кабарды, но с товаров купцов, которым они оказывали покровительство.

О размерах пошлины в источниках нет данных, но одно сообщение дает некоторое представление. В 1761 г. в разгар борьбы между Крымом и восставшими закубанскими адыгами, кабардинский князь Мисост Татарханович Бекмурзин провел группу крымских купцов, возвращавшихся домой, через территорию воюющих стран. За это хан предоставил князю право взымать со всех крымских и кубанских купцов «пошлину бязью: с мусульман по две, армян по три стопы с телеги» [1, ф. Кабардинские дела, 1762, д. 3, л. 41].

Этот единичный случай не раскрывает интересующий нас вопрос, тем более что он является наградой иностранной державы. Примечателен в этом отношении один конфликт. После раздела Большой Кабарды в 1753 г. возник спор между кашкатауской и баксанской группировками из-за права сбора пошлины. Ведь теперь обе стороны имели своих старших князей и один другому не уступал эту доходную статью. Наконец, они обратились к русским военным властям за разъяснением: «по разделении нас собирать пошлину отдельно будем или по прежним обыкновениям купно?» – спрашивали они [1, ф. Кабардинские дела, 1753, д. 9, лл. 18–27].

К сожалению, лаконичный ответ кизлярского коменданта: «брать пошлину по прежним обыкновениям» не разъясняет положение. Но сам спор заставляет думать, что старший князь, по крайней мере, получал определенную долю из пошлин.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

§ 1. Землевладение и землепользование

Социальные отношения в Кабарде исследуемого периода характеризируются, прежде всего, сложным сословным и внутрисословным делением, где основные классы общества достигли очень мелкой дифференциации *(см. схему I)*. Это было отражением иерархической системы землевладения и землепользования. Источники содержат ценный материал по данному вопросу.

Один из крупнейших феодалов Кабарды Касай Атажукин (Мисостов) в 1753 г. дал объяснение представителям царской власти – майорам П. Татарову и И. Барковскому – по поводу земельной тяжбы между князьями Жамболатовыми и Мисостовыми. Спор между князьями происходил из-за трех деревень-кабаков, расположенных в районе Карагача, которыми владели уорки Кучмазоковы и Атуховы.

«Из оных трех, – заявил Касай, – два, а именно Кучмазоковы, издавна подвластны ему, Касаю..., а третьей де кабак, называемый Атухов, состоял его же, Касая Мисоусова [17], токмо де из одного кабака уздени (Атуховы. – *Е. Н.*), оставя своих подвласных, перешли... к Бекмурзиным владельцам, *которой де хотя им отдать и надлежит точно* (курсив наш), но как того кабака уздени с подвластными своими пришли к нему, Касаю Месоусову, во услугу, то он, Касай Месоусов, награждал их (Атуховых. – *Е. Н.*) разным скотом, лошадьми и ясырями, панцирями и всяким оружием, снарядом. И есть ли де они, Бекмурзины владельцы, все оное насколько по цене состоят буде ему, Касаю, возвратят, то ему де помянутого кабака никакого дела не будет» [1, ф. Кабардинские дела, д. 7, л. 71].

Судя по данным князя Мисостова, борьба между князьями происходила непосредственно не из-за крестьян, а из-за уорков Кучмазоковых и Атуховых, которые владеют крестьянами. Заметим, что Атуховы «пришли во услугу», т. е. под покровительство Касая, уже с «подвластными своими» (крестьянами). Как известно, процессу закрепощения крестьян предшествует процесс феодализации земли, ибо невозможно эксплуатировать крестьян, не владея основным средством производства – землей.

«Монополия земельной собственности является исторической предпосылкой, – писал К. Маркс, – и остается постоянной основой капиталистического способа производства как и всех прежних способов производства, основанных на эксплуатации масс в той или иной форме» [76, т. 19, ч. 2, 167].

Следовательно, уорки Атуховы, прежде чем закрепить за собой крестьян, завладели их землей. И это право мелкого кабардинского уорка на землю настолько уже было узаконено обычаем, что прежний сеньор Атуховых – Касай Атажукин – не оспаривает его, а лишь требует возмещения издержек, т. е. стоимость данного им уорктын [18].

Продолжительное время пребывавший в Кабарде в качестве представителя русских военных властей капитан М. Гастотти в 1770 г. писал: «Каждой уздень имеет наследственно приобретенное им имение, которого я думаю не можно лишить его» [43, 229].

Как видно из приведенных документов, в Кабарде землей и крестьянами владели не только князья и их знатные вассалы, но и мелкие уорки, как Атуховы, Кучмазоковы, чьи владения порой не превышали одной деревни. Во-вторых, мелкие землевладельцы

в целях политической безопасности прибегали к защите более сильных федалов, что указывает на наличие вассалитета. Но, как видно, последний еще не приобрел твердой стабильности, так как уорки обладали правом свободного перехода от одного сеньора к другому. В-третьих, юридическим выражением вассальной зависимости различных категорий феодалов служил институт уорктын. Здесь же важно отметить, что, по данным князя Мисостова, в понятие уорктын уже не входит земля. Она, как следует полагать, успела перерасти в неотчуждаемую собственность бывшего дружинника князя – уорка. Вследствие этого, естественно, уорки стали менее зависимы от князей и, чтобы удержать их в сфере своего влияния, князья награждали своих вассалов, как говорил Касай, скотом, лошадьми, рабами, разным оружием, порохом и т. д. В случае перехода уорка к другому сеньору, последний обязан был оплатить расходы своего предшественника, что в известной степени выражает тенденцию к укреплению вассалитета.

Другим выражением вассальной зависимости уорка от князя, или мелкого уорка от первостепенного уорка был институт аталычества. «Новорожденный владельческой сын тотчас отдается к дятке, одному из ближних узденей, который сыщет ему кормилицу, а при возрасте обучает его стрелять из лука и из пещаля, и саблями рубиться, и колоться и прочим военным по их обычаю экзерцицыям...», – говорится в описании Кабарды 1748 г. [43, 159].

Как будет сказано ниже, знатные фамилии соседних народов также брали княжеских детей на воспитание, скрепляя этим вассальные отношения.

Не менее ценные сведения по рассматриваемому вопросу содержит второе объяснение того же князя по поводу другого конфликта. Два уорка князей Мисостовых Алимурза и Джантемир Чежокины (личные уорки покойного старшего князя Кабарды Исламбека Мисостова) «с подвластными своими (одним кабаком), якобы по неудовольствию им, Касаем, и нападками его братей, отдались по обычаям их в канаки [19] в Кашкатавскую партию... которые ныне находяться в Шалушке и уже, им, Касаем, удовольствованы...» [1, ф. Кабардинские дела, 1758, д. 7, л. 62].

Как выясняется дальше из дела, «удовольствованные» Чежокины хотели бы возвратиться к Мисостовым, «токмо де ныне того кабака владелец Джамбулат (т. е. Жамболат Кайтукин, которому отдались в канаки Чежокины. – *Е. Н.*) отдать ему, Касаю Месоусову... не хощет, а намерен де... отдать тот кабак известному изменнику владельцу Наврузу Исламову. Токмо де тот кабак с двумя братьями Навруза еще не в разделе и те его братья находятся в его, Месоусовой, фамилии. И за оное, – заключает Касай, – между оными владельцами происходит немалая ссора и, мол, князья Кашкатавской партии ищут, чтоб с Месоусовыми учинить за те кабаки драку» [1, ф. Кабардинские дела, 1753, д. 7, л. 72 об.]

Чтобы разобраться в сути спора, а следовательно, и в интересующем нас вопросе, приведем небольшую историческую справку. В 1731 г. во время междоусобной борьбы, обостренной нашествием крымцев, в общей свалке был убит князь Канамат Кайтукин (родной брат Джамболата Кайтукина). Установить убийцу не представлялось возможным. Тем не менее Жамболатовы считали кровниками Мисостовых и Атажукиных, поскольку они действовали сообща против первых.

В 1753 г. князь Навруз заподозрил старшего князя Баксанской группировки Магомета Кургокина в убийстве Канамата и предложил своим сородичам назвать убийцу

кровникам и тем самым нормализовать свои отношения с последними. В итоге бурных дебатов Навруз «бежал в канаки» к Жамболатовым, а его движимое и недвижимое имущество осталось в ведении удельного князя Касая Атажукина.

Навруз и его покровители потребовали раздела имущества его покойного отца между тремя родными братьями: Наврузом, Картулем и Мукуль-Али и выдать долю Навруза. Касай отклонил иск на том основании, что Навруз изменник. Тогда Жамболат Кайтукин [20], у которого пребывали в качестве канаков и Навруз и братья Чежокины, задержал последних в пользу первого на том основании, что Чежокины были личными уорками отца Навруза.

Дело об иске Навруза полностью подтверждает выводы из предыдущего дела. В лице Чежокиных здесь выступает тип очень мелкого собственника земли с крестьянами, посаженными на ней. По своему экономическому и юридическому положению Атуховы и Чежокины идентичны. Разница между ними лишь в том, что первые совсем перешли к другому сеньору, а вторые на время ушли в канаки, чтобы этой мерой принудить своего сюзерена выдать сполна уорктын, без чего они потеряли бы свое сословное (уоркские) отличие.

В рассматриваемый вопрос большую ясность вносит письмо сыновей покойного князя Арслан-бека Кайтукина к русской императрице Елизавете Петровне.

В конце 40-гг. XVIII в. новый крымский хан Арслан-гирей с согласия султана в ультимативной форме потребовал от Кабарды возвращения беглых бесленеевцев. Чтобы лишить хана удобного предлога для вторжения в Кабарду, русская царица послала туда вооруженный отряд с требованием: выдать бесленеевцев Крыму [4, ф. Секретная экспедиция военной коллегии, № 20, оп. 1, д. 2, св. 7, лл. 15–20]. Как выясняется из дела, кабардинский князь Кайтука Жамболатов в конце XVII в. предоставил убежище бесленеевцам, бежавшим с Родины от репрессий крымского хана Девлет-гирея II [21], поселил их двумя кабаками на своей земле (Махуков и Дохчуков) и снабдил их всем необходимым для хлебопашества.

К описываемому периоду Махуковым кабаком владел сын Кайтуки Жамболат, а Дохчуковым – внуки Кайтуки: Хамурза, Асланука, Давлетука и Докчука. Последние, возмущенные тем, что спустя более 50 лет в Крыму вспомнили о бесленеевцах, которых и нет уже в живых, обратились с протестом к царице Елизавете Петровне. «Помянутый кабак, – писали они, – имел с крымским ханом драку и двоекратно оного кабака знатные люди (большие и малые) саблями срублены были. Потом и третично то же оным учинить хотел. Тогда они, услышав, спасая живот свой, все разбежались… Дед наш Кайтука, уверя их присягою, из гор вызвал к себе, токмо тогда они, хлеб сеять, за убожеством их были не в состоянии. Семь лет своим хлебом дед наш их содержал и оженил и что им к домовому содержанию потребно было, снабдил…» [1, ф. Кабардинские дела, 1753, д. 8, лл. 16–17].

В данном случае перед нами конкретный пример закрепощения крестьян феодалом Кайтукой Жамборовым на исходе XVII столетия, которыми уже в середине XVIII в. наследственно владеют его дети и внуки. Если выше говорилось о крестьянах мелких уорков, подвластных князю, то в лице бесленеевцев имеем крестьян, связанных присягой с князем и подчиненных ему без посредничества уорка. Это форма подчинения и землепользования не могла не образовать определенную категорию крестьян.

Надо полагать, что Кайтукин не ввел какое-то новшество в производственные

отношения страны, сажая бесленеевцев на свою землю. Видимо, существовала определенная категория крестьян, зависимость которых оформлялась присягой, что и послужило прецедентом для бесленеевцев.

По данным источников многие деревни находились в личном подчинении князей. В частности, князь Арслан-бек Кайтукин (сын упомянутого выше Кайтуки) владел шестью деревнями без посредства уорков, в том числе, «Махуковым и Дохчуковым кабаками» [43, 14–16].

В обширной переписке о бесленеевцах князья их не называют холопами, а подчеркнуто именуют: «наши подвластные», «наши чагары».

Социальный статус чагаров и категории крестьян, называемой «огъ» идентичен. Слово «чагар» – татарское, а «огъ» – адыгское. Значение последнего еще не уточнено. Н. Дубровин связывал термин «огъ» с адыгским словом «тхьэрыогъ», что означает «соприсяжник» [40, 125–130].

В свете новых сведений о форме закрепощения бесленеевцев путем присяги, думается, гипотеза Н. Дубровина заслуживает доверия.

Источники содержат данные и о феодальных владениях знатных уорских фамилий (тлекотлешей и дыженуго) и об их вассальной зависимости от князей (пши). В частности, Куденетовы, Тамбиевы, Анзоровы, Муртазовы, Бабуковы, Чипшевы (Шипшевы) и многие другие фамилии владели землей и крестьянами наравне с князьями, с той лишь разницей, что первые были вассалами последних. Так, по данным «Карты Большой и Малой Кабарды» 1744 года, Кундетовым принадлежало в Большой Кабарде 15 деревень [43, 114–116]. Часть этой знатной фамилии находилось в вассальной зависимости от князей Жамболатовых, а другая – от Атажукиных. Тамбиевы также владели рядом деревень и были уорками князей Мисостовых [1, ф. Кабардинские дела, 1747, д. 9, л. 71]. Анзоровы, проживавшие в то время в Малой Кабарде, делились на Большие и Малые Анзоры. В первых было 9 деревень, которые принадлежали двоюродным братьям: Алимурзе Анзорову – уорку князя Батоки Бекмурзина и Келахстану Анзорову – уорку князя Бамата Кургокина (Атажукина). В Малых Анзорах было 5 деревень, подвластных мало-кабардинским князьям Адильгирею, Батоке и Рослан-беку Киляхстановым [1, ф. Кабардинские дела, 1769, д. 6, л. 31]. Муртазовы с пятью деревнями являлись вассалами князей Таусултановых и т. д. Все эти знатные фамилии, в свою очередь, имели своих вассалов из более мелких уорков.

Изученные материалы показывают, что в Кабарде в исследуемый период существовала сложная система землевладения и землепользования, породившая, соответственно, деление общества на социально неравные группы и категории, положение которых в сословной иерархии определялось прямо пропорционально их отношению к основному средству производства – земле.

Представляется целесообразным в этой связи коснуться и вопроса о формах собственности на землю и права ее наследования. Последнее имеет большое значение в уточнении первой, поскольку «институт наследства предполагает уже частную собственность» [68, т. 1, 136].

Многочисленные земельные споры, судебные разбирательства, а порой и вооруженные столкновения из-за земли, расширяют наши представления о стадии развития названных институтов. Возьмем рассмотренный выше конфликт между Наврузом Исламовичем и Касаем Хатахшуковичем Мисостовыми (между дядей и

племянником). В данном споре обращает на себя внимание одно обстоятельство: ни сам истец Навруз, ни его покровитель Жамболат Кайтукин ни словом не обмолвились о разделе имущества Мисостовой фамилии для получения своей доли, а потребовали только раздела имущества (в том числе и крестьян) покойного отца Навруза между его сыновьями. Это положение показывает, во-первых, наличие частной семейной собственности на землю и неполной собственности на крестьян; во-вторых, переход указанных прав по наследству от отца к детям.

Эти выводы подкрепляются еще и тем, что ответчик Касай Мисостов, который не мог не знать обычного права кабардинцев, не оспаривает ни одного из требований истца, как незаконное, а лишь мотивирует свой отказ удовлетворить иск изменой Навруза [1, ф. Кабардинские дела, 1753, д. 7, л. 72 об.].

Право наследования земли и крестьян по прямой линии видно и в рассмотренном деле о бессленеевцах. Как отмечено выше, князь Кайтука расселил бессленеевцев на своей земле двумя деревнями (Махуков и Дохчуков). После смерти Кайтуки эти деревни перешли к двум его старшим сыновьям Арсланбеку и Жамболату, минуя трех живых братьев Кайтуки: Бекмурзу, Алимурзу и Султан-Али. После смерти Арслан-бека, последовавший в 1746 г., его деревня (Дохчуков) перешла к его сыновьям Хамурзе, Аслануке, Дохчуке, Девлетуке, минуя живого брата Арсланбека Жамболата. Новые наследники в 1753 г. отстаивали свое право на крестьян этой деревни перед царицей Елизаветой Петровной [1, ф. Кабардинские дела, 1753, д. 8, лл. 16–17].

В приведенных материалах прослеживаются и корни зарождения частной собственности. Взрослые дети князей (женатые), хотя и не делились при жизни отца, имели право приобретать движимое и недвижимое имущество (крестьян, рабов, земли и пр.) которое становилось личной собственностью каждого, кто приобрел, и его семьи, тогда как имущество отца являлось общей собственностью всех членов семьи. Поэтому в случае смерти отца, если братья решались разделиться, каждый брал себе лично им приобретенное (которое в случае его смерти переходило к его детям), а уж потом производился раздел отцовского имущества согласно обычаю.

О правовом положении взрослых детей находим ценное указание в одном письме Касая Атажукина, адресованном астраханскому губернатору: «…мисостовой фамилии чагаров, их скот разделили по себе на каждого женатого владельца по три двора… а молодым де владельцам чагар не дали» [1, ф. Кабардинские дела, 1742, д. 6, л. 43].

Делили не только чагаров, скот и пр., но и землю. Капитану Барковскому, прибывшему в Кабарду в 1747 г. с миссией примирения князей Мисостовых с остальными, уздень Али Чипчев донес, что Батока Бекмурзин с Магометом Кургокиным хотят разделить имущество Мисостовых, как в свое время было «поделено все имущество: скот, чагаров, *земли* (курсив наш. – *Е. Н.*) и домы кашкатавских владельцев» [1, ф. Кабардинские дела, 1742, д. 9, л. 45].

Наличие частной собственности на крестьян у княжеских семей было использовано майорами П. Татаровым и И. Барковским. В 1753 г., когда князья Жамболатовы отказали выдать бессленеевцев Крыму, майоры пригласили князей Жанхота Татарханова и Кази Кайсынова (внуков Бекмурзы) и прямо спросили: стоит ли Вам, детям Бекмурзы, оказывать «непослушание е. и. в. за одно с Кайтукиными» из-за бесленеевцев, «которые де обретаютца у владельца Жамбулата з братьями?..» [1, ф. Кабардинские дела, 1753, д. 7, лл. 149–150].

Этот вопрос не случайно был поставлен Татаровым, хорошо знавшим быт кабардинцев [22].

Видя экономическую самостоятельность кабардинских семей, Татаров правильно нащупал «рычаг» возможного политического разногласия между отдельными семьями. И действительно, аргументы Татарова разбили фамильную солидарность [23], и когда конфликт из-за бесленеевцев зашел в тупик (русские войска были подтянуты к Кабарде), только одни князья Кайтуктины отстаивали их [1, ф. Кабардинские дела, 1753, д. 8, лл. 16–17].

Исследуя земельные отношения в Кабарде, Е. Н. Кушева пришла к выводу, что «до XVIII в. основным видом феодальной земельной собственности были неразделенные владения больших княжеских семей, владевших той или иной группой кабаков, т. е. поселений...» [65, 112].

Прослеживая дальнейшее развитие феодальных отношений, Е. Н. Кушева пишет: «Частная феодальная земельная собственность начала заметно развиваться в Кабарде с XVIII в...» [65, 113].

Это положение Е. Н. Кушевой находит подтверждение в источниках исследуемого периода. Частно-семейная собственность получает дальнейшее развитие. Иными словами, частная (семейная) феодальная собственность на землю и неполную собственность на крестьян, переходивших по наследству по прямой линии, характерная черта кабардинского феодализма первой половины XVIII в.

О праве землевладения уорков важные данные содержат исследования С. М. Броневского.

«Большая часть земли поделена, – писал он, – между дворянами (т. е. уорками. – *Е. Н.*) как бы на откупном праве, поэтому земля почитается за собственность князей; и хотя дворяне пользуются оною как властные помещики от древнейших времен, право князей всегда подразумевается...» [13, 46].

В другом месте он подчеркивал, что «уздени, за уплатою с поместья своего известной подати хлебом и скотиною своему князю, пользуются всеми правами помещика» [13, 88].

Особенно ценно для раскрытия земельных прав кабардинцев письмо князя Арслан-бека Кайтукина к русской императрице Елизавете Петровне от 22 ноября 1745 г. В эти годы князь вел переговоры с Россией о примирении его с Кабардой. В своем письме он писал: «вышеупомянутое место в урочище Баксане – от дедов наших по наследству нам принадлежит, а не одним помянутым Махомеду Кургокину и Касаю Атажукину. Итако, мы просим о возвращении от них земель наших» [1, ф. Кабардинские дела, 1720–1805, д. 1, л. 42 об.].

Из этого суждения князя ясно, что в понятии кабардинца существовало право собственности на землю, переходящее по наследству от отца к детям.

Приведенные факты лишают основания утверждение ряда авторов, отрицавших существование в Кабарде института земельной собственности в XX в. Оно порождено незнанием ими социально-экономического строя предшествующего (XIX в.) периода и некритическим использованием материалов крестьянской реформы. В условиях проведения реформы сверху для кабардинских феодалов признать землю в общенародном пользовании было наилучшей альтернативной.

В этой связи уместно привести выдержку из докладной записки начальника Кабардинского округа подполковника Нурида лично осуществлявшего эту реформу:

«Прежде чем было приступлено, – писал Нурид, – к решению холопского вопроса, высшее сословие Кабарды, имевшее в среде своей землевладельцев-собственников, сделало огромную услугу и Правительству и народу, признав земли общественной собственностью» [54, 128].

Самыми крупными землевладельцами исследуемого периода являлись пять княжеских фамилий: Атажукина, Жамболатова и Мисостова в Большой Кабарде, Киляхстанова и Талостанова – в Малой, между которыми вся Кабарда была поделена на уделы. Они же считались высшей знатью в стране, которой были подвластны все остальные землевладельцы, образуя замкнутый круг господствующего класса под общим названием пши-уорк, с одной стороны, и целую сословно-иерархическую лестницу вассалитета – с другой. Весь этот непроизводительный класс жил за счет эксплуатации трудового крестьянства, носившего название «тльхокотль», которое также не было однородным.

§ 2. Сословно-классовое деление

Унауты и ясыри

На самом низу всей сословной иерархии находились унауты – совершенно бесправная категория эксплуатируемого населения (домашние рабы). По русской терминологии XVIII в. часть рабов называлась «природные унауты», а другие – ясырями (пленные обоего пола, используемые в качестве рабов).

Унауты, как правило, являлись домашними слугами. Существовали как бы профессиональные унаутские обязанности. Так князь держал унаута в качестве повара «пщафІэ», который постоянно сопровождал своего господина во всех его поездках и походах.

Псарней князя ведал собаковод – «хьэзешэ» (хьэ) – «собака», зешэн – «водить»). Во дворе князя или знатного уорка находился унаут в роли проводника «хьэблэш» (хьэ – «собака», «блэш» – проводящий). Другой раб помогал гостям спешиться и сесть на коней. Во время пиршества в гостиной «хьэщІэщ» стоял раб, называемый «жыхафэтет» (жыхафэ – «порог», «тет» – стоящий), который передавал мелкие распоряжения хозяина и его гостей домочадцам. Он же следил за тем, чтобы вовремя оказать пирующим мелкие услуги (подать воды, намазлык и т. д.). Наконец, в каждом княжеском и знатном доме имелся унаут в роли официанта – «Іэнэхь» или «Іэнэзехьэ», который подавал анну («Іэнэ» – трехножный круглый столик) с блюдами и уносил остатки пищи. В роли жыхафэтет в женской половине находилась молодая унаутка, называемая «Іэпыдз-лъэпыдз». Княгиню сопровождала рабыня («кІэІыгъ») – «держащая шлейф», которая шла молча сзади своей госпожи и никогда не садилась при ней и не отлучалась, пока не получит позволения удалиться [24].

Перечисленные обязанности, как видно, не были сопряжены с тяжелым трудом, но они носили ярко выраженный унизительный характер, и ни один человек, кроме унаута, не соглашался их исполнять.

По своему социальному положению ясыри ничем не отличались от унаутов. И тех и других могли продавать, покупать, подарить и променять.

Унауты и ясыри составляли особую, так называемую «безобрядную», а точнее бесправную группу, труд и жизнь которой зависели от произвола владельца.

Броневский, сравнивая положение рабов разных стран, подчеркивал, что в Кабарде «с меньшею жестокостью поступают с рабами, нежели в Хиве и у киргизцев. Как скоро пленник обживется, жениться и заведет дом… его принимают в число крестьян на ровне с старожилами» [13, 51].

Здесь необходимо оговориться. Отмеченные Броневским льготы распространялись лишь на ясырей мужского пола. Последних использовали, главным образом, в скотоводстве, и, действительно, их женили, как мужчин-унаутов по достижении определенного возраста, на холопках. Дети же, рожденные от холопки не считались рабами, а сливались с крепостными крестьянами лагунапытами.

Судьба же ясырок, как и унауток, складывалась иначе. Они не имели права на брак. Их внебрачные дети пополняли рабов. В источниках первой половины XVIII в. они встречаются под названием унаут-бын, т. е. семья рабыни.

Отмеченные особенности правового положения унауток и ясырок в Кабарде сохранились до отмены крепостного права [54, 64].

Такое ограничение прав рабынь в отличие от рабов детерменировалось тем, что женщины господствующего класса не занимались физическим трудом, и все домашнее хозяйство знати велось трудом унауток.

С другой стороны, в правовой норме, согласно которой дети наследуют сословную принадлежность матерей, прослеживаются пережитки института матрилинейного счета родства. Как будет подробнее сказано ниже, в судьбе тумы [25] также важную роль играла сословная принадлежность матери. Думается, что эти факты говорят об остатках матриархата.

Основным источником рабов в Кабарде, судя по документам, была купля и естественное размножение рабынь, хотя хищение и пленение также могли иметь место.

Холопы (лагунапыты)

Значительную часть зависимого класса составляли холопы – лагунапыты, которых в русских источниках XVIII в. называют «природными холопами», «пахотными людьми», «бобыли». Эти названия обращают внимание на местное происхождение данной группы крестьян, а также на социальное и материальное ее положение.

Лагунапыты – особая группа крепостных крестьян, живших отдельными домами во дворе владельцев или в пристройках к господскому дому. Они выполняли функцию двух различных категорий крестьян, аналогичные обязанностям барщинных и дворовых крестьян в России. Труд лагунапытов применялся в земледелии, скотоводстве, а равно во всех сферах хозяйственной деятельности феодального поместья, начиная от заготовки леса, кончая доставкой воды в господский дом.

Лагунапыты считались «обрядными», т. е. их правовое положение регламентировалось обычным правом. Лагунапыт имел семью, жилище, движимое имущество (скот). Последнее состояло из трех разновидностей собственности.

При женитьбе лагунапыта его владелец, как правило, дарил корову или телку новобрачной, весь приплод которой становился неотчуждаемой собственностью данной семьи под названием начих-былым.

Приданое жены лагунапыта из скота (корова или телка) со всем последующим приплодом также являлось неприкосновенной собственностью супругов под названием дешериг (дыщырыкI – приданое).

В случае развода супругов, начих-былым и дешериг переходили к жене, а по смерти супругов по наследству доставались их детям. При отсутствии таковых – феодалу.

Дидевос-былым (дидейфIэщ-былым)[26] – скот, находящийся в общем пользовании лагунапыта и феодала. Дидевос-былым складывался из следующего: при приобретении лагунапыта или по достижении им совершеннолетия феодал выделял ему определенное количество мелкого и крупного скота под его надзор и уход. Лагунапыт имел право зарезать овцу или телку на питание по мере надобности, но он не мог ни продавать, ни променять скотину из дидевос-былым без ведома хозяина (феодала).

Если лагунапыту удалось значительно увеличить поголовье скота, то владелец в знак поощрения делил дидевос-былым на три части. Одну часть отдавал холопу в качестве дешериг, а две части оставлял себе [54, 90–91].

В случае продажи лагунапыта последний лишался доли дидевос-былыма [54, 90–91].

Продажа холопа была своего рода мерой наказания за ослушание, воровство, драку и т. д., а лишение его доли из дидевос-былыма здесь выступало как дополнительная мера наказания.

Акт продажи холопа совершался «с ведома соседей и влиятельного князя» с предоставлением права холопу подыскать себе покупателя в течении определенного срока [13, 307].

Броневский писал, что «помещики редко сами продают своих крестьян, соблюдая в том некоторую стыдливость, введенную обычаем» [13, 307].

На владельце лежала обязанность заплатить калым за невесту лагунапыта, если он был не состоятелен.

Феодал нес ответственность и за деяния своего холопа: возмещение убытков пострадавшим в случае кражи чего-либо лъэгунапытом, освобождение его из плена и т. д. [54, 86].

Примечателен в этом смысле один факт. В 1749 г. холоп малокабардинского князя Кургоки Кончокина Келяхстанова Билял убил эндерийского мурзу Мурза-Бека Чепалова. Надо заметить, случай необычный. Родственники Чепалова настоятельно требовали выдачи убийцы. Однако Кургоко вместо Биляла «за кровь мурзы» уплатил 60 ясырей, но не выдал Биляла на произвол родственникам покойного [1, ф. Кабардинские дела, 1750, д. 9, л. 59].

Из всего сказанного видно, что в Кабарде существовал сложный механизм прикрепления и эксплуатации крепостных крестьян, где взаимоотношения господствующих и зависимых сословий, осуществлялись в рамках традиционной соционормативной культуры, под прикрытием патриархальных институтов «покровительства», патронажа и др.

Чагары-оги

В отдельную группу зависимых крестьян входили оги. О генезисе и удельном весе огов в исторической литературе существуют различные мнения. Термин «ог» в источниках XVIII в. не встречается, и он нам известен лишь по материалам XIX в. Наоборот, документы часто упоминают группу крестьян под названием «чагары», различая их при этом на княжеские и узденские. В отношении крепостной зависимости чагаров документы не оставляют сомнения, но их не смешивают с холопами. Так, в 1747 г. князь Касай Атажукин писал в Кизляр генералу Дейвицу: «Скот, пожитки, холопов и чагаров наших разделили по себе» [1, ф. Кабардинские дела, 1747, д. 6, л. 40]. Здесь автор письма делает четкое разграничение между чагарами и холопами. Различие между ними прослеживаются и по архивным материалам первой половины XIX в. [77]. На это обратил внимание и Ш. Ногмов, который писал: «Если чагар до того обеднеет, что не в состоянии господину своему уплатить положенной подати, то должен служить у господина во дворе наравне с холопами…» [83, 121].

Чагары исследуемого периода в отличие от холопов, жили отдельными дворами, в хозяйственном отношении представляя самостоятельную единицу. Так, бесленеевские крестьяне, о которых было сказано выше, жили отдельными дворами в двух кабаках: Махукове [27] и Дохчукове. В обширной переписке о бесленеевцах нигде их не называют холопами, а именуют «наши подвластные» или «чагары наши» [1, ф. Кабардинские дела, 1753, д. 8, лл. 10–37]. Больше того, состоятельные чагары имели своих холопов. Это хорошо видно по материалам восстания чагаров 1767 г. Восставшие чагары требовали, чтобы «имеющихся у них, чагар, собственных уже их холопей, оставили б их воле, и как владельцы, так бы и уздени в них не вступались и единственно всех своими холопами не зачислять» [43, 272].

Чагары первой половины XIX в. обладали теми же правами. «Каждый чагар вправе иметь у себя холопов, но по правам народным не вправе без воли своего господина их ни продать, ни подарить, ни на других такого же состояния променять», – писал Ногмов [83, 124].

Существенной разницей между чагарами и холопами XVIII в. было то, что первые жили отдельными дворами, а вторые проживали совместно со своими владельцами. Почти все авторы, исследовавшие социальные отношения Кабарды, признают такое же различие между лагунапытами и огами. Хан-Гирей в «Записках о Черкесии» называет огов «внешними» за то, что они жили вне усадьбы своих господ, а лагунапытов – «внутренними» [105]. Такого мнения придерживается и В. К. Гарданов [26, 220–221].

Второй отличительной чертой чагаров является преобладание у них натуральной ренты, в то время как и у холопов господствовала отработочная рента. Это различие видно в требовании восставших в 1767 г. чагаров, где говорится: «чтобы равномерно и подать брали б с них умеренную, каковую и прежде они платили…» [43, 272].

В отношении господства натуральной ренты среди огов и барщины среди лагунапытов нет разногласий между авторами.

Характеризуя правовое положение огов XVIII в., Н. Х. Тхамоков отмечает: «Если ог что-либо украдет у своего господина из скотины, то поступает к нему в рабство» [101, 152–153]. Почти то же самое читаем о чагарах у Ш. Ногмова: «Если чагар украдет

что у узденя из скота, вора отдать для наказания в непосредственное распоряжение его господину» [83, 120].

Рассматривая меры наказания огов первой половины XIX в., Т. Боцвадзе указывает: «В случае задержки оброка или опоздания на господские работы, он (т. е. ог. – *Е. Н.*) штрафовался «по положению парою или двумя парами быков» [12, 85–86]. Та же мера накладывалась на чагаров XVIII в. «Если чагар упустит время, назначенное к подати или работам господским, за это господин вправе штрафовать, по положению, парою или двумя парами быков, смотря по упущению» [83, 124].

«Ог, неповинующийся своему владельцу, – пишет Т. Х. Кумыков, – мог быть обращен в лагунапыты» [61, 121].

Как бы продолжением этого пункта звучит правовая норма чагаров, описанная Ш. Ногмовым: «Если чагар в доме у господина исправится, и в состоянии будет жить своим домом, то может к этому приступить...» [83, 121]. И наконец, то, что «уздень волен холопа обратить в чагара, дав ему пару волов, пару коров...», аналогично тому, что владелец переводил лагунапыта в разряд огов [83, 121].

Можно бы и дальше продолжить перечень аналогий, но, думается, приведенная параллель достаточно убедительно показывает социально-правовое сходство чагаров с огами.

Теперь рассмотрим удельный вес чагаров. В архивах имеется письмо кабардинского князя Касая Атажукина, в котором он жалуется астраханскому губернатору (1747 г.), что «Мисостовой фамилии чагаров... разделили по себе на каждого женатого владельца по три двора, в которых бывают мужеска и женска полу по 30–40 и 50...» [1, ф. Кабардинские дела, 1747, д. 6, л. 43]. Эти данные подтверждая, с одной стороны, факт проживания чагаров отдельными дворами, позволяют приблизительно подсчитать их число – с другой.

К 1747 г. в Большой Кабарде было 40 взрослых, т. е. женатых князей [28] (без Мисостовых), между которыми, как пишет Касай, и поделены чагары Мисостовых. Следовательно, у последних имелось 120 дворов, в которых в среднем насчитывалось 4 800 человек. Всего по Кабарде было пять княжеских уделов. Если допустить, что каждый из этих уделов располагал не меньшим числом чагаров (что вполне вероятно), то на долю одних князей приходится 24 000 душ. Доля же второго сектора, так называемые узденские чагары, на много может превышать княжеский, так как уорки составляли абсолютное большинство господствующего класса [29].

По данным карты Кабарды 1744 г. из 122 деревень, зафиксированных на ней, 107 находились под владением знатных и незнатных узденей и лишь 15 деревень – в непосредственном подчинении князей, т. е. в 7 раз больше деревень в секторе уоркском, чем в княжеском. Однако учитывая, что более крупные населенные пункты принадлежали князьям, и что многие населенные пункты не вошли в карту, наверное, будет точнее считать эту разницу в 5 раз. При таком подсчете, чагарское население уорского сектора составляет 120 000 человек, а общее число чагаров по всей Кабарде – 144 000, т. е. абсолютное большинство населения.

В свое время и С. М. Броневский отмечал, что «большая часть крестьян принадлежит узденям» [13, 88].

Эта категория крестьян (чагары) уже не была однородной. Происходивший в ней

постоянный процесс развития успел выделить из ее среды зажиточную верхушку, которая сама эксплуатировала холопов. Экономический потенциал зажиточной верхушки, именуемый в источниках «старшинами чорного народа», позволял ей играть значительную роль в политической жизни страны, так как она представляла на «Больших Советах», созываемых по особо важным случаям, весь трудовой народ. Часть зажиточной верхушки чагаров при помощи существовавших в Кабарде патриархальных институтов (аталычество, шауако – «щауакIуэ»[30] и др.) сближалась со знатью и постепенно порывала связь со своим классом, пополняя промежуточную (между уорками и тльхокотлами) прослойку (бейголей, бейголышхо и пшикеу). Другая часть, откупаясь на волю, пополняла крестьян-азатов, но в исследуемый период это явление не носило еще массового характера.

В своем быту чагары, как все остальные слои крестьянства, являлись носителями пережитков патриархально-общинных отношений. Как видно из сообщений Касая, они жили большими патриархальными семьями «унэзэхэс», в которых, по всей вероятности, была коллективная форма труда и распределения. Во главе такой семьи в 40–50 человек стоял отец семейства, точнее, дед, называемый кабардинцами тхамадой[31]. Тхамады не выбирались. В семье отец или дед являлся тхамадой по праву старшинства.

Со второй половины XVIII в. процесс перехода крестьян от крепостного состояния в полукрепостное – азаты – путем выкупа заметно усиливается. Это было вызвано, по-видимому, двумя обстоятельствами: боязнью владельцев совсем потерять своих крестьян ввиду притягательной силы кавказской линии, где им сулили льготные условия, и возросшей потребностью феодалов в деньгах в результате роста товарно-денежных отношений под влиянием России. Этот путь освобождения был доступен более зажиточным слоям крестьянства, какими являлись, в основном, чагары (оги). Но он не был закрыт и для более обеспеченных лагунопытов. Таким образом, оги (чагары), активно переходя в группу азатов, с другой стороны, не пополнялись постоянным притоком лагунопытов, что на наш взгляд, привело к резкому сокращению огов-чагаров к середине XIX в.

Азаты

Азаты вольноотпущенники не составляли значительную группу в исследуемый период. По крайней мере, в источниках этого времени встречаются лишь единичные упоминания «об отпущении подвластного на волю» по религиозным мотивам или за особые заслуги [61, 79].

Азат лично свободен. Его нельзя подобно холопу продавать, покупать или променять. Он имеет свое хозяйство и формально не несет никаких повинностей в пользу феодала. Однако азат – держатель земли феодала и это порождает определенные обязанности.

Во-первых, азат не может переселиться во владение другого феодала. Во-вторых, он обязан участвовать во всех военных и мирных мероприятиях прежнего владельца. Этот дуализм положения азата делает его в известном смысле феодально-зависимым.

17 Заказ № 815

Вопрос о тльхокотлях

Слово «тльхокотль», как и «уорк» – собирательное, это сословное обозначение людей, занятых «неблагородным» (физическим) трудом, в отличие от уорков, пренебрегавшим им.

К началу XVIII в. в Кабарде класс крестьянства, как и феодалы состоял из различных по экономическому, социальному и правовому положению групп. В частности, тльхокотли успели расслоиться на лагунапытов – холопов, чагаров (огов), азатов и еще выделить промежуточную прослойку: беголей, пшикау или бейголышхо, которые еще не считались уорками, но уже и не были крепостными [77, 28].

Унауты, как безобрядная группа, не входили в категорию тльхокотль, а именовались самым оскорбительным словом унаутуко (сын унаутки). Поэтому думается, что допускают ошибку те авторы, которые подразумевают под термином «тльхокотль» социальную группу свободных крестьян-общинников.

Н. Х. Тхамоков пишет, что в XVIII в., в Кабарде существовала группа свободных крестьян-общинников под названием тхукотлы [101, 125–135, 148–151]. Т. Боцвадзе разделяет мнение Н. Х. Тхамокова по данному вопросу [12, 90–97].

Возможность сохранения крестьянской общины в кабардинском обществе не исключена, но конкретные условия ее существования нельзя считать доказанными. Авторы, занимавшиеся этой проблемой, как правильно отмечено Е. Н. Кушевой, увлеклись общими рассуждениями об общине в свете высказаний классиков марксизма-ленинизма и не привели достаточно убедительных доводов по существу поднятого вопроса [65, 116]. Документы, которыми они аргументируют, не подтверждают сделанные ими выводы. Так Н. Х. Тхамоков пишет: «Тлхокотлы… являлись свободными крестьянами, общинниками. Они имели скот, пользовались общинной землей. Разбогатевшие тлхокотлы имели даже собственных рабов.» [101, 148].

Обратимся к документам, которыми автор подкрепляет сказанное. «По данным П. С. Палласа, – говорит Н. Х. Тхамоков, – в течение всего года тлхокотлы «обязаны работать на князя или знатного по три дня косьбы и для рубки дров с их доставкой на дом. Они должны были сверх того давать один воз или семь мешков проса на каждого быка, которые они имеют. Каждый жених этого класса обязан также давать своему господину двух коров и двух быков» [101, 150].

Юридическая и экономическая зависимость описанной П. С. Палласом группы крестьян очевидна. Эти крестьяне, а по Н. Х. Тхамокову, «свободные общинники» (термин тльхокотль Паллас вообще не употреблял) не только платили продуктовую ренту феодалам, но несли барщину в пользу их и сверх того были лишены права свободного бракосочетания без уплаты определенной дани своему господину. Второй и последний документ, на который автор ссылается, – рапорт астраханского губернатора И. В. Якоби от 19 ноября 1777 г. [101, 150].

«Старшины чорного кабардинского народа, – говорится в нем, – от всего подвластного общества… приезжали ко мне тайно от своих владельцев. Неутешно они жаловались мне, что князья и узденья их не только разоряют, но отымая, жен и детей их продают во отдаленные горские жилища, в Крым и в самую турецкую область, и сверх сего збирают с них совсем неумеренные подати… из них же самих платят ясырей… Все они, будучи до крайности огорчены, просят… свободы от возложенного на них

ярма и тяжкого бремени, представляя в резон, что они владельцам подданными почитаются по одной только земле, а *не природные крепостные*...» (курсив наш. – *Е. Н.*) [43, 323; 101, 151].

В приведенном рапорте говорится, во-первых, о «подвластных», чьи старшины *«тайно от своих владельцев»* приезжали к генералу Якоби. Во-вторых, старшины жаловались на нарушение феодалами положения адата, запрещающего разъединять семьи крепостных при продаже. В-третьих, и самое главное, сами старшины подтверждают право собственности на землю князей и узденей, которым они «почитаются подвластными по одной только земле». Как видно из этого беглого анализа, данный документ ничем не подтверждает существование свободных крестьян-общинников.

Вызывает возражение и интерпретация Т. Боцвадзе источников по этому вопросу. В разделе «Класс непосредственных производителей» он пишет: «В кабардинском обществе сохранилось еще сословие тлхокотлов – юридически свободных крестьян. Экономической базой этих последних являлось общинное и мелко-крестьянское землевладение» [12, 90–92]. В доказательство своих доводов автор ссылается на ряд архивных материалов. Рассмотрим их по порядку.

В рапорте начальника кабардинского округа князя Орбелиани, датированном 1860 г., сказано, что в Кабарде «чернь разделяется на два сословия: на свободное и крепостное; свободная чернь имеет два разряда: 1-й – вольноотпущенников, т. е. получивших вольность от своих господ по произволу последних, 2-й – вольный, т. е. получивших свободу по распоряжению правительства, после измены их владельцев» [12, 90].

Пожалуй, яснее не скажешь. Здесь нет и речи о юридически свободных общинниках.

Столь же необоснованна и вторая его ссылка на краткую записку о состоянии Кабардинского округа за 1866 г. «Чернь, – говорится в ней, – делится на два сословия: «свободное и крепостное», что свободная чернь имеет два разряда вольноотпущенников и вольных», а крепостное – чагар (огов), холопов (лагунопытов) и унаутов» [12, 90]. А в подлиннике написано: «...Чернь делится на два сословия: свободное и крепостное. Свободная чернь имеет два разряда вольноотпущенников и вольных. Крепостные люди разделяются на чагар, холопов и унаутов» [5, ф. 416, оп. 3, д. 121, л. 1].

Как видно, и в последнем документе дана та же структура кабардинского крестьянства. Из содержания обоих этих документов становится ясно, что после подавления происходивших в 1822–1825 гг. в Кабарде волнений, русская военная администрация предоставила свободу крепостным крестьянам, остававшимся от погибших и бежавших за пределы страны князей и уорков. Этих крестьян наделили землей из владений беженцев и стали называть их «вольные» в отличие от всех остальных групп крестьян [42, 206].

Несмотря на отмеченный ясный смысл слова «вольный», Т. Боцвадзе дает ему произвольную интерпретацию. «Думаем, – пишет он, – что т. н. «вольные», упомянутые в источниках (т. е. в указанных двух докуметах. – *Е. Н.*) – это прежде всего тльхокотлы», имея в виду под последним свободных общинников [12, 91].

Действительно, «вольные» крестьяне – тльхукотлы, но термин «тльхукотль» шире, чем любая категория крестьян. Как показано выше, «тльхукотль» – сословное обозначение, оно охватывает несколько категорий зависимых и полузависимых групп крестьян.

В этом отношении весьма показательна промежуточная прослойка, так называемые бейголи и пшикеу, которые также входят в сословие тльхукотль, но сами живут за счет эксплуатации крестьян и этим смыкаются с господствующим классом, хотя их никто и не считает уорками, как будет показано ниже.

Весьма серьезным подтверждением того, что в Кабарде под термином «тльхокошауа» обозначалась «чернь», служит сообщение майора Петра Татарова, большого знатока кабардинской действительности. Он сам выходец из Кабарды, принявший имя Петра после крещения. В 1767 г. он был уполномочен кизлярским комендантом к восставшим чагарам. В своем донесении он писал: восстали «числом до 10 000, называемые токошевы», т. е. тлхокотль-шауа» [43, 269–270]. О том, что восстали тогда не свободные крестьяне-общинники, а крепостные крестьяне, видно по выдвинутым ими требованиям.

Ошибочная позиция о тльхокотлях привела Т. Боцвадзе к неправильной оценке антифеодального движения крестьянства в Кабарде. «В тех исторических условиях, – пишет он, – эти выступления имели в известном смысле объективно-регрессивное значение, поскольку они велись с позиции патриархальной демократии» [12, 123].

Таким образом, эксплуатируемый класс кабардинского общества составляли домашние рабы (унауты и ясыри), лагунапыты (холопы), оги (чагары) и азаты – вольноотпущенники.

Господствующий класс. Бейголи, пшикеу и бейголышхо

Выше было отмечено наличие в кабардинском обществе промежуточной прослойки (бейголи, пшикеу или бейголышхо) между уорками и тльхокотлями. По своему социальному положению эта прослойка ближе к господствующему классу, так как и она жила за счет эксплуатации крепостного населения. Однако, между пши-уорк, с одной стороны, бейголь, бейголышхо и пшикеу, с другой, имелась существенная разница. Последние не владели землей на правах собственности, а только пользовались княжеской, да и сословно они еще не слились со знатью [77, 286–289].

Их называли «лъхукъуэлIщауэ къабзэ» – чистые тльхокотлы, т. е. некрепостные.

В XVIII веке среди бейголей более привилегированную группу представляли пшикеу и бейголышхо, но обе категории были княжескими и постоянно пребывали в резиденции своего князя «конно и вооруженно», готовые исполнить любое приказание повелителя [77, 286–289; 94]. Такого же мнения придерживается и Ш. Ногмов [83, 109].

О численности этой прослойки прямых данных нет, но судя по тому, что их использовали исключительно в сфере обслуживания нужд княжеских домов, видимо, их было не так много.

Уорки

Основное ядро господствующего класса кабардинского общества – это уорки различных категорий. По роду занятий уорки составляли вооруженную силу уделов и страны. Физический труд считался зазорным для них. Все необходимое для их существования производили их подвластные крестьяне и домашние рабы. Уорк-шу

(знатный всадник) гордился, если он добыл в бою пленных или похитил человека, которых затем превращал в слуг или выгодно перепродавал. Поэтому достойными уорка занятиями считалась охота, верховая езда и военные упражнения. Уорки составляли основную военно-политическую силу существующего строя.

Преобладающее большинство сословия уорков – мелкие феодалы, владения которых не превышали одной деревни, а то и одного квартала – хаблы. Они подразделялись на две категории: беслан-уорки и уорк шао-тлухгусы [32], которые, как правило, группировались вокруг князей или знатных уорков, образуя военно-политическую силу своего сеньора.

Знатные уорки-тлекотлеши и дыжинуго (или «главные уздени» по русской терминологии XVIII в.) считались высшей категорией уорков, т. е. второй по знатности социальной группой после князей. В руках этого слоя было сосредоточено значительное количество земли, подвластного населения и скота. В политической жизни страны они играли значительную роль. Из их среды избирался соправитель князя – кодз. В то же время они сами являлись вассалами тех или других князей.

Юридическим выражением вассальной зависимости уорков служил институт «уорктын». Размер последнего зависел от степени знатности уорка, и чем знатнее он, тем выше был уорктын. Уорки ревностно следили за тем, чтобы князья не нарушали этот принцип. В противном случае вассал покидал своего сеньора, что считалось зазорным для князя. Это и понятно. Мощь и престиж последнего зависели от количества вассалов. Поэтому подобные конфликты, как правило, заканчивались победой уорков, хотя и наблюдаются случаи полного расторжения правоотношений и переход уорка к другому князю.

Говоря о кабардинских уорках, С. М. Броневский писал: «дворяне суть не что иное как малые вассалы, живущие под покровительством князей… Они составляют княжеский двор и совет… Дворяне имеют право суда с своими князьями и отходят от них в случае неудовольствия со всем недвижимым имуществом…» [13, 46].

Последнее сообщение Броневского очень важно для понимания политического статуса уорков. Помимо права на землю и эксплуатацию крепостных крестьян, уорки пользовались рядом привилегий. Таковыми были право держать рабов наравне с князьями, служить в коннице, представлять интересы князя за рубежом и внутри страны, сопровождать князя в его поездках и походах в составе почетной свиты и др.

Права и привилегии различных категорий уорков строго регламентировались обычным правом. Так, во время поездок или походов по правую сторону князя в первом ряду ехали представители дыжинуго, а по левую – тлекотлеши. По кабардинскому этикету, когда едут или идут трое вместе и больше, то самый старший (почетный) находится в середине, второй по знатности или старшинству – по левую.

Во время военных операций сражение первыми начинали представители тлекотлешей. Таким образом, во время боя и мирных поездок тлекотлеши пользовались особыми привилегиями перед дыжинуго. Зато на пиршествах за один стол – ана (столик на трех ножках) с князем могли садиться только представители дыжинуго. Они же первыми запевали песню за столом [33].

О численности уорков в источниках нет прямых сведений. Однако ее можно приблизительно установить по косвенным данным источников.

Как отмечалось, в коннице служили только князья, уорки всех категорий и представители промежуточных прослоек (бейголи и пшикеу). Среди них князей было максимум 50–60 человек. Невелика и доля бейголей и пшикеу. Следовательно, основную массу конницы составляли уорки.

Сведения о численности кабардинской конницы разноречивы. Они показывают от 10–20 тыс. всадников. Эти колебания, видимо, порождались по объективным причинам в разные периоды истории. Но для первой половины XVIII в. не будет преувеличением определить ее в 15 тыс.

Если предположить, что семья в 5 душ обоего пола могла выставить одного всадника, то общее число уорков Кабарды составит 70–75 тыс.

Таким образом, уорки составляли абсолютное большинство господствующего класса. Они же занимали по численности второе место после чагаров.

Тума

Этот термин на кабардинском языке применили как к людям, так и к животным. Он означает «нечистокровность» породы.

Однако в социальной структуре кабардинского общества под термином тума имелись в виду внебрачные дети и дети от неравного брака князей.

Обычное право кабардинцев строго оберегало сословное деление общества, и браки заключались между людьми равного социального положения.

«Князья женятся на княжеских дочерях, вольные – на вольных, холопы – на холопьях, чагары у чагар берут» – писал Ш. Ногмов [83, 113].

Но если случались исключения, то дети от такого брака назывались тумой, подчеркивая этим их «нечистокровность».

Человек, рожденный от унаутки (рабыни) не мог быть признан тумой. Унаутка, беременная от мужчины из знатной семьи, подвергалась абортированию и удалялась из дому, продав ее в отдаленные края [34].

Место тумы в сословной иерархии определялось сословной принадлежностью матери тумы. Играли большую роль в этом и личные достоинства самого тумы. В дальнейшем потомство тумы, в зависимости от последующих браков, смешивались с мелкими уорками [35], а порой с бейголями.

Удельный вес тумы в общем населении страны был весьма незначительным [36].

Пши – князь

Вверху всей сложной сословной иерархии феодальной Кабарды состояло узко-замкнутое сословие «пши». Это звание приобреталось только по рождению. Оно давало представителям данной категории знати высокое общественное и политическое положение. Князья пользовались в стране исключительным правом – правом неприкосновенности.

«Князь может наказать своего узденя за какой-либо главный проступок смертию, или отобранием от него крестьян, скота и всего имущества», – писал С. М. Броневский [13, 118].

В исследуемый период сословие «пши» настолько отделилось от народа много-

численными барьерами социального, политического и психологического характера, что понятие «пши» имело оттенки «святости».

«За убийство князя в древнем народном обычае не полагалось даже меры наказания, ибо положение князя в народном понятии было так высоко поставлено, что не могло быть мысли о совершении этого преступления» [26, 164].

Даже во время ожесточенных междоусобных войн, которые нередко случались в Кабарде, по князю мог стрелять лишь князь, а кровь князя могла быть искуплена только кровью. Против этого порядка, ставшего нормой для кабардинцев, не раз издавал прокламации генерал Ермолов [37], приказывая «забыть глупое обыкновение не стрелять в князей, когда он стреляет» [93,110].

В этом смысле примечателен один конфликт. В 1731 г. во время междоусобной борьбы неизвестным был убит князь Канамат Кайтукин. На этой почве вся фамилия князей Кайтукиных враждовала с двумя княжескими уделами (Мисостовым и Атажукиным), с которыми шла тогда борьба, до 1753 г., пока по принуждению со стороны России не договорились прекратить кровную месть за Канамата [1, ф. Кабардинские дела, 1753, д. 1, лл. 218–223].

Власть и авторитет кабардинских князей признавали и соседские с Кабардой народы Северного Кавказа в той или иной степени.

Броневский писал: «хотя князья Большой Кабарды гораздо обессилели против прежнего от истребительских последствий войны... однако они почитают себя по рождению и по делам своим первыми рыцарями не только между черкесами, но и между всеми кавказскими народами... и притеснениями подвержены и прочие их соседи, как-то ингуши, осетины, дугорцы, балкарцы, абазины, бесленейцы, из коих иные платят им дань, и все опасаются их неприязни» [13, 88].

Броневский говорит о последней четверти XVIII в. и начале XIX в., когда действительно престиж кабардинских князей основательно был подорван. Что же касается исследуемого периода, то надо сказать, что с кабардинскими князьями считались и соседние великие державы: Россия, Турция и Персия. Они стремились склонить их в свою сторону. Больше того, поддерживали их авторитет. Эта классовая солидарность между господствующими классами великих держав и Кабарды четко проявилась в одном судебном процессе. В 1742 г. ногайцев, находившихся под опекой Кабарды еще с войны 1736–1739 гг., переселяли на Волгу по требованию России. В этом ногайцы усмотрели предательство князя Магомета Кургокина и один «татарин по имени Абыз Адыл Кадыл Аджи» нанес князю ранение ножом. Причем рана была незначительна. За это преступление царский суд приговорил Абыз Адыля к отсечению обеих рук с вечной ссылкой в Архангельск [1, ф. Кабардинские дела, 1744, д. 6, л. 1].

Столь высокое общественно-политическое положение кабардинских князей зиждилось на исключительном их поземельном праве. В Кабарде князья являлись верховными собственниками земли и владельцами всего населения. Это и создавало тот ореол, которым была окружена личность князя.

Остальные группы феодалов, соответственно их земельному праву, размещались по нисходящей линии сословно-иерархической лестницы, образуя господствующий класс – «пши-уорк» [38].

Как будет подробно показано в следующей главе, вся Кабарда была поделена на княжеские уделы между пятью княжескими фамилиями, каждый из которых рас-

полагал своей территорией, подвластным населением, вассалами, войском, судом и другими атрибутами органа политического управления.

В приведенных двух схемах *(см. прил. I и III)*, прежде всего, бросается в глаза их тождество. Однако при внимательном ознакомлении обнаруживаются существенные различия.

По Хан-Гирею, социальная прослойка «пшикеу» занимает второе место в сословии «уорк», тогда как в Кабарде она не считалась уорком.

Духовенство представлено особым сословием, чего нельзя сказать о Кабарде первой половины XVIII в., хотя в ней и значились муллы, эфенди и кади.

Сословие льфекотль определено как свободные земледельцы без феодалов «в племенах народного правления» и «подчиненные дворянам».

В Кабарде понятие тльхокотль шире. Оно означало все слои населения, не входившие в сословие уорк, кроме унаутов-рабов.

Термином пшитль обозначено сословие крестьян четырех категорий: «азаты», «ок», «дворовые», и «бездомные».

В Кабарде же термин «пшитль» – «княжий мужчина» означал феодально-зависимое население: огов и лагунапытов. Что же касается «бездомных», то они были рабами и назывались унаутами.

Все это показывает, что дифференциация феодального общества Кабарды первой половины XVIII в. сделала значительный шаг по сравнению с закубанскими адыгами в первой половине XIX в.

§ 3. Классовая борьба

Марксизм-ленинизм учит, что классовая борьба, формы ее проявления есть следствие социально-экономических противоречий общества. В свою очередь, классовая борьба в конкретных ее формах является важнейшим показателем уровня развития общественных отношений. Классовая борьба в Кабарде XVIII в. исследована В. К. Гардановым и Н. Х. Тхамоковым, выводы которых имеют большое значение и для настоящей работы [24, 148–159; 101, 160–173].

По данным исследований В. К. Гарданова, Е. Н. Кушевой, Г. Х. Мамбетова, Н. Х. Тхамокова и архивных материалов, для Кабарды первой половины XVIII в. характерно дальнейшее развитие форм феодальной собственности и эксплуатации зависимого населения.

Прямым следствием этого процесса было возрастающее сопротивление трудящихся усилению феодального гнета, которое принимало различные конфигурации – от попыток мирного урегулирования возникающих конфликтов между владельцами и их подвластными до открытого выступления крестьян.

Одним из нюансов классовой борьбы крестьян против феодального гнета был «уход в канаки», т. е. временная отдача себя под защиту влиятельного лица, чтобы при его посредничестве уладить коллизию. В частности, когда феодал непомерно повышал повинности чагаров, холопов, обращался с ними жестоко, или пытался продать более строптивых вопреки нормам обычного права, ущемленные в правах крестьяне (в одиночку, группами, с семьями или без них) уходили канаками к какому-либо князю и оставались у него до окончательного разрешения спора.

Если обидчик (феодал) признавал требованиям канаков справедливым и давал обещания в дальнейшем не повторять подобных выпадов, они возвращались к своему владельцу. В противном случае последний терял право на них, и канаки были вольны перейти к другому феодалу.

Броневский наблюдал этот обычай у кабардинцев. В частности, он писал: «Крестьяне не столько по праву, как из отчаяния, переходят... иногда к другому помещику. Для прекращения сих... споров примирение делается посредством Третейского суда, составляемого из посторонних князей, узденей и народных старшин. Буде обе стороны, на чем положились, совершается торжественная о забвении прошлого присяга, сопровождаемая некоторыми оставшимися от язычества обрядами, как-то: заклананием овцы и прикосновением языка к окровавленному кинжалу» [13, 118].

Однако нормы этого обычая были уже нарушены по отношению к крестьянам, т. е. феодалы стремились изъять чагаров и холопов из-под юрисдикции института каначества [39]. Последний, формально предоставлял любому кабардинцу право прибегать к помощи и посредничеству третьего лица в необходимых случаях, независимо от его социальной принадлежности. Больше того, никто не мог отказать канакам в убежище, не рискуя уронить себя в глазах общественности [40, 12–19; 26, 289–326]. Лицо же, принявшее канаков, обязано было представлять интересы своих подзащитных и всячески способствовать улаживанию инцидента.

Очевидно, этот обычай возник в эпоху разложения родовых отношений как один из способов защиты личности, потерявшей поддержку общины. Но он пережив ее, в условиях сложившегося феодализма, являл собой явный диссонанс.

Отстаивание покровителем (феодалом) прав выступающих против другого феодала крестьян противоречило и его собственному (классовому) интересу. В то же время князья, будучи в плену традиций, а частью ради социальной демагогии, продолжали принимать крестьян-канаков под свою защиту. Как свидетельствуют источники первой половины XVIII в. это обстоятельство обостряло внутриклассовые розни пши-уорков, особенно отношения князей с их вассалами, чьи подвластные чаще прибегали к посредничеству князей.

Таким образом, в результате углубления классового расслоения общества демократическое содержание института коначества пришло в противоречие с интересами господствующего класса. Из демократического института он преобразовался в сословно-классовый. Поэтому феодалы в целях классовой солидарности стали запрещать крестьянам уходить канаками, отказывать им в приеме в качестве таковых. Затем дело дошло до того, что в 1753 г. феодалы Большой Кабарды заключили соглашение «...чагаров и холопьев, не принимать же и к себе не допускать» [1, ф. Кабардинские дела, 1753, д. 7, л. 288].

Практически это означало полное закрепощение крестьян за их владельцами.

В ответ на это растет солидарность эксплуатируемых, наблюдается бегство крестьян целыми деревнями, феодалы же квалифицируют подобные акты как нарушение правопорядка. Так, сыновья покойного князя Малой Кабарды Али-бека Келахстанова с возмущением писали Елизавете Петровне в Петербург, что «за самое некоторое малое дело одной деревни люди, осердясь на... отца нашего, в одну ночь в Баксан убежали и к Султанмуд-беку пришли, которыя и поныне в Баксане находятца» [1, ф. Кабардинские дела, 1757, д. 6, л. 41) [40].

В борьбе вокруг норм древнего обычая каначества явно прослеживается новое содержание классовой борьбы. Попытка знати превратить эти нормы в чисто феодальное право вызвала бурный протест со стороны народа, отразившийся в требованиях восставших чагаров в 1767 г.

Одним из трех условий, выдвинутых восставшими, было полное распространение (восстановление) норм института каначества на крестьян.

«Кто из чагар, – говорилось в нем, – со своим хозяином в чем-либо возьмет ссору, или от хозяина причиняемы будут чагарам какия обиды и нападения, которых не стерпя, ежели чагаринины перебежат к другому владельцу, то теми владельцами содержаны были б до того время, покуда оной по прежним примерам с хозяином смиритца. Но ныне уздени (т. е. уорки. – *Е. Н.*) усильством своим тех чагар ко владельцам не допущают, а удерживают у себя » [43, 272].

Здесь, как и во всех крестьянских движениях, имеет место наивная вера в князей.

Как отмечено Е. Н. Кушевой и Т. Х. Кумыковым, сохранение в быту патриархально-родовых пережитков (институт коначества, аталычества и др.) сглаживало остроту классовой борьбы и заглушало классовое самосознание угнетенных масс. С другой стороны, как показано выше, эти пережитки старины претерпели значительные изменения и уже стояли на страже интересов феодального строя.

Несмотря на архаичность этой формы борьбы (каначества), попытка эксплуатируемых обуздать произвол феодалов, сохранить право перехода от неугодного владельца к другому и, наконец, факт коллективного неповиновения воле господ, свидетельствуют о наличии в обществе классового антагонизма и организованном характере сопротивления народных масс наступлению феодалов на их права.

Другой и наиболее распространенной формой проявления классовой борьбы было бегство чагаров, холопов и ясырей группами и в одиночку за пределы Кабарды. Видимо, жесткая эксплуатация, и несносные условия жизни вынуждали крестьян бросать насиженные места, родных, скудные пожитки и уходить в чужие края. Тяжелое положение кабардинских крестьян отмечал и С. Броневский. «Крестьяне суть хлебопашцы, – указывал он, – привязанные к земле и посредством многих способов угнетения доведенных почти до рабского состояния» [13, 136]. Далее Броневский подчеркивал, что «народ, угнетаемый князьями и дворянами, нередко прибегает к возмущению» [13, 113].

Акт такого бегства крестьян следует рассматривать как своего рода протест против существующего общественного строя. По сравнению с вышеописанной формой борьбы бегство возмущенных крестьян за пределы страны может носить более решительный и принципиальный характер. И его можно рассматривать как следующий этап развития классовой непримиримости в обществе, расколотом на антагонистические классы.

Положение беглых осложнялось, прежде всего, двумя обстоятельствами. Во-первых, в Кабарде не было понятия давности розыска. Опознанный беглый, по представлениям кабардинских феодалов, подлежал безоговорочному возвращению. Отсюда видно, что в ту пору уже существовало неотъемлемое право феодалов на крепостных. Во-вторых, беглым, в лучшем случае, удавалось лишь сменить одного феодала другим, так как они на чужбине попадали в новую зависимость. Особенно

тяжело было тем, которые уходили за Кубань (их там могли продать в рабство). И тем не менее ничто их не удерживало.

Архивные материалы содержат сведения о поездках кабардинских владельцев за Кубань, в Крым, Чечню, в «Кумыки» и другие места для розыска беглых [1, ф. Кабардинские дела, д. 7, л. 113]. Надо полагать, что в большинстве случаев им удавалось возвратить опознанных беглецов.

Особенно большой поток беглых из Кабарды шел в русские пределы, где принятие христианства освобождало их от угрозы быть возвращенными прежним хозяевам. Кроме того, крепостных тянуло туда и по другим причинам. Во-первых, на огромных просторах южных границ не было феодальных владений. Во-вторых, в целях заселения пустующих земель русское правительство создавало весьма льготные по тогдашним временам условия, прибывающим из разных мест беглым крестьянам. С построением крепости Кизляра утечка холопов и ясырей из Кабарды принимает почти массовый характер, которая наносила ощутимый урон феодальному хозяйству Кабарды. Острота этого вопроса видна по многочисленным официальным листам и частным письмам кабардинских князей местным и центральным властям России, в которых лейтмотивом проходит холопский вопрос.

«Холопы наши бегут к вам, крестятца, а вы не отсылаете их к нам, а нам не можно без холопьев жить», – говорилось в одном из таких писем [1, ф. Кабардинские дела, 1747, д. 6, л. 68].

Как замечено В. К. Гардановым, по разным внешнеполитическим соображениям, русское правительство иногда шло навстречу просьбам кабардинских феодалов. Но поток беглых не сокращался, и проблема удержания крепостных с новой силой вставала перед феодалами Кабарды.

Можно с уверенностью сказать, что основным противоречием между Кабардой и Россией в описываемый период был холопский вопрос. Массовый уход главной производительной силы бил не только по отдельным феодальным хозяйствам, но и подрывал основу стабильности экономического и политического строя Кабарды в целом.

Исследователями отмечены и факты открытого выступления крестьян против феодалов в первой половине XVIII в. Так, описанное Ш. Б. Ногмовым восстание холопов под предводительством холопа Машуко, многие авторы относят к началу XVIII в., связывая это событие с первым походом крымского хана Каплан-гирея в Кабарду [48, 99; 24, 152; 101, 165–166].

Другое крестьянское выступление под предводительством Мамсыруко Дамалея известно по народным преданиям. Исследователи считают, что оно имело место в 1754 г. [24].

О размахе этого движения и о сочувствии масс его участниками свидетельствует народная песня о Дамалее, дошедшая до нас [71, 135–137].

Таким образом, классовые противоречия в рассматриваемый период достигли сравнительно высокого накала.

Обобщая сказанное, отметим, что характер рассмотренных отраслей хозяйства и формы эксплуатации в них свидетельствуют об укреплении в стране феодального способа производства.

Мозаичность социальной структуры, резкое экономическое, социальное и поли-

тическое неравенство общественных классов и групп, их отношение к основному средству производства – земле, иерархическая конструкция земельной собственности и созданный ею вассалитет внутри господствующего класса и, наконец, завершение процесса превращения отдельных феодалов в государей со своей территорией, войском, подвластным населением, вассалами и другими атрибутами сеньории, свидетельствуют о развитости феодальных отношений.

Вопрос о критериях развитого феодализма – дискуссионный. Как нельзя точно указать его хронологические рамки, так нельзя дать и стандартных признаков этой стадии, хотя она, безусловно, имеет и свои характерные черты.

Переход от раннефеодального периода к развитому феодализму – процесс сложный. Он, видимо, протекает своеобразно в каждой отдельной стране в зависимости от множества внутренних и внешних факторов.

Основополагающие данные классиков марксизма-ленинизма о признаках развитого феодализма, на наш взгляд, нашли правильное применение к конкретно-историческим проблемам в трудах Б. Д. Грекова, П. М. Дружинина, Л. В. Черепнина и других советских историков [30; 37; 106; 84].

Разделяя мнение названных авторов по рассматриваемому вопросу, в то же время хочется подчеркнуть некоторые отклонения в развитии кабардинского феодализма от общих установившихся норм. Одним из них следует считать отсутствие в дореформенной Кабарде городов и ремесленных поселков, несмотря на сравнительно высокий уровень развития феодализма. Это обстоятельство, а также отсутствие денежной ренты, часто ставят в доказательство незрелости феодальных отношений в ней.

Прогрессивная роль городов в развитии феодализма неоспорима, но не города являются основными критериями зрелости феодальных отношений. Ведь города имелись и в период рабовладельческой формации, а денежная рента, по определению К. Маркса, «есть последняя форма и в то же время форма разложения того рода земельной ренты...» [76, 361–362].

Глава II

ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ КАБАРДЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Определенный социально-экономический строй (базис), как известно, создает соответствующую себе надстройку – совокупность политических, правовых, институтов.

Рассмотренная в предыдущей главе социально-экономическая культура Кабарды была феодальной. Вследствие резкого экономического, социального и политического неравенства людей общество было раздираемо классовыми и внутриклассовыми противоречиями. В этих условиях, естественно, господствующий класс не мог обойтись без определенного органа власти (насилия), при помощи которого он укреплял свои политические, экономические и социальные позиции, идеологически обосновывал насилие и удерживал с его помощью народ в повиновении.

Исследование государственного аппарата феодальной Кабарды – одно из перво-

очередных задач современного кабардиноведения. Между тем, этот аспект является наиболее слабо изученным. В обширной дореволюционной исторической и этнографической литературе нет ни одной специальной работы, посвященной этой проблеме.

Вместе с тем, в трудах упомянутых дореволюционных авторов (И. А. Гюльденштедт, П. Паллас, П. С. Потемкин, С. Броневский, Султан-Хан-Гирей, Ш. Б. Ногмов, Ф. И. Леонтович, Н. Дубровин и др.) имеются важные сведения о тех или иных учреждениях Кабарды. В этом плане особую ценность представляют правовые нормы адата, зафиксированные в «Полном собрании кабадинских древних актов...» [69, 223–285].

В советское время сделана попытка восполнить этот пробел. В частности, Е. Н. Кушевой исследован общественно-политический строй Кабарды в XVI–XVII вв., [65; 66]. В более широких хронологических рамках (XVI–XIX вв.) данный вопрос рассмотрен Г. Х. Мамбетовым [75]. Для XIX в. он затронут Т. Боцвадзе [12, 99–108], а для XVIII в. эта тема рассмотрена лишь в одном параграфе третьей главы монографии Н. Х. Тхамокова [101, 175–192].

Правильно отметив характерную черту Кабарды – феодальную раздробленность, Н. Х. Тхамоков не подверг тщательному анализу существовавшие в ней политические институты.

Настоящая работа, не претендуя на полное изложение этой сложной проблемы, стремится осветить ее в основных чертах, опираясь на имеющуюся литературу по данной проблеме и новые архивные материалы.

УДЕЛЬНЫЕ КНЯЖЕСТВА

§ 1. Структура удельных княжеств

На рубеже XVII–XVIII вв. Кабарда делилась на Большую (Къэбэрдей) и Малую (Джылахъстэней). В первой имелись три княжеских удела: Жамболатов, Атажукин и Мисостов, во второй – два: Келахстанов и Талостанов.

Самой мелкой административной единицей в уделах была деревня – къуажэ, или кабак по терминологии XVIII в. По данным Коллегии иностранных дел России за 1748 г. кабардинцы «жили большими деревнями, домы свои строили беки и уздени из бревен, а поданные – из плетня, и обмазывали глиной» [43, 158].

Как правило, каждая деревня носила имя или фамилию феодала, которого именовали князем села (къуажэпщ), хотя он мог и быть уорком (дворянином). Эта особенность кабардинских поселений хорошо видна на ландкарте Кабарды 1744 г. Из 122 деревень, зафиксированных на ней, 116 назывались либо по имени, либо по фамилии владельцев сел [43, 114–115, 194–196].

К деревне более крупного феодала отдельными кварталами-хаблами – присоединялись его мелкие вассалы со своими подвластными. Иногда вассал, сменив своего сеньора, переселялся в кабак избранного покровителя, образуя в нем новую хаблу.

Хабли по занимаемой территории, численности населения и социальному составу были различны. В них пребывали подвластные главам хабля – мелким уоркам – азаты, оги, лагунапыты, унауты и другие феодально-зависимые слои населения. Кварталы

назывались по имени их владельцев. Поэтому кабардинские деревни, хотя носили определенное название, состояли из ряда относительно самостоятельных кварталов.

В адатах об этом сказано: «В ауле дворянина живут дворяне (уорки) 2-го и 3-го разрядов со своими крестьянами» [69, 177].

По мнению Н. Х. Тхамокова, хабли были самоуправляемыми. «Хьэблэ выбирала старшину. У одних кабардинцев он назывался «нэхъыжъ», а у других «тхьэмадэ», – пишет он [101, 181].

Это положение вызывает возражение. Поскольку население хаблы в сословном и социально-политическом отношениях было разнородным, а над самой хаблой стоял феодал, которому все они подчинялись, вряд ли здесь могло иметь место такое демократическое управление.

Сама деревня, как правильно отмечено Т. Х. Кумыковым, являлась административным центром феодального владения [59, 56]. Постоянная угроза вторжения извне выработала в деревнях отмеченный Броневским порядок, «в двух концах деревни из плетня сделаны сторожевые башни, в коих жители караулят по очереди» [13, 107].

Главой, как бы высшей властью, в селе был феодал, имя которого носила деревня. Первыми советниками куажепша (князя села) являлись его ближайшие родственники и мелкие вассалы, главы хабль, выполнявшие всевозможные поручения куажепша и составлявшие военно-политическую силу феодального владения.

Кабардинские деревни подразделялись на знатные и незнатные: «деревня, где живет сам князь и владетельный дворянин, называлась уорк-куажа, в отличие от деревень, где живут дворяне меньше разрядом, причисленных к владению князя», – писал Ф. И. Леонтович [69, 177].

«Вблизи княжеского жилья живут его крестьяне и вольноотпущенные. Эта часть деревни носит название – пши-унэ-хэбла, т. е. княжеский квартал» [69, 175–176].

В каждом кабаке существовал «третейский суд» – «хейзжа» – (правый голос). В нем рассматривались местные гражданские дела. Судьи избирались ежегодно в количестве нескольких уорков, и «депутатов со стороны народа», которых утверждал глава села [83, 83–84].

По данным источников, «хейзжа» был открытым и гласным, где решение принималось устно, после соответствующих дебатов.

Выбирался также гоу (гъуо) – глашатай, он освобождался от всех повинностей, да сверх того получал плату натурой. Гоу оповещал жителей села о предстоящих мероприятиях, новостях и других событиях [83, 125].

В адатах по этому поводу говорится: «Из аула обществом выбирается один крестьянин для сообщения народу обо всем, что требуется к исполнению; избранный на этот предмет исключается из народной подати, а ежели он чагар, или ок, то господское положенное платит наравне с прочими» [69].

По требованию удельного князя куажепш выступал со своими братьями, сыновьями, племянниками, если таковые имелись, вассалами, а при надобности и с чагарами, вооруженно. В бою командовал каждый куажепш своим отрядом.

Группа деревень, расположенная в долине одной реки и ее притоков, называется псыхо, хотя она не имела значения административного деления. Ряд псыхо составлял удельное княжество. Так, в Жамболатов удел входили Чегемпсыхо, Шхалукопсыхо,

Нальчикпсыхо, Кенжапсыхо, Черекпсыхо, Урухпсыхо, а в Атажукин и Мисостов уделы – деревни, лежавшие по долинам рек: Баксана, Гунделена, Золки, Малки, Куркужина и их притокам [43, 114–116,194–196].

Сведения о размере деревень скудны. В документе, датированном 1751 г., читаем: «От речки Кенжи до речки Шелухи верст с пять, а по ней кабаков три, в которых бывают дворов по 70–80 и 90…» [1, ф. Кабардинские дела, 1751, д. 6, л. 25]. В другом, за 1762 г., говорится, что князья Бекмурзины захватили незаконно «12 кабаков… в коих де было дворов по 20–30 и 70…» [1, ф. Кабардинские дела, 1762, д. 3, лл. 18–20]. Следовательно, в исследуемый период в кабаках было в среднем по 60 дворов. А по другим источникам, в этих дворах «бывают мужска и женска полу душ по 30–40 и 50…» [1, ф. Кабардинские дела, 1747, д. 6, л. 43].

По нашим подсчетам в деревнях в среднем было 1 800–2 100 человек обоего пола.

По данным карты 1744 г. и комментариям к ней 1753 г. в Жамболатов удел входили 34 деревни. Из них: 15 деревень принадлежали девяти знатным уоркским фамилиям (Куденетовым – 5, Шипшевым (Чипчевым) – 2, Тоглановым – 2, Бабуковым – 1, Жаноковым – 1, Кожокиным – 1, Бейсиевым – 1 и Клишбиевым – 1). По русской терминологии первой половины XVIII в. перечисленные фамилии именовались «знатные уздени», а в Кабарде вплоть до 1917 г, их называли «тлекотлеш» и «дижиныуго».

Вторая группа в 12 деревень Жамболатова удела, в отличие от первой, принадлежала менее родовитым уоркским фамилиям: Тау, Лагерс, Алепша, Шагапца, Казаноко, Кондар, Ока, Карабей, Мочена (Мекеня), Аксей, Там и Салтаноко. Эти фамилии в документах XVIII в. значатся как «уздени» или «ближние уздени» [1, ф. Кабардинские дела, 1753, д. 7, л. 184].

К этой группе можно причислить и деревню Амзеж, по другим источникам – Амзеш. Амзеж – собственное имя. Социальную принадлежность последнего не удалось установить, но поскольку он владеет деревней, которая носит его имя, видимо, он был уорком. Шесть кабаков (Батуков, Пшикау, Махук, Вука, Бергипс, Караджау) находились в личном подчинении князей Жамболатовой фамилии без посредства уорков [43, 114–116, 194–196].

В Атажукином и Мисостовом уделах насчитывалось 44 деревни. Из них: 34 кабаками владели одиннадцать фамилий знатных узденей (Куданетовы – 11, Сидаковы – 8, Чипчевы – 3, Тыжевы – 2, Тамбиевы – 2, Казанчевы – 1, Думеновы – 1, Алексировы – 2, Кучмазоковы – 2, Ачабоковы – 1, Загаштовы – 1). Восемь деревень принадлежали незнатным узденям (Ераштыевым, Гетежевым, Ируговым, Карабейевым, Хутатовым, Шуруховым, Пшицуковым) и две деревни (Баматова деревня и Кулат) в личной зависимости от князей [43, 114–116, 194–196].

Изложенный принцип лежит в основе и малокабардинских уделов: Келахстаней и Талостаней. В обоих уделах имелось 44 деревни, из которых 32 – принадлежали девяти фамилиям знатных узденей (Анзоровы – 14, Алимурзе (фамилию не удалось установить) – 5, Муртазовым – 5, Боташевым – 2, Коголкиным – 2, Инароковым – 1, Абеевым – 1, Хапцевым – 1, Кучмазоковым – 1), 6 деревень – менее родовитым уоркским фамилиям (Тузаровым, Пыштевым, Ельтуховым, Бештоковым, Насрановым и Чиловым), остальные 6 кабаков (Шолох, Кургокино, Канбашулово, Хан, Эльбакан и Джагиш) являлись княжескими [43, 114–116, 194–196].

В журнале майоров И. Барковского и П. Татарова за 1753 г. [41] имеется список князей и их дворян Большой Кабарды (обеих группировок) [33]. Этот документ позволяет правильно интерпретировать данные карты 1744 г. и комментарий к ней. Синхронизация этих трех источников (карта, комментарий к ней и список кабардинской знати первой половины XVIII в.) показывает, что все деревни Большой и Малой Кабарды, отмеченные на карте 1744 г., за исключением собственно княжеских, принадлежали вассалам князей – знатным и незнатным узденям (уоркам) и именовались по фамилии или имени этих господ [1, ф. Кабардинские дела, 1753, д. 7, л. 184].

Более конкретно распределение населения Кабарды по уделам показано в следующей таблице. (Таблица составлена по данным карты 1744 г.)

Наименованование княжеских уделов	Количество деревень, подвластных княжеским вассалам. Из них:		Количество деревень, лично зависимых от князей	Всего
	знатным узденям	не знатным узденям		
Жамболатов	15	13	6	34
Атажукин	14	1	1	16
Мисостов	18	8	2	28
М. Кабарда	32	6	6	44
Итого:	79 (65%)	28 (23%)	15 (12%)	122 (100%)

Удел принадлежал всей княжеской фамилии, которая состояла иногда из нескольких семей. Так, в Жамболатовом уделе в начале века было шесть семейств, в Мисостовом – четыре, а в Атажукином лишь одна семья (Бамат или Мухамед Кургокин). Последние являлись самостоятельными экономическими ячейками со своей землей, со своими вассалами – уорками различных степеней, крестьянами разной категории и унаутами. В отношении экономической самостоятельности княжеских семей источники не оставляют сомнений. Так, в 1747 г. скончался родной брат удельного князя Касая Атажукина (Мисостова) Магомед. Все подвластные деревни покойного, замок его и пр. перешли к его детям при жизни их дяди Касая. «Двор бывшего владельца Магомеда… на речке Кулкужин, восемь деревень Шидак на той же речке были Магомеда Атажукина, а ныне владеют дети его» [43, 195]. «Пять деревень Куданет, – гласит другой документ, – на той же речке Татархановы, Кайсынова и Батоковы, а ныне принадлежат детям их» [43, 195].

В этой плане показательно и дробление уоркских фамилий. Видимо, сначала вся фамилия находилась в вассальной зависимости от одного князя, а по мере перехода по наследству от отца к детям, внукам и правнукам, уорки (двоюродные братья) оказались в разных уделах, даже вассалами враждующих князей. Например, знатнейшая уоркская фамилия – Куденетова – была разобщена на три группы: 5 семейств считались вассалами князей Бекмурзиных (Жамболатов удел), 9 семей были личными уорками Бамата Кургокина (Атажукин удел), а одна семья входила в Мисостов удел. В таком положении находились и некоторые другие уоркские фамилии, такие как Тыжевы, Шипшевы, Алексировы, Анзоровы и др. Дробление фамилии могло

произойти и по причине перехода одних братьев к другим сеньорам, но это только лишний раз подтверждает самостоятельность семей не только князей, но и узденей. Иными словами, в исследуемый период фамилия не была единой в экономическом отношении.

Можно бы сослаться еще на ряд сообщений, но, думается, приведенные факты достаточно убедительно показывают наличие частной семейной собственности у князей и уорков. В адатах об этом записано: «Наследство отца-князя полностью переходит детям, а за неимением таковых – родственникам» [69].

Каждый взрослый князь обладал правом приема под свое личное покровительство лиц любого сословия, приобретения и продажи унаутов и ясырей, правом выхода из удела [42] и т. д. [1, ф. Кабардинские дела, 1753, д. 7, л. 71]. Но оборона удела осуществлялась всей фамилией, котороя была своеобразной формой политического объединения, как бы политическим союзом экономически самостоятельных, но кровно родственных семей.

Говоря о кровном родстве, небезынтересно отметить, что все три княжеские фамилии Большой Кабарды называли друг друга «братьями» и общим своим предком считали князя Кази-бека, который жил во второй половине XVII в. А более отдаленным предком всех князей Малой и Большой Кабарды признавали князя Инала.

Во главе удела обычно стоял старший годами князь. В его компетенцию входили военно-оборонительные, административно-политические функции. О правах удельного князя в адатах сказано: «Князь получает дань со всех сословий, проживающих в его владениях, в размере двух овец» [69, 226].

Таким образом, княжеская фамилия успела измениться качественно, и ее следует понимать, как сеньорию или удельное княжество.

Глава этой своеобразной конфедерации был облечен сравнительно большими полномочиями. Он не выбирался, а автоматически вступал в свои права по смерти старшего в роду князя и правил пожизненно. Князь управлял уделом при помощи подвижного управленческого аппарата (исключительно из мужчин): казначея, дворецкого, писаря, «ближних узденей» (личных телохранителей), сравнительно большого числа бейголей и пшикеу, выполнявших функции сборщиков податей, судебных исполнителей, полицейских, посыльных и др. Удельный князь имел свою резиденцию – замок, а иногда и два [1, ф. Кабардинские дела, д. 9, л. 9; д. 3, л. 27; д. 6, лл. 41, 43, 114–115, 195–196].

Каждый князь имел свою печать с изображением арабским шрифтом его имени и фамилии, которой заверял свою подпись. Отиски этих печатей в большом количестве встречаются в архивных материалах. Удельные князья иногда самостоятельно вступали в деловые контакты с соседними державами, и вся переписка велась арабским письмом на тюркском или татарском языках.

Об удельных княжествах Кабарды С. Броневский писал: «Управляют Большой и Малой Кабардою, всякий в своем уделе, как властные владельцы, и в народных собраниях, как члены федеративного общества» [13, 112–113].

Ш. Ногмов, ссылаясь на предания, отмечал, что старший князь Кабарды Казий разделил Большую Кабарду на три равных удела по 50 аулов в каждом «с условием, в общих и важных делах быть всем под управлением одного старшего князя» [83, 99].

Как уже отмечено, князь Кази жил в третьей четверти XVII в. Следовательно,

разделение Большой Кабарды между его наследниками могло произойти не раньше этого времени.

При удельном князе были два важных института: большой и малый Советы. В малый Совет входили ближайшие родственники князя и знатные уздени. В нем предварительно обсуждались все дела, по маловажным вопросам принимались решения, а остальные передавались на рассмотрение большого Совета.

Посланец астраханского губернатора Петр Горин доносил, что князь Жамболат Кайтукин «имел малой совет», где он предлагал не возвращать бесленеевцев, но его знатные уздени с ним не согласились и «совет никакому решению не пришол, а ждут большого собрания для ответу» [1, ф. Кабардинские дела, 1753, д. 7, л. 15].

Здесь было видно, что спорные вопросы выносили на большой Совет.

Ценное сообщение о порядке проведения большого Совета дает докладная записка Тохтея Бичерина от 19 апреля 1745 г.

В то время удельный князь Арслан-бек Кайтукин вел переговоры о примирении с Россией. Бичерин привез князю согласие русской царицы принять его послов. Для обсуждения столь важного вопроса Арслан-бек созвал большой совет. Очевидец Бичерин рапортовал начальству: «в тот совет собрались на две партии в круг. В первом – Росланбек Кайтукин с сыном большим Хамурзою и с узденями своими. Во втором – владельцы Батока и Джамбулат... племянник их Аджигирей с протчими братьями и с узденями» [1, ф. Кабардинские дела, 1745, д. 5, л. 4].

Военно-политическую мощь удела составляло дворянское (уоркское) ополчение (исключительно из конницы), боевые качества которого современники высоко ценили. По призыву старшего князя Кабарды удельный князь обязан был выступить со всем ополчением и командовать им в бою.

На территории удела не мог проживать ни один уорк, не будучи вассалом одного из князей или знатных узденей, которые, в свою очередь, были вассалами князей. Уорк любой категории считал за честь сопровождать своего князя и разделить с ним его участь. Все уорки являлись воинами и по первому зову сеньора-пши готовы были выступать. Служба с князем не была в тягость профессиональному воину-уорку, который презирал все виды труда, кроме военных занятий. Он не пекся о доме, о нем заботились его крестьяне и унауты. Походы же с князем, сопровождавшиеся военными упражнениями, играми, привалами для пиршеств, развлекали, закаляли и давали возможность прославиться ему, для которого высшей наградой было отличиться в бою так, чтобы его подвиг стал темой песен, слагаемых поэтами-песенниками [40, 81–91].

Из этого не следует делать вывод, будто уорки первой половины XVIII в. – простые княжеские дружинники, целиком зависевшие от военной добычи. Такой упрощенный взгляд на дворянство ведет к признанию общественно-политического строя Кабарды на стадии «военной демократии», к отрицанию антифеодального характера народных выступлений, а следовательно, и к снижению уровня развития феодальных отношений, что, на наш взгляд, имеет место в работе Т. Боцвадзе [12].

Как отмечено в предыдущем изложении, уорки всех степеней, прежде всего землевладельцы-феодалы, которые составляли вместе с князьями господствующий класс (пшиуорк) кабардинского общества, переживавшего эпоху феодальной раздробленности с превращением отдельных феодалов в государей.

§ 2. Взаимоотношения кабардинских удельных княжеств с соседними народами

Различные аспекты взаимоотношений Кабарды с ее соседями нашли отражение в работах многих дореволюционных и советских авторов (С. М. Броневский, П. Г. Бутков, В. Д. Смирнов, Н. Дубровин, Н. Ф. Грабовский, Ф. И. Леонтович, Г. А. Кокиев, Е. Н. Кушева, Б. В. Скитский, С. М. Тотоев, З. В. Анчабадзе, К. Г. Азаматов, В. К. Гарданов, Г. Х. Мамбетов, А. И. Першиц, Т. Д. Боцвадзе, Н. В. Волкова и др.). Опубликован ряд сборников материалов и сведений, касающийся данной темы. Но эта тема еще не ставилась специально, как предмет исследования, и, естественно, не в равной степени изучены все аспекты данной проблемы.

Как отмечено, в рассматриваемый период основные земельные массивы Северо-Кавказской равнины находились в руках кабардинских князей. На западе их земли смыкались с владениями крымского ханства, на востоке – с Дагестаном (кумыками), где также сложились феодальные княжества, а соседние народы – чеченцы, ингуши, осетины, балкарцы, карачаевцы и другие, оказались в горной полосе, как бы отрезанные от внешнего мира. В этих условиях социальные верхи последних строят свои отношения с кабардинскими князьями, сообразно с их экономическими и политическими интересами, идут на определенные уступки, в итоге которых устанавливаются вассальные отношения.

Как правильно отмечено С. М. Тотоевым, «этот вассалитет был, прежде всего, классовым союзом» господствующих классов, направленным против эксплуатируемых ими масс [42, 176–179]. Однако этот союз не был прочным. В потенции в нем были заложены острые противоречия, которые неминуемо должны были прорваться.

И действительно, еще в середине XVIII в. осетины сделали попытку освободиться от зависимости кабардинских князей, приняв подданство России [42, 176–179]. В частности, осетины Смаил и Чибирка встретились с послами русского царя в Имеретию Никифором Турчаниновым и дьяком Иевлевым и заявили, что осетины «дают черкесским мурзам ясак и тот ясак учнут давать московскому государю», если он их возьмет в свое подданство [46, 183–185].

Россия в то время не была заинтересована обострять отношения с Кабардой, и предложение осетин осталось без ответа.

Далее Смаил и Чибирка пояснили, что «для оберегания ясак дают» осетины Куртатинского ущелья в количестве 400 дворов князьям Большой Кабарды Мисосту Мамбетову и Малой Кабарды Ахлову; осетины Кобанского ущелья (500 дворов) – князьям Татархановым; осетины Дарьяльского ущелья (500 дворов) – грузинскому князю Казбеку и малокабардинскому князю Мударову, а «дигорцы и стир-дигорцы» Зазарука-Мурзе Анзорову [46, 183–185].

Позже, в 1743 г. Коллегия иностранных дел России записала со слов князей Магомета Атажукина, Адильгирея Келахстанова и кумыкского князя Хамзи, что «дюгор и стюр-дюгор… некоторую малую кабардинцам дают подать» [46, 182].

Г. А. Кокиев приводит выдержку из жалобы куртатинского феодала Андрея Цаликова, который просил царя помочь ему, чтобы «Большая и Малая Кабарда им притеснения не чинила сверх их прежнего уложения и податей излишне не требовала»

[46, 182]. Правда, автор не указал дату обращения Цаликова, но отнести ее к более позднему времени, чем XVIII в., нет оснований.

Просьба осетин принять их в русское подданство обсуждалась с середины XVIII в. в правительственных кругах России [10]. Однако царская дипломатия, не желая обострять отношения с Кабардой, затягивала решение вопроса. В связи с этим Коллегия иностранных дел часто запрашивала с мест сведения об осетинах. Отвечая на один из них, астраханский губернатор Бекетов 18 марта 1769 года писал, что горцы Северного Кавказа «превозможением кабардинцов почитаемы им подчиненными, ...что кабардинцы с них действительно подать собирают, а и от осетинцов иногда вымогают же, почитая и их себе подчиненными ж. Все осетины... хотя они управляются своими старшинами, независя ни от кого, однако ж, сим владельцам дань дают» [46, 183].

Преемнику Бекетова генералу Кречетникову также пришлось заниматься кабардино-осетинскими отношениями. В рапорте от 2 декабря 1774 г. он писал: «осетинскому народу свойственнее бы принадлежать владельцам Малой Кабарды по ближнему своему соседству, но всеми бывшими делами и полученными из Кизляра известиями доказываются, что напротив, паче в них участвуют и владельцы Большой Кабарды [46, 183].

Такая осторожность русской дипломатии по осетинскому вопросу детерминировалась двумя обстоятельствами. С одной стороны, наличием определенной зависимости осетинских обществ от кабардинских князей, и потребностью царизма поддерживать Кабарду до упрочнения своей позиции на Кавказе – с другой.

По Кокиеву, дань, собираемая кабардинскими князьями с осетинских обществ, в XVIII в. выражалась в следующем: «С каждого двора по одному барану, железа на одну косу, по хорошей бурке, определенное количество орлиных перьев для стрел...» [46, 185].

Для сбора дани и нормализации отношений князья держали в каждом обществе узденя. «Исправно получая дань, – пишет С. М. Тотоев, – кабардинские феодалы не вмешивались во внутренние дела осетинских обществ» [42, 178].

По данным источников, подобную дань платили и ингуши. В 1772 г. ингушские старшины заявили генералу де Медему, что они «временно подать давали владельцам кабардинским с каждого двора по одному барану, а у кого нет барана, тот – на одну косу железа» [7, т. 1, 86]. Но со второй половины XVIII в. ингуши решили покончить с зависимостью от кабардинских князей.

Майор П. Татаров, прибывший в Кабарду с разведывательной целью, 2 марта 1761 г. зафиксировал в «журнал», что здесь «находитца чеченской владелец Айдемир Арсланбеков» и ведет переговоры с князьями о совместной борьбе против ингушей, «которые де перестали дань давать кабардинцам и нападений совершают на чеченцев» [1, ф. Кабардинские дела, 1762, д. 3, л. 12].

По материалам источников, ингуши находились в вассальной зависимости от князей Большой Кабарды.

В 1770 г. ингуши полностью отказались платить дань кабардинским князьям и приняли русское подданство [43, 307].

Вследствие этого кабардино-ингушские отношения резко обострились. Русские военные власти оказывали покровительство ингушам, что раздражало князей ка-

бардинских, видевших в этом вмешательство в их дела с соседними народами и подрыв их престижа [43, 307].

10 марта 1773 г. генерал де Медем, командовавший русскими войсками на Кавказе, в ультимативной форме (вторично) обратился с письмом к кабардинским князьям Большой Кабарды, требуя прекратить всякие домогательства к ингушам, как «подданным е. и. в.» [43, 307–309].

15 марта пристав при кабардинцах В. Д. Тоганов донес генералу, что он отвез его письмо старшему князю Касаю Атажукину и потребовал созыва советов «всех князей и узденей» для обсуждения письма, но Касай отверг это предложение.

Далее Тоганов, информируя генерала о позиции кабардинцев по спорному вопросу, пишет, что князь Касай ему заявил: «Естьли де ваше превосходительство вступитесь за ингушевцов, то они (кабардинцы. – *Е. Н.*) ...совсем отложиться от протекции е. и. в. намерены, потому что де ингушевской народ был издревле ими завоеван, и всегда они с них по обычаю подать брали, а нынче не только не дают подать, но еще крадут у кабардинцев скот... Естьли же ваше превосходительство их, кабардинцев, примеры не отымите, то они с ингушевцами в скорости зделают примирение и всегда будут как они, кабардинцы, так и ингушевцы в непоколебимой к е. и. в. верности» [43, 308].

В рассматриваемый вопрос вносит некоторую ясность еще один документ. С 60-х гг. XVIII в. русская военная администрация постоянно держала в Кабарде разведчиков под различными предлогами. Один из них, ротмистр Киреев, в своем доезде отметил, что чеченский владелец Бардыхан приехал в Кабарду с предложениями о том, «что чеченцы желают быть с ними, кабардинцами, в союзе и отдать им с своей стороны равным образом, как и в России имеютца аманаты, на то что от кабардинских владельцев... Бардыхану в ответ сказано: когда де чеченцы в покорение придут российской стороне и требуемое заплатят, аманаты дадут, и о том в Кабарде получат точное известие, тогда и они, кабардинцы, чеченских аманатов примут, а без этого принять не желают» [1, ф. Кабардинские дела, 1760, д. 2, л. 42].

Надо полагать, что предложение Бардыхана не было беспрецедентным. Видимо, кабардинцы, отдавая Крыму и России заложников, сами, в свою очередь, принимали таковых в качестве гарантии мира.

Кабардино-абазинские отношения отражены в источниках более подробно.

В начале XVIII в. абазины проживали вместе с кабардинцами «по Малку, Баксану и Куме» [1, ф. Кабардинские дела, 1760, д. 2, л. 42]. Они делились на шесть частей или родов (Лоо, Трам, Биберд, Дударука, Кяч и Клыш), отчего их по-татарски называли «алтыкесек абаз».

По данным 1753 г. абазинцы по территориальной дислокации состояли из 4 частей: Верхние, Средние, Нижние (Танбиюкай) и Екепцовские абазы [43, 194].

С причислением к абазинцам знатных кабардинских уорков Бабуговых – вассалов князей Кайтукиных – нельзя согласиться [22, 67].

Все названные абазины находились в сфере влияния трех княжеских уделов Большой Кабарды, но источники не дают точных данных о том, какие именно абазины входили в тот или другой удел.

В 1721 г. крымский хан Саадат-гирей, при отступлении из Кабарды, переселил за Кубань ту часть абазинцев, которая находилась в вассальной зависимости от князей Жамболатова удела в отместку за непокорность и прорусскую ориентацию

последних [43, 59]. Но вскоре внешнеполитический курс удельных князей изменился: Жамболатов удел (кашкатауская партия) стал ориентироваться на Крым, а Мисостов и Атажукин уделы (баксанская партия) – на Россию. И в 1731 г. при поддержке старшего князя Жамболатова удела Арслан-бека Кайтукина крымцы переселили и остальную часть абазинцев за Кубань [43, 61].

С этого времени абазинский вопрос становится «яблоком раздора» между Крымом и Кабардой, причиной кровавых столкновений и неоднократно – предметом обсуждений дипломатических кругов Порты и России.

Вследствие резкого обострения отношений с Крымом, кабардинцы решили укрепить союз с Россией. С этой целью в 1731 г. они уполномочили в Москву князя М. Атажукина с «листом», в котором значились шесть пунктов условий договора. Одним из них был и абазинский вопрос. В частности, кабардинцы просили оказать им помощь в возвращении абазинцев на родину [43, 46].

Русская дипломатия, учитывая современную обстановку на Юге, отклонила эту просьбу.

В грамоте Анны Ивановны кабардинским князьям говорится: «ко отобранию у крымцев деревень своих, в которых живет народ абазинской, ...ныне, когда мир с турками содержится, учинить невозможно. Також де и им, кабардинцам, ...потребно в то до способного времени терпения иметь» [1, ф. Кабардинские дела, 1731–1732, д. 1, лл. 12 и 12 об.].

Таким «способным временем» стороны сочли начало Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. И действительно, в ходе войны совместными действиями калмыцких и кабардинских войск в 1738 г. абазины были возвращены в Кабарду [43, 152].

В 1740 г. в результате очередной феодальной междоусобицы князь Арслан-бек Кайтукин переселился из Баксана со своими уорками на землю между правобережьем Кубани и Кумой, куда перевел и абазин Лоо и Трам [43, 152].

Как известно, по Белградскому миру Кабарда получила «независимость», а абазинский вопрос не был упомянут в нем. Этой лазейкой воспользовалась крымская сторона.

В 1745 г. [43], с ведома Порты, кубанский сераскир Крым-гирей напал с внушительной военной силой на абазин и, несмотря на упорное сопротивление последних, увел большую их часть на Кубань» [1, ф. Кабардинские дела, 1748, д. 3, лл. 8, 43, 152].

Это событие вызвало ответное действие со стороны Кабарды. Дело дошло до жестоких сражений, в результате чего были сотни жертв [1, ф. Кабардинские дела, 1720–1805, д. 1, л. 55]. Для прикрытия акта насилия Порта сделала в следующем году представление русскому резиденту в Константинополе И. И. Неплюеву о нарушении кабардинцами условия Белградского мира. При этом турецкая дипломатия, переставляя факты «с ног на голову», заявила, «что живущим на вершине Озончука алтыкесек абзе называемому улусу, который издревле с протчими черкесскими улусами под ханским владением находитца... кабардинцам никаких обид и разорений не чинить» [1, ф. Кабардинские дела, 1747, д. 9, лл. 14–15].

Стороны договорились уполномочить своих представителей в Кабарду для расследования дела. Со стороны России эта миссия была возложена на капитана И. Барковского, который прибыл в Кабарду в 1747 г. [1, ф. Кабардинские дела, 1747, д. 9, лл. 1–10].

На общем совете князей и узденей кабардинцы дали ему любопытную справку: «народ абазинской вышел из гор… к нашему прапрадеду Иналу… по две и по три фамилий… И от времени оного Инала помянутые алтыкесек абазы наши, а в Крымском подданстве ни одного двора нет, и крымцы ложно в них вступаются» [43, 189–190].

По генеалогии кабардинских князей, Бамат Кургокин – одиннадцатое поколение от Инала [1, ф. Кабардинские дела, 1720–1805, д. 1, л. 111]. Последний, согласно этим данным, мог жить приблизительно, в конце XIII – в первой четверти XIV вв. Следовательно, абазины на территории Кабарды могли проживать с указанного времени, если связывать их переселение с именем Инала.

В своем отчете И. Барковский написал: «абазинцы шесть частей или родов, кочующие по Кубани – их, кабардинских владельцев, издревле подданные, с которых они и до днесь всякие подати берут и, естьли потребно войска, то и на войну с ними ходят» [1, ф. Кабардинские дела, 1747, д. 9, л. 38].

Судя по материалам источников, кабардинские князья не только абазин, но и другие вассальные народы призывали к оружию. На том же совете старший князь Кабарды заявил Барковскому: «а что де крымской хан хочет нас войной разорить, того мы не очень боимся. Естьли будет е.и.в. повеление с союзными с нами народами (темиргойцы, абазины, бжедуги, сапых, убых) соединиться, то, призвав бога на помощь и здесь в горах, живущих с нами народов, можем и за себя постоять. Все де те народы только одного дожидаются от нас слова» [1, ф. Кабардинские дела, 1747, д. 9, лл. 53–55].

Как видно по другим официальным документам, – это не хвастливое заявление князя. Влиятельность кабардинских князей среди народов Северного Кавказа учитывалась турецкой и русской дипломатией. Чуть позже, в 1763 г. при назначении майора Никифорова консулом в Крым, Коллегия иностранных дел России особо инструктировала его по кабардинскому вопросу и в указе, данном ему, сказано: «кабардинский народ… был всегда предметом ревностного старания ханов крымских иметь оной себе подчиненным. Нужда в том для них превеликая. Кабардинцы сверх того, что храбрыми почитаются, имеют еще из тамошних горцов многих и в своем подчинении. Естьли бы удалось, которому из ханов крымских привесть кабардинцов в свое послушание, мог бы он старание свое распространить о приобретении уже в свое подданство и других горских народов, а тем зделать себя сильным во всех горах» [43, 223].

Кабардинские князья не только призывали на помощь своих соседей-данников, но и сами охраняли их в случае опасности. В 1752 г., когда Крым снова стал угрожать абазинцам, Мисостовы и Атажукины послали 500 человек «для охранения подвластных их абазинцев» [43, 179]. В 1753 г. Хамурза Кайтукин также отправил войска «для охраны подвластных ему абазинцев», что показывает их взаимозаинтересованность [1, ф. Кабардинские дела, 1753, д. 7, лл. 222–224]. Здесь следует отметить, что на протяжении всего исследуемого периода абазины постоянно держали сторону кабардинцев. Видимо, это было результатом длительного совместного проживания кабардинцев с абазинами и известной ассимиляции последних.

Материалы о взаимоотношениях Кабарды с балкарцами и карачаевцами несколько скудны. Источники лишь скупо упоминает о том, что они давали им дань. Так, в сведениях, собранных ротмистром А. Шелковым по предписанию Коллегии иностранных дел России за1768 г., отмечено, что «начиная от вершины реки Кумы внутри Кавказских гор даже до Осетии простираются разного звания народы, а

именно... карачаи – 400, Чегем – 700, Караджау – 100, Балкар – 50, Дюгер – 150, Балсу – 40. В оных со всех кабардинцы подать берут и в поход их наряжают» [43, 281].

В рассматриваемый вопрос определенную ясность вносит еще один документ. 1747 г. был годом очередного взрыва феодальной междоусобицы в Кабарде. В итоге борьбы князья Мисостовы потерпели поражение и бежали в русские пределы. Князья победители образовали единый фронт вокруг старшего князя Кабарды Батоки Бекмурзина и приступили к разделу владений Мисостовых как внутри Кабарды, так и за ее пределами. Для решения этого вопроса пригласили представителей соседних народов. Находившийся в это время в Кабарде И. Барковский обнаружил «збор множества старшин чеченских, дугурских, балкарских, карачай... абазинских», о чем поручил Яковлеву разведать [1, ф. Кабардинские дела, 1747, д. 9, л. 53].

Яковлев в своем доезде писал по этому поводу: старшины «объявили ему, Яковлеву, что из них некоторая часть была подвластна Касаю Атажукину, з братьями, (т. е. Мисостовым. – *Е. Н.*) и призвали де нас для того, что б ныне по ссоре Бамата Кургокина с реченными их владельцами, (т. е. с Мисостовыми. – *Е. Н.*), нам подвластными их людьми не называться, и разделили де нас Батока и Бамат [44] з братьями по себе и чтоб нам тех владельцев самых и жен их в жилища свои не пущать и ничем не снабдевать... и, ежели у кого есть оных владельцев, Месоусовых, холопов или какой скот, – оных им объявить, а тем владельцам не отдавать. И в этом берут с нас присягу» [1, ф. Кабардинские дела, 1747, д. 3, л. 53].

Приведенный документ показывает, что зависимые от Кабарды народы были поделены на сферы влияния между княжескими уделами. По мере дробления последних дробились и их владения и наоборот.

Удельные князья поддерживали со своими вассально-зависимыми народами экономические, политические, родственные и другие связи, а не просто собирали с них дань [1, ф. Кабардинские дела, 1743, д. 5, л. 7 об; 43, 202].

Важным регулятором отношений между княжествами и их данниками служил институт аталычества. Как правило, дети кабардинских князей воспитывались либо у уорков, либо у знати соседних народов. Источники дают множество фактов, свидетельствующих об этом.

Аталычество связывало сложными узами княжеский дом не только с семьей, фамилией, где воспитывался ребенок, но и со всем обществом. Воспитатель-аталык, воспитанник-кан и родичи последнего вступали в особые взаимообязывающие отношения. В сущности, аталычество было одной из форм выражения вассальной зависимости, но оно не считалось унизительным. Напротив, аталычество служило, с одной стороны, выражением почетного доверия сеньора вассалу и подтверждением преданности вассала сеньору, с другой.

Задолго до рождения у князя знатнейшие дворянские фамилии Кабарды и соседних народов оспаривали друг у друга право стать аталыком княжеского отпрыска, да и князья внимательно рассматривали претендентов на аталыка, чтобы определить, кому из них отдать предпочтение [40, 104–105]. При этом учитывались всевозможные нюансы экономического, политического и социального порядка. Наконец, тот, на которого пал выбор, забирал новорожденного княжича, подбирал ему кормилицу из узденок и в дальнейшем полностью нес ответственность за его воспитание [43, 159].

Молодого князя следовало обучать виртуозной верховой езде, охоте, военным

упражнениям, сложному феодальному этикету, а также содержать прилично, соответственно его сану, принимать его гостей, сопровождать в поездках и т. д. Все это было сопряжено с немалыми затратами, что было под силу только особо состоятельным лицам. Правда, отец или дед воспитанника вознаграждал ценными подарками аталыка, когда последний возвращал в родительский дом своего кана по достижении им определенного возраста [43, 159]. Но вряд ли эти подношения покрывали расходы аталыка. Он брал в расчет не столько материальные стороны, сколько морально-политические факторы. Молодой князь, владеющий языком того народа, где он рос, привязанный к аталыку больше, чем к родному отцу, привязанный к молочным братьям, сестрам, сверстникам и даже к местности и народу, сохранял тесные связи с аталыком и при случае отстаивал его интересы [40, 104–106].

В перспективе не была исключена и такая возможность, что кан со временем займет место старшего князя удела или Кабарды, от расположения которого зависело бы многое. Таким образом, для вассала аталычество было своего рода политическим капиталом, хотя не всегда он мог дать предполагаемый «дивиденд».

Аталычество давало выгоду не только вассалу. И князья связывали с ним свои расчеты. Чем больше аталыков у князя внутри Кабарды и за ее пределами, тем шире были его связи и социально-политическая опора.

Отсюда стремление феодальных верхов Кабарды втянуть через аталычество в орбиту своего влияния представителей господствующего класса соседних народов.

Известный князь Касай Атажукин (Мисостов удел) был воспитан в доме знатного балкарца Азамата Абаева [1, ф. Кабардинские дела, 1747, д. 9, л. 42]. Его имя длительный период фигурирует в источниках как близкого человека князя.

Аталыком князя Карамурзы Алеева (Мисостов удел) был абазинский уздень из рода Кяч [1, ф. Кабардинские дела, 1743, д. 5, л. 14]. Тесные связи Мисостовых с этими абазинами наблюдаются в материалах архивов.

Дети князя Мукуль-Али (Мисостов удел) воспитывались у абазинов [43, 141]. Один из сыновей князя Бамата (Мухамеда) Кургокина (Атажукин удел) был каном абазин рода Дударука, отчего его звали Дударуко [1, ф. Кабардинские дела, 1760, д. 2, л. 49].

Князь Асланука Кайтукин до 1731 г. воспитывался в Дигории. Затем его отдали заложником в крепость Св. Креста. В 1753 г. он бежал из Кизляра и более года скрывался у своего аталыка в Дигории [1, ф. Кабардинские дела, 1753, д. 8, л. 28]. Его племянник (сын Хамурзы Кайтукина) также воспитывался в Дигории [1, ф. Кабардинские дела, 1750, д. 8, л. 34]. Сам Арслан-бек был каном абазин из рода Трам. Из сказанного можно предположить, что абазины из рода Трам, Лоо и дигорские феодалы находились в вассальной зависимости от князей Кайтукиных, балкарцы Абаевы и абазины Кяч и Клыш – Мисостовых, а абазины из рода Дударука – Атажукиных.

Первостепенные уздени (тлекотлеши и дыжинуго) также отдавали своих детей на воспитание мелким уоркам, находившимся в их вассальной зависимости. Последние либо сами воспитывали своих детей, либо отдавали зажиточным слоям крестьянства [40, 83].

«Простой народ, – пишет Броневский, – воспитывался в родительском доме и приуготавливается более к сельским работам, нежели к военному ремеслу. На сем отчуждении оного от военного воспитания основывается безопасность князей и порабощение крестян» [13, 109].

Как видно, аталычество отражало иерархическую конструкцию социального строя и служило формой укрепления связей комплиментарности и солидарности внутриклассового, межсословного уровня в рамках Кабарды, а с другой стороны, оно скрепляло связи удельных княжеств с господствующими классами соседних народов.

Утверждение некоторых авторов о том, что «для укрепления своего господства и эксплуатации крестьян феодалы использовали аталычество, вызывает возражение [101, 124]. Первая часть этой мысли бесспорна, чего нельзя сказать о второй ее половине. Не все институты столь утилитарны. Задачи аталычества шире, и если говорить об эксплуатации крестьян в рамках нормы аталычества, то только опосредованно. Как показывают источники, не только князья, но и знатные уорки не отдавали своих детей крестьянам. Даже кормилиц подбирали для них из женщин уоркского происхождения. Это и понятно. В обществе, где сословными барьерами были разъединены люди, как это видно в Кабарде, господствующие сословия не хотели родниться со своими холопами и крепостными. Да и последние, задавленные нуждой, ни морально, ни материально не в состоянии были дать детям знати соответствующее воспитание.

Кабардинские князья, отдавая детей на воспитание своим вассалам, сами, в свою очередь, брали детей крымских ханов. В этом плане наблюдается даже некоторое соперничество между удельными княжествами. Несмотря на постоянную борьбу между Крымом и Кабардой, в первой половине XVIII в. аталычество продолжало существовать. Дети ханов, так называемые салтаны из разных ветвей Дома Гиреев, воспитывались у разных кабардинских князей. Ханы охотно шли на это, используя обычай аталычества как особый канал установления связи с Кабардой.

Салтаны, выросшие здесь, владевшие кабардинским языком, бывали в курсе всех событий внутри Кабарды, а порой и вмешивались в них [1, ф. Кабардинские дела, 1720, д. 1, лл. 95–96].

Салтаны, заняв впоследствии престол или другой высокий пост в Крыму, ловко использовали своих аталыков, а то и весь княжеский удел [1, ф. Кабардинские дела, 1720, д. 1, лл. 95–96].

Многочисленные гости салтана из Крыма и Кубани выполняли функцию разведчиков. Наконец, аталычество было доходной статьей.

Салтаны получали у своих аталыков в подарок ясырей, породистых лошадей, овец, дорогое оружие, золотые изделия и другие ценности.

Случалось и так, что отец салтана-воспитанника низложен в Крыму, а новый хан, чтобы устранить возможного соперника, требовал его выдачи, а аталык отказывался выполнять такое требование. И на этой почве нередко обострялись отношения [1, ф. Кабардинские дела, 1749, д. 9, лл. 46–48].

Кабардинские князья, со своей стороны, не без умысла воспитывали ханских отпрысков. Одни рассчитывали подобным шагом задобрить хана, отвести удар от родины, другие преследовали узко-фамильные, корыстные цели, чтобы при поддержке хана противопоставить себя остальным.

Хан Арслан-гирей, занявший крымский престол в 40-х гг. XVIII в., был воспитан у князей Кайтукиных. Позже его сыновья Шагам и Девлет-гирей также росли у Кайтукиных [1, ф. Кабардинские дела, 1749, д. 9, лл. 46–48].

Сын другого хана Саадат-гирея Салих-гирей был каном князей Мисостовых [1, ф. Кабардинские дела, 1720, д. 1, лл. 95–96]. Эти ветви Дома Гиреев враждовали

между собой и поочередно занимали престол и другие высокие посты в Крыму. Соответственно котировались и политические акции названных княжеских уделов в Крыму.

В рассматриваемый период русская дипломатия, правильно усматривая в аталычестве предлог для вмешательства ханов в дела кабардинцев, а также возможность расширения турецко-крымского влияния в Кабарде, протестовала против содержания крымских принцев в ней. В 40-х годах XVIII в. она даже добилась высылки сыновей правящего хана [1, ф. Кабардинские дела, 1749, д. 9, лл. 46–48].

Не менее важную роль играли в общественной жизни княжеских уделов и брачные союзы. Княжеские дома стремились путем брака связаться с высшей знатью соседних народов. Упомянутый хан Арслан-гирей был женат на дочери князя Арслан-бека Кайтукина [1, ф. Кабардинские дела, 1751, д. 1, л. 29]. Сам Арслан-бек был женат на дочери кумыкского князя Чопалова [1, ф. Кабардинские дела, 1750, д. 9, лл. 58–60]. Сын его Хамурза – на племяннице того же хана [1, ф. Кабардинские дела, 1753, д. 7, лл. 177–178]. А брат его Жамболат был его свояком, т. к. этот хан по смерти первой жены сочетался браком с бесленеевской княжной [1, ф. Кабардинские дела, 1753, д. 7, лл. 177–178]. Родная сестра князя Бамата Кургокина (Атажукин удел) была замужем за калмыцким ханом Дондук-Омба, дочь его – за ногайским мурзой Тоганом Мусиным [18, 70–71, 219, 173–174]. Кстати, первый русский пристав при кабардинцах В. Д. Тоганов – внук князя Бамата Кургокина.

Брачные союзы между семействами первостепенных (тлекотлеш и дыженуго) кабардинских уорков и знатью горских народов были обычным явлением, что также способствовало упрочению связей удельных княжеств с их соседями.

Другим связующим звеном служил институт побратимства. Как князья, так и уорки имели побратимов среди всех народов Северного Кавказа [26, 308–317].

Следует упомянуть еще один обычай – «шауако», нормы которого также скрепляли вассальные отношения.

Молодой князь или уорк с момента сватовства и после женитьбы не показывался родителям около двух лет. Этот срок зависел от сословной принадлежности жениха. Представители менее знатных фамилий ограничивались годичным сроком. Жених-шауа все это время находился у дружки на полном обеспечении. Его считали каном, но, в отличие от кана-воспитанника, его называли кан-шауа. Молодые люди – женихи – обычно шли в шауако к одному из вассалов и дом, в котором кан-шауа провел столько времени в теплом окружении, сближался с сеньором.

Рассмотренные материалы показывают, что в исследуемый период удельные князья были полновластными владельцами в своих уделах. Каждый из них располагал своей территорией, подвластным населением, с которого взыскивал определенные повинности, своими вассалами, управленческим аппаратом, судом, войском, собственной резиденцией и т. д. Кроме того, удельные князья распространяли свою власть над соседними народами, разделяли их на сферы влияния, держали там своих представителей, собирали с них также дань, охраняя их в случае опасности, а при надобности призывая к оружию для отражения внешних врагов. Все это свидетельствует о том, что удельные княжества Кабарды сложились в типичные феодальные государства с присущими им специфическими особенностями.

Постоянная же борьба между ними за гегемонию в стране говорит о тенденции к объединению всех уделов в одно общекабардинское княжество.

ОБЩЕКАБАРДИНСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ

§ 1. Хасэ

Ни один из рассмотренных княжеских уделов в исследуемый период не мог узурпировать права остальных и забрать бразды правления в свои руки. Это политическое равновесие сил детерминировалось уровнем развития социально-экономических отношений. Тем не менее в стране имелись налицо определенные предпосылки и потребности к созданию общекабардинских институтов правления, одним из которых была хасэ.

Совет всех удельных князей с их уорками – хасэ – являлся высшим законодательным органом в Кабарде. По всей вероятности, хаса сложилась в доклассовую эпоху как народное собрание. Но с развитием феодальных отношений она трансформировалась, и уже в исследуемый период хаса была сословно-аристократической, где каждое сословие заседало отдельно. В обычное время она состояла из двух «кругов»: княжеского и уоркского, но в военное или другое важное время становилась трехпалатной, так как к обсуждению создавшегося положения привлекались представители трудящихся – «старшины чорного народа» [1, ф. Кабардинские дела, 1720, д. 1, лл. 95–96]. Мнение двух нижних палат докладывали специальные уполномоченные кругу князей, где принималось окончательное решение.

Об этом политическом общекабардинском органе власти кавказский наместник генерал-поручик П. С. Потемкин отозвался следующими словами: «Общей круг или общей совет между ними (т. е. уделами Кабарды. – *Е. Н.*) имеет в себе нечто важное и весьма достойное и которое б с лучшим намерением исполняться долженствовало…» [43, 360].

Примерно такую же картину рисует С. Броневский. «Созываются народные собрания, – пишет он, – для совета о нуждах общественных. В оное допускаются только первые три степени: князья, духовенство и дворяне. Князья, старшие в родах своих и старшие летами, имеют первый голос и место; за ними следует духовные, толкователи законов, а потом старшие в своих родах и старшие летами уздени. Прочие слушают и молчат. В важных случаях приглашаются также народные старшины от крестьянского сословия. Сии шумные собрания распускаются большею частью не положив ничего на мере» [13, 115].

Хотя С. М. Броневский называет данный институт «народным собранием», его же комментарий показывает, что он был сугубо классово-сословным.

Отмеченная С. Броневским роль духовенства в народных собраниях не характерна для первой половины XVIII в. Правильно заметила Е. Н. Кушева, что «в XVIII в. мусульманское духовенство было немногочисленно и не играло особой роли» [65, 115].

Хаса не была правомочна принимать решение без полного сбора и единогласия всех князей и их вассалов. Это своеобразное право вето часто срывало уже назревшие решения. Решение хасы обычно скреплялось персональной присягой всех взрослых князей и дворян. Лицо же, не присягнувшее, фактически ничем не было связано и могло действовать сообразно собственным взглядам. Зная об этом, представители Российской империи всегда добивались принятия решения хасой.

В 1753 г. кизлярский комендант хвастливо рапортовал в Коллегию иностранных

дел: «1-го числа сего месяца все владельцы и узденья обоих партей (Баксанской и Кашкатовской) по одному человеку з двора генерально присягнули в урочище Тохтомыш целованием курана» [1, ф. Кабардинские дела, 1753, д. 7, лл. 218–223].

Турецко-русское соперничество из-за Кабарды достигло большого накала к середине XVIII столетия. Обе стороны, скованные международными соглашениями, открыто не могли действовать, а только тайно пытались привлечь Кабарду на свою сторону. Последняя, лавируя между обеими империями, сохраняла независимость и самобытное внутреннее устройство. В поисках предлога для вторжения в Кабарду турецкая сторона в 1748 г. представила массу «фактов» нарушений кабардинцами условий Белградского трактата [1, ф. Кабардинские дела, 1753, д. 6, лл. 67–72]. Под прикрытием удовлетворения «справедливых» требований Порты, в 1753 г. Елизавета Петровна ввела войска в Кабарду [1, ф. Кабардинские дела, 1753, д. 2, лл. 16, 17, 25]. Острая внутрисословная борьба за власть среди кабардинских князей позволила России расчленить Большую Кабарду и ослабить более могущественный княжеский удел (Жамболатов).

Архивные материалы этого периода содержат ценные сведения о принципе единогласия большого и малого советов, которые созывались в то время часто для решения неотложных задач.

На основании письма российского канцлера графа А. Бестужева-Рюмина от 23 марта 1753 г. майоры Барковский и Татаров прибыли в Кабарду переселять Жамболатов удел в Кашкатау, а бесленеевцев вернуть Крыму [1, ф. Кабардинские дела, 1753, д. 1, лл. 4–9, 19–21]. Майоры угрожали поступить «оружейною рукою» в случае отказа [1, ф. Кабардинские дела, 1753, д. 7, л. 149].

Старший князь Жамболат Кайтукин для обсуждения ультиматума решил созвать хасу и попросил «для совета со владельцами и подвластными своими узденями дать срочное время» [1, ф. Кабардинские дела, 1753, д. 7, л. 149]. Кайтукину пришлось просить отложить обсуждение вопроса ввиду того, что отсутствовали некоторые князья и уорки, без которых он не был правомочен решить вопрос. Тем временем он созвал «малой совет» для предварительного обсуждения положения. На нем возникли разногласия между старшим князем и знатными узденями Кази Кочорокиным и Жамборой Кожокиным «и потому де совет ничему не пришел, а ждут большого совета», т. е. хасу, – передает очевидец [1, ф. Кабардинские дела, 1753, д. 7, лл. 149–150].

Эти скупые сообщения очевидца показывают компетенцию малого и большого советов. Во-первых, на малом совете предварительно обсуждались все вопросы и по неспорным принимались решения. Во-вторых, окончательное решение по всем вопросам принималось только на большом совете – хасе. Причем хаса не была правомочна принимать решения без полного сбора всех князей, узденей и их единогласия.

18 июня 1753 г. состоялся долгожданный большой совет. Как доносил об этом кизлярский комендант в Коллегию иностранных дел, на совете выявились большие разногласия между князьями Кайтукиными и Бекмурзиными. Первые предлагали в случае применения вооруженной силы русским отрядом для насильственного переселения в Кашкатау, – «всех перерубить… и уйти в горы», а со временем урегулировать отношения с Россией. Вторые хотели обойтись без жертв и советовали угнать всех коней русской команды и тем самым принудить ее уйти из Кабарды ни с чем,

«токмо де оной совет за несогласием владельцев Бекмурзиных детей с Кайтукиной фамилией… остался втуне» [1, ф. Кабардинские дела, 1753, д. 7, л. 220].

Как показывают источники, на протяжении всего исследуемого периода хаса оставалась самым действенным органом власти в Кабарде, где рассматривались важнейшие вопросы внутренней и внешней политики: объявление войны, заключение мира, отправка послов в соседние государства и др.

§ 2. Институт олиипш

Высшая исполнительная и распорядительная власть в стране была сосредоточена в руках старшего князя – олиипш, хотя она сильно ограничивалась полновластными удельными князьями. Олиипш или просто оли избирался хасой пожизненно. Избранным мог быть князь, «старший остальных годами». Ввиду этого выборы, в сущности, сводились к формальному узаконению традиционного права. Тем не менее избрание старшего князя было большим политическим событием в стране, вокруг которого разгоралась острая борьба, часто переходившая в открытое столкновение. К таким событиям не оставались равнодушными и соседние державы, заинтересованные иметь своего ставленника во главе Кабарды. Особенно острым было соперничество между Россией, с одной стороны, и Турцией, с ее вассалом – Крымским ханством, с другой.

Своекорыстные князья, подстрекаемые извне, затевали по всякому поводу ссору, чтобы устранить законного претендента на княжение. В подобных ситуациях, которые случались нередко, стороны прибегали к помощи извне, тем самым открывая путь чужеземцам для вторжения и вмешательства во внутренние дела родины. В борьбе за власть князья не придерживались твердой политической ориентации. Бывало так, что сугубо прорусски настроенные князья обращались за помощью в Крым, в своих корыстных целях.

Старшим князем избирался один из удельных князей. С этого времени его замок – «двор внутри каменной ограды» – становился резиденцией оли, как бы политическим центром всей Кабарды. Оли обладал сравнительно большими полномочиями. Так, князь мог послать «любого узденя по делам с наставлением как поступать» [69]. «Первостепенные узденья, где бы не находились, по извещению князя являются к нему для совета и находятся при нем столько, сколько ему, князю, угодно» [69]. А «беслан-уорки должны с каждого двора по одному всякий день находиться с князем верхом на собственной лошади и с своим оружием». Что же касается пшикеу, то «они служат ежедневно и безотлучно» [69].

Выезд старшего князя обставлялся пышно. В зависимости от цели и дальности поездки составлялась его свита. Но в любом случае, олиипша сопровождали кодз, представители тлекотлешей, дыженуго и княжеские телохранители [1, ф. Кабардинские дела, 1750, д. 8, л. 21–22].

Важнейшей доходной статьей казны старшего князя были подати с населения и всевозможные штрафы [69]. По свидетельству источников за сбором податей следил сам оли, хотя формально эта обязанность лежала на его бейголях.

По возвращении из Кабарды старшина Гребенского казачьего войска Макеев докладывал кизлярской администрации, что он не застал старшего князя Кабарды

Магомета Кургокина, «как сказывали, до моего приезда… он отбыл для взятия с подвластных своих подати» [1, ф. Кабардинские дела, 1760, д. 2, л. 33].

В адатах сказано, что «Князь получает дань со всех сословий, проживающих на его владении в размере двух голов овец в год с каждого двора» [69, 225].

Олиипш обладал правом взыскивать штрафы за провинности и уклонения от воинского долга с населения всей Кабарды. В журнале капитана Барковского за 1747 г. отмечены факты штрафования старшим князем Кабарды Батокой Бекмурзиным крестьян и узденей Мисостова удела за нарушения его приказа, не оказывать помощь беглым князьям [1, ф. Кабардинские дела, 1760, д. 3, л. 27]. В другом месте того же журнала читаем: «А на узденей владельцев Мисоусова детей штрафы кладут по одному, по два и по три ясырей с каждого двора» [1, ф. Кабардинские дела, 1747, д. 9, л. 45].

Эти штрафы по своим размерам часто гораздо больше, чем обычный сбор податей с княжеского домена.

К сожалению, архивные материалы не содержат других данных о характере пополнения княжеской казны. Остается открытым и вопрос: был ли олиипш облечен правом сбора податей с жителей Малой Кабарды или он ограничивался только Большой Кабардой.

Знатные уорки выбирали из своей среды кодза «къуэдз» – соправителя старшего князя. Влияние кодза в общекабардинских делах было значительным.

В отличие от оли, кодз правил непожизненно, но не ясно, по каким мотивам и по чьей инициативе происходили перевыборы кодза. Не выяснен и срок его полномочий. Как бы там ни было, кодз считался вторым лицом после оли. В остальном управленческий аппарат оли оставался прежним, т. е. он мало чем отличался от управленческого аппарата удельного княжества. Текущие дела оли решал при содействии кодза и «малого совета», а по более важным вопросам – созывал хасу.

Делопроизводство велось сугубо устно, если не считать писаря князя, который составлял деловые письма к главам и различным сановникам соседних держав. Сношения с соседними государствами поддерживались через «послов» и деловые отношения – листы, а изредка личными контактами самих оли. Переписка велась обычно на тюркском (татарском) языках и скреплялась личными печатями ведущих князей, а иногда прикладывали пальцы и знатные уздени.

Старшим князем Кабарды по 1709 г. был Кургоко Атажукин. При нем и под его руководством был разгромлен в 1705–1708 гг. крымский хан Каплан-гирей. С 1709-го по 1718 г. правил его двоюродный брат князь Хатохшука Мисостов [43, 15–17]. Он возглавил кубанский поход против Порты во время Русско-турецкой войны 1710–1711 гг. С 1718-го по 1732 г. княжил младший брат его Ислам-бек Мисостов. После Ислам-бека по адату право на княжение принадлежало Арслан-беку Кайтукину, но ввиду того, что он был изгнан, «Татархан-бек Бекмурзин сын определен по выбору всех кабардинских владельцов, по старшинству лет, по обычаям их, старшим владельцом на место умершего в нынешнем 1732 г. старшего владельца Ислам-бека Мисоусова» [43, 65].

В 1736 г. Татархан был смещен в связи с возвращением князя Арслан-бека Кайтукина в Кабарду, который возглавил участие кабардинцев в начавшейся русско-турецкой войне на стороне русских [43, 90–92; 1, ф. Кабардинские дела, 1736, д. 3,

л. 2]. В 1739 г. Кайтукин снова был изгнан из Кабарды, и место старшего князя занял Магомед Кургокин (1739–1746).

По смерти Арслан-бека Кайтукина (1746) вся Жамболатова фамилия возвратилась в Кабарду и по традиции, как старший годами, Батока Бекмурзин был избран олиипшем (1746–1749). При нем междоусобные распри обострились, сам Батока отличался суровостью [43, 140–142]. В итоге он бежал в Абазы в 1749 г., где и умер в 1753 г. В том же 1749 г. Жамболат Кайтукин по праву старшинства занял место старшего князя и был им до раздела Большой Кабарды в 1753 г. [1, ф. Кабардинские дела, 1749, д. 8, лл. 6–22].

§ 3. Суд и судопроизводство

Важным органом при олиипш был суд «хей» – «правый». Данные о судопроизводстве скудны, но имеющиеся сведения позволяют считать хей органом, призванным защищать интересы господствующего класса. Только представители последнего могли быть избраны судьями. Хей рассматривал все уголовные и более спорные гражданские дела. Судебное разбирательство происходило гласно и открыто. В доказательство требовались свидетельства двух лиц. При отсутствии улик присяга обвиняемого признавалась доказательством невиновности.

Прениям сторон отводилось большое место. Вместо вдов и сирот выступали ближайшие родственники, называемые очиль «уэчыл» (защитник). Приговор выносился устно, а стороны присягой заверяли соблюдать его, после чего приводилось решение в исполнение. Как правило, судоисполнителями являлись бейголи старшего князя. Смещение князя приводило к смене всего состава управленческого аппарата.

В 1747 г. князья Мисостовы бежали из Кабарды после провала на судебном разбирательстве. По этому поводу князь дал объяснение представителю России И. Барковскому, которое раскрывает картину судопроизводства. «Токмо как я, Кургокин сын Мухамед-бек… с владельцами Месоусовыми на суд вышел и между нами много было слов, а напоследок они не повинились суду и, по своей вине убоясь, в вашу сторону убежали» [1, ф. Кабардинские дела, 1747, д. 6, л. 47]. Лицо, не подчинившееся решению «хей», объявлялось вне закона, почему таковые покидали страну.

Как правило, спорные дела решались судом. Часто упоминаемые в русских источниках «грабежи» оказываются законными акциями. На упрек того же И. Барковского о разграблении имущества князей Мисостовых, старший князь Кабарды Батока Бекмурзин ответил: «Мы беспорядочно ничего не брали… а с народного суда добро свое взяли» [1, ф. Кабардинские дела, 1747, д. 6, лл. 55–56].

До 1753 г. во всей Кабарде высшим судебным органом был хей, учрежденный при старшем князе. Главным судьей считался сам оли. Состав членов суда выбирался на хасе и через определенный промежуток времени обновлялся.

После раздела Большой Кабарды в 1753 г. хей был преобразован в махкеме. Причем учредили два махкеме: в Кашкатау и Баксане. Во главе махкеме стоял удельный князь. Кроме него, выбирали 9 членов суда, которые через каждые 3 месяца переизбирались. Функцию секретаря выполнял эфенди [69].

Юридической основой судопроизводства служило обычное право (адат), которое стояло на страже классовых интересов феодалов и закрепляло социальное нера-

венство и угнетение одних другими [69, 223–285]. Меткое сравнение норм адата у кабардинцев сделал С. Броневский: «Дух законов тот же, что в Русской Правде, и каков был до XV в. во всей Европе» [13, 41]

Меры наказания (тейзир) были различны: общественное порицание «пуналат», которое выступало и как дополнительная мера наказания к лицам, совершившим тягостное, постыдное преступление, возмещение убытка, наложение штрафов, изгнание из страны – абрек (абрэдж) и т. д. Самой распространенной мерой наказания, однако, была система штрафования [1, ф. Кабардинские дела, 1747, д. 6, лл. 55–56].

Определение мер наказаний зависело не только от степени совершенного преступления, но и от социальной принадлежности ответчика и истца. Так, «за убийство узденем чагара семье убитого дает человека или отпущает его брата на волю», а за убийство простолюдином князя наказанию подвергалась вся семья убийцы: всех мужчин предавали смерти, женщин и детей продавали в рабство, а имущество его поступало к родственникам убитого, тогда как за такое же преступление, совершенное князем, суд ограничивался взысканием платы за кровь [69]. Один этот пример показывает выражено классовый характер суда. С другой стороны, сохранение институтов кровной мести, барамты, а также право мужа убить жену за измену свидетельствуют о слабости публичного права.

Наряду с государственным судебным органом «хей» в Кабарде действовали и обычаи (барамта и кровная месть), которые дублировали функции суда [40, 10–27; 8].

Барамта, надо полагать, сложилась в эпоху разложения родовых отношений и возникновения частной собственности как одно из средств ее охраны. Но она, пережив породивший ее базис, продолжала бытовать и при феодализме. В рассматриваемое время формально не было запрета прибегать к обычаю барамты, но фактически этим правом пользовались только феодалы. Князь брал барамту не только в защиту собственных интересов, но и за обиды его вассалов и подвластных [1, ф. Кабардинские дела, 1750, д. 9, л. 52]. Уорки, в свою очередь, посредством барамты защищали своих подвластных.

Эти факты свидетельствуют о трансформации первоначального статуса барамты в нормы феодального права. К барамте обращались в тех случаях, когда личность преступника не установлена, но имеются улики о его принадлежности к той или иной фамилии, деревне, даже народности, т. е. когда отсутствовал один из акторов судопроизводства – ответчик.

В подобных казусах пострадавшая сторона захватывала имущество одного из подозреваемых. При этом стремились заарестовать значительно больше стоимости потери.

Взятое в качестве барамты имущество подсчитывалось при понятых и сохранялось в неприкосновенности до разрешения конфликта, как залог. Лицо, у которого взята барамта, обязано было выступить в роли посредника между истцом и ответчиком. В противном случае вина падала на него, и оно теряло право на реквизированное имущество.

Считалось постыдным поступком выдавать преступника, чтобы избежать барамтования своего добра. Столь же зазорным было и поведение преступника, скрывавшегося от пострадавшего, чье имущество взято в залог. Виновник должен был возместить понесенный последним ущерб или через него удовлетворить претензии истца.

19 Заказ № 815

Кабардинцы прибегали к этой мере не только внутри своей страны. В 1746 г. брат известного общественного деятеля Казаноко Жабаги был убит и ограблен бжедугами. Казаноковы значились вассалами князей Кайтукиных. Последние оскорбились посягательством на жизнь и имущество их уорка. Но убийцы не были известны, а бжедуги не явились с повинной. Тогда Кайтукины снарядили отряд войск, с Эльбуздукой Канаматовичем во главе, который отогнал у бжедугов 40 лошадей в качестве барамты, после чего бжедуги прислали депутацию о замирении [1, ф. Кабардинские дела, д. 9, лл. 52–53].

Как видно, функции институтов барамты и кровной мести тесно переплетались, один дополнял другой, а если обстоятельства осложнялись, дело завершалось вмешательством общественности или суда.

Обычай кровной мести к тому времени претерпел также большие изменения и был проникнут классовым содержанием.

Убийство, как вид уголовного преступления, подлежало юрисдикции суда. Адатом строго регламентировались и размеры выкупов за убийство представителей всех сословий [69, 223–285]. Чем выше ранг убитого в социальной иерархии, тем дороже и выкуп за его кровь. Исключение составляли князья, кровь которых откупалась только кровью [26, 163–165].

Несмотря на это, дела по убийствам разбирались общественной властью.

Обычно убийца уходил каном к влиятельному лицу, которое обязано было способствовать замирению сторон. Положение кана-убийцы резко отличалось от положения кана-воспитанника. И тем не менее он пользовался правом неприкосновенности. Посягательство на его честь, жизнь и т. д. воспринималось покровителем как личное оскорбление. Это удерживало кровников от самосуда, а общественность сразу же назначала из почетных граждан двустороннюю комиссию – медиатр, на которую возлагалось решение данного вопроса. Таким образом, по делам убийства общественный суд дублировал официальный суд. Однако это положение касалось только убийства уорком уорка, или уорком простолюдина или же последним – равного себе. Князья же пользовались иммунитетом.

В 1731 г., во время очередного взрыва феодальной усобицы между княжескими уделами Большой Кабарды, погиб князь Канамат Кайтукин. С этого времени вся Жамболатова фамилия, к которой принадлежали Кайтукины, враждовала с князьями Мисостовыми и Атажукиными, которые тогда действовали солидарно. Даже вмешательства России и Крыма не помогли, и лишь в 1753 г., под давлением введенных в Кабарду русских войск, удалось добиться «не упоминать о крови Канамата» [1, ф. Кабардинские дела, 1753, д. 7, лл. 218–223].

Сохранение отмеченных обычаев и других пережитков патриархально-родового быта накладывало большое своеобразие не только на государственно-политическую систему, но и на весь общественно-политический строй Кабарды. И это подчас мешало многим путешественникам и исследователям увидеть сквозь толщу пережитков, с их своеобразием, феодальные порядки и органы политической власти.

Марксистско-ленинская теория государства не только не исключает возможность локальных особенностей, но и учит находить в многообразии форм и явлений сущность и содержание государства.

«Хейзжа» и «хей», несмотря на сохранение ряда дублирующих их функции обычаев,

были выраженно классово-политическими органами складывающегося феодального государства. В этом смысле большой интерес представляет и «Герб Кабардинской земли» *(см. прил. V)*.

Само наличие у Кабарды государственной эмблемы – факт, заслуживающий пристального внимания при рассмотрении ее политического строя. Она, прежде всего, – свидетельство определенного уровня политического самосознания господствующего класса и созданного им аппарата классового господства на данном этапе.

К сожалению, этот внешний атрибут государства вообще, в частности, Кабарды до сих пор не изучен. Не претендуя на всесторонний его анализ, хочется отметить его символичность *(см. прил. V)*.

Корона с крестом вверху герба явно показывает, что Кабарда находилась под эгидой Российской империи. Звезды и полумесяц, расположенные внутри его, символизируют, что она исповедует ислам и этим примыкает к Оттоманской Порте – главе мусульманского мира того времени. Стрелы – это знак княжеской власти.

Таким образом, композиция государственной эмблемы Кабарды с предельной ясностью отражала ее государственно-правовой статус. В то же время она выражала этническую, экономическую и политическую общность народа, достигшую уровня государственности.

§ 4. Вооруженная сила

Вооруженную силу Кабарды составляло ополчение пши-уорк всех уделов. Перед лицом внешней опасности зачастую уделы объединялись, как это было в 1705–1708, 1720, 1731 и во время Русско-турецкой войны 1735–1739 гг.

В военное время старший князь автоматически становился главнокомандующим войсками – дзепш, «дзэпщ». В тех случаях, когда он не мог командовать (чаще всего по возрасту), дзепш выбирался из князей с учетом его личных качеств. По окончании компании он складывал свои полномочия [40, 161–175]. По свидетельству ряда авторов, и после этого он продолжал пользоваться в стране особым почетом.

Касаясь особых полномочий дзепша во время войны, источники сообщают: «В поле он имеет власть казнить ослушников смертию без суда и разбора лиц, однако, воздерживается от таковой строгости относительно княжеских особ...» [13, 121].

Описывая тактику ведения боя, С. М. Броневский пишет: «Нападение делают кучами и врассыпную, но всегда с осторожностью против артиллерии. После первого выстрела, пущенного в меру, бросаются в сабли, преследуют, отступают и подобно парфянам заманивают неприятеля в засады чрез притворное бегство... и никакая легкая и тяжелая конница не может держаться против конницы черкесской» – заключает автор [13, 122].

По Броневскому, вооружение кабардинского воина состояло из сабли, пистолета, кинжала, лука, колчана со стрелами, ружья и панциря. «Сверх всего, – говорит он, – накидывают на себя бурку, ...чтобы левая рука его была закрыта, а правая рука и плечо были свободны. Трудно представить себе, чтоб воин, столько обремененный оружием, мог сохранить свободное действие в своих членах; однако, увидя черкеса верхом, нимало неприметно по ловкости его движений, чтобы сей богатырский наряд его беспокоил» [13, 103].

Основное ядро войска составляли уорки-дворяне. Освобожденные от производительного труда и домашних работ унаутами и крепостными, уорки посвящали все свое свободное время военным упражнениям. Благодаря постоянной тренировке, они не только овладевали военным искусством, но образовывали особую военную касту, которая удерживала в повиновении абсолютное большинство населения страны и отражала внешних врагов.

В материалах Коллегии иностранных дел России за 1748 г. говорится, что «владельцы их (т. е. кабардинские князья. – *Е. Н.*) при драках (т. е. сражениях. – *Е. Н.*) поступают весьма отважно. Кони у кабардинцев весьма легкие и проворные, и, одним словом, никакое нерегулярное войско с кабардинцами сражаться не может» [43, 158].

Некоторое представление о военной подготовке кабардинцев того времени дает С. Броневский, лично наблюдавший их жизнь. «Смелые наездники в Кабарде, – писал он, – приучают своих лошадей бросаться стремглав с утесов и с крутых берегов рек, не разбирая высоту оных. Сей отчаянный навык, подвергающий всякий раз жизнь седока вместе с лошадью видимой опасности, нередко спасает от опасности попасться в руки неприятеля…» [13, 147].

«Считается постыдным, – пишет Ф. И. Леонтович, – если партию (т. е. группу воинов. – *Е. Н.*) застают врасплох, если без боя отдали имущество, если у них отбили лошадей, если не вынесли тела убитых товарищей. Сдаваться в плен считалось верхом безславия и поэтому никогда не случалось, чтобы вооруженный черкесский дворянин сдался в плен…» [69, 181].

Вооруженная сила Кабарды, как и другие отмеченные выше институты, была классовым орудием, призванным защищать господство феодалов от внутренних и внешних врагов. Ее классовый характер хорошо вскрывает тот факт, что военные занятия были привилегией знати. У кабардинцев «не в обыкновении употреблять своих подданных на войне, – говорится в записке о Кабарде, – есть ли же когда их и употребляют, то в самой крайности, что бывало весьма редко, да и то токмо в пехотные полки, а не в конные, которые лично всегда они составляли сами» [43, 318]. Об этом же говорил и С. М. Броневский [13, 109].

Олиипш в обычное время располагал только своими телохранителями (пшичеу) и личными дворянами (беслан-уорк). В случае опасности он призывал к оружию всех князей, которые являлись со своими удельными войсками, а также вассалов из числа родовой аристократии (тлекотлеш и дыженуго). За уклонение от воинского долга он имел право налагать определенные взыскания.

В 60-х гг. XVIII в. адыго-крымские отношения резко были обострены. В связи с этим русская военная администрация на Кавказе усилила надзор за Кабардой. Посланный туда с разведывательной целью Ф. Черкасов 24 мая 1761 г. доносил в Кизляр: «Крымское войско приблизилось, и находиться у реки Лабы, от чего де кабардинские владельцы все имеют немалое опасение. И для того послан от него, Бамата (старшего князя Кабарды. – *Е. Н.*), дворецкой его во все баксанской… и кашкатовской партии владельцов жилища с приказанием, чтобы все уздени и протчей кабардинской народ оружейно выезжали …на Малк, а ежели кто не выедет сего 30-го числа в то собрание, то взято будет в штраф с каждого узденя по ясырю, а с протчего народа по два быка» [1, ф. Кабардинские дела, 1762, д. 3, л. 27]. Это положение хорошо демонстрирует власть оли в стране.

Как отмечено в предыдущем разделе, в особо опасных случаях мобилизовывали и войска вассально-зависимых народов. Источники содержат и факты, когда Кабарда вступала в военные союзы с закубанскими адыгами против Крыма [1, ф. Кабардинские дела, 1760, д. 2, л. 60–62].

Военные сборы внутри страны производились в очень сжатые сроки, что было важным преимуществом кабардинского войска. Магомет Атажукин в беседе с вице-канцлером России Остерманом в 1732 г. говорил: «Когда от них (князей. – *Е. Н.*) повестка военным людям учинитца, то в одне сутки все, со всякою готовностью, собратца могут» [43, 55].

Изложенная политическая система правления Кабарды содержит в себе основные атрибуты марксистско-ленинского понимания государства.

Известно, что главным условием возникновения государства является раскол общества на противоположные классы и, как следствие этого, классовая непримиримость.

«Государство возникает там, тогда и поскольку, – писал В. И. Ленин, – где, когда и поскольку классовые противоречия объективно не могут быть примиримыми» [68, т. 33, 7].

В феодальной Кабарде первой половины XVIII в., где абсолютное большинство населения было угнетаемо и эксплуатируемо социальной верхушкой пши-уорков, где существовал разительный социально-экономический контраст: от бесправного, бездомного холопа до могущественного феодала, владевшего 10–20 деревнями крепостных крестьян, тысячами овец и породистых лошадей, обширными угодьями земель, уже не могло не существовать классовой непримиримости, а следовательно, и объективных условий для возникновения государства.

Марксизм-ленинизм учит, что базис порождает соответствующую себе надстройку. Кабардинский феодализм исследуемого периода характеризуется, с одной стороны, наличием натурально-крепостнической системы хозяйства при господстве отработочной и продуктовой рент, а с другой – сохранением элементов дофеодальной формы эксплуатации. Соответственно с этим, и государство, возникшее на этой базе, было типично феодальным, окрашенным в специфический колорит, присущий породившему его базису. Сложившаяся в Кабарде публичная власть была орудием эксплуатации угнетенного класса, органом насилия меньшинства над большинством. Она держала в повиновении не только трудящихся своей страны, но еще успела навязать свою власть и некоторым соседним народам.

Ф. Энгельс, исследуя сущность государства, вскрыл ряд имманентных признаков государства. Важнейшими из них он считал, во-первых, «публичную власть, которая уже не совпадает просто-напросто с совокупностью вооруженного народа. Во-вторых, государство впервые разделило народ... по проживанию на одной территории» [76, т. 21, 114]. В-третьих, «сбор налогов, податей и т. д. для содержания особой, стоящей над обществом, общественной власти» [76, т. 21, 114–118; 68, т. 33, 12].

В предыдущем изложении показано, что Кабарда в исследуемый период занимала определенную территорию, что народ, населявший ее, был разделен на административные единицы – деревни, в которых уже господствовали феодальные отношения, а не родовые. Следовательно, один из признаков государства уже налицо.

Отмеченное привилегированное право кабардинских князей и их дворян состав-

лять вооруженную силу страны, наличие в их руках важного классового органа угнетения, какими были хейзжа, хей и хаса, а также институт олиипш с многочисленным отрядом бейголей, выполнявший административно-полицейские и другие функции, есть не что иное, как публичная власть, отделенная от массы народа, которую Ф. Энгельс считал «существенным признаком государства» [76, т. 21, 118].

Отсутствие бюрократического аппарата в государстве кабардинцев не меняет сути дела. По определению В. И. Ленина, «всякая бюрократия и по своему историческому происхождению, и по своему современному источнику, и по своему назначению представляет из себя чисто и исключительно буржуазное учреждение» [68, т. 1, 400].

Вполне понятно, что в феодальном государстве Кабарды первой половины XVIII в. ни о какой бюрократии не могло быть и речи.

Отмеченные факты сбора податей в пользу удельных князей, а также право олиипша взыскивать штрафы с населения всей Кабарды свидетельствуют о наличии третьего признака государства.

К. Маркс считал, что в эпоху феодализма политическая власть была атрибутом земельной собственности [76, т. 25, 426]. Эта особенность была характерной чертой и общественно-политического строя Кабарды. В исследуемый период в ней процесс оформления системы вассалитета-сюзеренитета был завершен. Каждый феодал, являясь вассалом по отношению к своему сеньору, в то же время был сеньором по отношению к своим вассалам. Над всей этой феодальной лестницей стоял старший князь – олиипш – носитель верховной власти.

Развитие феодального способа производства привело к господству натурально-замкнутого хозяйства. Как следствие этого страна распалась на относительно самостоятельные феодальные владения, которые превратились в сеньории со своей территорией, войском, судом, вассалами, подвластным населением и т. д.

Таким образом, рассмотренный государственно-политический строй Кабарды был типично феодальным, соответствующим периоду феодальной раздробленности. Но в рамках феодального типа государства могут образоваться различные формы правления (империя, королевство, княжество, республика), политического режима (абсолютизм, представительная организация сословий господствующего класса, демократия) и государственного устройства (централизованное, децентрализованное).

Иногда формы правления, политического режима и государственного устройства «причудливо переплетаются, образуя смешанные формы» [90, 118].

При всем этом многообразии тип феодального государства имеет свои отличительные черты, одной из которых является иерархическое строение публичной власти, что характерно и для Кабарды.

Образовавшееся в Кабарде государство по форме правления было княжеством, по политическому режиму – представительной организацией сословий господствующего класса (феодалов) в лице хасы, а по форме государственного устройства – децентрализованным с тенденцией к объединению (*см. прил. II* – схема административно-политического деления Кабарды в первой половине XVIII века).

Любая форма феодального типа государства зависит от степени развития породившего его базиса. Опираясь на марксистское положение о соответствии базиса и надстройки, следует сказать, что рассмотренный государственно-политический строй Кабарды мог возникнуть лишь на основе феодальных отношений.

Глава III

КАБАРДА В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

§ 1. Внутреннее и внешнее положение Кабарды в первой четверти XVIII века

Еще с середины XVI в. Кавказ сделался объектом захватнических устремлений крупнейших государств того времени – Персии, Турции и России. Кабарда, лежавшая на стыке трех держав-соперниц, вынуждена была вести сложную и гибкую внешнюю политику, чтобы сохранить себя как этнополитическую единицу.

Специфика персидско-турецкой экспансии определила политическую ориентацию кабардинцев в пользу России. В свою очередь, Россия не меньше была заинтересована в союзе с Кабардой. В целях укрепления обороны южных границ и упрочения своей позиции на Кавказе ей необходимо было втянуть Кабарду в орбиту своего влияния. Взаимозаинтересованность сторон подготовила почву акта добровольного присоединения Кабарды к России (1557). Но окончательного присоединения Кабарды к России тогда еще не произошло, и процесс этот продолжался на протяжении XVI–XVIII вв. [45] [60].

В третьей четверти XVII в. русское внимание было отвлечено от Кабарды затянувшейся русско-польской войной. Турция, выступавшая против воссоединения Украины с Россией, вынашивала план широких завоеваний, в котором Северному Кавказу отводилась роль плацдарма. Осуществлению этих замыслов препятствовала Кабарда, находившаяся под покровительством России и постоянно выступавшая на ее стороне. Чтобы положить конец этому, в 1672 г. (перед началом Русско-турецкой войны 1676–1681 гг.) крымские войска оккупировали Кабарду и обложили население ясаком [42, 131].

Вторжение крымцев, обычно сопровождавшееся массовым уводом людей в рабство, на этот раз сплотило прорусски настроенных князей, и началась жестокая борьба. Сторонник хана князь Хотохшука Казиев увел своих сторонников за Кубань. На помощь патриотам пришел влиятельный кабардинский князь Каспулат Муцалович, и Кабарда была очищена от чужеземцев.

Участившиеся дворцовые перевороты в Москве, неудачный поход в Крым, смерть Каспулата Муцаловича и другие причины практически прервали связь России с Кабардой в последней четверти XVII в. Несмотря на такую изоляцию Кабарды, попытка Крыма утвердиться в ней кончилась полным провалом.

Вспоминая об этом тяжелом периоде, кабардинцы писали Петру I в 1712 г., когда русско-кабардинские отношения вступили в новую фазу: «Известно буди, что мы прежде служили вам, великим государям… А когда крымские ханы с нами учинились в недружбе и в неприятельстве и тогда наша братья к вам… посыливали от себя посланцов з жалобою, что крымцы на нас нападают безвинно и от вашей стороны нас отбивают. И те посланцы ваши в те времена к вашему величеству не допускиваны и поворачиваны з дороги назад…» [43, 9].

Бывший в те годы главнокомандующим русских войск на Кавказе генерал-фельдмаршал В. В. Долгорукий, оценивая подвиг кабардинцев в борьбе против Крыма, писал: «напредь сего… они, кабардинцы, опасность и утеснение от крымцев имели, от которага ига они сами собою отвагой и трудом освободилися» [43, 40–41].

История Кабрды последней четверти XVII в. монографически не исследована и многое пока еще не ясно. Собственно, она выходит за рамки настоящей работы, но ввиду того что в книге Н. Г. Волковой некоторые события, имевшие место в XVII в. перенесены на начало XVIII в., более подробно остановимся на них [22].

Н. Г. Волкова, исследуя сообщения кабардинского посла Магомета Атажукина, данные им в 1732 г. в Коллегии иностранных дел России, приходит к выводу, что в 1711 г. крымский хан Шахбаз-Гирей переселил кабардинцев из Пятигорья на Кубань, но в том же году калмыцкий хан Аюка их освободил и перевел в Баксан. В частности, она пишет: «Магомет Атажукин сообщил, что когда кабардинские владельцы жили в Пятигорах от них в Крым ушел отец Эльмурзы Бековича – Бек-Мурза» «(который и сейчас живет в крепости Св. Креста)». Последний в 1711 г. вместе с крымским ханом Шахбаз-Гираем «приходил для взятия их, пятигорских владельцев, со всем владением». В связи с этим одни ушли в калмыцкие улусы к Аюк-хану, остальные в Кумыкию, а «подлый народ весь крымской Шахбаз-Гирай хан, взяв, отвез на Кубань…» Вскоре войско Аюк-хана, участвовавшее в Русско-турецкой войне 1711 г. на стороне России, перевело этих кабардинцев на р. Баксан» [22, 48].

Итак, по Волковой, во-первых, в 1732 г. в крепости Св. Креста находился Бек-Мурза – отец Эльмурзы Бековича-Черкасского.

Во-вторых, в 1711 г. названный Бек-Мурза вместе с крымским ханом Шахбаз-Гиреем переселил кабардинцев из Пятигорья на Кубань.

В-третьих, в том же году в ходе Русско-турецкой войны 1710–1711 гг. калмыцкий хан Аюка перевел кабардинцев из Кубани в Баксан.

Теперь обратимся к источнику, которым пользовалась Н. Г. Волкова. «Когда кабардинские владельцы, – говорится в нем, – жили в Пяти Горах и тогда ушел от них Эльмурза Бековича (который ныне обретается при крепости Святого Креста) отец Бек-Мурза в Крым, откуда приходил он, Бек-Мурза, с крымским Шахбаз-Гирей ханом для взятия их, пятигорских владельцов, со всем владением в Крым. И тогда оныя владельцы все ушли: одни в калмыцкие улусы к Аюке хану, а протчия в Кумыки; а подлой народ весь крымской Шахбаз-Гирей хан, взяв, отвез на Кубань, а потом и их, пятигорских владельцов, к себе на Кубань призывал. И оныя владельцы с совету калмыцкого Аюки-хана как от него, так и ис кумыков все на Кубань перешли. А сколько лет тамо жили он, Махомет-Бек, того не упомнит. Потом, как началась у России с турками и с крымцами война, в то время войско Аюки-хана калмыцкого, пришед на Кубань, оных пятигорских владельцов со всем их владением взяли и до Баксану препроводили» [43, 59].

Как видно из приведенного документа, по Атажукину, в крепости Св. Креста «обретается» не Бек-Мурза, а его сын Эльмурза Бекович [46]. Нет в нем и даты переселения кабардинцев из Пятигорья на Кубань. Указание же на хана Шабаз-Гирея настораживает, т. к. среди ханов, правивших Крымом в первой половине XVIII в. «Шахбаз-Гирей» не встречается.

Не помнит Атажукин и сколько лет кабардинцы пребывали на Кубани. Надо по-

лагать, что ему в 1732 г. было 30–35 лет [47]. Следовательно, он мог бы помнить это событие, если бы оно имело место в 1711 г., как утверждает Н. Г. Волкова.

Сошлемся теперь на официальную ноту правительства Анны Ивановны правительству султана Ахмета III от 8 августа 1731 г., в которой затронут этот вопрос.

Кабардинцы, говорится в ней, проживали «по Куме реке в урочище у Пяти Гор и потому… назывались пятигорские черкесы… При державе… царя Ивана Васильевича… употреблялись… в действах военских против турок и татар… потом чрез сильное на них нападение хана крымского Шахбас-Гирея со многими Крымскими и Кубанскими войска побраны все в плен и приведены были на Кубань… Однако ж… усмотря оныя удобный случай, с Кубани паки… перешли на их прежнее жилище к Пяти Горам. Но… Кубанцы чинили частыя и жестокия нападения… от которого беспокойства они, черкесы, перешли от Пяти Гор… к реке Баксану. И в то время были… знатные князья два брата, зовомыя Кабарды-беки, у которых… учинилась… ссора, от чего те черкесы разделились…» на Большую и Малую Кабарды [43, 43–45].

Переселение кабардинцев из Пятигорья на Кубань и обратно, а также переход на Баксан здесь отодвинуты далеко за петровскую эпоху, ко времени разделения пятигорских черкесов на Большую и Малую Кабарды. Хотя не со всеми положениями приведенной ноты можно согласиться, в данном пункте ей нельзя отказать в правдоподобности. Вообще, к такого рода сообщениям, а в особенности к заявлениям князей, следует более критически подходить. В них немало субъективности. Князья, враждуя между собой, часто чернили противную сторону, искажали события. Лишь долгие поиски и сопоставления ряда источников могут дать правильное решение.

В связи с этим небезынтересно ознакомиться с заявлением другого князя, Кайсына – родного сына Бек-Мурзы, об этом же событии.

«Наш отец, Бек-Мурза, – пишет он, – в верной услуге был прежних государей (т. е. русских. – *Е. Н.*), и сына своего Шалука, отдал для верности… в аманаты на Терек [48]. И тот Шалука, наш брат, был в аманатах многие лета и потом оного… отец наш сменил другим сыном… Девлет-Гиреем, которой по крещении звался князь Александр Бекович-Черкасский. И потом кабардинский владелец… Али-Султан, который был в подданстве крымского хана, разгласил… что отец наш, Бек-Мурза, с нами отдался в протекцию российскую и детей своих в аманаты отдает. И через оное разглашение и прошение крымской хан Саид-Гирей [49] с протчими владельцы, вооружась, военною рукою пришел в жилище наше и отца нашего убил и нас со всеми нашими деревнями до остатку разграбил. А после того разорения, видя, что оной Али-Султан… и оставших, нас, ищет умертвить, того ради принуждены были мы з братьями над ним и над его фамилиею искать способ отомстить кровь отца нашего, которому намерению улуча время, его, Али-Султана, з двумя братьями и четырьми сыновьями в один день мы убили до смерти…» [1, ф. Кабардинские дела, 1737, д. 9, лл. 2–3, 3 об.].

К сожалению, и в этом сообщении отсутствуют даты, но в нем подтекстно чувствуется, что описываемое событие имело место значительно раньше 1711 г. Во-первых, Бек-Мурза был убит, когда его сыну Девлет-Гирею исполнилось 7–8 лет. Последний крещен, назван Александром и взят Б.А. Голицыным на воспитание в возрасте 8 лет [18, 42, 235–237]. Во-вторых, Девлет-Гирей – Александр Бекович-Черкасский, как уполномоченный Петра I, участвовал в Кубанском сражении вместе с кабардинцами

в 1711 г. уже в чине капитана гвардии [43, 4–10]. В-четвертых, как будет подробнее показано, кабардинцы во время русско-турецкой войны 1710–1711 г. воевали на стороне России и выступили в поход именно из Баксана. В-пятых, калмыки в это время действовали в составе русского отряда под командованием Апраксина в районе Азова и не дошли до Кубани [43, 9].

В 1732 г. Коллегия иностранных дел запросила с мест сведения о кабардинцах. За неимением других источников, военная администрация крепости Св. Креста допросила Петра Татарова, Биймурзу Батырева, Акмурзу Шейдакова и др. [50]

Согласно показаниям последних, во время княжения Мисоста «Казыева сына» кабардинцы стали Крыму «давать ясырей… по десяти человек». Затем произошли разногласия между князьями, и князь Бек-Мурза, чей сын, Девлет-гирей, находился заложником в Терки, «убив двух владельцов», ушел в Крым. Оттуда он привел войска, которые «всех князей с их подвластными побрали в полон и перевели на Орб реку». Со временем кабардинцы возвратились в Пятигорье, но новая опасность нападения крымцев вынудила их переселиться «в крепкие места, в горы по реке Баксан… и в то время… знатные князья два брата… Кабарты-беки разделились с их подвластными и поселились порознь: большой брат Кабард – при реке Боксану, а меньшой Кабарт – при реке Терку. И с того времени… и поныне в том месте живут и никуда не сходили… а давно ль в нынешние жилища поселились, и по чьему определению или сами собою, подлинно не знают» [43, 64].

Здесь выясняются три важных обстоятельства:

1) раздел Кабарды на Большую и Малую произошел после переселения кабардинцев в Баксан;

2) со времени перехода в Баксан они «никуда не сходили»;

3) конфликт между Бек-Мурзой и другими князьями произошел в период княжения Мисоста, Казиева сына (деда М. Атажукина), который жил во второй половине XVII в.

Сопоставляя приведенные документы и факты с данными исследований Е. Н. Кушевой и Т. Х. Кумыкова, приходим к следующим выводам:

1. Баксан как часть владения князя Кази Пшеапшокова (прадеда М. Атажукина) встречается еще в источниках 1566–1567 гг. [42, 114]. Кабардинцы, действительно, жили в районе Пятигорья и назывались «пятигорские черкесы», но и тогда Баксан входил в их владения, как и район Пятигорья – в территорию Кабарды в XVIII в.

2. Переселение части князей из Пятигорья в Баксанское ущелье с последующим разделением Кабарды на Большую и Малую Е. Н. Кушева и Т. Х. Кумыков относят к концу XVI в., что представляется убедительным [42, 118].

3. Упоминаемое М. Атажукиным переселение кабардинцев на Кубань касается не всей Кабарды, что вообще маловероятно, а лишь удела Хатохшуки Казиева – брата его прадеда. В 1674 г. Хатохшука из-за разногласий внутри Кабарды перешел со своими подвластными на Кубань с намерением уйти в Крым. Но во время Русско-турецкой войны 1676–1681 гг. влиятельный кабардинский князь Каспулат Муцалович при поддержке калмыцких войск возвратил Хатохшуку в Баксан [42, 131]. По нашим подсчетам и убийство князя Бек-Мурзы могло произойти в эти годы.

Таким образом, указание Н. Г. Волковой на 1711 г. как на дату переселения кабардинцев из Пятигорья на Кубань, а оттуда на Баксан источниками не подтверждается.

Политическая обстановка на Кавказе к началу XVIII в. оставалась сложной и на-

пряженной. Позиции соперничавших сторон выглядели следующим образом. Армения, Азербайджан, Восточная Грузия и Дагестан находились в сфере влияния Персии; Западная Грузия, Абхазия и адыги, жившие в Причерноморье и в районе Кубанского бассейна, подпали под власть Порты. В Приазовье и Прикубанье кочевали подвластные Крыму ногайцы, так называемая Кубанская Орда, служившая опорой в экспансионистских планах Порты и Крыма.

Россия на Кавказе фактически была представлена небольшим Прикаспийским районом с укрепленным городком Терки и тремя станицами гребенских казаков, из которых в 1711 г. было образовано 5 станиц: Старогладковская, Новогладковская, Шадринская, Каргалинская и Червленная.

В XVIII веке Кавказская проблема приняла острый характер, вызвала ряд международных конфликтов и вооруженных столкновений. В этих событиях Кабарда занимала особое место в силу ее военно-стратегического, экономического и политического значения. Иначе говоря, не владея Кабардой, нельзя было решить Кавказскую проблему. Поэтому в стратегических планах держав, стремившихся овладеть Кавказом, Кабарде отводилось серьезное место.

К началу XVIII в. в соотношениях сил стран-соперниц произошли большие изменения. Тяжелый экономический и политический кризис вывел из борьбы Персию. Ослаблением последней решила воспользоваться Оттоманская Порта, т. е. вытеснить шаха из всех его кавказских владений, активизировать действия Крымского ханства на Кубани и на Кабардинской равнине сомкнуть кольцо окружения Кавказа. План султана встретил противодействие со стороны России, чьи экономические и политические интересы настоятельно требовали приобретения выхода к морям. Результаты кампании 1695–1696 гг. не могли удовлетворить Россию, пока Керчь и Еникале оставались в руках Порты.

Петр I задумал план создания общеевропейской коалиции против Турции, к которой он замыслил привлечь и кабардинцев. Хотя Петру I не удалось организовать антитурецкий военный блок, и стрелка внешнеполитического курса России резко повернула с юга на запад, район этот оставался напряженным. Появление русского флота на Азове, постройка нового военного порта Таганрога, превращение крепости Азов в губернский административный центр повышали политическую акцию России среди народов Северного Кавказа и, в первую очередь, среди кабардинцев. Уже к 1711 г. кабардинцы обратились к азовскому губернатору с предложением о совместных действиях против Крыма [55, 42].

Правительство султана, обеспокоенное активизацией внешней политики России на Юге, решило воспрепятствовать продвижению русских путем аннексии Кабарды. Эту миссию султан возложил на своего вассала – крымского хана.

Н. А. Смирнов правильно вскрыл суть этой кампании. «В целях укрепления на Северном Кавказе, – пишет он, – и создания угрозы Азову Турция разрешила в 1707 г. новому хану Каплан-гирею вторгнуться в Кабарду» [99, 58].

Непосредственным поводом к походу против Кабарды послужил отказ последней выдать в честь восшествия нового хана на престол 3000 юношей и девушек.

Как свидетельствуют дореволюционные и советские кавказоведы, в этом походе хан жестоко был разгромлен кабардинцами, а по словам турецкого историка Рашида эфенди «Никогда не слыхано было такого их избиения» [99, 59].

Позже в официальном Листе кабардинцы писали императрице Анне Ивановне: «на владение наше Каплан-Гирей хан со многочисленным войском своим для завоевания владения нашего приходил, но божиим изволением войско его разбито и бесчисленно много побито, которое войско само на нас напало, а не мы на них» [43, 45].

Победа над Крымом в 1707–1708 гг. была важным событием в борьбе кабардинцев за свою независимость. Она сорвала план Оттоманской Порты обогнуть Кавказ с Севера и подойти вплотную к Дагестану. Однако эта победа не дала, да и не могла дать полную свободу кабардинцам. Напротив, как будет показано ниже, в течение всего последующего десятилетия крымская сторона пыталась взять реванш за это поражение.

Сознавая серьезность создавшегося положения, кабардинцы стремились возобновить временно прерванную связь с Россией и найти защиту под ее эгидой. Об этом писали князья Большой Кабарды Александру Бековичу-Черкасскому, малокабардинские князья – их племяннику грузинскому царевичу Арчилу Вахтанговичу. Писала и сама мать Александра Бековича-Черкасского [43, 4–5].

Неудачи русских в начале Северной войны (1700–1721), поражение союзника Петра I польского короля и оккупация Украины шведами в Порте расценили как благоприятную конъюнктуру для активизации своей внешней политики. Султан Ахмед III (1703–1730) вступил в тайные сношения с Карлом XII. Но жестокий разгром шведов русскими под Полтавой (1709) расстроил планы турок.

Карл XII укрылся во владениях Порты с остатками разбитого войска и украинскими изменниками. Требование Петра I выслать шведов и выдать украинцев было отклонено. Вокруг этого вопроса разгорелась острая политическая и дипломатическая борьба. Наконец, Турция, подстрекаемая западной дипломатией и самим Карлом XII, объявила войну России 20 ноября 1710 г. Она подтянула к Молдавии более 200 тысяч турок, татар и ногайцев помимо дислоцированной на Кубани группы, которой было поручено разграбить южнорусские области и станицы на Дону.

В условиях войны со Швецией русские не могли оголять западный фронт. Петр I выставил против турок лишь 38 тысяч 246 человек.

Кубанская группировка войск противника, угрожающая русским городам и деревням, а также тылу наступающих русских войск, представляла серьезную опасность. Поэтому было решено послать на Кубанский участок 9-тысячное войско под командованием П. М. Апраксина, придав ему до 20 тысяч калмыков. И все же положение России, имевшей три открытых фронта, оставалось напряженным.

Со времени разгрома хана Каплан-Гирея Кабарда находилась под угрозой вторжения татар в ее пределы. Ввиду этой опасности она добивалась возобновления союза с Россией. В правительственных кругах Москвы было известно об обстоятельствах в Кабарде. Петровская дипломатия сочла возможным предложить Кабарде покровительство России и вовлечь ее в начавшуюся войну, и тем самым создать ударную силу в тылу врага, чтобы зажать с двух сторон войска противника, дислоцированные на Кубани. С такой сложной миссией был уполномочен в Кабарду Александр Бекович-Черкасский (Давлет-Гирей Бекмурзович Жамболатов) в 1711 г. [43, 4–5].

Идея присоединения к России была тогда популярной в Кабарде, а борьба против Крыма обоюдовыгодной. Поэтому А. Б. Черкасский блестяще справился со своей миссией: Кабарда немедленно вступила в войну на стороне России, признав покровительство последней [43, 4–5].

Примечателен документ, которым был снабжен уполномоченный царя. В грамоте Петра I кабардинскому народу, датируемой 4 марта 1711 г., были изложены договорные начала предлагаемого им союза:

1. Принять Кабарду в состав России на правах отдельного княжества по образцу Калмыцкого ханства.

2. Оказать военную помощь кабардинцам в необходимых случаях «для обороны и защиты» страны.

3. «Никаких налогов и податей не требовать».

4. Погодное жалование князьям.

5. Кабардинцам соблюдать верность России и нести пограничную службу.

6. В войну против Порты немедленно вступить и «показать ныне службу и верность против салтана турского и хана Крымского» [43, 3].

С. К. Бушуев дал меткое определение политике Петра I в отношении Кабарды. «Петровская дипломатия, – писал он, – ставила задачу: парализовать турецкое влияние в Кабарде и консолидировать ее, как государственную единицу в составе России» [19, 79].

Содержание выше отмеченной грамоты Петра I подтверждает эту мысль. Условия предлагаемого Россией союза отвечали нуждам и чаяниям кабардинцев. Только этим можно объяснить то единодушие, с каким они признали покровительство России и выступили в поход.

Военные действия на Кубани начались в августе 1711 г. Отряд Апраксина нанес удар противнику с севера, а во фланг ему с востока ударили кабардинцы. 30 августа 1711 г. отборный 15-тысячный корпус крымского нуредина [51] был разбит кабардинцами и обращен в бегство [43, 8–10]. В этом бою, помимо убитых и взятых в плен, большое число противника погибло в реке, а победителям достались значительные трофеи [43, 6].

В тот же день, прямо с берегов Кубани, А. Б. Черкасский послал гонцов в Петербург: Султан-Али Абашева [52], Арзамаса Акартова и Куреева с вестью об одержанной победе. Они с честью были приняты Сенатом и переправлены в Ставку Петра I [43, 7].

Вскоре и сам Черкасский был отозван. Вместе с ним поехало в Петербург кабардинское посольство из 17 человек с Батыр-Мурзой Выковым во главе [43, 7–8].

Посол был снабжен официальным листом за подписью олиипша Хатохшуки Мисостова и удельных князей.

В листе говорилось: «Крымцы по вся годы многим собранием войском своим нас бивали, а мы перед ними за собою отнюдь вины не знаем, и не их холопы; только насилием своим и обидами хотят нас привесть под свое владение, и в том нам от них зело трудно... А ныне и наипаче нас хотят разорить и погубить, что мы поддались служить вам, великому государю христианскому, и что на них ходили войною и в том вельми нас ставят пуще прежнего недругами… Мы все, кабардинские князи, присягу и клятву дали истинно… быть в подданстве и… служить всегда вам…» [43, 8–10].

Сознавая предстоящую опасность, кабардинцы просили Петра I оказать военную помощь на случай нападения Крыма, как обещано в Грамоте от 4 марта 1711 г. [43, 8–10].

Петр I высоко оценил результаты кубанской операции кабардинцев, наградил всех членов посольства денежными премиями, послал князьям ценные подарки мехами,

тканями и 5 000 р. денег. В Грамоте, адресованной кабардинским князьям, царь вновь подтвердил гарантии, данные им от 4 марта 1711 г.

Возвращаясь к событиям на Кубани, следует заметить, что обе части, действовавшие на этом фронте (отряд Апраксина и кабардинские войска), не закрепили завоеванных позиций и дали противнику уйти. Апраксин не пошел на соединение с кабардинцами, как было условлено, а кабардинцы, дожидаясь приказа Апраксина, не стали преследовать противника.

Однако нельзя винить в случившемся и Апраксина. Важные события, происшедшие на главном театре войны, парализовали его действия. В то время, когда кабардинцы и русские дрались на Кубани, исход войны был уже предрешен на р. Прут, почему Апраксин и покинул поле боя, а вскоре был отозван и Черкасский.

Главные силы русских войск в надежде заставить султана запросить мир вклинились слишком далеко вглубь владений Порты. 9 июля 1711 г. турецкие войска, превосходившие русских в пять раз, внезапно окружили их, среди которых был и Петр I с женой. У осажденных не было запасов провианта и фуража. В таких тяжелых условиях начались переговоры о мире.

В течение 12–14 июля был разработан и поспешно подписан Прутский мирный договор, по которому Россия шла на большие жертвы, вплоть до ликвидации русского флота и возвращения Азова Турции.

Кабарда, воевавшая на стороне России, не была упомянута в Прутском договоре. Это осложнило и без того шаткое ее положение. Теперь Россия ни юридически, ни фактически не могла выполнить взятые на себя обязательства перед Кабардой, не рискуя ввязаться снова в войну с Портой.

Таким образом, Прутский мир сковал политику России на Кавказе, изолировал Кабарду и развязал руки Порте.

Второе десятилетие XVIII в. отмечено усилением агрессии крымских ханов, которым удалось, играя на религиозных чувствах горцев, натравить кумыков, чеченцев, закубанских адыгов и ногайцев на кабардинцев за их участие в войне против мусульман [43, 13].

Кабардинцы, теснимые с разных сторон, просили Петра I «быть непременно в своем обещании» и защитить их [43, 16].

Многочисленные письма кабардинских князей послевоенного периода, обращенные к Петру I и другим русским сановникам с просьбой о помощи, говорят о чрезвычайном положении страны в связи с усилившейся агрессией Крыма [43, 13–22].

Вскоре после кубанского сражения в Кабарду прибыли турецкие послы с султанским фирманом. «Кабардинские владельцы – черкесския князи, – говорилось в нем, – чего ради вы, московского государя войску пристав, наших поданных, кубанских жителей, разорили и войска их разбили?.. Для чего на своего государя и на веру свою руки подняли? Ныне вы придите и принесите повинную, и отпуститца ваше прегрешение и не разоритеся до конца и во всякой будете милости. А буде того не учините и в нашей воли не будите, – князей ваших и узденей ни едино из вас не спасетеся» [43, 13].

Кабардинцы лаконично и высокомерно ответили им: «мы издавна у русских царей в подданстве, а вам до нас нет дела» [43, 13].

Столь категоричный ответ кабардинцев, безусловно, был продиктован надеждой

на поддержку России. Но турецкая сторона знала, что русскому царю в данный момент не до кабардинцев.

В течение 1712–1713 гг. крымские войска дважды подходили к Кабарде, но были отбиты [43, 13]. Тогда созрел более коварный план: образовать коалицию из мусульман Северного Кавказа и без потерь чужими руками решить задачу. Были пущены в ход пропагандистские и денежные средства. Турецкие послы «чрез горы трудным путем» пробрались к кумыцким князьям, сумели склонить на свою сторону эндерийского князя Султан Мамута и Адиль-Гирея Тарковского, «чтоб оныя… и других тамошних владельцев призвали… и дана им… немалая дача и впредь обещают давать повсягодно» [43, 11].

Подстрекаемый турецкой пропагандой, Султан Мамут с войском подошел к Кабарде, требуя покорения хану и султану [43, 11].

«Извольте сами рассудить, – писали кабардинцы А. Б. Черкасскому, – со обоих сторон неприятели: с крымской стороны имеют на нас великое сердце… а с сей стороны (т. е. кумыков. – *Е. Н.*) …хотят нас весьма отлучить от вас и соединиться с крымцами, что б страну нашу, даже до персицкой границы привесть султану турскому» [43, 13].

Предвидя возможные последствия подобной акции, кабардинцы писали А. Б. Черкасскому: «ежели здешней край будит в едином намерении, могут действие показать сильное. Не допусти бог сего, а то не бес труда будет и вам» [43, 11].

Тревожные вести из Кабарды обсуждались в правительственных кругах России, принимались и кое-какие меры предотвращения нападений кумыков, но положение Кабарды по-прежнему оставалось трудным [43, 14–15].

Появилась и третья враждебная сила. Сыновья свергнутого хана во главе с Бахты-Гирей-Дели-Салтаном собрали внушительную орду из ногайцев, калмыков и части закубанских адыгов [43, 19]. Так называемая Бахты-гиреева Орда, расположившаяся непосредственно у границ Кабарды, представляла большую опасность.

В декабре 1717 г. кабардинцы уполномочили Султан-Али Абашева к Петру I. Абашеву, как особо доверенному лицу, поручили вести переговоры по всем вопросам, но в официальной бумаге [53], адресованной Петру I, авторы ее акцентировали свое внимание на трех пунктах.

1. Регулярная выдача «погодного жалованья» князьям, как обещано в грамоте от 4 марта 1711 г.

2. Беглых «наших рабов и слуг не крестить и крещенных нам возвратить».

3. Согласно договору 1711 г. оказать военную помощь.

«Султаны нам грозят, – говорилось в последнем пункте, – прибить и… всех нас погубить… Ежели весною нам не прислано будет войск, то наши земли и юрты весьма разорены будут до основания» [43, 15–16].

Судя по ответной грамоте Петра I, по первому пункту князья были удовлетворены. На второй – был дан весьма уклончивый ответ: «по нашему христианскому закону никому из иноверных… и просящих крещения, отказывать невозможно… А которыи уходить будут, своровав что у вас, а не для восприятия нашей веры, и те будут вам отданы» – говорилось в нем [43, 17].

Относительно третьей просьбы царь снова заверил кабардинцев «войсками… против набегов кубанских и иных татар вспомогать», но практически ничего не было предпринято [43, 17].

Тем временем кольцо окружения вокруг Кабарды сужалось. Хан готовил крупный поход, чтобы покончить раз и навсегда с непокорной Кабардой, препятствующей осуществлению захвата Северного Кавказа. Осведомленные о планах Крыма, кабардинцы в январе 1719 г. отправили нарочных в Петербург: Дугучея Тугланова с Канбулатом.

В листе кабардинцы писали Петру I: «состояние наше зело злотрудное... весь Крым, переехав море, и все кубанцы и ногайцы и беги их ...желая на нас напасть, скоростию едут... Ежели нас оборонить намерены, то прикажите прислать нам помощь» [43, 20].

Но и на этот раз Россия воздержалась от прямых шагов для вмешательства в кабардино-турецкие отношения, хотя в ответной грамоте царя говорилось: «по нашему, великого государя, указу послана наша... грамота к казанскому... губернатору Петру Самойловичу Салтыкову; велено ему в нужном случае вам от нашествия... крымских и кубанских и татарских орд вспоможение чинить и до разорения не допускать» [43, 22].

Политика России на Кавказе в тот период определялась необходимостью поддержать мир на юге, пока идет война на севере. Вместе с тем Россия не хотела уступать Кабарду.

Отсутствие у России юридических прав открыто заступиться за Кабарду, серьезные цели, преследуемые Петром I на юге, и, наконец, долг – выполнить взятые на себя обязательства по отношению к Кабарде – толкали русскую дипломатию на сложную и двойную игру [43, 17].

Кабардинцы, рассчитывая на помощь могущественной державы, проявляли удивительную стойкость, отбиваясь поочередно от ногайцев, кумыков, калмыков и других сторонников Крыма.

Весной 1720 г. хан Саадат-Гирей высадился на побережье Кавказа. Он присоединил к своим войскам ногайцев, некрасовцев, некоторых адыгских князей и расположился лагерем у границ Кабарды с 40-тысячным войском [1, ф. Кабардинские дела, 1720, д. 1, л. 96].

Хан предъявил Кабарде следующий ультиматум:

1) возобновить плату дани Крыму, признав себя подданной Порты Оттоманской;

2) выдать «4000 ясырей за безчестие прежнего хана, разбитого в Кабарде» [54];

3) заплатить за все военные трофеи, захваченные у крымцев [1, ф. Кабардинские дела, 1720, д. 1, л. 96].

Ханский ультиматум был обсужден на Большом Совете (Хаса) князей и уорков с участием старшин «черного народа», где после горячих дебатов было принято компромиссное решение:

1) согласиться на возобновление платы дани Крыму;

2) выдать «за безчестие хана 1000 ясырей»;

3) «не переходить границу Кабарды – реку Кубань. А ежели пойдет к их жилищам, то ничего не дадут, только будут борониться, пока живота их станет» [1, ф. Кабардинские дела, 1720, д. 1, л. 96].

Хан арестовал послов с «дерзким» ответом и двинул свои войска через Кубань. Князья Мисостовы и Атажукины со старшим князем Кабарды Ислам-беком Мисостовым капитулировали, а князья Жамболатова удела со своими уорками и крестьянами укрылись в Кашка-тау.

Отклонение советом части требований Крыма возмутило ханского сына Салих-Гирея, который находился у князей Мисостовых для изучения кабардинского языка [43, 25].

Салих-Гирей организовал заговор против прорусски настроенных князей с Арсланом-беком Кайтукиным во главе. Заговор был раскрыт, Жамболатовы спаслись бегством «в крепчайшие места в урочище Кашкатав», где укрылись «в городе, называемом Черек. А достальные владельцы» с Исламом-беком Мисостовым остались в урочище «Казалбурунах при Аксане» (т. е. Баксане. – *Е. Н.*) [1, ф. Кабардинские дела, 1720, д. 1, л. 96.].

Так, в 1720 г. произошел раскол Большой Кабарды на две враждебные группировки (по русской терминологии, Баксанской и Кашкатаусской партии)[55].

Войска хана оккупировали Кабарду и обложили население ясаком: хлебом, скотом, лошадьми и людьми – «со всякого двора по ясырю». Имущество непокорившихся князей, уорков и их крестьян было разграблено. «Конские и животные стада их отогнали. И хлеб на корню и сено в стогах сожгли. И жилища их разорили» [43, 23–30].

Как повествует очевидец, «кабардинские князья, видя их тяжкое великое разорение и свое бессилие, со всеми своими людьми уступили в горы, в крепкие места», решив «биться, пока живота их не станет» [1, ф. Кабардинские дела, 1720, д. 1, лл. 2–3].

4 декабря 1720 г. Иван Кикин доносил в Коллегию иностранных дел, что «князь Арслан-бек з братьями ему (хану. – *Е. Н.*) не покорились и недавно убили четырех человек, присланных от хана, янычай (т. е. янычар. – *Е. Н.*) и скотину, которую гнали к хану з Кабарды, несколько тысяч овец и коров – все отбил и взял к себе» [1, ф. Кабардинские дела, 1720, д. 1, лл. 76–77].

Мы не располагаем подробными данными о форме и силе сопротивления кабардинцев войскам хана. Из отрывочных сведений видно, что партизанская борьба народных масс, которую возглавил князь Арслан-бек Кайтукин, вынудила противника покинуть страну.

Несмотря на развернувшуюся борьбу с захватчиками, у Кашкатауской группировки не было достаточной силы для полного разгрома противника. Поэтому А. Кайтукин послал гонцов к донским казакам и калмыкам, прося подкрепления [Там же]. Одновременно он отправил с нарочным письмо к Петру I, в котором просил оказать помощь согласно договору 1711 г. В том же письме было предложено построить военную крепость на территории Кабарды с артиллерией и гарнизоном русских войск для установления коммуникации и координации сил с Россией [43, 29].

21 декабря 1720 года по именному Указу Петра I астраханскому губернатору Волынскому было предписано:

1) «послать к ним (кабардинцам. – *Е. Н.*) на вспоможение и оборону донских и других казаков сколько сот человек пристойно будет», запретив им выходить за пределы Кабарды, «дабы тем не подать туркам притчины к нарушению… мирных трактатов» [43, 30–31];

2) предложение кабардинцев «о строении близ Терка фортеции и о том учинить по… особливому от его величества самого указу; и

3) «их пахотные люди… отдать им паки» [Там же, с. 30, 31].

Однако, пока предписания царя реализовывались на месте, в Кабарде события развернулись иначе.

Хан, осведомившись об обращении князя к России, поспешил покончить с ним до прибытия помощи извне. Он обложил проходы к городку Кашка-тау и потребовал сдачи, но не добился успеха, однако положение осажденных оставалось тяжелым.

Пребывание крымцев в Кабарде усилило антирусские настроения среди феодалов других народов Северного Кавказа. Участились пограничные инциденты с русскими поселениями. Одновременно они угрожали и Кабарде. Для локализации этих конфликтов по предписанию астраханского губернатора весной 1721 г. к кумыкам и чеченцам шел отряд донских казаков. Чтобы обезопасить себя с востока, Арслан-бек со своей «партией» участвовал в этом походе. На обратном пути казаки вместе с Арслан-беком совершили нападение на ногайцев и перешедших к хану кабардинцев [1, ф. Кабардинские дела, 1721, д. 1, лл. 3–4; 99, 372].

Кратковременное пребывание русского войска в лагере Арслан-бека сыграло положительную роль. Оно поколебало позицию старшего князя, который присоединился к Кайтукину и изменил хану. В лагере хана остались только Атажукины (Кургокины дети), сильно пострадавшие от нападения казаков и войска Арслан-бека.

В результате, хан вынужден был увести свои войска за Кубань, но при этом угнал с собой «600 человек ясырей... и несколько тысяч лошадей...» [1, ф. Сношения России с Персией, 1722, оп. 77/1, д. 6, л. 23].

Астраханский губернатор по поводу этой победы кабардинцев доносил в Военную Коллегию: «уведомился я от терского каменданта о кабардинцах, что князья их, согласясь между с собою, побили крымцев, которые в Кабарде были, и взяли в полон пятьдесят человек, а салтана, крымского хана сын, от них ушел и чтоб на них, кабардинцев, за оное и сам хан крымской еще не пошол, просят помощи» [1, ф. Кабардинские дела, 1721, д. 2, л. 1].

Изгнание хана еще не означало полной победы. Крымские войска стояли у границ Кабарды, готовые при удобном случае напасть. Не было спокойно и внутри страны. Сильные князья Атажукины держали сторону Крыма. Поэтому А. Кайтукин продолжал просить Петра I помочь им. В одном из писем он сообщал: «от татарских народов уже весьма в великих нуждах пребывая сердца наши окровели, сидя чрез три года в осаде. Хотя вы оба великие государи (т. е. султан и царь. – *Е. Н.*) имеете мирное успокоение, однако ж татарские народы нас зело теснят и обижают, отчего в конечное разорение пришли, ожидая помощи от вашего величества» [43, 35]

Победоносное окончание Северной войны изменило внешнеполитический курс России. На очередь стала южная проблема. 16 мая 1721 г. Сенат обсудил положение Кабарды [1, ф. Кабардинские дела, 1721, д. 2, л. 1]. Из представленных сведений с мест выяснилось, что Терская крепость не в состоянии оказать помощь кабардинцам. В рапорте коменданта этой крепости, представленном Сенату, говорилось: «Его царское величество повелел их, кабардинцев, охранять, а малые войска послать трудно, чтоб напрасно не потерять. К тому же и себя защищать потребно понеже... кумыки непрестанно чинят набеги» [Там же].

Уступать Кабарду Турции Россия не могла. Поэтому предложение князя А. Кайтукина о постройке военной крепости в Кабарде было принято. Об этом же просил и грузинский царевич Вахтанг. Он считал одним из условий успешной борьбы с шахом и сближения России с Грузией постройку крепости на территории Кабарды [100, 371].

Исходя из этих соображений, было решено, согласно именному указу царя, отправить войска в Кабарду под командованием астраханского губернатора, полковника А. Волынского.

Осенью 1721 года губернатор с отрядом казаков и калмыков прибыл в Терский

городок. Кашкатауская партия восторженно встретила русского сановника, надеясь при его помощи расправиться со своими противниками – князьями Атажукиными. Последние отказались от встреч с представителями России, требуя сначала удовлетворения «от казаков за причиненные им разорения». Старший князь Кабарды Ислам-бек Мисостов со свитой приехал к Волынскому, принес свои извинения за вынужденный переход к хану и заверил присягой соблюдать верность России [43, 34–35].

Поскольку захватчики были изгнаны из Кабарды, задача полковника менялась. Теперь следовало примирить враждующие стороны и восстановить русское влияние в стране. Поэтому он отказал Арслан-беку Кайтукину в подкреплении против крымцев и Атажукиных. Волынский организовал переговоры главы Кашкатауской «партии» со старшим князем Кабарды [1, ф. Сношения России с Персией, 1722, оп. 77/1, д. 6, л. 23].

«Имея между собою Арслан-бек и Ислам-бек многократные при мне конференции, напоследок примирились на том, чтоб им быть по прежнему неотступно под протекцией е.и.в. и между собою войны никогда не иметь и неприятелей в Кабарду никаких не вводить и на том добровольно присягали...», – сообщил Петру I Волынский [Там же].

Действительно все княжеские уделы Большой Кабарды и Малой Кабарды, кроме Атажукина, примирились и во главе со старшим князем Ислам-беком Мисостовым вся Кабарда признала покровительство России. Но возникло одно затруднение. Со времени крещения кабардинского аманата Девлет-Гирея Бековича в Терской крепости не было заложников.

Ислам-бек Мисостов привез в качестве такового племянника своего, но Волынскому хотелось для большей гарантии взять аманатом сына старшего князя. Поэтому губернатор уговорил Ислам-бека публично заявить остальным князьям, что он из крепости Терека не уедет, пока не прибудет в качестве аманата один из его сыновей [1, ф. Сношения России с Персией, 1722, оп. 27/1, д. 6, л. 23]. Фактически князь был арестован.

Наконец, Волынский изучил вопрос о построении военной крепости в Кабарде, нашел это предложение целесообразным и 5 декабря 1721 г. рапортовал императору: «Итако, вся Кабарда ныне видится под рукою Вашего Величества» [100, 375].

Деятельность Волынского в Кабарде вызывала бурную реакцию в Крыму и Константинополе. В пространной реляции хан донес султану о вмешательстве русских в дела «подвластных ханам крымским кабардинцов» и потребовал немедленно сделать представление об этом царю. Особую тревогу вызывало строительство военной крепости [1, ф. Кабардинские дела, 1722, д. 6, л. 2].

19 января 1722 г. русский резидент в Константинополе И. И. Неплюев донес своему правительству заявление верховного визиря Порты о жалобах крымского хана на вмешательство России в дела кабардинцев [1, ф. Кабардинские дела, 1722, д. 1, лл. 1–7].

Хан Саадат-Гирей писал султану: «Аслан-бей (т. е. Арслан-бек Кайтукин. – *Е. Н.*) по своей фальшивой фантазии не токмо против нас восстал и злое намерение восприял... отлучить народ... кабардинской от татарской... но еще наипаче пакушается построить новыя фортецы в местех... Чорлат, Татардипп и Карагач. И чрез такие

новые фортеции обещает привесть в послушные царю московскому ногайцев и черкесов... чем оной Аслан-бей замышляет учинить московскую коммуникацию с Черным морем» [1, ф. Кабардинские дела, 1722, д. 1, лл. 1–7].

Через своего посла Миралема Кападжи Мустафа-пашу Порта передала ноту протеста от 13 марта 1722 г. Петру I, примерно такого же содержания [Там же]. В этих документах подчеркнута претензия Турции на Кабарду. «Известно есть, – говорилось в заявлении визиря, – что за двести лет до сего времени народ кабардинский пребывает подчинен ханам крымским...» [1, ф. Кабардинские дела, 1722, д. 6, л. 2].

Поэтому Порта потребовала: 1) запретить казакам и калмыкам «чинить на наших подданных кабардинцев обиды и нападения»; 2) никаких укреплений и крепостей на территории Кабарды не строить и чтобы «помянутому Аслан-бею (Арслан-беку. – *Е. Н.*) не помогали и сикурса не чинили...»; 3) «чтоб офицер московской в Карагаче (т. е. А. Волынский. – *Е. Н.*)... не вступал в дела народов кабардинских, понеже они подданные хану крымскому» и не требовал аманатов; 4) немедленно и безоговорочно старшего князя Кабарды Ислам-бека, «взятого за арест и содержащегося в Астрахани», освободить [1, ф. Сношения России с Персией, 1723, д. 8, лл. 1–2].

Петр I ответил султану грамотой от 20 марта 1722 г., в которой, не оспаривая принадлежность Кабарды Крыму, в мягких и дружеских тонах опроверг все пункты турецкого протеста.

Ответ царя в Константинополе и Бахчисарае интерпретировали как признание принадлежности Кабарды Крыму. Вот некоторые пункты этой грамоты.

1. «Неудовольствие того кабардинского народа происходит от безмерных обид и налог татарскому народу, для чего... как мы уведомились, принуждены были они (кабардинцы. – *Е. Н.*) призвать к себе несколько сот самовольных калмыков и казаков, обещая им за то некоторую плату». «И мы запретили под жестоким наказанием впредь в те дела мешаться».

2. «Поданные наши никогда такого указа не имели, чтоб за которого кабардинского владельца вступать или тамо какие фортеции самим делать, или им в том деле помогать...». «Итако, в том можем ваше величество заверить накрепко, что никаких фортец в кабардинских и к ним прилегающих краях не далано и делать намерения... не имеетца».

3. «Кабардинцы из давных лет дают аманаты обеим империям нашим» и часто «в ссорах просят от нас медиации». Так и на этот раз, говорилось в грамоте, по просьбе кабардинцев офицеру, шедшему в Гребенские городки, было поручено примирить их, «не посылая воинских наших людей ни против кого» [1, ф. Кабардинские дела, 1722, д. 6, лл. 8–12].

4. Грамота взваливала всю вину за возникшие затруднения на крымского хана.

И в заключение грамоты Петр I, заверяя султана в своем намерении неукоснительно соблюдать мир с Портой, предлагал ему прислать в Кабарду своего представителя удостовериться в попытках хана спровоцировать осложнения отношений России с Портой.

Грамота царя и «промемория» [56], врученная турецкому послу, были всего лишь тонким дипломатическим ходом, призванным скрыть истинные цели России на Кавказе, ставшим в то время ареной острых столкновений.

К 20-гг. XVIII в. династия Сефевидов в Иране пришла в полную несостоятельность

управлять страной. Большая часть персидских земель была в руках восставших афганцев, которые стояли у стен столицы. Не лучше обстояло дело и в кавказских владениях шаха.

Лезгинский владелец Даут-бек и Кази-кумыцкий князь Сурхай восстали, 7 августа 1721 г. они взяли крупнейший в Закавказье торговый город Шемаху и разграбили его, в том числе пострадали и русские купцы, имевшие там большое состояние.

Даут-бек, опасаясь возмездия, отдался под покровительство Турции, в результате чего сложились благоприятные условия для поглощения всех кавказских владений шаха Портой.

Россия не могла этого допустить. Во-первых, в случае успеха, Порта стала бы господствовать на Каспии, что создало бы угрозу восточным областям России. Во-вторых, судьба Кабарды и сопредельных с ней народов автоматически была бы решена в пользу Турции и Крыма, а русско-турецкая граница пролегла бы от Днепра до Каспия, где Россия не имела серьезных укреплений. Все это давало колоссальное преимущество Оттоманской Порте.

Таким образом, вследствие происшедших перемен в расстановке сил стран-соперниц, острие столкновений интересов России и Турции переместилось из Кабарды в Прикаспий. Исход дела зависел от того, кто опередит в дележе персидских владений. Иными словами, обстановка в этом регионе требовала срочных мер, и Россия стала готовиться к ним под предлогом «получения сатисфакции» за ограбление русских купцов. Но чтобы скрыть цели предстоящего похода и притупить турецкую бдительность, Петр I решил урегулировать спор из-за Кабарды. Думается, русская дипломатия исходила именно из таких соображений, идя на уступки по всем пунктам турецкой ноты, несмотря на известные отношения с Кабардой.

Военные приготовления России не остались незамеченными. В ответ на них Порта стянула свои войска к русским границам, но Грамота царя, врученная 6 июня 1722 г. верховному визирю, разрядила атмосферу.

И. И. Неплюев одновременно был уполномочен заявить Порте, что единственной целью похода государя в Дагестан является «наказание» обидчиков русских купцов лезгинов, «которые де вышли из повиновения шаха, и получить» удовлетворение с них иным путем не представляется возможным [1, ф. Сношения России с Персией, 1722, д. 7, лл. 109–110].

«И ежели, – предписывалось резиденту, – его величество силою оружия тех бунтовщиков к полной сатисфакции привесть принужден будет, то Порте не может быть противно, понеже каждый государь должен подданных своих охранять…» [Там же].

Видимо, аргументы царской Грамоты и русского дипломата возымели должное действие, так как верховный визирь заявил, что «они дружбе его императорского величиства уверены» и, мол, впредь не станут верить всяким «доношениям пограничных обывателей» [Там же].

Таким образом, локализация кабардинского вопроса позволила Петру I сосредоточить свои силы на одном опасном прикаспийском участке, куда летом 1722 г. царь двинул свои войска. Сборным пунктом был назначен город Астрахань. Отсюда 25 июня 1722 г. царь уведомил правительство шаха о своем движении в Дагестан и его целях.

«Предлагай, – приказывал Петр I русскому консулу в Казвине С. А. Абрамову, –

шаху старому, или новому, или кого сыщешь по силе кредитов, что мы идем к Шемахе не для войны с Персией, но для искоренения бунтовщиков, которые нам обиду сделали» [100, 380–381].

Еще С. А. Абрамову поручалось вести переговоры с Ираном об оказании ему военной помощи, требуя за это в виде вознаграждения «некоторые по Каспийскому морю лежащие провинции». «И еще ж сие им толкуй, – писал Петр I консулу, – ежели сие вышеписанное не примут, какая им польза может быть, когда турки вступят в Персию? Тогда нам крайняя нужда будет берегами по Каспийскому морю овладеть понеже турков тут допустить нам невозможно. И так, они пожалея части, потеряют все государство» [Там же].

Тем временем шах был низложен. Наследовавший ему Тохмасиб слишком был мал и не имел власти. Абрамов учел это обстоятельство и вступил в переговоры с персидскими вельможами, которые уполномочили в Петербург Измаил-бека договориться о территориальных уступках России за военную помощь. Это было большой дипломатической победой России.

Так удачно вклинившись между Ираном и Турцией, Петр I 18 июля 1722 г. вывел войска из Астрахани. Здесь находилось кабардинское посольство, переведенное из Петербурга, чтобы турецкий посол не разведал о кабардино-русских переговорах. Предварительно до начала похода послы были отпущены в Кабарду с подарками.

Как только слух о походе Петра I в Дагестан достиг Кабарды, Арслан-бек Кайтукин вышел с войском навстречу императору, и принял активное участие в нем.

П. Г. Бутков неправильно утверждал, якобы «кабардинцы ознаменовали преданность свою государю тем, что два владельцы их, один Большой Кабарды Эльмурза Бекович Черкасский... и Малой Кабарды, Таусултанова рода, Аслам-бек Кемметов, добровольно предстали к государю в августе и служили» [18, 21]. Личность второго князя не удалось установить. Скорее всего, это искаженное Арслан-бек Кайтукин. Что же касается Эльмурзы Бековича Черкасского, то он не мог быть ни добровольцем, ни тем более представителем Кабарды в русской армии. Эльмурза – родной (шестой) брат Александра Бековича Черкасского.

В 1719 г. молодой Эльмурза со своими уорками, с согласия всех князей, покинул Кабарду навсегда, принял подданство России и поступил на службу в русскую армию, а 15 мая 1720 г. указом Петра I произведен в майоры иррегулярных войск и определен на службу в Астрахань [1, ф. Кабардинские дела, 1758, д. 7, лл. 40–43].

Царь, отправляясь в поход на Кавказ, естественно, взял с собой легкую конницу Эльмурзы Бековича Черкасского как одно из подразделении русской армии.

Другое дело, участие в этом походе кабардинского войска под командованием Арслан-бека Кайтукина, который, действительно, представлял Кабарду, и внес посильный вклад в победу русских.

12 сентября в Таптах была объявлена военная тревога по случаю появления противника в горах Утемишского владения, который угрожал обозу русских войск. Нужны были сведения о противнике. «Того для, – читаем в «походном журнале», – отправлены за ними з донскими казаками кабардинской владелец Арслан-бек и с ним Эльмурза Черкасский с их людьми... достать языков, которые етой партии взяли в полон трех» [1, ф. Сношения России с Персией, 1722, д. 13, л. 113].

Дагестан и при Сефевидах не отличался покорностью и спокойствием. Обилие в

нем обособленных феодальных владений делало его местом постоянных столкновений не только по внутренним, но и по внешним политическим вопросам. Теперь эти распри были доведены до большого накала активным вмешательством Порты и России в дела Дагестана. В то время, когда одни правители устраивали восторженный прием русскому царю с царицей, другие оказывали вооруженное сопротивление продвижению русских. В этих условиях знакомый с горной местностью кабардинский отряд служил ударной силой в войсках императора. Преодолев сопротивление эндерийцев, утемишцев и др., Петр I привел под покровительство ряд владений и 23 августа подошел к гор. Дербенту. Наместник шаха в Дагестане – наиб Дербента – преподнес императору ключи от его городских ворот.

Царь решил сделать гор. Дербент опорным пунктом в дальнейшей экспансии на юг. Распорядился установить регулярную связь морем между Астраханью и Дербентом, улучшить порт и крепость города и оставить в нем гарнизон войск с артиллерией. Однако крушение на Каспии русского флота, шедшего с хлебом и другой провизией, сорвало планы Петра I . 29 августа Петр I предложил «возвратиться к Сулаку и там учинить консилий: которым итить в Астрахань и которым зимовать около Терки для делания на Сулаке фортеции из страха горским жителям и действа к будущей кампании» [100, 380].

Обстановка в Дагестане снова обострилась после выхода русских войск на Сулак. Утемишский султан Махмуд, собрав вокруг себя всех антирусски настроенных, стал угрожать всем владельцам, признавшим покровительство России, и нападать на русские посты с целью воспрепятствовать строительству крепости «Св. Креста». В связи с этим шамхал Тарковский просил в письме от 19 сентября 1722 г. Петра I прислать на помощь против Махмуда «астраханских, терских казаков и Арслан-бека Черкасского...», на что была дана грамота от 20 сентября с предписанием, чтоб казаки и «Арсланбек Черкасский ему, шамхалу, вспомогали» [1, ф. Сношения России с Персией, 1722, д. 13, л. 122].

Помимо активного участия в походе, Арслан-бек Кайтукин в тот период развил большую деятельность по укреплению кабардино-русского союза и политического статуса самой Кабарды.

В походном журнале-дневнике за 2 сентября 1722 г. читаем: «Кабардинцкому владельцу Арслан-беку по разговорам объявлено, что он его императорского величества высокую особу может видеть завтра» [Там же]. 3 сентября он был принят Петром I.

Состоялась и другая встреча императора со старшим князем Кабарды Ислам-беком Мисостовым. Последний, как отмечено выше, содержался в крепости Терки под негласным арестом. Турция требовала его освобождения. При осмотре крепости Петр I встретился с князем. Подробности этой встречи не отражены в источниках. Кратко сообщается, что «государь подарил князю панцырь», а Ислам-бек заверил императора соблюдать верность России [Там же].

В двух заявлениях на имя царя от 19 и 22 сентября 1722 г. А. Кайтукин ставил целый ряд вопросов, разрешение которых дало бы его родине мир и самостоятельное существование под протектором Российской империи [57].

Первый вопрос, которым интересовался Кайтукин, – политический статус Кабарды. Арслан-бек твердо верил, что Кабарда «с древних лет» находится под протекцией московских государей. Убежденно, ссылаясь на факты, он доказывал Петру I, что «по

той стороне реки Кубани – под владением крымского хана, а по сю сторону – вашего величества» [1, ф. Кабардинские дела, 1722, д. 3, л. 18].

Отсюда князь делал вывод: «Понеже у вашего величества с турками вечной мир заключен, – и притчины, как турки, так и хан до нас не имеют… Однако и татарские народы нас зело теснят и обижают, от чего в конечное разорение пришли» [1, ф. Сношения России с Персией, 1722, д. 13, л. 113].

Поэтому Кайтукин просит Петра I заявить энергичный протест правительству султана и потребовать прекращения крымской агрессии против Кабарды.

Второй вопрос – переселение кабардинцев на Терек, ближе к русской границе. Этой мерой князь предполагал пресечь влияние Крыма на Кабарду и окончательно закрепить ее за Россией. Этому мероприятию могли бы препятствовать прокрымски настроенные князья. С целью их нейтрализации Арслан-бек предлагал царю уполномочить в Кабарду знатного русского сановника, который от имени императора России предложил бы народу переселиться «жить к Терку», гарантируя сохранение целостности их страны и оказание помощи «в оборонении от неприятелей» [Там же, л. 124].

Опасаясь, что Крым воспротивится такому сближению кабардинцев с Россией, князь просил «помочи себе калмык и донских казаков для переселения подданных своих от Баксана на реку Терк и чтобы оные калмыки и казаки ему вспомогали в потребном случае против крымского хана и дать ему послушной указ о том к ним» [Там же].

Судя по ответу, данному князю 23 сентября 1722 г., идея Арслан-бека была одобрена в ставке императора [Там же, л. 125].

Третий вопрос – «о правлении на Терках». Вокруг русского городка-крепости Терки обитали аульные татары, кара-ногайцы, кочевавшие в прикаспийских степях, охочены или окочены (по своей охоте вышедшие из гор на жительство в российские владения), новокрещенцы (представители разных народностей Кавказа, принявшие христианство и подданство России) и черкесы, т. е. кабардинцы.

В 1625 году царь Михаил Федорович признал князем над всем этим нерусским населением кабардинского владельца Шолоха Сунчалеевича Черкасского [43, 107]. Потомки Шолоха со временем ассимилировались с русским дворянством и к изучаемому периоду покинули эти края. Это место имело большое экономическое и политическое значение для Кабарды.

Арслан-бек, выражая интересы своего класса, доказывал наследственное право кабардинских князей на «княжение в Терках». «Как наши отцы и деды были над Терками владельцами, – просил он Петра I , – также повелено б было и нам, рабам вашего величества, а чтоб кумыкам тут присутствия не было» [1, ф. Кабардинские дела, 1722, д. 3, л. 18]. На это Арслан-бек получил положительный ответ: «О правлении на Терках впредь разсмотрение учинено будет и, яко принадлежащее им (т. е. кабардинцам. – *Е. Н.*), отдана будет одному из них, кабардинским владельцам» [1, ф. Сношения России с Персией, 1722, д. 13, л. 125 об.].

Вскоре князем над всем нерусским населением вокруг крепости Св. Креста был «определен князь Эльмурза Бекович-Черкасской» – племянник Арслан-бека Кайтукина, который оставался им до своей смерти (1758).

Четвертый вопрос – финансовый. Грамота Петра I от 4 марта 1711 г. гарантировала «погодное жалованье князьям» кабардинским. Арслан-бек добивался выполнения данного пункта. Помимо чисто экономической стороны, этот вопрос имел огромное политическое значение. Он подтверждал покровительство России над Кабардой и поднимал престиж кабардинских князей в глазах соседей и Крыма.

В день отъезда кабардинского отряда (23 сентября 1722 года) по случаю окончания похода Петра I, князю Арслан-беку преподнесли в подарок от царя дорогой панцирь «за усердие ко службе его императорского величества», выдали два «послушных указа» Петра I к донским казакам и калмыцкому хану с повелением оказывать кабардинцам «воинскую помощь против их неприятелей» и письменный ответ царя на прошение князя, в котором весь круг затронутых им вопросов был положительно рассмотрен [1, ф. Сношения России с Персией, 1722, д. 13, л. 125]. Жалованье выдано 2 января 1723 г. из Астрахани [43, 37–38].

Однако основная цель князя Кайтукина – официальное объявление Кабарды под покровительством России – не была достигнута. Разрешению кабардинского вопроса препятствовала затянувшаяся Прикаспийская проблема.

Тем временем крымский хан, ссылаясь на грамоту Петра I Ахмеду III от 20 марта 1722 г., предъявил свои права на Кабарду. В своем послании к кабардинским князьям хан потребовал безоговорочного признания верховной власти султана и хана.

«Два государя (Петр I и Ахмед III. – *Е. Н.*) в миру и Кабарду отдали ему, хану крымскому», – писал он [43, 38].

Иными словами хан решил сделать при помощи Грамоты русского царя то, чего не смог он добиться с оружием в руках. С активизацией экспансионистской политики Крыма активизируются прокрымски настроенные феодалы Кабарды. Ислам-бек Мисостов, поверив крымской пропаганде, взял сторону хана Саадат-Гирея, поклялся привести всю Кабарду под его власть и скрепил этот союз браком своей дочери с ханским сыном Салих-Гиреем-салтаном, который уже занимал пост кубанского сераскира [43, 65].

Кабардинцы же, придерживавшиеся прорусской ориентации, с князем Арслан-беком Кайтукиным во главе, категорически отвергли требования Крыма и старшего князя.

Чтобы парализовать крымское влияние, А. Кайтукин приступил к переселению кабардинцев на Терек, как было согласовано с русским императором. На этой почве разгорелась ожесточенная борьба между княжескими группировками [1, ф. Кабардинские дела, 1723, д. 2, лл. 1–10; 43, 38].

На помощь Ислам-беку пришел его зять – кубанский сераскир. Арслан-бек обратился к казакам и калмыкам за помощью и послал гонцов в Москву.

8 февраля 1723 г. И. Кикин доносил в Коллегию иностранных дел: «владелец Исламбек (Мисостов. – *Е. Н.*) уничтожа свою присягу, навел на них (кабардинцев. – *Е. Н.*) крымского салтана (Салих-Гирея. – *Е. Н.*) с войсками, от которых они ныне сидят в осаде, и просят о присылке к ним... для вспомошествования е. и. в. войск» [43, 39].

Коллегия запросила астраханского губернатора немедленно сообщить о мерах, принятых им по существу донесения Кикина, и что «для престережения е.и.в. интересов в том еще чинить надлежит» [43, 39].

Медлительность русской бюрократической администрации и быстрая смена событий в Кабарде обычно не соответствовали друг другу. Пока велась переписка между Москвой и Астраханью, войска хана подвергли нападению страну и снова разорили ее. Но приверженцы России не сдались.

В такой ответственный период, когда решалась судьба народа (март 1723 г.), Арслан-бек Кайтукин уполномочил в Петербург к Петру I посольство в составе Джанмамета Тамбиева, Кургоки Куденетова и известного общественного деятеля Кабарды Жабаги Казаноко.

Согласно договору на Сулаке, послы просили оказать военную помощь Кабарде против крымских войск, которые препятствуют переселению кабардинцев на Терек и «хотят насильственно привесть их в подданство Крыма» [1, ф. Сношения России с Персией, 1723, д. 5, лл. 25–26].

5 апреля 1723 г. Петр I подписал две грамоты. Одна из них была вручена кабардинским послам 9 июня, а вторая – послана астраханскому губернатору. Двойственность политики Петра I по отношению к Кабарде подтверждается содержанием этих грамот. В первой говорилось: «послан ныне указ наш к астраханскому губернатору нашему Артемью Волынскому, в котором повелено ему, дабы он о тех ваших прошениях учинил надлежащее разсмотрение и определение» [Там же].

Во второй же грамоте, адресованной астраханскому губернатору, читаем: «получены здесь листы... от кабардинского владельца Арслан-бека, в которых он пишет о разных прошениях своих... и понеже... писано к нему, Арслан-беку, что в тех его прошениях послан к вам указ наш, дабы вы учинили надлежащее разсмотрение и определение, того ради, ежели он, Арслан-бек, будет об оных требованиях своих к вам отзываться, то имеете вы ему, Арсланбеку, от себя в пристойных терминах ответствовать, что вы о том указ наш имеете и по оному надлежащее определение чинить думаете, а в самом деле продолжать токмо то одним обнадеживанием, смотря по тамошнему состоянию, как наилучше и приличнее усмотрите» [Там же, лл. 23–24].

Грамота заканчивалась предписанием: «А между тем надлежит вам, осведомиться подлинно в каком состоянии кабардинские владельцы и жители тамошние ныне находятца и что между ими происходит в домашних их делах и несогласиях и о том нам немедленно донесть и при том доношении прислать мнение свое, каким образом при нынешних конъюнктурах надлежит с ними поступать... » [Там же].

К этому времени (в начале 1724 г.) в Крыму произошел очередной дворцовый переворот. Падение Саадат-Гирея и возвращение на престол его личного врага Давлет-Гирея II [58] внесли большую растерянность в Баксанскую группировку князей.

Смена ханов повлекла за собой смещение с постов и других крымских вельмож. Кубанским сераскиром был назначен теперь старший сын Давлет-Гирея II Бахты-Гирей-Дели-Салтан, который в годы ссылки отца скрывался у калмыков и своими набегами опустошал окрестности, не щадя ни татар, ни ногайцев, ни кабардинцев, ни тем более русских.

Воспользовавшись происходившей в Калмыцком ханстве феодальной междоусобицей, Бахты-Гирей увел с собой в Крым и на Кубань много калмыков, в том числе и внука хана Дондук Омбо с улусом [59].

Кабардинский вопрос тревожил нового правителя Крыма. Из-за личной вражды к

своему предшественнику он игнорировал князей Мисостовых и Атажукиных – родственников свергнутого хана. А Кашкатауская «партия» твердо держалась прорусской ориентации и не хотела ни нового, ни старого хана. Все это могло свести к нулю влияние Крыма на Кабарду, чего бы не простили Девлет-Гирею II в Константинополе.

Поэтому он, играя на противоречиях между княжескими группировками, решил расположить к себе самого популярного и самого крупного удельного князя Арслан-бека Кайтукина и сделать его орудием подчинения Кабарды Крыму. Эту миссию хан возложил на Бахты-Гирея-Дели-Салтана. Успешному осуществлению этих замыслов способствовала и личная обида А. Кайтукина, который так и не получил обещанной помощи от царя.

Переговоры сераскира с князем завершились заключением в 1724 г. военного союза между Крымом и Жамболатовым уделом. По условиям этого альянса крымский хан обязался: 1) признать единственным и законным претендентом на княжеский престол Кабарды Арслан-бека Кайтукина; 2) оказать вооруженную помощь князю по требованию последнего [1, ф. Кабардинские дела, 1724–1727, д. 2, лл. 10–41].

А. Кайтукин, со своей стороны, заверил хана привести всю Кабарду под покровительство Порты.

Договор был скреплен женитьбой ханского сына Арслан-Гирея на дочери князя и взятием Кази-Гирея (сына Бахты-Гирея) на воспитание в дом Кайтукина [43, 38].

Успехи Кайтукина насторожили верховного кабардинского князя Ислам-бека Мисостова и его сторонников. Политическая ситуация побуждала Мисостова идти на сближение с Россией. Олиипш и сам понимал это, но он опасался возмездия за свою приверженность Крыму в прошлом.

В столь ответственный момент олиипш принял правильное решение: поставить интересы Родины превыше личного и снарядить посольство в Петербург. 24 февраля 1724 г. кабардинское посольство в составе 20 человек во главе с дворянином Бимурзой (фамилия его не известна) прибыло в столицу России. Оно привезло официальный лист, партикулярное письмо Ислам-бека Петру I, шесть племенных лошадей и черкесску в подарок императору [1, ф. Кабардинские дела, 1724, д. 4, лл. 9–19].

Как событие особой важности, в Листе Мисостов сообщал царю, что князья Жамболатовы «совокупились с Крымским ханством и уже Арслан-бек своего брата к крымскому хану послал... которыя де чрез согласие с крымским ханом уже войско у него требовали, чего для мы имеем великий страх и опасение. Того ради паки просим в.и.в. показать над кабардинском бедными обыватели свое великое государское милосердие и да повелеть указом в.и.в. дать нам из донских, и астраханских, и казанских казаков, також и калмыков войско для вспоможения... » [1, ф. Кабардинские дела, 1724, д. 4, лл. 9–19].

В заключительной части листа говорилось: «Вашему величеству служить вечно готовы. При этом оном просим дабы неприятельским словом верить не соизволили...» [Там же].

Посольство было принято с почестями и официально обещана помощь, но события, последовавшие за этим: смерть Петра I , частые дворцовые перевороты в России и в Крыму, спутали планы обеих сторон, в результате чего, хотя ненадолго, ослабло влияние России в Кабарде.

§ 2. Кабардинский вопрос и Русско-турецкая война 1735–1739 годов

В истории кабардинского народа вторая четверть XVIII в. является периодом кардинальных перемен в международном и политическом статусе страны. Эти перемены – результат длительной и кровопролитной борьбы кабардинцев за свою независимость, с одной стороны, и не менее жестокой дипломатической и вооруженной борьбы между Портой и Россией, с другой.

Как отмечено выше, в результате изменения внешнеполитической ориентации удельного князя Асланбека Кайтукина, над Кабардой нависла угроза ее порабощения Крымом.

Из всего комплекса причин и следствий, подготовившего этот кризис, следует отметить, прежде всего, русско-турецкое соглашение 1722 г., которое официально признало Кабарду за Портой [1, ф. Кабардинские дела, 1722, д. 6, лл. 8–12].

В рассмотренном письме Петра I к турецкому султану говорилось: «И мы запретили под жестоким наказанием впредь в те дела (т. е. кабардинские. – *Е. Н.*) мешатца нашим подданным» [1, ф. Кабардинские дела, 1722, д. 6, лл. 8–12].

Воодушевленный такой позицией царя по кабардинскому вопросу, хан в ультимативной форме потребовал признать султана верховным правителем Кабарды [43, 38]. Старший князь Кабарды, введенный в заблуждение ханским толкованием русско-турецкого соглашения 1722 г., поспешил заявить свою лояльность Крыму [43, 39].

Удельный князь Арслан-бек Кайтукин, не согласившись с олиипшем, отверг домогательства хана и послал почетное посольство в Петербург за помощью. Русская сторона официально подтвердила соглашение 1722 г., но на деле воздержалась от практических шагов по обороне Кабарды, дабы не осложнять отношения с Портой до окончательного урегулирования территориальных споров с ней в районе Дагестана и Закавказья.

А. Кайтукин не стал, да и не мог, вдаваться в обстоятельства, толкавшие петровскую дипломатию вести двойную игру. Видя, что царь не сдержал слова в решительную минуту, князь счел себя свободным действовать сообразно собственной выгоде, тем более что в Крыму сложились для этого благоприятные обстоятельства. Участник разгрома хана Каплан-Гирея, Русско-турецкой войны 1710–1711 гг., прикаспийского похода Петра I, возглавивший народную борьбу против крымских оккупантов в 1720–1721 гг., популярный в своей стране как сторонник и приверженец союза с Россией, А. Кайтукин предался Крыму и пренебрег интересами Родины ради корыстной цели, предпочел покориться чужеземцу, чем подчиниться себе подобному.

Правление Девлет-Гирея II оказалось непродолжительным. В том же 1725 г. он был низложен, а с ним смещен с поста и его сын Бахты-Гирей-Дели-Салтан.

Договоры крымских ханов с кабардинскими князьями заключались чаще всего устно и скреплялись торжественной клятвой сторон. Поэтому смена хана (особенно, когда свергнутому наследовал его противник) приводила фактически к расторжению договора. Так случилось и на этот раз, хотя условия соглашения Девлет-Гирея II с А. Кайтукиным в принципе отвечали экспансионистским планам нового султана и нового хана Менгли-Гирея (1725–1729).

Между отдельными ветвями Дома Гиреев, из которых султан попеременно выбирал

правителя Крыма, шла постоянная борьба за власть. Девлет-Гирей и Менгли-Гирей принадлежали к враждующим семьям. Поэтому Менгли-Гирей не захотел иметь дело с сообщником Девлет-Гирея II князем А. Кайтукиным. Хан сместил с поста Бахты-Гирея, а сераскиром на Кубань назначил своего племянника Салих-Гирея (зятя старшего князя Кабарды).

В силу этих обстоятельств, сильно упала политическая акция князя Кайтукина в Крыму. Поколебалась вера в его успех и в самой Кабарде. Несмотря на полное политическое банкротство, Арслан-бек не сдавался. Противоречия между княжескими группировками достигли высокого накала. В ту пору Кабарда напоминала лагерь двух воюющих армий.

Столь же несговорчивым оказался и Бахты-Гирей-Дели-Салтан. Он отказался подчиниться султанскому фирману сложить свои полномочия; собрал своих братьев, огромную орду из ногайцев, калмыков с их мурзами и тайшами и потребовал от Порты посадить его на Крымский престол вместо свергнутого отца, в противном случае угрожал отделить ногайцев от Крыма, а себя провозгласить их ханом [1, ф. Кабардинские дела, 1725–1730, д. 15, лл. 2–4]. Об этом русский резидент в Константинополе И. И. Неплюев доносил своему правительству: «сказывают будто он (т. е. Бахты-Гирей-Дели-Салтан. – *Е. Н.*) уже и к Порте пропозицию прислал, что б его ханом сделали, а в противном случае он оружием того себе искать будет…» [1, ф. Кабардинские дела, 1725–1730, д. 15, л. 13].

Порта «без крайней нужды на то… не станет» удовлетворять ультиматум Бахты-Гирея, – сообщал тот же Неплюев. Действительно, принцу было отказано. В ответ на это он привел в исполнение свою угрозу, т. е. объявил Кубанскую орду самостоятельным ханством, а себя его главою.

В Константинополе Бахты-Гирея нашли бунтовщиком и даже назначили определенную сумму за его голову [Там же].

Кубанский самозванец, заинтересованный в укреплении своего тыла, и кабардинский князь, оказавшийся в изоляции, быстро сговорились о совместных действиях против Крыма и баксанской группировки князей Кабарды. Так возник новый альянс, который принес большие бедствия не только Кабарде, но и всем соседям.

Анархизм, царивший в стане «ногайского хана», привлекал к себе отовсюду деклассированные элементы, искателей приключений и легкой наживы, усиливал в нем тенденцию к грабежам.

Особенно был ощутим приток русско подданных калмыков. И крымский хан, и правительство султана били тревогу по поводу утечки калмыков из России на Кубань. Озадаченный активной фильтрацией калмыков, тот же резидент передавал в Петербург, «что калмыки продолжают соединятца з бунтовщиком Бахты-Гиреем и совершать набеги» и что, мол, Порта выражает недовольство и требует принятия решительных мер к их пресечению [Там же, л. 19].

Скопление такого множества кочевников в этом районе под главенством отчаянного авантюриста Бахты-Гирей-Дели-Салтана создавало большую напряженность для всех соседей. С другой стороны, само «ханство», этнически и социально пестрое, лишенное экономических и исторических предпосылок к консолидации в государственную единицу, существовало главным образом за счет ограблений соседних народов. Как сообщают источники, «бахты-гиреевы люди малыми парти-

ями… набегая в Кабарду и в Крым, и русские владения, чинят воровские пакости…» [1, ф. Кабардинские дела, 1725–1730, д. 15, л. 5].

В своей реляции из Константинополя Неплюев сообщал: «Хан пишет с великими жалобами на калмыков, русскоподанных, что, собрався до шести тысяч человек, учиняют впадения в Кабарду, и в Кубань и в Крым, где починили многия разорения, соединясь з бунтовщиком турецким Бахты-Гиреем-Дели-Салтаном» [Там же, л. 9].

Материальный ущерб, причиненный ордой Бахты-Гирея указанным странам, достиг колоссальных размеров к 1727 г., и каждая сторона требовала от другой возмещения убытков. 7 мая 1727 г. Порта заявила энергичный протест русскому правительству и потребовала удовлетворения понесенного ущерба. В заключение турецкой ноты говорилось: «Ежели оные калмыки ваши, то их удержите, ежели не ваши, то на оных идти татарам позволение дано будет…» [Там же, лл. 9–7].

В ответ на жалобу хана о том, что от России «не получены сатисфакции за великий ущерб… причиненный калмыками Крыму», русская сторона предъявила Порте иск и потребовала: «за все учиненные Бахты-Гиреем разорения и хищения людей и пожитков надлежащую сатисфакцию» [1, ф. Сношения России с Персией, 1726, оп. 77/1, д. 7, л. 109].

В итоге переговоров была создана смешанная комиссия для уточнения понесенных сторонами ущерба от «Ногайского хана».

О грабежах и хищениях людей, произведенных на территории России Бахты-Гиреем, который доходил до Воронежа, Тулы, Пензы, Тамбова, Саратова, Астрахани и других городов, было представлено такое множество неопровержимых фактов, что Порта предпочла замолчать о своих потерях.

Небольшая выдержка из реляции Неплюева показывает, какое впечатление произвела русская нота на правительство султана. «Порта, – доносил резидент, – по принесенным от нас жалобам, хану крымскому повелела было с войском на него, Бахты-Гирея, иттить и смертью оного казнить и нам то чинить позволено, ежели он в нашей стороне явится» [1, ф. Сношения России с Персией, 1726, оп. 77/1, д. 7, лл. 110].

В бытность генерал-лейтенанта графа Румянцева [60] в Константинополе чрезвычайным послом по разграничению русско-турецких владений на Кавказе, Порта предложила план «о поимке и убиении» Бахты-Гирея совместными действиями [1, ф. Кабардинские дела, 1725–1730, д. 15, л. 2].

В результате предпринятых Крымом военных операций, самозванец, или, как его именуют документы, ребилизант [61], был выбит из Кубани и оттеснен к Сальским степям. Одновременно и с русской стороны были предприняты радикальные меры. Все Войско Донское было приведено в боевую готовность, а к Волге подтянут и расположен по царицынской линии корпус регулярных войск, чтобы воспрепятствовать сношению калмыков с бунтовщиком, расставлены сети в соответствующих местах для поимки самого «Дели салтана» [Там же]. Также были разосланы всем пограничным «правителям» указы, предписывавшие «либо живым, либо мертвым взять ребилизанта». А на Дон был отправлен генерал-майор Тараканов с таким же поручением [1, ф. Кабардинские дела, 1725–1730, д. 15, л. 39].

Взятый в тиски, салтан стал совершать отчаянные вылазки «малыми партиями», опустошая окрестности вокруг. Особенно страдала от этих набегов Кабарда (кроме Жамболатова удела), оказавшаяся в окружении.

Султан, сначала издав указ «о поимке, или убиении Бахты-Гирея салтана», на деле сдерживал инициативу хана в этом направлении. И это не случайно: «ребилизант» представлял удобное «прикрытие» политики переманивания калмыков из России, на что обращал внимание и Неплюев [Там же, л. 30 об.].

Политика заигрывания Порты с «бунтовщиком» сделала неуловимым опасного авантюриста, ставшего сущим бедствием для всех народов всего региона. Вся дипломатическая переписка 20-х гг. XVIII в. между обеими империями (Портой Оттоманской и Российской), а также рапорты русских военачальников из городов Киева, Астрахани, Саратова, кр. «Св. Креста», Дона и др. мест пестрят сообщениями о злодеяниях «Бахты-гиреевой орды» и мерах, принятых против нее.

Официально Бахты-Гирей был объявлен «врагом обоих империй и убиение оного» поощрялось законом [1, ф. Сношения России с Персией, 1723, д. 7, л. 110].

В источниках имеются указания на факты участия «арсланбековых людей» в операциях Дели-салтана. Правда, князь Кайтукин воздерживался от открытых мер. Объективно Бахты-Гирей со своей ордой способствовал сохранению равновесия сил между уделом А. Кайтукина и остальной частью Кабарды. Но союзники понимали, что для успеха общего дела Арслан-беку необходимо сначала укрепиться в Кабарде. С этой целью весной 1729 г. была предпринята большая кампания.

Подробности этого события не удалось восстановить. Из отрывочных данных видно, что в решительный момент вся Кабарда встала на защиту отечества. Сражение длилось два дня, в ходе которого враг был обращен в бегство [1, ф. Кабардинские дела, 1731–1732, д. 2, л. 137]. В жестоком преследовании некогда грозная Орда была окончательно разгромлена. В этом бою Исламбек Мисостов настиг бегущего Бахты-Гирея и зарубил его саблей, а затем зарубил и Селим-Гирея, пришедшего на помощь старшему брату [1, Кабардинские дела, 1725–1730, д. 15, л. 39].

Князь Кайтукин, призвавший чужеземцев, бежал с близкими родственниками и небольшой группой преданных ему уорков к абазинам, обитавшим в верховьях Кубани [43, 128]. Кстати, абазины насильственно были переведены туда ханом Саадат-Гиреем в 1720 г. в наказание за оказанное ему сопротивление кабардинцами во главе с А. Кайтукиным [43, 59–61].

Утверждение Н. А. Смирнова о причинах прихода Бахты-Гирея в Кабарду следует несколько уточнить. Он пишет: «В 1729 г. в Кабарде вновь появился из-за Кубани султан Бахты-Гирей, возобновивший требование от имени крымского хана об отправке к нему людей в виде дани. В одной из стычек он был убит. Считается, – продолжает автор, – что с этого времени черкесы были избавлены от тяжелой дани, которую они ежегодно должны были платить крымскому хану людьми – мальчиками и девочками [97, 70].

Об обстоятельствах, приведших Бахты-Гирея в Кабарду в 1729 г., достаточно подробно сказано. Что же касается ежегодной дани людьми Крыму, от которой кабардинцы якобы избавились в 1729 г., то это положение не находит подтверждения в источниках.

По общему мнению исследователей, кабардинцы платили дань мальчиками и девочками в честь восшествия нового хана на престол [42, 161; 96, 9–10]. От этой дани кабардинцы освободились в 1705–1708 гг., разгромив в открытом бою хана Каплан-Гирея, явившегося с подобным требованием.

В источниках исследуемого периода не обнаружены упоминания о дани людьми в честь восшествия хана на престол, хотя ханы менялись довольно часто. Зато с 30-х гг. XVIII в. Крым периодически (в зависимости от того, какая ветвь дома Гиреев у власти) требовал выкуп людьми «за кровь двух султанов», т. е. Бахты-Гирея и Салим-Гирея.

Передышка, полученная Кабардой после разгрома бахты-гиреевой орды, оказалась кратковременной. В 1730 г. на крымский престол возвратился Каплан-Гирей (1730–1736), известный своей жестокостью и реваншистскими планами [99, 71]. Чтобы спровоцировать столкновение с кабардинцами, хан мог использовать любой предлог, дабы отомстить за свое позорное поражение в 1705–1708 гг. и гибель двух племянников.

Как отмечено, смена ханов в Крыму приводила к большим переменам в среде правящей верхушки. С приходом к власти Каплан-Гирея бывший сераскир Кубанской орды Салих-Гирей бежал в Кабарду к своему тестю, опасаясь репрессии со стороны хана [1, ф. Кабардинские дела, 1753, д. 7, л. 65]. Вслед за ним бежали туда и преданные султану ногаи (салтанаульцы) в количестве 2000 казанов [43, 58].

Было ясно, что теперь неизбежно столкновение между Крымом и Кабардой.

Арслан-бек Кайтукин счел конъюнктуру благоприятной для реванша. Приезд последнего в Бахчисарай просить военной помощи «вернуть себе отцовские владения» оказался удобной ширмой для прикрытия экспансионистской политики хана. Агрессивный курс Каплан-Гирея пришелся по душе и многочисленным братьям Бахты-Гирея, которые жаждали не только отомстить за кровь двух братьев, но и получить богатый выкуп.

Каплан-Гирей, зарекомендовав себя ярым сторонником нового турецкого султана Махмуда I, не встречал в своих планах возражений со стороны Константинополя. Таким образом, хан, заручившись полной поддержкой Порты, приступил к осуществлению своей заветной мечты – покорению Кабарды. В помощь князю Кайтукину хан откомандировал семитысячное войско под командованием крымского калги Арслан-Гирея (зятя А. Кайтукина).

В этот период в России произошла очередная смена императоров – вступила на престол Анна Ивановна. Правительство Анны Ивановны, в отличие от других внешнеполитических аспектов, правильно оценило роль Кабарды в предстоящем столкновении с Портой. По архивным материалам удается проследить нарастающий интерес русской дипломатии к Кабарде. Так, по предписанию Коллегии иностранных дел, кабардинцы были приведены «к присяге на верность российскому престолу», т. е. новой императрице. Комендант крепости Святого Креста генерал-майор Загрязский уполномочил в Кабарду с этой миссией подполковника Эльмурзу Бековича Черкасского, который успешно справился с ней.

Встревоженные событиями в Крыму, т. е. возвращением на престол Каплан-Гирея кабардинские князья охотно присягнули на верность Российскому престолу в июне 1730 г. [1, ф. Кабардинские дела, 1730–1738, д. 1, лл. 5–6]. Здесь интересы сторон полностью совпали. Сама судьба шла навстречу кабардинцам. По просьбе последних генерал Загрязский выставил русский отряд регулярных войск в 1000 штыков под командованием подполковника Э. Б. Черкасского у гребенских городков на границе с Кабардой [1, ф. Кабардинские дела, 1730–1738, д. 1, л. 6].

Татары готовились к походу, тщательно маскируясь. Это ввело в заблуждение

русскую разведку. «И в Крыму, и на Кубани, и в других местах, – докладывали лазутчики, – живут оные в тихости, не чиня никаких движений и военных приуготовлений» [Там же, л. 5–6].

Основываясь на них, Коллегия иностранных дел указом от 18 августа 1730 г. приказала отозвать войска, а «кабардинцов словесно обнадежить, что не будут оставлены без помощи» [Там же, л. 7]. В указе давалась инструкция о том, как поступить в случае нападения крымцев на Кабарду.

«Когда б к Кабарде крымцы… стали надоближаться, – говорилось в ней, – вам… приличными представлениями оных крымцов от впадения в Кабарду отвращать трудитца», но в «ссору, також и в Кабарду нашим войскам вступать не велеть, понеже кабардинцов и турки называют в своей протекции» [1, ф. Кабардинские дела, 1730–1733, д. 1, лл. 7–5]. Как видно, русская дипломатия в начале 30-х гг. все еще занимала осторожную позицию по кабардинскому вопросу.

Летом 1731 г. семитысячное войско крымского калги в сопровождении князя А. Кайтукина подступило к Кабарде и потребовало:

а) немедленно выселить ногайцев (салтанаульцев) вместе с их салтаном Салих-Гиреем;

б) выдать убийцу Бахты-Гирея и его брата, а также выкуп «за их кровь»;

в) возвратить князю Кайтукину его удел.

Кабардинцы заняли крепкую оборону (им помогали и ногайцы-салтанаульцы), уведомили о случившемся командование военной крепости Св. Креста и отклонили ультиматум калги. Отряд русских регулярных войск под командованием князя Волконского снова подошел к Гребенским городкам, но дальше не двинулся, согласно указу от 18 августа 1730 г. [1, ф. Кабардинские дела, 1730–1733, д. 1, лл. 7 об., 8].

Крымцы не решились дать бой. Силы были слишком неравны. Вот как докладывал генерал Еропкин об этом событии в Коллегию иностранных дел. «Прибыв к Кабарде ис Крыму Арбибет-гирей и Арслан-гирей салтаны с войсками… у кабардинцев на полях хлеб и сено сожгли и другия разорения приключили и намерены были на Кабарду наступление учинить, но услыша об отправленной… команды в Гребенские городки, устрашаясь оной, восприняли рейтераду, на которых кабардинцы при переправе чрез реку Терк учинили нападение и тех салтанов с войском разбил и некоторых в полон побрали, а помянутые салтаны потом пошли бегом на Кубань» [1, ф. Кабардинские дела, 1731, д. 1, лл. 16–17, 17 об.].

Тем временем в Москву стали поступать тревожные слухи о движении крымцев. Генерал фон Вейсбах сообщал из Киева, что «Крымской хан с крымской, белогородской и ногайской ордами во многом числе войск собрались и к тому же из Сечи велено быть нескольким запорожцам и якобы намерены идти на черкес к Кабарде» [Там же, лл. 10, 10 об.].

10 сентября 1731 г. срочно был созван Тайный Совет с участием императрицы Анны Ивановны для обсуждения кабардинского вопроса. Совет принял решение взять Кабарду под защиту вооруженных сил Российской империи [1, ф. Кабардинские дела, 1731, д. 1, лл. 11–13].

На основании решения Тайного Совета Коллегия иностранных дел указом от 19 сентября 1731 г. предписала командующему военной крепости Св. Креста генералу Еропкину:

21 Заказ № 815

1) послать в Кабарду «ис тамошних войск легких из донских и других, придав им доброго русского командира»;

2) «Есть ли нужды, – дать им (т. е. кабардинцам. – *Е. Н.*) пороху и свинцу з двумя или тремя пушками в помощь»;

3) в случае поражения кабардинцев, всем отступающим предоставить убежище;

4) обнадежить «кабардинцев, что не токмо к ним некоторое число войск в помощь пришлетца, но и сам с войском к границам пойдешь дабы ради лучшего защищения»;

5) «тотчас, по получении сего указу, послать от себя кого искусного из офицеров... к татарскому командиру» с предупреждением не приближаться «к Кабардам, так как он, генерал», обязан их «защищать и оборонять» [Там же, лл. 13–14 об.].

Одновременно генералу вменялось в обязанность примирить враждующих князей, чтобы консолидировать военную мощь Кабарды, «понеже... вновь получены ведомости... что вышеупомянутые орды в великом числе... едва не в двухстах тысячах движутца к Кабарде».

Предполагая, что столь крупные военные силы приведены в движение ханом не без ведома Порты и не только ради «взятия за кровь салтанов», правительство Анны Ивановны уполномочило своего резидента «о том Порте сильныя представления учинить». Неплюеву было приказано постараться, чтобы «оныя орды не токмо возвращены были, но впредь бы заказано было никаких движений не чинить, которыя б к подозрению дружбы и вечного мира малейше касатца могли» [1, ф. Кабардинские дела, 1731, д. 1, лл. 13–14, 14 об.].

Тон русской дипломатии, не говоря о содержании нот, указывает на эволюцию позиции России по кабардинскому вопросу. Об успехах ее можно судить по письму турецкого султана к крымскому хану.

«Вы, Крымский хан Каплан-гирей-хан, всегда в высокодостоинстве пребываете... Да ведомо будет, понеже ныне во владение вашем для исправления или учреждения в некоторые места вы, собрав войска, к посылке определили, от чего московитяне подозрение и опасность взяли... мы ...империальски изъявляем: московское подозрение во всем отняли и впредь никаким образом к московской стороне в противность общей дружбы и корреспонденции ничего не производили, чего для и татар надлежит к удержанию» [Там же, л. 19].

К нему была приложена записка верховного визиря, в которой писалось: «Светлейший, высокороднейший и честнейший мой брат, высочайший хан... российский резидент, пребывающий при высочайшей Порте, по указу своей государыни, заявил протест на то, «что крымский хан со многим числом войска, ополчась, имеет де к нашей границе приближение, почему де и мы с войском нашим приуготовились... Во отнятие подозрения и опасения российского, извольте приложить усердие... и войско, в кабардинских местах сущее, немедленно... приказали оттуда возвратить назад» [Там же, л. 21].

Таким образом, Россия не только взяла под свою защиту Кабарду, но и принудила Порту отозвать оттуда свои войска. Однако это не означало решения спорного вопроса. Напротив, 1732 г. принес новые конфликты, и кабардинский вопрос стал одним из главных противоречий между Россией и Портой. Каплан-Гирей-хан, огорченный тем, что и на этот раз сорвали его намерение проучить кабардинцев, обратился к султану

с протестом. Он доказывал, что кабардинцы, подстрекаемые русскими, выходят из повиновения Крыма, а «они суть владений ханов крымских с давних времен».

В марте Порта официально заявила Неплюеву, что «по доношениям нынешнего хана (т. е. Каплан-Гирея. – *Е. Н.*), также по реестрам, при Порте имеющимся... обе Кабарды (Большая и Малая), тако ж и черкесы издревле турецкие, принадлежащие ханам крымским», и что хан волен действовать в Кабарде, как он находит нужным [1, ф. Кабардинские дела, 1731, д. 1, л. 23].

Россия, в свою очередь, представила подтверждение о добровольном присоединении Кабарды к Московскому государству еще при царе Иване Грозном [Там же, лл. 23–24]. 25 марта 1732 г. Неплюев передал визирю копию с архивного материала о добровольном присоединении Кабарды к России, которая вызвала оторопь у правителей Порты [Там же, лл. 24–26].

Правильно расценив создавшееся положение, Кабарда решила закрепить начавшееся сближение с Россией заключением официального союза. С этой целью в Москву был отправлен князь Магомед Атажукин [43, 51–52].

В листе, поданном кабардинским послом императрице Анне Ивановне, были изложены основные условия кабардино-русского союза.

1. Кабарда признавала Россию своей покровительницей, как было «изстари еще при царе Иване Васильевиче».

2. Она обязывалась нести пограничную и другую военную службу по требованию протектора и сохранить верность России.

В свою очередь, Кабарда оговаривала для себя:

1) помощь в обороне страны регулярными, донскими и калмыцкими войсками;

2) содержать в Кабарде батарею из 20 пушек «со всеми принадлежностями»;

3) помочь дипломатически или военной силой в возвращении абазинцев, отобранных крымцами;

4) назначить кабардинским князьям «погодное жалование»;

5) заложников (аманатов) сменять ежегодно;

6) беглых холопов возвращать [43, 45–47].

Все пункты за небольшим отклонением были приняты русской стороной. В частности, вопрос об абазинцах был отклонен. Атажукину был оказан теплый деловой прием: он был принят в Коллегии иностранных дел вице-канцлером А. И. Остерманом и самой царицей Анной Ивановной, а при отъезде награжден золотой медалью и ценными подарками [Там же, лл. 53–56].

Кабардино-русское соглашение было скреплено официально Грамотой императрицы Анны Ивановны кабардинскому народу от 10 июля 1732 г. и Протоколом Коллегии иностранных дел России от 12 июля 1732 г. [Там же].

Значение этого акта очень велико. С этого времени кабардино-русские отношения стабилизируются, принимают характер дружбы, взаимной помощи и доверия.

В Крыму решили торпедировать кабардино-русское сближение и противопоставить ему союз Крыма с Кабардой. Нашелся и подходящий предлог для начала. В 1732 г. скончался старший князь Кабарды Ислам-бек Мисостов. По обычаям кабардинцев право на княжение теперь принадлежало князю Арслан-беку Кайтукину, который был в изгнании и пребывал в Крыму у хана. Находился там еще один кабардинский князь Алегука Шогенуков из рода Атажукина, попавший в плен еще в 1731 г.

Хан Каплан-Гирей свел их. Последний признал право Арслан-бека на княжение в Кабарде. Алегука присягнул на верность князю и хану и выдал в заложники «своего племянника – темиргоевского бека да бесленейского жителя – своего дядьку» [43, 69–71].

Кайтукин признал протекторат Порты и Крыма над Кабардой и в знак верности договору «дал от себя хану самых знатных... аманатов, чего для им все крымские народы (черкесы и татары) поверили...» [1, ф. Кабардинские дела, 1731, д. 1, лл. 12–13].

Хан в награду за акт признания верховенства Крыма, под власть Арсланбека Кайтукина «отдал все орды и черкес, живущих в горах, еще и пожаловал их подвластных абазинцов» [1, ф. Кабардинские дела, 1731–1732, д. 1, л. 13 об.].

Чтобы осуществить на деле заключенный договор, хан снарядил внушительное войско под командованием трех крымских принцев и послал в Кабарду гонцов с требованием: «встретить их с миром» [Там же, л. 10].

В тот период в Кабарде стоял отряд русских войск под командованием Э. Б. Черкасского. Видимо, его привела сюда смерть олиипша, так как выборами последнего интересовались и русские военные власти. Возможно, не без его вмешательства старшим князем Кабарды был избран его родной брат «Татархан-бек Бекмурзин сын» [Там же, лл. 13–15].

Узнав о движении войска, кабардинцы запросили помощь. Командующий военной крепостью Св. Креста генерал Дуглас отправил к границе с Кабардой 200 драгун и столько же казаков, а сам распустил слух, что к Кабарде движется трехтысячное войско [Там же, лл. 11, 11 об.].

Неизвестно, как сложились бы обстоятельства в Кабарде, если бы в этот момент не было там русских войск. Это оказалось большой неожиданностью для татар. Применить силу татары не могли, ибо это означало начать войну с Россией, а кабардинцы покориться не хотели, так как у них стояли русские войска и посол их – Магомед Атажукин – еще находился в Москве. С другой стороны, военная помощь Крыма Арслан-беку Кайтукину, признание его Крымом и Портой старшим князем Кабарды оказали сильное воздействие на умы населения. Политическая акция Кайтукина снова стала повышаться. В те времена сила решала все, а она была налицо у ставленника Крыма. Теперь уорки Жамболатова удела заискивали перед ним, что лишало социальной опоры русского ставленника – Татархан-бека, – т. к. и он был выходцем этого же удела.

«Арслан-бек с Алигукой в Кабарду приезжали, – писал Татархан-бек генералу, – и все их поданные люди и уздени радуются и хотят нас разорить, однако же, брат наш, Эльмурза, их стращал... они, убоясь его, тихо стали. Ежели он, генерал, желает всем кабардинским владельцам милость оказать, то б прислал к нам войска» [1, ф. Кабардинские дела, 1731–1732, д. 1, л. 17].

Генерал без ведома Москвы не решался послать в Кабарду «большое войско». Перед лицом опасности ногайцы покинули кабардинцев. Салих-Гирей увел их всех, не желая «драться с крымцами» [Там же].

Оставленный союзниками и уорками, Татархан-бек писал в крепость: «Естли хотите, чтобы мы кабардинские владельцы, остались в российской протекции, – окажите милость, пришлите войска» [Там же, л. 27 об.].

В это время прибыли новые войска из Крыма во главе с нурадином и калгой. На-

чались переговоры между командирами русских и татарских войск, в ходе которых приняли компромиссное решение: войскам (русским и крымским) покинуть Кабарду. Русские отошли к Гребенским городкам, а крымские – за Кубань [1, ф. Кабардинские дела, 1731–1732, д. 1, л. 17 об.]. Татархан-бек добровольно сложил свои полномочия перед Арслан-беком, которому, как писали князья Мисостовы, уздени всех уделов, «помирились и преклонились… и Арслан-бек ныне стал быть один над нами державою…» [Там же, л. 18]. При этом Арслан-бек всенародно поклялся сохранить верность России [1, ф. Кабардинские дела, 1737, д. 9, лл. 2–3].

О своей победе сам князь извещал генерала Дугласа. «Узденья обоих партий замирились, – писал он, – все кабардинские жители, соединясь между собою, присягою утвердились, убоясь крымского войска, чтоб самим, и скоту, и хлебу, и пожиткам вреду не было». Далее он заверил, что «остается верным е.и.в., хотя был принужден войско крымское привесть» [1, ф. Кабардинские дела, 1731–1732, д. 1, лл. 17 и 18 об.].

Формально, с приглашением Арслан-бека в крепость, а фактически же с разведывательной целью генерал отправил в Кабарду поручика Резанова.

Крымские войска не собирались уходить, хотя, во избежание вооруженного конфликта с русскими, отошли за Кубань. Они выполнили только часть программы – добились избрания своего ставленника. Главное еще не было достигнуто: Арслан-бек должен был привести кабардинцев к присяге перед крымским войском на верность Порте и выдать по одному аманату с каждой княжеской и знатной уоркской фамилии.

Кайтукин обсудил этот вопрос на хасе, где было решено послать по два знатных узденя от каждого удела в Копыль и пригласить калгу для совершения церемонии.

Резанов находился на приеме у князя, когда посланец калги явился с известием, что крымские войска остановились у реки Золка [1, ф. Кабардинские дела, 1731–1732, д. 1, л. 19].

Резанов заявил протест: «Кабарда состоит в протекции Российской империи и не без подозрения есть такой его, калги, приезд с войском» [Там же, л. 19 об.].

«Мы де идем не для войны, токмо по просьбе кабардинских князей пришли», – ответили ему крымские гонцы.

17 августа калга пригласил Резанова на переговоры. Эта встреча практически ничего не дала. Стороны взаимно упрекали во вмешательстве в дела Кабарды; каждая из них доказывала свое исключительное право на нее. Через два дня Резанов совещался с князьями Мисостовыми и Атажукиными, а 20 августа он допросил узденей, которые ездили в Копыль к калге. Перепуганные уздени показали: «то мы учинили, поверя Арслан-беку, сожалея хлеб свой, а ныне де усмотрели арслан-бекову неправду… токмо де сами видим, что пришло нам без хлеба помереть» [Там же, л. 21 об.].

Магомед Кургокин и Касай Атажукин тайно созвали совет с участием Резанова. Поручик обвинил участников совета в измене. Он также указал на то, что А. Кайтукин, ложно присягнув России, привел крымцев в Кабарду. В то же время он намекнул, что русские окажут им военную помощь, если выступят против Кайтукина. Участники совета заверили Резанова, что прогонят и крымцев, и Арслан-бека, если русские поддержат их, т. к. они не хотят быть под властью Крыма. На прощанье поручик снова встретился с Арслан-беком, который принял приглашение генерала Дугласа в крепость с оговоркой, что он поедет «токмо тогда, когда отъедет приглашенный гость – нурадин крымской» [1, ф. Кабардинские дела, 1731–1732, д. 1, л. 23].

Положение олиипша было сложным. Он обещал подчинить Кабарду Крыму, за что и получил поддержку. С другой стороны, он присягнул России, которая требовала высылки татар и выдачи одного из сыновей в аманаты. Видимо, князь хотел выиграть время: формально исполнить свои обещания перед Крымом, а когда он твердо укрепится в Кабарде, нормализовать свои отношения с Россией. Только этим можно объяснить, что он отправил в крепость Св. Креста своего сына Аслануку аманатом. Однако события опередили его.

Обеспокоенный сообщениями Резанова, генерал Дуглас с согласия главнокомандующего низовыми войсками генерала Левашова отправил в Кабарду двухтысячное регулярное войско с казаками под командованием генерал-майора Еропкина [Там же, л. 24 об.]. Для прикрытия истинной цели ввода русских войск в Кабарду был использован факт пребывания в частях крымского войска калмыков из улуса Дондук Омбо, бежавшего из России [Там же, л. 24].

Между тем из Крыма в Кабарду двигалась еще и другая орда под командой Аджи-Гирей-салтана [Там же, л. 24].

Так Кабарда оказалась одновременно оккупированной крымскими и русскими войсками. Началась переписка командиров войск, оспаривавших право на Кабарду друг у друга. Стороны обменивались «посыльными» грубостями и угрозами. Один упрекал другого и никто не хотел уступить. Каждая доказывала свое исключительное право на Кабарду.

К месту инцидента спешил и сын Каплан-Гирея [Там же, л. 33 об.].

На письмо русского генерала Еропкина с требованием выслать крымцев из страны князь Арслан-бек ответил предельно ясно: «Когда ты с войском... из Кабарды отступишь, я с кабардинцами сам примирюсь и пришлю тогда от себя в кр. Св. Креста по одному беку в аманаты» [1, ф. Кабардинские дела, 1731–1732, д. 1, л. 34].

Но Еропкин не мог этого сделать. Он руководствовался предписанием генерала Левашова, которое гласило: «ежели особой опасности не воспоследует от салтанов... то б ему, генерал-майору, с командою сколько возможность допустит, в Кабардах побыть... дабы крымцы не причли бы нам в робость и во убежание, а себе выигрыш, а кабардинцы в отчаяние не пришли якобы им впредь... оружием защищения не будет» [1, ф. Кабардинские дела, 1737, д. 9, л. 42].

Как видно, обстановка была предельно накалена. Малейшая неосторожность могла развязать войну, а на это у крымцев не было разрешения от Порты. Поэтому хан велел отвести войска за Кубань. Вместе с ним ушел и А. Кайтукин, сложив с себя полномочия олиипша. На этот раз вместе с ним ушел и весь его удел и поселился в верховьях Кубани [1, ф. Кабардинские дела, 1731–1732, д. 1, л. 33].

Прибытие русских войск в Кабарду вызвало огромный политический и дипломатический резонанс в Порте и Крыму. В Константинополе забили тревогу. Со своей стороны, правительство Анны Ивановны заявило через своего резидента И. И. Неплюева энергичный протест за ввод крымских войск в Кабарду. Теперь обе империи в резких тонах упрекали друг друга во вмешательстве в дела Кабарды и обе стороны оспаривали право на нее [Там же, л. 34 об.].

И. И. Неплюев ссылался на архивные данные, а Порта – на 9-й пункт русско-турецкого соглашения 1722 г. и письмо Петра I от 22 марта 1722 г.

В виду такого осложнения кабардинского вопроса, Коллегия иностранных дел

России объявила выговор генералу Дугласу за поведение поручика Резанова в Кабарде и ввод русских войск по его совету в Кабарду.

«Мы де не можем пробовать, – говорилось в указе Коллегии, – учиненную от вас посылку команды войск наших Кабарде и особливо майора Виттена в самую Кабарду с немалым числом казаков, из-за чего не малое предосуждение высокой нашей чести произошло, а вы и указа нашего на то не имеете» [1, ф. Кабардинские дела, 1731–1732, д. 1, л. 31 об.].

«Ежели б кабардинцы с ним, Арслан-беком, примирились, – говорилось в указе, – и отнятое у него все возвратили и в Кабарду по-прежнему жить допустили, то б и хан не имел притчин на Кабарду войск посылать. И для того вам надлежит трудиться кабардинцам предлагать и их склонять, чтобы они с Арслан-беком примирились...» [Там же].

В результате острой дипломатической борьбы Порта и Россия пришли к компромиссному решению: оставить в покое Кабарду до особого случая, т. е. до окончательного выяснения прав претендующих сторон [Там же, л. 34 об.].

20 марта 1733 г. Коллегия иностранных дел сообщила генералу Левашову: «К хану от Порты, действительно, указы отправлены, дабы он войскам от Кабарды велел отступить и впредь ко оной не интересовался, но при этом потребовала от него, резидента, дабы повелено было и наши войска из Кабарды вывесть и оную б до соглашения впредь оставить в покое... И мы повелеваем... ежели с крымской и кубанской стороны... сильных движений... не будет, то и вам... войск не посылать» [1, ф. Кабардинские дела, 1731–1732, д. 1, лл. 38–38 об.].

Как было отмечено, воспользовавшись ослаблением Персии, Порта завладела обширными ее провинциями. В 30-х гг. XVIII в. в Персии выдвинулся талантливый полководец и жестокий правитель Надир-Кули-Али-хан, который сверг слабовольного шаха и сосредоточил всю полноту власти в своих руках.

В 1732 г. Надир расторг неравный мир, навязанный Портой, и потребовал возвращения Персии всех ее земель.

В начавшейся войне симпатия населения Закавказья была на стороне Персии. При поддержке армян турецкий ударный корпус во главе с Сара-Мустафа-пашой был истреблен под Ганжой. Вслед за этим Надир нанес ряд поражений войскам Порты.

В целях организации крупной диверсии в тылу Надир-Кули-хана турецкое командование решило послать крымских татар и ногайцев в Персию через Кабарду и Дагестан. В диверсионный отряд было определено 12 000 всадников с Фети-Гирей-салтаном во главе [92, 46–47]. Салтан был снабжен письмом от хана и султана к владельцам Кабарды и Дагестана об оказании ему содействия.

В условиях компромиссного решения кабардинского вопроса одностороннее решение Порты пропустить войска через Кабарду было явным нарушением. Кроме такой чисто юридической стороны, проход крымских войск через названные районы мог иметь и другие нежелательные последствия для России. Поэтому борьба вокруг кабардинского вопроса разгорается с новой силой. Судя по реляциям Неплюева из Константинополя, в тот период вопрос о Кабарде ставился постоянно на конференциях – встречах русского резидента с визирем Порты.

Первого, четвертого, седьмого, десятого, одиннадцатого и четырнадцатого апреля 1733 г. Неплюев «сильную протестацию чинил против проходу татар крымских в

Персию чрез… Кабарду и Дагестаны…». При этом он принес жалобу на хана о том, что он «грозит паки нападением на Кабарду и войско… уже збирает» [1, ф. Кабардинские дела, 1730–1733, д. 1, лл. 40–41].

7 апреля 1733 г. Неплюев с тревогой извещал правительство, что Турция резко изменила свою позицию по кабардинскому вопросу, что «Порта раскаялась о посылке… в 1731 г... указов своих хану крымскому и азовскому паше о возвращении войск от Кабарды» [1, ф. Кабардинские дела, 1731–1732, д.1, лл. 8–9].

Реис-эфенди без обиняков заявил русскому дипломату: «Елико касается до Кабарды Большой и Малой, – оныя де суть ханския, того ради России мешаться не для чего, о чем вам, резиденту, неоднократно объявлено» [Там же, л. 8].

10 и 14 апреля Неплюев отстаивал право России на Кабарду с документами в руках, пытаясь предотвратить «проход крымских войск чрез Кабарду». На этот раз он был на конференции у верховного визиря Порты. Наконец, визирь издевательски объявил, что спорить уже поздно, «татарские войска еще в марте месяце выступили в поход идти чрез Кабарду, Кумыки и Дагестаны к Ширвану» [1, ф. Кабардинские дела, 1730–1733, д. 1, лл. 43–44].

Как видно, решение кабардинского вопроса дипломатическим путем зашло в тупик.

Категоричный тон султанской дипломатии имел свои основания. Поражение под Ганжой усилило брожение среди янычар, которые подняли восстание и принудили султана сместить всех министров вместе с Осман-пашой. Новое правительство, составленное из реваншистов, взяло агрессивный курс. Всем было ясно, что столкновение с Россией было неизбежно. Поэтому Турция стремилась укрепить свои позиции на Северном Кавказе, где Кабарде отводилось первостепенное значение. Необходимо было покончить и с Персидской войной. Для этого и были посланы войска в Персию, чтобы взять ее в клещи (с Кавказа и Анатолии) и принудить заключить выгодный мир.

В правящих кругах России также было ясно, что война с Портой неизбежна. России было выгодно затянуть персидско-турецкую войну. С другой стороны, пропуск вражеских войск через русские земли мог обострить отношения с Персией. А самое главное Россия сама стремилась стать твердой ногой в Кабарде, чтобы сузить фронт в предстоящей войне с Портой и использовать военный потенциал Кабарды.

Соответственно с обстановкой, Коллегия иностранных дел предписала войскам, дислоцированным на Кавказе, готовиться к вооруженному отражению татар. «Что вы для страху крымцов и кубанцов разгласили нарядить в Кабарду немалую команду и при крепости Св. Креста полками чините эксерциции, приемлется за благо», – говорилось в одном из указов Коллегии [1, ф. Кабардинские дела, 1730–1733, д. 1, л. 4 об.].

В этой связи небезынтересен и второй вариант решения кабардинского вопроса, предложенный турецким историком Эмини. Изучив по поручению султанского правительства представленные крымской и русской сторонами документы по претензиям на Кабарду, «турецкий тефтер Эмини» объявил Неплюеву 14 апреля 1733 г., «что Кабарда (Большая и Малая) суть издревле вольныя, ни России, ни хану не принадлежали. Однако же де при нынешних спорах Порта российскими их не признает, ниже Россия Порте не уступит. Того ради… лутча бы их оставить так как они напред сего были, понеже де в сем деле решения инако не найти, разве ссор» [1, ф. Кабардинские дела, 1731–1732, д. 1, л. 9].

Из этого становится понятным, что приписываемая русскому дипломату И. И. Неплюеву «политическая ошибка» по кабардинскому вопросу не соответствует действительности.

В. Н. Кудашев, ссыллаясь на С. М. Смирнова, писал, что турецкое правительство отклонило претензии И. И. Неплюева на Кабарду на основании Грамоты Петра I (1722), из которой «нельзя было вывести заключения, что Петр I считал Кабарду принадлежащей России. Неплюев был поставлен в большое затруднение. Он не знал в точности отношения России к Кабарде... Кабардинский вопрос представлялся ему опасным и запутанным. Основываясь на грамоте Петра I 1722 г. к султану, Неплюев объявил было Большую Кабарду вольною, а затем и узнал, что русские генералы на Кавказе принимают под русское покровительство князей Большой Кабарды» [55, 53–54]. В свете приведенного материала, с этим утверждением нельзя согласиться.

Кудашев считал, что в основу 6-го артикула Белградского трактата легла именно «ошибка» Неплюева. «Ничего этого, конечно, не случилось бы, – писал он, – если бы в 1739 г. не было сделано политической ошибки в виде Белградского договора, порвавшего давнюю, естественную историческую связь Кабарды с Россией и сделавшего из нее не столько «барьеру» между двумя государствами Турцией и Россией, сколько яблоко раздора между ними» [55, 55].

Как сказано выше, компромиссное решение кабардинского вопроса было предложено турецкой стороной, когда стало очевидным, что ни один из претендентов не уступит ее другому.

К сожалению, ошибочное положение Соловьева и Кудашева повторено в ряде работ советских авторов [99, 72–73; 42, 166–167].

Идея нейтрализации Кабарды родилась в ходе борьбы за нее, когда дипломатические средства были исчерпаны, а к вооруженному решению данного вопроса Порта еще не была готова.

Крымский отряд действительно прошел через Кабарду, но он не причинил ей никакого ущерба, как и было гарантировано Портой [1, ф. Кабардинские дела, 1730–1733, д. 1, л. 45 об.].

11 июля 1733 г. в районе современного гор. Грозного произошла встреча татар, шедших в Персию, с русскими войсками. Завязался бой. «Татары сделали новый отчаянный натиск, – писал В. Потто, – и опрокинули наш левый фланг. Казалось, победа, окончательно склонялась на сторону татар, но в эту минуту догадались сосредоточить огонь всех наших пушек на толпу, теснившую левый фланг... Разбитые татары бежали, оставив в наших руках 12 знамен» [92, 46–47].

Командовавший русскими войсками князь Гессен-Гамбургский не сумел использовать одержанную победу. По словам В. Потто, он заперся с войсками в крепости Св. Креста, а побежденные ограбили Гребенские городки, «сотни людей побрали в полон и взбунтовали весь Северный Дагестан». Часть крымского войска с Фети-Гиреем пошла к Шемахе, а часть с добычей вернулась назад, в Крым [92, 48]. Последняя соединилась с калмыками Дондук Омбо, которые в урочище Маджар окружили казачий отряд во главе с атаманом Краснощековым. Отряд шел в крепость Св. Креста. В нем было около двух тысяч казаков, а у противника – не менее 10 тысяч воинов.

Отряду угрожал полный разгром. Много казаков было взято в плен, шел даже

торг «ясырями», когда об этом узнали кабардинцы [43, 81; 1, ф. Кабардинские дела, 1730–1733, д. 3, л. 23].

Князь Магомед Кургокин, шурин Дондук Омбо, подоспел с отрядом войск. «Если ты будешь драться заодно с татарами, – сказал князь Дондук Омбо, – то я стану за русских!» [92, 48].

Дондук Омбо послушался шурина и снял осаду, но князь Магомед и на этом не успокоился. Он принудил татар и калмыков вернуть всех пленных и проводил казаков до безопасной местности [1, ф. Кабардинские дела, 1730–1733, д. 3, л. 25].

С этого времени, т. е. с 1733 г., Порта и Россия находились на грани войны. Поэтому обе империи спешили нормализовать свои отношения с Персией: Россия путем уступок, т. е. возвращением приобретенных Петром I земель, а Порта – силой оружия. Чтобы решить эту задачу, султан распорядился в 1734 г. отправить в Персию огромное войско во главе с ханом Каплан-Гиреем тем же путем, которым шел и Фети-Гирей. Каплан-Гирей должен был нанести неожиданный удар в спину армии Надыр-Кули-хана.

Надворный советник Алексей Вишняков, заменивший И. И. Неплюева, 3 мая 1733 г. имел конференцию с верховным визирем Порты Али-пашой по поводу нового плана Порты провести войска в Персию через Северный Кавказ.

Интересно, какими доводами Вишняков доказывал неправомерность данного акта. «Не слыханное есть дело, – заявил он, чтоб который государь посылал войска чрез земли другого без получения позволения от владетеля, а меньше еще, не прося оного ...понеже Порте известно и по опыту 1733 г. ... о всех резонах, по которым е. и. в. не может дать согласия на то» [4, ф. ВУА, ед. хр. 45, лл. 20–24, 24 об.].

Али-паша пространно изъяснял позицию своего правительства. В Персии, сказал он, «Тогмас-Кули-хан, сверзя с престола законного государя, и, возвед младенца противо воли всего государства, во оной тирански владычествует». Дагестанцы, не желая «оному подчиниться», как единоверцы обратились к султану с просьбой взять их под свою протекцию и «акордовать... сильную помощь против общего неприятеля... Донмаса-Кули-хана». «Ныне, – продолжал визирь, – там вместо Шамкала уставил начальником всего Ширвана и Дагестана ...Альдархана-Кулиханова партизана. И что сей есть знак уже, действительной власти Тогмас-Кули-хановой над теми провинциями. Следственно, уступка их ее императорским величеством» [4, ф. ВУА, ед. хр. 45, лл. 24 об., 25].

Визирь далее пояснил: «получа таковые от дагестанцов прошения и ведомости... донес своему государю, султану», который, мол, предложил «созвать генеральный совет всех главных законников» [Там же, лл. 25 об., 26].

«Совет, – продолжал Али-паша, – заключил, чтоб оным единоверным дагестанцом протекцию и помощь акордовать. И то заключение... законник их, Муфти, своею фетфою утвердил, что стало быть, законно совершенно и неотменно» [Там же, л. 26 об.].

Решение генерального совета визирь доложил султану и тот «повелел все исполнить, т. е. дагестанцов акордовать его протекцией и на помощь к ним хана крымского с сильным войском послать» [Там же].

При этом визирь заверил Вишнякова, что татары крепко предупреждены «российской стороне противного не делать». «Но ежели... от российской стороны учинено будет препятствие или хану или войскам обиды, – в таком случае ведал бы, что

следствием не Блистательная Порта, но Россия будет притчиною и своевольною зачинщицею» [4, ф. ВУА, ед. хр. 45, л. 27].

На высокомерный тон визиря русский резидент дал резкий ответ. «Такие претензии Порты на оныя земли, если великий визирь благосклонно припомнить, неновыя», – сказал он. На то в свое время Петр I (в 1723 г.) ответил, что «его императорское величество тогда в Персию вступил сверх партикулярных своих резонов более того ради, чтоб Порта на берега Каспийского моря ноги не поставила».

Вишняков, стремясь обезоружить турецкую дипломатию, по пунктам опровергал объяснение Али-паши. «Армяне неоднократно обращались к России, – заметил он, – с просьбой защитить их от Порты как единоверцов, но е. и. в. не дало позволения... мешаться в эти дела». Но Вишнякову не удалось поколебать решительность визиря. Тогда резидент изложил причины возражения России относительно прохода турецких войск через Северный Кавказ. 1) «Проходом татар, – сказал Вишняков, – через е. и. в. земли персидский мир может нарушен быть»; 2) «е. и. в. сторона потеряет большие выгоды от торговли с оной» и 3) «крымской хан есть явный неприятель российской».

Сведя аргументы русского дипломата к нулю, визирь иронически ответил: «Порта никогда дагестанцов в российской власти не признавала, а тамо других земель оприч Терки по Сулаку нет, которых татары минуют» и, давая понять консулу, что вопрос окончательно решен и беседа окончена, Али-паша сказал: «всякая земля правится по своим правам и законам. Данная муфтиева сентенция и других законников мнения отменены быть не могут» [Там же, лл. 28–30, 30 об.].

В реляции от 15 мая 1735 г. Вишняков признавался: «я не мог быть без альтерации от такова его, визиря, ответу». И все же резидент философски заметил: «Всякий закон устанавливается для блага государства и зависит толкование оного от правителей» [4, ф. ВУА, ед. хр. 45, л. 31].

«Я никогда двояко не говорю, – ответил визирь, – но как есть существо дела. И всему вышереченному быть непременно» [Там же].

15 мая Вишняков сообщил в Москву, что хан действительно выступил в поход, имея при себе 60 000 войско и легкую артиллерию [Там же, л. 47].

В конце реляции дипломат предлагал два варианта сопротивления войскам хана. 1. Поскольку на Кавказе у русских мало военной силы, а «хан еще присовокупит... ногаев и горских народов», Вишняков считал целесообразным совершить диверсию в Крым, после выхода хана в поход, чтоб он «принужден был вернуться». 2. Ударить татар с тыла, заранее уведомив Надыр-хана о движении их, «чтоб он засады устроил в горных проходах» [Там же, лл. 59–60].

Сложность вопроса заключалась в том, что дагестанцы восстали против персидского ига. Обычно в подобных случаях более слабая сторона прибегает к помощи извне. Реально такой силой могла быть Россия. Но близорукая внешняя политика правительства Анны Ивановны не учла эту возможность.

Бутков правильно писал, что «Российский двор долгое время искал удобного случая, чтоб завоеванные Петром I в Персии провинции сбыть честным образом» [18, 106]. Действительно, российский двор всячески ублажал Надыр-Кули-хана, без всякого на то основания уступая ему провинции одну за другой. В этих условиях дагестанцам ничего не оставалось, как обратиться к Порте, которая не могла упустить такого благоприятного стечения обстоятельств.

В результате русско-дагестанские отношения до того обострились, что в 1735 г. дагестанцы не пропустили в Персию русского посла К. С. Голицына [4, ф. ВУА, ед. хр. 45, л. 88].

Поэтому и спешил Каплан-Гирей-хан в Дагестан, чтобы воспользоваться взрывом народного гнева против персидской тирании и господства русских. Торопили Порту и военные неудачи. В июне 1735 г. турки были разбиты под Ереваном.

«Уповая, что Порта… своей гордости и злости противу России убавит, – писал Голицын из Персии, – и самой ей до себя будет, а куда Тохмас-хан свое восприятие обратит еще знать неможно» [Там же, л. 136 об.].

Хан шел с намерением поднять все население Северного Кавказа под свое знамя. Он обратился с «призывными письмами» ко всем народам края.

В одном из таких писем, после пространного поздравления, хан обращался к чеченскому народу: «Между подобными себе почтенный Айдемир-бек, протчия военныя люди и весь чеченский народ, мы, благодаря богу, с правоверным войском ис Крыма выступили и намерение имеем идти в ваши края и по прибытии близ реки Кубани богомольца нашего Хаджи Сулемана в вашу сторону отправили. И когда оной к вам прибудет и словесно наш приказ выслушаете, тогда имеете во всякой преосторожности и готовности пребывать и нашего прибытия ожидать, ибо вы не подобны протчим, но особливо наш суть» (Внизу печать с надписью: «Каплан-Гирей-Хаджи-Селим-гирей ханов сын») [Там же, л. 92].

Подобные письма были разосланы всем народностям, проживавшим между Крымом и Дербентом. Порта возлагала большие надежды на предприятие крымского хана в деле разгрома Персии и упрочения своей позиции на Северном Кавказе. Фанатически преданный султану, Каплан-Гирей стремился, где лаской, а где силой, насаждать власть Оттоманской империи. Хотя хан и был далек от задуманной цели, все же, по мере продвижения вперед, войско его обрастало, и, когда он подошел к границам Кабарды, под его командой было уже более 80 000 человек. Войсковой атаман И. И. Фролов рапортом от 5 августа 1735 г. доносил в Коллегию иностранных дел, что Каплан-Гирей стоит «на Кубани ниже Копыля» с 40-тысячным войском, что к нему присоединилась Белогородская орда. «Хан разослал 10 человек призывать з Кубани людей». Далее он сообщал, что в стан хана спешат 400 человек из Азова и 100 человек некрасовцев [4, ф. ВУА, ед. хр. 47, лл. 4–5].

Кабардинцы понимали, что им не избежать военного столкновения с Крымом. Они считали, что при наличии артиллерии и координации сил с русскими на Кавказе смогут отразить натиск врага. Поэтому они настоятельно просили выполнить условия кабардино-русского соглашения 1732 г., по которому, в частности, им было обещано «20 пушек».

«А мы того от вашего величества войска и пушек просили, – писали кабардинские князья Анне Ивановне в январе 1735 г., – что повсягодно и завсегда татарские войска на нас набегают и с нами бой чинят, а такова войска (т. е. артиллерии. – *Е. Н.*) при нас не имеется» [1, ф. Кабардинские дела, 1734, д. 2, лл. 8 об., 9].

Но кавказская военная администрация не считала целесообразным вооружить кабардинцев артиллерией.

Разведка у кабардинцев работала четко. О предстоящем походе хана в Персию через Северный Кавказ кабардинцы разведали еще в 1734 г. и уведомили русское

командование. А в самом начале 1735 г. уполномоченный Кабарды князь Магомед Атажукин имел по этому поводу специальную встречу с главнокомандующим русских войск на Кавказе генералом Левашовым. Между генералом и князем было достигнуто соглашение о координации сил.

Потенциально ни Кабарда, ни русские военные силы на Кавказе не были в состоянии дать решительный отпор хану. Поэтому стороны договорились провести противника, прибегнув к тонкому дипломатическому трюку.

«В нынешнем же де хана крымского с войски приходу… чтоб они, баксанцы, от хана крымского в покое пребывали, и он, генерал г-н Левашов, не воспрещал, только бы они… в точное хану подданство не отдалися» [43, 84].

В соответствии с этим был уполномочен в Крым «дятька князя» Татаршау Манжуков с предложением урегулировать вопрос об убийстве крымских принцев (племянников хана) и заявить о готовности Кабарды признать протекторат Крыма [4, ф. ВУА, ед. хр. 45, л. 151].

Манжуков был снабжен письмами к Каплан-Гирей-хану и Касим-паше. Последнего кабардинцы просили быть посредником в их примирении с Домом Гиреев. Касим-паша, судя по его ответному письму, охотно взял на себя миссию парламентера. «Как те письма, так и дятьку вашего Татаршау, – писал он, – пресветлейшему моему патрону, хану, объявлял и представлял, о чем мой патрон, все крымския князя и мурзы радовались» [Там же, л. 52].

Хан лично беседовал с послом Кабарды и на прощанье сказал: «Раз, Татаршау, твои господа тебя прислали ко мне, чтобы им крымскому хану в холопстве быть – в братстве, то они учинили изрядно, и я тому радуюсь. Ныне наша дорога пролегает чрез Дербент и чрез вас (т. е. Кабарду) и извольте ко мне послать от князей их узденей, или знатных холопей. А я по вашему отъезду чрез один месяц буду маршировать в Персию чрез Дербент… А буде о вышеписанном деле похочете, господа кабардинцы, учинить экспронтом, то не упускайте время до выступления моего в марш в Крым прислать кто, мне учинить будет. А буде вы хочете при народе многом по прибытии в Ааде или нагаев или черкесах с нами говорить – в том ваша воля…» [4, ф. ВУА, ед. хр. 45, лл. 52–53].

Как видно, кабардинцы сумели убедить хана, раз он дал согласие принять делегацию из Кабарды.

Как только посол возвратился из Крыма с положительным ответом, оригинал письма Касым-паши был доставлен в крепость Св. Креста генералу Левашову. С его согласия было решено снарядить депутацию к хану из расчета по два узденя от каждого удела [Там же, л. 154].

По мере нарастания угрозы вторжения крымцев противоречия между враждующими группировками Кабарды смягчились [1, ф. Кабардинские дела, 1731–1732, д. 1, лл. 31–33]. Обе интенсивно сносились по всем серьезным вопросам с командованием военной крепости Св. Креста. Так, Арслан-бек уведомил коменданта в июле месяце 1735 г., что он переселяется на Баксан, и «будет в верности к и. е. в.». Между прочим, консолидация сил всех княжеских уделов, накануне враждовавших, перед лицом внешней опасности – характерна для Кабарды последующего периода. По этому поводу князья писали еще Петру I: «Недругов у нас много и вы на их слова не глядите и в верности нашей не сумлевайтесь. А между собой днем контримся друг

друга для юртов наших, а на другой день паки миримся, и на то не извольте смотреть; как бы ни есть, юрты наши содержать могли» [43, 16].

В середине августа Каплан-Гирей с 80 000 войском перешел Лабу и форсированным маршем прошел расстояние от Лабы до Балка (Малка), а на исходе месяца оккупировал Кабарду [1, ф. Кабардинские дела, 1736, д. 1, лл. 1–2, 2 об.].

Таким образом, Кабарда официально признала протекторат Крыма и обязалась дать ему военное подкрепление («по 100 всадников с одним князем» от каждого удела) и заплатить деньгами выкуп «за кровь солтанов». Размер выкупа неизвестен, но в письме кабардинских князей, адресованном русской царице, говорилось: «А что мы на пред сего... ханских детей побили и жен к себе взяли, за то обещали хану платить деньги... И такой оной народ сребролюбцы, помирясь с нами, отъехали» [Там же, л. 6].

Оккупантам не было смысла задерживаться в Кабарде. Тщеславие Каплан-Гирея-хана было удовлетворено: Кабарда поклонилась и покорилась ему. Хан со своим войском двинулся дальше, в Персию.

Как отмечено выше, русским было выгодно не вступать в бой с ханом. Описывая события этого периода, князь Магомед Кургокин сообщал императрице Анне Ивановне: «Крымское войско чрез Терки и Тарки прошло, а навстречу того, крымского войска, никто не вышел...» [Там же, л. 2 об.].

Другой кабардинский князь Касай Атажукин, оправдывая тактику Кабарды в период ее оккупации войсками Каплан-Гирея, писал той же царице: «А потом, как крымское войско чрез наши владения прошло и чрез реку Терк переправилось, при той реке стоящее российское войско с ними, крымцами, бой не учинило. И уведомились мы, что между Российскою империею и Оттоманскою Портою мир имеется, того для оныя, крымцы, и пропущены. А егда между обоими государствами мир имеется, то нам уже с крымцами в бой вступать было невозможно, понеже, с одной стороны, неприятели-братья наши Жамболатовы дети имелись, а з другой стороны, крымцы. Неприятельски учинить было нам несносно и между двумя неприятелями никако нам жить невозможно ж» [1, ф. Кабардинские дела, 1736, д. 1, л. 5 об.].

«Со оным же ханом, – продолжал Атажукин, – обещали было мы послать одного молодого бека и при нем сто человек простых людей, токмо не послали, и во время возвращения крымского хана с войском своим к домам своим Кайтукин сын Арслан-бек зазвал хана в дом свой. Видя оное, и мы ханского сына с одним солтаном к себе зазвали и гостили у нас 14 дней, а потом отъехали» [Там же, лл. 6 и 6 об.].

Дипломатический ход генерала Левашова – воздержаться от военных действий с войсками хана, а кабардинцев склонить формально признать покровительство Крыма – был правильным тактическим решением. Этим Левашов достиг, во-первых, сохранения живой силы; во-вторых, притупления бдительности Крыма; в-третьих, психологической подготовки населения и войска к решительным действиям.

Одной из заслуг кабардинцев предвоенного периода следует считать их вклад в дело возвращения беглых калмыков из Крыма в подданство России.

В 1724 г. калмыцкий принц Дондук Омбо бежал из России в Крым и увел с собой свой улус.

С согласия Крыма, калмыки кочевали в Приазовье и Прикубанье. Официально улус Дондук Омбо являлся вассалом Крымского ханства и обязан был участвовать

во всех военных предприятиях Порты. Естественно, чаще всего он использовался против Кабарды.

Дондук Омбо был женат на кабардинской княжне Жане – родной сестре видного удельного князя Магомеда Кургокина (Атажукин род).

Бегство Дондук Омбо с целым улусом в Крым отрицательно влияло на военно-политические проблемы Кабарды. Оно приумножило военную мощь Крыма и поставило под сомнение верность кабардинцев союзу с Россией.

Особенно теперь, когда надвигалась реальная угроза со стороны Крыма, вопрос о пребывании калмыков в лагере противника был далеко не праздным. Возвращение же их в Россию, не говоря о чисто военных выгодах, могло укрепить кабардино-русские отношения.

Видимо, этот план давно вынашивали кабардинцы, но практически к его осуществлению приступили после инцидента с казачьим отрядом атамана Краснощекова (1733). В возвращении калмыков Россия не меньше была заинтересована. На протяжении 10 лет Россия постоянно требовала от Порты «высылки калмыков», но турецкая сторона не спешила, т. к. улус принца Омбо был хорошей приманкой для перетягивания воинственных калмыков.

Кабардинские князья Магомед Кургокин и Касай Атажукин предложили командующему крепостью Св. Креста графу Гессен-Гамбургскому возбудить вопрос в Коллегии иностранных дел о возвращении Дондук Омбо в подданство России.

3 августа 1734 г. состоялось первое обсуждение предложенного кабардинцами плана о калмыках, на котором князья Кургокин и Мисостов согласились быть парламентерами [1, ф. Кабардинские дела, 1734, д. 3, лл. 1–2]. Вскоре им удалось уговорить Дондук Омбо написать прошение на имя императрицы Анны Ивановны о возвращении его в подданство России. 22 августа калмыцкий принц прислал послов к подполковнику Юшкову, стоявшему с отрядом казаков в Кабарде, с просьбой «прислать оному е.и.в. грамоту обнадеживающую» [1, ф. Кабардинские дела, 1734, д. 3, л. 1].

«Желаю, – писал Дондук Омбо, – при свидании с кабардинскими князьями… обратитца вскорости в подданство е. и. в.» [Там же].

«По требованию его (т. е. Дондук Омбо. – *Е. Н.*), доминант-подполковника Юшкова и по представлению оных кабардинских владельцов Грамота ее императорского величества к нему послана 20 числа» [Там же].

Осенью 1734 г. Грамота Анны Ивановны через доверенных лиц была отправлена в кочевье калмыков.

«Грамоту о прощении» Дондук Омбо принял «с великим охотным благодарением» и твердо заверил послов российских и кабардинских «перекочевать к стороне е.и.в.».

Но обстановка на Кубани в то время была напряженной. «Кубанская орда ныне в зборе для походу к Кабардам, – объяснил Омбо, – да и хан крымской ис Крыму выступил и с тамошними орды следовал на кубанскую сторону. И при мне де обретаетца немало мурз крымских и кубанских. И салтаны де к нему прислали, чтоб он, Дондук Омбо, дал своих людей…» [Там же, л. 2].

Чтобы отвести от себя возможные подозрения, Омбо откочевал к Азову. 29 августа 1734 г. старшина Войска Донского Данило Ефремов прибыл в Кабарду завершить переговоры с Омбо. Ефремов приехал пышно на 10 подводах. Он привез князьям

Магомеду Кургокину и Касаю Атажукину 2000 рублей в подарок «да пуд чаю доброго черного и 1000 рублей на нужнейшие разсходы» [Там же, д. 2, л. 1].

Ефремов привез кабардинским князьям Грамоту Анны Ивановны. «Нашему императорскому величеству, – говорилось в ней, – наш генерал-лейтенант князь Гессен-Гомбургский доносил, что подданной наш, калмыцкий владелец, а ваш зять, Дондук Омбо... просил в вине своей прощения... И что вы, верные наши подданные, к нему же, генералу, писали, дабы вас уверить в том, что ему, Дондук Омбо, от нас... гнева и никакова вреда не будет...» [1, ф. Кабардинские дела, 1734, д. 2, лл. 4–5].

Князьям предлагалось поехать к Омбо и от имени «е.и.в. накрепко обнадежить и уверить, что отнюдь ничего ему учинено не будет и склонить ево...», чтобы он «безо всякого опасения и замедления шел на прежнее свое жилище – к реке Волге» [Там же].

Далее Грамота предупреждала кабардинцев об опасности пребывания калмыков под покровительством Крыма.

«Кубанския татары, имея ево (т. е. Омбо. – *Е. Н.*) при себе, всегда могут вас, кабардинцов, силою превосходить. А когда оной, Дондук Омбо, вашим увещеванием в преступлении своем извинение нам принесет и в верность присягу учинит, и к Волге пойдет... и будет жить в тишине и покое, то вы себе получите тем пользу и калмыцкий народ своим благодеянием одолжите ...» [Там же].

Князь Магомед Кургокин отправил вместе с Ефремовым к Дондук Омбо своего сына Мисоста с двумя узденями (Куденетова и Тамбиева). Калмыцкий принц стоял в местечке Алта-су, где ему вручили грамоту царицы. На этой встрече вопрос о возвращении калмыков полностью был решен, но ситуация на Кубани не позволяла соблюдения конспирации. Поэтому калмыки вернулись значительно позднее – осенью 1735 г. перед самым началом русско-турецкой войны. Крымский хан считал кабардинский вопрос решенным, ослабил надзор над калмыками. Воспользовавшись этим обстоятельством, Дондук Омбо при поддержке кабардинцев перешел царицынскую линию «со всем улусом и з братьями Лобжо и Доржин...» [4, ф. ВУА, ед. хр. 47, лл. 4–5].

Вскоре Дондук Омбо был избран ханом калмыков и участвовал в начавшейся русско-турецкой войне, имея под своей командой более 40 тысяч всадников.

Услуги кабардинцев в возвращении калмыков высоко были оценены в правительственных кругах России.

В именной Грамоте Царицы Анны Ивановны говорилось: «А мы, великая государыня, наше императорское величество, пожалуем вас, наших верноподданных кабардинских владельцев, нашим жалованьем и будем содержать всегда в нашем защищении» [1, ф. Кабардинские дела, 1734, д. 2, лл. 2 об., 21].

Спокойствие русских на Кавказе в то время, когда Каплан-Гирей-хаджи-хан торжествовал свою победу над Кабардой, напоминало предгрозовое затишье.

Как отмечалось, на протяжении двухсот лет между Россией и Портой шла борьба с переменным успехом из-за Кабарды. Кабардинский вопрос был ключом к решению всей Кавказской проблемы. С оккупацией же Кабарды войсками хана в русско-турецких противоречиях наступил острый кризис. Кабардинский вопрос более не «не вмещался» в кабинетах дипломатов. Его следовало вынести на поле боя. Тогда соперникам пришлось бы померяться силами, что и случилось в октябре 1735 года.

В ответ на оккупацию Кабарды войсками хана правительство Анны Ивановны

решило нанести массированный удар по Крыму, как и советовали Неплюев и Вишняков. Главнокомандующий вооруженными силами России фельдмаршал граф фон Миних поручил эту операцию генерал-лейтенанту Леонтьеву, придав ему более 40 тысяч регулярного и нерегулярного войска [100, 400–401]. 6 октября 1735 г. русские нанесли массированный удар по владениям Крыма, но ввиду особых погодных условий генерал приостановил военные действия и вернулся назад [Там же].

Русско-турецкая война (хотя она и датируется 1735–1739 гг.) фактически началась весной 1736 г. осадой Азова. Сразу образовались три фронта: крымский, азовский, кубанский. В данном случае нас интересует Кубанский фронт.

На Кубани и в Приазовье кочевали многочисленные ногайские племена с общим населением более полмиллиона человек. Их называли кубанскими татарами или Кубанской ордой. Все они входили в состав Крымского ханства, и в военное время Крым использовал их на любом участке войны.

Основным объектом военных действий 1736 г. была турецкая военная крепость Азов, которую русские осадили в марте 1736 г.

Чтобы обезопасить тыл и левый фланг русских войск, осаждавших турецкую цитадель на Азове, необходимо было нейтрализовать ногайцев и впредь держать сильную армию, способную отразить возможный натиск со стороны противника.

Военная техника и методы ведения войны у ногайцев были примитивными, но приходилось считаться с численностью и личной отвагой последних.

С учетом всех особенностей этого района было решено открыть особый кубанский фронт и бросить туда калмыков, кабардинцев, терских и кизлярских казаков, снабдив их легкой артиллерией.

В связи с этим императрица Анна Ивановна обратилась к кабардинцам с Грамотой от 13 апреля 1736 г., в которой она сообщала о причинах и начале войны с Портой. Императрица предлагала кабардинцам, чтобы они «собрався с своими военными людьми и, совокупясь з донскими казаками… шли на Кубань и на тамошних татар и на протчих турецких подданных нападение чинили и оных до того не допускали, чтоб они… осаде Азова… мешались» [43, 82].

Отношение кабардинской политической элиты к начавшейся войне определилось задолго до получения этой грамоты. Связь между Кабардой и русскими военными властями сразу же восстановилась, как только хан покинул пределы Кабарды. Правда, в последней еще не было полного единства. Враждующие группировки продолжали с недоверием относиться друг к другу, но оба лагеря сносились с русскими, и когда война началась, они выразили готовность вступить в нее на стороне России [43, 84].

По предписанию главнокомандующего вооруженными силами России генерал-фельдмаршала фон Миниха 24 марта 1736 г. генерал Левашов шел на Азов с войсками, выведенными из Персии [62]. Вместе с ними выступили и первые два отряда кабардинцев, которые участвовали во взятии Азова [18, 191]. Одним из этих отрядов командовал князь Мисост, «Баматов сын» (Большая Кабарда), а вторым – князь Кильчуко (Малая Кабарда) [4, ф. ВУА, ед. хр. 47, л. 13].

Одновременно и в Кабарду прибыл крымский посол Айдемир Мурза с предписанием хана действовать в начавшейся войне против русских.

«А прежде всего, – писал хан, – хотя бы вы наши неприятели и убили наших салтанов, токмо де в том вас мы простили и души между собой дали, чтоб вам у русских

22 Заказ № 815

под ведением не быть, а быть бы у нас» [1, ф. Кабардинские дела, 1737, д. 2, лл. 11, 11 об.]. Каплан-Гирей выражал надежду, что кабардинцы сохранят верность Крыму и выступят против русских.

Весьма уклончивый ответ был дан кабардинцами: «Ныне де русские сильны калмыками, для того мы к ним и перешли... А ежели де вы будете сильны против их, то и мы будем ваши» [Там же].

Арслан-бек Кайтукин официально заверил астраханского губернатора в своей лояльности к России. «Мы, Катуковы дети, – писал он, – ее императорскому величеству ныне верныя рабы будем и ежели кто е.и.в. будет неприятель, то и мы на того неприятеля будем наступать сами неприятельски и в том свой живот не пожалеем... И в том извольте без сумнения быть» [1, ф. Кабардинские дела, 1737, д. 3, лл. 4, 4 об.]. А. Кайтукин предлагал даже выдать ханского посланника русским, но другие отсоветовали ему.

В 1736 г. враждовавшие князья окончательно примирились, избрали старшим князем Арслан-бека Кайтукина и снарядили в Москву посольство выразить солидарность Кабарды с ней и сообщить об объединении страны [1, ф. Кабардинские дела, 1736, д. 2, лл. 8–10].

«И благодарим Всевышнего Бога, – писали кабардинцы царице, – что ныне брат наш Арслан-бек ее императорскому величеству в верное подданство пришел и все мы с согласия признаваем ево за старшего и главнейшего бека» [1, ф. Кабардинские дела, 1737, д. 5, лл. 7–9].

Второй отряд кабардинского ополчения в 1 500 человек слился с донскими казаками и войсками калмыцкого хана в мае 1736 г.

Первое столкновение с противником на Кубанском фронте произошло 3 мая. Это были ногайцы племени солтан-улу.

Старшина Войска Донского Данило Ефремов доносил фон Миниху, что «кубанские татары солтан-улу побеждены войсками кабардинцов и калмыков» [4, ф. ВУА, ед. хр. 47, л. 15].

Ногайцы Салтан-улу некогда были данниками калмыцкого ханства. На этом основании Дондук Омбо предложил им откочевать к Волге и возобновить плату дани. Ногайцы согласились платить дань, но просили оставить их на Кубани или разрешить им кочевать в Кабарде, выдав аманатов калмыкам.

Пока шли переговоры, ногайцы укрепились в труднодоступных местах, соединились с другим племенем навруз-улу и прервали переговоры. Двинуться дальше, оставив у себя в тылу такое количество противника, было опасно. Взять их штурмом – не было надежды на успех. Брошенные на приступ войска (семеновские, терские казаки и «охочены») вынуждены были отступить. Тогда Ефремов обратился к князю Магомеду Кургокину послать кабардинцев на штурм. Князья Кургокин и Касай Атажукин «вызвались уладить дело без крови». Они в сопровождении знатных узденей, калмыцких зайсангов и знатных казаков поднялись в стан ногайцев [4, ф. ВУА, ед. хр. 47, л. 15].

«И хотя оные татары, за неимением между собой согласия, чинили отговорки, однакож от вышеписанных кабардинских владельцов... в подданстве е. и. в. склонились» и 24 мая 1736 г. «главныя мурзы четырех фамилий Мусса и Мисоус Хасбулат-улу, Бимурза Салтан-улу, Карасик Абдула-улу да оставшиеся от Саин-аджи Навруз-улу

с протчими мурзы в верность е. и. в. ...присягу учинили», – сообщал Д. Ефремов [Там же, лл. 15–16].

Ногайцы при этом поставили два условия: 1) по заключении мира с Оттоманской Портой «туркам их не отдавать, а содержать, яко верных подданных е. и. в., в защищении...»; 2) определить им место кочевья близ Кабарды по Малку, Терку и Куме рекам...» [Там же, л. 16].

Соблюдать эти условия присягнули казаки, калмыки и кабардинцы [Там же].

«Из засады, – доносил Д. Ефремов, – показанные мурзы з женами и з детьми и с обретающимся при них пожитки без всякого разорения к Кабарде от нас отправлены. Токмо добровольно з Дондук Омбою договорились, чтоб брать ему с них подать, как при деде Аюке хане» [Там же, л. 16 об.].

В названных четырех фамилиях оказалось «без жен и детей военных людей более 10 000 человек» [4, ф. ВУА, ед. хр. 47, л. 16 об.].

Из этого небольшого примера можно представить, какую угрозу ногайцы могли создать войскам, осаждавшим Азов.

Ногайцы выдали в качестве заложников 500 всадников из самых знатных мурз, которые влились в русское войско [Там же].

Это давало гарантию в соблюдении верности ногайцев, остающихся в тылу, не говоря уже об увеличении военной силы.

В конце мая подошла третья партия войск из Кабарды в 600 всадников и князья «Касим, Татархан и Батоко Бековичи с частию военных людей...» [Там же, л. 17].

Вскоре на этом фронте произошло одно из крупных сражений. Сильнейшее ногайское племя навруз-улу, в котором насчитывалось более 15 000 кибиток, решило не сдаваться. Расположилось оно в очень труднодоступном месте. Ногайцы надежно укрыли жен, детей, скот, а сами построили искусственные укрепления, чтобы дать отпор противнику. 10 дней длилось сражение. Жертвы были с обеих сторон. Наконец, ногайцы запросили мир, перешли в подданство России и выделили для участия в войне против Порты двухтысячный отряд [Там же, л. 21].

Жители Кубани в панике бежали в леса, «побросав пожитки». «Темиргоевцы и бесленеевцы, ожидая кабардинского и калмыцкого войска, ушли де в крепкие места», рассказывали пленные [1, ф. Кабардинские дела, 1736, д. 2, л. 1 об.].

«Ныне Кубанским татарам не токмо к сикурсу Азова дороги пресекаются, но и самим приходит до того, где б себя скрыть могли», – восторженно рапортовал Ефремов главнокомандующему [4, ф. ВУА, ед. хр. 47, л. 17].

Характеризуя военные действия калмыков и кабардинцев, Ефремов писал графу фон Миниху: «Дондук Омбо во всех своих поступках ревностную службу ее императорскому величеству показали и впредь обещают содержать себя непременно в верности» [4, ф. ВУА, ед. хр. 47, л. 17].

Таков в общих чертах ход военных действий на кубанском фронте за 1736 г.

В кампании 1737 г. Кабарда вообще не участвовала. Собственно, кампании не было. Помешала разразившаяся эпидемия чумы. Сведения о бедственном положении в стране в связи с «моровой болезнью» поступали в Москву из Кизляра, Астрахани, Дона и др. мест, но в правительственных кругах с сомнением отнеслись к ним и к «бездействию» кабардинцев. Высказывалось недовольство и малочисленностью войск, выставленных Кабардой в 1736 г. Особенно охладели отношения Петербурга

к Кабарде после безуспешного возвращения гвардии капитана Андриана Лопухина, который был уполномочен в Кабарду организовать поход на Кубань в 1737 г. [43, 95–96].

Капитан побоялся отправиться в чумную Кабарду, но, чтобы застраховаться, ответственность за провал кампании свалил на Кабарду, где, по свидетельству очевидца, в то время свирепствовало «великое моровое поветрие… и все беки и подлой народ бежали в леса» [4, ф. ВУА, ед. хр. 47, л. 27].

В связи с эпидемией чумы общение между Кабардой и Россией было прервано. С зимы 1737 г. не стали посылать войска и на Кубанский фронт. Этим обстоятельством воспользовалась крымская сторона, которая заметно активизируется в этом районе. Появились крымские эмиссары с письмами султана и хана, и «крымской салтан Фети-Гирей готовил сильный сикурс» по Азову.

Необходимо было дать отпор врагу. Эту задачу взяли на себя калмыцкие и кабардинские войска. Первыми командовал Дондук Омбо, а вторыми – два князя: Магомед Кургокин и Карамурза Алеев.

Кампания 1738 г. увенчалась успехом. Ногайцы, подвластные мурзы Мусы и остатки Навруз-улу были принуждены сложить оружие, признать подданство России и выдать аманатов [43, 96–97].

Другим важным событием этого года было возвращение абазинцев в Кабарду [Там же].

Еще в 1721 г. абазинцы насильственно были переселены за Кубань ханом Саадат-Гиреем. С тех пор они являлись источником бесконечных конфликтов между крымцами и кабардинцами.

В Петербурге с одобрением встретили весть о победе на Кубани. В Грамоте от 1 июля 1738 г. императрица поздравляла кабардинцев с возвращением абазинцев и советовала «тех абазинцов содержать в крепком смотрении» [Там же, 97].

Особенно оживился кубанский фронт с осени 1738 г. Жители кубанского бассейна, подстрекаемые крымскими салтанами и эмиссарами, сговорились отомстить кабардинцам.

Старший князь Кабарды Арслан-бек Кайтукин писал царице, что «с прошедшей зимы (т. е. 1738 г. – *Е. Н.*) до сего времени безпрестанно на службе бываем» [1, ф. Кабардинские дела, 1739, д. 1, л. 15 об.].

В феврале 1739 г. кабардинцы совместно с калмыками совершили массированный поход против кубанцев. В этом походе войсками кабардинцев командовал Арслан-бек Кайтукин.

«Сего году, месяца зилхиджия, в первых числах, – извещал олиипш Кабарды императрицу России, – хана Дондук Омбы калмыками вместе мы за реку Лабу и на вершину реки Хева ходили и пять тысяч безленейских аулов да бегбайских две тысячи аулов взяли…» [1, ф. Кабардинские дела, 1739, д. 1, л. 15].

Летом 1739 г. последовал ответный удар со стороны Крыма. Крымские войска под командованием Фети-Гирей салтана, «кубанские татары сераскира Казы-Гирей салтана купно с темиргойскими черкесы» напали на летние пастбища кабардинцев и угнали «двести тысяч овец, семь тысяч коров… и взяли в полон пятьсот душ» [Там же, лл. 24–25].

В Грамоте от 19 июля 1739 г. императрица Анна Ивановна выражала сочувствие

кабардинцам по этому поводу и извещала, что дано указание калмыкам оказать вооруженную помощь Кабарде [4, ф. ВУА, ед. хр. 47, л. 90].

20 августа кабардинцы и калмыки встретились с крымско-кубанскими войсками под командованием Казы-Гирей салтана на р. Лаба. Сераскир занимал крепкую позицию и намерен был только обороняться, но «видя малолюдство наше, дал бой». Как передает лаконично участник этого сражения А. Кайтукин, – «тех татар разбили и прогнали. Много до смерти побито... и в полон взято... а салтана Кази-Гирея раненного до смерти побили ж...» [Там же].

Это сражение – последний аккорд кубанского фронта в русско-турецкой войне 1735–1739 гг. 18 сентября 1739 г. подписан Белградский мирный трактат, шестым пунктом которого определен юридический статус Кабарды.

«...Быть тем Кабардам вольным и не быть под владением ни одного, ни другого Империи, – говорилось в нем, – но токмо за бариеру между обоими Империями служить» [1, ф. Кабардинские дела, 1739–1741, д. 2, лл. 1, 1 об.].

Лучшим комментарием к 6-му артикулу Белградского договора является последняя фраза того же пункта: «А ежели помянутые кабардинцы притчину жалобы подадут одной или другой державе, – каждой позволяется наказать».

Как и в 1711 г., в 1722 г. Кабарда оказалась изолированной, т. е. вне юрисдикции России, на стороне которой она воевала от начала до конца войны.

Война 1735–1739 гг. была окончена, но не была окончена борьба за Кабарду, как и борьба самих кабардинцев за свою независимость. Наступившее равновесие сил стран-соперниц превратило Кабарду в военно-политический полигон, где стороны свободно могли соперничать за доминирующее влияние. Сама же Кабарда игнорировала Белградский договор и его шестой артикул. Она по-прежнему считала себя под протекцией России и сносилась с Москвой по всем важным вопросам.

Таким образом, Белградский мирный трактат не разрешил кабардинский вопрос. Напротив, он осложнил его. Представленная Кабарде независимость была простой фикцией, рассчитанной на реванш в будущем. Но сам факт определения юридического статуса Кабарды международно-правовым документом говорит о политической значимости последней в этот период.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные аспекты истории Кабарды первой половины XVIII в. позволяют сделать определенные выводы.

1. Иерархическая структура землевладения и землепользования, натурально замкнутый характер основных отраслей хозяйства, факт зарождения в них товарного производства и, наконец, форма эксплуатации в этих хозяйствах, т. е. господство продуктовой ренты над отработочной как метод присвоения прибавочного продукта землевладельцами, говорят об укреплении в стране феодального способа производства, иначе говоря, феодальные отношения достигли высокого уровня. Правда, сохранилась и дофеодальная форма эксплуатации в виде домашнего рабства, но она не играла существенной роли в экономике страны. Об этом же свидетельствует и социально-политический строй.

2. Как отмечено, в начале XVIII в. население Кабарды (Большой и Малой) уже было расколото на два антагонистических класса: феодалов и крестьян, которые, в свою очередь, дробились на группы и подгруппы соответственно их отношению к основному средству производства – земле. Сложная система землевладения создала многосословное общество, присущее сложившемуся периоду феодализма. При этом следует подчеркнуть, что абсолютное большинство населения было феодально зависимым.

Высшая знать – княжеское сословие – считалась верховным собственником всей земли. Отсюда и исключительное право – пши – полной неприкосновенности.

Кроме пши, на вотчинном праве владела землей и вторая по знатности категория феодалов: тлекотлеши и дыжинуго, с той разницей, что последние значились вассалами князей.

Остальные слои господствующего класса, в частности, беслан-уорки и уоркшаотлухгусы сидели на землях князей, тлекотлешей и дыжинуго и соответственно являлись их вассалами, замыкая круг знати кабардинского общества (пши-уорк).

На противоположном полюсе феодально-сословной лестницы находилась основная масса населения страны, зависимая от перечисленных категорий феодалов. Она также не была однородной. От различной формы эксплуатации образовались различные категории феодально-зависимых крестьян: азаты – вольноотпущенники, обязанные сидеть на земле прежних господ; чагары (оги) – оброчные крестьяне, лагунапыты (холопы) – барщинные крестьяне и небольшая, но совсем бесправная социальная группа: унауты и ясыри – домашние рабы.

Как правило, ясырей (если они прижились) женили и, по мере разрастания их семей, переводили в разряд лагунапытов, а унауты, по милости господ, иногда пополняли социальную группу азатов. В целом рабский труд не имел широкой сферы применения в экономике Кабарды первой половины XVIII в. Рабов могли держать только пши-уорки.

Наряду с этими двумя общественными классами имелась еще промежуточная прослойка: бейголи, бейголышхо и пшикеу, используемые главным образом в княжеских домах и аппаратах управления. По образу жизни их можно отнести к эксплуататорскому классу, так как и они эксплуатировали холопов, хотя сами не были уорками. По форме же землепользования эта прослойка напоминала азатов.

Как видно, важнейшие признаки сложившегося феодализма – иммунитет, вассалитет и феодально-зависимое крестьянство – здесь были налицо.

3. В стране имелись все необходимые светские и духовные органы власти для внеэкономического принуждения трудящихся.

В частности, вся Кабарда была разделена между пятью самостоятельными удельными княжествами: Жамболатовым, Атажукиным, Мисостовым (Большая Кабарда), Келахстановым и Талостановым (Малая Кабарда).

Удельное княжество Кабарды первой половины XVIII в. – типичное феодальное государство со своей территорией, подвластным населением, вассалами, войском, судом и др. атрибутами сеньории. Таким образом, страна была политически раздроблена. Но в ней происходил процесс консолидации княжеских уделов и уже функционировали такие государственные институты общекабардинского масштаба, как хаса – законодательный орган, олиипш – высшая распорядительная и

исполнительная власть, хей – высшая судебная инстанция, дза – вооруженная сила, образуемая из дворянских ополчений уделов и личной охраны старшего князя и т. д.

Описанная государственно-политическая система правления Кабарды аналогична политическому режиму эпохи развитого феодализма. Это признают почти все дореволюционные авторы, в частности, Г. А. Гюльденштедт, П. С. Паллас, С. М. Броневский, Султан Хан-Гирей, В. К. Кудашев и др.

Факт существования в Кабарде удельных княжеств признается и большинством советских кавказоведов. Следовательно, основываясь на марксистском положении о взаимодействии базиса и надстройки, правомерно признать, что сложившаяся в Кабарде система государственно-политического правления могла зиждиться лишь на сравнительно развитых феодальных отношениях.

Противники этой концепции находят уязвимым здесь тот факт, что в Кабарде не было ремесленных центров, городов, централизованного государства, денежной ренты и что, наконец, в ней сосуществовали патриархально-родовой и рабовладельческий уклады.

Во-первых, при феодализме, даже в классический период его развития основные общественные классы никогда не были социально однородными. Напротив, для него характерна мозаичность социального состава классов. Видимо, не остатки пережитков прошлого определяют характер общественно-экономического строя, а форма господствующего способа производства и уровень развития последнего.

Во-вторых, периоду генезиса феодализма присущ ряд характерных черт, которые отсутствуют в социально-экономической структуре и политическом строе Кабарды исследуемого периода.

Как известно, на ранней стадии развития феодализма нарождающийся феодальный способ производства и новый общественный класс нуждаются в сильной власти для экспроприации земли, прикрепления тружеников к ней и охраны накопленного богатства. Поэтому, как правило, возникают классовые корпорации – сравнительно единые и обширные раннегосударственные объединения типа Киевской Руси X–XI вв., королевства Карла Великого и т. п.

По мере же роста и развития феодальных отношений экономическая позиция отдельных феодальных владений упрочивается, вследствие чего в них появляется тенденция к политической независимости. Начинаются внутриклассовые распри – феодальные междоусобицы. И, наконец, территория бывшего единого государства распадается на самостоятельные княжества – сеньории. Этот период экономической и политической раздробленности принято считать временем расцвета феодализма.

По всем данным Кабарда в рассматриваемое время переживала период феодальной раздробленности.

Думается, что у адыгов была и своя «Киевская Русь» – раннефеодальное объединение во времена легендарного князя Инала. Источники содержат ряд интересных указаний на существование такого объединения у адыгов и распад его при потомках Инала. Этот вопрос выходит за рамки настоящей работы и требует специального исследования.

Пути развития феодализма – весьма и весьма разнообразны, хотя в основе этого процесса везде и всюду лежат указанные классиками марксизма-ленинизма закономерности.

На Западе феодализм зародился в недрах рабовладельческой формации или на ее развалинах, где некогда процветали ремесла, торговля, города, мореплавание и т. д. Там унаследованные от предшествующей цивилизации города, естественно, сыграли важную роль в развитии производительных сил, а в конечном итоге в укреплении феодального способа производства.

Но ведь были районы, где, как говорится, феодальные отношения зародились на «чистом месте». Здесь по многим причинам задержалось прогрессивное развитие общества и при разложении родового строя сложилась двухукладная система: рабовладельческая и феодальная. В дальнейшем господствующей становится последняя, но сохраняется и первая в виде домашнего рабства.

Победа феодального способа производства, т. е. господство натурально-замкнутой системы хозяйства и барщины препятствует возникновению хозяйственных контрастов, следовательно, появлению внутреннего рынка, ремесленных центров, городов и т. д. Вследствие этого изделия ремесел и домашней промышленности находят спрос только за пределами страны. Вслед за изделиями начинается и активная фильтрация самих ремесленников за рубеж вместо их концентрации внутри страны. Таким образом, несмотря на отсутствие ремесленных центров и городов, феодальные отношения, хотя и замедленным темпом, все-таки развиваются, и достигают этапа своего завершения, что собственно и наблюдается в Кабарде в первой половине XVIII в.

Что же касается денежной ренты и централизованного государства, то эти институты согласно марксистско-ленинскому учению являются атрибутами позднего периода феодализма.

4. Кабарда в рассматриваемое время поддерживала экономические, политические, культурные и другие контакты почти со всеми соседними державами и народами (Дагестаном, Грузией, Ираном, Турцией, Крымом, Польшей, Россией и остальными народами, населявшими Кавказ).

Находясь на стыке экспансий двух могущественных империй того периода – Порты и России – Кабарда вела очень сложную, напряженную и гибкую внешнюю политику. Иначе говоря, ей приходилось постоянно эквилибрировать между соперницами, на равновесии сил которых, собственно, и держалось ее относительно независимое существование.

В сущности, неустойчивость внешней политики Кабарды была следствием ее экономической и политической отсталости по сравнению с соседними державами.

Отчетливо понимая это, Кабарда искала сильного покровителя, под эгидой которого она смогла бы сохранить самобытность своего внутреннего устройства. Таким протектором ею была признана Россия, на чьей стороне находилась симпатия Кабарды на протяжении всего исследуемого периода.

В такой же степени и Россия была заинтересована в союзе с Кабардой, пока ее позиция на Юге не была прочной. Кабарда часто опиралась на мощь и помощь России и сама вносила посильный вклад в дело упрочения позиции русских на Юге. Таковы Русско-турецкие войны 1710–1711, 1735–1739 гг., а также прикаспийский поход Петра I 1721–1722 гг., в которых Кабарда участвовала на стороне России. В свою очередь, русские войска оказали поддержку Кабарде в годы обострения ее отношений с Турцией и Крымом (1720–1721, 1731–1735).

Но в ходе Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. конъюнктура вокруг кабардин-

ского вопроса сложилась не в пользу кабардино-русского союза. Белградский мир объявил Кабарду барьерной страной между Портой и Россией, которым, однако, предоставил право устроить над ней экзекуцию по своему усмотрению, что было равнозначно превращению страны в открытый военный полигон.

Таковы основные черты хозяйственной, социальной, внутриполитической и международной жизни Кабарды в первой половине XVIII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Доезды* – доезд, доездная память (грамота) – официальный документ должностного лица (чаще всего разведчика) с изложением результатов поездки (Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. IV. С. 284. – *А. М.*).

[2] По мнению А. С. Дзагалова В. Н. Кудашев являлся издателем, но не автором книги «Исторические сведения о кабардинском народе». На его средства была оплачена работа по собиранию архивных материалов (В. Р. Апухтин), написанию данной работы (Н. П. Василенко) и последующему изданию книги (см.: *Дзагалов А. С.* О Владимире Кудашеве и книге «Исторические сведения о кабардинском народе» // Архивы и общество. Нальчик, 2009. № 10. С. 181–190; *Дзагалов А. С.* Владимир Кудашев в архивных источниках Украины и воспоминаниях киевского приват-доцента Николая Василенко // Исторический вестник. Нальчик, 2007. Вып. V. С. 193, 194. – *А. М.*).

[3] Дигорских старшин, как сторонников Кабарды, не пригласили тогда.

[4] Видимо, много было сортов дыни, так как сохранилось несколько названий (фонащэ, фопIытI, фомыл, къэшхыхь, хъэуан и т. д.).

[5] Кабардинский этикет запрещал бывать женщине в кошах даже в роли повара. Думается, что применение женского труда в полеводстве у кабардинцев началось после отмены крепостного права, а сенокошение осталось сугубо мужским занятием.

[6] *Пхъэ* – дерево, деревянный, *Iэщэ* – оружие, орудие, т. е. деревянное орудие.

[7] *Къитхъ* дословно означает царапать. Кстати, так называют борону и балкарцы.

[8] *Пхъэ* – деревянный, *Iэпэ* – палец, т. е. деревянные пальцы.

[9] Деревянные вилы были снабжены наконечниками из козьих рогов.

[10] Территория исторической Черкесии, а именно ее часть, охватывающая Северо-Западный Кавказ, признана крупнейшими специалистами как один из важнейших в масштабах Евразии центров доместикации яблони, груши и других плодовых (*Вавилов Н. И.* Дикие родичи плодовых деревьев азиатской части СССР и Кавказа и проблема происхождения плодовых деревьев // Избранные произведения. В 2 т. Л., 1967. С. 229; *Жуковский П. М.* Культурные растения и их сородичи. М., 1950. С. 295.). Таким образом, традиции культурного садоводства в Кабарде, как части исторической Черкесии, имеют глубокие корни. – *А. М.*

[11] В 1753 г. князь Жанхот Татарханов в письме обращал внимание русской императрицы на то, что «У нас же черкесское все богатство только в скоте состоит, а ежели того не будет, – вовсе разоримся» (АВПР, ф. Кабардинские дела, 1754, д. 2, лл. 4–10).

[12] В 1747 г. князья Мисостовой фамилии при бегстве угнали с собой свои табуны лошадей и по разрешению России содержали в Кизлярских степях до их возвращения в Кабарду в 1750 г.

[13] См. «Генеалогию кабардинских князей как исторический источник», карта № 13.

[14] *Холопы* – крепостные крестьяне, лично несвободные, но тем не менее имеющие определенные права и обязанности, закрепленные в нормах обычного права, которое регулировало взаимоотношения господствующих и зависимых сословий. – *А. М.*

[15] *Ясыри* – военнопленные, из которых пополнялась в основном категория полностью бесправных рабов – унаутов. «Природные унауты» – потомки домашних рабов в нескольких поколениях, рожденные в рабстве. Они же фигурируют в источниках как «безобрядные холопы». – *А. М.*

[16] Этимология и социальное содержание термина «конак» Е. Дж. Налоевой исследованы в статье «К вопросу о термине «Кунак» // УЗ КБГУ. Нальчик, 1971. Вып. 43. С. 143–152. – *А. М.*

[17] Русские источники XVIII в. часто употребляют вместо фамилии отчество кабардинских князей. Так Касай Атажукин тот же Касай Месоус. На самом деле Касай Хатокшукович (Атожуко) Мисостов.

[18] *Уорктын* – награждение сеньором своего вассала ценными подарками при поступлении на службу и в последующем. Уорктын мог включать в себя несколько семей крепостных крестьян, лошадей, скот, дорогое оружие. При разрыве сеньорально-вассальных отношений уорк обязан был вернуть своему бывшему сюзерену все полученные от него подарки. – *А. М.*

[19] Отдаться в конаки значило идти временно под защиту кого-либо до разрешения конфликта. В данном случае это явление может рассматриваться как одна из форм проявления института покровительства.

[20] *Жамболат Кайтукин* – старший князь Жамболатова удела.

[21] *Девлет-Гирей* – царствующий крымский хан, отец правившего позже Арслан-Гирея.

[22] *Майор Татаров* – кабардинец, уздень генерал-майора, князя Эльмурзы Бековича Черкасского, получившего при крещении имя Петра Татарова.

[23] С этого времени начались большие разногласия между отдельными семьями Жамболатовой фамилии, окончившиеся выходом из нее потомков Бекмурзы, которые присоединились к Баксанской группировке князей в 1757 г.

[24] Данные об унаутках записаны со слов Анзоровой Жан, проживавшей в СО АССР, г. Орджоникидзе, ул. Ватутина, 27. Умерла она в 1959 г. в возрасте 127 лет.

[25] *Тума* – сословная категория в Кабарде – дети князей от неравных браков или незаконорожденные дети. Неравенство брака лишало их княжеских прав. Согласно ценностям черкесского феодального общества слава (особенно воинская) могла компенсировать неполноценность происхождения и в некоторых случаях отдельные представители этой категории могли быть приравнены по своим правам к княжескому сословию. – *А. М.*

[26] *ДыдейфIэщ-былым* дословно означает скот или имущество, называемое нашим (общим).

[27] Махуков-кабак отмечен на «Карте Большой и Малой Кабарды», 1774 г. в числе других подвластных деревень князя Арсланбека Кайтукина.

[28] Согласно генеалогической схеме, составленной автором (см. приложение к монографии «Генеалогия кабардинских князей как исторический источник», карта № 13).

[29] По данным источников и ряда исследователей, Кабарда в XVIII в. могла выставить 10–15 тысяч конницы. В последней служили только князья и уорки. Среди них князей, способных нести военную службу, было не более 50–60 человек.

[30] *ЩауэкIуэ* – обычай, согласно которому при женитьбе представители высших сословий некоторое время избегали своих родителей и проживали у других людей. Дом, где это время проживал жених, и все члены семьи становились для него родными. Таким образом, между ними устанавливалось искусственное родство, такое же, например, как между аталыком и его воспитанником. При женитьбе уорки в качестве «щауэкIуэ» могли находиться в семьях зажиточных чагаров. – *А. М.*

[31] «Тха» (тхьэ) – бог, «адэ» – отец, т. е. «отец бога». Обычно тхамадой зовут кабардинцы свекра, а также старшего за торжественным столом. Употребляется и в значении «сударь».

[32] *Уорк шао-тлухгуса* – уорк, сопровождающий храброго мужчину.

[33] Данные об уорках сообщены Жан Анзоровой.

[34] Употреблялись специальные горшки с немного зауженным горлышком, при помощи которых повивальные бабки производили аборт.

[35] В Кабарде тумы обычно по своим сословным правам приравнивались к уоркам 2-й степени (беслен-уоркам) и только в случае незаурядных личных качеств признавались остальными князьями за равных себе. Юридическим выражением такого признания являлось выделение равной доли имущества братьями при разделе фамильного имения (см.: Привилегированные сословия кабардинского округа // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 3. Отд. 1. С. 5. – *А. М.*). О том, что тума по своим сословным правам приравнивались к беслан-уоркам (кроме указанных

выше исключений) свидетельствуют и архивные источники. Так, например, у основателя фамилии Жамболатовых и соответствующего удела князя Жамболата Казиевича было 4 сына: 1-й Бекмурза (от него пошли впоследствии Бекмурзины), 2-й Кайтуко (от него пошла княжеская фамилия Кайтукиных), 3-й Султан-Али (от него пошла княжеская фамилия Сосналиевых) и 4-й сын Дугужуко (Хаил-Бара) – тума. Последний, несмотря на то что его отец был князем, находился на службе в качестве беслан-уорка у своего племянника Джембулата (сына Кайтуко). – КРО. Т. II. С. 144. – *А. М.*

[36] Данные о тумах сообщены Жан Анзоровой.

[37] В черновом варианте монографии Е. Д. Налоевой, единственный экземпляр которого имелся в нашем распоряжении, не указан источник. Нами же использован сборник документов: Правовые нормы адыгов и балкаро-карачаевцев в XV–XIX вв. Майкоп, 1997, в котором содержится приведенный текст прокламации А. П. Ермолова к кабардинскому народу, цитируемый Е. Дж. Налоевой. – *А. М.*

[38] См. приложение I.

[39] Нормы обычая коначества не распространялись на унаутов и ясырей.

[40] Цитируется по указанной работе Н. Х. Тхамокова.

[41] В 1753 г. правительство императрицы Елизаветы Петровны принудительно переселило Жамбулатов удел из Баксана в Кашкатау. Для наблюдения за исполнением этого указа в Кабарду были уполномочены майоры Барковский и Татаров, которые вели дневник всех происходящих событий.

[42] В 1762 г. потомки князя Бекмурзы вышли из Жамболатова удела и переселились в Атажукин удел.

[43] В сборнике «Кабардино-русские отношения» допущена ошибка относительно даты увода абазин Крым-Гиреем: вместо 1745 г. написан 1754 г. (КРО. Т. II. С. 156). Эта описка нашла отражение в работе Н. Г. Волковой «Этнический состав населения Северного Кавказа» (С. 67).

[44] Батоко в то время был старшим князем Кабарды, а Бамат (Магомет) Кургокович Атажукин – удельным князем.

[45] Мнение Е. Дж. Налоевой по данному вопросу приближается к позиции ряда историков, с 90-х гг. XX в. начавших разработку и обоснование концепции, согласно которой суть и характер взаимоотношений Российского государства и Кабарды можно квалифицировать как военно-политический союз. Такой характер эти отношения носили со второй половины XVI по вторую половину XVIII в., когда в царствование императрицы Екатерины II, российское правительство в одностороннем порядке идет на нарушение русско-кабардинского военно-политического союза. Говоря о взаимовыгодном характере этого союза, все исследователи отмечают особенности межгосударственных отношений Кабарды и России, как неравноправные, вытекающие из различного статуса договаривающихся сторон. Последнее обстоятельство обуславливало форму такого союза, которую разные исследователи в силу отсутствия единой, общепринятой терминологии, а также многообразия и неоднозначного характера этого явления в истории разных народов и государств, определяют различными дефинициями (протекторат, покровительство, симмахия и др.). См.: *Бгажноков Б. Х.* О специфике и динамике военно-политического союза России и Кабарды (симмахия и ее асиметризм) // Исторический вестник. Нальчик, 2005. Вып. II. С. 44, 45, 56, 57, 63; История многовекового содружества. Нальчик, 2007. С. 7–9, 57, 73, 135; *Дзамихов К. Ф.* Адыги и Россия. М., 2000. С. 67, 112, 114–119; *он же* К проблеме взаимоотношений адыгских народов с российским государством в XVI–первой половине XVIII века: историографический и политико-правовой анализ // Народы Северного Кавказа и Россия. Нальчик, 2007. С. 15–19. – *А. М.*

[46] Пребывание князя Эльмурзы Бековича в крепости Святого Креста с момента основания до ее ликвидации подтверждается многими источниками.

[47] Магомед Атажукин умер в 1747 г., оставив сына 20 лет.

[48] Шалука или Шавлох Бекович действительно находился в Терки заложником, как и Девлет-Гирей (см.: КРО, т. II, с. 30).

[49] Думается, что Кайсын путает имя крымского хана.

[50] По всем данным показания названных лиц легли в основу представленной Порте ноты, хотя датировка на них показывает обратное.

[51] *Нурадин* – высшая должность в Крыму после хана и калги.

[52] Султан-Али Абашев, как уздень князей Жамболатовых, был отдан аманатом в Терки вместе с Девлет-Гиреем Бекмурзовичем (в крещении Александр Бекович Черкасский). Абашев владел русским языком и для того времени был грамотным (см.: КРО. Т. II. С. 17).

[53] Это второе посольство С. Абашева в Петербург

[54] Имеется в виду Каплан-Гирей хан, потерпевший поражение в Кабарде в 1707–1708 гг.

[55] В книге «Исторические сведения о кабардинском народе», изданной В. Н. Кудашевым, дата раскола Большой Кабарды ошибочно отнесена к 1725 г. (С. 48).

[56] *Премория* – от лат. слова «меморандум» (буквально: «что должно помнить») – памятная записка, в частности дипломатическая нота, в которой излагается историческое положение какого-либо вопроса и образ действий данного правительства по этому вопросу. (Энциклопедический словарь. Издание Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрон. СПб., 1896. Т. XIX. С. 70. – *А. М.*)

[57] *Протекторат* (лат. *protector* – покровитель) – форма межгосударственных отношений, при которой одна сторона признает над собой верховный суверенитет другой, прежде всего в международных отношениях, сохраняя автономию во внутренних делах и собственную династию правителей. Именно так понимали или хотели видеть свои отношения с Россией кабардинские князья. Как пишет П. Г. Бутков, таким образом, трактовали они условия русско-кабардинского союза, после обострения отношений между двумя государствами. При этом, несмотря на противоречия между различными княжескими группировками, это была их консолидированная позиция: «Замечателен тогдашний их отзыв, что они подданными российскими никогда не бывали, а со времени царя Ивана Васильевича находились в конаках российских (под покровительством. – *А. М.*), т. е. в таком по значению сего слова положении, чтоб их российская держава всегда предохраняла и защищала от неприятелей, не требуя от них за то никаких жертв» (*Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 г. Изд. 2-е перераб. Нальчик, 2001. С. 173).

[58] Это третье и последнее правление Давлет-Гирея II.

[59] В 1721 г. Дондук-Омбо женился на сестре кабардинского князя Магомеда Кургокина Жане.

[60] Здесь речь идет об отце знаменитого русского полководца.

[61] *Ребилизант* – бунтовщик (от лат. *rebellem*). – *А. М.*

[62] Согласно Рештскому договору от 23 января 1730 г. Россия освободила все персидские провинции, занятые Петром I, включая крепость Св. Креста на р. Сулак. Эти войска были размещены в наскоро отстроенной крепости Кизляр.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архивные источники

1. АВПР
2. Архив КБНИИ
3. ЦГА СО АССР
4. ЦГВИА
5. ЦГА СССР

Литература

6. *Азаматов К. Г.* Социально-экономическое положение и обычное право балкарцев в первой половине XIX в. Нальчик, 1967.

7. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Тифлис, 1866–1904. Т. I–XII.
8. Барамта // Терские ведомости. Владикавказ, 1868. № 2.
9. *Байов А. К.* Русская армия в царствование императрицы Анны Иоановны. Война России с Турцией в 1736–1739 гг. Первые три года войны. Спб., 1906. Т. 1–2.
10. *Блиев М. М.* Осетинское посольство в Петербурге 1749–1752 гг. Орджоникидзе, 1961.
11. *Боцвадзе Т. Д.* Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России с Грузией. Тбилиси, 1974.
12. *Боцвадзе Т. Д.* Социально-экономические отношения в Кабарде в первой половине XIX века. Тбилиси, 1965.
13. *Броневский С. М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. I–II.
14. *Брюс Петр Генри.* Воспоминания Петра Генри Бруса, эсквейра офицера на службе Пруссии, России и Великобритании, с рассказом о путешествии по Германии, России, Татарии, Западной Индии и т. д. Дублин, 1779. (Библиотека КБНИИ / Пер. Е. С. Зевакина).
15. *Букалова В. М.* Антифеодальная борьба кабардинских крестьян во второй половине XVIII в. // Вопросы истории. 1961. № 6. С. 75–84.
16. *Букалова В. М.* Комментарии ко II тому: Кабардино-русские отношения. М., 1957. С. 382–390.
17. *Бурнашов С. Д.* Описание горских народов. Курск, 1794.
18. *Бутков П. Г.* Материалы по новой истории Кавказа, с 1722-го по 1803 г. М., 1869.
19. *Бушуев С. К.* Из истории русско-кабардинских отношений. Нальчик, 1956.
20. *Виноградов В., Магомадова Г.* О чем рассказала древняя карта // Кабардино-Балкарская правда. 1971. 9 октября. С. 3.
21. *Витсен Н.* Северная и Восточная Татария или сжатый очерк нескольких стран и народов. Амстердам, 1692. (Библиотека КБНИИ / Пер. Е. С. Зевакина).
22. *Волкова Н. Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М.,1974.
23. *Гарданов В. К.* К вопросу об экономическом развитии Кабарды в XVIII в. // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1956. Т. XXIII. С. 78–111.
24. *Гарданов В. К.* Классовая борьба в Кабарде и Балкарии в XVIII веке // История КБАССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. I. С. 148–159.
25. *Гарданов В. К.* Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII – начале XIX вв. // Советская этнография, 1960. № 5.
26. *Гарданов В. К.* Общественный строй адыгских народов. М., 1967.
27. *Гербер Иоганн Густав.* Записки о находящихся на Западном берегу Каспийского моря народах, об их состоянии в 1728 году // Сборник по русской истории. Спб., 1760. Ч. IV. Вып. I–II. (Библиотека КБНИИ / Пер. Е. С. Зевакина).
28. *Главани Ксаверио.* Описание Черкесии 1724 г. // СМОМПК. Тифлис, 1893. Вып. 17. Отд. 1. С. 149–190.
29. *Грабовский Н. Ф.* Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость // ССКГ. Тифлис, 1876. Вып. 9. Отд. 1. С. 112–212.
30. *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1953.
31. Группа историков Кабарды: Научная сессия по вопросам истории кабардинского народа // Вопросы истории. 1953. № 10. С. 150–153.
32. *Гюльденштедт И. А.* Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. Спб., 1809.
33. Дневник майора Татарова, веденный в Кабарде в 1761 г. // *Кибяков Д. А.* Указатель географического, статистического, исторического и этнографического материала в «Ставропольских губернских ведомостях». Тифлис, 1872.

34. Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. / Под ред. В. Н. Гамрекели. Тбилиси, 1868.
32. *Дружинина Е. И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1965.
36. *Дружинина Е. И.* Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М., 1959.
37. *Дружинин М. М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.; Л., 1946. Т. I; М., 1958. Т. II.
38. *Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1870–1889. Т. I–VI.
39. *Дубровин Н.* Очерк Кавказа и народов, его населяющих. СПб., 1870 (Предисловие к разделу «Черкесы (адыги)»).
40. *Дубровин Н.* Черкесы (адыги) // Общество изучения Адыгейской автономной области. Краснодар, 1927.
41. История Кабарды с древнейших времен до наших дней. М., 1957.
42. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. I.
43. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М., 1957. Т. II.
44. *Ковалевский М. М.* Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа // Русская мысль. 1883. № 12. С. 137–154.
45. *Кокиев Г. А.* Борьба кабардинских феодалов за власть // Революция и горец. 1929. № 9. С. 41–47; № 10. С. 29–31.
46. *Кокиев Г. А.* Кабардино-осетинские отношения в XVIII веке // Исторические записки Института истории АН СССР. М., 1938. Т. 2. С. 152–208.
47. *Кокиев Г. А.* К истории междоусобной борьбы кабардинских феодалов в XVIII веке // Ученые записки Института этнических и национальных культур народов Востока (РАНИОН). М., 1930. С. 72–86.
48. *Кокиев Г. А.* Комментарии к «Истории адыгейского народа» Ш. Ногмова. Нальчик, 1947. С. 129–147.
49. *Кокиев Г. А.* Краткий исторический очерк Кабарды // Кабардинская АССР. Нальчик, 1946. С. 18–89.
50. *Кокиев Г. А.* Русско-кабардинские отношения в XVI–XVIII вв. // Вопросы истории. 1946. № 10. С. 44–60.
51. *Комиссаров С. А.* Из истории освобождения зависимых сословий в Кабарде // УЗ КНИИ. Нальчик, 1947. Т. II. С. 67–88.
52. *Косвен М. О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. КЭС. М.; Л., 1955. Ч. I; Ч. II. 1958; Ч. III. 1962.
53. *Косвен М. О.* Этнография и история Кавказа. М., 1961.
54. Крестьянская реформа в Кабарде. Документы по истории освобождения зависимых сословий в Кабарде в 1867 году (Собрал и подготовил к печати Г. А. Кокиев). Нальчик, 1947.
55. *Кудашев В. Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913.
56. *Кук Джон.* Путешествия и странствования по Российскому государству, Татарии и по части Персидского королевства. Эдинбург, 1778. 2-е изд. (Библиотека КБНИИ / Пер. Е. С. Зевакина).
57. *Кумыков Т. Х.* Земельные отношения в Кабарде в первой половине XIX века и земельная реформа 1863–1869. Дисс. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1953.
58. *Кумыков Т. Х.* Краткий исторический очерк Кабарды (с древнейших времен до 1917 г.). КБАССР. Нальчик, 1957. С. 7–28.
59. *Кумыков Т. Х.* К вопросу об общественном строе Кабарды накануне реформы 1861 г. // УЗ КНИИ. Нальчик, 1954. Т. IX. С. 44–97.
60. *Кумыков Т. Х.* Присоединение Кабарды к России и его прогрессивные последствия. Нальчик, 1957.
61. *Кумыков Т. Х.* Социально-экономические отношения и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1965.

62. *Кумыков Т. Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик, 1965.
63. *Кушева Е. Н., Дружинина Е. И.* Народы Северного Кавказа во второй половине XVIII века. М., 1956.
64. *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа в первой половине XVIII в. // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII века. М., 1957. С. 739–757.
65. *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. М., 1963.
66. *Кушева Е. Н.* Общественный строй Кабарды и Балкарии в XVI–XVIII вв. // История КБАССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. I. С. 100–108.
67. *Кушева Е. Н.* Социально-экономические и политические отношения в Кабарде в XVI–XVIII вв. // Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик, 1956. Вып. V. С. 97–121.
68. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Изд. 5-е.
69. *Леонтович Ф. И.* Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1883.
70. *Лерх Иоанн.* Путешествие Иоана Лерха, продолжавшегося от 1733-го по 1735 год из Москвы до Астрахани, а оттуда по странам, лежащим на Западном берегу Каспийского моря // Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1790.
71. *Липкин С.* Кабардинская эпическая поэзия. Нальчик, 1956. С. 135–137.
72. *Лысцов В. П.* Персидский поход Петра I в 1722–1723 гг. М., 1960.
73. *Лященко П. И.* Крепостное сельское хозяйство России в XVIII в. // Исторические записки АН СССР. 1945. Вып. 15. С. 97–127.
74. *Мамбетов Г. Х.* Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1971.
75. *Мамбетов Г. Х.* Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии // История КБАССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. I. С. 277–300.
76. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд.
77. Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в. Нальчик, 1956 (Собрал и подготовил Б. А. Гарданов).
78. *Месяц С. И.* Население и землепользование Кабарды // Труды по естественно-историческому обследованию Кабарды. Воронеж, 1928. Т. II.
79. *Мотрэ Абри де ла.* Путешествие господина А. де ла Мотрэ в Европу, Азию и Африку… Гаага, 1727 (Библиотека КБНИИ / Пер. Е. С. Зевакина).
80. *Мышлаевский А. З.* Война с Турцией 1711 года (Прутская операция) // Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1898. Вып. XII.
81. *Мужев И. Ф.* Социально-экономическое развитие Кабарды в 50–60-х гг. XIX в. // Ученые записки Кабардинского государственного педагогического института. Нальчик, 1955. Вып. VII. С. 77–113.
82. *Мужев И. Ф.* К вопросу об экономическом развитии Кабарды во второй половине XIX в. (1868–1900) // УЗ КНИИ. Нальчик, 1952. Т. VII. С. 77–112.
83. *Ногмов Ш. Б.* История адыгейского народа. Нальчик, 1947.
84. *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма. М., 1972.
85. *Орешкова С. Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1973.
86. Осетинское дело № 2 // Известия Северо-Осетинского НИИ. Орджоникидзе, 1934. Т. VI. С. 41–43.
87. *Остряков П.* Заметки о кустарной промышленности Кабарды Терской области // Труды комиссии по исследованию кустарных промыслов России (ТКИКПР). СПб., 1880. Вып. V.
88. *Паллас П. С.* Заметки о путешествиях в южные наместничества российского государства в 1793–1794 гг. Лейпциг, 1803. Т. I (Библиотека КБНИИ / Пер. Е. С. Зевакина).

89. *Пейсонель М.* Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750–1762 гг. Краснодар, 1927.
90. *Петров В. П.* Сущность, содержание и форма государства. М., 1971.
91. *Пожидаев В. П.* Хозяйственный быт Кабарды. – Труды по естественно-историческому и экономическому обследованию Кабарды. Воронеж, 1929. Т. III.
92. *Потто В.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Тифлис, 1887. Ч. I. Вып. I.
93. Правовые нормы адыгов и балкаро-карачаевцев в XV–XIX вв. Майкоп, 1997.
94. *Радожицкий И. Т.* Законы и обычаи кавказских горцев // Литературная газета. СПб., 1846. № 1, 2.
95. *Скитский Б. В.* Холопский вопрос и антирусское движение кабардинских князей в пору «независимости» Кабарды 1739–1779 гг. Владикавказ, 1930.
96. *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII вв. Одесса, 1889.
97. *Смирнов Н. А.* Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях в XVI–XVIII вв. Нальчик, 1948.
98. *Смирнов Н. А.* Мюридизм на Кавказе. М., 1963.
99. *Смирнов Н. А.* Политика России на Кавказе. М., 1958.
100. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1963. Т. IX.
101. *Тхамоков Н. Х.* Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII веке. Нальчик, 1961.
102. *Фадеев А. В.* Кабарда и Балкария в системе международных отношений XVIII в. – История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. I. С. 160–175.
103. *Фадеев А. В.* Кавказ в системе международных отношений 20–50-х гг. XIX века. М., 1956.
104. *Фадеев А. В.* Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореволюционный период. М., 1957.
105. *Хан-Гирей Султан.* Записки о Черкесии. Ч. I–II (Хранится в ЦГВИА, ф. 38, оп. 7, ед. хр. 5–6).
106. *Черепнин Л. В.* Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960.
107. *Шульман Е. Б.* Русско-турецкая война 1735–1739 гг. и политические связи Молдавии и Валахии. Дисс. ... канд. ист. наук. 1963. Государственная научная библиотека им. В. И. Ленина.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

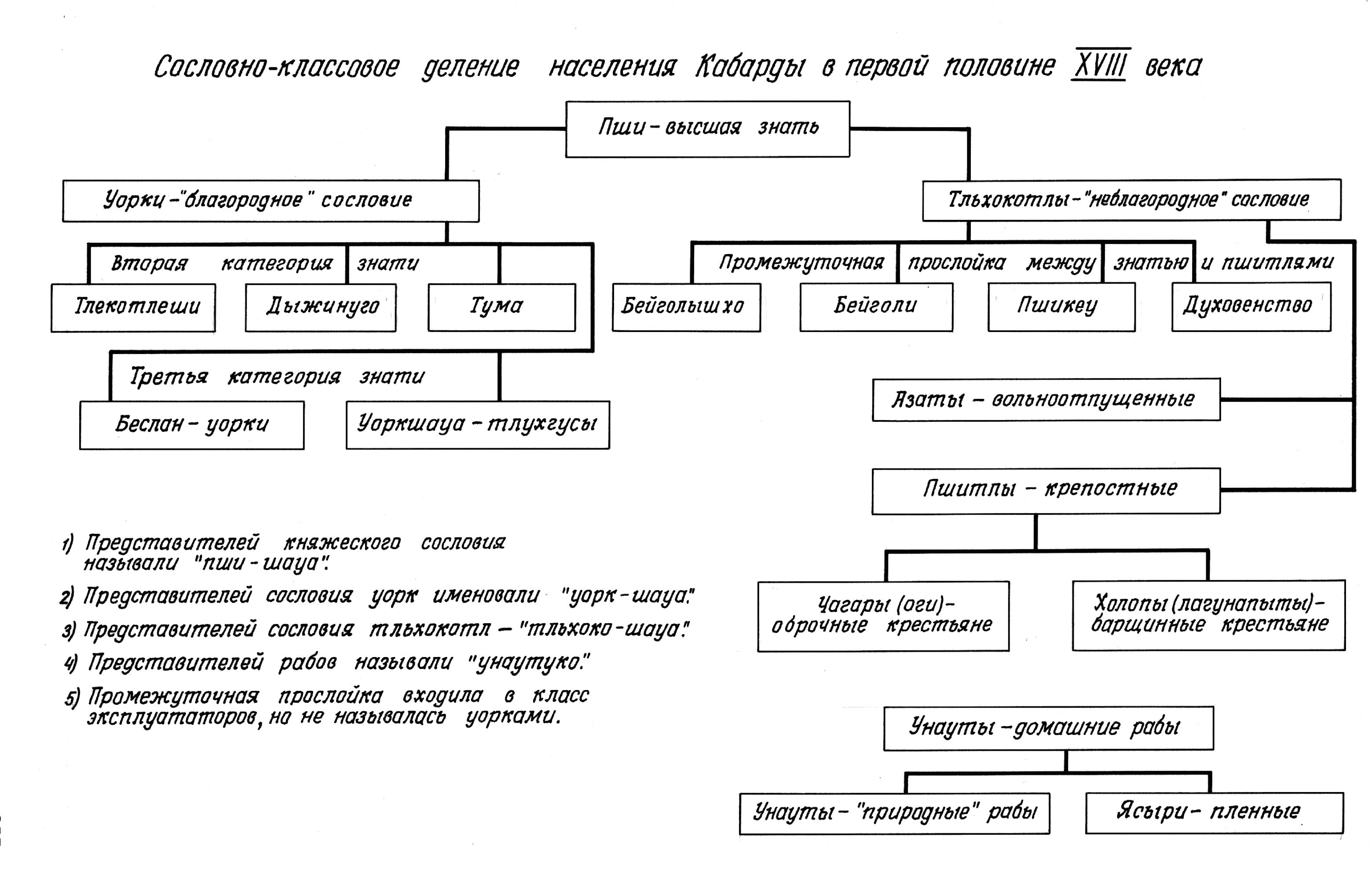
АБКИЕА –	Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов
АВПР –	Архив внешней политики России
АКАК –	Акты, собранные Кавказской археографической комиссией.
БСЭ –	Большая советская энциклопедия
ВУА –	Военно-учетный архив
ИЗ АНСССР –	Исторические записки Академии наук СССР
ИКОРГО –	Известия Кавказского отдела Русского географического общества
ИСОНИИ –	Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института
КАССР –	Кабардинская Автономная Советская Социалистическая Республика
КБАССР –	Кабардино-Балкарская Автономная Советская Социалистическая Республика
КБНИИ –	Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт
КГПИ –	Кабардинский государственный педагогический институт
КРО –	Кабардино-русские отношения

КЭС – Кавказский этнографический сборник
ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи
СМОПК – Сборник материалов для описания племен и местностей Кавказа
ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах
ТКИКПР – Труды комиссии по исследованию кустарных промыслов России
УЗ КБГУ – Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного университета
УЗ КБНИИ – Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института
УЗ КНИИ – Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института
ЦГАД – Центральный государственный архив древних актов
ЦГА СОАССР – Центральный государственный архив Северо-Осетинской Автономной Советской Социалистической Республики
ЦГА СССР – Центральный государственный архив Союза Советских Социалистических Республик
ЦГА ГССР – Центральный государственный архив Грузинской Советской Социалистической Республики
ЦГВИА – Центральный государственный военно-исторический архив
ЧИОИДР – Чтение императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете

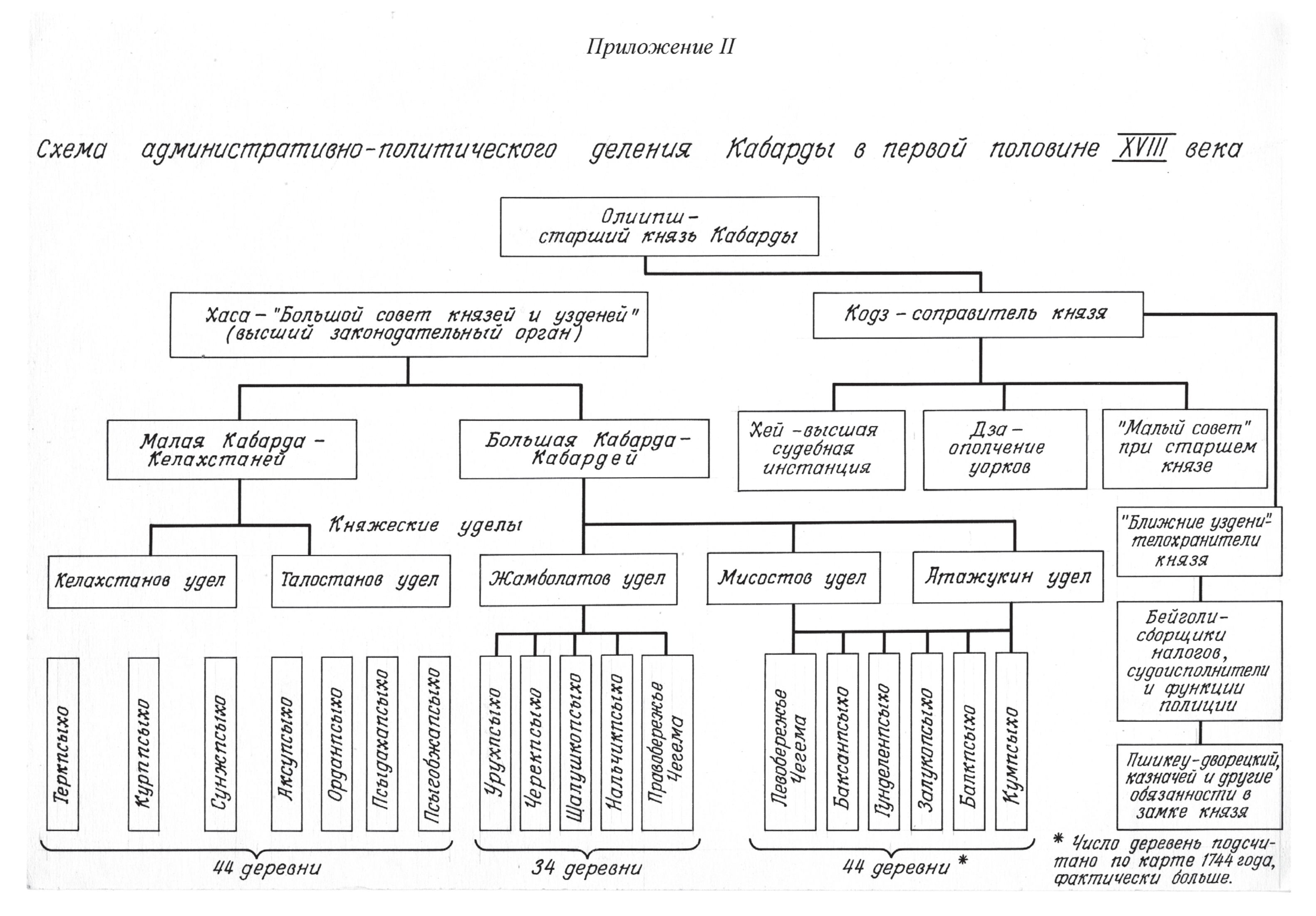
Нальчик: Эльбрус, 1974

23 Заказ № 815

ПРИЛОЖЕНИЯ

Сословно-классовое деление населения Кабарды в первой половине XVIII века
Пши - высшая знать
Уорки - "благородное" сословие
Вторая категория знати
Тлекотлеши
Дыжинуго
Тума
Третья категория знати
Беслан - уорки
Уоркшауа - тлухгусы
Тльхокотлы - "неблагородное" сословие
Промежуточная прослойка между знатью и пшитлями
Бейгольшхо
Бейголи
Пшикеу
Духовенство
Азаты - вольноотпущенные
Пшитлы - крепостные
Чагары (оги) - оброчные крестьяне
Холопы (лагунапыты) - барщинные крестьяне
Унауты - домашние рабы
Унауты - "природные" рабы
Ясыри - пленные
1) Представителей княжеского сословия называли "пши - шауа".
2) Представителей сословия уорк именовали "уорк - шауа."
3) Представителей сословия тльхокотл - "тльхоко - шауа."
4) Представителей рабов называли "унаутуко."
5) Промежуточная прослойка входила в класс эксплуататоров, но не называлась уорками.

Приложение II

Приложение III

Сословно-классовая структура черкесских народов, в том числе и кабардинского, по данным Султана Хан-Гирея

Пщь-князья (высшая знать)

Оркк – дворяне
- Первостепенные дворяне (знать типа русских бояр)
- Второстепенные дворяне-пшикеу
- Третьестепенные дворяне-дворяне дворян
- Биеколь (промежуточные)

Едяхго – духовенство
- Муллы
- Эфенди
- Кадий

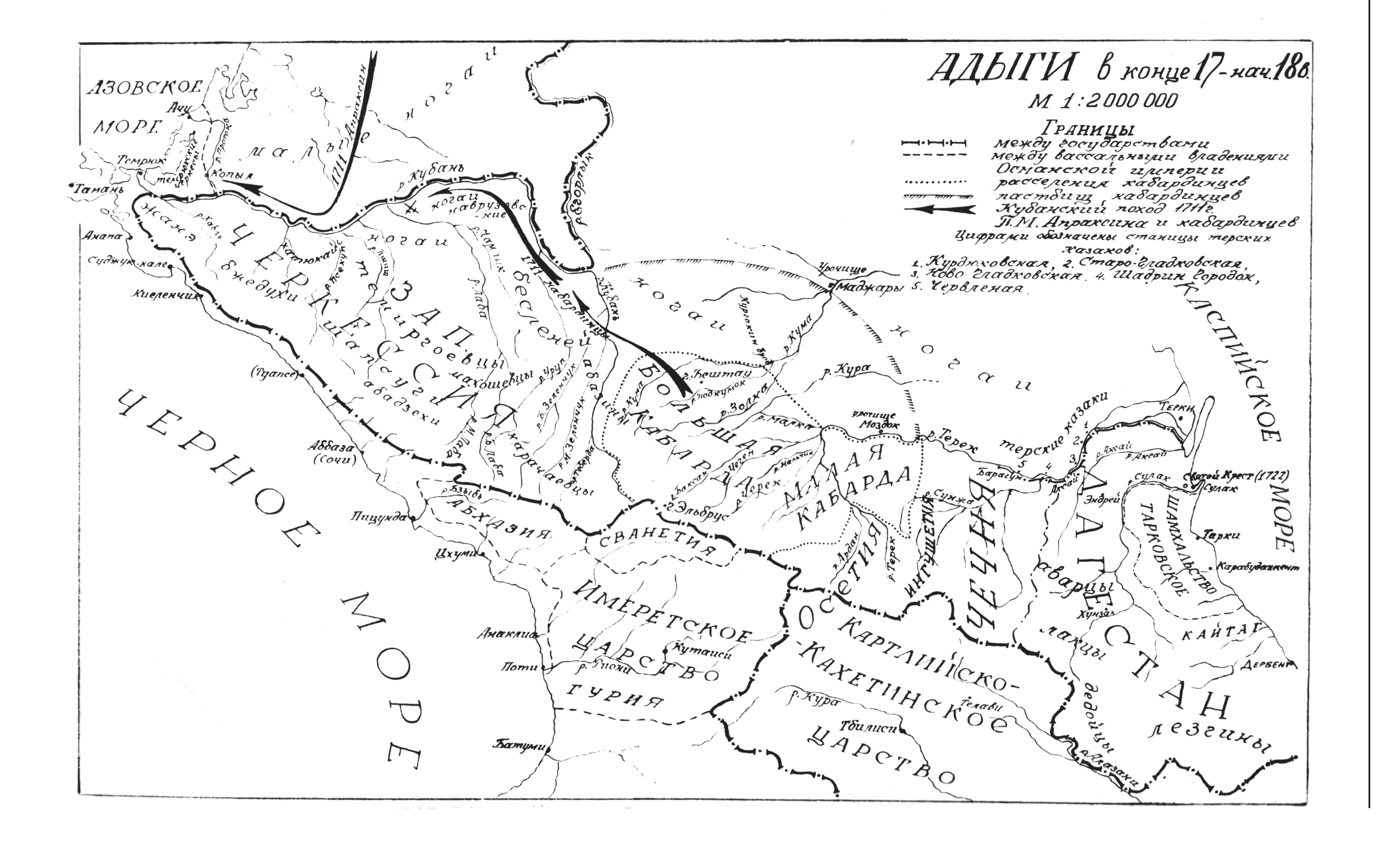
Льфекотль-свободные земледельцы
- Вольные земледельцы в племенах народного правления
- Вольные земледельцы в княжеских владениях
  - Вольные земледельцы, подчиненные князьям
  - Вольные земледельцы, подчиненные дворянам

Пшитль – крестьяне
- Пшитль-азат (уволенные)
- Дворовые внешние-окъ-у
- Дворовые внутренние – дехафатет
- Бездомные крестьяне – унахерис

1) См. "Записки о Черкессии", в 2х частях ЦГВИА, ф.38, ед. хр. 6-7.

2) "Важнейшая часть льфекотлев состоит из крепостных людей, освободившихся ... от власти и охраняемая уставом братства." (см. "Записки о Черкесии", ч. I, стр. 104).

3) "... вольные земледельцы в племенах, подчиненных власти князя, хотя и именуются льфекотлями, но не имеют значительных родовых прав, каковые присвоены этому классу в племенах, имеющих народное правление." (см. также, стр. 113)

АДЫГИ в конце 17 - нач. 18 в.
М 1:2 000 000
Границы
между государствами
между вассальными владениями
Османской империи
расселения кабардинцев
пастбищ кабардинцев
Кубанский поход 1711 г.
П. М. Апраксина и кабардинцев
Цифрами обозначены станицы терских казаков:
1. Курдюковская, 2. Старо-Гладковская,
3. Ново-Гладковская. 4. Шадрин Городок,
5. Червленая.
АЗОВСКОЕ МОРЕ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
ЗАП. ЧЕРКЕССИЯ
БОЛЬШАЯ КАБАРДА
МАЛАЯ КАБАРДА
ОСЕТИЯ
ИНГУШЕТИЯ
ЧЕЧНЯ
ДАГЕСТАН
ШАМХАЛЬСТВО ТАРКОВСКОЕ
КАЙТАГ
АБХАЗИЯ
СВАНЕТИЯ
ИМЕРЕТСКОЕ ЦАРСТВО
ГУРИЯ
КАРТЛИЙСКО-КАХЕТИНСКОЕ ЦАРСТВО
ногаи
терские казаки
бесленей
кабардинцы
темиргоевцы
шапсуги
абадзехи
махошевцы
карачаевцы
жанэ
бжедухи
хатюкай
аварцы
лакцы
дедойцы
лезгины
р. Кубань
р. Терек
р. Кума
р. Кура
р. Лаба
р. Сунжа
р. Сулак
Тамань
Темрюк
Копыл
Анапа
Суджук-кале
Кизленчик
(Туапсе)
Аббаза (Сочи)
Пицунда
Цхуми
Анаклиа
Поти
Кутаиси
Батуми
Телави
Тбилиси
Терки
Святой Крест (1722)
Тарки
Карабудахкент
Дербент
урочище Моздок
Маджары
Эльбрус
Бештау

Приложение V

Описание герба: «В лазуревом щите, на двух серебряных, крестообразно остриями вверх, положенных стрелах, малый золотой щит с червленным обращенным вправо полумесяцем, в трех первых четвертях серебряные шестиконечные звезды». (Свод законов Российской империи. Т. I. Ч. I. Свод основных государственных законов. Изд. 196. Приложение. Приложение I о господственном гербе.)

СОДЕРЖАНИЕ

Основные вехи биографии 3

Мирзоев А. С. Научная, педагогическая работа и творческое наследие Е. Д. Налоевой 6

Педагогическая деятельность 6

Научная деятельность Е. Д. Налоевой и ее работы 8

Примечания 25

Р а з д е л I. Опубликованные статьи 29

К вопросу о социальных отношениях в Кабарде в первой половине XVIII века 31

Классовое деление 36

Примечания 44

К вопросу о политическом положении Кабарды в начале XVIII века 46

Примечания 59

К вопросу о термине «кунак» 61

Примечания 66

К вопросу о государственно-политическом строе Кабарды первой половины XVIII века 67

Удельное княжество 68

Общекабардинская публичная власть 73

Заключение 77

Примечания 79

Вопросы феодального землевладения в Кабарде в современной советской историографии 82

Примечание 83

Об особенностях кабардинского феодализма 84

Примечания 97

Участие кабардинцев в русско-турецких войнах первой половины XVIII века 99

Примечания 101

Документальные данные о Казаноко Жебаги 102

Примечания 111

Русско-турецкая война 1736–1739 гг. и народы Северного Кавказа 113

Примечания 121

Р а з д е л II. Неопубликованные статьи 123

Айдемиркан 125

Примечания 135

Справка об исторической территории и численности балкарцев в XVIII веке 136

Примечания 137

Загадочный обычай «барамта» 139

Примечания 149

Генеалогия кабардинских князей как исторический источник 150

Примечания 160

Гидронимика Кабарды 163

Примечания 165

Идаров род (Комментарий к генеалогии) 166
Примечания 168
Легендарная или историческая личность Инал? 169
Примечания 177
Адыгские сказания о нартах 178
Примечание 179
Размышления о проблемах нашей истории 180
Примечания 188
Ошибки, которые не прощаются 191
Примечание 193
Страницы прошлого Кабарды 194
Примечание 198
О генерале Эльмурзе Черкасском 199
Примечания 202
К вопросу об этногенезе адыгских народностей 203
Примечания 211
Раздел III. Кабарда в первой половине XVIII века (неопубликованная монография) 213
Введение 215
Глава I. Социально-экономические отношения у кабардинцев в первой половине XVIII века 225
Экономический строй 225
§ 1. Территория и население 225
§ 2. Земледелие 229
§ 3. Скотоводство 234
§ 4. Феодальная рента 238
§ 5. Домашняя промышленность, ремесло и торговля . . 241
Социальные отношения 246
§ 1. Землевладение и землепользование 246
§ 2. Сословно-классовое деление. 252
Унауты и ясыри 252
Холопы (лагунапыты) 253
Чагары-оги 255
Азаты 257
Вопрос о тльхокотлях 258
Господствующий класс. Бейголи, пшикеу и бейголышхо 260
Уорки 260
Тума 262
Пши – князь 262
§ 3. Классовая борьба 264
Глава II. Государственно-политический строй Кабарды в первой половине XVIII века 268
Удельные княжества 269
§ 1. Структура удельных княжеств 269
§ 2. Взаимоотношения кабардинских удельных княжеств с соседними народами 275
Общекабардинская публичная власть 284
§ 1. Хасэ 284

§ 2. Институт олиипш 286
§ 3. Суд и судопроизводство 288
§ 4. Вооруженная сила 291
Глава III. Кабарда в сфере международных отношений в первой половине XVIII века 295
§ 1. Внутреннее и внешнее положение Кабарды в первой первой четверти XVIII века 295
§ 2. Кабардинский вопрос и Русско-турецкая война 1735–1739 гг. 316
Заключение 341
Примечания 345
Архивные источники и литература 348
Архивные источники 348
Литература 348
Список сокращений 352
Приложения (I–V) 355

Научное издание

Налоева Евгения Джамурзовна

КАБАРДА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА:
генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории

Составитель, редактор, автор предисловия и комментариев ***А. С. Мирзоев***

Корректор *Т. М. Ачабаева*
Дизайнер *А. Х. Березгов*
Компьютерная верстка *О. Ф. Малюги*

Подписано в печать 18.06. 2015. Формат 70×100 $^{1}/_{16}$.
Печать офсетная. Гарнитура AdonisC. Бумага офсетная.
Усл. п. л. 29,9. Тираж 500 экз. Заказ № 815

ООО «Печатный двор»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Калюжного, 1
Тел./факс 8(8662) 74-11-33
e-mail: printhouse07@gmail.com

ISBN 978-5-905770-52-4

